

ИСТОРИЧЕСКАЯ КОМИССІЯ УЧЕБНАГО ОТДѢЛА
О. Р. Т. З.
Редакція А. К. ДЖИВЕЛЕГОВА, С. П. МЕЛЬГУНОВА, В. И. ПИЧЕТА.

ВЕЛИКАЯ РЕФОРМА.

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО и КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ ПРОШЛОМЪ и НАСТОЯЩЕМЪ.

ЮБИЛЕЙНОЕ ИЗДАНІЕ.

ТОМЪ VI.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

В. П. Алексѣевъ, В. И. Анисимовъ, Н. Ѳ. Анненскій, акад. К. К. Арсеньевъ, В. П. Батуринскій, П. Д. Боборыкинъ, В. А. Боголюбовъ, проф. М. М. Богословскій, В. Я. Богучарскій, В. Д. Бончъ-Бруевичъ, В. Н. Бочкаревъ, Н. Л. Бродскій, И. П. Бѣлоконскій, Н. П. Василенко, Е. И. Вишняковъ, прив.-доц. А. Э. Вормсъ, Ч. Вѣтринскій, А. М. Гнѣвушевъ, прив.-доц. Ю. В. Готье, А. К. Дживелеговъ, проф. М. В. Довнаръ-Запольскій, Е. А. Ефимова, Д. А. Жариновъ, П. А. Зеленый, И. И. Игнатовичъ, И. Н. Игнатовъ, И. М. Катаевъ, проф. А. А. Кизеветтеръ, прив.-доц. М. В. Клочковъ, С. А. Князьковъ, акад. А. Ѳ. Кони, А. А. Корниловъ, В. П. Кранихфельдъ, проф. В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, акад. А. С. Лаппо-Данилевскій, А. А. Леонтьевъ, В. Н. Линдъ, проф. А. С. Лыкошинъ, проф. М. К. Любавскій, проф. А. А. Мануиловъ, С. П. Мельгуновъ, Ѳ. Ѳ. Нелидовъ, В. П. Обнинскій, прив.-доц. В. И. Пичета, А. З. Попельницкій, И. И. Поповъ, С. Н. Прокоповичъ, прив.-доц. А. Е. Прѣсняковъ, А. В. Пѣшехоновъ, В. А. Розенбергъ, Н. С. Русановъ, прив.-доц. П. Н. Сакулинъ, проф. В. И. Семевскій, Н. П. Сидоровъ, В. Н. Сторожевъ, прив.-доц. Б. И. Сыромятниковъ, кн. О. Н. Трубецкая, проф. М. И. Туганъ-Барановскій, В. Я. Улановъ, С. В. Фарфаровскій, кн. Д. И. Шаховской, проф. Н. Н. Ѳирсовъ.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
Москва.—1911.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Шестой—и послѣдній—томъ «Великой Реформы» посвященъ пореформенному времени и доводитъ разсказъ о судьбахъ русскаго крестьянства до нашихъ дней. Это обстоятельство заставляетъ редакцію коснуться вопросовъ, которые до сихъ поръ затронуты не были. Редакція съ самаго начала не выкидывала никакого партійнаго знамени. Она преслѣдовала, главнымъ образомъ, научныя цѣли. И до VI тома ей не представлялось необходимости задумываться надъ тѣмъ, чтобы примирять въ книгѣ противоположные партійные взгляды. Матеріалъ не выдвигалъ этихъ вопросовъ. Теперь надъ этимъ пришлось подумать, потому что въ двухъ-трехъ статьяхъ остро ставились нѣкоторые вопросы. Разумѣется, редакція не имѣла намѣренія вторгаться въ сферу общественнаго міровоззрѣнія своихъ сотрудниковъ: индивидуальная идейная окраска каждой статьи остается неприкосновенной. Но для редакціи было важно сохранить единство книги, и въ интересахъ этого единства она кое-гдѣ рѣшалась сгладить то, что представлялось ей черезчуръ рѣзкимъ противорѣчіемъ.

Для читателей, которые замѣтили бы, что выполненный планъ не вполнѣ совпадаетъ съ объявленнымъ, редакція считаетъ долгомъ указать на то, что статьи В. Г. Тана и С. Н. Прокоповича не попали въ книгу по причинамъ, отъ авторовъ не зависящимъ. Вообще же, пропускъ статьи редакція восполняла тѣмъ, что соотвѣтственно расширялся планъ сосѣднихъ статей. Къ сожалѣнію, и статья Н. С. Русанова «Крестьяне въ міровоззрѣніи передовой интеллигенціи послѣ 19 февраля» не попала въ книгу. Редакція не считала себя въ правѣ противиться настоятельной просьбѣ издательства объ устраненіи ея. Рѣшиться пожертвовать такой важной и съ точки зрѣнія научнаго плана и съ точки зрѣнія идейнаго построенія книги статьей было нелегко, тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ статьей выпадали и портреты идеологовъ крестьянскаго дѣла: Бакунина, Лаврова, Михайловскаго и др. Но при современныхъ условіяхъ печати другого выхода редакція не видѣла.

Изъ лицъ, помогавшихъ редакціи довести до конца ея нелегкое дѣло, она считаетъ нужнымъ съ признательностью упомянуть о А. П. Мертваго и Ю. І. Клюковскомъ, который доставилъ ей интересные снимки польскихъ усадебъ.

Въ III т. оказался пропущеннымъ любопытный рисунокъ изъ коллекціи П. И. Щукина «Кулачный бой въ Торопцѣ». Рисунокъ прилагается къ VI т.

20 марта 1911 г.

ПЕРЕЧЕНЬ РИСУНКОВЪ НА ОТДѢЛЬНЫХЪ ЛИСТАХЪ ВЪ VI ТОМѢ

ПОПРАВКИ КЪ РИСУНКАМЪ ВЪ V Т

Въ подписяхъ къ рисункамъ въ V т. вкрались корректурныя ошибки: стр. 48—49 надо «Остатокъ Пацовскаго замка», стр. 100—101—«въ Песковой скалѣ», стр. 106—107—«Дворецъ Пусловскаго», стр. 291—«Крестьяне изъ Ютшенки», стр. 305—«Свадьба идетъ». Портретъ Елены Павловны (стр. 24—25) принадлежитъ К. П. Брюллову; портретъ К. Д. Кавелина (стр. 140—141)—П. А. Брюллову. «Молебенъ на крестьянскомъ дворѣ» (стр. 161)—картина Маковскаго.

Домъ въ Кровномъ имѣніе Баженовыхъ въ Сумскомъ у., Харьковской губ.

Положенія 19 февраля.

Прив.-доц. А. Э. Вормса.

Систематическій обзоръ нормъ, вошедшихъ въ Положенія 19 февраля, въ ихъ окончательной редакціи, помимо историческаго интереса, не утратилъ понынѣ своего догматическаго, практическаго значенія. Правда, послѣдующее законодательство внесло въ „Положенія“ крупныя измѣненія, а нѣкоторыя изъ основныхъ тенденцій ихъ были въ корнѣ извращены, напримѣръ, опредѣленно выраженное намѣреніе приравнять землевладѣніе крестьянъ, по завершеніи выкупной операціи, къ владѣнію землей на общемъ гражданскомъ правѣ; рѣшеніе не прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ, чтобы заставить общинниковъ перейти къ личной собственности; стремленіе обезпечить крестьянскому общественному управленію нѣкоторую самостоятельность, а волостному суду—независимость отъ администраціи. Тѣмъ не менѣе, Положенія до сихъ поръ сохраняютъ значеніе „органическаго“ закона для нашихъ крестьянъ, не только для потомковъ бывшихъ крѣпостныхъ людей,

для которыхъ они были изданы, но и для всѣхъ остальныхъ разрядовъ, на которые было распространено дѣйствіе, по крайней мѣрѣ, Общаго Положенія.

Уже при бѣгломъ обзорѣ „Положеній" они поражаютъ своей полнотой, цѣльностью и законченностью. Это дѣйствительно „кодексъ" въ полномъ смыслѣ термина. Послѣ перваго ознакомленія съ ними, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ аграрнаго строя Западной Европы, ученый изслѣдователь быта прусскихъ крестьянъ и вдумчивый наблюдатель русскаго сельскаго строя, съ которымъ онъ внимательно знакомился во время своего путешествія по Россіи въ 1843 и 1844 гг., баронъ Гакстгаузенъ, писалъ: „Ни одинъ народъ, ни одно государство Европы не имѣли и не дождались всеобъемлющаго законодательства о крестьянахъ такихъ величавыхъ размѣровъ, съ такимъ вниманіемъ отнесшагося ко всѣмъ политическимъ и соціальнымъ условіямъ страны". Пусть это первое впечатлѣніе оказывается слишкомъ благопріятнымъ, пусть за стройнымъ фасадомъ скрывается много крупныхъ изъяновъ, которые безпощадное время уже успѣло обнажить передъ нами. Во всякомъ случаѣ безспорно, что такого полнаго и цѣльнаго законодательнаго акта объ устройствѣ поземельныхъ отношеній бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ Западная Европа не знаетъ.

Намъ кажется вообще, что хотя бы бѣглое сопоставленіе нашей „великой реформы" съ тѣми мѣрами, которыя съ тою же цѣлью были осуществлены на Западѣ,—лучшій пріемъ, чтобы полностью, безпристрастно и справедливо оцѣнить какъ совершенно исключительныя трудности, которыя пришлось преодолѣть крестьянской реформѣ въ Россіи, такъ и ея относительные достоинства и недостатки.

Однако, чтобы не осложнять нашего очерка, мы ограничимся сопоставленіемъ съ Положеніями 19 февраля законодательства объ освобожденіи крестьянъ въ Австріи. Изъ всѣхъ государствъ Европы въ первой половинѣ XIX столѣтія Австрія была наиболѣе близка къ Россіи по хозяйственному быту и по культурному уровню, а также по этнографическому составу населенія и по государственно-правовому укладу. Къ тому же австрійское законодательство, которое, къ сожалѣнію, осталось почти совсѣмъ неизвѣстнымъ авторамъ нашей реформы, ссылавшимся преимущественно на примѣръ Пруссіи и Остзейскаго края, и которое до сихъ поръ не оцѣнено по достоинству въ русской литературѣ, — во многихъ отношеніяхъ является образцовымъ.

Какъ почти всюду въ Западной Европѣ, и въ Австріи самому освобожденію крѣпостныхъ предшествовалъ рядъ подготовительныхъ мѣръ, направленныхъ къ облегченію и улучшенію положенія зависимыхъ крестьянъ. Это такъ называемый „Bauernschutz"—законодательство о защитѣ крестьянскаго труда, которое въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ можно сопоставить съ

современнымъ законодательствомъ о защитѣ промышленнаго труда — Arbeiterschutz. Защита крестьянъ сводилась къ тремъ мѣрамъ: 1) къ облегченію барщины путемъ Rabatpatente; 2) къ точному опредѣленію, а подчасъ и пониженію денежныхъ и натуральныхъ повинностей крестьянъ въ каждомъ помѣстьѣ въ соотвѣтствіи съ доходностью предоставленной въ ихъ держаніе земли — Urbarialregulierung, — за соблюденіемъ котораго устанавливался довольно тщательный полицейскій надзоръ; 3) наконецъ, къ запрещенію уменьшать крестьянскую запашку путемъ „сбиванія“ крестьянъ съ пашни и присоединенія ихъ земли къ барской запашкѣ; за частью помѣщичьей земли признавался характеръ Bauernland—„повинностной земли“, которой помѣщикъ можетъ пользоваться только путемъ отдачи ея въ крестьянское держаніе (Leihezwang). Хотя всѣ эти мѣры, принятыя въ Австріи около половины XVIII столѣтія, не упрочивали еще положенія отдѣльныхъ крестьянъ, онѣ все же обезпечивали въ отношеніяхъ между помѣщиками и крестьянами извѣстную устойчивость, устранившую при окончательномъ освобожденіи послѣднихъ необходимость въ произвольномъ, апріорномъ расчетѣ тѣхъ нормъ, по которымъ слѣдуетъ отводить крестьянамъ надѣлъ и опредѣлять размѣры ихъ повинностей.

Сфинксъ въ „Никольскомъ“, имѣніи А. Н. Голицына.

Въ качествѣ общей мѣры въ Россіи были изданы своего рода Rabatpatent — манифестъ 5 апрѣля 1797 года „о трехдневной работѣ помѣщичьихъ крестьянъ въ пользу помѣщика и о непринужденіи къ работѣ въ дни воскресные“, а затѣмъ указъ 30 сент. 1818 г. о распространеніи этого правила на двунадесятые и нѣкоторые другіе праздники. Аналогичные австрійскимъ „урбаріямъ“ — инвентари были введены только въ западныхъ губерніяхъ. Въ бывшихъ литовскихъ провинціяхъ они составлялись уже на основаніи постановленій стараго литовско-польскаго права. По присоединеніи этихъ провинцій къ Россіи, значеніе инвентарей или „экономическихъ реестровъ“ было снова подтверждено указомъ 23 марта 1818 г. Затѣмъ, съ цѣлью сдѣлать

ихъ обязательными для всѣхъ помѣщиковъ, были установлены болѣе точныя правила о составленіи и повѣркѣ ихъ: для губерній литовскихъ — въ 1844 г., для кіевскаго генералъ-губернаторства — въ 1848 г. и для губерній бѣлорусскаго генералъ-губернаторства — въ 1852 г.

На дѣлѣ, даже въ этихъ губерніяхъ инвентари не были введены во всѣхъ имѣніяхъ, а за точнымъ соблюденіемъ ихъ тамъ, гдѣ они были составлены, не было установлено сколько-нибудь дѣйствительнаго контроля. Тѣмъ не менѣе, даже эта мѣстная, частичная подготовительная мѣра оказала громадную услугу всей Россіи. Какъ уже извѣстно читателю, именно она послужила толчкомъ къ офиціальному возбужденію общаго вопроса объ освобожденіи крестьянъ, а опасенія, что инвентари будутъ введены и въ другихъ губерніяхъ, сдѣлало дворянство много сговорчивѣе. Но громаднаго большинства губерній, — всей Великороссіи, Малороссіи и Новороссіи, — и эта подготовительная мѣра къ освобожденію крестьянъ не коснулась; здѣсь не были продѣланы тѣ предварительныя статистическія и хозяйственно-устроительныя работы, которыя могли бы затѣмъ послужить прочнымъ отправнымъ пунктомъ для проектовъ освобожденія крестьянъ. Правда, 2 апрѣля 1842 г. былъ изданъ указъ „о предоставленіи помѣщикамъ заключать съ крестьянами договоры на отдачу имъ участковъ земли въ пользованіе за условленныя повинности, съ принятіемъ крестьянами, заключившими договоръ, названія обязанныхъ крестьянъ“, который по существу является не чѣмъ инымъ, какъ признаніемъ за помѣщиками внутреннихъ губерній права вводить у себя инвентари. Въ какой мѣрѣ при этомъ „обязанные крестьяне“ получали права личной свободы, оставалось не вполнѣ выясненнымъ (см. п. 6 указа). Но даже эта мѣра не имѣла сколько-нибудь замѣтнаго примѣненія: правительство не только не поощряло ея осуществленія, но прямо затрудняло ее стѣснительными правилами о порядкѣ залога имѣній, населенныхъ обязанными крестьянами. Установленіе, наконецъ, особой категоріи „крестьянской“ или „повинностной“ земли и запретъ присоединять ее къ барской запашкѣ вообще не были извѣстны русскому дореформенному законодательству о крѣпостныхъ крестьянахъ.

Не только отправные пункты, но и ходъ самого освобожденія крестьянъ въ Австріи былъ иной, болѣе медленный, правда, чѣмъ въ Россіи, но болѣе органическій и успѣшный. Процессъ освобожденія прошелъ въ Австріи три ступени. Уже задолго до французской революціи крѣпостнымъ крестьянамъ, или, точнѣе, „наслѣдственнымъ вотчиннымъ подданнымъ“ была предоставлена личная свобода: государственнымъ крестьянамъ (Domänialbauern) — императрицей Маріей Терезіей въ 1776 и 1778 гг., а помѣщичьимъ (gutsherrliche Bauern) — императоромъ Іосифомъ, патентомъ отъ 1 ноября 1781 г., при чемъ за ними была признана и свобода передвиженія. Затѣмъ почти немедленно выяснилось, что личная свобода не совмѣщается съ тѣмъ пре-

карнымъ, ненаслѣдственнымъ держаніемъ земли, которое преобладало въ Австріи. Въ 1785 г. Іосифъ II и въ этомъ отношеніи предпринялъ было коренную реформу. Многія изъ его постановленій, однако, главнымъ образомъ, о пониженіи крестьянскихъ повинностей, вскорѣ были отмѣнены его преемникомъ, императоромъ Леопольдомъ. Но одна изъ главныхъ мѣръ осталась въ силѣ: крестьянское держаніе было упрочено, превращено въ наслѣдственное, и право „сбиванія" (Bauernlegen) крестьянъ было ограничено опредѣленными случаями. Это та мѣра, которую австрійскіе юристы называютъ „Verbesserung der Besitzrechte".

Послѣ героическихъ усилій Іосифа II для Австріи наступилъ долгій періодъ застоя, изъ котораго ее пробудило лишь революціонное движеніе 1848 года. Тогда, какъ бы спохватившись, что за первую половину XIX столѣтія Пруссія далеко обогнала ее въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса и, главнымъ образомъ, вслѣдствіе этого вообще опередила ее въ стремленіи занять преобладающее положеніе въ средней Европѣ, Австрія рѣшительно взялась за завершеніе дѣла, начатаго Іосифомъ II. Большую роль сыграло при этомъ намѣреніе правительства и двора, путемъ серьезныхъ уступокъ, отдѣлить крестьянъ отъ революціонной буржуазіи городовъ и перетянуть ихъ на свою сторону, какъ это въ значительной мѣрѣ и удалось сдѣлать.

Вспоминая, отмѣненныя отчасти, реформы Іосифа II, законъ 7 сентября 1848 года и послѣдующіе „патенты" нынѣ царствующаго императора Франца-Іосифа установили слѣдующій порядокъ для осуществленія третьей, послѣдней мѣры къ окончательной ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній—къ отмѣнѣ и выкупу повинностей, еще обременявшихъ крестьянскіе участки (Grundentlastung): 1) Повинности, вытекавшія изъ патримоніальныхъ, чисто публичныхъ правъ помѣщика, какъ, напримѣръ, тѣ, которыя были основаны на личномъ подданствѣ и патронатѣ или вытекали изъ владѣльческой юрисдикціи,—отмѣнялись безъ вознагражденія. 2) Другія повинности подлежали выкупу путемъ уплаты соотвѣтствующаго имъ капитала. Но и между этими повинностями дѣлалось существенное различіе: однѣ, какъ, напр., „неурочная барщина", подлежали только „умѣренному вознагражденію". Одновременно оцѣнивались соотвѣтствующія этимъ повинностямъ обязанности помѣщиковъ, напр., обязанность доставлять продовольствіе людямъ и кормъ скоту во время отбыванія неурочной барщины, для зачета этихъ встрѣчныхъ требованій. Остальныя повинности полностью оцѣнивались на деньги, по среднимъ рыночнымъ цѣнамъ послѣднихъ лѣтъ, но также съ зачетомъ соотвѣтствующихъ имъ обязанностей помѣщика.

Выкупъ всей, установленной такимъ путемъ, ренты посредствомъ уплаты капитала былъ исчисленъ такъ, что въ среднемъ $1/3$ суммы отпадала совсѣмъ (въ зачетъ обязанностей помѣщика), а помѣщикъ получалъ $2/3$ ея. Изъ нихъ, въ свою очередь, одна треть, соотвѣтствовавшая стоимости личныхъ по-

винностей („выкупъ личности"), уплачивалась *провинціей* (краемъ, Kronland), и только третья часть, соотвѣтствовавшая повинностямъ изъ чисто гражданскихъ основаній (за владѣніе землей), вносилась самими крестьянами.

Эта справедливая съ юридической точки зрѣнія и разумная въ фискальномъ отношеніи постановка вопроса о выкупѣ повинностей увѣнчалась блестящимъ успѣхомъ, несмотря на очень трудное финансовое положеніе Австріи въ ту эпоху, когда ей пришлось осуществлять реформу, едва ли не болѣе трудное даже, чѣмъ положеніе Россіи. Вся операція была закончена, въ главныхъ чертахъ, въ первыя же 10 лѣтъ, безъ накопленія недоимокъ и т. п. Въ настоящее время Австрія, которой многіе предсказывали близкое распаденіе, обнаруживаетъ полную жизненность, несмотря на острые національные конфликты, тормозящіе ея развитіе. Этимъ она обязана прежде всего тому, что въ ней, благодаря удачной постановкѣ реформы, сохранилось крѣпкое, жизнеспособное крестьянство.

Тотъ же длинный и трудный путь необходимо было пройти, тѣ же сложныя реформы, неизбѣжныя по самому существу крѣпостныхъ отношеній, пришлось провести и русскому законодательству. Но, въ отличіе отъ Австріи, оно для большей части имперіи не могло опереться ни на какія подготовительныя мѣры, которыя могли бы служить отправной базой. Сверхъ того, вмѣсто полнаго столѣтія, на которое растянулась реформа въ Австріи, она сконцентрировалась въ Россіи на протяженіи немногихъ лѣтъ. Вмѣсто нѣсколькихъ пріемовъ, перерывы между которыми давали населенію возможность осваиваться съ новыми отношеніями, а правительству—взвѣшивать дальнѣйшія мѣры, у насъ авторамъ реформы, по ихъ же словамъ, пришлось обнять сразу весь предстоящій путь, *отъ перваго приступа къ дѣлу* до полнаго прекращенія обязательныхъ отношеній посредствомъ выкупа. Если западно-европейскія правительства проводили реформу либо съ энтузіазмомъ послѣдователей естественнаго права, какъ Іосифъ II или французское Національное Собраніе, либо въ силу горячаго, искренняго стремленія къ возрожденію униженнаго отечества, какъ въ Пруссіи, наконецъ, подъ вліяніемъ серьезнаго страха передъ побѣдоносной, на первыхъ порахъ, революціей, какъ въ Австріи въ 1848 году, то русское правительство приступило къ реформѣ, лишь руководствуясь довольно смутными представленіями о „государственной пользѣ" этой мѣры, вслѣдствіе неопредѣленныхъ опасеній народныхъ волненій, изъ желанія „предупредить опасное броженіе умовъ", занесенія котораго въ Западный край оно ожидало, наконецъ, подъ давленіемъ энергичнаго натиска сравнительно незначительнаго и, во всякомъ случаѣ, не особенно вліятельнаго „общественнаго мнѣнія". Русское правительство не обнаруживало поэтому сколько-нибудь замѣтнаго увлеченія реформой; оно сначала даже боялось назвать ее своимъ именемъ,—говорило не объ „осво-

божденіи" крестьянъ, а только объ „улучшеніи ихъ быта"; до конца разработки плана реформы оно колебалось, на каждомъ шагу ставило препятствія ея публичному обсужденію, ссылало наиболѣе откровенныхъ сторонниковъ ея и т. д.; этимъ оно не разъ вызывало у непосредственныхъ работниковъ,— главныхъ руководителей такъ называемыхъ „редакціонныхъ коммиссій", серьезныя опасенія за судьбу реформы и заставляло ихъ становиться все болѣе уступчивыми, все менѣе послѣдовательными въ защитѣ интересовъ крестьянъ.

Но даже эти исключительно неблагопріятныя для реформы условія не исчерпываютъ всѣхъ препятствій, съ которыми ей пришлось встрѣтиться у

Помѣщики въ Малороссіи (В. Маковскаго).

насъ по существу отношеній, подлежавшихъ отмѣнѣ, и по общему состоянію русскаго законодательства.

Всякая реформа, охватывающая хотя бы обширную область, все же составляетъ только часть общаго законодательства страны, опирается на другія нормы его, сталкивается съ ними, поясняется или затемняется ими,—словомъ, представляетъ всегда лишь обломокъ, который пріобрѣтаетъ цѣльность и проявляетъ все свое содержаніе лишь въ живой связи съ предшествующей работой законодателя. Почти всюду на Западѣ авторы крестьянской реформы могли ограничиться регулированіемъ отношеній, непосредственно связанныхъ съ отмѣною личной зависимости и повинностей крестьянъ. Бывшій крѣпостной, получивъ свободу, вступалъ въ ряды полноправныхъ гражданъ, положеніе которыхъ, какъ публично-правовое, напр., по мѣстному управленію,

такъ и въ области гражданскаго права, напр., относительно порядка наслѣдованія, установленія опеки и т. д., уже раньше достаточно точно и полно опредѣлялось закономъ. Не то у насъ. Какъ теперь еще, такъ въ еще большей мѣрѣ въ эпоху реформъ, многіе изъ этихъ вопросовъ оставались открытыми. Авторамъ реформы приходилось считаться и съ этимъ, — создавать, напр., цѣлый кодексъ общиннаго самоуправленія, опредѣлять порядокъ взиманія налоговъ съ крестьянъ, наспѣхъ включать въ „Положенія" хотя бы важнѣйшія гражданско-правовыя нормы, напр., опредѣлять сущность общиннаго и подворнаго владѣнія землей, или же прибѣгать къ общимъ ссылкамъ на обычай даже тамъ, гдѣ онъ завѣдомо не могъ сложиться, какъ относительно устройства опеки у бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Съ точки зрѣнія основныхъ задачъ реформы подобные вопросы имѣли только побочное значеніе, и авторамъ ея невозможно было задерживаться на нихъ и заново разрабатывать ихъ. Поэтому становилась неизбѣжной полная зависимость новаго закона отъ состоянія прежняго законодательства. Несовершенство, неполнота и неясность послѣдняго не могли, очевидно, не отразиться на „Положеніяхъ". Этимъ, въ значительной мѣрѣ, объясняются не вполнѣ удачная система Положеній, многочисленные изъяны въ ихъ терминологіи, неточность опредѣленій (общинное владѣніе), неясность постановленій о выдѣлѣ изъ общины и многое другое.

Мало того. Поспѣшность при разработкѣ реформы привела къ тому, что наиболѣе компетентному органу, состоявшему большей частью изъ лицъ, горячо преданныхъ дѣлу реформы, — редакціоннымъ комиссіямъ, — не была дана возможность обсудить до конца и согласовать во всемъ отдѣльныя „Положенія". Такъ Положеніе о выкупѣ, выработанное спеціальной финансовой комиссіей, не было внесено въ общее присутствіе редакціонныхъ комиссій, а поступило прямо въ Главный Комитетъ, который разсмотрѣлъ его вмѣстѣ съ финансовымъ комитетомъ. Этимъ объясняется, въ частности, что Положеніе о выкупѣ отчасти проникнуто иными тенденціями, чѣмъ другія положенія: оно сильнѣе, чѣмъ послѣднія, подчеркиваетъ индивидуальныя права отдѣльныхъ крестьянъ на ихъ надѣлъ. Наиболѣе рѣзкимъ примѣромъ тому служитъ знаменитая ст. 165 этого положенія о досрочномъ выкупѣ, которая, по заявленію ея авторовъ, составляла только частное примѣненіе принципа, установленнаго ст. 36 Общаго Положенія о выдѣлѣ изъ общинъ, а на самомъ дѣлѣ создавала норму, рѣзко расходившуюся съ однимъ изъ основныхъ началъ, проведенныхъ въ Общемъ Положеніи.

Только постоянно памятуя о безпримѣрныхъ трудностяхъ, которыя пришлось преодолѣть дѣятелямъ „великой реформы", и сопоставляя послѣднюю съ аналогичными законодательными актами на Западѣ, мы будемъ въ состояніи понять вполнѣ и оцѣнить по справедливости „Положенія 19 февраля".

Бабушкинъ садъ (В. Д. Полѣнова).

Для лучшаго ознакомленія съ Положеніями, мы разсмотримъ сначала общій составъ этого памятника и предѣлы дѣйствія отдѣльныхъ актовъ, вошедшихъ въ него, а затѣмъ изложимъ установленныя имъ основныя начала, располагая ихъ не въ той, отчасти случайной, связи, въ которую поставилъ ихъ „кодификаціонный отдѣлъ" редакціонныхъ комиссій, а слѣдуя тѣмъ тремъ ступенямъ реформы, которыя обусловливаются самой сущностью подлежавшихъ отмѣнѣ крѣпостныхъ отношеній и которыя особенно отчетливо сказались въ австрійскомъ законодательствѣ.

Статьи Положеній мы приводимъ по ихъ первоначальной нумераціи, а статьи Свода Законовъ по изданію 1857 года.

I.

Область примѣненія и предѣлы дѣйствія Положеній 19 февраля.

Опасаясь народныхъ волненій въ случаѣ освобожденія крестьянъ безъ земли и признавая послѣднее невыгоднымъ также съ точки зрѣнія общегосударственныхъ интересовъ, имѣя къ тому же передъ глазами неудачный опытъ освобожденія безъ земли крестьянъ въ Остзейскомъ краѣ, гдѣ, напримѣръ, Лифляндское крестьянское положеніе приходилось перерабатывать чет-

первый разъ правительство съ самаго начала заявило о необходимости разрѣшить для русскихъ крестьянъ одновременно какъ личный, такъ и поземельный вопросъ. Но въ рескриптѣ 20 ноября 1857 года шла еще рѣчь только объ „улучшеніи быта крестьянъ", обнимающемъ, правда, кромѣ предоставленія личныхъ правъ, упроченіе ихъ осѣдлости путемъ сохраненія за ними усадьбы и обезпеченія ихъ надѣломъ, хотя лишь на правѣ постояннаго, безсрочнаго пользованія. Предполагалось, слѣдовательно, осуществить только первыя двѣ ступени австрійской реформы. Лишь постепенно, подъ вліяніемъ сознанія явной невыгодности временно-обязаннаго состоянія крестьянъ для помѣщиковъ нечерноземнаго района и неудобствъ его для нѣкоторыхъ мѣстностей черноземныхъ губерній, возникъ и былъ затѣмъ офиціально поставленъ также вопросъ о выкупѣ надѣла въ собственность.

Окончательная программа реформы была установлена Высочайше утвержденнымъ журналомъ Главнаго Комитета 4 декабря 1858 года. Положенія 19 февраля исчерпываютъ весь объемъ ея, какъ она была намѣчена въ этомъ актѣ, начиная съ упраздненія личнаго крѣпостного права до устройства самостоятельнаго мірского управленія въ обществахъ освобожденныхъ крестьянъ и до предоставленія послѣднимъ средствъ къ пріобрѣтенію, с ъ с о г л а с і я в л а д ѣ л ь ц а, отведенной имъ въ надѣлъ земли. Этимъ отмѣна крѣпостного права все же еще не завершалась; можно было предвидѣть, и авторы Положеній вполнѣ сознавали это, что добровольный выкупъ не приведетъ къ окончательной ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній. Но дальше намѣченной тогда цѣли правительство пока не рѣшалось итти: немедленный обязательный выкупъ повинностей, какъ онъ былъ проведенъ въ Австріи въ 1848 году и въ Пруссіи въ 1850 году, а затѣмъ у насъ въ западныхъ губерніяхъ, казалось, былъ недопустимъ, какъ нарушеніе вотчинныхъ правъ помѣщиковъ, и неосуществимъ, какъ слишкомъ крупная финансовая операція.

Несмотря на такое ограниченіе ея задачъ, реформа все еще представляла огромный шагъ. Поэтому признавалось неизбѣжнымъ соблюсти извѣстную п о с т е п е н н о с т ь въ ея осуществленіи. Особенно необходимой казалась она для многихъ, исключительно земледѣльческихъ мѣстностей, гдѣ помѣщики, при немедленномъ и единовременномъ прекращеніи всѣхъ повинностей, отбывавшихся въ ихъ пользу, не могли бы сразу перестроить хозяйство на новыхъ основаніяхъ. Это повлекло бы за собой невознаградимое разстройство въ ихъ хозяйствѣ.

Исходя изъ программы, установленной 4 декабря 1858 г., и руководствуясь приведенными соображеніями, редакціонныя комиссіи въ поразительно короткое время воздвигли величавое зданіе, довольно искусно, по опредѣленному плану, располагая всѣ его частности.

Съ внѣшней стороны „Положенія" составили внушительный уже по своимъ размѣрамъ памятникъ. Они были распубликованы въ 1861 г. въ видѣ

отдѣльнаго сборника, напечатаннаго форматомъ въ листъ и заключавшаго въ себѣ 360 страницъ. Счетъ страницъ велся, однако, отдѣльно для каждаго акта. Въ 1863 г. Положенія 19 февраля, съ изданными къ тому времени дополненіями, были инкорпорированы въ Сводъ Законовъ и составили „Особое Приложеніе къ тому IX Законовъ о состояніяхъ“ по продолженію къ Своду Законовъ 1863 г. Такъ они продолжаютъ именоваться и по послѣднему ихъ изданію, 1902 г., хотя общій ихъ планъ и счетъ статей значительно измѣнены теперь, многое произвольно исключено изъ нихъ и еще больше прибавлено изъ позднѣйшихъ законовъ. Затѣмъ, Положенія вошли, въ своемъ первоначальномъ видѣ, въ т. XXXVI, ч. I, Второго Полнаго Собранія Законовъ, каждое подъ отдѣльнымъ номеромъ (36.650—36.675).

Въ первоначальный сборникъ Положеній вошло 22 акта. Какъ бы введеніе къ нему составляютъ: 1) Указъ Правительствующаго Сената по 1 деп. отъ 2 марта 1861 г., при которомъ были распубликованы Положенія; 2) Манифестъ 19 февраля; 3) Указъ Правительствующему Сенату 19 февраля „объ учиненіи надлежащаго распоряженія къ приведенію въ исполненіе Положеній и правилъ о крестьянахъ и дворовыхъ людяхъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости“. Этотъ указъ содержалъ, кромѣ перечня Положеній и правилъ, указаніе тѣхъ мѣръ, которыя было необходимо принять немедленно, чтобы подготовить приступъ къ практическому осуществленію реформы: открытіе губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, избраніе начальниками губерній мировыхъ посредниковъ, образованіе волостныхъ обществъ изъ освобождаемыхъ крестьянъ, выборъ волостныхъ должностныхъ лицъ. Нигдѣ такъ ясно, какъ въ этомъ указѣ, не сказывается, что приходилось не только проводить крупную реформу, но тутъ же, попутно, создавать орудія для этого. Въ отличіе отъ другихъ странъ, у насъ пришлось возводить все зданіе реформы какъ бы на пустырѣ.

За введеніемъ слѣдуетъ главная часть сборника — 9 „Положеній“ и 8 „Дополнительныхъ правилъ“. По заявленію редакціонныхъ комиссій, онѣ руководились, при распредѣленіи нормъ, главнымъ образомъ, пространствомъ дѣйствія каждаго акта. Съ этой точки зрѣнія Положенія распадаются на три группы.

А) Общія Положенія содержатъ постановленія, дѣйствіе которыхъ простирается на всѣ мѣстности, гдѣ были поселены крѣпостные люди. Это: 1) Общее Положеніе о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости (207 ст.); 2) Положеніе объ устройствѣ дворовыхъ людей, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости (33 ст.); 3) Положеніе о выкупѣ крестьянами, вышедшими изъ крѣпостной зависимости, ихъ усадебной осѣдлости и о содѣйствіи правительства къ пріобрѣтенію сими крестьянами въ собственность полевыхъ угодій (179 ст.); 4) Положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіяхъ (132 ст.); 5) Правила о порядкѣ приведе-

нія въ дѣйствіе Положеній о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости (85 ст.).

Б) Такъ называемыя **Мѣстныя Положенія** содержатъ нормы, опредѣляющія преимущественно тѣ стороны реформы, которыя устанавливались въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. Это, главнымъ образомъ, порядокъ надѣленія землей и опредѣленія повинностей въ пользу помѣщиковъ. Мѣстныхъ положеній четыре: 1) Мѣстное Положеніе о поземельномъ устройствѣ крестьянъ, водворенныхъ въ помѣщичьихъ земляхъ, въ губерніяхъ: великороссійскихъ, новороссійскихъ и бѣлорусскихъ (269 ст.); 2) Мѣстное Положеніе о поземельномъ устройствѣ крестьянъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ, въ губерніяхъ малороссійскихъ: Черниговской, Полтавской и части Харьковской (258 ст.); 3) Мѣстное Положеніе о поземельномъ устройствѣ крестьянъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ, въ губерніяхъ: Кіевской, Подольской и Волынской (233 ст.); 4) Мѣстное Положеніе о поземельномъ устройствѣ крестьянъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ, въ губерніяхъ: Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской и части Витебской (221 ст.). Послѣднія два Мѣстныхъ Положенія получили примѣненіе только отчасти: крестьяне сѣверо-западнаго края были переведены на обязательный выкупъ уже указомъ 1 марта, а крестьяне юго-западныхъ губерній—указомъ 30 іюля 1863 года.

Основнымъ признакомъ, по которому отдѣльныя губерніи или различныя полосы ихъ пріурочиваются къ району дѣйствія каждаго изъ Положеній, отчасти вполнѣ опредѣленно подсказывались исторически сложившимися особенностями крѣпостного строя, которыя, напр., въ сѣверо-западномъ и въ юго-западномъ краѣ нашли себѣ внѣшнее выраженіе въ правилахъ о составленіи „инвентарей", какъ то прямо указано въ ст. 1 Положенія для губерній Кіевской, Волынской и Подольской. Труднѣе было разграничить область примѣненія Великороссійскаго и Малороссійскаго Положеній, такъ какъ особенности въ земельномъ строѣ этихъ областей мѣстами незамѣтно переходили однѣ въ другія. Пришлось установить формальный признакъ. Согласно примѣчаніямъ 1 и 2 къ ст. 1 Мѣстнаго Положенія великоросс. и пункту 2 ст. 2 Мѣстнаго Положенія Малоросс., въ пограничныхъ уѣздахъ первое вводится тамъ, гдѣ господствуетъ великороссійское хозяйственное устройство, гдѣ земля, отведенная крестьянамъ, распредѣляется по тягламъ, и всѣ тягла, получая одинаковый надѣлъ, отбываютъ одинаковую повинность. Такое устройство признавалось равносильнымъ общинному владѣнію. Напротивъ, тамъ, гдѣ господствуетъ малороссійское хозяйственное устройство, гдѣ хозяева раздѣляются на тяглыхъ и пѣшихъ, надѣленныхъ неравномѣрными участками земли и отбывающихъ различныя повинности,—примѣняется Мѣстное Положеніе Малоросс. Но и этотъ признакъ не покрывалъ всего разнообразія мѣстныхъ условій, и губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіямъ

были предоставлены широкія полномочія, по своему усмотрѣнію, примѣнять въ отдѣльныхъ имѣніяхъ начала хотя бы и того Положенія, которое вообще не распространялось на данную мѣстность. Въ такомъ положеніи оказались многія имѣнія особенно Черниговской и Харьковской губерній.

В) Третью группу Положеній составляютъ восемь „дополнительныхъ правилъ", опредѣляющихъ отступленія отъ общихъ началъ по отношенію: 1) къ крестьянамъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ; 2) къ нѣкоторымъ особымъ категоріямъ крестьянъ, отличавшихся отъ остальныхъ крѣпостныхъ родомъ отбываемыхъ ими повинностей, именно: приписанныхъ къ частнымъ горнымъ заводамъ, отбывающихъ работы при пермскихъ частныхъ горныхъ

Свадьба въ Малороссіи (Бодаревскаго).

заводахъ и соляныхъ промыслахъ и занятыхъ на помѣщичьихъ фабрикахъ; 3) наконецъ, къ крестьянамъ и дворовымъ людямъ въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, гдѣ порядокъ землепользованія при крѣпостномъ правѣ отличался значительными особенностями: въ землѣ Войска Донского, въ Ставропольской губерніи, въ Сибири и въ Бессарабской области (всего 192 ст.).

Сборникъ заключается Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта относительно отчужденія, передачи по наслѣдству и отдачи въ залогъ и аренду населенныхъ помѣщичьихъ земель и имѣній и Высочайшимъ повелѣніемъ о распространеніи на дворовыхъ людей въ оренбургскомъ и уральскомъ казачьихъ войскахъ общихъ правилъ о дворовыхъ людяхъ.

Уже простой перечень содержанія актовъ 19 февраля даетъ представленіе о богатствѣ ихъ содержанія и о разнообразіи вопросовъ, разрѣшенныхъ или возбужденныхъ въ нихъ. Даже болѣе опытные кодификаторы и юристы, нежели члены редакціонныхъ комиссій, не могли бы, конечно, стройно уложить весь этотъ пестрый матеріалъ въ намѣченную выше схему. При классификаціи нормъ послѣдняя, дѣйствительно, настолько осложнилась другими точками зрѣнія, что, опираясь даже на самый текстъ Положеній, многіе считаютъ основнымъ принципомъ, которымъ руководствуется законъ при включеніи отдѣльныхъ постановленій въ Мѣстное Положеніе Великороссійское или въ Положеніе о выкупѣ, не столько вопросъ объ области примѣненія ихъ по мѣсту, сколько о предѣлахъ ихъ дѣйствія во времени. Это предложеніе имѣетъ большое значеніе для систематическаго толкованія Положеній, напр., при опредѣленіи значенія нормъ, относящихся къ общинному владѣнію.

Выше мы указали, что силою вещей реформа, осуществляемая съ извѣстной постепенностью, должна была пройти три ступени: упраздненіе личной зависимости, упроченіе права на надѣлъ и опредѣленіе повинностей и, наконецъ, выкупъ послѣднихъ. У насъ эти стадіи отчасти переходятъ одна въ другую и, сверхъ того, осложняются необходимостью установить, при первомъ приступѣ къ реформѣ, еще особые переходные періоды, чтобы осуществить тѣ подготовительныя мѣры къ ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній, которыя на Западѣ были предприняты уже задолго до самой реформы.

Поэтому Положенія намѣчаютъ въ сущности четыре ступени въ осуществленіи „великой реформы" и дѣйствительно распредѣляютъ нормы по отдѣльнымъ Положеніямъ, отчасти примѣняясь къ этимъ ступенямъ.

Въ первую очередь, немедленно по обнародованіи Положеній, должны были быть открыты губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, назначены мировые посредники, образованы волости и избраны старшина и другія должностныя лица волости. Лишь со времени вступленія въ должность этихъ лицъ „обязательность суда и расправы" слагалась съ помѣщика. Волостные суды и управленія должны открываться не позднѣе, какъ черезъ три мѣсяца по утвержденіи расписанія волостей. Эти подготовительныя мѣры устанавливаетъ предпосланный Положеніямъ указъ Правительствующему Сенату. Вмѣстѣ съ тѣмъ правила о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе Положеній опредѣляютъ права, которыя крестьяне пріобрѣтаютъ въ первый, переходный періодъ, немедленно по обнародованіи Положеній, уже до учрежденія волостей и введенія „уставныхъ грамотъ". Имъ обезпечиваются нѣкоторыя основныя личныя права: владѣльцамъ запрещается перекрѣплять, переселять и отдавать крестьянъ въ услуженіе постороннимъ лицамъ и въ исправительныя заведенія, а крестьянамъ разрѣшается вступать въ бракъ на об-

щихъ основаніяхъ и пріобрѣтать имущество, заниматься торговлей и искать на судѣ. Кромѣ того, немедленно же устанавливались нѣкоторыя облегченія въ барщинной повинности; женская барщина сокращалась; отмѣнялись всѣ добавочныя сгонныя, гуртовыя и т. п. работы и наряды, которые отбывались сверхъ трехдневной барщины; ограничивалась подводная повинность.

Главной задачей, въ теченіе этого переходнаго періода, было введеніе такъ называемыхъ „уставныхъ грамотъ". За древне-русскимъ терминомъ скрывается, однако, заимствованіе изъ прибалтійскаго (шведскаго) законодательства: уставныя грамоты — приспособленныя къ русскимъ условіямъ „вакенбухи" эстляндскаго и лифляндскаго крестьянскаго права. На ихъ составъ и на порядокъ повѣрки ихъ, кромѣ того, оказали вліяніе инвентари польско-литовскаго происхожденія, передъ самой реформой вводившіеся въ Западномъ краѣ.

Уставная грамота должна была составляться по каждому имѣнію въ теченіе одного года со дня полученія „Положеній" самимъ помѣщикомъ, отъ усмотрѣнія котораго зависѣло призвать крестьянъ къ участію, или нѣтъ. Если помѣщикъ не представлялъ ее въ установленный срокъ, то ее составлялъ мировой посредникъ. Уставная грамота должна содержать: 1) названіе селенія; 2) названіе владѣльца; 3) число дворовыхъ и крестьянъ, значащихся въ селеніи по послѣдней ревизіи, а если въ имѣніи существовало не общинное, а участковое, наслѣдственное пользованіе землей,—то, кромѣ числа душъ, и число дворовъ; 4) количество всей земли, состоявшей въ пользованіи крестьянъ, но лишь по примѣрному, домашнему измѣренію; 5) указаніе, придется ли, на основаніи подлежащаго Мѣстнаго Положенія, оставить крестьянскій надѣлъ безъ измѣненія, или же произвести отрѣзку отъ него или прирѣзку къ нему... 8) Точное исчисленіе оброка и барщинной повинности, слѣдующихъ съ крестьянъ на основаніи Мѣстнаго Положенія. Затѣмъ въ ней должны были быть оговорены различныя дополнительныя условія и права какъ крестьянъ, такъ и помѣщика.

Мы видимъ—эта стадія соотвѣтствуетъ въ общихъ чертахъ австрійской Urbarialregulierung. Но ее приходится провести наспѣхъ, первоначально безъ участія власти. Лишь послѣ ея составленія уставная грамота представляется на разсмотрѣніе мировому посреднику, который долженъ повѣрить ее на мѣстѣ, при участіи уполномоченныхъ отъ „мірского" общества. Мировой посредникъ разрѣшаетъ также споры и заявленныя по этому поводу жалобы и утверждаетъ грамоту. Только въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ случаяхъ онъ долженъ представить ее на утвержденіе губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія (при уменьшеніи надѣла, возвышеніи или уменьшеніи повинностей) или уѣзднаго мирового съѣзда (при отрѣзкѣ части прежняго надѣла, при перенесеніи усадебъ). Утвержденную уставную грамоту посредникъ вводитъ въ дѣйствіе, прочитывая ее крестьянамъ на полномъ сходѣ.

Однако и послѣ этого допускалось еще провѣрочное измѣреніе крестьянскаго надѣла. Уставныя грамоты должны были быть введены не позже 2 лѣтъ, т. е. до 19 февраля 1863 г. (ст. 7 Общаго Положенія).

Съ этого времени постоянныя поземельныя отношенія между помѣщикомъ и водворенными на его землѣ крестьянами, получавшими наименованіе временно обязанныхъ, опредѣлялись всецѣло уставной грамотой. Положеніе крестьянъ въ этотъ второй періодъ регулировалось преимущественно мѣстными положеніями, такъ какъ именно на этой ступени наиболѣе сильно сказывались мѣстныя особенности въ порядкѣ пользованія надѣломъ и въ порядкѣ отбыванія повинностей. Въ виду этого ст. 1 Мѣст. Пол. Великор. и Мѣст. Пол. для губ. Кіевской, Подольской и Волынской прямо оговариваютъ, что „настоящимъ положеніемъ опредѣляется поземельное устройство вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости (временно-обязанныхъ) крестьянъ...“

Основываясь на буквальномъ смыслѣ этихъ статей, не только отдѣльные авторы, какъ кн. А. Оболенскій, но первоначально и сенатъ и министерство внутреннихъ дѣлъ держались того мнѣнія, что всѣ статьи мѣстныхъ положеній, напр., постановленія относительно общиннаго владѣнія (Мѣст. Пол. Велик., ст. 110 сл.), слѣдуетъ считать утратившими силу съ прекращеніемъ обязательныхъ отношеній между крестьянами и помѣщиками, и во всякомъ случаѣ съ 1 янв. 1883 г.

Но болѣе тщательное изученіе работъ редакціонныхъ комиссій и общаго смысла положеній показываетъ, что приведенная оговорка ст. 1 не точна. Она характеризуетъ лишь преобладающее содержаніе мѣстныхъ положеній. Вопреки заявленію ст. 1, редакторы сосредоточили въ нихъ вообще нормы о землевладѣніи крестьянъ, поскольку онѣ стоятъ въ зависимости отъ мѣстныхъ, исторически сложившихся условій, въ томъ числѣ и такія, дѣйствіе которыхъ, по заявленію самихъ же составителей, не должно было ограничиваться періодомъ, пока крестьяне останутся временно-обязанными, а которыя должны были окончательно опредѣлить строй крестьянскаго землевладѣнія. Таковы въ особенности правила, опредѣляющія существо общиннаго и подворнаго владѣнія (Мѣст. Пол. Велик., ст. 110 сл., Мѣстн. Пол. Малорос., ст. 92 сл.). Правы были поэтому Сенатъ, въ своихъ позднѣйшихъ рѣшеніяхъ, и Гос. Совѣтъ, въ изложеніи мотивовъ къ закону 14 дек. 1893 г., говоря, что съ переходомъ крестьянъ въ разрядъ собственниковъ не всѣ статьи, вошедшія въ мѣстныя положенія, утратили свою силу, а только тѣ, которыя относятся именно къ временно-обязаннымъ крестьянамъ и по своему существу носятъ временный характеръ.

Какъ опасны, однако, подобныя обмолвки, видно изъ того, что устраненное, казалось бы, недоразумѣніе снова всплыло и сыграло роль при изданіи новѣйшихъ землеустроительныхъ законовъ.

Третья ступень въ осуществленіи реформы должна была наступить съ момента, когда временно-обязанные крестьяне приступятъ къ выкупу своего надѣла и тѣмъ самымъ перейдутъ въ разрядъ крестьянъ-собственниковъ. Этотъ переходъ совершается, какъ говоритъ ст. 156 Пол. о вык., „съ того срока, въ какой, на основаніи ст. 150, будетъ назначена къ выдачѣ выкупная ссуда". Постановленія объ условіяхъ перехода на выкупъ, объ организаціи выкупной операціи и о тѣхъ особыхъ ограниченіяхъ, которымъ крестьяне-собственники все еще подвергались до окончательнаго завершенія этой операціи,—вошли въ особое Положеніе о выкупѣ. Но и тутъ признакъ дѣйствія нормъ лишь въ теченіе опредѣленнаго періода не

Мостъ въ Митинѣ. (Торжокъ, Тверской губ.).

былъ послѣдовательно выдержанъ. Финансовая комиссія, вырабатывавшая это положеніе, вышла за предѣлы своей непосредственной задачи; полагая, что она только пересказываетъ другими словами постановленія Общаго Положенія, она включила рядъ статей, которыя должны были опредѣлять окончательный строй землевладѣнія крестьянъ по завершеніи выкупной операціи. Частью эти статьи безъ нужды повторяли статьи Общаго Положенія: частью онѣ вопреки намѣренію, а можетъ быть и сознательно противорѣчили основнымъ общимъ положеніямъ; такова, напр., ст. 165. Общее присутствіе редакціонныхъ комиссій, какъ уже было указано, не могло исправить этой очевидной ошибки, такъ какъ оно не успѣло болѣе обсудить Положенія о выкупѣ.

[illegible] личныхъ и поземельныхъ отношеній крестьянъ-собственниковъ должны опредѣляться правилами, установленными въ Общемъ Положеніи (ст. 159 Пол. о вык.). Но и это послѣднее содержитъ много нормъ, дѣйствіе которыхъ было разсчитано только на первый и второй періоды, напр. ст. 58 п. 6, ст. 59 и т. д.

Комбинируя область примѣненія отдѣльныхъ нормъ съ предѣлами ихъ дѣйствія во времени, мы можемъ изложить ходъ реформы въ слѣдующей схемѣ.

1) До введенія уставныхъ грамотъ положеніе крестьянъ опредѣляется однообразно для всей территоріи указомъ Пр. Сенату и Правилами о порядкѣ введ. въ дѣйствіе положеній.

2) Порядокъ надѣленія и устройства временно обязанныхъ крестьянъ — различенъ для четырехъ группъ мѣстностей, которымъ соотвѣтствуютъ 4 отдѣльныхъ мѣстныхъ положенія. Но часть этихъ нормъ, обусловленныхъ мѣстными условіями, должна сохранить свое значеніе и по истеченіи второго періода.

3) Особенности въ положеніи крестьянъ въ эпоху осуществленія выкупной операціи снова опредѣляются однообразно для всей территоріи Положеніемъ о вык. Нѣкоторыя постановленія послѣдняго простираютъ свое дѣйствіе и за предѣлы третьей ступени реформы.

4) Окончательный строй всѣхъ отношеній бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ устанавливается общій. Но Общее Положеніе, которое должно было нормировать его, содержитъ также рядъ временныхъ, переходныхъ правилъ.

Этихъ двухъ точекъ зрѣнія, — дѣйствія нормъ по мѣсту и во времени, — все еще было недостаточно, чтобы цѣлесообразно распредѣлить всѣ нормы по отдѣльнымъ положеніямъ. Пришлось считаться, кромѣ того, съ различіями въ фактическомъ и юридическомъ положеніи нѣсколькихъ разрядовъ, на которые дѣлились крѣпостные люди. Эти различія вызвали даже особенно серьезныя осложненія при проведеніи реформы.

Согласно дѣйствовавшему закону (т. IX Свода Зак.) къ крѣпостному состоянію принадлежали: 1) крестьяне помѣщичьи, 2) дворовые люди и 3) въ качествѣ особеннаго разряда ограниченнаго крѣпостного состоянія, — люди, приписанные къ поссессіоннымъ фабрикамъ и заводамъ.

Губернскіе дворянскіе комитеты и, вмѣстѣ съ ними, Главный Комитетъ съ состоявшими при немъ редакціонными коммиссіями должны были обсуждать вопросъ объ освобожденіи только помѣщичьихъ крѣпостныхъ, которые находились въ вѣдѣніи Министерства Внутрен. Дѣлъ.

Поэтому первоначальные проекты имѣли въ виду только эти разряды крѣпостныхъ. Ихъ вниманіе сосредоточивалось, конечно, на крестьянахъ-земледѣльцахъ, составлявшихъ подавляющее большинство крѣпостныхъ. Поземельному и общественному устройству послѣднихъ посвящены почти исклю-

чительно общія и мѣстныя положенія. На нихъ, главнымъ образомъ, придется остановиться и намъ въ послѣдующемъ изложеніи.

Устройство быта дворовыхъ людей опредѣлялось отдѣльнымъ общимъ положеніемъ, довольно скуднымъ нормами, которое не учло крайняго разнообразія въ фактическомъ положеніи этого разряда крѣпостныхъ людей и поставило ихъ въ очень тяжелыя условія и послѣ проведенія реформы. На дѣлѣ различіе между ними и крестьянами успѣло утратить свое юридическое значеніе, такъ какъ законъ предоставлялъ владѣльцу право, по своему усмотрѣнію, переводить крестьянъ во дворъ или дворовыхъ людей на пашню (ст. 1047, т. IX). Это право было отмѣнено лишь наканунѣ реформы, указомъ 2 марта 1858, „о томъ, чтобы, со времени подачи ревизскихъ по десятой народной переписи сказокъ, помѣщичьихъ крестьянъ въ дворовые не перечислять". На этомъ основаніи Полож. объ устр. двор. людей было распространено на тѣхъ крѣпостныхъ людей, кои, по сказкамъ 10 ревизіи, показаны дворовыми при населенныхъ имѣніяхъ, домахъ, фабрикахъ, заводахъ или денежныхъ капиталахъ (ст. 2). Послѣ переходнаго срока, по истеченіи двухъ лѣтъ со дня утвержденія Положеній, имъ были предоставлены тѣ же личныя права, какъ и крестьянамъ, но земельный надѣлъ получили только тѣ изъ нихъ, которые пользовались надѣломъ или продолжали нести издѣльную повинность (ст. 6).

Кромѣ права на переводъ крестьянъ въ дворовые, владѣлецъ имѣлъ также право, по своему усмотрѣнію, измѣнять повинности крестьянъ (ст. 1045, т. IX). Издавна пользуясь этой возможностью, помѣщики создали еще нѣсколько разрядовъ владѣльческихъ крестьянъ, не отличавшихся отъ остальныхъ по закону, но рѣзко выдѣлявшихся изъ среды крестьянъ-земледѣльцевъ родомъ тѣхъ повинностей, которыя ими отбывались. Послѣднія сближали ихъ, къ большей ихъ невыгодѣ, съ тѣмъ третьимъ разрядомъ крѣпостного состоянія, который имѣлъ въ виду п. 1 статьи 996, т. IX—съ людьми, приписанными къ поссессіоннымъ фабрикамъ и заводамъ. Хотя послѣдніе по закону и считались состоящими въ ограниченномъ крѣпостномъ состояніи, но фактически ихъ положеніе было много хуже положенія пашенныхъ крестьянъ.

П о с с е с с і о н н ы е   к р е с т ь я н е находились въ вѣдѣніи Министерства Финансовъ,—приписанные къ фабрикамъ и заводамъ „мануфактурной производительности"—по Департаменту Мануфактуръ и Внутренней Торговли (ст. 11 и 87 сл., т. XI, ч. 2, Свода постановленій о промышленности фабричной и заводской), а приписанные къ горнымъ промысламъ и заводамъ—по Департаменту Горныхъ и Соляныхъ Дѣлъ (ст. 445 сл., т. VII, Уставъ Горный).

Кромѣ крестьянъ поссессіонныхъ, также въ вѣдѣніи Министерства Финансовъ находились и тѣ владѣльческіе крестьяне, которые принадлежали заводчикамъ, владѣвшимъ ч а с т н ы м и   г о р н ы м и   з а в о д а м и на правѣ полной

собственность, не которые были приписаны къ самимъ заводамъ по Горному Уставу (ст. 254 Уст. Горнаго, т. VII).

Напротивъ, подлежали вѣдѣнію не Министерства Финансовъ, а Министерства Внутреннихъ Дѣлъ: 1) помѣщичьи люди и крестьяне, производящіе работы на частныхъ заводахъ, фабрикахъ и мануфактурахъ, принадлежащихъ владѣльцамъ ихъ, имѣющимъ право потомственнаго дворянства (ст. 98 и 99 Уст. о пром. фабр. и зав., т. XI, ч. 2); 2) крестьяне, такъ называемые владѣльческіе подзаводскіе, которые исполняли вспомогательныя работы при частныхъ горныхъ заводахъ; 3) крестьяне, находившіеся при частныхъ соляныхъ промыслахъ. Редакціонными коммиссіями были составлены два проекта объ устройствѣ быта только трехъ послѣднихъ особыхъ разрядовъ крестьянъ: одинъ для перваго изъ этихъ разрядовъ (№ XI) и другой для второго и третьяго разрядовъ (№ XII).

Проектъ „Дополнительныхъ правилъ о крестьянахъ, отбывающихъ работы на помѣщичьихъ фабрикахъ“, съ незначительными измѣненіями получилъ силу закона и вошелъ въ сборникъ „Положеній“ (№ 13). Эти правила опредѣляли устройство быта крестьянъ, отбывавшихъ постоянную обязательную работу (барщину) на помѣщичьихъ фабрикахъ и заводахъ, если послѣдніе „составляли чисто мануфактурную производительность“. Въ отличіе отъ нихъ, положеніе крестьянъ, временно отбывавшихъ работы, въ счетъ барщины, на помѣщичьихъ заводахъ сельско-хозяйственнаго типа, какъ-то: свекло-сахарныхъ, винокуренныхъ и т. п., уже предусматривалось мѣстными положеніями (Мѣстн. Пол. Великор., ст. 230).

Затѣмъ, указомъ 16 марта 1861 г., дѣйствіе этихъ „Дополнительныхъ правилъ“ было вполнѣ распространено и на всѣхъ крестьянъ и фабричныхъ людей, числившихся при поссессіонныхъ фабрикахъ, къ которымъ они первоначально не относились (прил. къ ст. 1). Такимъ образомъ, въ конечномъ счетѣ, приведенныя „Правила“ опредѣлили устройство всѣхъ крѣпостныхъ фабричныхъ людей.

Иной, менѣе благопріятной для крестьянъ, была судьба проекта „Дополнительныхъ правилъ о крестьянахъ, отбывающихъ работы при частныхъ горныхъ заводахъ и соляныхъ промыслахъ“. Уже въ началѣ работъ по составленію положеній нѣкоторые владѣльцы горныхъ заводовъ Оренбургской губерніи, а вслѣдъ за ними и пермскіе заводчики-поссессіонеры ухватились за мысль воспользоваться предстоявшимъ освобожденіемъ поссессіонныхъ крестьянъ, чтобы сдѣлать еще шагъ въ сторону закрѣпленія данныхъ имъ отъ казны „пособій“ въ свою частную собственность. Доказывая неудобство для заводовъ различнаго устройства быта собственно заводскихъ крестьянъ, подвѣдомственныхъ Горному Управленію, и крестьянъ вотчинныхъ, подзаводскихъ, находившихся на общемъ крѣпостномъ положеніи, но тоже занятыхъ въ заводскомъ дѣлѣ (обыкновенно лишь заготовкою дровъ, угля и т. п.),

они добились разрѣшенія, сначала — учредить три особыхъ комитета, а затѣмъ, по ходатайству гр. Строганова и шести другихъ заводовладѣльцевъ Пермской губерніи,—также принять участіе въ Пермскомъ дворянскомъ комитетѣ (Выс. утв. журн. Главнаго Комитета 1 февр. 1859 г.). Въ результатѣ настойчивыхъ происковъ поссессіонеровъ, исторія которыхъ еще не вполнѣ выяснена, оказалось слѣдующее. Проектъ, составленный редакціонными комиссіями, уже принявшими въ расчетъ многія домогательства горнозаводчиковъ, подвергся значительнымъ искаженіямъ, и дѣйствіе его было ограничено пермскими частными горными заводами и соляными промыслами. Затѣмъ въ составъ „Положеній" были включены новыя „Дополнительныя правила

Погребъ въ Митинѣ.

о приписанныхъ къ частнымъ горнымъ заводамъ людяхъ вѣдомства Министерства Финансовъ". Они вообще не обсуждались редакціонными комиссіями, а были подготовлены въ Особомъ Комитетѣ, учрежденномъ въ 1858 г. для устройства быта людей, подвѣдомственныхъ разнымъ казеннымъ управленіямъ. Эти правила опредѣляютъ условія освобожденія всего, принадлежавшаго частнымъ горнымъ заводамъ, населенія, состоявшаго изъ мастеровыхъ, рабочихъ, непремѣнныхъ работниковъ и заводскихъ крѣпостныхъ, числящихся на правѣ поссессіонномъ или владѣльческомъ (ст. 2). На основаніи этихъ правилъ на Уралѣ было произведено первоначальное поземельное устройство горнозаводскаго населенія 10 поссессіонныхъ горнозаводскихъ имѣній (Алапаевскаго, Верхъ-Исетскаго, Невьянскаго, Нижне-

[illegible], Гороблагодатскаго, Екатерининскаго, Шайтанскаго, Омутнинскаго, Холуницкаго и [illegible]). Оно оказалось, однако, настолько неудовлетворительнымъ, что въ [illegible] г. пришлось издать новый законъ объ „окончательномъ“ устройствѣ [illegible] этихъ же имѣній, при чемъ судьба новаго закона та же, что и перваго: въ настоящее время снова выяснилась необходимость коренного пересмотра его. Какъ до реформы, такъ и послѣ нея положеніе крестьянъ въ посессіонныхъ горнозаводскихъ имѣніяхъ представляетъ самое темное пятно на темномъ фонѣ ихъ общаго быта.

Помимо правилъ объ устройствѣ этихъ разрядовъ, составленіе которыхъ представило большія затрудненія, отчасти оказавшіяся непреодолимыми, редакціонныя комиссіи выработали еще особыя „Дополнительныя правила объ устройствѣ крестьянъ, водворенныхъ въ имѣніяхъ „мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ“. Этотъ разрядъ пришлось выдѣлить изъ общей массы крестьянъ въ виду того, что ихъ владѣльцы не были бы въ состояніи выполнить даже тѣхъ минимальныхъ требованій о надѣленіи землею, которыя предъявлялись мѣстными положеніями. Наиболѣе существенную особенность этихъ правилъ составляетъ разрѣшеніе крестьянамъ такихъ владѣльцевъ, за коими по десятой ревизіи числилось менѣе двадцати одной души мужского пола и которые имѣли въ своемъ владѣніи удобной земли менѣе опредѣленнаго (различно, по мѣстностямъ) количества,—переселяться съ согласія владѣльца на казенныя земли и перечисляться въ государственные поселяне. Послѣдняя мѣра практически равнялась немедленному переходу на выкупъ.

На остальныхъ, еще болѣе мелкихъ категоріяхъ крѣпостныхъ крестьянъ, выдѣленныхъ опять-таки по признаку областному, во вниманіе къ мѣстнымъ особенностямъ (Область Войска Донского, Ставропольская губ., Сибирь и Бессарабская область), мы уже не можемъ остановиться за недостаткомъ мѣста.

II.

Упраздненіе личной крѣпостной зависимости.

Личное положеніе крѣпостныхъ людей наканунѣ реформы плохо поддается точной юридической конструкціи. Здѣсь, во-первыхъ, сказалась съ особенной силой черта, общая многимъ явленіямъ русскаго общественнаго быта. Фактическій укладъ, житейская практика далеко уклоняются отъ велѣній закона, даже отъ общаго смысла его: и все же живая жизнь не въ силахъ окончательно побороть мертвой буквы закона и поставить на ея мѣсто устойчивую норму обычнаго права. Во-вторыхъ, самый законъ отличался въ этой области неполнотой и неточностью, открыто впадалъ въ непримиримыя противорѣчія самому себѣ. Поэтому мы ограничимся попыткой намѣтить юридическій характеръ института крѣпостного состоянія лишь въ самыхъ

общихъ чертахъ, поскольку это безусловно необходимо для пониманія реформы, отмѣнившей его.

Крѣпостные люди не были безправными рабами, невольниками. Законъ отличаетъ ихъ отъ послѣднихъ (ст. 996, т. IX). Они пользовались всѣми семейными правами, въ частности родство между ними устанавливало общую родовую связь, которая удостовѣрялась метрическими книгами и даже ревизскими сказками. Они были только ограничены въ правѣ вступать въ бракъ безъ разрѣшенія владѣльца. Крѣпостные люди пользовались далѣе, по закону, jus commercii въ широкихъ размѣрахъ. Они могли пріобрѣтать въ собственность земли, дома, лавки и всякаго рода недвижимыя имущества, могли получать таковое и по наслѣдству; могли учреждать фабрики и заводы, производить торгъ и промыслы по установленнымъ свидѣтельствамъ, давать деньги въ заемъ и т. д. (ст. 1138—1146, т. IX; ст. 1105, т. X; ст. 234, 349—358 Уст. Торг., т. XI, ч. 2). Но почти на все это крѣпостной крестьянинъ долженъ былъ предварительно испросить согласіе помѣщика, въ которомъ ему, конечно, произвольно могло быть отказано. За крѣпостнымъ признавалась затѣмъ persona in judicio standi: съ дозволенія помѣщика онъ могъ лично выступать на судѣ въ гражданскихъ дѣлахъ и „самъ за себя отвѣчать“, на основаніи сохранившаго силу постановленія Соборнаго Уложенія (гл. XX, п. 54). Наконецъ въ уголовныхъ дѣлахъ крѣпостные люди подлежали общей подсудности (ст. 1054, т. IX).

Тѣмъ не менѣе, зависимость крѣпостныхъ людей отъ помѣщика была почти неограниченная, гораздо болѣе тяжелая, чѣмъ при Erbunterthänigkeit или даже при Leibeigenschaft германскаго права. Права владѣльца послѣднихъ въ сущности исчерпывались тѣмъ, что постановляла ст. 1045, т. IX, разрѣшавшая помѣщику произвольно отягощать крѣпостныхъ всякими работами, взимать съ нихъ оброкъ по своему усмотрѣнію и требовать исправленія личныхъ повинностей.

Власть помѣщика надъ личностью крѣпостныхъ людей складывалась изъ двухъ элементовъ, публично-правовыхъ полномочій и гражданскаго права, аналогичнаго праву собственности.

Начиная съ Петра Великаго, законъ предоставлялъ помѣщикамъ правительственныя полномочія, смотрѣлъ на нихъ, какъ на агентовъ, осуществляющихъ функціи полиціи. Наглядное доказательство этому проф. Ключевскій (Курсъ, IV, 425) находитъ, между прочимъ, въ томъ, „что крѣпостнымъ правомъ правительство подметало сорные классы общества: такъ, указами 1729 и 1752 гг. велѣно было бѣглыхъ, бродягъ и безмѣстныхъ церковниковъ отдавать въ крѣпостную зависимость помѣщикамъ, которые согласятся платить за нихъ подушную подать“. Еще опредѣленнѣе это значеніе агента власти сказывается въ той роли, которую выполнялъ помѣщикъ, собирая подати съ своихъ „подчиненныхъ“ и творя судъ и расправу между ними.

Помѣщику была предоставлена безотчетная власть присуждать крѣпостныхъ людей къ исправительнымъ и уголовнымъ наказаніямъ (ст. 1051—1053, т. IX), отдавать ихъ же въ рекруты и „удалять ихъ отъ себя навсегда, предоставляя ихъ въ распоряженіе правительства" (ст. 1055—1056, т. IX; ст. 335, 336, 393—410 Уст. Пред. Прест., т. XIV). Что бы ни сдѣлалъ помѣщикъ по отношенію къ своимъ крѣпостнымъ, — запрещается давать послѣднимъ судъ на помѣщика, а за жалобу или доносъ на него (кромѣ „слова и дѣла") они подлежали уголовному наказанію (ст. 175 Зак. Суд. Гражд., т. X; ст. 1030 и 1033—1036, т. IX). Уравненіе власти помѣщика съ правительственными учрежденіями, наконецъ, высказано было вполнѣ опредѣленно, притомъ незадолго до реформы, въ ст. 288 Угол. Улож. 15 авг. 1845 г. Она гласитъ: „Возстаніемъ противъ властей, правительствомъ установленныхъ, почитается и всякое возмущеніе крестьянъ или дворовыхъ людей противъ своихъ помѣщиковъ, владѣльцевъ или управляющихъ и противъ волостныхъ и общественныхъ управленій".

Какъ ни тяжелы были для крестьянъ послѣдствія подобныхъ постановленій, признанію за крѣпостными людьми правоспособности, хотя бы ограниченной, еще рѣшительнѣе противорѣчили тѣ постановленія закона, которыя ясно и положительно говорятъ о людяхъ, какъ о собственности помѣщиковъ, наравнѣ съ собственностью на вещи. Люди перекрѣпляются отъ одного владѣльца другому „на основаніи общихъ правилъ о переходѣ частной собственности" (ст. 1068, т. IX), а закладываются они по особой расцѣнкѣ. Въ случаѣ принудительнаго отчужденія ихъ, помѣщикъ получаетъ вознагражденіе, какъ при отчужденіи всякой другой собственности, отъ 6 р. $28^1/_7$ коп. до 285 руб. $71^3/_7$ коп. (ст. 1040, 1042, 1126, 1184, 1188, 1195, т. IX), а въ случаѣ незаконнаго владѣнія другимъ лицомъ чужими крѣпостными—на основаніи правилъ объ отвѣтственности добросовѣстнаго или недобросовѣстнаго отвѣтчика (ст. 616, 617, 627 Зак. Гражд.). Въ законахъ нѣтъ притомъ никакихъ слѣдовъ того, будто люди крѣпки землѣ, и только вмѣстѣ съ нею составляютъ крѣпостную собственность. Напротивъ, законъ какъ бы подчеркиваетъ, что право на людей составляетъ отдѣльное право: онъ не упоминаетъ о крѣпостныхъ въ числѣ принадлежностей населенныхъ земель, а въ актахъ о переходѣ заселенныхъ имѣній цѣна имъ должна была означаться по количеству ревизскихъ душъ, независимо отъ количества земли (ст. 399 Уст. о пошл., т. V, и приложенная къ ней табель цѣнъ—отъ 150 до 60 руб. за душу по классамъ губерній).

Все это доказываетъ, что русское крѣпостное право рѣшительно отличалось отъ „наслѣдственнаго вотчиннаго подданства" (Erbunterthänigkeit), преобладавшаго въ Германіи и Австріи, при которомъ, въ частности, продажа людей встрѣчалась лишь въ видѣ исключенія, почти только въ періодъ между 1680 по 1780 годами.

Быть-можетъ, еще болѣе характерною особенностью русскаго крѣпостного права были оброчные крестьяне, за плату отпускавшіеся на сторону для занятій промысломъ и торговлею. Западно-европейскому праву такой разрядъ людей былъ совершенно чуждъ; тамъ крѣпостное право составляло элементъ аграрнаго, сельскаго строя, служило почти исключительно цѣлямъ эксплуатаціи крупнаго помѣстья (Grundherrschaft). Почти всюду на Западѣ признавался принципъ „Stadtluft macht frei",—кто становился гражданиномъ города, тотъ признавался свободнымъ. Почти неизвѣстны были на Западѣ и дворовые люди.

Только въ связи съ этими особенностями русскаго крѣпостного строя и дореформеннаго законодательства о государственныхъ крестьянахъ уясняется значеніе постановки въ „Положеніяхъ" вопроса объ упраздненіи личной зависимости помѣщичьихъ крѣпостныхъ. Нельзя было ограничиться общимъ указаніемъ на то, что „крѣпостное право на крестьянъ, водворенныхъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, и на дворовыхъ людей отмѣняется навсегда" (ст. 1 Общ. Пол.). Пришлось подробно перечислить отдѣльныя права, которыя предоставлялись освобожденнымъ крестьянамъ. Классификація ихъ въ первомъ раздѣлѣ Общаго Положенія довольно причудлива: сначала говорится о правахъ личныхъ и по состоянію, куда отнесены и семейное право и уголовныя наказанія, а затѣмъ, отдѣльно, о правахъ по имуществу. Съ точки зрѣнія современной системы дарованныя крестьянамъ права сводятся къ слѣдующему: 1) гражданская правоспособность признается за ними съ незначительными ограниченіями. Права семейственныя, по пріобрѣтенію права собственности и по заключенію сдѣлокъ, гражданскихъ и торговыхъ (права вещныя и обязательственныя), опредѣляются „общими постановленіями законовъ", т.-е. писаннымъ правомъ (ст. 21—23 и 31—34 Общ. Пол.); въ порядкѣ же наслѣдованія и установленія опеки крестьянамъ дозволяется руководствоваться мѣстными **своими** обычаями, т.-е. неписаннымъ сословнымъ правомъ (ст. 21, прим. и ст. 38 Общ. Пол.); 2) право „по искамъ, жалобамъ, ходатайству и суду", т.-е. право участія въ гражданскомъ и уголовномъ

Барская повозка (фот. Каррика).

предметъ, признается за крестьянами неограниченно; но ихъ бѣдственность „въ отношеніи ...имѣніямъ“, ограничивается правилами Уст. о благоустр. въ каз. сел. (ст. 21). Въ числѣ этихъ правилъ (ст. 381—407) сохранено силу не только постановленія, ограждающія несостоятельнаго крестьянина отъ продажи одежды и земледѣльческихъ орудій, но и „дозволеніе обществу употреблять его въ общественныя (или частныя) работы, съ тѣмъ, чтобы заработная плата обращаема была въ пользу истца“. 3) Въ отношеніи наказаніи, которымъ могутъ подлежать крестьяне, дѣлается оговорка, что таковое можетъ быть назначено какъ по судебному приговору, такъ и „по законному распоряженію поставленныхъ надъ ними правительственныхъ и общественныхъ властей“ (ст. 25). Кромѣ того, устанавливаются особыя правила о наказуемости крестьянъ (ст. 102 Общ. Пол.). 4) Гораздо значительнѣе еще ограниченія крестьянъ въ правахъ по состоянію, т. е. въ ихъ публично-правовомъ личномъ положеніи. Безъ оговорокъ за ними признается только право участія въ крестьянскомъ общественномъ управленіи. Пользованіе другими публичными правами („свободами“) поставлено въ бо́льшую или меньшую зависимость отъ согласія сословнаго ихъ общества или предварительнаго выхода изъ него. Мало того. Крестьяне „могутъ быть лишены правъ состоянія или ограничены въ сихъ правахъ“ какъ по суду, такъ и по приговору общества (ст. 29 и 30 Общ. Пол.).

Такая постановка вопроса объясняется тѣмъ, что бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ, по освобожденіи, были предоставлены только права состоянія свободныхъ сельскихъ обывателей (ст. 2 Общ. Пол.), и положеніе ихъ было согласовано съ дѣйствовавшими для послѣднихъ законами. Свободными сельскими обывателями признавались разнообразные разряды государственныхъ крестьянъ, въ томъ числѣ такъ называемые вольные хлѣбопашцы, уволенные помѣщиками по правиламъ 1803 года. Всѣ они были положены „въ окладъ“ для уплаты подушной подати; они отправляли рекрутскую повинность, несли общія натуральныя повинности, какъ земскія, такъ и мірскія, и причислялись вообще къ „лицамъ податныхъ состояній“. Какъ таковыя, всѣ они, безъ исключенія, обязательно должны были быть приписаны къ опредѣленному „обществу“: это общество ручалось круговой порукой за исправную уплату ими податей и за исполненіе повинностей. Такую, подчасъ очень тяжелую, отвѣтственность оно могло нести только при условіи предоставленія ему широкихъ полномочій. Законъ и признавалъ за нимъ почти безотчетную власть надъ своими членами. Каждый „свободный сельскій обыватель“ прочною цѣпью былъ прикрѣпленъ къ своему обществу. Онъ не могъ отлучаться изъ мѣста своего жительства, не получивъ отъ общественныхъ властей разрѣшенія, въ которомъ ему не только могло быть произвольно отказано, но которое также могло быть взято назадъ

послѣ его выдачи. Такою же властью по отношенію къ младшимъ членамъ семьи пользовался старшій,—домохозяинъ, такъ какъ онъ, въ свою очередь, отвѣчалъ передъ обществомъ за всю семью. Грозная санкція этихъ правилъ гласила: „Въ состояніяхъ податныхъ безвѣстное отсутствіе или самовольная отлучка считается побѣгомъ и подлежитъ наказанію" (ст. 7, примѣч. 3, т. IX).

Если членъ общества, даже оставаясь на мѣстѣ, по какимъ-либо причинамъ не „оправдывалъ" податей и повинностей, лежавшихъ на немъ, и установленными мѣрами взысканія съ имущества недоимка не пополнялась, то общество могло отдать неплательщика или кого-либо изъ его семейства въ частныя и мірскія работы „для заработка недоимокъ" (ст. 602 и 619 Уст. о под., т. V). Когда эта мѣра не приводила къ цѣли, то недоимщикъ подвергался „исправному"—тѣлесному—наказанію по постановленію волостного правленія (ст. 624). Наконецъ того, кто оказывался „къ платежу податей совершенно неблагонадежнымъ по нерадѣнію и распутству", общество могло отдать не въ очередь въ рекруты; оно могло также постановить приговоръ объ отсылкѣ его на поселеніе (ст. 625 Уст. о под., т. V; ст. 439 Уст. благоуст. каз. сел., т. XII).

Для правильнаго истолкованія какъ отдѣльныхъ статей, такъ и общаго духа Положеній 19 февраля необходимо помнить, что, по вопросу о личномъ положеніи крестьянъ, они ставятъ себѣ цѣлью приравнять бывшихъ крѣпостныхъ людей къ свободнымъ сельскимъ обывателямъ. Основныя положенія законодательства о государственныхъ крестьянахъ они тѣмъ самымъ переносятъ на бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Перечисленныя выше ограниченія личной свободы частью подразумѣваются Положеніями на основаніи общаго принципа, выраженнаго въ ст. 2 Общ. Пол.: такъ молчаливо сохранена обязательная приписка каждаго крестьянина къ обществу; остались въ силѣ ограниченія въ правѣ передвиженія (паспортная система) и, отчасти, въ свободѣ занятій; не смягчена даже зависимость младшихъ членовъ семьи отъ домохозяина, хотя она противорѣчила смыслу ст. 21 Общ. Пол. о подчиненіи семейно-правовыхъ отношеній крестьянъ общему закону. Но большинство прежнихъ ограниченій было даже прямо оговорено въ Положеніяхъ: сохраненіе тѣлеснаго наказанія—розгами до 20 ударовъ (ст. 102 Общ. Пол.—по приговору волостного суда, и ст. 32 Пол. губ. и уѣздн. учр.,—по постановленію мирового посредника); установленіе круговой поруки (ст. 187 и 189 Общ. Пол.) и связанной съ нею зависимости отъ общества; отдача недоимщика или членовъ его семейства въ посторонніе заработки (ст. 188 Общ. Пол.). Право общества ссылать своихъ членовъ за „порочное поведеніе" (ст. 30 и 54, п. 5, Общ. Пол.) даже не было оговорено указаніемъ на законные поводы къ принятію такой крайней мѣры, какъ то раньше дѣлала ст. 439 Уст. благоуст. каз. сел. (т. XII).

Въ нѣкоторыхъ вопросахъ однако Положенія отступаютъ отъ общаго начала и устанавливаютъ для бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ особыя, новыя правила. Но эти, какъ мы увидимъ, и послѣднія въ своемъ примѣненіи мало отличались отъ прежнихъ.

Основаніемъ для этихъ уклоненій служили два, сложившихся у авторовъ реформы отчасти противорѣчивыхъ убѣжденія, которыя въ результатѣ почти нейтрализовали другъ друга. Они опасались, что даже мѣры, которыя были установлены для понужденія къ уплатѣ податей и повинностей государственныхъ крестьянъ, окажутся недостаточными для обезпеченія—сначала исправнаго отбыванія повинностей въ пользу помѣщика, а затѣмъ взноса выкупныхъ платежей государству. Они предвидѣли, въ частности, что мѣстами платежи крестьянъ настолько будутъ превышать доходность земли, что они, какъ нѣкогда въ XVII столѣтіи, предпочтутъ забросить свои надѣлы и либо уйдутъ навсегда въ отхожій промыселъ, либо переселятся на окраины, въ Сибирь. Въ виду такой опасности имъ казалось необходимымъ принять еще болѣе рѣшительныя мѣры, какъ по отношенію къ отдѣльнымъ крестьянамъ, такъ и по отношенію къ цѣлымъ обществамъ. Потому, напримѣръ, Ростовцевъ предпочиталъ подворно-наслѣдственному общинное владѣніе, которое, полагалъ онъ, усиливаетъ связь крестьянина съ обществомъ, а послѣдняго—съ землей.

Въ своемъ представленіи въ Главный Комитетъ редакціонныя комиссіи пишутъ: „Въ пользованіи этими правами (т.-е. правами свободныхъ сельскихъ обывателей) бывшіе крѣпостные подчиняются лишь тѣмъ **временнымъ** ограниченіямъ, которыя, истекая изъ самой сущности обязательныхъ отношеній и изъ свойствъ отбываемыхъ въ пользу владѣльца повинностей (т.-е. барщины), признаются необходимыми, чтобы **оградить интересы помѣщиковъ** и **предупредить всякое потрясеніе крестьянской осѣдлости** въ случаѣ слишкомъ крутого перехода отъ крѣпостной зависимости къ полной (?) свободѣ передвиженія“.

Чтобы оградить интересы помѣщика, ему были предоставлены слѣдующія правомочія по отношенію къ личности его бывшихъ крестьянъ: 1) до введенія уставныхъ грамотъ, въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ,—помѣщикъ самъ наблюдаетъ за исправнымъ отбываніемъ крестьянами **всѣхъ** повинностей, управляетъ ими, выдаетъ имъ паспорты, судитъ и наказываетъ ихъ, съ тѣмъ лишь, что тѣлесному наказанію онъ подвергаетъ ихъ черезъ полицію (ст. 14—17 Прав. привед. въ дѣйств.). Дворовые люди въ теченіе двухъ лѣтъ остаются въ полномъ повиновеніи владѣльца (ст. 9 Пол. объ устр. двор. людей). 2) Пока крестьяне остаются временно-обязанными, помѣщику предоставляется, правда, въ довольно ограниченныхъ размѣрахъ, вотчинная полиція, и онъ признается „попечителемъ“ сельскаго общества крестьянъ, поселенныхъ на его землѣ. Посему сельскій староста долженъ безотлагательно

исполнять рядъ требованій помѣщика. Послѣдній можетъ также пріостанавливать исполненіе всякаго приговора общества, если признаетъ его противнымъ существующимъ постановленіямъ или вреднымъ для благосостоянія сельскаго общества, или нарушающимъ помѣщичьи права (ст. 148 сл. и 160 Общ. Пол.). Послѣднее правило особенно любопытно тѣмъ, что оно почти полностью перешло въ Пол. о земскихъ начальникахъ (ст. 31 Пол. уст. крест., изд. 1902 г.), которые оказываются прямыми преемниками власти помѣщика надъ его бывшими крѣпостными, временно-обязанными крестьянами.

Чтобы обезпечить взносъ крестьянами денежныхъ повинностей помѣщику, а затѣмъ выкупныхъ платежей, и предупредить уходъ крестьянъ, принимаются мѣры двоякаго характера. Во-первыхъ, бывшіе крѣпостные

Польская усадьба.

люди временно „укрѣпляются къ землѣ", по выраженію одного изъ членовъ редакціонныхъ комиссій, Позена. Въ теченіе первыхъ девяти лѣтъ, со дня утвержденія Положеній, крестьяне обязаны держать въ своемъ пользованіи отведенную имъ мірскую землю за установленныя повинности (ст. 120 Пол. Велик. и ст. 109 Пол. Малорос.). Это правило непосредственно отражалось и на личномъ положеніи крестьянъ: имъ совершенно отрѣзывалась возможность выхода изъ общества, такъ какъ, согласно п. 1 ст. 130 Общ. Пол., условіемъ для увольненія былъ именно отказъ отъ надѣла.

Но и по истеченіи первыхъ 9 лѣтъ какъ временная отлучка, такъ и увольненіе изъ общества, сверхъ общихъ условій, были поставлены въ зависимость отъ полной исправности крестьянина во взносѣ повинностей и выкупныхъ платежей (ст. 130 Общ. Пол.; ст. 172–179 Пол. о вык.).

Сверхъ общихъ условій для увольненія изъ общества, въ теченіе первыхъ девяти лѣтъ со времени утвержденія Положеній требуется еще согласіе помѣщика, за исключеніемъ лишь немногихъ случаевъ (Мѣст. Пол. Велик., ст. 130—145; — Малорос., ст. 140—146). Крестьяне, еще обязанные взносомъ выкупныхъ платежей, могутъ выходить изъ общества только по уплатѣ половины ссуды и, тѣмъ не менѣе, при условіи полнаго отказа отъ надѣла. Роль помѣщика переходитъ въ этотъ періодъ къ губ. по крест. дѣламъ присутствію (Пол. о вык., ст. 174 сл.).

Пріемъ новыхъ членовъ въ общество поставленъ въ зависимость отъ согласія помѣщика въ теченіе всего времени, пока крестьяне останутся временно обязанными (Мѣст. Пол. Велик., ст. 147 и 148; — Малорос., ст. 148 и 149).

Затѣмъ порядокъ взысканія повинностей въ пользу помѣщика приравненъ, по своей строгости и по пріемамъ понужденія неплательщиковъ, къ указанному выше порядку взысканія казенныхъ податей (Мѣст. Пол. Велик., ст. 257; — Малор., ст. 249). Допущено лишь одно отличіе—круговая порука по уплатѣ оброка устанавливалась только для общинниковъ (Мѣст. Пол. Велик., ст. 245), при наслѣдственномъ же участковомъ пользованіи мірской землей каждый домохозяинъ отвѣчалъ порознь за исправное отбываніе повинностей (Мѣст. Пол. Велик., ст. 248 и 250).

Какъ бы опасаясь, что общаго указанія на приравненіе повинностей и выкупныхъ платежей къ податямъ все еще недостаточно, Положенія съ утомительнымъ однообразіемъ повторяютъ длинный списокъ суровыхъ мѣръ воздѣйствія на неплательщиковъ (Мѣст. Пол. Велик., ст. 261—264;—Малор., ст. 253; Пол. о вык., ст. 127, 129 и 133). Въ случаѣ же недоимокъ по выкупнымъ платежамъ губернское начальство обязывается „принимать строгія мѣры для исправленія крестьянъ" (Пол. о вык., ст. 130). Очевидно, это намекъ на старое „исправное"—тѣлесное—наказаніе, котораго Положенія открыто не вводятъ, какъ мѣры взысканія платежей.

Такъ тревожная мысль о неминуемой неисправности вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости крестьянъ заставила авторовъ Положеній еще усугубить многочисленныя ограниченія, уже тяготѣвшія надъ „свободными сельскими обывателями". Но, на ряду съ этимъ, они были проникнуты сознаніемъ, что постановка общественнаго управленія, какъ оно сложилось у государственныхъ крестьянъ вѣдомства Министерства Государственныхъ Имуществъ, такъ несовершенна и настолько противорѣчитъ основнымъ его задачамъ, что не должна быть перенесена на освобожденныхъ крѣпостныхъ вѣдомства Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Поэтому они включили въ свою програму лишь вопросъ объ устройствѣ сельскихъ обществъ и волостей и общественнаго ихъ управленія. На дѣлѣ, постановленія, вошедшія по этому вопросу въ Положенія, оказались довольно близкими къ прежнему Киселев-

скому законодательству, хотя они все же составляли шагъ впередъ сравнительно съ нимъ. Всего отчетливѣе это сказалось въ организаціи и порядкѣ производства волостного суда, который, дѣйствительно, былъ поставленъ довольно независимо отъ администраціи. Шагъ впередъ, сдѣланный въ 1861 году, былъ снова сдѣланъ назадъ лишь въ 1889 г., при изданіи Положенія о земскихъ начальникахъ.

Въ наиболѣе существенныхъ чертахъ, однако, личное положеніе бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ сравнялось съ положеніемъ государственныхъ крестьянъ до реформы. Отступленія отъ послѣдняго, установленныя въ Положеніяхъ 19 февраля, не имѣли большого практическаго значенія. „Выколачивать“ подати и платежи изъ бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ энергичнѣе, чѣмъ то дѣлалось по отношенію къ остальнымъ „свободнымъ сельскимъ обывателямъ“, было невозможно, и ихъ недоимки росли неудержимо, невзирая ни на какія ухищренія властей. Органы же общественнаго управленія, созданные Положеніями, очень скоро были поставлены администраціей фактически въ то самое положеніе, въ которомъ и юридически находились „власти и мѣста волостныя и сельскія“ у государственныхъ крестьянъ,—въ положеніе простыхъ исполнителей приказовъ губернскихъ и уѣздныхъ, въ особенности полицейскихъ, властей.

Вечеръ въ Великую Субботу (эскизъ Перова).

Значеніе реформы 19 февраля для личнаго положенія крѣпостныхъ людей сводится къ слѣдующему. Въ конечномъ результатѣ своемъ она вполнѣ упразднила непосредственную личную зависимость крестьянъ отъ своихъ

помѣщику-владѣльцу. При этомъ правомочія владѣльцевъ, носившія гражданско-правовой характеръ, были совершенно отмѣнены, не безвозмездно, хотя, мы увидимъ, не безостаточно. Правомочія же помѣщика публично-правового характера, напр., его власть примѣнять „исправныя" наказанія и ссылать, перешли почти полностью къ органамъ управленія, частью къ общегосударственнымъ органамъ, а главнымъ образомъ, къ „міру", къ сословному крестьянскому обществу. Послѣднему была дана почти безотчетная власть надъ личностью своихъ членовъ. Благодаря этому публично-правовыя ограниченія большею частью остались въ силѣ, и даже понынѣ отмѣнены не всѣ (ссылка по приговору общества). Они и впредь продолжали лежать на освобожденномъ крестьянинѣ тяжелымъ бременемъ, подавляли въ немъ предпріимчивость и энергію, искусственно сохраняли навыки, сложившіеся въ неволѣ,—склонность безправнаго, забитаго „подданнаго" къ безотчетному бунтарству, при отсутствіи выдержки въ повседневной борьбѣ за свои права. Они же всего больше содѣйствовали тому, что и послѣ освобожденія крестьянинъ часто остается безпечнымъ хозяиномъ, въ критическую минуту разсчитывающимъ на стороннюю помощь, преимущественно на помощь правительства, принявшаго на себя такъ много функцій прежняго барина. Всѣ эти черты, однако, особенно обострились подъ вліяніемъ хозяйственныхъ условій, въ которыя реформа ставила бывшаго крѣпостного. Перейдемъ къ разсмотрѣнію ихъ.

III.

Поземельное устройство бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ.

Въ Положеніяхъ 19 февраля вопросъ о личномъ освобожденіи крестьянъ связанъ неразрывно съ вопросомъ объ устройствѣ ихъ „хозяйственнаго быта" и поземельныхъ отношеній къ бывшимъ ихъ владѣльцамъ. Въ этомъ, конечно, одна изъ великихъ заслугъ изучаемаго нами законодательнаго акта. Освобожденіе крестьянъ безъ земли было бы, правда, едва ли осуществимо. Повидимому, это всегда сознавалось правительствомъ, и, по мѣрѣ того, какъ подвигалась разработка реформы, это признавало также дворянство. Тѣмъ не менѣе, именно по поводу этой стороны реформы, ея авторамъ пришлось преодолѣть еще большія какъ юридическія, такъ и фактическія препятствія, нежели при обсужденіи личнаго освобожденія.

Можно ли опредѣлить въ юридическихъ терминахъ характеръ правъ на землю, находившуюся въ пользованіе крѣпостныхъ крестьянъ, съ одной стороны помѣщика, а съ другой—самихъ крестьянъ? Въ дореформенной литературѣ рѣшительно преобладало мнѣніе, находившее себѣ поддержку, не столько въ постановленіяхъ, сколько въ терминологіи закона, что вся ихъ

земля принадлежала помѣщикамъ на неограниченномъ вотчинномъ правѣ. Такой выводъ едва ли правиленъ. Онъ уже тогда оспаривался нѣкоторыми юристами. Такъ, напр., Ворошиловъ доказывалъ въ статьѣ „О соотношеніи правъ вотчиннаго и крѣпостного", помѣщенной въ „Отечественныхъ Запискахъ" за 1859 годъ, что вотчинное право помѣщика на землю, заселенную крестьянами, было не полное. Еще раньше, въ 1857 г., Ю. Ѳ. Самаринъ писалъ объ „историческомъ правѣ" крѣпостныхъ крестьянъ на землю. Въ настоящее время мы можемъ кое въ чемъ усилить не всегда убѣдительную аргументацію этихъ авторовъ. Какъ отмѣчаетъ В. О. Ключевскій (Курсъ IV, 424), сословная привилегія помѣщиковъ владѣть крѣпостными людьми была вмѣстѣ съ

Передъ охотой (Стефановскаго).

тѣмъ правительственнымъ полномочіемъ, которымъ самое право дворянской собственности отчасти поглощалось: оно претворялось изъ института гражданскаго права въ государственное учрежденіе. Но правительственныя полномочія подчиненныхъ, подзаконныхъ органовъ, по самому существу своему, de jure не могутъ быть неограниченными, даже если они de facto безотчетны. Имъ, кромѣ того, необходимо соотвѣтствуютъ извѣстныя обязанности, точнѣе — они сами составляютъ не субъективное право ихъ носителей, а ихъ долгъ.

Долгомъ помѣщика было, между прочимъ, „пещись о продовольствіи и благосостояніи крѣпостныхъ его людей" (ст. 1102 сл. т. IX). Точнѣе опредѣляя эту обязанность помѣщика, указы 27 ноября 1814 г., 15 февраля

1827 г. и 29 января 1843 г. установили правило, что при отчужденіи земли помѣщикомъ не дозволять оставлять въ пользованіи у крестьянъ менѣе четырехъ съ половиною десятинъ на душу, въ противномъ случаѣ крестьяне берутся въ казенное вѣдомство. Пусть санкція этого правила была недостаточна и оно часто на практикѣ нарушалось, норма сохраняла свою силу. Въ принципѣ помѣщикъ былъ обязанъ надѣлять своихъ крестьянъ достаточнымъ „пашеннымъ жеребьемъ". Такимъ образомъ тотъ пекулій, тотъ надѣлъ, который помѣщикъ предоставлялъ крѣпостному, отводился на прекарномъ правѣ, но все же на основаніи права. Это вполнѣ наглядно выступаетъ тамъ, гдѣ вводились инвентари, хотя въ правилахъ о нихъ законодатель держался совершенно той же терминологіи, какъ относительно центральныхъ губерній, признавая всю землю помѣщика его „неотъемлемой собственностью". Напримѣръ, § 1 правилъ 1852 г. для управленія помѣщичьими имѣніями въ губерніяхъ Виленской и др., которыя воспроизводятъ правила для юго-западныхъ губерній 1848 года, говоритъ: „Вся земля, находящаяся нынѣ въ пользованіи крестьянъ, должна, какъ мірская, оставаться у нихъ безъ всякаго измѣненія".

Эти, безспорно скудныя и неточныя, постановленія закона дополнялись и подкрѣплялись перешедшимъ въ живое сознаніе народа убѣжденіемъ, въ данномъ случаѣ, повидимому, вполнѣ откристаллизовавшимся въ обычноправовую норму, что крестьяне составляютъ какъ бы принадлежность земли и, лишь вмѣстѣ съ нею, собственность помѣщика. Этотъ взглядъ раздѣляли также многіе помѣщики, въ томъ числѣ и авторы Положеній. Смѣшивая народное убѣжденіе съ первоначальной структурой крѣпостного права, они пишутъ въ своемъ представленіи въ Главный Комитетъ: „отрѣшиться теперь отъ этой исторической основы, очевидно, невозможно".

Недостаточно было, однако, признать необходимымъ упроченіе правъ крестьянъ на надѣлъ. Нужно было найти практическій путь къ осуществленію этой задачи, которая особенно затруднялась разнообразіемъ мѣстныхъ условій и отсутствіемъ подготовительныхъ мѣръ.

Среди дворянъ, искренно сочувствовавшихъ освобожденію, была весьма распространена мысль, что достаточно упразднить власть помѣщика надъ личностью крестьянина; тогда уже легко будетъ средствами гражданскаго права распутать узелъ ихъ взаимныхъ поземельныхъ отношеній, такъ туго затянутый за время существованія крѣпостного права.

Этотъ взглядъ раздѣляли не только сторонники безземельнаго освобожденія: многіе изъ тѣхъ, кто считалъ необходимымъ надѣленіе крестьянъ землею, надѣялись, что, по упраздненіи личной зависимости, поземельныя отношенія съ успѣхомъ удастся упорядочить на почвѣ добровольныхъ соглашеній между помѣщиками и крестьянами. На этой точкѣ зрѣнія стоялъ, напримѣръ, въ своихъ первоначальныхъ проектахъ Ю. Ѳ. Самаринъ. Ее усвоили также авторы Положеній, хотя они тѣмъ самымъ впадали въ открытое,

непримиримое противорѣчіе съ мелочной опекой, подавляющей возможность какой-либо хозяйственной иниціативы, которую они сами установили надъ личностью крестьянина. На ряду съ полнымъ недовѣріемъ къ способности крестьянъ цѣлесообразно использовать дарованную имъ хозяйственную свободу, кажется почти наивной надежда, что самый трудный вопросъ можно предоставить на произволъ случайныхъ сдѣлокъ между заинтересованными сторонами. Послѣднія, правда, были прикованы другъ къ другу суровой дѣйствительностью; но мечты ихъ, при отсутствіи навыка къ трезвой оцѣнкѣ этой дѣйствительности, воспитываемаго лишь долгой практикой свободныхъ соглашеній, далеко расходились. желаніе помѣщика, по возможности, удержать

Передъ охотой (Степанова).

всю землю сталкивалось съ безграничными ожиданіями народа, чаявшаго дополнительнаго надѣленія и „чистой воли“.

Редакціонныя комиссіи пишутъ въ своемъ представленіи въ Главный Комитетъ: „Сознавая превосходство всякой свободной сдѣлки, какъ такого разрѣшенія, которое само въ себѣ заключаетъ несомнѣнное ручательство своей обоюдной безобидности, передъ вынужденнымъ подчиненіемъ предустановленному порядку вещей, комиссіи предоставили широкій просторъ добровольнымъ соглашеніямъ, обусловивъ ихъ утвержденіе соблюденіемъ только трехъ правилъ. 1) дознаніемъ дѣйствительной ихъ добровольности; 2) недопущеніемъ условій, увѣковѣчивающихъ барщину и личную зависимость, неразрывно связанную съ этимъ видомъ повинности; 3) надѣленіемъ крестьянъ не на ограниченный срокъ, а въ постоянное, безсрочное пользо-

ной и въ количествѣ, достаточно обезпечивающемъ крестьянскій бытъ и исправное отправленіе государственныхъ повинностей".

Помимо ряда случаевъ, предусмотрѣнныхъ Правилами о введеніи въ дѣйствіе Положеній, носившихъ преимущественно временный характеръ, это начало предпочтенія добровольныхъ соглашеній было проведено и относительно самаго осуществленія Положеній. Какъ общее правило для опредѣленія размѣровъ надѣла и повинностей, оно провозглашается въ Общемъ Положеніи (ст. 6), въ Мѣст. Пол. Велик. (ст. 9) и Малорос. (ст. 8); но оно не принято за исходное начало въ мѣстныхъ положеніяхъ для западныхъ губерній, гдѣ уже были введены инвентари. Условія, которымъ должны были отвѣчать эти соглашенія, довольно подробно опредѣлялись въ многочисленныхъ статьяхъ всѣхъ положеній. Наиболѣе существенны тѣ, которыми, по соглашенію съ противной стороной, разрѣшалось: помѣщику —уменьшать надѣлъ (Мѣстн. Пол. Велик., ст. 121, —Малорос., ст. 114, —Кіевск., ст. 15; —Вилен., ст. 94, прим.), а крестьянамъ отказываться отъ отведенной имъ земли (Мѣстн. Пол. Велик., ст. 121—123, 126, 132, п. 2;—Малорос., ст. 110, 114—116, 119 пр.; Кіев., ст. 93, 95, 96, п. 2, 99, 102 пр., 104, п. 2;—Вилен., ст. 89, 90, 91 пр., 95, 96).

Допущеніе добровольныхъ соглашеній, несомнѣнно, оказало серьезное вліяніе на исходъ реформы, притомъ, большею частью, неблагопріятное для крестьянъ, какъ той изъ договаривавшихся сторонъ, которая была экономически слабѣе и недальновиднѣе. Послѣднее сказалось особенно сильно тамъ, гдѣ крестьяне, либо въ расчетѣ на ожидавшуюся ими въ будущемъ „чистую волю", либо соблазненные низкими еще, по сравненію съ повинностями за надѣлъ, арендными цѣнами на помѣщичьи земли, какъ въ Поволжьѣ, охотно шли на „даровой" надѣлъ по ст. 123 Мѣстн. Пол. Велик.

Но построить всю сложную операцію надѣленія крестьянъ на началахъ добровольнаго соглашенія не удалось и не могло удасться. Это предвидѣли сами авторы Положеній. Они пишутъ: „Допуская и поощряя, въ указанныхъ предѣлахъ, всякаго рода добровольныя сдѣлки, комиссіи, однако, никогда не раздѣляли мысли, чтобы этимъ способомъ можно было замѣнить установленіе обязательныхъ правилъ, опредѣляющихъ права крестьянъ на поземельный надѣлъ и права помѣщиковъ на повинность".

До введенія въ дѣйствіе уставной грамоты крестьяне продолжаютъ пользоваться усадьбами и полевыми угодьями такъ, какъ они пользовались ими раньше (Прав. привед. въ дѣйств., ст. 4).

Затѣмъ уставная грамота закрѣпляла за ними надѣлъ въ размѣрѣ, который устанавливался на основаніи мѣстнаго положенія. При этомъ законъ настойчиво указываетъ, что помѣщики сохраняютъ право собственности на всѣ принадлежащія имъ земли, а предоставляютъ усадебную осѣдлость и полевыя и другія угодія лишь въ *постоянное пользованіе* крестьянъ

(Общ. Пол., ст. 3; Мѣстн. Пол. Велик., ст. 98; —Малор., ст. 92). Эта терминологія закона, однако, едва ли точна: ея цѣль скорѣе прикрыть дѣйствительное положеніе, нежели ясно формулировать его, очевидно—чтобы нѣсколько смягчить впечатлѣніе отъ глубокаго переворота въ юридическихъ отношеніяхъ сторонъ къ землѣ. Уже многіе участники реформы сознавали, что на дѣлѣ крестьяне получаютъ землю не только въ постоянное, но и въ безповоротное владѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, законъ предусматриваетъ возможность возвращенія отведеннаго по уставной грамотѣ надѣла къ помѣщику, но допускаетъ его лишь въ совершенно исключительныхъ случаяхъ. Добровольный отказъ общества отъ надѣла, напр., по ст. 55 Пол. о вык., при этомъ въ счетъ не идетъ, такъ какъ отказъ возможенъ вообще почти отъ всякаго гражданскаго права. Установленные въ Положеніяхъ случаи принудительнаго возвращенія мірского надѣла слѣдующіе: превращеніе селенія въ посадъ или мѣстечко и двукратное лишеніе крестьянъ участка за недоимку, при чемъ послѣднее обставлено рядомъ ограничительныхъ постановленій (Мѣстн. Пол. Велик., ст. 132—138;—Малорос., ст. 132—139;—Кіев., ст. 104—109; —Вилен., ст. 94—100). Земля, однажды надѣленная крестьянамъ, не подлежитъ родовому выкупу (Пол. о вык., ст. 5, пр. 1) и не можетъ быть отчуждена въ пользу вступщика по иску его къ помѣщику. Одновременно съ этимъ, свобода крестьянъ въ правѣ пользованія мірскимъ надѣломъ подлежитъ лишь незначительнымъ стѣсненіямъ (Мѣст. Пол. Велик., ст. 100—108;—Малорос., ст. 100—108;—Кіев., ст. 78—85;—Вилен., ст. 72—80).

Даже право распоряженія предоставляется крестьянамъ относительно мірской земли, хотя уже съ весьма серьезными ограниченіями, неизбѣжно связанными съ обязательнымъ держаніемъ надѣла и съ необходимостью обезпечить поступленіе повинностей.

Обобщая отдѣльныя правомочія крестьянъ на мірской надѣлъ въ періодъ ихъ временно-обязанныхъ отношеній къ помѣщику, мы можемъ конструировать такое безповоротное владѣніе землей, соединенное съ полной почти свободой въ пользованіи ею, только какъ возникшее на почвѣ русскаго права dominium utile, какъ своего рода неполную собственность. За помѣщикомъ остается лишь верховное право собственности (dominium directum), равносильное, какъ и на Западѣ, праву на повинности, отбываемыя съ земли, и на нѣкоторыя публично-правовыя прерогативы,—какъ право охоты, рыбной ловли и т. п. (Мѣстн. Пол. Велик., ст. 103—104; ср. Ю. Ѳ. Самаринъ, Сочиненія, т. III, стр. 446).

Надѣлъ отводится крестьянамъ не только въ постоянное или, по первоначальнымъ проектамъ, въ безсрочное, но на первыя девять лѣтъ и въ обязательное пользованіе, съ правомъ отказаться отъ него лишь съ соблюденіемъ цѣлаго ряда очень стѣснительныхъ условій (Мѣст. Пол. Велик., ст. 120 сл.;—Малор., 109 сл.).

Самая рѣшительная мѣра несомнѣнно была подсказана опасеніемъ, далеко не лишеннымъ основаній, что мѣстами крестьяне предпочтутъ забросить свой надѣлъ, нежели нести повинности, значительно превышающія доходъ съ него. Практическое значеніе этой мѣры сказалось преимущественно въ тѣхъ дальнѣйшихъ ограниченіяхъ, которыя вытекали изъ нея. Но и къ юридической характеристикѣ самого надѣла она прибавила знаменательную черту, придавъ ему какъ бы характеръ тягла. Этимъ прежде всего объясняется, что съ переходомъ въ другое сословіе или общество крестьянинъ безусловно утрачивалъ право пользованія мірскою землей того общества, изъ котораго онъ вышелъ, не только при общинномъ (Мѣстн. Пол. Велик., ст. 99), но и при подворномъ владѣніи (Мѣст. Пол. Малор., ст. 99;—Кіев., ст. 77). По мысли авторовъ Положеній, эта черта была, однако, лишь временной, свойственной только мірской землѣ, пока она не выкуплена. Но послѣдующимъ законодательствомъ конца XIX столѣтія она уже была превращена въ постоянное свойство (indelebilis) путемъ закрѣпленія „надѣльной“ земли за крестьянами, какъ за сословіемъ.

Земля, отведенная крестьянамъ по уставной грамотѣ, именуется въ мѣстныхъ положеніяхъ „мірскимъ“ надѣломъ (Мѣстн. Пол. Вел., ст. 98;—Малор., ст. 92;—Кіев., ст. 3). Въ нашей литературѣ терминъ „мірской“ сталъ какъ бы синонимомъ „общиннаго“. Подъ вліяніемъ этого словоупотребленія многіе авторы, толкуя Положенія, усматривали передачу земли въ собственность общины, сельскаго общества, всюду, гдѣ говорится о „мірской землѣ“. Возможности того, что этотъ терминъ будетъ истолкованъ въ приведенномъ смыслѣ, опасались уже членъ редакціонной комиссіи Залескій и членъ-экспертъ отъ Кіевскаго губернскаго дворянскаго комитета Грабянка. На дѣлѣ, однако, Положенія послѣдовательно различаютъ понятія „общинный“ и „мірской“. Послѣдній терминъ взятъ изъ правилъ о составленіи инвентарей: имъ обозначается вся вообще земля, которая должна оставаться въ пользованіи крѣпостныхъ крестьянъ безъ измѣненія. Совершенно очевидно, что тутъ, напримѣръ, въ Виленской, Гродненской и другихъ губерніяхъ Литвы, не могло быть рѣчи объ общинномъ владѣніи или хотя бы только о правѣ на землю общества крестьянъ, какъ юридическаго лица. „Мірская“ земля означала здѣсь Bauernland—„крестьянскую“ землю, по образцу остзейскаго законодательства, которое разрѣшаетъ помѣщику пользоваться ею только путемъ отдачи въ крестьянское держаніе или продажи ея крестьянамъ. Этотъ институтъ полагалъ необходимымъ ввести въ общерусское законодательство и Ростовцевъ (ср. Скребицкій, „Крестьянское дѣло“, I, стр. 958, пр. 4). Онъ и воспринятъ Положеніями, какъ то особенно ясно видно изъ ст. 6, прим. 2 Мѣстн. Пол. Вилен., гдѣ мірская земля названа „крестьянской“. Но этотъ институтъ долженъ былъ имѣть значеніе лишь переходной стадіи,—пока крестьяне останутся временно-обязанными. Въ теченіе этого періода

помѣщикъ обязанъ оставлять мірскую землю въ крестьянскомъ держаніи. Напримѣръ, ст. 135 Мѣстн. Пол. Велик. постановляетъ: „Каждый крестьянинъ, принадлежащій къ обществу, буде за нимъ не числится недоимки, имѣетъ право требовать передачи себѣ такой свободной земли (т.-е. отобранной у другихъ крестьянъ за недоимку въ повинностяхъ) въ постоянное пользованіе“. Это довольно типичное примѣненіе начала „Leihezwang“.

Такой институтъ долженъ былъ упраздниться само собою, какъ только крестьяне получатъ право полной собственности на надѣлъ. Поэтому Общее Положеніе въ общей своей части уже не знаетъ самаго термина „мірская“ земля. Оно говоритъ только о движимыхъ и недвижимыхъ имуществахъ, пріобрѣтенныхъ въ собственность либо отдѣльными крестьянами (ст. 33), либо сельскимъ обществомъ (ст. 34). Обѣ эти статьи имѣютъ въ виду какъ земли, пріобрѣтенныя по нормамъ общаго права, такъ и земли, выкупленныя у помѣщика (Пол. о вык., ст. 159, конецъ).

Послѣднія вполнѣ приравниваются къ первымъ, за тѣмъ лишь исключеніемъ, что даже въ случаѣ перехода на выкупъ, „въ продолженіе первыхъ девяти лѣтъ, со времени утвержденія Положеній, означенныя земли не могутъ быть отчуждаемы или закладываемы постороннимъ лицамъ, не принадлежащимъ къ обществу“. По истеченіи девяти лѣтъ стирается и эта черта, отдѣляющая прежнія „мірскія“ земли отъ земель общаго права.

Міръ, а въ Малороссіи — громада не были субъектами правъ на землю. Это—крестьянство, „мірское“ общество какъ административная единица. Такъ „мірскія повинности“ противополагаются государственнымъ и „земскимъ“. Ст. 177 Общ. Пол. говоритъ: „Къ мірскимъ повинностямъ относятся тѣ повинности, которыя отправляются каждымъ обществомъ, сельскимъ или волостнымъ, особо, для удовлетворенія внутреннихъ его потребностей“.

Міру и его избраннымъ предоставляется завѣдываніе общественными дѣлами въ каждомъ сельскомъ и волостномъ обществѣ (Общ. Пол., ст. 17). Образуются не только сельскія, но и волостныя мірскія суммы и имущества (Общ. Пол., ст. 84, п. 7), тогда какъ волость, какъ таковая, не получала надѣла.

Субъектомъ надѣленія были: сельское общество — при общинномъ владѣніи, или отдѣльныя крестьянскія „семейства“—при подворномъ, участковомъ или наслѣдственномъ пользованіи (напр., Мѣстн. Полож. Малор., ст. 93—97). Въ первомъ случаѣ „міръ“, сходъ домохозяевъ, на ряду съ вопросами публичнаго права, рѣшаетъ всѣ „дѣла, относящіяся до общиннаго пользованія мірскою землею“ (Общ. Пол., ст. 51, п. 6). При общинномъ владѣніи земля выкупается всѣмъ обществомъ, какъ юридическимъ лицомъ, и разверстывается имъ между своими членами (Пол. о вык., ст. 56 и 160; Общ. Пол., ст. 35 и 36; Мѣстн. Пол. Велик., ст. 113 пр.).

Семейнымъ же участкомъ распоряжается домохозяинъ, и лишь тѣ участки, хозяева которыхъ не оставили послѣ себя наслѣдниковъ, поступаютъ въ распоряженіе общества. Помимо этого случая, громада распоряжается только участками мірской земли, по какому-либо случаю остающимися праздными или не состоящими въ подворномъ пользованіи (Общ. Пол., ст. 51, п. 7; ср. еще Пол. о вык., ст. 136, п. 6). Семейные участки выкупаются отдѣльными домохозяевами (Пол. о вык., ст. 166) и должны составить личную собственность каждаго изъ нихъ. Положенія выдвигаютъ міръ при подворномъ владѣніи не съ тѣмъ, чтобы предоставить ему право собственности на надѣлъ, а чтобы, по возможности, и при такой формѣ владѣнія поставить помѣщика лицомъ къ лицу не съ отдѣльнымъ крестьяниномъ, а со всѣмъ обществомъ. Послѣднее должно было прикрыть отдѣльнаго крестьянина, лучше обезпечить его личность отъ произвольныхъ дѣйствій помѣщика.

Практически самой трудной и, вмѣстѣ съ тѣмъ, важнѣйшей задачей Положеній было опредѣлить размѣръ и составъ надѣла. За исходную точку они берутъ существующій фактъ, надѣлъ, какъ онъ установился въ эпоху крѣпостного права подъ вліяніемъ хозяйственныхъ и бытовыхъ условій (Мѣстн. Пол. Велик., ст. 17 и 53). Но авторы Положеній опасались, что въ центральной Россіи фактическія условія во многихъ имѣніяхъ будутъ отличаться „случайными крайностями“: отдѣльные помѣщики могли „сбить съ пашни“ своихъ крестьянъ, болѣе или менѣе обезземелить ихъ, другіе могли оставлять въ пользованіи крестьянъ несоразмѣрно много земли, подчасъ всю свою землю.

Для исправленія этихъ крайностей Положенія прибѣгаютъ къ довольно сложной системѣ коррективовъ, которая, впрочемъ, односторонне клонилась къ урѣзкѣ существовавшихъ раньше надѣловъ и которая была результатомъ не какой-либо „отвлеченной теоріи“, какъ говорятъ редакціонныя комиссіи въ своемъ представленіи въ Главный Комитетъ, „основанной на математическомъ отношеніи исчисленныхъ потребностей крестьянъ къ производительности почвы и цѣнности земли къ цѣнности денегъ и труда“, а результатомъ компромисса, состоявшагося между представителями интересовъ помѣщиковъ и „бюрократами“, отстаивавшими интересы крестьянъ, конечно, менѣе энергично, чѣмъ помѣщики свои собственные.

Въ западныхъ губерніяхъ сравнительно прочнымъ основаніемъ послужили инвентари. На этихъ губерніяхъ мы не будемъ останавливаться. Счетной же единицей при исчисленіи надѣла по мѣстнымъ положеніямъ Великороссійскому и Малороссійскому была принята, согласно съ практикой Министерства Государственныхъ Имуществъ при опредѣленіи „пропорцій“ для государственныхъ крестьянъ, ревизская душа, а не тягло, которое при крѣпостномъ правѣ составляло основную хозяйственную единицу въ помѣщичьихъ имѣніяхъ Великороссіи, и не дворъ, который служилъ таковой же въ Мало-

Ярмарка.

(Кустодіева).

[illegible] участки. [illegible] [illegible] поступають въ [illegible] [illegible] только [illegible] праздными [illegible] (Общ. Пол., [illegible] 53 и 7; ср. [illegible] участіи [illegible] отдѣльными [illegible] 1861) [illegible] собственность [illegible] при подворномъ [illegible] на на- [illegible] поставить [illegible] крестьяниномъ, а со всѣмъ [illegible] крестьянина [illegible] помѣщика.

[illegible] задачей [illegible] исходную точку [illegible] какъ онъ установился въ эпоху [illegible] хозяйственныхъ и бытовыхъ условій [illegible] (15 и сл.) [illegible] Положенія опасались, что [illegible] Россіи [illegible] условія во многихъ имѣніяхъ будутъ [illegible] „[illegible]" отдѣльные [illegible] могли „сбить [illegible]" своихъ крестьянъ болѣе или менѣе [illegible] ихъ другіе [illegible] многіе земли, под- [illegible]

[illegible] Положенія прибѣгаютъ къ довольно [illegible] односторонне клонилась къ [illegible] и которая была результатомъ не [illegible] „[illegible] теоріи", какъ говорятъ редакціонныя коммиссіи въ [illegible] „основанной на математическомъ [illegible] крестьянъ къ производительности [illegible] и [illegible]", а результатомъ [illegible] интересовъ помѣщиковъ [illegible] конечно, менѣе энер- [illegible]

[illegible] основаніемъ послу- [illegible] останавливаться Счет- [illegible] Велико- [illegible] Мини- [illegible] опредѣленія „пропорцій" для госу- [illegible] при крѣпост- [illegible] помѣщичьихъ [illegible] Мало-

россіи (Мѣстн. Пол. Велик., ст. 6—8;—Малор., ст. 5 и 6) Затѣмъ все въ виду того же отсутствія подготовительныхъ работъ, оказалось невозможнымъ установить размѣръ душевого надѣла по отдѣльнымъ имѣніямъ или хотя бы по естественнымъ и достаточно мелкимъ районамъ. Пришлось и тутъ послѣдовать примѣру вѣдомства государственныхъ имуществъ. Послѣднее раздѣляло губерніи, въ отношеніи надѣленія крестьянъ, на много- и малоземельныя: въ первыхъ оно отводило крестьянамъ по 15 дес., а во вторыхъ—по 8 дес. на душу. Авторы Положеній усовершенствовали эту систему.

Губерніи великороссійскія, новороссійскія и бѣлорусскія были раздѣлены, для опредѣленія въ каждой изъ нихъ размѣровъ душевого надѣла, на три полосы: первую, вторую и третью (Мѣстн. Пол. Велик., ст. 10). Къ первой полосѣ отнесены нечерноземныя мѣстности: 14 губерній, главнымъ образомъ, озерной области и промышленнаго района, полностью и рядъ нечерноземныхъ уѣздовъ или частей такихъ уѣздовъ изъ другихъ губерній, въ остальной части своей отнесенныхъ къ черноземной полосѣ (ст. 11). Въ составъ второй, черноземной полосы вошли губерніи: Воронежская, Курская, Симбирская и Харьковская, а затѣмъ черноземные уѣзды или части таковыхъ изъ 12 другихъ среднихъ и поволжскихъ губерній (ст. 12). Наконецъ третью, степную полосу составили губерніи: Астраханская, Екатеринославская, Таврическая и Херсонская и части Оренбургской, Самарской и Саратовской губ. (ст. 13).

Борзятникъ (П. Соколова).

Каждая изъ этихъ трехъ полосъ дѣлилась на мѣстности по цѣнности надѣла (ст. 14). Для каждой изъ такихъ „мѣстностей“, входившихъ въ первую или во вторую полосу, устанавливается два размѣра надѣловъ на душу: высшій и, всюду въ одну треть его, низшій (ст. 16). На цѣлое сель

каго душевого надѣла исчислялся путемъ умноженія этихъ нормъ на число душъ, принадлежащихъ къ обществу. Въ предѣлахъ первой, нечерноземной полосы, раздѣленной на [illegible] „мѣстностей“, размѣръ высшаго надѣла колебался между 3 и 7 десятинами. Вторая, черноземная полоса раздѣлена на [illegible] „мѣстностей“, высшіе надѣлы для которыхъ равны отъ 2 дес. 1.800 кв. саж. до 6 дес. Согласно съ этимъ составлено подробное расписаніе губерній, уѣздовъ и ихъ частей съ указаніемъ размѣровъ надѣла для нихъ (прил. къ ст. 15). Въ среднемъ такъ называемый высшій надѣлъ равнялся дѣйствительному надѣлу при крѣпостномъ правѣ.

Юридическое значеніе этихъ расчетовъ слѣдующее. Въ принципѣ, въ каждомъ селеніи первой и второй полосы въ постоянномъ пользованіи крестьянъ оставлялись усадьбы, выпускъ, пахотныя, сѣнокосныя и пастбищныя земли въ томъ количествѣ десятинъ, которымъ крестьяне пользовались при крѣпостномъ правѣ. Но если прежній надѣлъ превышалъ высшій для данной мѣстности размѣръ надѣла, то помѣщикъ могъ **отрѣзать излишекъ**: если же онъ былъ меньше низшаго размѣра, то помѣщикъ долженъ былъ или **прирѣзать** недостающее количество земли или понизить повинности „соразмѣрно количеству земли, недостающему противъ низшаго размѣра надѣла“. Это право помѣщика лишало „низшій надѣлъ“ указаннаго ему въ законѣ значенія предѣльной нормы, ниже коей не должно опускаться обезпеченіе крестьянъ землею, не говоря даже о случаяхъ, когда крестьяне добровольно соглашались получить „даровой надѣлъ“, пониженный до одной четверти высшаго (т.-е. до трехъ четвертей низшаго) или указнаго надѣла (Мѣстн. Пол. Велик., ст. 123). Независимо отъ всего этого, помѣщикъ имѣлъ право удержать **до одной трети** общей совокупности удобныхъ земель, хотя бы для этого приходилось понизить прежній надѣлъ до низшаго размѣра (ст. 17—20).

Для третьей, степной полосы, къ которой отнесены также Область Войска Донского, Ставропольская губ. и Сибирь, былъ установленъ только одинъ **указный** размѣръ надѣла на душу. Объясняется это тѣмъ, что въ степной полосѣ, гдѣ еще преобладало залежное или переложное хозяйство, крестьянамъ обыкновенно не отводились въ пользованіе опредѣленные участки, а имъ предоставлялось пахать и косить періодически въ разныхъ частяхъ имѣнія. Степная полоса также была разбита на „мѣстности“: ихъ было пять великороссійскихъ и семь новороссійскихъ. Число десятинъ, причитавшихся на душу для каждой мѣстности, указано въ приведенномъ уже приложеніи къ ст. 15 Мѣстн. Пол. Велик. Но и въ этой полосѣ помѣщикъ могъ уменьшить [illegible] надѣлъ настолько, чтобы во всякомъ случаѣ удержать до половины общей совокупности принадлежащихъ ему удобныхъ земель (ст. 22).

Для опредѣленія размѣровъ надѣла въ Малороссіи, Полтавская губернія была раздѣлена на [illegible], Черниговская—на три и Харьковская—на четыре

мѣстности. Для каждой изъ нихъ установлены, какъ для первой и второй полосы Великороссіи, по два размѣра надѣловъ на душу: высшій и низшій, при чемъ, однако, низшій надѣлъ равняется не трети, а половинѣ высшаго. Кромѣ того, въ Малороссіи устанавливались особые пѣшіе полевые участки (Мѣстн. Пол. Малор., ст. 38 и 41), такъ какъ тамъ въ большинствѣ имѣній, какъ и въ западныхъ губерніяхъ, крестьяне не надѣлялись помѣщикомъ равномѣрно, по тягламъ, а раздѣлялись на тяглыхъ и пѣшихъ хозяевъ, т. е. не имѣвшихъ опредѣленнаго количества рабочаго скота (воловъ). Таблица распредѣленія Черниговской, Полтавской и Харьковской губ. на мѣстности, съ указаніемъ высшаго душевого надѣла полевой и усадебной земли (отъ $2^3/_4$ до $4^1/_2$ дес.) и высшаго размѣра пѣшаго участка (отъ 4 до 7 дес.), а также съ обозначеніемъ повинностей за нихъ приложена къ ст. 9 Мѣстн. Пол. Малор.

Изъ постановленій о с о с т а в ѣ крестьянскаго надѣла слѣдуетъ упомянуть, что въ счетъ полагались только удобныя земли (Мѣстн. Пол. Велик., ст. 26;—Малор., ст. 19;—Кіев., ст. 16;—Вилен., ст. 136). Л ѣ с а не включались въ надѣлъ, кромѣ кустарниковъ (Мѣстн. Пол. Велик., ст. 29—31;—Малор., ст. 21). Это правило, несправедливое и по существу, въ чисто лѣсныхъ имѣніяхъ подчасъ давало поводъ къ еще большему сокращенію надѣловъ, чѣмъ то предусматривалось закономъ.

IV.

Повинности и выкупъ ихъ.

При крѣпостномъ правѣ крестьяне отбывали повинности по тремъ основаніямъ. Косвенно, они несли государственное тягло, вознаграждая помѣщика, какъ представителя власти, исполнявшаго рядъ правительственныхъ полномочій—полицеймейстера, судьи по мелкимъ дѣламъ и отвѣтственнаго сборщика податей. Затѣмъ крестьяне несли помѣщичье тягло въ видѣ барщины или натуральнаго и денежнаго оброка. Частью они тѣмъ платили помѣщику за пользованіе предоставленной имъ земли, частью же отбывали повинности въ его пользу исключительно въ силу своей личной, крѣпостной въ тѣсномъ смыслѣ термина, зависимости отъ владѣльца. Всѣ эти элементы подъ конецъ слились въ одно цѣльное, бытовое явленіе, какъ вѣрно замѣчаетъ Д. Самаринъ (въ предисловіи къ III тому сочиненій Ю. Ѳ. Самарина). Но этотъ авторъ не правъ, утверждая, что разлагать это явленіе при отмѣнѣ крѣпостного права на его составныя части,—значило производить безплодныя теоретическія построенія. Мы уже указали во вступленіи къ настоящей статьѣ, что австрійское законодательство, соблюдая юридическую послѣдо-

[illegible]. Съ должнымъ практическимъ успѣхомъ произвело эту безспорно тяжкую юридическую операцію. Напротивъ, неумѣніе и нежеланіе авторовъ реформы въ Россіи прибѣгнуть къ подобной аналитической работѣ пагубно отразилось на успѣшности реформы, которая по вопросу объ опредѣленіи повинностей оказалась построенной на основаніяхъ, произвольныхъ съ юридической точки зрѣнія, несправедливыхъ и нецѣлесообразныхъ въ фискальномъ отношеніи.

Прежде всего Положенія слагають съ помѣщика, по истеченіи перваго переходнаго періода въ два года, всѣ, безъ изъятія, публично-правовыя обязанности. За нимъ оставлены лишь нѣкоторыя почетныя права. Предоставленной помѣщику, въ періодъ до перехода крестьянъ на выкупъ, „вотчинной полиціи" также приданъ характеръ только права, а не обязанности: послѣдняя лежитъ на сельскихъ и волостныхъ должностныхъ лицахъ. Въ частности, по введеніи въ дѣйствіе Положеній съ помѣщика **слагаются**: 1) обязанность ходатайствовать за крестьянъ по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ, 2) всѣ обязанности по продовольствію и призрѣнію крестьянъ; 3) отвѣтственность а) по взносу крестьянами государственныхъ податей, б) по отправленію ими денежныхъ и натуральныхъ повинностей и в) во всѣхъ казенныхъ взысканіяхъ (Общ. Пол., ст. 9, 10 и 165; Прав. прив. въ дѣйств., ст. 17; Пол. двор. люд., ст. 19). Тѣмъ самымъ съ помѣщика слагалось значительное бремя, даже если допустить, что фактически оно нерѣдко перекладывалось имъ на самихъ же крестьянъ. Австрійскій законъ призналъ, что цѣлая треть прежнихъ крестьянскихъ повинностей шла на вознагражденіе помѣщика за аналогичныя публично-правовыя обязанности, лежавшія на немъ и въ Австріи. Положенія, напротивъ, не учли этого обстоятельства.

Правда, съ крестьянъ были сложены безвозмездно нѣкоторыя повинности. Такъ, немедленно по изданіи Положеній были допущены извѣстныя облегченія въ барщинной повинности: было уменьшено число женскихъ барщинныхъ дней; были отмѣнены различныя добавочныя и сгонныя работы и наряды и т. п.; была упорядочена подводная повинность. Одновременно были отмѣнены всякіе добавочные сборы съ крестьянъ или дани сельскими произведеніями (Прав. привед. въ дѣйств., ст. 5, 7—11; Мѣстн. Пол. Велик., ст. 164;—Малор., ст. 167; -Кіев., ст. 141;—Вилен., ст. 126 и 127). Но почти всѣ эти облегченія касались второстепенныхъ повинностей, частью уже утратившихъ сколько-нибудь серьезное хозяйственное значеніе. Они не стояли ни въ какомъ соотвѣтствіи со сложенными съ помѣщиковъ обязанностями.

За этими исключеніями, Положенія стремятся преимущественно, какъ по другимъ вопросамъ, такъ и по отношенію къ установленію размѣровъ и

способовъ отбыванія повинностей, выдвинуть начало добровольныхъ соглашеній между помѣщиками и крестьянами (Общ. Пол., ст. 6; Мѣстн. Пол. Велик., ст. 159;—Малор., ст. 164;—Кіев., ст. 138;—Вилен., 121). Если же соглашеніе не состоится, то повинности опредѣляются согласно мѣстнымъ положеніямъ (Общ. Пол., ст. 4). Послѣднія содержатъ слѣдующія указанія.

Какъ при крѣпостномъ правѣ, повинности могутъ быть двухъ родовъ: денежныя—оброкъ, чиншъ, или издѣльныя, опредѣляемыя рабочими днями,—барщина, панщина. Допускается также „смѣшанная" повинность. Нормальной Положенія считаютъ первую—денежную повинность; они запрещаютъ переводить крестьянъ на барщину безъ ихъ согласія (Прав. прив. въ дѣйств., ст. 6).

Сваты (карт. Пимоненко).

Напротивъ, по истеченіи двухъ лѣтъ крестьянамъ разрѣшается переходить на оброкъ даже безъ согласія помѣщика. Договоры объ опредѣленіи порядка отбыванія повинностей работою или о замѣнѣ денежнаго оброка уплатою хлѣбомъ допускаются только какъ временныя соглашенія на срокъ не далѣе трехъ лѣтъ, хотя съ правомъ возобновленія ихъ. Этимъ Положенія затрудняютъ упроченіе барщины (Мѣст. Пол. Велик., ст. 159, 171 и 172;—Малор., ст. 164, 179 и 180;—Кіев., ст. 138, 149, 155, 156 и 171;—Вилен., ст. 121, 138 и 139). Наконецъ, Положенія допускаютъ примѣненіе выкупной операціи только къ денежному оброку (Пол. о вык., ст. 30).

При опредѣленіи размѣровъ повинностей, Положенія какъ будто исходятъ изъ того начала, что помѣщики должны быть вознаграждены

только за потерю земли, безповоротно предоставляемой крестьянамъ (Общ. Пол., ст. 1). Правительство неоднократно заявляло, что оно даже не допускаетъ обсужденія вопроса о выкупѣ личной зависимости крестьянъ. На дѣлѣ, однако, во многихъ мѣстностяхъ, особенно въ нечерноземной полосѣ Великороссіи, повинности отбывались при крѣпостномъ правѣ не столько съ земли, сколько съ личныхъ промысловъ. Но и въ остальной Россіи „рабочій капиталъ" представлялъ хотя и меньшую, но все же самостоятельную, сверхъ „поземельнаго капитала", цѣнность, которая при крѣпостномъ правѣ нерѣдко оплачивалась отдѣльно. Не вознаградить совсѣмъ помѣщиковъ за утрату той, мѣстами главной, доли повинностей, которая вытекала изъ чисто-личной зависимости, было фактически невозможно при неоспоримомъ перевѣсѣ силъ на сторонѣ помѣщиковъ въ эпоху реформы. Мы думаемъ даже, что это было бы и юридически не вполнѣ правильно, разъ предшествовавшее законодательство допускало отдѣльныя возмездныя сдѣлки относительно „рабочаго капитала". То была грубая общественная несправедливость. Не было основаній свалить отвѣтственность за нее на отдѣльныхъ лицъ. Помѣщики нечерноземной полосы, особенно тѣ, кто незадолго передъ реформою купилъ имѣніе, были бы разорены. Тяжесть возстановленія соціальной несправедливости слѣдовало переложить на все общество.

Такъ и поступило австрійское законодательство. Признавъ, что треть прежнихъ повинностей уплачивалась не за землю, а вслѣдствіе чисто-личной зависимости крестьянъ отъ владѣльцевъ, оно постановило, что помѣщики должны быть вознаграждены за утрату этой доли повинностей, но не самими крестьянами, а государствомъ, въ частности, въ связи съ особенностями въ государственномъ строѣ Австріи,—провинціей, краемъ. Добрая доля платежей все же падала и при этомъ на крестьянъ.

Лицемѣрно увѣряя, что оно не допускаетъ выкупа „личности", правительство не добилось, конечно, да на дѣлѣ и не пыталось добиться, дѣйствительно безмезднаго освобожденія личности крестьянъ. Его же агенты—первымъ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Левшинъ—подсказали обходъ провозглашеннаго имъ принципа. Наиболѣе благоразумные представители дворянства, ясно видѣвшіе грубое несовершенство этого обхода, были вынуждены помириться съ нимъ, чтобы не вызвать непреодолимой оппозиціи противъ всей реформы со стороны помѣщиковъ, главнымъ образомъ, нечерноземной полосы.

Выходъ или, точнѣе, обходъ былъ найденъ въ особой системѣ распредѣленія оброчныхъ платежей. Во-первыхъ, по мѣстнымъ положеніямъ болѣе или менѣе рѣшительно проведено начало отнесенія несоразмѣрно большей доли платежей на усадьбу, чѣмъ на соотвѣтствующее пространство полевой земли (Мѣстн. Пол. Велик., ст. 242—244;—Малор., ст. 170—175;—Кіев., ст. 145—148).

Цѣль этой мѣры—заставить крестьянина впослѣдствіи выкупить вмѣстѣ съ усадьбою и личныя повинности. Особенно наглядно она выступала по отношенію къ промышленнымъ губерніямъ: напр., въ Владимирской губ. выкупная стоимость однѣхъ усадебъ значительно превысила бы дѣйствительную цѣнность всего надѣла. Эта мѣра оказалась, однако, уже слишкомъ рѣшительной: крестьяне почти нигдѣ не воспользовались правомъ на отдѣльный выкупъ усадебъ, явно для нихъ невыгодный.

Вторымъ, болѣе дѣйствительнымъ пріемомъ оказалось установленіе системы градаціи повинностей по „мѣстностямъ“, примѣненной въ Велико и Малороссіи.

Понятіе „мѣстностей“ намъ уже знакомо. Это территоріальныя подраздѣленія „полосъ“ въ Великороссіи и губерніи Малороссіи, примѣнительно къ которымъ опредѣлялись размѣры душевого надѣла. Главнымъ критеріемъ при установленіи этихъ районовъ должны были быть цѣнность и доходность земли. Но для опредѣленія размѣровъ оброка, эти мѣстности въ Великороссіи, были искусственно — частью раздроблены, частью соединены въ четыре всего группы, для каждой изъ которыхъ былъ установленъ однообразный высшій душевой оброкъ въ 12, 10, 9 и 8 рублей. Всего лишь четырехъ нормъ было, конечно, недостаточно, чтобы справедливо принять въ расчетъ хотя самыя крупныя особенности отдѣльныхъ хозяйственныхъ районовъ. Къ тому же, критеріемъ при распредѣленіи мѣстностей по этимъ группамъ служили, главнымъ образомъ, заработки крестьянъ отъ неземледѣльческихъ промысловъ. Это начало вполнѣ опредѣленно выражено въ ст. 177 Мѣстн. Пол. Велик. По поводу отступленій отъ общихъ нормъ, которыя можетъ допустить губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, она постановляетъ: „Оброкъ долженъ быть соразмѣренъ съ дѣйствительными средствами крестьянъ и съ выгодами, коими они пользуются“. О землѣ особо и не упоминается.

Высшій размѣръ устанавливается для имѣній, отстоящихъ не далѣе 25 верстъ отъ Петербурга, а второй—для Петербургской, Московской, Ярославской и для части Владимирской губерніи, съ ихъ неплодороднымъ суглинкомъ и болотами. Здѣсь уже открыто въ оброкъ включается стоимость чистоличныхъ повинностей (Мѣст. Пол. Велик., ст. 168). Въ Малороссіи несоотвѣтствіе оброка съ относительной цѣнностью земли въ каждой „мѣстности“ было менѣе рѣзко (Мѣстн. Пол. Малор., ст. 177 и прил. къ ст. 9).

Третьимъ, наиболѣе грубымъ пріемомъ для достиженія той же цѣли послужила сложная градація оброка по „десятинамъ“, примѣненная уже только въ Великороссіи. Установленныя ст. 168 Мѣстн. Пол. Велик. нормы душевого оброка уплачивались полностью тѣми крестьянами, которые получали высшій (въ первой и второй полосѣ) или полный указный (въ третьей полосѣ) душевой надѣлъ. Если же крестьяне получали меньшій надѣлъ, то

оброки не уменьшались пропорціонально количеству полученной земли, а [illegible] въ отношеніи къ размѣру надѣла.

Для первой, нечерноземной полосы, въ составъ которой входили преимущественно промышленныя губерніи, устанавливалась градація въ три ступени: 1) за одну (т. е. первую) десятину, включая усадьбу, уплачивалась половина полнаго оброка (напр., изъ 10 р. — 5 р.); 2) на другую (т. е. вторую) десятину относится четверть полнаго оброка (напр., изъ 10 р.— 2 р. 50 к.); 3) на всю остальную часть надѣла раскладывается послѣдняя четверть полнаго оброка (изъ 10 р.—2 р. 50 коп.).

Для второй (черноземной) и для третьей (степной) полосы устанавливается градація лишь въ двѣ ступени: на первую десятину изъ полнаго 9 рублеваго оброка относится 4 рубля, а остальные 5 рублей раскладываются равномѣрно на всю остальную часть надѣла (Мѣст. Пол. Велик., ст. 169 и пр.).

Въ результатѣ оказалось, что платежи крестьянъ не только превышали цѣнность полученной ими земли, но высота ихъ была обратно пропорціональна размѣрамъ надѣла: они платили, относительно, тѣмъ больше, чѣмъ меньше они получали земли. По тѣмъ примѣрамъ, которые приводитъ само Мѣстное Положеніе, можно подсчитать, что за надѣлъ, въ три раза меньшій, назначался оброкъ отъ 51.5 до 88,1% выше, чѣмъ при полномъ надѣлѣ.

Система обратной пропорціональности платежей едва ли не безпримѣрна въ исторіи освобожденія крестьянъ. Въ оправданіе примѣненія такой системы въ промышленныхъ мѣстностяхъ еще можно привести кое-какіе аргументы: безвозмездная отмѣна личныхъ повинностей тутъ была бы фактически неосуществима, и первыя десятины были тутъ подчасъ цѣннѣе остальныхъ, какъ лучше удобренныя - самими же крестьянами! Но уже ничѣмъ нельзя оправдать перенесенія этой системы въ черноземную полосу, гдѣ во многихъ мѣстностяхъ совершенно отсутствовали промысловые заработки, гдѣ земля почти не удобрялась и гдѣ надѣлъ, въ виду его самостоятельной цѣнности, чаще понижался. Въ черноземной полосѣ эта глубоко несправедливая система непосильной тяжестью легла на крестьянъ, наиболѣе обдѣленныхъ землею. Какъ бы благопріятно ни сложились для нихъ въ будущемъ остальныя условія (хорошіе урожаи и т. п.), они неминуемо были обречены на безысходную недоимочность. Ихъ платежи должны были превышать доходъ съ надѣла, а пополнить его было не изъ чего.

Денежный оброкъ, опредѣленный въ уставной грамотѣ, долженъ былъ оставаться неизмѣннымъ въ продолженіе двадцати лѣтъ — до 19 февраля 1881 г. (Мѣст. Пол. Велик., ст. 185.—Малор., ст. 191). Но переоброчка на новое двадцатилѣтіе не состоялась, такъ какъ она сначала была отсрочена закономъ 1879 г., а затѣмъ всѣ крестьяне перешли на выкупъ.

Издѣльною повинностью или барщиной, панщиной, называлось отбываніе крестьянами работъ за пользованіе землями, отведенными имъ по-

мѣщикомъ (Мѣст. Пол. Велик., ст. 5 и 160;—Малор., ст. 5 и 165;—Кіев., ст. 139;—Вилен., ст. 122). Барщина измѣрялась рабочими днями, число которыхъ устанавливалось уставной грамотой навсегда. Эти дни раздѣлялись на лѣтніе и зимніе, мужскіе и женскіе, а мужскіе еще на конные и пѣшіе, при чемъ между ними устанавливалось опредѣленное соотношеніе (Мѣст. Пол. Велик., ст. 287 сл.;—Малор., 193 сл.). По особому соглашенію на извѣстный срокъ допускалось также опредѣленіе издѣльной повинности пространствомъ земли, которое крестьяне должны обработывать въ пользу помѣщика

Возвращеніе съ ярмарки.

Размѣръ барщины опредѣлялся по Мѣстн. Пол. Велик. такъ, чтобы за высшій (въ первой и второй полосѣ) или указный (въ третьей полосѣ) душевой надѣлъ всюду равномѣрно отбывались 40 мужскихъ и 30 женскихъ рабочихъ дней въ годъ. При 9-рублевомъ оброкѣ, преобладавшемъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ всего чаще сохранялась барщина, это равнялось расцѣнкѣ мужского дня въ 15 коп. и женскаго въ 10 коп. Заработная плата при вольномъ наймѣ уже въ 60-е годы значительно превышала эту расцѣнку. Тѣмъ не менѣе, барщина была выгоднѣе для тѣхъ крестьянъ черноземныхъ губерній, которые получили значительно урѣзанный надѣлъ, такъ какъ при соразмѣреніи барщины съ величиною надѣла въ Великороссіи на

[illegible] обратной пропорціональности нѣсколько смягчалось сравнительно съ [illegible], и, при отсутствіи стороннихъ заработковъ, было [illegible] (Мѣст. Пол. Велик., ст. 189, 190 и прилож.; — Малор., ст. 195 и прилож. [illegible] 9).

Изъ многочисленныхъ, сложныхъ и, по необходимости, мелочныхъ постановленій о порядкѣ назначенія, отбыванія и учета барщины, въ частности на опредѣленіи количества работы, которое должно было быть исполнено въ теченіе дня согласно урочнымъ положеніямъ, мы уже не имѣемъ возможности остановиться.

Завершеніемъ „устройства быта“ крѣпостныхъ крестьянъ долженъ былъ служить выкупъ надѣла. Эта заключительная стадія реформы вошла поздно въ ея программу и была подготовлена и разработана отдѣльно отъ остальныхъ вопросовъ особой „финансовой комиссіей“. Хотя послѣдняя и стояла въ тѣсной личной связи съ редакціонными комиссіями, она проявила въ своихъ работахъ извѣстную самостоятельность. Мы уже имѣли случай указать, что она была проникнута болѣе рѣшительными симпатіями къ индивидуальной собственности, отразившимися и на Положеніяхъ. Затѣмъ ея члены были лучше знакомы съ западно-европейскимъ законодательствомъ объ освобожденіи крестьянъ и съ большимъ успѣхомъ воспользовались его образцами, въ частности также австрійскими. Постановка, данная ими выкупной операціи, можетъ быть признана удачной, имѣя въ виду особенно неблагопріятныя условія государственнаго кредита въ эпоху реформъ, непосредственно примыкавшей къ полосѣ неудачнаго желѣзнодорожнаго грюндерства. Тяжесть выкупныхъ платежей для крестьянъ полностью объясняется тяжестью и несоразмѣрностью тѣхъ повинностей, которыя подлежали выкупу. Выкупные платежи были меньше оброчныхъ, несмотря на то, что въ составъ ихъ входилъ процентъ на погашеніе долга.

Вопреки тексту отдѣльныхъ статей Положенія о выкупѣ и долго господствовавшему мнѣнію, выкупная операція, на самомъ дѣлѣ, была организована у насъ, подобно Пруссіи и Австріи, какъ выкупъ повинностей, обременявшихъ землю, отведенную крестьянамъ въ постоянное пользованіе, а не какъ ссуда для покупки земли. Это была Grundentlastung, Rentenablösung, т.-е. освобожденіе земли отъ ограниченій, препятствовавшихъ превращенію права на нее въ право полной собственности путемъ единовременной уплаты помѣщику капитализированной стоимости установленной въ его пользу вѣчной ренты (въ видѣ оброка). Помимо ряда мелкихъ чертъ, на которыхъ мы не можемъ остановиться, это доказывается 1) тѣмъ, что въ основаніе для опредѣленія размѣра выкупной ссуды принимается денежный оброкъ, назначенный съ крестьянъ въ пользу помѣщика по уставной грамотѣ; оброкъ же опредѣлялся, главнымъ образомъ, какъ мы видѣли, въ зависимости отъ личныхъ, промысловыхъ выгодъ, которыми пользовались

крестьяне; 2) правительственная выкупная ссуда давалась не подъ землю, такъ какъ крестьяне отвѣчали за платежи не столько землею, сколько лично, включительно до принудительной отработки долга и до „исправнаго“ наказанія неисправныхъ плательщиковъ. Этой же чертой объясняется, что государство впослѣдствіи могло приравнять остатки выкупныхъ платежей къ налогамъ, не измѣняя гражданско-правового характера правомочій крестьянъ-собственниковъ на ихъ надѣлъ.

Всю выкупную операцію предполагалось раздѣлить на двѣ части. Въ первую очередь выдвигался выкупъ крестьянами усадебной осѣдлости,

Все въ прошломъ (Максимова).

котораго они могли требовать помимо даже согласія помѣщика (Пол. о вык., ст. 8 и 9; Мѣстн. Пол. Велик., ст. 150 и 151;—Малор., ст. 151 и 152). Но крестьяне почти нигдѣ не воспользовались правомъ отдѣльнаго выкупа усадебъ, такъ какъ способъ опредѣленія размѣровъ выкупной стоимости ихъ былъ слишкомъ невыгоденъ для нихъ (см. выше). Кромѣ того, они могли сдѣлать это только, если за ними не состояло никакихъ казенныхъ или помѣщичьихъ недоимокъ (Пол. о вык., ст. 8 сл.). Мы и не будемъ останавливаться на этой неосуществившейся комбинаціи.

Во второмъ Положеніи устанавливаютъ способы содѣйствія правительства къ пріобрѣтенію крестьянами въ собственность полевыхъ угодій вмѣстѣ съ усадьбами. Для пріобрѣтенія въ собственность „мірской“ земли крестьянами, состоящими на оброкѣ, помѣщику выдается выкупная ссуда особыми процентными бумагами. Самое пріобрѣтеніе земли могло состояться по двумъ основаніямъ: 1) по взаимному добровольному соглашенію между помѣщикомъ и крестьянами, какъ въ составѣ цѣлаго сельскаго общества, такъ и въ лицѣ отдѣльныхъ домохозяевъ. По такому договору стороны могли согласиться уменьшить надѣлъ и помѣщикъ могъ выговорить себѣ еще дополнительное вознагражденіе за землю, сверхъ выкупной ссуды; 2) пріобрѣтеніе мірской земли могло произойти по требованію одного помѣщика. Въ этомъ случаѣ: а) на выкупъ переходитъ непремѣнно все сельское общество, б) помѣщикъ обязанъ предоставить крестьянамъ весь отведенный имъ надѣлъ, и в) долженъ ограничиться полученіемъ выкупной ссуды (Пол. о вык., ст. 32—36). Большинство выкупныхъ сдѣлокъ было совершено именно на этихъ основаніяхъ, въ виду чрезмѣрной высоты оброка все еще очень выгодныхъ для помѣщика, хотя ссуда выдавалась, согласно общимъ началамъ ипотечнаго кредита, не въ полной суммѣ капитализированнаго оброка, а лишь въ размѣрѣ 80% ея въ случаѣ пріобрѣтенія крестьянами всего своего надѣла и 75%—части его (Пол. о вык., ст. 66).

Экономическіе результаты выкупной операціи излагаются въ другой статьѣ, и намъ остается лишь прибавить нѣсколько указаній на ея юридическія послѣдствія.

Крестьяне, пріобрѣвшіе въ собственность, при посредствѣ выкупной операціи, отведенный имъ мірской надѣлъ или опредѣленную часть его, поступаютъ въ разрядъ крестьянъ-собственниковъ съ того срока, въ какой будетъ назначена выкупная ссуда (Пол. о вык., ст. 156). Въ виду такого категорическаго заявленія закона, послѣдовательно осуществленнаго во всѣхъ его частностяхъ, совершенно непонятно, какъ могло установиться мнѣніе, будто крестьяне пріобрѣтаютъ полное право собственности лишь со времени погашенія выкупныхъ платежей.

На время, пока крестьяне-собственники не уплатятъ всей выкупной ссуды, они подвергались ряду, правда тяжелыхъ, ограниченій въ своихъ правахъ на землю, но лишь такихъ, которыя совмѣстимы съ правомъ собственности на нее. Эти ограниченія перечисляются, главнымъ образомъ, въ статьяхъ 161, 162, 164, 167, 169 и 170 Пол. о вык. и всѣ преслѣдуютъ только цѣль обезпечить уплату выкупного долга. Въ теченіе первыхъ 9 лѣтъ крестьяне вообще не въ правѣ отчуждать надѣла, по истеченіи же этого срока они могутъ отчуждать его съ разрѣшенія губ. присутствія, хотя бы до уплаты выкупной ссуды. Подворные участки могутъ отчуждаться любому постороннему лицу, съ тѣмъ, чтобы оно внесло весь выкупной долгъ, но не могутъ

быть раздробляемы до погашенія ссуды. Наконецъ до этого пріобрѣтенная по выкупу земля не можетъ быть представлена въ залогъ.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Положеніямъ еще чуждъ взглядъ на надѣлъ, какъ на принадлежность обособленнаго крестьянскаго сословія. Въ случаѣ продажи за недоимки участка земли, пріобрѣтеннаго по выкупной сдѣлкѣ,—съ переводомъ выкупного долга его могутъ пріобрѣсти всѣ лица земледѣльческаго сословія, а безъ перевода долга по выкупной ссудѣ на третьихъ торгахъ,—лица всѣхъ сословій, кромѣ евреевъ (Пол. о вык., ст. 135—137). Всѣ остальныя стѣсненія, которымъ подвергались крестьяне до погашенія выкупного долга, относятся къ числу ограниченій въ личныхъ правахъ.

По уплатѣ ссуды, на выкупленныя земли распространяются правила, установленныя въ Общемъ Положеніи въ отношеніи земель, пріобрѣтенныхъ крестьянами въ собственность (Пол. о вык., ст. 159). Это значитъ, что съ указаннаго момента „надѣльная" земля вообще приравнивается къ землямъ ненадѣльнымъ, пріобрѣтеннымъ по сдѣлкамъ общаго гражданскаго права.

Авторы Положеній, а еще болѣе ихъ преемники не сознавали, повидимому, глубокаго, неразрѣшимаго противорѣчія, которое они вносили этимъ въ законодательство о крестьянахъ, и которое послѣ реформы продолжало составлять самое больное мѣсто его. Въ конечной перспективѣ реформы Положенія рисуютъ полное уравненіе гражданскихъ правъ крестьянъ, въ частности ихъ правъ землевладѣнія, съ правами другихъ, „привилегированныхъ" сословій. И, на ряду съ этимъ, они оставляютъ въ силѣ всѣ личныя, сословныя, публично-правовыя ограниченія, издревле тяготѣвшія надъ „податными" сословіями. Выгоды, которыя могла обезпечить крестьянамъ первая тенденція, полностью уничтожаются второй. Это роковое внутреннее противорѣчіе угасило духъ реформы, обрекло ее на худосочіе. Свободное, бодрое, предпріимчивое крестьянство справилось бы и съ высокими платежами, интенсивной работой сумѣло бы извлечь многое изъ своего скуднаго надѣла. Нынѣ же мы видимъ, какъ бѣдствуютъ и нуждаются въ продовольственной помощи даже многоземельные крестьяне!

Русская жизнь понынѣ не справилась съ этимъ внутреннимъ противорѣчіемъ: на нашихъ глазахъ оно подтачиваетъ, часто совершенно уничтожаетъ возможные результаты переживаемой нами новой земельной реформы.

А. Вормсъ.

Медаль въ память реформы въ 1861 году.

Общій жертвенный котелъ въ престольный праздникъ (Прянишникова).

Реформа 19 февраля и общинное землевладѣніе.

Проф. А. А. Мануилова.

I.

Вопросъ объ общинномъ землевладѣніи горячо обсуждался въ русской литературѣ 50-хъ гг. прошлаго вѣка. Споръ о положительныхъ и отрицательныхъ сторонахъ поземельной общины, объ ея происхожденіи и ея будущемъ тѣсно связывался съ коренными теченіями русской мысли того времени. Поэтому вопросъ о преимуществахъ и недостаткахъ общинной формы владѣнія землею волновалъ умы и возбуждалъ страсти.

Споръ объ общинѣ былъ открытъ въ 1856 г. полемикой Б. Н. Чичерина и И. Д. Бѣляева на страницахъ „Русскаго Вѣстника“ и „Русской Бесѣды“ по поводу происхожденія общиннаго землевладѣнія въ Россіи. Чичеринъ, оспаривая мнѣніе извѣстнаго барона Гакстгаузена, доказывалъ, что современная наша сельская община вовсе не патріархальная, не родовая, а государственная. Она не образовалась сама собою изъ естественнаго

союза людей, а устроена правительствомъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ государственныхъ началъ. Бѣляевъ, напротивъ, видѣлъ первоисточникъ общины „въ самомъ духѣ народа, въ складѣ русскаго ума, который не любитъ и не понимаетъ жизни внѣ общины". Эта полемика вызвала рядъ статей въ защиту той и другой теоріи, и до сихъ поръ еще мы слышимъ ея отголоски. Не далѣе какъ въ 1908 г. защитникомъ чичеринской точки зрѣнія выступилъ покойный В. И. Сергѣевичъ [1]).

Однако, центръ тяжести спора объ общинномъ землевладѣніи въ эпоху, непосредственно предшествовавшую освобожденію крестьянъ, лежалъ не въ исторической сторонѣ предмета. Жизнь ставила на очередь практическую задачу: какъ отнестись къ сельской общинѣ, какъ формѣ землевладѣнія и землепользованія, при предстоявшей коренной реформѣ русскаго сельскаго быта? Каково бы ни было историческое происхожденіе общины, фактъ ея существованія былъ налицо, и по отношенію къ этому факту приходилось занять опредѣленное положеніе.

Въ литературѣ выяснилось по этому вопросу нѣсколько основныхъ теченій, изъ которыхъ нѣкоторыя не остались безъ вліянія на направленіе дѣятельности редакціонныхъ коммиссій и на самую реформу.

Теоретическіе аргументы за и противъ общины выдвигались преимущественно западниками, разбившимися въ этомъ случаѣ на два рѣзко враждебныхъ лагеря: сторонниковъ и противниковъ мірского землевладѣнія. Во главѣ первыхъ стоялъ Н. Г. Чернышевскій, выступавшій на страницахъ „Современника"; главнымъ же его противникомъ являлся И. В. Вернадскій, издававшій подъ своей редакціей „Экономическій Указатель".

Чернышевскій доказывалъ, что общинная форма владѣнія землею не только не препятствуетъ земледѣльческому прогрессу, но даже содѣйствуетъ ему и въ то же время представляетъ съ соціальной стороны существеннѣйшія преимущества передъ личной собственностью. Съ этой послѣдней точки зрѣнія поземельная община преимущественно и интересовала Чернышевскаго. Для настоящаго онъ цѣнилъ ее какъ гарантію противъ обезземеленія земледѣльческаго населенія; въ отношеніи же будущаго онъ видѣлъ въ ней воплощеніе того начала соціальной справедливости, на которомъ будетъ основанъ новый строй жизни. Примѣняя гегелевскую формулу историческаго развитія, Чернышевскій утверждалъ, что процессъ экономической эволюціи человѣчества, начавшійся съ общинной формы быта, долженъ и вернуться къ этой же формѣ, но только усовершенствованной и расширенной. Поэтому русская поземельная община является какъ бы предвосхищеніемъ соціальнаго идеала. Какъ форма землевладѣнія, поземельная община также должна быть признана наилучшей, потому что она всего ближе подходитъ къ той

---

[1]) В. И. Сергѣевичъ, «Время возникновенія крест. позем. общины».

формѣ [illegible] собственности, которая соединяетъ собственника, хозяина и работника въ одномъ лицѣ ¹).

Съ той же точки зрѣнія, какъ Чернышевскій, защищалъ общину въ „Атенеѣ" ²) и затѣмъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" ³) М. И. Юрьинъ. Отправляясь отъ идей фурьеризма, онъ разсматривалъ и оцѣнивалъ русскую общину какъ носительницу началъ соціалистической ассоціаціи, которой принадлежитъ будущее. Община, по мнѣнію Юрьина, заключала въ себѣ эти начала, и потому „соціализмъ, утверждалъ тотъ же авторъ,—для насъ консервативное начало, могущее лишь упрочить и осмыслить наше гражданское существованіе, а никакъ не заносить въ него убійственной тоски и мрачныхъ ожиданій". Юрьинъ полагалъ, что „раціональныя основы соціализма согласуются совершенно съ понятіями и коренными убѣжденіями русскаго народа".

Въ противоположность соціалистическому направленію, находившему себѣ выраженіе, главнымъ образомъ, въ „Современникѣ", „Экономическій Указатель" Вернадскаго являлся органомъ крайняго индивидуализма и фритредерства. Въ вопросѣ объ общинѣ Вернадскій и его сотрудники заняли непримиримую позицію безусловно отрицательнаго отношенія къ мірскому землевладѣнію. Какъ послѣдовательные индивидуалисты, они вѣрили только въ творческую силу личной самодѣятельности и видѣли въ общинѣ величайшую помѣху для ея проявленія. Послѣ того какъ вызовъ защитникамъ общины былъ брошенъ со стороны „Указателя" въ статьяхъ Струкова „Опытъ изложенія главнѣйшихъ условій успѣшнаго сельскаго хозяйства" ⁴), полемику взялъ въ свои руки самъ редакторъ. Въ цѣломъ рядѣ статей Вернадскій доказывалъ вредъ общиннаго землевладѣнія, опровергая и высмѣивая доводы своихъ противниковъ, въ особенности Чернышевскаго.

Послѣ прекращенія „Экономическаго Указателя" въ 1857 г. его роль въ борьбѣ противъ общины перешла къ „Русскому Вѣстнику", издававшемуся Катковымъ. На страницахъ этого журнала выступали въ защиту личной собственности рядъ авторовъ изъ высшей бюрократіи—П. А. Валуевъ (подъ псевдонимомъ „Гуфейзенберга"), А. Н. Бутовскій, С. С. Ивановъ и др. Въ томъ же журналѣ въ 1858 г. появилась статья Каткова, выступившаго съ самостоятельнымъ проектомъ „системы общинной собственности", которая должна была соединить положительныя стороны общиннаго и личнаго владѣнія, съ устраненіемъ въ то же время отрицательныхъ чертъ ихъ. Наконецъ статьи противъ общины помѣщались въ „Отечественныхъ Запискахъ", занявшихъ въ этомъ вопросѣ очень неопредѣленное положеніе, и въ „Библіотекѣ для Чтенія", гдѣ главнымъ дѣятелемъ былъ извѣстный пи-

¹) [illegible] за 1857—58 гг.
²) [illegible]
³) 185[illegible] г., V.
⁴) 1857 г.

сатель по экономическимъ вопросамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ видныхъ представителей крупнаго петербургскаго чиновничества, Ф. Р Тернеръ.

Какъ видно изъ приведеннаго, не полнаго перечня журналовъ, выступавшихъ противъ общины, въ распоряженіи защитниковъ личной собственности находилось нѣсколько видныхъ органовъ печати, пользовавшихся сотрудничествомъ вліятельныхъ людей изъ чиновнаго міра. При всемъ различіи во взглядѣ на общину защитники ея изъ лагеря „Современника" и противники изъ „Экономическаго Указателя" и другихъ органовъ того же направленія сходились въ характерѣ своей аргументаціи. Тѣ и другіе вели между собою по преимуществу теоретическій споръ. Приводя общія соображенія въ защиту своихъ взглядовъ, ссылаясь на научные авторитеты и опираясь на факты, почерпнутые, главнымъ образомъ, изъ исторіи и практики другихъ странъ, соціалисты и индивидуалисты большею частью не располагали личнымъ знакомствомъ съ русской общиной, какъ она существовала въ дѣйствительности. Это обстоятельство и подчеркивалось славянофилами, ставившими споръ объ общинѣ какъ „домашній" споръ по чисто-русскому вопросу.

Баба (Касаткина).

Ю. Ѳ. Самаринъ, погрѣшая противъ справедливости и точности, вышучивалъ обѣ стороны. „Послушайте г-на Чернышевскаго, —писалъ онъ.—Онъ начинаетъ такъ: „Умоляю васъ, не примите меня за славянофила; право, я

[illegible] общинное владѣніе землею, существующее въ нашихъ селахъ; но не могу же я признавать эту форму владѣнія вредною, когда передовые мыслители Западной Европы, видимо, склоняются въ ея пользу". На это отвѣчаетъ г-нъ Вернадскій: „Напротивъ, ученые Западной Европы (короче: наука) давно отвергли общинное владѣніе землею; изъ чего слѣдуетъ, что оно никуда не годится". И это называется споромъ двухъ русскихъ ученыхъ о русской сельской общинѣ!" [1]).

Такой же упрекъ Чернышевскому былъ сдѣланъ и А. И. Кошелевымъ. Признавая за Чернышевскимъ ту заслугу, что онъ „полюбилъ русскую общину", Кошелевъ ставитъ ему въ вину то, что онъ защиту ея перенесъ на почву общечеловѣческой науки, на основаніи которой трудно защищать всякое живое, туземное учрежденіе [2]).

Самаринъ видѣлъ причину безплодности спора объ общинѣ между западниками въ ихъ незнакомствѣ съ русской жизнью. Славянофилы, дѣйствительно, знали общину по личному наблюденію. Это было важное преимущество на ихъ сторонѣ, позволившее имъ поставить вопросъ на практическую почву. Но не всѣ славянофилы такъ ставили его; а затѣмъ у самихъ же славянофиловъ приводилось въ защиту общины не мало теоретическихъ аргументовъ, и притомъ почерпнутыхъ изъ западно-европейской дѣйствительности. И это, конечно, нисколько не ослабляло, а напротивъ, усиливало ихъ аргументацію.

Во всякомъ случаѣ Чернышевскаго сближалъ съ славянофилами въ вопросѣ объ общинѣ не только голый фактъ защиты общиннаго землевладѣнія. Въ ихъ аргументаціи было много общаго. Но что было у нихъ совершенно различно—это принципіальная точка зрѣнія, отъ которой они отправлялись. Для славянофиловъ русская община ни въ какомъ отношеніи не являлась воплощеніемъ соціалистическихъ началъ въ западно-европейскомъ смыслѣ. „Г. Чернышевскій,—замѣчаетъ Кошелевъ,—смотритъ на нынѣшнюю общину какъ на ступень къ другой, гдѣ явится общинный трудъ со всѣми принадлежностями: туда мы за г. Чернышевскимъ слѣдовать не расположены" [3]).

Въ пониманіи славянофиловъ вопросъ объ общинѣ былъ прежде всего вопросъ нравственный и религіозный. Особенно ярко выдвигалъ эту сторону К. С. Аксаковъ. По его мнѣнію, русская община не договорная, а бытовая; она не контрактъ, не сдѣлка, а проявленіе народной мысли, народнаго духа. Община есть союзъ людей, отказывающихся отъ своего эгоизма, отъ личности своей и являющихъ общее ихъ согласіе; это—„дѣйство любви, высокое [illegible] христіанское". Противопоставляя общину государству, славяно-

---

1) Сочиненія, III, стр. 4.
2) Біографія А. И. Кошелева, II, стр. 331.
3) Тамъ же.

филы видѣли въ общинномъ бытѣ живое начало, составляющее высшее проявленіе нравственнаго закона. На ряду съ этимъ въ славянофильской литературѣ объ общинномъ землевладѣніи звучитъ и практическая нота здороваго консерватизма, видящаго въ самомъ фактѣ существованія народнаго обычая доводъ въ пользу его сохраненія или, по крайней мѣрѣ, бережнаго отношенія къ нему. Хомяковъ, являясь яркимъ выразителемъ общихъ началъ славянофильскаго ученія объ общинѣ, въ то же время еще въ 1849 г. высказалъ въ письмѣ къ Кошелеву рядъ практическихъ доводовъ въ защиту общиннаго землевладѣнія [1]).

Главными представителями практическаго взгляда на общину выступили среди славянофиловъ А. И. Кошелевъ и Ю. Ѳ. Самаринъ. „А. И.,—замѣчаетъ біографъ Кошелева Колюпановъ, — понялъ, что общинное землевладѣніе прежде всего слѣдуетъ защищать не какъ теоретическое начало, не какъ оправданную философскимъ анализомъ форму общежитія, а какъ фактъ, за которымъ стоитъ вся масса населенія, и потому фактъ, получившій значеніе народной святыни, недоступной никакому посягательству и искусственному разрѣшенію“ [2]). Кошелевъ рѣшительно возставалъ противъ защиты принципа общиннаго землевладѣнія какъ абсолюта, вѣрнаго для всѣхъ временъ и народовъ. „Это начало, — писалъ онъ, — поставленное вообще въ безусловной формѣ, ложно, и противники могутъ побѣдоносно его опровергнуть; но, примѣненное къ одной какой-либо странѣ, оно вѣрно или невѣрно, глядя по тому, о какомъ обществѣ идетъ рѣчь“ [3]).

Основанія, по которымъ Кошелевъ ревниво, какъ онъ самъ выражается, стоялъ за общинное землевладѣніе, были формулированы имъ въ слѣдующихъ положеніяхъ. 1) Этотъ способъ владѣнія у насъ существуетъ. „Конечно, не все существующее хорошо (Боже насъ упаси отъ подобной слѣпоты!), но и не все существующее дурно Существующее должно быть удержано, пока неудобства онаго не сознаны ясно и положительно. Мірское владѣніе землею не уличено во вредномъ дѣйствіи ни на Россію вообще, ни на земледѣльческое сословіе въ особенности; слѣдовательно, оно должно быть сохранено. 2) Все, что мы видимъ, слышимъ и знаемъ въ нашихъ селахъ, основано на этомъ началѣ, и съ его отмѣною потребовалось бы пересоздать чуть-чуть не всю Россію. 3) Общинное землевладѣніе обѣщаетъ твердое и правильное устройство земледѣльческаго сословія въ Россіи. Если это сословіе важно вездѣ, то въ особенности оно важно въ государствѣ, которое признается всѣми по преимуществу земледѣльческимъ. Безъ владѣнія землею

---

[1]) Письмо это появилось въ печати только въ 1884 г., въ «Русскомъ Архивѣ». Біографія Кошелева, II, стр. 323.

[2]) Тамъ же, стр. 340.

[3]) Тамъ же.

[illegible] прочно и разумно устроены? Крестьянинъ безъ земли [illegible] Неужели такъ, безъ оглядки, рѣшимся превратить [illegible] въ батраки и поденщики?" 4) Мірское владѣніе преимущественно содѣйствуетъ устойчивости нашего государства [1]).

На основаніи изложенныхъ соображеній Кошелевъ высказывался не только за удержаніе общиннаго землевладѣнія при проведеніи крестьянской реформы, но и за сохраненіе и поддержаніе его и на будущее время, т.-е. „настолько, насколько дано человѣку настоящимъ опредѣлять будущее" [2]).

Въ общемъ на той же точкѣ зрѣнія стоялъ и Ю. Ѳ. Самаринъ. Онъ защищалъ общину по такимъ основаніямъ. ...„Я стою за народную форму землевладѣнія,—писалъ онъ,—потому, что она, во-первыхъ, сложилась сама собою, подъ вліяніемъ историческихъ и хозяйственныхъ условій, отъ которыхъ мы не властны оторваться, хотя бы и считали это полезнымъ; во-вторыхъ, потому что выгоды ея, въ настоящую минуту, значительно перевѣшиваютъ ея неудобства; въ-третьихъ, потому что она облегчаетъ разрѣшеніе многихъ хозяйственныхъ и административныхъ вопросовъ, связанныхъ съ улучшеніемъ быта крестьянъ; въ-четвертыхъ, потому что, при всеобщемъ у насъ недостаткѣ капиталовъ и необезпеченности нашего земледѣльческаго сословія всѣхъ вѣдомствъ отъ гибельныхъ и непредвидимыхъ случайностей, она одна упрочиваетъ связь земледѣльца съ землею, связь, которая, при личномъ владѣніи и личной отвѣтственности каждаго хозяина за себя, не устояла бы противъ двухъ неурожайныхъ годовъ или скотскихъ падежей" [3]).

Не меньшей трезвостью отличались взгляды Самарина и на будущее поземельной общины. „Защищая хозяйственную общину у насъ, въ Россіи, и въ настоящее время,—говоритъ онъ,—я, однакоже, не выдаю ее за форму безукоризненную и общепримѣнимую. Мнѣ даже не вѣрится, чтобы возможно было изобрѣсти такую формулу". Самаринъ не только признаетъ, что общинное землевладѣніе имѣетъ свои существенныя неудобства, но усматриваетъ въ немъ внутреннее противорѣчіе, свидѣтельствующее, что эта форма не можетъ быть вѣковѣчною, а должна измѣниться путемъ свободнаго развитія. Самаринъ видѣлъ внутреннее противорѣчіе общиннаго землевладѣнія въ томъ, что съ увеличеніемъ въ земледѣліи участія труда и капитала, въ замѣнъ дѣйствія даровыхъ силъ природы, увеличивается затруднительность и несправедливость передѣловъ, а слѣдовательно, и общиннаго землевладѣнія [4]). „Чѣмъ разрѣшится противорѣчіе, лежащее въ общинномъ землевладѣніи, на какія мѣры наведетъ со временемъ потребность устранить его не-

[1]) Тамъ же, стр. 345 и слѣд.

[2]) Статья въ отвѣтъ Тернеру въ «Сельскомъ Благоустройствѣ», 1858 г., № 8.

[3]) Сочиненія. III, стр. 169.

[4]) Тамъ же, стр. 15.

удобства и какое направленіе приметъ развитіе народнаго хозяйства? Эти вопросы,—говоритъ онъ,—мы можемъ смѣло предоставить будущему“ [1]).

Кошелевъ предусматривалъ выходъ изъ указанныхъ затрудненій въ допущеніи наслѣдственнаго пользованія надѣлами при общинномъ землевладѣніи. Но Самаринъ рѣшительно возражалъ противъ этого взгляда, видя въ немъ отреченіе отъ общинной формы владѣнія землею [2]).

Таковы были главнѣйшія теченія въ вопросѣ объ общинѣ. Каждое изъ нихъ оказало вліяніе на дальнѣйшее развитіе русской мысли въ этой области, и это вліяніе оказалось настолько глубокимъ, что нетрудно прослѣдить его до нашихъ дней.

Деревня (Левитана).

Чернышевскій всего болѣе опредѣлилъ отношеніе передовой интеллигенціи къ общинному землевладѣнію. „Современникъ“ былъ въ то время властителемъ думъ въ общественной средѣ, тяготѣвшей къ прогрессивнымъ теченіямъ Западной Европы; и все, что появлялось на его страницахъ, быстро воспринималось сравнительно обширнымъ кругомъ интеллигентныхъ читателей. Въ особенности пользовались широкой популярностью талантливыя статьи Чернышевскаго. Поэтому его мысли по общинному землевладѣнію легко вошли въ сознаніе значительныхъ слоевъ русскаго общества и удерживали за собою господствующее положеніе до середины 90-хъ годовъ прошлаго вѣка, когда марксистское движеніе повело атаку противъ народничества.

---

[1]) Тамъ же, стр. 170.

[2]) Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго, I, 1901. Прил. на стр. 157—8.

Со времени Чернышевскаго воззрѣнія на поземельную общину суще[illegible]ственно [illegible], и тѣ, которые защищаютъ ее и теперь, или вѣрнѣе, [illegible] пока указъ 9 ноября 1906 г. не сталъ закономъ 14 іюня 1910 г., [illegible] помощію не Чернышевскаго, а скорѣе славянофиловъ: [illegible] и Самарина.

Въ настоящее время, послѣ эволюціи, пережитой самимъ соціалистическимъ движеніемъ, нельзя уже защищать точку зрѣнія, проводившуюся въ вопросѣ объ общинѣ знаменитымъ комментаторомъ Милля. Но это нисколько не умаляетъ значенія кампаніи, которую велъ „Современникъ“ въ 50-хъ гг. въ защиту общиннаго землевладѣнія. Заслуга Чернышевскаго, какъ руководителя этой кампаніи, состояла въ томъ, что онъ обратилъ вниманіе русскаго общества на важность вопроса объ общинномъ землевладѣніи и въ особенности на соціальное значеніе послѣдняго. Хотя славянофилы также горячо отстаивали поземельную общину и сдѣлали очень много для разъясненія ея значенія, тѣмъ не менѣе, они не могли оказать на общественное мнѣніе такого вліянія, какъ Чернышевскій, уже по одному тому, что, по ихъ собственному сознанію, ихъ мало читали.

Съ другой стороны, если обсужденіе общиннаго вопроса въ литературѣ вообще могло оказать вліяніе на разрѣшеніе того же вопроса въ „Положеніяхъ“ 19 февраля, то, безъ сомнѣнія, въ этомъ направленіи консервативная по существу точка зрѣнія славянофиловъ имѣла гораздо больше шансовъ на сочувствіе, чѣмъ радикально-соціалистическая проповѣдь Чернышевскаго.

Оказала ли вообще публицистика того времени вліяніе на законодательное разрѣшеніе вопроса объ общинномъ землевладѣніи—это вопросъ, на который едва ли возможно дать точный отвѣтъ. Колюпановъ приписываетъ литературѣ то, что при практическомъ разрѣшеніи вопроса объ общинѣ „ни одинъ голосъ не рѣшился выступить съ предложеніемъ о необходимости принудительныхъ мѣръ противъ существующей у насъ поземельной общины“. Возможно, что въ этомъ отношеніи слѣдуетъ отдать должное вліянію публицистики предреформеннаго времени, и, конечно, прежде всего славянофиламъ. Но главнымъ факторомъ, повліявшимъ на рѣшенія редакціонныхъ комиссій по отношенію къ общинѣ, была очевидная для всякаго практическаго дѣятеля невозможность немедленно предпринять коренную ломку исторически сложившагося поземельнаго строя страны. Кромѣ того, міръ являлся единственнымъ надежнымъ поручителемъ передъ казной и помѣщиками за исправное выполненіе крестьянскимъ населеніемъ возложенныхъ на него обязательствъ. Въ виду этого практически упраздненіе общиннаго землевладѣнія при отмѣнѣ крѣпостной зависимости было невозможно, и съ этой стороны общинѣ и не грозило никакой опасности.

Самаринъ правильно опредѣлилъ положеніе, когда писалъ Кошелеву: „Не понимаю, почему васъ такъ озабочиваетъ и безпокоитъ вопросъ объ

общинѣ? Въ практическомъ отношеніи онъ не имѣетъ никакой важности; ибо разрѣшеніе его не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Это, можетъ-быть, единственный вопросъ, въ которомъ интересъ казны и помѣщиковъ совпадаетъ съ народнымъ обычаемъ. Оппозиція противъ общиннаго владѣнія въ пользу личной собственности идетъ не отъ помѣщиковъ или правительства, а отъ ученыхъ или почитающихъ себя учеными, во имя такъ называемой науки. Господь съ ними!" [1]) Понятно, почему вопросъ о сохраненіи общины такъ легко и просто разрѣшился въ редакціонныхъ коммисіяхъ. Центръ тяжести лежалъ не въ этомъ вопросѣ, и настоящая опасность угрожала общинѣ не съ этой стороны.

Законодательству предстояло не только рѣшить, упраздняется ли община немедленно, но и опредѣлить отношеніе къ могущему обнаружиться впослѣдствіи стремленію цѣлыхъ обществъ и отдѣльныхъ ихъ членовъ переходить къ личному владѣнію. Вопросъ заключался въ томъ, принимать ли мѣры къ сохраненію общиннаго землевладѣнія и на будущія времена, или же предоставить дѣло своему естественному теченію и даже содѣйствовать образованію личного владѣнія.

Отъ того или другого разрѣшенія этого вопроса въ значительнѣйшей степени зависѣло будущее русской общины. На немъ, какъ мы увидимъ ниже, и сосредоточились главные дебаты объ общинѣ въ редакціонныхъ комиссіяхъ. Тотъ же вопросъ былъ возбужденъ и въ литературѣ. Онъ былъ выдвинутъ сторонниками личной собственности, понимавшими, что о немедленномъ упраздненіи общины не могло быть рѣчи, но желавшими открыть пути для ея разрушенія въ будущемъ. Одинъ изъ видныхъ представителей этого направленія, Тернеръ, очень ясно формулировалъ сущность дѣла. Вопросъ въ его формулировкѣ состоялъ въ слѣдующемъ: „если въ нѣкоторыхъ случаяхъ необходимы будутъ правительственныя мѣры, дающія извѣстное направленіе развитію народнаго быта, то эти мѣры должны ли дѣйствовать въ духѣ вѣчнаго поддержанія общины, или должны онѣ облегчать вырабатывающуюся изъ общиннаго начала личную собственность?" Тернеръ отвѣчаетъ такъ: „по нашему мнѣнію, въ обоихъ случаяхъ (?) развитіе начала личной собственности, въ болѣе или менѣе близкой или дальной будущности, должно быть искомымъ результатомъ" [2]). Этотъ взглядъ имѣлъ многочисленныхъ защитниковъ среди высшаго либеральнаго чиновничества и оказалъ несомнѣнное вліяніе на редакціонныя комиссіи. Проложивъ себѣ пути въ „Положеніе" 19 февраля, онъ исторически является родоначальникомъ того теченія, которое получило яркое выраженіе въ новѣйшемъ законодательствѣ объ общинѣ.

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Цит. по Біографіи Кошелева, II, стр. 373.

II

Окончательное разрѣшеніе вопроса объ общинномъ землевладѣніи при освобожденіи крестьянъ опредѣлилось подъ непосредственнымъ вліяніемъ трехъ факторовъ: Верховной власти въ лицѣ императора Александра II, губернскихъ комитетовъ и редакціонныхъ комиссій.

Верховной властью съ самаго начала установлено было какъ основное положеніе, что общинное землевладѣніе должно быть сохранено тамъ, гдѣ оно существовало раньше. Одно изъ „Высочайше преподанныхъ началъ", которыми повелѣно было руководствоваться Главному Комитету по крестьянскому дѣлу и учрежденной при немъ Комиссіи, гласило: „Крестьяне распредѣляются на сельскія общества, которыя должны имѣть свое мірское управленіе. Для всѣхъ губерній мірское управленіе обязательно только въ отношеніи административномъ; въ тѣхъ же изъ губерній или уѣздовъ, гдѣ, по народному обычаю, уже существуетъ общинное пользованіе угодьями, мірское управленіе завѣдываетъ и этими угодьями".

Положеніе, занятое правительствомъ въ вопросѣ объ общинномъ и личномъ владѣніи, имѣло руководящее значеніе какъ для губернскихъ комитетовъ, такъ и для редакціонныхъ комиссій, на которыя легла главная работа по выработкѣ крестьянской реформы.

Мнѣнія комитетовъ распадаются на три группы: одни желали предоставить крестьянамъ полевую землю исключительно въ общинное пользованіе; другіе—исключительно въ личное или участковое, наконецъ, третьи заняли среднее положеніе: признавая необходимымъ сохранить общинное владѣніе тамъ, гдѣ оно существуетъ, они или допускали такой порядокъ временно, или обставляли его ограничительными условіями, или, наконецъ, открывали путь къ свободному переходу отъ общиннаго владѣнія къ личному, по желанію общества или путемъ выдѣла участковъ по требованію отдѣльныхъ членовъ его. Изъ комитетовъ этой третьей группы нѣкоторые предоставляли выборъ между общиннымъ и личнымъ владѣніемъ усмотрѣнію помѣщика, другіе—приговору самого общества, третьи—обоюдному согласію между обществомъ и помѣщикомъ. Предлагалось также сохранить общинное владѣніе на срочно-обязанное время, но съ предоставленіемъ каждому члену общества права выкупить свой участокъ въ личную собственность. Нѣкоторые полагали необходимымъ оставить выкупаемую крестьянами землю въ общинномъ владѣніи до уплаты всей слѣдуемой за нее капитальной суммы, а другіе высказывались въ пользу того, чтобы и по окончаніи выкупа земля въ теченіе 50 лѣтъ оставалась въ общинномъ владѣніи, съ тѣмъ, чтобы по

истеченіи этого срока переходъ въ частную собственность зависѣлъ отъ разрѣшенія правительства [1]).

Доводы безусловныхъ защитниковъ общиннаго владѣнія (напр., 6 владимирскихъ членовъ) сводились, главнымъ образомъ, къ тому, что крутой переходъ отъ укоренившейся формы владѣнія землей къ новой, чуждой обычаямъ и взглядамъ крестьянъ, во всѣхъ отношеніяхъ нежелателенъ. Съ другой стороны, безусловные противники общиннаго землевладѣнія доказывали, что „только то владѣніе дастъ полезное направленіе труду, гдѣ человѣкъ пользуется онымъ отдѣльно и работаетъ на самого себя. Гдѣ же введено общинное владѣніе, тамъ являются тунеядцы и міроѣды" (воронежскій комитетъ). Симбирскіе пять членовъ объясняли, что установленіе общиннаго

Избы. (Этюдъ Левитана).

владѣнія не имѣетъ цѣлью огражденіе крестьянъ отъ батрачества, а вытекаетъ изъ фальшиваго убѣжденія, что для помѣщиковъ было бы затруднительно имѣть дѣло съ отдѣльными личностями, и что только круговое ручательство всего общества можетъ спасти ихъ отъ недоимокъ.

Правительство, съ своей стороны, твердо держалось занятой съ самаго начала позиціи. Мнѣніе пяти симбирскихъ членовъ не нашло себѣ поддержки ни со стороны земскаго отдѣла, который разсматривалъ его, ни со стороны министра внутреннихъ дѣлъ Ланского. Редакціонныя коммиссіи приняли за точку отправленія въ своихъ работахъ по вопросу объ общинномъ

---

[1]) А. Скребицкій, «Крестьянское дѣло въ царствованіе императора Александра II», т. II, 1, стр. 465.

ложеннаго Высочайше преподанныя начала, къ которымъ въ принципѣ примкнуло и большинство губернскихъ комитетовъ.

Первой председатель редакціонныхъ комиссій ген.-ад. Я. И. Ростовцевъ сводилъ общинный вопросъ всецѣло и очень опредѣленно на правительственную точку зрѣнія. Онъ не только раздѣлялъ по существу взглядъ, выраженный Верховной властью, но вообще полагалъ, что вопросъ объ общинѣ чисто правительственный, „до правъ собственности и до интересовъ помѣщика не относящійся“. Общинное устройство необходимо было Россіи, по мнѣнію Ростовцева, по двумъ причинамъ, непосредственно касающимся правительства: во-первыхъ, „потому что народу нужна еще сильная власть, которая замѣнила бы власть помѣщика“, и, во-вторыхъ, „потому что безъ міра помѣщикъ не собралъ бы своихъ доходовъ ни оброкомъ, ни трудомъ, а правительство—своихъ податей и повинностей. Вопросъ этотъ, или, правильнѣе, переворотъ историческаго крестьянскаго народнаго быта,—писалъ Ростовцевъ,—не можетъ быть рѣшаемъ теоріями; онъ можетъ быть рѣшенъ только исторіею. Если русское общество, историческимъ ходомъ своей жизни ощутитъ потребность въ раздробленіи поземельной собственности на отдѣльныя лица, то пособить этому будетъ очень нетрудно; тогда, въ извѣстный моментъ, достаточно будетъ только одного Высочайшаго указа, чтобы міръ раздѣлилъ свои угодья между своими сочленами въ потомственное владѣніе сихъ послѣднихъ“ [1]).

Для характеристики взглядовъ Ростовцева интересны слѣдующія заявленія его, сообщаемыя Н. Семеновымъ, какъ отвѣтъ противникамъ общиннаго землевладѣнія: „Нѣтъ, господа, ломать исторіи я вамъ не позволю, я не профессоръ и не буду вамъ объяснять, какъ образовалась у насъ община. Въ нашей литературѣ много объ этомъ разсужденій и споровъ; но у насъ община есть, и, слѣдовательно, еще нужна, мы и должны ее сохранить. Ломать мы ничего не должны. Когда вы говорите о свободѣ, я вамъ уступаю; отворите, какъ хотите широко, ворота для выхода всякаго крестьянина изъ общины, но не ломайте общины—пусть она остается“ [2]).

Въ засѣданіи редакціонныхъ комиссій 5 марта 1859 г. Ростовцевъ прочиталъ „предложеніе“, заключавшее въ себѣ извлеченіе изъ его мнѣній и мыслей по крестьянскому вопросу, въ томъ числѣ и объ общинномъ землевладѣніи.

Вопросъ о поземельной общинѣ былъ расчлененъ въ занятіяхъ комиссіи на слѣдующія части. Прежде всего комиссіи отдѣлили отъ понятія общиннаго владѣнія явленіе земельныхъ передѣловъ, которые онѣ не считали необходимымъ признакомъ этой формы землепользованія. Сущность

[1]) Н. П. Семеновъ, «Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II», т. I, стр. 95, и А. Скребицкій, II, 1, стр. 466.
[2]) Н. Семеновъ, т. II, стр. 383.

ея онѣ видѣли въ „разверсткѣ земель“ (а съ этимъ вмѣстѣ и повинностей) между членами крестьянскаго общества самимъ обществомъ. Затѣмъ отдѣльно разсматривался выдѣлъ участковъ отдѣльныхъ членовъ изъ общиннаго землепользованія [1]).

III.

Общая точка зрѣнія по отношенію къ поземельной общинѣ, выраженная въ Высочайше преподанныхъ началахъ и поддержанная Ростовцевымъ, не встрѣтила возраженій со стороны состава редакціонныхъ комиссій. Всѣ

Мельница (Шишкина).

признавали, что въ данный моментъ не могло быть рѣчи объ упраздненіи общиннаго землевладѣнія. Тѣмъ не менѣе, члены комиссій далеко не были согласны между собою по принципіальному вопросу о достоинствахъ и недостаткахъ общинной формы владѣнія землею. Среди нихъ были представлены разныя теченія мысли по этому предмету, отражавшія соотвѣтствующія направленія въ литературѣ, и это разномысліе, отодвинутое на задній планъ и прикрытое практической задачей, занимавшей составителей будущихъ „Положеній“, нѣсколько разъ обнаружилось въ занятіяхъ комиссій.

---

[1]) Скребицкій, т. II, стр 516

Въ редакц. ком. возникали пререканія по поводу общиннаго землевладѣнія въ связи съ вопросомъ объ отдѣленіи сельскаго общества, какъ административной единицы, отъ поземельной общины, какъ единицы хозяйственной. Комиссіи высказались въ пользу такого отдѣленія, при чемъ рѣшено было назвать сельское общество волостью, а поземельную общину—мірскимъ обществомъ. При этомъ возникъ принципіальный споръ между Ю. Ѳ. Самаринымъ и кн. Черкасскимъ. Самаринъ считалъ практически совершенно невозможнымъ отдѣленіе хозяйственной единицы отъ административной, по неразрывной связи интересовъ, сопряженныхъ съ общиннымъ владѣніемъ землей, съ тѣми обязанностями крестьянъ къ правительству, которыя находятся въ прямомъ отношеніи къ этому владѣнію. Кн. Черкасскій отвѣчалъ Самарину, что мысль его справедлива, если считать общинное владѣніе вѣчнымъ, но такъ какъ онъ, князь, и другіе считаютъ въ будущемъ распаденіе общиннаго устройства неизбѣжнымъ, ибо ничто не вѣчно, то и находятъ, что администрація должна заранѣе приготовить такія формы, которыя годились бы и на послѣдующее затѣмъ время. Н. Семеновъ возразилъ, что будущее никому неизвѣстно, что если большія перемѣны въ бытѣ крестьянъ и могутъ естественно послѣдовать, то во всякомъ случаѣ въ очень отдаленное для насъ время, а для того времени едва ли будутъ пригодны изготовленныя такъ задолго формы администраціи. Самаринъ сталъ сильно защищать прочность общиннаго начала и высокія качества этого вида общественной жизни у славянъ, указывая на проявленіе въ немъ всѣхъ особенностей русской народности, и заключилъ словами: „Вы навязываете народу такую насильственную правительственную форму въ волостномъ управленіи, въ которой крестьяне вовсе не поймутъ ни вашего учрежденія, ни того, что вы отъ нихъ требуете, и примутъ на себя предписанныя вами обязанности какъ тяжелую для нихъ повинность. Они совсѣмъ не будутъ интересоваться этимъ управленіемъ". Въ продолженіе этой рѣчи кн. Черкасскій сказалъ вполголоса Татаринову, тогда близко отъ него сидѣвшему: „Что я вамъ говорилъ!.. вы сами видите!" [1]).

Въ этой сценѣ, запротоколированной Николаемъ Семеновымъ, обнаружилось разногласіе большинства редакціонныхъ комиссій съ славянофилами, сильно обострившееся впослѣдствіи, когда комиссіи занялись регламентаціей волостного управленія. Славянофилы не могли примириться съ отдѣленіемъ административной общины отъ поземельной и пришли въ ужасъ, по выраженію К. С. Аксакова, отъ предположенія комиссій относительно сельскихъ сходовъ. Ихъ пугала регламентація народной жизни, предпринятая въ Петербургѣ, и хотя горькіе упреки, посыпавшіеся на редакціонныя комиссіи изъ славянофильскаго лагеря, и относятся къ административной общинѣ, тѣмъ

[1]) Н. Семеновъ, I, стр. 215.

не менѣе они характерны вообще для воззрѣній славянофиловъ на отношеніе государства къ формамъ народнаго быта и въ частности къ общинному землевладѣнію. „Вы подняли руку на народъ,—писалъ Аксаковъ кн. Черкасскому. Злое дѣло, худое дѣло. Вы посягнули на душу народа; это уже настоящее душегубство. Остается утѣшаться, что не всегда же русская исторія будетъ сочиняться въ Петербургѣ и что вамъ, господа, совершить душегубства надъ русскимъ народомъ на дѣлѣ не удастся". Хомяковъ былъ также недоволенъ. „К. С. Аксаковъ,—писалъ онъ Кошелеву,—при всемъ своемъ лиризмѣ, правъ и болѣе практиченъ, чѣмъ практики. Не должно заковывать жизни, когда ее только пробуждаешь: дай ей просторъ и жди ея собственнаго ума... Господа, играйте ближе къ натурѣ,—какъ говорилъ Еропкинъ, когда хитрили и мудрили въ вистъ". Впослѣдствіи и Кошелевъ писалъ въ томъ же духѣ А. Н. Попову: „Знаете, шибко я боюсь вашей петербургской стряпни. Ужъ какъ вы, господа чиновники, да къ тому же петербуржцы, да еще вдобавокъ ученые, примитесь законодательствовать, право, изъ этого можетъ выйти чисто-начисто бѣда, да еще какая! Знаете, морозъ по кожѣ деретъ и меня и Хомякова отъ однихъ опасеній. Многаго мы отъ васъ боимся, но на дѣлѣ вы будете страшнѣе и ужаснѣе. Старайтесь сдѣлать какъ можно неполно, недостаточно, дурно; право, это будетъ лучше.." [1]).

На Волгѣ (фот. Каррика).

Тотъ же вопросъ объ отношеніи административной общины къ поземельной вновь подалъ поводъ къ сужденіямъ объ общинномъ землевладѣніи въ третьемъ періодѣ занятій редакціонныхъ комиссій, когда было приступлено къ кодификаціоннымъ работамъ. 36 членовъ губернскихъ комитетовъ утверждали, что административное отдѣленіе редакціонныхъ комиссій полагало устроить крестьянское управленіе, съ устраненіемъ участія личныхъ собственниковъ, исключительно на общинномъ началѣ, которое, въ хозяйственномъ отношеніи, по мнѣнію упомянутыхъ лицъ, будетъ содѣйствовать

---

[1]) Ник. Барсуковъ, «Жизнь и труды М. П. Погодина», 1903 г., книга 17, стр. 112 и слѣд.

организацію [illegible] коалиціи рабочихъ, подъ именемъ сельскихъ обществъ, и въ правительственномъ отношеніи введетъ въ русскую жизнь [illegible] демократическій принципъ, несовмѣстный съ сильною правительственною властью. Административное отдѣленіе, въ своемъ докладѣ общему присутствію комиссіи, возражало 36 членамъ губернскихъ комитетовъ, что сохраненіе, сообразно Высочайше указаннымъ началамъ, самородной общины тамъ, гдѣ она уже нынѣ существуетъ въ силу народнаго обычая, не только не благопріятствуетъ образованію коалицій въ рабочихъ классахъ и развитію демократическаго разрушительнаго начала, но, напротивъ, укрѣпляетъ самый надежный, въ Европѣ, къ сожалѣнію, съ каждымъ днемъ исчезающій, оплотъ противъ него. Коалиція работниковъ, коллективная оппозиція противъ капиталистовъ и властей, со всѣми ихъ послѣдствіями, — все то, чѣмъ гг. члены стараются возбудить опасенія за мирный исходъ крестьянскаго вопроса, развилось въ тѣхъ странахъ, гдѣ давно уже нѣтъ никакихъ слѣдовъ поземельной общины, и притомъ почти исключительно въ тѣхъ сословіяхъ, въ которыхъ распущенныя личности, не связанныя никакимъ общимъ поземельнымъ интересомъ и предоставленныя самимъ себѣ, сознали свою единичную слабость и сложились въ искусственные союзы, враждебные правительству, собственности и общественному порядку, какъ, напр., во Франціи, въ Ирландіи и въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи". По поводу приведенныхъ сужденій произошелъ любопытный діалогъ между председателемъ гр. Панинымъ, замѣнившимъ Ростовцева послѣ его смерти, и кн. Черкасскимъ. Первый недоумѣвалъ, какимъ образомъ община можетъ препятствовать коалиціямъ или стачкамъ рабочихъ. „Если бы образовался со временемъ, — замѣтилъ онъ, — когда-нибудь въ большихъ еще размѣрахъ классъ тѣхъ работниковъ, которые живутъ у насъ на фабрикахъ, то я удивляюсь и не понимаю, какъ община крестьянъ въ деревнѣ могла бы тамъ предупредить коалиціи работниковъ". Князь Черкасскій пояснилъ, что „при отсутствіи капиталовъ въ рабочемъ сословіи само собой работники принуждаются иногда вступать въ коалицію, но какъ общинное устройство гораздо болѣе обезпечиваетъ крестьянъ вообще, то они и будутъ предпочитать его коалиціямъ. Сохраняя связи въ деревняхъ, — развивалъ далѣе свою мысль кн. Черкасскій, — крестьяне вносятъ полезное іерархическое начало и въ другую среду. На фабрикахъ, гдѣ крестьяне, сейчасъ назначается десятскій, который и смотритъ за рабочими своей деревни. Это артельный порядокъ". Самаринъ замѣтилъ, что они (т.-е. защитники общины) имѣли въ виду не то, что сохраненіе общиннаго устройства могло бы явиться предупредительной мѣрой противъ стачекъ. „Мы разсчитывали, — продолжалъ онъ, — на большее: что [illegible] будетъ поставленъ твердый оплотъ, который не допуститъ вовлечь [illegible] массу во что-нибудь вредъ кому-либо наносящее. Сходство съ коммунизмомъ здѣсь только внѣшнее, то, что община по-

По рѣкѣ Окѣ (Архипова).

французски называется commune, съ словомъ коммунизмъ здѣсь выходитъ только созвучіе, но въ сущности, изъясняясь по-русски, тутъ полное несходство". Графъ Панинъ согласился, что мнѣніе, будто община „коммунизмъ, какъ въ Европѣ", преувеличено и не имѣетъ основанія [1]).

Приведеннымъ діалогомъ между предсѣдателемъ комиссій и нѣсколькими членами дѣло и ограничилось. Заключенія 36 членовъ, стремившихся вызвать призраки коммунизма, надѣясь отпугнуть этимъ членовъ комиссіи отъ общины, успѣха не имѣли.

IV.

Вопросъ о передѣлахъ не вызвалъ принципіальныхъ разногласій въ средѣ дѣятелей крестьянской реформы.

Губернскіе комитеты, за немногими исключеніями, отнеслись отрицательно къ этому способу землепользованія, полагая, что постоянные передѣлы уменьшаютъ склонность крестьянъ къ удобренію земли и разоряютъ ихъ, нанося этимъ вредъ и помѣщикамъ. Съ другой стороны, указывалось на то, что въ нѣкоторыхъ частяхъ Россіи, преимущественно степныхъ, неудобства отъ передѣловъ предотвращаются крайнимъ и лишь медленно истощающимся плодородіемъ земли и что въ этихъ мѣстностяхъ обычай передѣлять землю такъ глубоко укоренился въ народныхъ привычкахъ, что одной буквы закона было бы недостаточно для истребленія зла, и безусловное требованіе закона могло бы показаться слишкомъ стѣснительнымъ для крестьянскаго хозяйства. Редак-

[1]) Н. Семеновъ, III, 2, стр. 52 и слѣд.

шинству членовъ, по словамъ Скребицкаго, желая избѣгнуть установленія единаго положительнаго правила, склонились къ тому мнѣнію, „что одного вліянія лучшихъ и трудолюбивѣйшихъ крестьянъ, если только оно будетъ нѣсколько ограничено закономъ, достаточно для постепеннаго искорененія переділовъ земли, гдѣ они дѣйствительно болѣе всего вредны, и притомъ къ постепенному устраненію ихъ въ той самой мѣрѣ, въ какой проистекающій отъ нихъ вредъ ощущается на дѣлѣ. Законъ, въ этомъ случаѣ, долженъ служить только точкою опоры для постепенно развивающагося сознанія народнаго“ [1]). Руководствуясь этими соображеніями, редакціонныя комиссіи не воспретили передѣловъ, но поставили условіемъ дѣйствительности приговора о передѣлѣ постановленіе его большинствомъ не менѣе $^{3}/_{4}$ голосовъ схода, по первоначальному предположенію, и $^{2}/_{3}$ голосовъ по окончательному рѣшенію комиссіи.

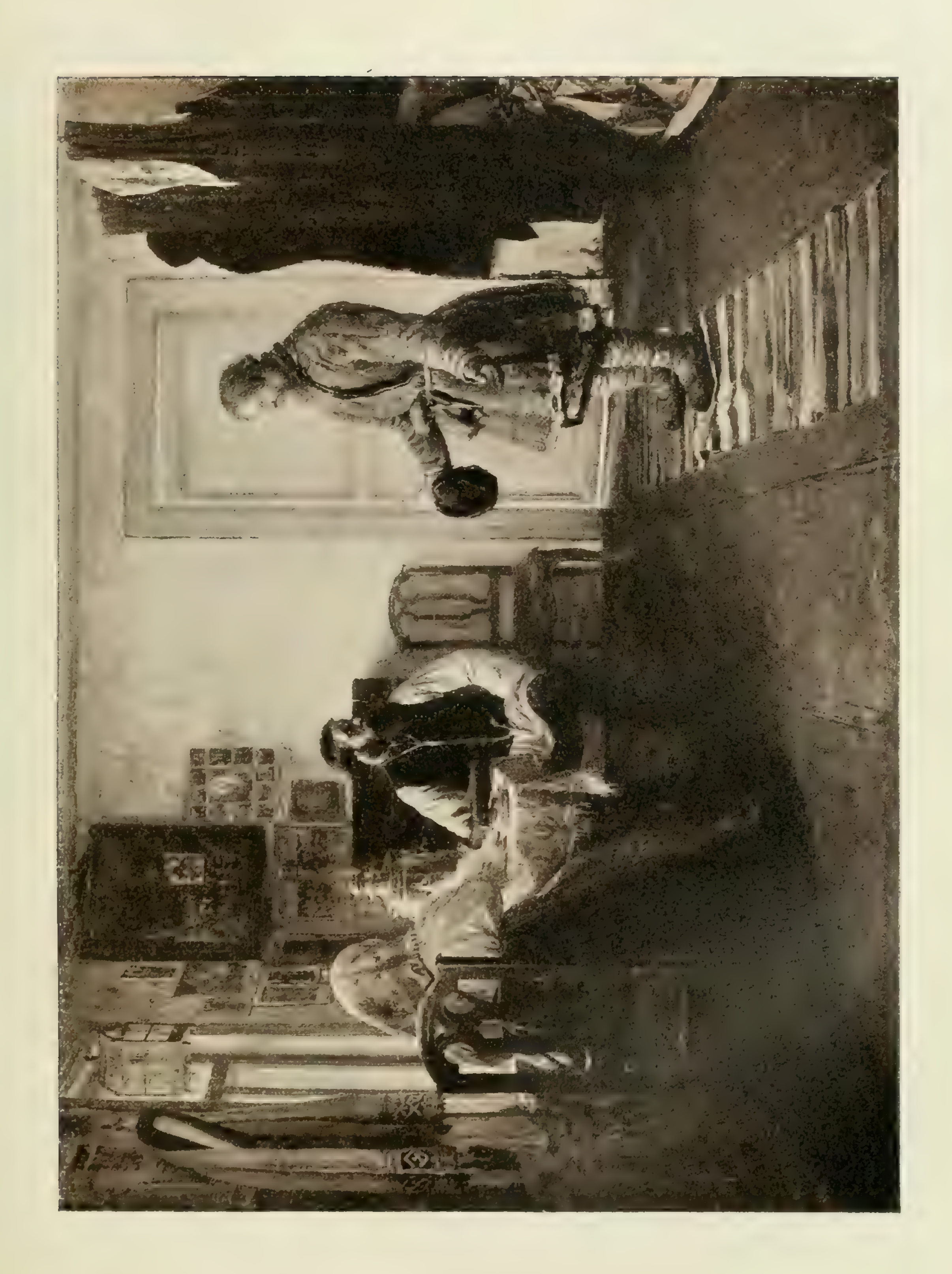
V.

Горячіе споры вызвалъ вопросъ о выдѣлѣ участковъ земли въ личное владѣніе отдѣльнымъ членамъ сельскаго общества. Рѣшеніе этого вопроса въ ту или другую сторону должно было имѣть опредѣляющее значеніе для дальнѣйшей судьбы общиннаго землевладѣнія. Самое допущеніе подобныхъ выдѣловъ уже угрожало общинному началу, но достаточно было дать въ этомъ дѣлѣ перевѣсъ личному интересу передъ желаніями и выгодами общества, и поземельная община оказалась бы открытой для разрушительнаго вліянія на нее индивидуалистическихъ стремленій отдѣльныхъ ея членовъ. Естественно, что на этомъ вопросѣ должны были столкнуться сторонники и противники общиннаго землевладѣнія. Первые стремились оградить права общества на отведенную ему въ надѣлъ землю, вторые желали бы открыть путь къ исходу изъ общины всѣмъ, кто пожелалъ бы перейти со временемъ къ личному владѣнію. Если всѣ согласны были въ необходимости сохранить общину для даннаго момента тамъ, гдѣ она уже существовала раньше, то относительно будущаго мнѣнія сильно расходились. Черкасскій и Милютинъ не скрывали своихъ симпатій къ личному владѣнію и сильно расходились съ Самаринымъ и Семеновымъ, всѣ симпатіи которыхъ и по отношенію къ будущему были на сторонѣ общиннаго начала.

Вопросъ о выдѣлѣ впервые былъ возбужденъ въ докладѣ юридическаго отдѣленія „О правахъ крестьянъ по имуществу“, заслушанномъ въ общемъ присутствіи редакціонныхъ комиссій 1 августа 1859 г. По п. 3 этого доклада, составленнаго Любощинскимъ и Домонтовичемъ, устанавливалось право мірского общества распоряжаться принадлежащими ему въ собственность землями по своему усмотрѣнію, съ тѣмъ, что оно можетъ раздѣлить эти земли

---

[1]) Скребицкій, II, стр. 525 и сл.

между домохозяевами, составляющими общество, предоставивъ каждому участокъ въ полную собственность, или сохранить земли въ общемъ владѣніи всѣхъ домохозяевъ. При этомъ отдѣльному члену общества предоставлялось уступить постороннему лицу, съ согласія общества, право на участіе въ общемъ владѣніи. Къ послѣднимъ словамъ было прибавлено: „собственностью, пріобрѣтенною обществомъ“, изъ чего вытекало, что право распоряженія обусловливалось выкупомъ земли обществомъ въ собственность.

Къ изложенной статьѣ въ докладѣ сдѣлано было примѣчаніе, превращенное общимъ присутствіемъ въ самостоятельную статью. Это примѣчаніе и заключало въ себѣ положеніе о выдѣлѣ, получившее впослѣдствіи столь важ-

Пляска на отдыхѣ въ Черниговской губ. на буракахъ (В. Е. Маковскаго).

ное значеніе въ судьбѣ поземельной общины. Предложеніе юридическаго отдѣленія заключалось въ томъ, чтобы за каждымъ членомъ мірского общества было сохранено право требовать выдѣла своего участка изъ общаго владѣнія, при чемъ въ случаѣ, если такой выдѣлъ окажется неудобнымъ или невозможнымъ, обществу предоставлялось удовлетворить своего члена, желающаго выдѣлиться, денежнымъ вознагражденіемъ. по взаимному соглашенію или по оцѣнкѣ [1]).

Н. Семеновъ замѣчаетъ въ своихъ запискахъ, что ему неизвѣстно, по какимъ соображеніямъ эта статья была принята въ первомъ періодѣ занятій редакціонныхъ комиссій, но при вторичномъ ея обсужденіи онъ рѣ-

[1]) Н. Семеновъ, I, стр. 520.

настойчиво возражали противъ нея. Когда же комиссіи приступили къ разсмотрѣнію этой статьи въ третьемъ періодѣ своихъ работъ, поднялся горячій споръ.

Гр. Панину статья о выдѣлѣ показалась странной, а П. Семеновъ назвалъ ее невозможной, ибо на дѣлѣ она, по его мнѣнію, неосуществима. Такъ какъ при общинномъ владѣніи землями у крестьянъ нѣтъ цѣльныхъ и отдѣльныхъ участковъ, то для выдѣла одного, доказывалъ Семеновъ, надо будетъ каждый разъ разстраивать все общинное владѣніе и хозяйство; надо будетъ разомъ сломить весь строй крестьянскаго быта. „Поэтому,—заключилъ ораторъ,—можно впередъ сказать, что при общинномъ владѣніи землями, какъ оно сложилось у насъ исторически, выдѣлъ участка въ натурѣ невозможенъ, для чего же тогда ставить требованіе закона прямо въ разрѣзъ съ тѣмъ, что установилъ обычай, и дать свободу разрушенію народной жизни?"

Когда гр. Панинъ выразилъ Любощинскому, какъ докладчику, сомнѣніе, въ какой степени предполагаемая статья соотвѣтствуетъ общей мысли сохранить общину, Милютинъ откровенно замѣтилъ: „Мы не стремимся къ этому".

При чтеніи той же статьи въ окончательномъ видѣ, споръ возобновился. Самаринъ замѣтилъ, что эта статья подрываетъ общину въ основаніи, но утѣшалъ себя тѣмъ, что никакими правилами, направленными къ уничтоженію общины, на дѣлѣ не удастся разрушить ее. „На ней покоится бытъ народный, и она будетъ продолжать свое существованіе, пока будетъ живъ русскій народъ". Затѣмъ снова П. Семеновъ произнесъ горячую рѣчь противъ предложенной статьи, доказывая, вопреки оптимизму Самарина, что она неминуемо поведетъ къ распаденію общины.

Въ жаркихъ преніяхъ, послѣдовавшихъ затѣмъ, приняли участіе многіе члены, и на очередь былъ выдвинутъ общій вопросъ о преимуществахъ и невыгодахъ общиннаго землевладѣнія. Семеновъ отмѣчаетъ, что и кн. Черкасскій высказался противъ статьи о выдѣлѣ, избѣгая, впрочемъ, защиты общиннаго владѣнія, которое самъ онъ считалъ противоэкономическимъ и тормозящимъ развитіе сельскаго хозяйства въ Россіи [1]).

По словамъ Семенова, голосованіе не состоялось непосредственно послѣ преній благодаря Милютину, которому удалось отсрочить постановку вопроса на голоса и тѣмъ временемъ склонить въ пользу статьи гр. Панина. Черезъ нѣкоторое время Петръ Семеновъ напомнилъ предсѣдателю, что по вопросу о возможности предоставленія права каждому члену общества требовать выдѣла себѣ участка ни соглашенія, ни голосованія еще не произошло. По этому поводу Самаринъ снова выразилъ свое несогласіе съ предлагаемой статьей, на что гр. Панинъ нѣсколько странно замѣтилъ: „Да во всемъ, что мы дѣлаемъ, много неудобнаго. Мы придумывали, какъ сдѣлать лучше. Но

[1]) Тамъ же, III. 2. стр. 290.

если вы настаиваете на вашемъ мнѣніи, то мы пустимъ его на голоса". Происшедшее затѣмъ голосованіе дало 16 голосовъ за статью и 5—противъ нея. Меньшинство состояло изъ Самарина, кн. Черкасскаго, Попова и двухъ Семеновыхъ.

Такъ возникла 27-я ст. общей кодификаціи по докладамъ юридическаго отдѣленія, а изъ нея образовалась извѣстная 165 статья Положенія о выкупѣ. Проектъ этого Положенія, выработанный финансовой комиссіей, не обсуждался въ редакціонныхъ комиссіяхъ, хотя и былъ составленъ на основаніи общаго проекта редакціонныхъ комиссій и представленъ въ Главный Комитетъ отъ ихъ лица. Въ проектѣ Положенія о выкупѣ приведенная выше 27 статья была изложена въ нѣсколько измѣненномъ видѣ подъ № 188, а въ Высочайше утвержденномъ, по мнѣнію Государственнаго Совѣта, Положеніи 19 февраля 1861 г. эта статья, въ томъ же изложеніи, заняла свое мѣсто подъ цифрой 165 и, по замѣчанію Н. Семенова, „подъ нею же стала извѣстна всѣмъ, которымъ крестьянское дѣло было близко по ихъ положенію или которые имъ вообще интересовались" [1]).

VI.

Рѣшенія, принятыя редакціонными комиссіями по вопросу о поземельной общинѣ, не совпали съ крайними теченіями литературы 50-хъ гг. Комиссіи не пошли за тѣми, которые желали немедленнаго упраздненія общиннаго землевладѣнія и замѣны его личной собственностью, но, съ другой стороны, не послѣдовали и за принципіальными защитниками общины, желавшими, чтобы она была сохранена и на будущія времена, какъ наилучшая форма владѣнія землею. Въ этомъ отношеніи редакціонныя комиссіи разошлись и съ Чернышевскимъ, и съ славянофилами.

Сохранивъ общинное землевладѣніе по чисто-практическимъ соображеніямъ, комиссіи не предрѣшили вопроса на будущее время въ пользу общины. Онѣ не только допустили право самого общества перейти къ наслѣдственному пользованію, но предоставили такое же право и отдѣльнымъ членамъ общества, признавъ какъ будто этимъ рѣшеніемъ, что „искомымъ результатомъ" въ будущемъ, по выраженію Тернера, являлось для нихъ личное владѣніе.

Предположенія редакціонныхъ комиссій по вопросу объ общинномъ землевладѣніи не подверглись существеннымъ измѣненіямъ ни въ Главномъ Комитетѣ, ни въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта. Войдя въ „Положенія" 19 февраля, они опредѣлили собою содержаніе нашего законодательства о поземельной общинѣ на долгое время.

А. Мануиловъ.

[1]) Тамъ же, III, 2, стр. 288.

Споръ на межѣ (Савицкаго).

Надѣлы.

В. И. Анисимова.

Надѣленіе освобождаемыхъ отъ крѣпостной зависимости крестьянъ не было основано на какихъ-либо нормахъ, сообразованныхъ такъ или иначе съ потребностью крестьянъ въ землѣ. Тѣ нормы, которыя мы находимъ въ Положеніяхъ 19 февраля, не были предназначены для того, чтобы согласовать размѣры надѣленія съ этими потребностями, а, какъ мы ниже увидимъ, лишь для того, чтобы урегулировать извѣстнымъ образомъ раздѣлъ земли между помѣщиками и ихъ бывшими крѣпостными. Основной принципъ крестьянскаго землеустройства, провозглашенный Положеніями 19 февраля, заключался въ томъ, что освобождаемые крестьяне должны были получить въ свое постоянное пользованіе тѣ земли, которыми они пользовались до утвержденія этого Положенія. Если даже этотъ принципъ при его проведеніи не подвергался никакимъ ограниченіямъ, то и въ этомъ случаѣ удовлетвореніе потребности крестьянъ въ землѣ, конечно, не всегда было бы въ достаточной мѣрѣ обезпечено, такъ какъ не всегда размѣры дореформеннаго землепользованія находились въ соотвѣтствіи съ ихъ трудовыми силами и потребностями. Въ особенности это относится къ помѣщичьимъ крестьянамъ, а изъ ихъ числа—къ барщиннымъ, такъ какъ само собою понятно, что отвлеченіе

значительной части крестьянскихъ силъ на барщину и соотвѣтственное ограниченіе крестьянскаго землепользованія нарушали равновѣсіе между трудовыми силами крестьянскаго населенія и размѣрами той площади, которая находилась въ ихъ пользованіи до 1861 года и на которую они получали право съ изданіемъ Положеній 19 февраля. Не малое значеніе должно быть придаваемо въ этомъ отношеніи развитію товарнаго производства (т.-е. производства на сбытъ) въ помѣщичьихъ экономіяхъ, которое имѣло мѣсто въ первой половинѣ XIX вѣка, т. е. непосредственно передъ реформою 1861 г., и результатомъ котораго былъ сильный ростъ числа барщинныхъ крестьянъ, значительное расширеніе помѣщичьихъ запашекъ и сокращеніе размѣровъ крестьянскаго землепользованія во многихъ губерніяхъ и областяхъ Европейской Россіи [1]). Имѣя въ виду эти обстоятельства, слѣдуетъ признать, что сохраненіе существовавшихъ въ моментъ реформы крестьянскихъ надѣловъ не могло вполнѣ обезпечить потребности крестьянъ въ землѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ принципъ какъ бы закрѣплялъ въ крестьянскомъ землеустройствѣ послѣдствія той неравномѣрности распредѣленія населенія по территоріи страны, которая создалась исторически и во многихъ случаяхъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ крѣпостного права. Исключая свободную и легальную миграцію крестьянскаго населенія, крѣпостное право приводило нерѣдко къ искусственному и чрезмѣрному сгущенію населенія въ такихъ областяхъ, физико-географическія условія которыхъ вовсе не благопріятствовали уплотненію сельскаго населенія въ такой мѣрѣ. А порождаемая такимъ образомъ земельная тѣснота, въ свою очередь, давала нерѣдко совершенно искусственное направленіе развитію производительныхъ силъ населенія [2]). Въ меньшемъ масштабѣ, но въ болѣе острыхъ формахъ тѣ же явленія наблюдались и по отношенію къ отдѣльнымъ помѣщичьимъ имѣніямъ. Какъ извѣстно, численность ихъ крѣпостного населенія не была сообразуема съ размѣрами владѣній, и чѣмъ меньше былъ размѣръ имѣнія, тѣмъ больше была въ общемъ плотность его населенія, тѣмъ, слѣдовательно, меньше были при прочихъ равныхъ условіяхъ размѣры крестьянскаго землепользованія. Въ нѣкоторыхъ областяхъ, какъ, напримѣръ, въ Малороссіи, сильная раздробленность имѣній имѣла своимъ послѣдствіемъ не только ограниченность дореформенныхъ крестьянскихъ надѣловъ, но даже и образованіе довольно многочисленной группы совершенно обезземеленныхъ крестьянъ. Насколько велика бывала неравномѣрность обезпеченія крестьянъ землею, можно видѣть хотя бы на примѣрѣ Калужской губерніи, въ которой размѣръ надѣла на ревизскую

---

[1]) См. ст. В. И. Ничета, «Помѣщичье хозяйство наканунѣ реформы», «Великая Реформа», т. III, стр. 126, а также книги: П. И. Лященко, «Очерки аграрной эволюціи», И. И. Игнатовичъ, «Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія» и Н. П. Огановскаго, «Очерки по исторіи земельныхъ отношеній въ Россіи».

[2]) Кавелинъ, сочиненія, т. II, стр. 26.

душу въ отдѣльныхъ имѣніяхъ колебался отъ $2^1/_4$ до 23 десятинъ[1]). Вотъ это-то отрицательныя послѣдствія неравномѣрности разселенія крестьянъ, искусственно порожденной крѣпостнымъ правомъ, и закрѣплены были Положеніемъ 19 февраля, которыя въ основу надѣленія крестьянъ землею положили размѣры ихъ дореформеннаго землепользованія. Само собою понятно, что только примѣненіе трудовыхъ или продовольственныхъ нормъ могло бы сгладить эту несправедливую неравномѣрность крестьянскаго землепользованія. Конечно, такое разрѣшеніе вопроса предполагаетъ необходимость осуществленія широкой аграрной реформы: выкупъ у владѣльцевъ недостающаго количества земли или надѣленіе малоземельныхъ крестьянъ за счетъ государственнаго земельнаго фонда, разселеніе крестьянъ изъ малоземельныхъ мѣстностей въ многоземельныя и т. д. Но вѣдь эта реформа, принимая во вниманіе особыя условія развитія народнаго хозяйства нашей страны, какъ страны колонизующейся, была своего рода исторической необходимостью, что и выяснилось впослѣдствіи съ полной очевидностью въ пореформенномъ развитіи нашей общественно-хозяйственной жизни и нашло себѣ яркое выраженіе въ колоссальномъ ростѣ переселенческаго движенія, которое не могли остановить никакія административныя препоны.

Нельзя сказать, чтобы недостатки дореформеннаго землепользованія бывш. помѣщичьихъ крестьянъ не сознавались въ 1861 г. Большинство губернскихъ комитетовъ, отдавая предпочтеніе принципу надѣленія по общимъ нормамъ, указывали, между прочимъ, и на то, что дореформенные крестьянскіе надѣлы являются „не менѣе произвольными въ своихъ размѣрахъ, чѣмъ всякая вновь опредѣляемая норма, ибо они установились исключительно подъ вліяніемъ крѣпостного права и во множествѣ случаевъ не находились въ строгомъ соотвѣтствіи съ условіями мѣстной хозяйственной жизни".

Однако, какъ извѣстно, губ. комитеты руководились въ рѣшеніи этого вопроса вовсе не интересами крестьянскаго населенія, и за ихъ настойчивымъ требованіемъ надѣленія крестьянъ по нормамъ скрывалось не что иное, какъ желаніе возможно больше урѣзать размѣры крестьянскаго землевладѣнія въ пользу помѣщиковъ. Въ этомъ отношеніи особенно характерно то обстоятельство, что подавляющее большинство губернскихъ комитетовъ, поддерживавшихъ идею „нормальныхъ" надѣловъ, проектировало чрезвычайно низкія нормы, благодаря которымъ должны были значительно сократиться существующіе размѣры крестьянскаго землепользованія[2]).

Отсюда становится понятной та симпатія къ принципу сохраненія существующихъ надѣловъ, которую проявляли какъ редакц. комиссіи, такъ и всѣ

[1]) Н. П. Огановскій. «Очерки по исторіи земельныхъ отношеній въ Россіи», стр. 321.
[2]) Первое изд. Матер. редакц. комис., часть II, докладъ Хозяйств. отдѣл., № 1, стр. 3.

искренніе защитники крестьянскихъ интересовъ. Стремясь занять наиболѣе прочное и удобное съ практической точки зрѣнія положеніе въ одномъ изъ самыхъ острыхъ и сложныхъ вопросовъ реформы — въ вопросѣ о надѣлахъ, редакціонныя коммиссіи естественно должны были настаивать на сохраненіи дореформенныхъ надѣловъ, которые при всей своей неравномѣрности, а во многихъ случаяхъ и недостаточности, все же представляли собою величину, вполнѣ опредѣленную и наиболѣе устойчивую. Нисколько не удивительно, конечно, и то, что, отстаивая этотъ принципъ всѣми мѣрами, хоз. отдѣл. ред. комиссій доходило и до утвержденія, что „существующіе нынѣ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи крестьянскіе надѣлы есть за немногими исключеніями лучшее и даже единственно правильное практическое мѣрило того количества земли, которое соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ потребностямъ крестьянина“. То же положеніе занимали по отношенію къ этому вопросу и нѣкоторые видные общественные дѣятели того времени. Такъ, напримѣръ, А. И. Кошелевъ высказывался въ томъ смыслѣ, что „предоставленіе крестьянамъ во владѣніе того количества угодій, какое находилось у нихъ въ то время въ пользованіи, есть предположеніе самое справедливое, самое безопасное и ближе всѣхъ ведущее къ скорѣйшему окончанію дѣла“.

Такимъ образомъ, то предпочтеніе, которое было оказано въ 1861 г. „существующимъ“ надѣламъ, обусловливалось не цѣлесообразностью самого этого принципа, а соображеніями тактическими. Однако, не закрывая глаза на то, что сохраненіе дореформенныхъ надѣловъ не обезпечивало потребностей бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ землѣ и вовсе не представлялось наиболѣе справедливымъ и раціональнымъ съ общественно-хозяйственной точки зрѣнія разрѣшеніемъ вопроса, мы можемъ вмѣстѣ съ тѣмъ признать, что съ точки зрѣнія „реальной политики“ редакціонныя коммиссіи были правы, отдавъ предпочтеніе принципу сохраненія существующихъ надѣловъ передъ нормами, на которыхъ настаивало большинство губернскихъ комитетовъ. Въ этомъ отношеніи онѣ дѣйствовали въ интересахъ крестьянскаго населенія, стремясь воспрепятствовать массовому обезземеленію послѣдняго. Однако, къ сожалѣнію, какъ это мы ниже увидимъ, онѣ не проявили въ этомъ отношеніи достаточной твердости и послѣдовательности, и на самомъ дѣлѣ сохраненіе прежнихъ надѣловъ съ выходомъ на волю было далеко не вполнѣ обезпечено крестьянамъ.

Произошло это оттого, что примѣненіе указаннаго выше основного принципа Положеній 19 февраля относительно размѣра надѣловъ было обставлено цѣлымъ рядомъ ограниченій, которыя имѣли своею цѣлью оградить владѣльцевъ земли отъ „чрезмѣрнаго“ уменьшенія ихъ владѣній. Надѣлы, находившіеся въ пользованіи крестьянъ, подлежали сокращенію во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда въ собственности помѣщика за ихъ выдѣломъ оставалось бы менѣе одной трети его владѣній въ нечерноземной и черно-

земной полосы и меньше половины въ степной. Равнымъ образомъ, помѣщикамъ [illegible] уменьшить размѣры отводимаго крестьянамъ надѣла по сравненію съ размѣрами ихъ дореформеннаго землепользованія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда послѣднее по расчету на ревизскую душу превышало размѣры, установленнаго для данной мѣстности высшаго или указнаго надѣла. Всѣ эти ограниченія вносили въ дѣло крестьянскаго землеустройства совершенно ирраціональныя начала. Опредѣленіе размѣровъ надѣла было поставлено въ большую зависимость отъ обстоятельствъ, совершенно постороннихъ и, такъ сказать, внѣшнихъ по отношенію къ крестьянскому хозяйству. Крестьянское землепользованіе подвергалось ограниченіямъ не только тогда, когда надѣлы крестьянъ были сравнительно велики и превосходили высшую или указную норму, но и въ тѣхъ случаяхъ, когда, благодаря чрезмѣрной населенности имѣнія, за выдѣломъ ихъ хотя бы и очень скромныхъ надѣловъ владѣнія помѣщика сокращались болѣе чѣмъ на двѣ трети или половину. Частота и размѣры отрѣзковъ отъ крестьянскихъ надѣльныхъ земель зависѣли такимъ образомъ, съ одной стороны, отъ населенности имѣній, а съ другой — отъ того соотношенія, которое существовало между дореформенными размѣрами крестьянскаго землепользованія и мѣстными нормами высшихъ и указныхъ надѣловъ. Что касается первой изъ этихъ причинъ, то дѣйствіе ея должно было сказаться тѣмъ сильнѣе, что Положенія 19 февраля давали весьма ограничительное опредѣленіе той совокупности владѣній помѣщика, по отношенію къ которой вычислялось минимальное количество земли, какое помѣщикъ имѣлъ право оставить за собою. Вопреки первоначальному предположенію редакц. коммисій, которыя полагали, что возможное количество отрѣзковъ должно было опредѣляться въ зависимости отъ количества **всѣхъ** земель, находившихся въ собственности помѣщика, подъ давленіемъ дворянскихъ депутатовъ, было принято гораздо менѣе благопріятное крестьянамъ правило, согласно которому количество земли, какое могло быть отведено въ надѣлъ вычислялось по отношенію только къ той части удобныхъ земель помѣщика, которая находилась въ районѣ не далѣе 12 верстъ отъ надѣляемаго селенія (ст. 23 великорусскаго Положенія и 16 статья малороссійскаго Положенія). Что же касается соотношенія между дореформенными надѣлами и нормами Положенія 19 февраля, то сопоставленіе тѣхъ и другихъ показываетъ, что въ большинствѣ случаевъ нормы высшихъ и указныхъ надѣловъ или были значительно ниже среднихъ для данной мѣстности размѣровъ дореформеннаго крестьянскаго землепользованія или почти совпадали съ послѣдними. Убѣдиться въ этомъ нетрудно при первомъ же взглядѣ на нижеслѣдующую табличку[1]):

[1] Такъ какъ нормы высшихъ и указныхъ надѣловъ устанавливались отдѣльно для каждаго уѣзда, а иногда даже для отдѣльной части уѣзда, то само собою понятно, всего

ГУБЕРНІИ.	Средній размѣръ дореформ. надѣла б. помѣщ. крестьянъ.	Нормы высшихъ (или указныхъ) надѣловъ по отдѣльн. уѣздамъ отъ—до	Уѣзды, рѣзко уклоняющіеся въ сторону максимума (для данной губерніи).
	десятинъ.		
Вологодская	8,68	4,5—7,0	
Новгородская	8,61	5,5—7,0	
Олонецкая	7,64	7,0	
Петербургская	6,40	3,5—5,5	
Костромская	5,85	4,0—6,0	
Смоленская	5,29	3,5—4,5	
Самарская	5,27	4,0—6,0	въ южн. части Никол. у. и въ Новоуз. у. 8—12 дес.
Псковская	5,04	4,5—5,0	Торопец. у. 5,5 д., Холмск. у. 6 дес.
Ярославская	4,70	3,5—4,5	Пошехонск. у. 5,5 дес.
Саратовская	4,41	4,0—4,5	въ незнач. части Камыш. у. 6 дес., въ Цариц. у. 7 дес.
Тверская	4,41	4,0—4,5	въ Осташковск. у. 5,0 дес.
Нижегородская	3,83	3,5—4,0	въ заволжскихъ уѣзд. 4,5—5,0 дес., а также въ Ардат.
Владимирская	3,72	3,5—4,5	
Симбирская	3,52	3,25—4,0	
Орловская	3,50	3,0—4,0	въ Брянск. у. 4,5 дес.
Калужская	3,38	3,25	въ Жиздр., Медын. и Мосальск. у. 4,0 дес.
Екатеринославская . .	3,26	3,0—4,0	въ части Александр. у. 4,5 дес.
Пензенская	3,24	2,0—3,25	въ Чембар. и Городищ. 4,0 дес.
Воронежская	3,02	3,0—3,5	въ Новохоп. у. 4,0 дес.
Тульская	2,88	2,75—3,0	въ Алекс. и части Бѣльск. и Одоевск. 3,25 дес.
Тамбовская	2,88	3,0—3,5	
Московская	2,86	3,0—3,5	
Рязанская	2,74	2,75—3,25	въ Касим., Спасск. и части Рязанск. 3,5—4,0 дес.
Курская	2,48	2,75	въ Обоянск., Тимск. и Дмитріев. 3,0—3,5 дес.

Подробно разсмотрѣвъ вышеприведенную таблицу, читатель увидитъ, что въ немногихъ, сравнительно, губерніяхъ, а именно въ четырехъ: Мо-

правильнѣе было бы сопоставить ихъ со средними поуѣздными размѣрами дореформенныхъ крестьянскихъ надѣловъ. Однако такими данными мы не располагали и должны были ограничиться погубернскими средними, которыя заимствуемъ изъ книги И. И. Игнатовичъ. Это обстоятельство и заставило насъ, приводя нормы высшихъ и указныхъ надѣловъ для отдѣльныхъ губерній, отмѣчать особо тѣ уѣзды, которые по размѣру нормъ рѣзко выдѣлялись изъ числа прочихъ уѣздовъ той же губерніи.

[illegible], Тамбовской и Курской, нормы высшихъ и указныхъ [illegible] уѣздахъ выше среднихъ погубернскихъ размѣровъ дореформенныхъ крестьянскихъ надѣловъ; въ большей части губерній ([illegible] 21, вошедшихъ въ таблицу) нормы эти колебались въ ту и другую сторону около средняго уровня дореформенныхъ надѣловъ, при чемъ въ большинствѣ отдѣльныхъ уѣздовъ были или ниже этихъ по-[illegible] или совпадали съ ними и лишь въ немногихъ сравнительно случаяхъ ихъ превосходили, наконецъ, въ пяти губерніяхъ: Вологодской, Олонецкой, Новгородской, Петербургской и Смоленской, онѣ были значительно ниже. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что свѣдѣнія о размѣрахъ дореформеннаго землепользованія бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, которыми располагали редакціонныя коммиссіи и которыя выше приводятся, были, по всей вѣроятности, во многихъ случаяхъ преуменьшены; такъ можно думать на основаніи нѣкоторыхъ отдѣльныхъ съ полною очевидностью установленныхъ случаевъ. Скребицкій и Игнатовичъ, опираясь, между прочимъ, и на указанія редакціонныхъ коммиссій, отмѣчаютъ, что въ свѣдѣніяхъ о дореформенномъ землепользованіи крестьянъ, особенно о внѣпашенныхъ угодьяхъ (луга, сѣнокосы и проч.), есть много неточностей, а потому и данныя эти требуютъ къ себѣ очень осторожнаго отношенія, въ особенности по тѣмъ губерніямъ, въ которыхъ кормовыя угодья преобладали надъ пашнею или въ которыхъ господствовала переложная система земледѣлія (какъ въ южнорусскихъ степныхъ губерніяхъ). Въ послѣднихъ преуменьшеніе свѣдѣній о размѣрахъ крестьянскаго землепользованія могло происходить отъ того, что въ качествѣ земли, находившейся въ пользованіи крестьянъ, показывалась иногда только посѣвная площадь безъ соотвѣтствующаго ей количества перелоговъ.

Все вышеизложенное приводитъ насъ къ тому убѣжденію, что нормы высшихъ и указныхъ надѣловъ были разсчитаны крайне скупо и должны были повести къ значительному сокращенію размѣровъ крестьянскаго землепользованія. Такъ какъ дореформенные надѣлы крестьянъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, несомнѣнно, значительно уклонялись въ ту и другую сторону отъ среднихъ погубернскихъ величинъ, то, очевидно, въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ высшія и указныя нормы приближались къ этимъ среднимъ величинамъ или были ниже ихъ, мѣстнымъ помѣщикамъ въ очень многихъ случаяхъ представлялась возможность отрѣзать часть крестьянскихъ дореформенныхъ надѣловъ въ свою пользу. Съ другой стороны, такъ какъ [illegible] норма надѣла составляла одну треть высшей, то предѣлъ, дѣлавшій [illegible] отрѣзки невозможными[1], лежалъ очень низко, а потому въ

[1] [illegible] рѣчь идетъ о тѣхъ случаяхъ, когда отрѣзки дѣлались на томъ основаніи, что у [illegible] меньше одной трети его владѣній.

рѣдкихъ сравнительно случаяхъ получалъ практическое значеніе, да и обезпечивалъ онъ крестьянамъ, какъ видно изъ предыдущаго, лишь нищенскіе надѣлы.

Немалый уронъ крестьянскому землепользованію нанесло также и примѣненіе пресловутой 123 статьи Мѣстнаго Положенія великороссійскаго. Статья эта предоставляла крестьянамъ и ихъ бывшимъ владѣльцамъ возможность сразу и навсегда прекратить обязанныя отношенія, если помѣщикъ съ добровольнаго согласія крестьянъ „дарилъ“ имъ безъ выкупа часть ихъ дореформеннаго надѣла, составлявшую не менѣе одной четверти высшаго или указнаго надѣла. По существу своему сдѣлка этого рода между помѣщикомъ и его бывшими крѣпостными не имѣла ничего общаго съ дареніемъ; по справедливому за-

Внутренность крестьянскаго дворика (Богатова).

мѣчанію проф. Л. В. Ходскаго [1]), она представляла собою скорѣе выкупъ помѣщикомъ въ свою вѣчную и полную собственность большей части крестьянской надѣльной земли путемъ отказа отъ выкупныхъ денегъ за значительно меньшую ея часть. Несмотря на всю свою очевидную невыгодность для крестьянъ, операція эта, однако, получила въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ весьма широкое развитіе. Наименѣе благопріятныя для ея развитія условія оказались въ нечерноземныхъ губерніяхъ. Здѣсь земля въ глазахъ помѣщика большею частью не имѣла особенной цѣны, а между тѣмъ оброкъ, установленный за отводимые крестьянамъ надѣлы, значительно превышалъ ихъ цѣнность и

[1]) Л. В. Ходскій, «Земля и земледѣлецъ», т. II, стр. 27.

помѣщики [illegible] потребовать выкупа земли крестьянами на очень [illegible] условіяхъ. Поэтому мѣстнымъ помѣщикамъ примѣненіе 123 ст. [illegible] никакихъ выгодъ, и они, пользуясь предоставленнымъ [illegible] соглашаться на „дареніе" четвертного надѣла, могли отъ этой [illegible] отказываться. Наоборотъ, наиболѣе благопріятныя условія для своего [illegible] дарственная операція нашла въ степной полосѣ. Здѣсь земельный просторъ былъ такъ великъ, что крестьяне не сомнѣвались въ возможности арендовать впослѣдствіи за очень дешевую плату недостающее имъ количество земли, а возможность избавиться отъ выкупа и однимъ разомъ прекратить обязанныя отношенія, которыя ихъ страшно тяготили, была такъ соблазнительна, что трудно было отъ нея отказаться. Къ тому же во многихъ случаяхъ крестьяне восприняли откуда-то странную увѣренность, что барская земля отъ нихъ не уйдетъ и все равно имъ достанется. Поэтому здѣсь широкою волною разлилось стремленіе крестьянъ къ выходу на дарственные надѣлы, на „царскую десятину", какъ крестьяне иногда говорили, и ни уговоры мировыхъ посредниковъ, ни упорное иногда сопротивленіе наиболѣе добросовѣстныхъ и доброжелательныхъ къ крестьянамъ помѣщиковъ не могли ничего подѣлать противъ этого стихійнаго движенія. Но далеко невсегда оно встрѣчало противодѣйствіе. Наоборотъ, нѣкоторые помѣщики этой полосы, заинтересованные въ удержаніи возможно большаго количества земли въ своихъ рукахъ и безошибочно разсчитывавшіе на повышеніе арендныхъ цѣнъ при выходѣ крестьянъ на дарственные надѣлы, побуждали ихъ къ тому, или пользуясь ихъ невѣдѣніемъ, или даже прибѣгая къ различнаго рода притѣсненіямъ и прямому принужденію, а иногда и къ спаиванію [1]).

Неудивительно поэтому, что въ губерніяхъ степной полосы (Оренбургской, Уфимской, Самарской, Таврической, Екатеринославской, Саратовской) мы находимъ и наибольшій процентъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, воспользовавшихся дарственными надѣлами, получившими впослѣдствіи гораздо болѣе заслуженное названіе надѣловъ „нищенскихъ". Довольно широкое примѣненіе получила 123 статья также и въ среднихъ черноземныхъ губерніяхъ, гдѣ земля имѣла большую цѣнность и гдѣ борьба изъ-за нея велась помѣщиками, быть-можетъ, съ наибольшимъ упорствомъ и напряженіемъ [2]). Общая численность дарственниковъ оставалась долгое время невыясненною. Вильсонъ и Ходскій, исходя изъ того предположенія, что подавляющее боль-

[1]) См. у Ходскаго, «Земля и земледѣлецъ». томъ II, стр. 39, и у Янсона, «Опытъ статистическаго изслѣдованія», стр. 146.

[2]) Мнѣніе Д. Ф. Самарина, что дарственная операція была слабо развита въ этой [illegible] крестьяне, сильно нуждаясь въ землѣ и зная ея высокую цѣну, не [illegible] 123 статьею, совершенно ошибочно. Губерніи: Курская, Рязанская, Тамбовская, [illegible] и Симбирская, выдѣляются не только большой абсолютной, но и относительно высокой численностью дарственниковъ.

шинство крестьянъ, пріобрѣвшихъ надѣлы безъ содѣйствія правительства состоитъ изъ дарственниковъ, такъ какъ число крестьянъ, выкупившихъ полные надѣлы на свои наличныя средства, совершенно ничтожно, полагали, что общее число дарственниковъ превышало 600 тысячъ ревизскихъ душъ. Лосицкій, откидывая горнозаводскихъ крестьянъ попавшихъ также въ эту категорію (пріобрѣвшихъ надѣлы безъ содѣйствія правительства), полагалъ, что число дарственниковъ составляло отъ 400 до 500 тыс. душъ [1]). Наконецъ обслѣдованіемъ дарственнаго землевладѣнія, произведеннымъ въ 1907 году Отдѣломъ Сельской Экономіи и Сельско-хозяйственной Статистики, число дарственниковъ было опредѣлено въ 461 тыс. ревизскихъ душъ. Послѣднія данныя и оказываются, по всей вѣроятности, наиболѣе точными.

Кромѣ дарственниковъ, была еще болѣе многочисленная категорія бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, которая оказалась въ положеніи наиболѣе обездоленныхъ пасынковъ реформы 1861 года. Это — дворовые, которые, согласно Положенію 19 февраля, не имѣли права на надѣленіе землею. Такое отношеніе „Положенія" къ дворовымъ по многимъ причинамъ было большою несправедливостью. Образованіе многочисленнаго класса дворовыхъ крестьянъ не было вызвано какими-либо общественно-хозяйственными потребностями. Численность ихъ опредѣлялась исключительно желаніемъ помѣщика и бывала нерѣдко чрезмѣрно велика, такъ какъ возможность неограниченной эксплуатаціи дарового труда пріучала помѣщиковъ расточать его безъ всякаго удержу [2]). Огромное количество дворовыхъ, несшихъ лакейскую и тому подобную службу, многочисленные мастера и мастерицы, занятые изготовленіемъ предметовъ роскоши и удовлетвореніемъ неограниченныхъ барскихъ прихотей, съ народохозяйственной точки зрѣнія представляли собою почти совершенно непроизводительный классъ людей, искусственно и насильственно оторванныхъ отъ земледѣльческаго труда. Съ паденіемъ крѣпостного права и уничтоженіемъ послѣднихъ остатковъ натурально-хозяйственныхъ отношеній, если не вся масса труда дворовыхъ, то, по крайней мѣрѣ, значительная его часть оказывалась лишенной возможности какого-либо производительнаго приложенія. А потому составители Положеній 19 февраля поступили бы съ точки зрѣнія соціальной справедливости вполнѣ правильно, если бы они въ той или иной формѣ предоставили этой части населенія, насильственно оторванной крѣпостнымъ правомъ отъ земли, возможность возвратиться къ ней и обзавестись собственнымъ хозяйствомъ. Однако, на самомъ дѣлѣ это было осуществлено лишь отчасти, лишь по отношенію къ тѣмъ дворовымъ людямъ, которые, „по поступленіи къ

[1]) А. Е. Лосицкій, «Хозяйственныя отношенія при паденіи крѣпостного права», «Образованіе», 1906 г., № 11.

[2]) См. хотя бы примѣры, приведенные въ упомянутой книгѣ И. И. Игнатовичъ, гл. VII.

помѣщика въ услуженіе либо въ хозяйственную должность, не перестававшіе пользоваться надѣломъ или же нести издѣльную (барщинную) повинность при обработкѣ господскихъ полей"[1]), т.-е. фактически остававшіеся сельскохозяйственными рабочими. Имъ было предоставлено „право на участіе въ пользованіи полевымъ надѣломъ" и ихъ души принимались въ расчетъ при отводѣ крестьянамъ земли. Остальная же масса дворовыхъ была лишена этого права. Это было тѣмъ болѣе несправедливо, что въ послѣдніе годы дореформенной эпохи, когда отмѣна крѣпостного права стала вполнѣ очевиднымъ и неизбѣжнымъ дѣломъ ближайшаго будущаго и когда вмѣстѣ съ тѣмъ стала выясняться большая вѣроятность освобожденія крестьянъ съ землею, многіе помѣщики умышленно переводили крестьянъ въ дворовые съ цѣлью сокращенія размѣровъ крестьянскаго землепользованія. Благодаря этому относительная численность дворовыхъ крестьянъ въ промежутокъ между 1851 и 1859 годами (т.-е. между девятою и десятою ревизіями) возросла съ 4,8% до 6,8%, абсолютная же ихъ численность увеличилась съ 1.035.924 до 1.467.378 душъ, т.-е. болѣе чѣмъ на 430 тыс. душъ обоего пола или на 41,7%[2]). Само собой понятно, какой огромный ущербъ нанесенъ былъ этимъ способомъ крестьянскому землепользованію, и какъ несправедливо было поэтому лишеніе дворовыхъ права на надѣленіе землей. Если уже не всѣмъ дворовымъ, то, по крайней мѣрѣ, тѣмъ изъ нихъ, которые сидѣли на пашнѣ до 9-й ревизіи, необходимо было предоставить право на полученіе надѣла наравнѣ со всѣми прочими крестьянами даннаго помѣщика, аналогично тому, какъ это было сдѣлано по отношенію къ обезземеленнымъ крестьянамъ западнаго края (см. ниже). Для этого пришлось бы, конечно, выйти за предѣлы „существующихъ" крестьянскихъ надѣловъ, но иного способа „обезпечить бытъ" дворовыхъ крестьянъ не было. Ставъ на иную точку зрѣнія, составители Положенія 19 февраля совершенно обездолили эту многочисленную категорію крестьянъ и обрекли ихъ на положеніе или наемныхъ батраковъ или кабальныхъ арендаторовъ.

Нѣсколько лучше сложились условія для другой категоріи крестьянъ, поставленныхъ относительно надѣленія землею, такъ же какъ и дворовые, въ исключительное положеніе, а именно — безземельныхъ крѣпостныхъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ[3]). За надѣльными крестьянами мелкопомѣстныхъ

[1]) Статья 6 Полож. объ устройствѣ дворовыхъ людей, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости.

[2]) См. И. И. Игнатовичъ, «Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освоб.», стр. 211, и Тройницкаго, «Крѣпостное насел. Россіи по 10-й рев.».

[3]) Мелкопомѣстными владѣльцами признавались всѣ тѣ, за которыми по 10-й ревизіи числилось не болѣе 20 душъ и которые при этомъ имѣли земли въ нечерноземной и степной полосахъ не болѣе 75 душевыхъ надѣловъ указнаго размѣра, въ черноземной и малороссійскихъ — не болѣе 60 душевыхъ надѣловъ, въ сѣверо-западныхъ — не болѣе 40 участковъ нормальнаго надѣла, а въ юго-западныхъ — не болѣе 300 десятинъ.

владѣльцевъ оставались ихъ дореформенные надѣлы на точномъ основаніи мѣстныхъ положеній, такъ же, какъ за крестьянами остальныхъ помѣщиковъ; что же касается тѣхъ крестьянъ мелкопомѣстныхъ имѣній, которые въ моментъ изданія Положенія 19 февраля не были вовсе надѣлены землею, то таковымъ никакихъ надѣловъ изъ помѣщичьей земли не полагалось, но зато имъ предоставлено было право водворяться на казенныхъ земляхъ или въ многоземельныхъ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ.

Таковы были въ наиболѣе существенныхъ чертахъ своихъ условія поземельнаго устройства бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, созданныя Положеніемъ 19 февраля 1861 года для губерній такъ называемаго великороссійскаго Положенія. Въ другихъ областяхъ страны [1]) условія надѣленія крестьянъ землею отличались болѣе или менѣе существенными особенностями.

Особое Положеніе примѣнялось въ малороссійскихъ губерніяхъ (Черниговской, Полтавской и частью Харьковской), или, лучше сказать, въ тѣхъ имѣніяхъ этихъ губерній, въ которыхъ существовало при крѣпостномъ правѣ подраздѣленіе крестьянскихъ дворовъ на тяглые, т.-е. имѣвшіе рабочій скотъ, и пѣшіе и практиковалось различное надѣленіе ихъ землею [2]). Въ соотвѣтствіи съ этою особенностью мѣстныхъ поземельныхъ отношеній малороссійское Положеніе устанавливало для каждой мѣстности, не только высшую и низшую душевыя нормы надѣла для тяглаго населенія, но, кромѣ того, опредѣляло и высшій размѣръ участка полевой земли для пѣшихъ дворовъ. По этому положенію крестьяне получали въ надѣлъ, такъ же, какъ и въ великороссійскихъ губерніяхъ, тѣ земли, которыми пользовались при крѣпостномъ правѣ; такъ же, какъ тамъ, и здѣсь этотъ надѣлъ могъ быть сокращаемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда у помѣщика оставалось менѣе одной трети принадлежавшихъ ему ранѣе земель, но низшій размѣръ надѣла, дальше котораго не могло итти это сокращеніе, былъ установленъ здѣсь не въ одну треть (какъ въ нечерноземной и черноземной полосахъ великороссійскаго Положенія), а въ половину высшаго размѣра. Другое отличіе этого положенія заключалось въ томъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда существующій надѣлъ крестьянъ былъ меньше низшей нормы, оно предписывало владѣльцу прирѣзать имъ изъ своей земли недостающее количество, если только при этомъ въ его собственности оставалось не менѣе одной трети всѣхъ его владѣній.

Такимъ образомъ, малороссійское Положеніе создавало какъ будто бы нѣсколько болѣе благопріятныя для крестьянъ условія надѣленія ихъ землею. Однако, на самомъ дѣлѣ эти его преимущества не имѣли существеннаго

---

[1]) Дѣленіе Европейской Россіи на полосы по Положеніямъ смотри на прилагаемой картѣ.

[2]) Къ тѣмъ имѣніямъ, гдѣ этого подраздѣленія не было, примѣнялись нормы великороссійскаго Положенія.

значили. Въ основу надѣльнаго устройства крестьянъ малороссійское Положеніе такъ же, какъ и великороссійское, клало „существующіе“, т.-е. дореформенные надѣлы. Дореформенное же землепользованіе крестьянъ находилось здѣсь въ весьма неудовлетворительномъ положеніи, такъ какъ нигдѣ малоземелье и даже полное обезземеленіе крестьянъ не достигало такихъ предѣловъ, какъ въ Малороссіи [1]). Возложенное на помѣщиковъ обязательство пополнять крестьянскіе надѣлы до низшей душевой нормы, повидимому, не могло имѣть широкаго примѣненія, благодаря высокой плотности крѣпостного населенія на помѣщичьихъ земляхъ, и въ силу правила, чтобы въ собственности помѣщика оставалось не менѣе одной трети его владѣній. Наоборотъ, отрѣзки отъ крестьянскихъ надѣловъ [2]), въ силу тѣхъ же условій практиковались, вѣроятно, очень часто, по крайней мѣрѣ, какъ мы ниже увидимъ, потери въ земельномъ надѣлѣ для крестьянъ малороссійскихъ губерній были очень значительны.

Болѣе благопріятно для крестьянъ сложились условія надѣленія въ сѣверо-западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ. Въ первыхъ изъ нихъ (а именно: Ковенской, Виленской, Гродненской, Минской и части Витебской) примѣнялось Положеніе, имѣвшее много общаго съ великороссійскимъ. Основнымъ принципомъ надѣленія здѣсь было также сохраненіе дореформенныхъ размѣровъ крестьянскаго землепользованія, но правило это проводилось здѣсь гораздо полнѣе и послѣдовательнѣе, чѣмъ въ великорусскихъ и малороссійскихъ губерніяхъ. Прежде всего здѣсь не было установлено никакихъ высшихъ или указныхъ нормъ, которыя давали бы основаніе для отрѣзковъ „излишней“ крестьянской земли. Затѣмъ, хотя помѣщикамъ и предоставлялось право сохранять въ своей собственности не менѣе одной трети принадлежавшей каждому изъ нихъ земли, и съ этой цѣлью позволялось нѣсколько сокращать размѣры крестьянскаго землепользованія, однако, согласно статьѣ 7 Положенія, оставляемый крестьянамъ надѣлъ ни въ какомъ случаѣ не могъ быть уменьшаемъ болѣе чѣмъ на $^1/_6$ часть своихъ прежнихъ размѣровъ. При этихъ условіяхъ нѣкоторыя преимущества крестьянамъ сѣверо-западныхъ губерній давало то обстоятельство, что размѣры крестьянскаго землепользованія регулировались здѣсь инвентарными правилами 1840-хъ годовъ [3]). Правда, инвентарныя правила были проведены здѣсь не повсемѣстно и не въ полномъ объемѣ; по существу дѣло ограничивалось при этомъ только повѣркою и исправленіемъ мѣстныхъ инвентарей, однако, произволъ помѣщика въ опредѣленіи размѣровъ крестьянскаго землепользованія все-таки былъ этимъ нѣсколько огра-

[1]) И. И. Игнатовичъ, «Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія», глава VI.

[2]) Въ тѣхъ случаяхъ, когда у помѣщика оставалось бы менѣе $^1/_3$ его земельныхъ владѣній, а крестьянскій надѣлъ, между тѣмъ, превышалъ низшую норму.

[3]) Объ инвентаряхъ смотри статью Н. П. Василенко (т. IV, стр. 94).

КАРТА
ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССІИ
ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННАГО
ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ
19 ФЕВРАЛЯ 1861 г.
ПОЛОЖЕНІЯ О КРЕСТЬЯНАХЪ
ВЫШЕДШИХЪ ИЗЪ КРЕПОСТНОЙ ЗАВИСИМОСТИ
Бѣлое море
АРХАНГЕЛЬСКЪ
ПЕТРОЗАВОДСКЪ
С. ПЕТЕРБУРГЪ
РЕВЕЛЬ
НОВГОРОДЪ
ПСКОВЪ
РИГА
МИТАВА
ВОЛОГДА
КОСТРОМА
ЯРОСЛАВЛЬ
ТВЕРЬ
ВЯТКА
ПЕРМЬ
НИЖНІЙ НОВГОРОДЪ
ВЛАДИМІРЪ
КАЗАНЬ
УФА
КОВНО
ВИЛЬНО
ГРОДНО
МИНСКЪ
ВИТЕБСКЪ
СМОЛЕНСКЪ
МОГИЛЕВЪ
ВАРШАВА
КАЛУГА
РЯЗАНЬ
СИМБИРСКЪ
САМАРА
ПЕНЗА
ОРЕЛЪ
ТАМБОВЪ
ЧЕРНИГОВЪ
КУРСКЪ
ВОРОНЕЖЪ
САРАТОВЪ
ЖИТОМІРЪ
КІЕВЪ
ХАРЬКОВЪ
ПОЛТАВА
ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ
НОВОЧЕРКАСКЪ
КИШИНЕВЪ
ХЕРСОНЪ
АСТРАХАНЬ
Азовское море
ЕКАТЕРИНОДАРЪ
СТАВРОПОЛЬ
СИМФЕРОПОЛЬ
Черное море
Каспійское море
Балтійское море
ТОБОЛЬСКЪ
ОБОЗНАЧЕНІЕ ПОЛОСЪ И МѢСТНОСТЕЙ КАЖДАГО НАДѢЛА

ниченъ. Но врядъ ли не наиболѣе благопріятное вліяніе на надѣленіе крестьянъ сѣверо-западнаго края землею оказали событія 1863 года. Подъ вліяніемъ польскаго возстанія, стремясь привлечь на свою сторону симпатіи крестьянскаго населенія всей западной окраины, правительство издало рядъ указовъ (1 марта, 30 іюля и 2 ноября 1863 года), которыми были сразу ликвидированы временно-обязанныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, выкупъ крестьянскихъ надѣловъ былъ сдѣланъ обязательнымъ и была проведена провѣрка ранѣе составленныхъ выкупныхъ договоровъ, причемъ неправильно составленные договоры были исправлены.

Незнакомая дорога (Ижакевича).

Особенно слѣдуетъ отмѣтить мѣры, принятыя для поземельнаго устройства совершенно обезземеленныхъ крестьянъ, у которыхъ земля была отобрана помѣщиками, въ виду пересмотра инвентарей и предстоявшаго освобожденія крестьянъ, съ цѣлью сократить, по возможности, размѣры крестьянскаго землепользованія, долженствовавшіе лечь въ основу реформы. Тѣмъ крестьянамъ, которые лишились своихъ земель послѣ 1857 года, онѣ были возвращены, а утратившимъ землю ранѣе было предоставлено право получить небольшіе участки по 3 десятины на дворъ (безъ усадьбы). Это было, конечно, очень мало для обезпеченія ихъ потребностей, но все же лучше, чѣмъ ничего. Результатомъ всѣхъ этихъ мѣропріятій было болѣе или менѣе значительное расширеніе крестьянскаго землепользованія въ

юго-западныхъ губерніяхъ по сравненію съ его дореформенными размѣрами.

Такой же результатъ дала реформа 1861 года и бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ юго-западныхъ губерній (Кіевской, Волынской и Подольской). Здѣсь въ основу надѣленія крестьянъ землею были положены инвентарныя правила 1847 и 1848 гг. Крестьянскіе надѣлы, утвержденные этими правилами, были признаны Положеніемъ 19 февраля неизмѣнными и неприкосновенными. Помѣщикъ ни въ какихъ случаяхъ не обязывался увеличивать утвержденный за крестьянами, въ силу инвентарныхъ правилъ, мірской надѣлъ новыми къ нему прирѣзками изъ господской земли, но и сокращать его размѣры онъ не имѣлъ права. Это безусловное требованіе Положенія 19 февраля привело къ тому, что часть надѣльныхъ земель, принадлежавшая крестьянамъ по утвержденнымъ инвентарямъ, но незаконно отобранная у нихъ помѣщиками подъ тѣми или иными предлогами, была возвращена крестьянамъ и фактическіе размѣры крестьянскаго землепользованія такимъ образомъ съ выходомъ на волю увеличились.

Мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе остальныхъ еще довольно многочисленныхъ, но менѣе существенныхъ, мѣстныхъ особенностей надѣленія землею бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Перейдемъ къ выясненію итоговъ великой реформы въ дѣлѣ ихъ поземельнаго устройства.

Изъ 10.531,6 тыс. ревизскихъ душъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, числившихся по 10-й ревизіи въ 46 губерніяхъ Европейской Россіи [1]), получили земельные надѣлы 10.050,2 тыс. ревизскихъ душъ. Такимъ образомъ, остались ненадѣленными изъ числа бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ 481,4 тыс. ревизскихъ душъ или 4,6% ихъ общаго числа. Надѣльныя земли, полученныя крестьянами при освобожденіи, составляли по изслѣдованію 1877—78 гг. 33.755,8 тыс. десятинъ, или 3,3 десятины на одну ревизскую душу въ среднемъ. Изъ общаго числа надѣленныхъ землею крестьянъ 555 тыс. ревизскихъ душъ или 5,5% получили надѣлы не свыше одной десятины на душу (въ среднемъ 0,6 десятинъ на ревиз. душу); въ эту группу вошли, повидимому, главнымъ образомъ, такъ называемые „дарственники", средній душевой надѣлъ которыхъ не достигалъ 1 десятины (хотя въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ губерніяхъ былъ выше); 1.332,9 тыс. ревизскихъ душъ или 13,3% получили отъ 1 до 2 десятинъ на душу; наиболѣе многочисленную категорію, а именно, 5.442,6 тыс. ревиз. душъ или 54,1% составили бывшіе помѣщичьи крестьяне, получившіе отъ 2 до 4 дес. на душу; надѣлы остальныхъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, не превышали 6 десятинъ на душу (2.239,2 тыс. ревиз. душъ или 22,3% получили отъ 4 до

[1]) Т.-е. Европейская Россія, безъ трехъ Прибалтійскихъ губерній: Эстляндской, Лифляндской и Курляндской, и безъ области Войска Донского.

6 десятинъ), и лишь сравнительно незначительная группа бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ: 485,5 ревиз. душъ или 4,8% получили болѣе 6 десят. на душу. Наименьшіе надѣлы, въ среднемъ не болѣе 2,5 дес. на душу, получили помѣщичьи крестьяне въ губерніяхъ: Подольской, Полтавской, Харьковской, Курской, Воронежской, Тамбовской и Пензенской (меньше всего въ Полтавской—1,7 десят.). Въ остальныхъ губерніяхъ черноземной полосы, за исключеніемъ заволжскихъ и Бессарабской, Херсонской и Таврической, средніе душевые надѣлы бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ были не выше 3 дес. Наоборотъ, въ нечерноземныхъ губерніяхъ, за исключеніемъ Московской, они были повсемѣстно больше 3 десят. и наивысшаго своего предѣла достигали въ губерніяхъ Вологодской (5,3 дес.), Новгородской (5,7 дес.) и Олонецкой (8,4 десят.). Такимъ образомъ въ огромномъ большинствѣ губерній средніе надѣлы бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ составляли по расчету на дворъ—отъ 5 до 12 десятинъ. Почти 3/4 крестьянскаго населенія этой категоріи имѣли надѣлы не свыше 10 дес. на дворъ, а около 1/5 (въ томъ числѣ) не болѣе 5 дес. При экстенсивности нашего сельскаго хозяйства вообще, а крестьянскаго въ особенности, при сосредоточеніи полевого хозяйства почти исключительно на производствѣ зерна, этого было слишкомъ мало для того, чтобы „обезпечить бытъ“ освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости крестьянъ. Основная задача поземельнаго устройства „сельскихъ обывателей“, провозглашенная

Ходоки (изъ кол. Н. Д. Телешова).

[illegible] посредство редакціонныхъ комиссій, оказывалась, [illegible] далеко не выполненной.

[illegible], важно знать не только абсолютные размѣры кре[illegible] [illegible]владѣнія, а также и отношеніе этихъ размѣровъ къ доре[illegible] крестьянскому землепользованію. Мы должны взглянуть на нихъ [illegible] относительной точки зрѣнія для того, чтобы выяснить, какъ велика была та перемѣна, которая произошла въ положеніи крестьянъ съ этой стороны и въ какомъ направленіи она сказалась. Къ сожалѣнію, сопоставленіе крестьянскихъ надѣловъ съ размѣрами дореформеннаго землепользованія не можетъ быть вполнѣ точнымъ. Съ одной стороны, имѣющіяся свѣдѣнія о земельныхъ надѣлахъ крѣпостныхъ крестьянъ, какъ намъ приходилось уже указывать, несомнѣнно, преуменьшены, а съ другой стороны, данныя наиболѣе точнаго изслѣдованія пореформеннаго крестьянскаго землевладѣнія, произведеннаго въ 1877—78 годахъ, не вполнѣ съ ними однородны: въ то время, какъ данныя редакціонныхъ комиссій о дореформенныхъ надѣлахъ не только не включаютъ неудобныя земли, но мѣстами не охватываютъ полностью и всѣ удобныя (наприм., кормовыя угодья и перелоги), данныя изслѣдованія 1877—78 гг. включаютъ если и не всѣ, то все же значительную часть неудобныхъ земель, доставшихся въ надѣлъ крестьянамъ. Исправить эти недостатки статистическихъ матеріаловъ мы, конечно, уже не можемъ, но, принимая ихъ во вниманіе, мы должны признать, что наше сопоставленіе преуменьшаетъ разницу между размѣрами дореформеннаго и пореформеннаго землепользованія въ тѣхъ случаяхъ, когда мы наблюдаемъ сокращеніе этихъ размѣровъ, и преувеличиваетъ ее въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣетъ мѣсто ихъ увеличеніе. Другими словами, оно рисуетъ намъ произошедшія въ крестьянскомъ землепользованіи перемѣны въ нѣсколько болѣе благопріятномъ, по сравненію съ дѣйствительностью, свѣтѣ.

ТАБЛИЦА II.

ГУБЕРНІИ:	Находилось въ пользованіи б. пом. крестьянъ до 1861 г. [1].	Отведено имъ въ надѣлъ по даннымъ изслѣдованія 1877–8 гг.	Увеличеніе (+) или уменьшеніе (—) размѣровъ крест. землепользованія послѣ 1861 г.	
	Въ тысячахъ десятинъ.		Въ тыс. десят.	Въ %%.
Астраханская	45,8	52,1	+ 6,3	+ 13,8
[illegible]	527,8	751,8	+ 224,0	+ 42,4
[illegible]	826,4	856,9	+ 30,5	+ 3,7
[illegible]	1.289,1	1.130,7	— 158,4	12,3
[illegible]	500,9	507,8	+ 6,9	+ 1,4
[illegible]	1.205,8	1.639,7	+ 433,9	+ 35,9

[1]) По [illegible] редакц. комиссій, заимствуемымъ нами изъ IV вып. «Военно-стат сборника».

ГУБЕРНІИ:	Находилось въ пользованіи б. пом. крестьянъ до 1861 г.	Отведено имъ въ надѣлъ по даннымъ изслѣдованія 1877—8 гг.	Увеличеніе (+) или уменьшеніе (—) размѣровъ крест. землепользованія послѣ 1861 г.	
	Въ тысячахъ десятинъ.		Въ тыс. десят.	Въ $^{0}/_{0}$.
Воронежская	730,5	572,9	157,6	- 21,9
Вятская	67,7	78,2	10,5	15,5
Гродненская	417,6	642,3	+ 224,7	53,7
Екатеринославская	535,5	334,6	198,9	37,6
Казанская	361,4	255,3	— 106,1	29,5
Калужская	960,5	955,4	— 5,1	- 0,5
Кіевская	1.072,3	1.426,8	+ 354,5	33,1
Ковенская	541,8	784,3	242,5	44,9
Костромская	1.418,9	1.342,4	— 76,5	— 5,4
Курская	804,1	652,9	— 151,2	18,9
Минская	1.244,0	1.470,7	226,7	+ 18,3
Могилевская	1.261,9	1.263,0	1,1	+ 0,1
Московская	922,9	853,5	— 69,4	7,5
Нижегородская	1.321,1	1.083,0	238,1	— 18,0
Новгородская	1.081,7	1.045,2	— 36,5	- 3,4
Олонецкая	35,2	41,6	6.4	18,3
Оренбургская и Уфимская	293,2	302,8	+ 9,6	3,3
Орловская	1.062,8	944,4	— 118,4	11,2
Пензенская	836,9	624,9	— 212,0	25,3
Пермская	1.051,9	1.199,2	+ 147,3	14,0
Подольская	639,6	1.216,5	+ 576,9	90,1
Полтавская	806,1	505,1	— 301,0	37,2
Псковская	885,5	805,3	— 80,2	9,1
Рязанская	1.082,9	1.003,7	— 79,2	7,3
Самарская	538,5	313,0	— 225,5	41,8
С.-Петербургская	545,6	597,7	+ 52,1	9,6
Саратовская	1.346,2	834,2	— 512,0	- 37,9
Симбирская	735,9	530,1	— 205,8	— 27,8
Смоленская	1.412,4	1.309,7	— 102,7	— 7,3
Таврическая	108,1	83,2	— 24,9	23,1
Тамбовская	1.041,3	826,8	— 214,5	20,6
Тверская	1.453,4	1.378,0	- 75,4	5,2
Тульская	1.072,4	958,0	— 114,4	10,7
Харьковская	638,9	457,8	— 181,1	- 28,3
Херсонская	522,6	451,1	— 71,5	- 13,8
Черниговская	954,9	747,1	— 207,8	— 21,9
Ярославская	997,0	926,0	71,0	7.1
	35.197,0	33.755,7	—1.441,3	— 4,1

Данныя, приведенныя въ таблицѣ II, показываютъ, что, какъ въ общемъ, такъ и въ большей части отдѣльныхъ губерній Европейской Россіи, размѣры землепользованія бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ съ выходомъ ихъ на волю не увеличились, а сократились. Изъ числа 45 губерній Европейской

Россіи [1]) въ 27 губерніяхъ наблюдается сокращеніе размѣровъ крестьянскаго землепользованія. Все это исключительно губерніи великороссійскаго и малороссійскаго положенія. Наибольшія потери крестьянское землепользованіе понесло въ юго-восточной полосѣ, охватывающей нижнее Поволжье, за исключеніемъ Астраханской губ., бассейнъ Дона и отчасти восточное Поднѣпровье (см. карту № 3); здѣсь отрѣзки отъ дореформенныхъ крестьянскихъ надѣловъ повсемѣстно составляли болѣе 25%, а въ Саратовской и Самарской губерніяхъ достигали даже 37,9%—41,8% [2]). Въ этой именно области наблюдалось, какъ читатель можетъ припомнить, наибольшее развитіе дарственной операціи [3]), и вообще здѣсь, какъ это отмѣчено было еще Вильсономъ, размѣры крестьянскихъ надѣловъ наиболѣе рѣзко уклонялись книзу отъ высшихъ и указанныхъ нормъ. Весьма значительное развитіе получили отрѣзки также и въ среднихъ черноземныхъ губерніяхъ, гдѣ они составляли большей частью 10—25% дореформенныхъ крестьянскихъ земель. Изъ числа всѣхъ губерній великороссійскаго Положенія только въ 8 губерніяхъ, расположенныхъ по сѣверной и восточной окраинамъ Европейской Россіи (см. карту), наблюдалось нѣкоторое, не особенно, впрочемъ, значительное увеличеніе крестьянскаго землевладѣнія, и въ одной (Могилевской) размѣры надѣловъ остались въ общемъ почти безъ перемѣнъ.

Вотъ общіе итоги землеустройства бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ губерніяхъ великороссійскаго и малороссійскаго Положенія.

	Крестьянское землепользованіе въ тысяч. десятинъ.		Увеличеніе (+) или уменьшеніе (—)	
	До 1861 г.	Послѣ реформы.	въ тысяч. десятинъ.	въ %%.
Въ 27 губ., сократившихъ размѣры крест. землепользованія.	24.919,5	20.924,3	— 3.995,2	— 16,0
Въ остальныхъ 9 губерніяхъ	3.802,2	4.042,4	+ 240,2	+ 6,3
Во всѣхъ 36 губерніяхъ вмѣстѣ.	**28.721,7**	**24.966,7**	**— 3.775,0**	**— 13,1**

Въ губерніяхъ сѣверо-западныхъ, какъ мы уже знаемъ, размѣры крестьянскаго землепользованія послѣ реформы увеличились. Въ Ковенской, Виленской, Гродненской, Витебской и Минской губерніяхъ, какъ показы-

---

[1]) Безъ трехъ Прибалтійскихъ губерній, Архангельской, гдѣ помѣщичьихъ крестьянъ не было, и Бессарабской, гдѣ ихъ было очень немного.

[2]) Къ этой группѣ должна быть отнесена и область Войска Донского. Изслѣдованіе 1877—78 гг. обошло эту область, но сопоставленіе данныхъ о дореформенномъ землепользованіи бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ со свѣдѣніями о количествѣ земли, выкупленной [illegible] и пріобрѣтенной безъ содѣйствія правительства, показываетъ, что отрѣзки [illegible] около 30% (см. Лосицкій, «Хозяйственныя отношенія при паденіи крѣпостного права»).

[3]) См. «Записки Императорскаго Русскаго Географическаго общества» по отдѣлу статистики, томъ [illegible], [illegible] года, стр. 277.

ваютъ наши данныя, въ пользованіи бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ находилось прежде 3.557,6 тыс. десятинъ, а въ надѣлъ они получили 4.506,0 тыс. десятинъ, т.-е. на 948,4 тыс. десятинъ или на 26,6% больше. Въ общемъ почти таковыми же оказываются относительные размѣры увеличенія крестьянскаго землепользованія въ сѣверо-западномъ краѣ и по болѣе тщательному изслѣдованію, произведенному Д. И. Рихтеромъ [1]).

Сопоставленіе, сдѣланное имъ на основаніи документальнаго изслѣдованія выкупныхъ сдѣлокъ, показываетъ, что въ той части сѣверо-западнаго края, въ которой примѣнялось особое мѣстное Положеніе, надѣлы крестьянъ увеличились на 24%.

Однако для отдѣльныхъ губерній края матеріалы Д. И. Рихтера даютъ совершенно иную картину, чѣмъ наши данныя: въ литовскихъ губерніяхъ: Виленской, Гродненской и Ковенской, размѣры увеличенія крестьянскаго землепользованія, по даннымъ Рихтера, оказываются гораздо меньше, чѣмъ по даннымъ нашей таблицы; вмѣсто 42,4—53,7% всего 12—19%; въ Минской, наоборотъ, больше: 41% вмѣсто 18,3%. Что касается Витебской, то она лишь четырьмя своими западными уѣздами (такъ назыв. инфляндскими) вошла въ область дѣйствія особаго мѣстнаго положенія для сѣверо-западнаго края; въ этой части губерніи, по даннымъ Д. И. Рихтера, размѣры крестьянскаго землепользованія увеличились на 17%; въ остальной же ея части, подлежавшей дѣйствію великороссійскаго Положенія, крестьянскіе надѣлы не увеличились, а сократились.

Вотъ данныя, приводимыя Д. И. Рихтеромъ по отдѣльнымъ губерніямъ:

	Крестьянское землепользованіе въ тыс. десят. До реформы.	Послѣ реформы.	Увеличеніе въ %.
Ковенская губ.	621,3	740,2	19
Виленская »	646,8	747,7	16
Гродненская »	562,8	629,3	12
Минская »	1.017,2	1.439,7	41
Витебская » (4 уѣзда)	306,0	356,8	17

Данныя эти неполны и не охватываютъ всей массы крестьянскаго населенія; изъ общаго числа 9.288 выкупныхъ сдѣлокъ могли быть разработаны 8.472, или 91,2% (особенно неполны данныя по Ковенской губерніи, по другимъ они гораздо полнѣе). Однако расхожденіе данныхъ нашей таблицы съ этими данными не можетъ быть отнесено на счетъ недостаточной полноты и точности послѣднихъ. Сличивъ тѣ и другія, нетрудно убѣдиться, что причина ихъ расхожденія лежитъ въ весьма неполномъ учетѣ дорефор-

[1]) См. его статью о земельномъ надѣлѣ крестьянъ въ западномъ краѣ сравнительно съ дореформеннымъ землепользованіемъ въ «Вѣстникѣ Финансовъ» за 1900 годъ, № 39.

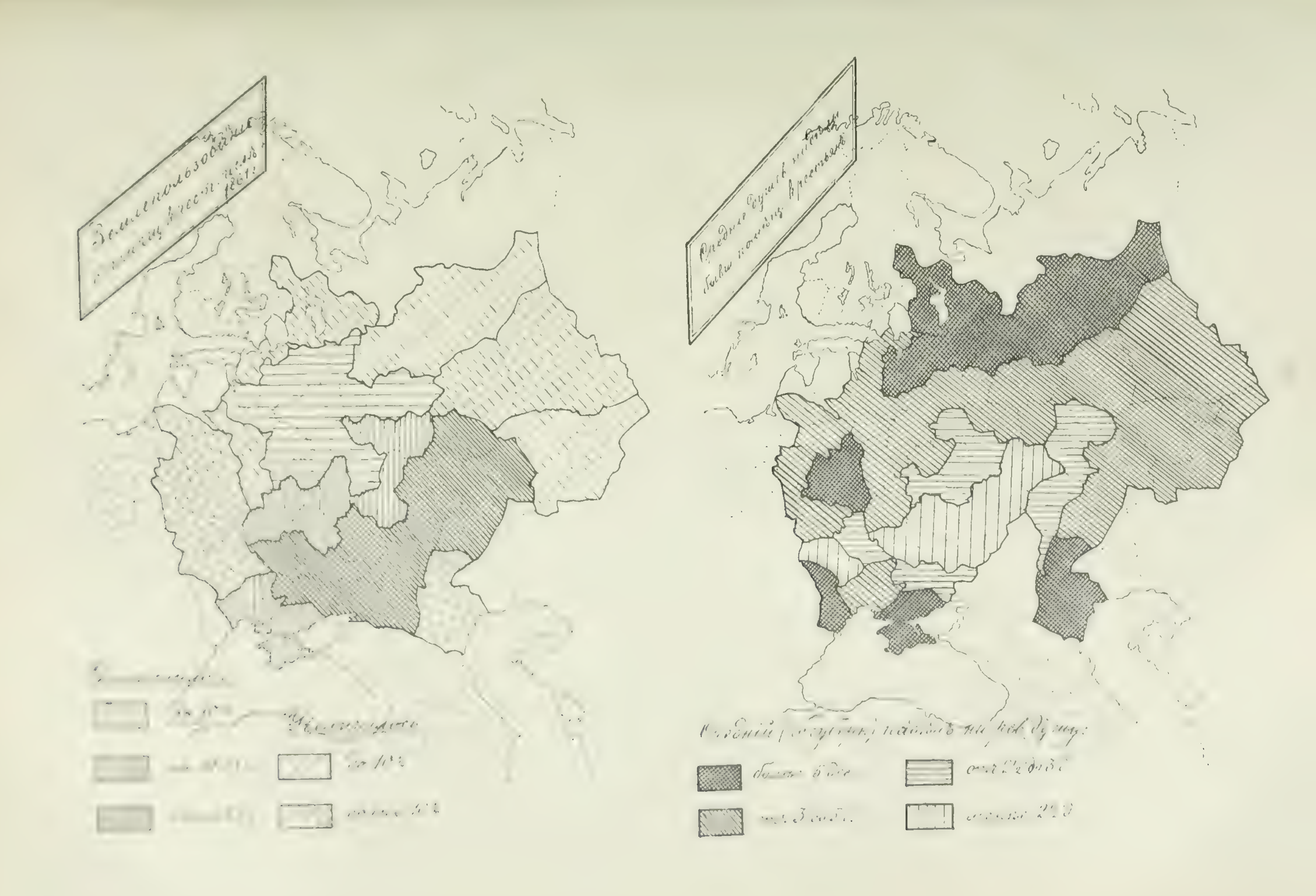
[illegible] бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, которымъ рас-[illegible] комиссіи. Въ этомъ отношеніи свѣдѣнія, собранныя Д. П. [illegible]ются гораздо болѣе полными, а потому и абсолют-[illegible] размѣры увеличенія крестьянскаго землепользованія [illegible] (почему Минская губернія составляетъ исключеніе въ этомъ [illegible] могло бы выяснить, конечно, только ближайшее изслѣдованіе [illegible] матеріаловъ). Такимъ образомъ свѣдѣнія, которыми пользовался Д. П. Рихтеръ, являются, по всей видимости, болѣе правильными, и со вносимыми ими поправками нужно, конечно, серьезно считаться. Но, кромѣ того, необходимо также имѣть въ виду, что вообще расширеніе крестьянскаго землепользованія въ сѣверо-западномъ краѣ носило характеръ не дѣйствительнаго увеличенія крестьянскихъ надѣловъ, а скорѣе только возстановленія крестьянскихъ правъ на земли, ранѣе находившіяся въ ихъ пользованіи, но противозаконно отобранныя у нихъ помѣщиками. Есть много основаній думать, что даже эти, какъ будто бы увеличенные пореформенные надѣлы бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ сѣверо-западнаго края не достигали, въ концѣ концовъ, размѣра ихъ землепользованія передъ введеніемъ инвентарей, такъ какъ размѣры предреформенной экспропріаціи крестьянскихъ земель были въ этомъ краѣ очень велики [1]).

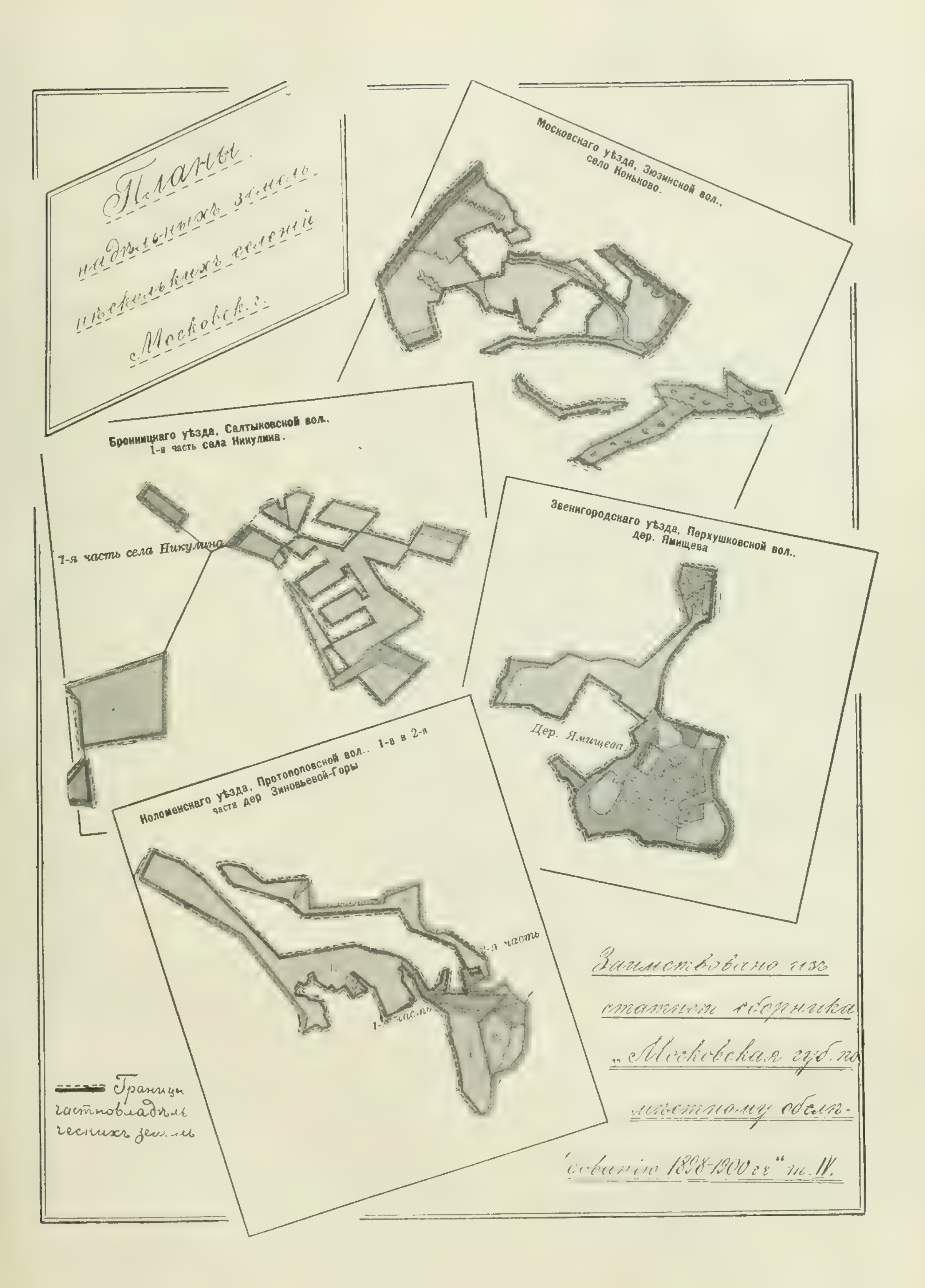
Что касается юго-западныхъ губерній, т.-е. Волынской, Кіевской и Подольской, то сопоставленіе матеріаловъ редакціонныхъ комиссій съ данными изслѣдованія 1877—78 гг. показываетъ здѣсь огромное увеличеніе размѣровъ крестьянскаго землепользованія съ выходомъ на волю: въ общемъ для трехъ губерній съ 2.917,7 тыс. десятинъ до 4.283,0 тыс. десятинъ, т.-е. на 1.365,3 тыс. десятинъ или на 46,8%. Однако сопоставленіе этихъ данныхъ съ болѣе точными свѣдѣніями, собранными Д. П. Рихтеромъ [2]), обнаруживаетъ, что дѣйствительные размѣры расширенія крестьянскихъ надѣловъ были гораздо скромнѣе. По этимъ послѣднимъ свѣдѣніямъ, опирающимся на данныя выкупныхъ сдѣлокъ (7.639 или 95,5% изъ общаго числа 7.994), размѣры крестьянскаго землепользованія въ губерніяхъ юго-западнаго края увеличились слѣдующимъ образомъ:

	Крестьянское землепользованіе въ тыс. десятинъ. До реформы.	Послѣ реформы.	Увеличеніе въ %. По Рихтеру.	По нашимъ даннымъ.
Кіевская губ.	1.071,1	1.300,4	21	33,1
Подольская	960.4	1.142,3	18	90,1
Волынская . . .	1.365,0	1.574,0	15	35,9
Всѣ 3 губ.	3.396,5	4.016,6	18	46,8

[1]) См. [illegible] П. Н. Василенко, въ IV томѣ «Великой Реформы», стр. 109, а также [illegible] «Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія», глава V.

[2]) См. [illegible] статью Д. П. Рихтера въ «Вѣстн. Финансовъ».

Планы
надѣльныхъ земель
нѣсколькихъ селеній
Московск. г.
Московскаго уѣзда, Зюзинской вол.,
село Коньково.
Бронницкаго уѣзда, Салтыковской вол.
1-я часть села Никулина.
1-я часть села Никулина
Звенигородскаго уѣзда, Перхушковской вол.,
дер. Ямищева
Дер. Ямищева
Коломенскаго уѣзда, Протопоповской вол., 1-я и 2-я
части дер. Зиновьевой-Горы
2-я часть
Границы частновладѣльческихъ земель
Заимствовано изъ
статист. сборника
„Московская губ. по
мѣстному обслѣ-
дованію 1898-1900 гг." т. IV.

Разница здѣсь, какъ и въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, обусловливается болѣе точнымъ учетомъ размѣровъ дореформеннаго землепользованія, которое, по даннымъ Рихтера (несмотря на то, что они охватываютъ не всю массу бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ), превышаетъ таковое же по даннымъ редакціонныхъ коммиссій почти на $^1/_2$ милліона десятинъ. Это вноситъ, конечно, весьма существенную поправку въ наши выводы относительно результатовъ надѣленія бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ землею. Очевидно, расширеніе размѣровъ ихъ землепользованія не принесло съ собою для крестьянскаго хозяйства такой большой перемѣны, какъ можно было думать сначала. И здѣсь не слѣдуетъ забывать того, что дѣло сводилось, главнымъ образомъ, къ реставраціи крестьянскаго землепользованія, установленнаго инвентарями и нарушеннаго благодаря злоупотребленіямъ землевладѣльцевъ [1].

Поденщикъ (Виноградова).

Суммированіе итоговъ поземельнаго устройства бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ отдѣльныхъ областяхъ Европейской Россіи не представляетъ, конечно, большого значенія для сужденія о томъ вліяніи, какое оказала реформа 1861 года на земельныя условія крестьянскаго хозяйства. Но все же довольно характерно то обстоятельство, что въ общемъ размѣры землевладѣнія бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ съ освобожденіемъ ихъ отъ крѣпостной зависимости сократились даже по нашимъ даннымъ почти на $1^1/_2$

[1]) Здѣсь необходимо упомянуть о томъ, что значительной части (58%) крестьянскихъ дворовъ юго-западнаго края предоставлено было право совмѣстнаго съ владѣльцами пользованія нѣкоторыми помѣщичьими угодьями, главнымъ образомъ, пастбищами (сервитуты).

[illegible] на 11%. Все вышеизложенное не оставляетъ, однако, никакихъ сомнѣній въ томъ, что размѣры экспропріаціи дореформенныхъ крестьянскихъ надѣловъ были на самомъ дѣлѣ значительно крупнѣе.

Остановимся теперь хотя бы вкратцѣ на поземельномъ устройствѣ бывшихъ удѣльныхъ и бывшихъ государственныхъ крестьянъ.

Земельное устройство бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ было проведено на основаніи особаго положенія, изданнаго 26 іюня 1863 года. Положеніе это, имѣя кое-что общее съ Положеніями 19 февраля 1861 года о бывшихъ помѣщичьихъ крестьянахъ, обладало въ то же время нѣкоторыми особенностями, благопріятствовавшими интересамъ крестьянскаго населенія. Довольно существенныя особенности содержало оно въ себѣ и по вопросу объ условіяхъ надѣленія крестьянъ землею. Бывшимъ удѣльнымъ крестьянамъ предоставлены были въ собственность тѣ земли, которыя находились и прежде въ ихъ пользованіи за нѣкоторыми, однако, исключеніями. Въ тѣхъ селеніяхъ, въ которыхъ былъ введенъ поземельный сборъ, въ собственности удѣльнаго вѣдомства должны были остаться земли, составлявшія излишекъ противъ установленнаго табелями количества тягловыхъ и запасныхъ земель[1]). Въ остальныхъ же селеніяхъ отрѣзки отъ крестьянскихъ надѣловъ регулировались нормами высшихъ и указныхъ надѣловъ, установленныхъ для данной мѣстности Положеніями 19 февраля 1861 года, т.-е. въ тѣхъ случаяхъ, когда въ пользованіи крестьянъ оказывались излишки противъ этихъ нормъ, они отрѣзались въ пользу удѣла. Однако, устанавливая эти отрѣзки, Положеніе 26 іюня 1863 года предусматривало также и возможность прирѣзковъ къ крестьянскимъ надѣламъ въ тѣхъ случаяхъ, когда размѣръ ихъ не достигалъ высшихъ или указныхъ нормъ, установленныхъ для бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Правда, прирѣзки эти дѣлались только за счетъ сверхтабельныхъ излишковъ земель, находившихся въ пользованіи крестьянъ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда такихъ излишковъ не оказывалось, крестьяне должны были довольствоваться тѣмъ количествомъ земли, какое находилось въ ихъ пользованіи. Въ общемъ земельные надѣлы бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ съ проведеніемъ Положенія 1863 года нѣсколько увеличились по сравненію съ дореформеннымъ ихъ землепользованіемъ.

По даннымъ, обработаннымъ Л. В. Ходскимъ[2]), средніе размѣры душевого надѣла бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ измѣнились слѣдующимъ образомъ:

[1]) [illegible] земли представляли собою постоянный надѣлъ бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ, [illegible] опредѣленными повинностями, пользованіе которымъ было для нихъ [illegible] земли представляли собою прибавку къ установленному надѣлу и пользованіе ими не было для крестьянъ обязательнымъ.

[2]) См. Л. В. Ходскій, «Земля и земледѣлецъ», т. II, стр. 123.

Губерніи:	До реформы.	Послѣ реформы.	Губерніи:	До реформы.	Послѣ реформы.
Архангельская	1,6	3,3	Олонецкая	2,3	7,0
Владимирская	4,4	4,3	Оренб. и Уфим. . .	3,3	5,7
Вологодская	1,9	6,9	Орловская.	3,6	3,8
Вятская	3,0	3,9	Пермская	2,8	6,1
Казанская	3,5	3,9	Самарская.	7,2	6,8
Костромская.	4,0	4,7	С.-Петербургская. . .	6,5	4,2
Московская	2,0	2,1	Саратовская	5,5	5,6
Нижегородская. . . .	3,0	4,2	Тверская	5,2	5,3
Новгородская.	2,5	6,1	Въ среднемъ.	4,2	4,8

Ближайшее разсмотрѣніе этихъ данныхъ показываетъ, что размѣры землепользованія бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ значительно увеличились, главнымъ образомъ, въ мало населенныхъ сѣверныхъ и восточныхъ губерніяхъ: Олонецкой, Новгородской, Вологодской, Архангельской, Пермской, Оренбургской и Уфимской, въ цѣломъ рядѣ центральныхъ и черноземныхъ губерній: Московской, Тверской, Владимирской, Орловской, Симбирской, Саратовской и Самарской — они остались безъ существенныхъ перемѣнъ въ ту или другую сторону, а въ Петербургской губерніи даже значительно сократились. И въ общемъ размѣры землепользованія бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ увеличились всего на $14{,}_3\%$ ихъ прежней величины.

Тѣмъ не менѣе, бывшіе удѣльные крестьяне были обезпечены землею значительно лучше бывшихъ помѣщичьихъ. Въ среднемъ на ревизскую душу они имѣли почти въ полтора раза больше земли, чѣмъ послѣдніе, и количество малоземельныхъ было среди нихъ гораздо меньше, чѣмъ среди помѣщичьихъ: только 3,1% общаго числа рев. душъ бывш. удѣльныхъ крестьянъ получили надѣлы менѣе 2 дес.; 39,4% получили отъ 2 до 4 десятинъ, 35,4%—4—6 дес. и 22,5%—болѣе 6 дес. на душу. Въ то время, какъ огромное большинство (около $^3/_4$) бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ имѣли не болѣе 10 десятинъ на дворъ, среди бывшихъ удѣльныхъ болѣе половины (около 56%) получили свыше 10 десятинъ. Средній же размѣръ надѣла на дворъ у бывшихъ удѣльныхъ составлялъ около 12 десятинъ.

Поземельное устройство бывшихъ государственныхъ крестьянъ было окончательно опредѣлено Положеніемъ 1866 года, распространявшимъ свое дѣйствіе на 36 коренныхъ великороссійскихъ губерній, указомъ 16 мая 1867 г., изданнымъ для 9 западныхъ и 3 прибалтійскихъ губерній, и нѣкоторыми другими законодательными актами, имѣвшими въ виду остальныя мѣстности Европейской Россіи или нѣкоторыя особыя категоріи государственныхъ крестьянъ.

По Положенію о государственныхъ крестьянахъ 1866 года имъ предоставлены были въ надѣлъ всѣ состоявшія къ этому времени въ ихъ пользованіи земли; въ тѣхъ случаяхъ, когда надѣлы государственныхъ крестьянъ

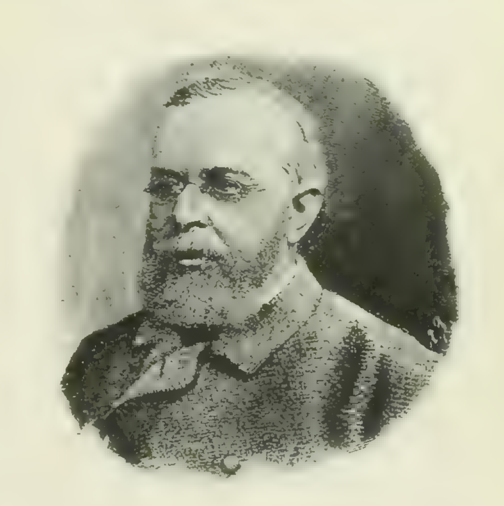
не были отграничены отъ прочихъ казенныхъ земель, размѣры надѣла опредѣлялись закономъ въ соотвѣтствіи съ существующими размѣрами землепользованія, но не болѣе 15 десятинъ на наличную душу муж. пола въ многоземельныхъ мѣстностяхъ и 8 десятинъ въ мѣстностяхъ малоземельныхъ. Кромѣ того, государственные крестьяне получали еще особый лѣсной надѣлъ, который въ зависимости отъ количества лѣсныхъ земель опредѣлялся отъ 1 дес. въ уѣздахъ малоземельныхъ до 3 дес. на душу въ наиболѣе многоземельныхъ мѣстностяхъ сѣверной Россіи. Въ западныхъ губерніяхъ земельные надѣлы государственныхъ крестьянъ опредѣлялись люстраціонными комиссіями, которыя руководствовались при этомъ особыми нормами и правилами и въ случаѣ признанной ими необходимости могли увеличивать крестьянскіе надѣлы путемъ прирѣзки изъ казенныхъ земель. Особымъ Положеніемъ 17 декабря 1866 года регулировалось поземельное устройство крестьянъ въ имѣніяхъ, перешедшихъ въ казну изъ частнаго владѣнія. Этой категоріи крестьянъ также предоставлялось право выкупить въ собственность или сохранить въ постоянномъ пользованіи тѣ надѣлы, которыми они пользовались до 1866 года, но въ тѣхъ случаяхъ, когда эти надѣлы не достигали высшаго или указнаго надѣла, установленнаго для данной мѣстности, крестьяне имѣли право на прирѣзку земли до этой нормы изъ запаса свободныхъ казенныхъ земель.

Такимъ образомъ въ силу тѣхъ Положеній, которыми регламентировалось поземельное устройство бывш. государственныхъ крестьянъ, послѣдніе не могли понести ущерба въ размѣрахъ своего землепользованія; наоборотъ, въ нѣкоторыхъ случахъ его размѣры могли быть увеличены. Кромѣ того, поземельное устройство бывш. государствен. крестьянъ, закрѣпляемое законоположеніями 1860-ыхъ годовъ, имѣло то преимущество, что было уже ранѣе упорядочено и значительно улучшено предшествовавшею эпохѣ освобожденія реформою графа Киселева [1]).

Совокупностью этихъ благопріятныхъ условій и объясняется то обстоятельство, что бывшіе государственные крестьяне оказались наиболѣе обезпеченнымъ землею разрядомъ крестьянскаго населенія. Средній размѣръ надѣла на ревизскую душу бывшихъ государственныхъ крестьянъ составлялъ 5,9 дес., то-есть на 88% больше, чѣмъ у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ и на 23% больше надѣла бывшихъ удѣльныхъ. Равнымъ образомъ, и въ каждой изъ губерній Европейской Россіи по отдѣльности, за исключеніемъ одной только Олонецкой, средній надѣлъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ былъ больше надѣла бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, а въ огромномъ большинствѣ случаевъ также и больше надѣла бывшихъ удѣльныхъ. Въ сѣверо-западной половинѣ Европейской Россіи эта разница была не такъ

[1]) О ней см. статью С. А. Князькова, во II томѣ «Великой Реформы», стр. 224.

велика и земельные надѣлы бывшихъ государственныхъ и другихъ разрядовъ крестьянъ ближе подходили другъ къ другу, но въ юго-восточной половинѣ, т.-е. въ губерніяхъ южныхъ, юго-восточныхъ и восточныхъ, размѣры землевладѣнія государственныхъ крестьянъ особенно сильно превышаютъ надѣлы бывшихъ помѣщичьихъ и бывшихъ удѣльныхъ. Максимальныхъ размѣровъ средніе душевые надѣлы государственныхъ крестьянъ достигали въ губерніяхъ Астраханской, Самарской и Оренбургской (10,9 — 16 десятинъ на ревиз. душу); наоборотъ, минимальные размѣры (3—5 десят.) они имѣли въ центральныхъ промышленныхъ, средне-черноземныхъ, малороссійскихъ и юго-западныхъ губерніяхъ (всего 17 губерній); въ остальныхъ 26 губерніяхъ Европейской Россіи средніе размѣры надѣла бывшихъ государственныхъ крестьянъ колебались отъ 5 до 10 десятинъ. Въ общемъ 70,7% общаго числа бывшихъ государственныхъ крестьянъ получили болѣе 4 дес. на ревизскую душу, что соотвѣтствуетъ приблизительно надѣлу въ 10 десятинъ и болѣе на дворъ. Болѣе 1/3 бывш. государственныхъ крестьянъ имѣли свыше 6 десятинъ на ревизскую душу, или болѣе 15 десятинъ на дворъ.

Ю. Э. Янсонъ.

Все вышеизложенное показываетъ, что земельныя условія крестьянскаго хозяйства сложились весьма различно, въ зависимости отъ хозяйственнаго положенія отдѣльныхъ разрядовъ крестьянъ [1]), отъ мѣстныхъ общественно-хозяйственныхъ условій и разнообразія юридическихъ нормъ, регламентировавшихъ поземельное устройство освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости крестьянъ. При огромной протяженности страны и разнообразіи ея физико-географическихъ и общественно-хозяйственныхъ условій невозможно найти одинъ общій масштабъ, которымъ можно было бы измѣрить, насколько надѣлы, полученные крестьянами, были достаточны „для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщикомъ". Выше изложенъ былъ, между прочимъ, рядъ соображеній, заставляющихъ думать, что, повидимому, въ очень многихъ случаяхъ крестьянскіе надѣлы 1860-хъ годовъ не соотвѣтствовали ни трудовымъ си-

---

[1]) За недостаткомъ мѣста мы вовсе не касались поземельнаго устройства многихъ мелкихъ группъ крестьянскаго населенія, какъ, напр., колонистовъ, казаковъ, царапъ, резешей, горнозав. крестьянъ и др. Замѣтимъ здѣсь только, что общая численность этихъ группъ была не велика, и по отношенію ко всей массѣ крестьянскаго населенія онѣ составляли всего 8%.

[illegible] ни потребностямъ земледѣльческаго населенія. Трудно и, болѣе того, невозможно, [illegible] точно опредѣлить размѣры этого несоотвѣтствія, но, разумѣется само собою, очень важно составить себѣ о немъ хотя бы приблизительное представленіе. Для этого мы можемъ воспользоваться [illegible] расчетомъ Л. В. Ходскаго, который исходитъ изъ того предположенія, что средній для каждой мѣстности надѣлъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ можно принять за рабочую норму крестьянской поземельной собственности, потому что „правительство,—говоритъ онъ, старалось по возможности предоставить государственнымъ крестьянамъ землю въ размѣрѣ рабочихъ силъ, чтобы крестьяне, обрабатывая ее, могли съ нея кормиться сами и отбывать государственные и мѣстные платежи и повинности“. На этомъ основаніи все крестьянское населеніе, надѣленное въ размѣрѣ средняго надѣла мѣстныхъ государственныхъ крестьянъ, Ходскій считаетъ получившимъ достаточное земельное обезпеченіе; населеніе, получившее болѣе крупные надѣлы, онъ считаетъ надѣленнымъ съ избыткомъ, а крестьянъ съ меньшими надѣлами относитъ въ группу недостаточно надѣленныхъ [1]).

Въ результатѣ этого расчета оказывается, что изъ общаго числа 21.279 тыс. ревиз. душъ бывш. помѣщ., удѣльн. и госуд. крестьянъ 6.943 тыс. рев. душъ, или 32,6%, получили „щедрые“ надѣлы; 8.430 тыс. рев. душъ, или 39,7%—достаточные и 5.906 тыс. ревиз. душъ, или 27,7%, были недостаточно надѣлены землею. Особенно высокъ былъ процентъ недостаточно надѣленныхъ землей среди бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, гдѣ эта группа составляла 42,6% общаго числа рев. душъ, а щедро надѣленные—только 13,9%. Изъ числа бывшихъ государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ, наоборотъ, около половины (50,7%) получили „щедрые“ надѣлы и только 13,7%—недостаточные.

Эти данныя не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что уже въ самый моментъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости образовался обширный по своей численности контингентъ малоземныхъ крестьянъ. Общественно-хозяйственное значеніе этого обстоятельства было, конечно, огромно. Благодаря недостаточному надѣленію землей, крестьянинъ вынужденъ былъ и при новыхъ условіяхъ своего быта обратиться снова къ обработкѣ помѣщичьей земли, но уже не въ качествѣ крѣпостного, а въ качествѣ наемнаго рабочаго или арендатора. Однако само собою понятно, что при большомъ недостаткѣ земли, при тяжести выкупныхъ платежей и другихъ повинностей и при слабомъ развитіи у насъ промышленной жизни, которое заставляло крестьянъ особенно крѣпко держаться за землю, отношенія между бывшимъ помѣщикомъ и бывшимъ крѣпостнымъ могли из-

[1]) Л. В. Ходскій, «Земля и земледѣлецъ», часть II, глава XI.

мѣниться больше по формѣ, чѣмъ по существу. Землевладѣльцу здѣсь противостоялъ не арендаторъ-предприниматель, свободный въ выборѣ условій и мѣста своей хозяйственной дѣятельности, и не рабочій, свободный, по крайней мѣрѣ, и хотя бы до извѣстной степени въ выборѣ мѣста и рода своего труда, а крестьянинъ, который былъ привязанъ къ данному мѣсту клочкомъ своей надѣльной земли и надъ которымъ тяготѣло тяжелое наслѣдіе крѣпостной эпохи: малоземелье и выкупные платежи, нерѣдко совсѣмъ не соотвѣтствовавшіе цѣнности и доходности земли. Поэтому между помѣщикомъ и крестьяниномъ устанавливались не менѣе, чѣмъ прежде, зависимыя отношенія, представлявшія собою живое воплощеніе пережитковъ крѣпостной эпохи [1]). Острота и тяжесть той экономической зависимости, въ которой оказывались крестьяне (преимущественно бывшіе помѣщичьи), во многихъ случаяхъ усиливались неудобствами въ расположеніи крестьянскихъ надѣльныхъ земель. Черезполосность крестьянскихъ надѣловъ и господскихъ земель, существовавшая и ранѣе, была, конечно, еще въ значительной мѣрѣ усугубляема отрѣзками отъ дореформенныхъ крестьянскихъ надѣловъ въ пользу помѣщиковъ. При желаніи послѣднихъ эти отрѣзки могли сдѣлаться въ ихъ рукахъ весьма сильнымъ орудіемъ экономическаго подчиненія и эксплуатаціи сосѣднихъ крестьянъ. Искусственно создаваемыя или, по крайней мѣрѣ, усугубляемыя неудобства въ расположеніи крестьянскихъ надѣловъ ставили впослѣдствіи крестьянъ въ весьма зависимое отъ сосѣдняго владѣльца положеніе и порождали крайне тяжелыя для нихъ принудительныя формы аренды частновладѣльческихъ земель [2]).

Это преднамѣренное и, такъ сказать, злостное увеличеніе черезполосицы вѣнчаетъ собою ту сложную систему усилій, которая была пущена въ ходъ господствовавшимъ въ русскомъ обществѣ сословіемъ для того, чтобы сохранить за собою по возможности всю прежнюю силу своего экономическаго преобладанія.

В. Анисимовъ.

---

[1]) См. ниже статью А. В. Пѣшехонова, «Эконом. положеніе крестьянъ въ пореформенное время».

[2]) См. сборникъ «Очерки по крестьянскому вопросу», подъ редакціей проф. А. А. Мануилова, выпускъ 2-й, стр. 105. Какъ примѣръ чрезвычайно неудобнаго расположенія надѣльныхъ земель см. прилагаемые къ этой статьѣ планы нѣсколькихъ селеній Московск. губ.

Калики перехожіе (Прянишникова).

Выкупные платежи.

Кн. Д. И. Шаховского.

I.

Реформа сохранила въ рукахъ крестьянъ значительную часть земельной площади, находившейся въ ихъ распоряженіи до воли. Но досталась имъ земля далеко не даромъ. Не одному поколѣнію пришлось нести за нее платежи по оцѣнкѣ, завѣдомо повышенной противъ дѣйствительной стоимости... Платежи эти были пріурочены къ особой выкупной операціи, которую финансисты наши разсматриваютъ, по крайней мѣрѣ, въ первоначальномъ ея видѣ, какъ форму поземельнаго кредита. Во всякомъ случаѣ кредитъ этотъ обладалъ совсѣмъ своеобразными особенностями. Величина ссудъ вовсе не была сообразована со стоимостью земли, на пріобрѣтеніе которой онѣ выдавались, исправность уплаты обезпечивалась вовсе не этой землей—земля въ принципѣ предполагалась неотчуждаемой,—а разными мѣрами, направленными на ограниченіе личныхъ правъ пользующагося кредитомъ и ослаблявшими его платежеспособность; притомъ же снабженіе кредитомъ вовсе не требовало опредѣленнаго желанія или хотя бы простого согласія тѣхъ, кому онъ оказывался, и ссуды назначались на выкупъ земли, которую заемщикъ считалъ своей, а, слѣдовательно, вовсе не признавалъ справедливымъ вносить

за нее плату. Съ другой стороны, кредитъ, при извѣстныхъ условіяхъ обязательный для крестьянъ, не налагалъ никакихъ опредѣленныхъ обязанностей на государственную власть, которая имъ этотъ кредитъ навязывала. Власть эта считала себя въ правѣ по своему усмотрѣнію мѣнять условія пользованія землей, на покупку которой выдавалась ссуда, не обязывалась никакой отчетностью передъ плательщиками и, даже существенно измѣняя къ своей выгодѣ условія оплаты процентныхъ бумагъ, выпущенныхъ спеціально для выдачи ссудъ, вовсе не считала своей обязанностью приводить въ соотвѣтствіе съ пониженіемъ своихъ платежей и платежи подневольнаго заемщика Въ распоряженіи запаснымъ капиталомъ операціи, составлявшимся исключительно изъ взносовъ самихъ заемщиковъ, господствовало полнѣйшее усмотрѣніе, и даже учетъ этому капиталу произведенъ былъ лишь къ 1892 году, когда онъ уже утратилъ всякое значеніе, такъ какъ еще съ 1885 года выкупные платежи были слиты съ общими рессурсами казны.

Эти своеобразныя особенности выкупной операціи, которыя въ значительной степени вытекали изъ тѣхъ общихъ условій, въ которыхъ проведена была реформа, не могутъ, однако, заслонить ея грандіозныхъ размѣровъ и первостепенной важности для всей пореформенной жизни страны.

Общія начала выкупа, выработанныя для крѣпостныхъ крестьянъ, нашли затѣмъ дальнѣйшее примѣненіе: въ 1863 году по отношенію къ удѣльнымъ крестьянамъ, далѣе—къ различнымъ группамъ сельскихъ обывателей, отношенія которыхъ къ находящейся въ ихъ пользованіи землѣ признавалось нужнымъ превратить въ право собственности, и, наконецъ—въ 1886 году, правда, довольно искусственно,—внѣшній видъ выкупныхъ сдѣлокъ положенъ былъ въ основу уплаты земельныхъ повинностей государственными крестьянами.

Къ моменту наибольшаго своего развитія, совпавшаго съ утратой всякаго практическаго значенія вслѣдствіе отмѣны выкупныхъ платежей, вся операція на 1 января 1906 года достигла слѣдующихъ размѣровъ:

	Бывшими помѣщичьими.	Бывшими удѣльными.	Бывшими государственными.	Всего.
Зачислено по выкупу тысячъ десятинъ земли за крестьянами. .	33.267	4.126	67.139	104.532
Начислено за эту землю тысячъ рублей первоначальнаго долга за крестьянами.	899.728	51.231	1 060.087	2.011.046

Въ дальнѣйшемъ мы займемся преимущественно данными перваго столбца таблички: о крестьянахъ бывшихъ помѣщичьихъ. Необходимо, однако, оговорить, что въ отчетныхъ свѣдѣніяхъ въ этотъ разрядъ всегда включаются не только бывшіе крѣпостные губерній Европейской Россіи, получившіе на-

дѣлъ на основаніи Положенія 19 февраля 1861 года и послѣдовавшихъ въ его развитіе актовъ, а также и другіе держатели земли, получившіе ее въ собственность на основаніи выкупа по отдѣльнымъ позднѣйшимъ законамъ: „царане" въ Бессарабіи, крестьяне Тифлисской губерніи, вольные люди и бывшіе польскіе чиншевики западнаго края, старообрядцы, единовѣрцы и русскіе арендаторы оттуда же, наконецъ — поселенцы на башкирскихъ земляхъ. Изъ всѣхъ этихъ группъ, впрочемъ, одна только первая—бессарабскіе царане—сколько нибудь значительна (около 90 тыс. надѣловъ, 648 тыс. десятинъ, 18½ милліоновъ выкупного долга), остальныя сравнительно ничтожны, и всѣ онѣ вмѣстѣ съ царанами составляютъ по числу надѣловъ 1,7% (157 тыс. изъ общаго числа 9.329 тыс. надѣловъ), по количеству полученной земли—менѣе 3%, а по ея выкупной стоимости—около 3,5% всѣхъ крестьянъ, объединенныхъ подъ именемъ помѣщичьихъ. Это даетъ намъ возможность въ дальнѣйшемъ не выдѣлять этихъ группъ изъ всего разряда. Всего помѣщичьими крестьянами за 45 лѣтъ, съ 1862 по 1906 гг., выкупныхъ платежей внесено одинъ милліардъ пятьсотъ сорокъ одинъ милліонъ двѣсти четыре тысячи рублей (1.541.204 тыс.), да сверхъ того было внесено еще за все это время 24.156 тыс. рублей досрочнаго погашенія. Нельзя, однако, думать, чтобы этой почтенной суммой въ 1.574 милліона рублей исчерпывались всѣ платежи крестьянъ за надѣльную землю, начиная съ 1862 года.

Какъ извѣстно читателю, сущность выкупной операціи заключалась въ слѣдующемъ: для выкупа земли, поступившей въ пользованіе крестьянъ по уставной грамотѣ, правительствомъ выдавались выкупныя ссуды въ размѣрѣ $^4/_5$ (80%) капитализованнаго изъ 6% оброка при полномъ надѣлѣ и $^3/_4$ (75%) капитализованнаго изъ того же процента оброка при надѣлѣ неполномъ. Такимъ образомъ, чтобы опредѣлить выкупную ссуду на душу, надо было установленный по уставной грамотѣ душевой оброкъ помножить на $\frac{100}{6}$ или на $16^2/_3$ и взять 80 или 75% съ полученной суммы. Такъ, при оброкѣ въ 9 руб. на душу выкупная ссуда составляла 120 р. или 112 р. 50 к. $\left(9 \times \frac{100}{6} \times \frac{80}{100}\right.$ или $\left.9 \times \frac{100}{6} \times \frac{75}{100}\right)$ Ссуда выдавалась, за удержаніемъ долговъ на имѣніи кредитнымъ установленіямъ, на руки помѣщику разнаго рода обязательствами, приносившими 5 (а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и $5^1/_2$) % роста, крестьяне же уплачивали въ видѣ выкупныхъ платежей „взамѣнъ слѣдовавшаго помѣщику за эту землю оброка по 6 коп. за рубль назначенной правительствомъ ссуды впредь до погашенія оной" (Положеніе о выкупѣ, ст. 113). Изъ этихъ 6 копѣекъ 5 составляли оплату роста, $^1/_2$ копѣйки назначались на погашеніе долга, а остальныя $^1/_2$ копѣйки взимались на составленіе запаснаго капитала, „предназначеннаго на покрытіе издержекъ по управленію онаго, а также особыхъ расходовъ и потерь" (ст. 143). Срокъ погашенія устанавливался (по

не вполнѣ точному ариѳметическому расчету) 49-лѣтній. Такимъ образомъ, сама по себѣ замѣна оброка выкупнымъ платежомъ приносила крестьянамъ ощутительную выгоду. Въ приведенномъ примѣрѣ вмѣсто оброка въ 9 рублей при выходѣ на выкупъ пришлось бы платить 6% со 120 руб. или со 112 р. 50 к., т.-е. 7 руб. 20 коп. или же 6 руб. 75 коп. (въ случаѣ неполнаго надѣла); притомъ платежъ оброка былъ безсрочный и не уменьшалъ суммы долга, а въ счетъ платежа выкупныхъ включено было уже и погашеніе и былъ установленъ опредѣленный, хотя, разумѣется, съ точки зрѣнія крестьянъ и весьма продолжительный, 49-лѣтній срокъ. Наконецъ, величина оброка подлежала измѣненію по прошествіи 20 лѣтъ и могла бы быть значительно возвышена, выкупные же платежи ни въ какомъ случаѣ повышенію не подлежали. Но непремѣннымъ условіемъ выхода на выкупъ ставилось согласіе помѣщика, и въ видѣ общаго правила предполагалось, что помѣщикъ при желаніи крестьянъ выйти на выкупъ получитъ непосредственно съ нихъ ту часть капитализованнаго оброка, на которую выкупная ссуда понижалась. Помѣщикъ могъ, конечно, при изъявленіи своего согласія обусловить его и другими доплатами сверхъ этой. Лишь въ томъ случаѣ, когда помѣщикъ со своей стороны предъявлялъ требованіе перевести крестьянъ на выкупъ помимо всякаго соглашенія съ ними, онъ уже не получалъ за отведенную въ надѣлъ землю ничего сверхъ выкупной ссуды.

Зимой (Попова).

Такимъ образомъ, кромѣ выкупныхъ платежей, крестьяне должны были — во всѣхъ случаяхъ — выплачивать еще ежегодно до выхода на выкупъ въ видѣ оброка или же отработка (издѣльной повинности) сумму, на 25% или на 33% превышающую годичный выкупной платежъ, а затѣмъ—въ нѣкоторыхъ случаяхъ—въ моментъ выхода на выкупъ еще и доплату, размѣръ которой зависѣлъ отъ соглашенія съ помѣщикомъ.

Общую сумму этихъ доплатъ мы совершенно не знаемъ и едва ли когда-нибудь она будетъ установлена. Судить о ней можно лишь до нѣкоторой степени по количеству сдѣлокъ, совершонныхъ по требованію помѣщиковъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ доплатъ не могло быть. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, а именно тамъ, гдѣ выкупъ былъ особенно выгоденъ помѣщикамъ

[illegible] оброка по сравненію со стоимостью земли, число такихъ [illegible] было менѣе значительно: такъ въ Псковской губерніи ихъ было [illegible] 19% всего числа сдѣлокъ. Зато въ другихъ, особенно южныхъ губерніяхъ отношеніе получилось близкое къ обратному: значительное большинство сдѣлокъ послѣдовало на первыхъ порахъ по добровольному соглашенію, и въ этихъ случаяхъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что крестьяне цѣнили землю и стремились ее за собой скорѣе закрѣпить, число и размѣры доплатъ могли быть довольно значительны.

Гораздо важнѣе, однако, та доплата, которую внесли крестьяне въ видѣ оброка за годы, предшествующіе выходу на выкупъ. Сумму оброка нетрудно установить, такъ какъ постепенность выхода крестьянъ на выкупъ извѣстна: сумма эта составитъ во всякомъ случаѣ не менѣе 527 милліоновъ рублей, переплаченныхъ или, по крайней мѣрѣ, слѣдовавшихъ къ поступленію съ крестьянъ безъ всякаго вліянія на пониженіе ихъ выкупного долга, т.-е. этимъ путемъ уплачена сумма, составляющая болѣе одной трети всѣхъ выкупныхъ платежей за все время взиманія послѣднихъ.

Изъ этого ясно, какую потерю понесли крестьяне вслѣдствіе того, что выкупъ съ самаго начала не былъ сдѣланъ обязательнымъ для помѣщика и срочнымъ, и какое важное значеніе для всей исторіи выкупныхъ платежей имѣетъ постепенность развитія выкупной операціи по годамъ.

II.

Отъ своей общей точки зрѣнія на совершенную недопустимость принудительнаго выкупа помимо согласія помѣщика правительство долго не могло отказаться. Оно признавало непоколебимымъ право священной собственности дворянства на всю землю, отведенную въ надѣлъ (кромѣ, впрочемъ, усадебной), хотя, съ другой стороны, сознавало невозможность изъять эту землю изъ обладанія пользующихся ею крестьянъ. И только подъ вліяніемъ важныхъ политическихъ соображеній уже черезъ два года послѣ изданія Положенія примѣнена была совсѣмъ другая система въ нѣсколькихъ губерніяхъ. Послѣ польскаго возстанія, нашедшаго откликъ и въ губерніяхъ западныхъ и бѣлорусскихъ, признано было необходимымъ сдѣлать нѣчто существенное для крестьянъ этихъ губерній, не стѣсняясь интересами тамошнихъ помѣщиковъ, по большей части поляковъ, которыхъ правительство не желало щадить. И вотъ законодательными актами 1 марта, 30 іюля и 2 ноября 1863 года срокъ обязательнаго выкупа для всѣхъ крестьянъ, не перешедшихъ еще на выкупъ по добровольнымъ сдѣлкамъ, былъ назначенъ: для губерній сѣверо-западныхъ съ 1 мая, для губерній юго-западныхъ съ 1 сентября того же года, а для губерній Могилевской и части Витебской—съ 1 января слѣдующаго года. Всего такимъ образомъ подверглись обязательному выкупу

около $2^1/_2$ милліоновъ надѣловъ, съ $9^1/_2$ милліонами десятинъ земли и выкупной ссудой въ 163 милліона рублей. Выкупъ сопровождался и другими значительными льготами, о которыхъ будетъ сказано ниже. Обязательный выкупъ съ пониженіемъ платежей создалъ для крестьянъ этихъ губерній положеніе, по экономическимъ условіямъ реформы кореннымъ образомъ отличное отъ положенія остальной массы русскаго крестьянства. При такомъ рѣшительномъ образѣ дѣйствія по отношенію къ помѣщикамъ этихъ губерній правительство признало, однако, необходимымъ отступить отъ условій оплаты выкупныхъ свидѣтельствъ и уплачивало первоначально не 5, а $5^1/_2$ % съ выкупныхъ ссудъ.

Зато о крестьянствѣ коренной Россіи не думали. По свидѣтельству историка русскихъ финансовъ П. П. Мигулина, тогдашній министръ финансовъ М. Х. Рейтернъ, озабоченный развитіемъ желѣзныхъ дорогъ и фабричной промышленности, созданіемъ фондовой биржи, поддержкой за счетъ государственнаго банка частныхъ акціонерныхъ банковъ, для улучшенія благосостоянія сельскаго населенія ничего рѣшительно не сдѣлалъ. Только съ оживленіемъ общественной жизни въ Россіи послѣ турецкой войны 1877—78 г. пришлось вспомнить о ходѣ выкупной операціи и обратить вниманіе на тѣхъ многочисленныхъ еще крестьянъ, которые уже около 20 лѣтъ уплачивали оброкъ, нисколько не приближаясь къ конечному сроку ликвидаціи своихъ обязательствъ, въ то время какъ тутъ же рядомъ ихъ сосѣди при меньшихъ платежахъ уже успѣли сократить этотъ срокъ на четверть, а то и на цѣлую треть. Къ тому же въ 1881 году наступалъ двадцатилѣтній срокъ, по истеченіи котораго надлежало произвести переоброчку, т.-е. установить новыя нормы оброка, согласовавъ ихъ съ измѣнившимися условіями. Не считая возможнымъ провести такую мѣру безъ серьезныхъ потрясеній, правительство еще въ 1879 году отсрочило переоброчку на 10 лѣтъ, но самая вынужденность подобной мѣры указывала на неизбѣжность положить конецъ временно-обязаннымъ отношеніямъ, въ которыхъ состояло еще не менѣе 14% всѣхъ крестьянъ великороссійскихъ и малороссійскихъ губерній.

Однимъ изъ послѣднихъ актовъ царствованія императора Александра II было одобреніе предположеній объ обязательномъ выкупѣ, проведенныхъ затѣмъ въ жизнь его преемникомъ. Въ офиціальныхъ матеріалахъ сохранились въ передачѣ министра финансовъ подлинныя слова государя, сказанныя имъ по этому поводу въ эпоху Лорисъ-Меликовской диктатуры сердца, 20 февраля 1881 года. Выслушавъ предположенія о переводѣ на выкупъ остальныхъ временно-обязанныхъ крестьянъ, государь сказалъ: „Въ прежнее время я всегда былъ противъ обязательнаго выкупа. Мнѣ хотѣлось дать время помѣщикамъ устроиться съ крестьянами домашнимъ образомъ, отнюдь не допуская надъ ними насилія. Но я никакъ не ожидалъ, чтобы въ двадцать лѣтъ дѣло это не могло окончиться, а потому полагаю нынѣ, что оно должно

[illegible]. Въ заключеніе государемъ произнесены были и слѣдующія слова, также закрѣпленныя офиціальной записью: „Изъ всего, что помогли мнѣ совершить, крестьянскую реформу я считаю самымъ важнымъ дѣломъ моего царствованія" [1]).

Такимъ образомъ мы видимъ, что цѣлыхъ 20 лѣтъ министры не сочли возможнымъ довести объ общемъ ходѣ реформы до свѣдѣнія монарха, который самъ считалъ ее важнѣйшимъ своимъ дѣломъ.

Наконецъ 28 декабря 1881 года послѣдовалъ законъ о выходѣ на выкупъ съ 1 января 1883 года всѣхъ временно-обязанныхъ крестьянъ. Всего по этому закону на выкупъ переведено около 930 тысячъ надѣловъ съ количествомъ земли почти въ 3 милліона десятинъ и съ выкупной ссудой въ $93^1/_2$ милліона рублей. Правительство, сочтя себя на этотъ разъ въ правѣ примѣнить начало обязательности и къ помѣщикамъ, удовлетворило ихъ на общихъ основаніяхъ банковыми билетами, приносящими 5%, но позднѣе, 15 мая 1883 года, въ день коронованія императора Александра III, помѣщикамъ этимъ были назначены добавочныя суммы въ размѣрѣ $^1/_{12}$ основной ссуды. Дополнительныя выдачи эти, болѣе 6 милліоновъ рублей, значатся съ тѣхъ поръ расходомъ въ балансѣ счетовъ по выкупной операціи.

14 іюня 1888 года начало обязательности было распространено и на выкупъ надѣловъ бессарабскихъ царанъ; на основаніи этого закона было выдано выкупныхъ ссудъ на сумму болѣе 6 милліоновъ рублей.

Таковы были тѣ законодательныя рамки, въ которыя поставлена была выкупная операція. Фактически она развивалась въ такой постепенности.

Перешло на выкупъ на сумму (все въ тысячахъ рублей).

Пятилѣтія.	Всего за пятилѣтіе.			Въ среднемъ за годъ. Вмѣстѣ съ обязательн. выкупомъ.	Въ среднемъ за годъ. Безъ обязательн. выкупа.
1862—1866	423.690	изъ нихъ по обязат. выкупу	162.800.	84.738	52.178
1867—1871	182.470			36.494	36.494
1872—1876	88.057			17.611	17.611
1877—1881	67.583			13.517	13.517
1882—1886	114.956	„ „ „ „ „	93.550.	22.991	4 281
1887—1891	9.541			1.908	
	886.297 тыс. руб.				

Принимая за 100 сумму выданныхъ ссудъ лишь за пять первыхъ пятилѣтій (1862—1886 г. 876.756 тыс. руб.), получимъ, что изъ нихъ 48,3% приходится на первое пятилѣтіе (въ томъ числѣ 18.5% получились благодаря

[1]) Слова государя занесены затѣмъ въ журналъ соединеннаго присутствія, разсматривавшаго [illegible] объ обязательномъ выкупѣ, по его единогласному постановленію, «дабы навсегда сохранить оныя въ лѣтописяхъ Государственнаго Совѣта». См. Д. Ѳ. Самаринъ, «Собраніе статей», т. 1, стр. 153.

обязательному выкупу), на второе пятилѣтіе приходится 20,8%, на третье—10,0%, на четвертое—7,8% и на пятое (1882—1886)—13,1% (въ томъ числѣ 10,8% по обязательному выкупу).

Такимъ образомъ въ первыя же пять лѣтъ операція захватила почти половину всей выкупной стоимости надѣловъ, въ первое десятилѣтіе—уже $^{2}/_{3}$ этой стоимости. Такихъ сравнительно благопріятныхъ результатовъ можно было, однако, достигнуть лишь путемъ искусственнаго стѣсненія всякаго кредита землевладѣльцамъ помимо выкупного, что и вынуждало помѣщиковъ охотнѣе соглашаться на выкупъ. Такое стѣсненіе кредита не могло не отразиться неблагопріятно на положеніи сельскаго хозяйства въ цѣломъ. Еще болѣе

Въ деревнѣ (Сѣрова).

тяжко такая система отказа отъ обязательнаго выкупа отразилась на интересахъ крестьянъ. Не говоря уже о той трети, которая была ею обречена на уплату оброка 10, 15 и 20 лѣтъ, и приступившіе къ выкупу въ первое десятилѣтіе все же потеряли даромъ нѣсколько годичныхъ платежей. Въ общемъ же, какъ было указано выше, крестьянами переплачена за 20 лѣтъ колоссальная сумма оброку. Зная постепенность выхода на выкупъ по годамъ, нетрудно высчитать и сумму оброка, уплачиваемаго крестьянами за предыдущіе года. Такъ какъ выкупные платежи составляютъ $^{4}/_{5}$ или $^{3}/_{4}$ по отношенію къ оброку, а по отношенію къ выкупной суммѣ равняются 6%, то оброкъ составлялъ не 6, а $7^{1}/_{2}$ или 8% съ выкупной суммы. Въ помѣщен-

[illegible] ниже табличку мы приведи рядомъ съ суммой выкупныхъ платежей по пятилѣтіямъ и сумму слѣдовавшаго съ крестьянъ оброка, при чемъ вычисляя [illegible] водѣ равной не 8%, а лишь $7\frac{1}{2}$%.

Всего крестьяне дѣйствительно уплатили выкупныхъ и должны были уплатить оброка (по пятилѣтіямъ):

Пятилѣтія.	Внесено выкупныхъ. За пяти-лѣтіе.	Въ среднемъ за годъ.	Слѣдовало уплатить оброку. За пяти-лѣтіе.	Въ среднемъ за годъ.	Сумма выкупн. и оброка. За пяти-лѣтіе.	Въ средн. за годъ.
	Тысячи рублей.		Тысячи рублей.		Тысячи рублей.	
1862—1866	39.972	7.994	248.500	49.700	288.472	57.694
1867—1871	163.113	32.623	135.200	27.040	298.313	59.663
1872—1876	194.773	38.955	81.600	16.320	276.373	53.273
1877—1881	208.539	41.708	54.500	10.900	263.039	52.608
1882—1886	192.821	38.564	(1882 г.: 7.700	7.700	200.521	40.104
1887—1891	201.990	40.398			201.990	
1892—1896	197.269	39.454			197.269	
1897—1901	192.359	38.472			192.359	
1902—1906	150.368	30.074			150.368	
(за 1902—1905		33.391)				
Всего.	1.541.204		527.500		2.068.704	45.971

Въ табличкѣ этой мы имѣемъ наглядную картину всей суммы главныхъ платежей бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ за поступившую въ ихъ надѣлъ землю. Быстро возрастая за первыя два десятилѣтія, сумма поступленія выкупныхъ платежей держится затѣмъ на одномъ приблизительно уровнѣ до послѣдняго пятилѣтія, когда замѣчается пониженіе платежей, даже если внести поправку, т.-е. взять среднюю не за всѣ пять, а за четыре первые года пятилѣтія, исключивъ 1906 годъ, когда окладъ выкупныхъ уже былъ уменьшенъ наполовину и когда всего ихъ поступило менѣе 17 милліоновъ рублей.

Сумма оброка, напротивъ, быстро падаетъ. Падаетъ по мѣрѣ замѣны части оброка выкупными и общая сумма крестьянскихъ платежей. Только въ первое пятилѣтіе мы замѣчаемъ обратное явленіе: общая сумма платежей менѣе, нежели за второе пятилѣтіе. Объясняется это чрезвычайно неисправнымъ поступленіемъ за первые годы выкупныхъ платежей, какъ это будетъ указано ниже.

Общая сумма выкупныхъ и оброка вмѣстѣ за все время составила 2.068.704 тысячи рублей. Постепенную замѣну оброка выкупными мы прослѣдили выше. На своемъ сорокапятилѣтнемъ вѣку выкупные платежи, въ свою очередь, пережили не мало измѣненій, къ изложенію которыхъ мы и приступаемъ.

III.

Здѣсь не мѣсто выяснять, какимъ образомъ величина оброка, а черезъ нее и величина выкупныхъ платежей отразила не одну лишь стоимость отведенной крестьянамъ въ надѣлъ земли, а также и оцѣнку личности выходящихъ на волю крѣпостныхъ. Разсмотримъ лишь то, какъ такая постановка вопроса отразилась на положеніи крестьянъ. Прежде всего надо, однако, и здѣсь указать на особенныя условія примѣненія положенія о выкупѣ въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ дѣло было поставлено и въ этомъ отношеніи особнякомъ, и снова по тѣмъ же политическимъ побужденіямъ, о которыхъ сказано выше. Одновременно съ установленіемъ тамъ срока обязательнаго выкупа были приняты мѣры къ пересмотру сдѣлокъ между крестьянами и помѣщиками, при чемъ надѣлы были противъ первоначальныхъ предположеній увеличены, а платежи значительно понижены. Къ тому же самому по отношенію къ ранѣе утвержденнымъ добровольнымъ сдѣлкамъ въ юго-западномъ краѣ повели Высочайшія повелѣнія 2 сентября 1864 г. и 28 апрѣля 1865 г. Въ сѣверо-западномъ краѣ акты о выкупѣ составлялись повѣрочными коммиссіями, которыя широко использовали предоставленное имъ право повѣрки повинностей. Въ результатѣ, по исчисленію офиціальнаго „Отчета государственнаго банка по выкупной операціи съ открытія выкупа по 1 января 1892 г.", платежи на 1 десятину надѣла были тамъ понижены въ слѣдующихъ размѣрахъ:

	съ	до	т.-е. на	или на
1. Волынск. губ.	съ 1 р. 96 к.	до 77 к.,	т.-е. на 1 р. 19 к.	или на 60,7%
2. Кіевская губ.	„ 2 „ 73 „	„ 1 р. 69 „	„ „ 1 „ 04 „	„ „ 38,1%
3. Подольск. губ.	„ 3 „ 09 „	„ 1 „ 69 „	„ „ 1 „ 40 „	„ „ 45,3%
По всему юго-западному краю.	съ 2 р. 52 к.	до 1 р. 31 к.,	т.-е. на 1 р. 21 к.	или на 48%
4. Виленск. губ.	съ 2 р. 11 к.	до 74 к.,	т.-е. на 1 р. 37 к.	или на 64,9%
5. Гродней. губ.	„ 2 „ 15 „	„ 67 „	„ „ 1 „ 48 „	„ „ 68,8%
6. Ковенск. губ.	„ 2 „ 25 „	„ 1 р. 27 „	„ „ 98 „	„ „ 43,6%
7. Минская губ.	„ 1 „ 99 „	„ 49 „	„ „ 1 „ 50 „	„ „ 75,4%
8. Витебск. губ.	„ 2 „ 51 „	„ 1 „ 04 „	„ „ 1 „ 47 „	„ „ 58,6%
По 5 губ. сѣверо-западнаго края.	съ 2 р. 14 к.	до 76 к.,	т.-е. на 1 р. 38 к.	или на 64,5%
А по всѣмъ 8 западнымъ губ.	съ 2 р. 34 к.	до 1 р. 04 к.,	т.-е. на 1 р. 30 к.	или на 55%

Такимъ образомъ выкупные платежи были понижены здѣсь болѣе чѣмъ вдвое противъ первоначальныхъ оцѣнокъ.

Во всей остальной Россіи не было никакихъ инстанцій, которыя бы пересмотрѣли размѣры крестьянскихъ платежей съ точки зрѣнія ихъ посиль-

[illegible] мѣры правительства клонились не къ борьбѣ съ помѣстнымъ [illegible], какъ было въ западномъ краѣ, а къ полному примиренію [illegible] и къ его матеріальной поддержкѣ. И установленная Положеніемъ система оцѣнки надѣловъ цѣлыхъ двадцать лѣтъ оставалась безъ измѣненія.

Что же представляетъ собою первоначальная выкупная стоимость десятины надѣльной земли? Въ самомъ началѣ статьи указано общее число десятинъ, поступившихъ въ надѣлъ—33.267 тыс. и величина первоначальнаго выкупного долга—899.728 тыс. рублей. Итакъ, одна десятина земли помѣщичьихъ крестьянъ несла на себѣ 27 руб. 05 коп. выкупного долга. Прежде всего сопоставимъ это съ выкупной стоимостью десятины земли крестьянъ бывшихъ удѣльныхъ и бывшихъ государственныхъ: для первыхъ она равна *12 руб. 42 коп.*, для послѣднихъ,—послѣ повышенія въ 1886 г. платежей на 45%,—*15 руб. 79 коп.* (выкупной платежъ съ которыхъ составлялъ не 6%, какъ у помѣщичьихъ, а 5%). Даже и при такой оцѣнкѣ земли удѣльные крестьяне не были свободны отъ недоимокъ, а у государственныхъ, какъ увидимъ ниже, онѣ были значительно выше, чѣмъ у бывшихъ помѣщичьихъ. Но одна общая средняя не даетъ еще должнаго представленія о дѣлѣ: необходимо прежде всего выдѣлить надѣлъ крестьянъ западнаго края, оцѣнка котораго была произведена особымъ порядкомъ. Выкупная стоимость десятины у этихъ крестьянъ приближается, но все же превышаетъ выкупную стоимость десятины у государственныхъ и составляетъ *17 руб. 19 коп.* Зато стоимость десятины у крестьянъ другихъ губерній въ среднемъ *30 руб. 84 коп.* Вотъ та цѣна десятины, которая легла въ основу выкупной операціи. Достаточно сопоставить ее съ тремя другими цифрами, только что приведенными и набранными здѣсь курсивомъ, чтобы понять всю непосильность бремени, наложеннаго на помѣщичьихъ крестьянъ размѣромъ повинностей. По отдѣльнымъ губерніямъ средняя выкупная стоимость десятины колеблется въ очень широкихъ предѣлахъ — отъ 8 руб 26 коп. въ Минской губ. до 42 руб 80 коп. въ Курской и даже 54 руб. 65 коп. въ Тифлисской. Не буду разбирать здѣсь въ высшей степени поучительныхъ цифръ всего ряда оцѣнокъ по 49 губерніямъ. Скажу только, что въ число губерній съ оцѣнкой выше выведенной нами средней попали Владимірская (31 руб. 66 коп.), Ярославская (33 руб. 33 коп.), Московская (41 руб. 71 коп.), въ число губерній съ оцѣнкой ниже средней, не говоря о всѣхъ западныхъ, въ томъ числѣ и такихъ благодатныхъ, какъ Подольская и Кіевская,—еще и Саратовская ([illegible] руб. 07 коп.), Самарская (24 руб 59 коп.) и Таврическая (19 р. 09 к.).

[illegible] были двѣ попытки подвергнуть сравнительному изученію подесятинныя цѣны на землю по выкупнымъ сдѣлкамъ и по другимъ источникамъ. Первая попытка находится въ изданіи „Ежегодникъ русскихъ кредитныхъ учрежденій“ во II и болѣе полно въ III выпускѣ, со свѣдѣніями за

1879 годъ. Тѣ же данныя использованы и проф. Ходскимъ въ его книгѣ „Земля и земледѣлецъ“. Здѣсь стоимость земли по выкупу сопоставляется по уѣздамъ и губерніямъ съ оцѣнками земельныхъ банковъ при залогѣ въ нихъ имѣній.

Въ общемъ оцѣнки банковъ оказались выше оцѣнокъ по выкупу, всего на 26%. Изъ 48 губерній, по которымъ имѣются свѣдѣнія, въ 22, впрочемъ, выше оцѣнка по выкупу, всего на 96 милліоновъ рублей. Въ остальныхъ 26 губерніяхъ высшей оказалась оцѣнка банковая на общую сумму 228 милл. руб. По этому расчету, слѣдовательно, выходило бы, что земля при выкупѣ оцѣнена ниже дѣйствительной стоимости всего на 188 милліоновъ рублей (=20%). Едва ли эти общія данныя могутъ, однако, имѣть какую-либо доказательную силу. Земельные банки начали свою дѣятельность большей частью со второй половины семидесятыхъ годовъ, во всякомъ случаѣ къ этому времени относится огромное большинство оцѣнокъ. Приравнивать стоимость земли, полученной крестьянами въ 1861 г., къ цѣнамъ на нее черезъ 15 лѣтъ, когда страна вступила въ совершенно новыя условія экономической жизни, значило бы относить въ пользу помѣщиковъ весь естественный приростъ цѣнности за этотъ періодъ,— приростъ, вовсе ими не заслуженный и только и ставшій возможнымъ благодаря крушенію крѣпостного права. Если данными банковыхъ оцѣнокъ и можно пользоваться, то лишь для опредѣленія относительной высоты выкупныхъ платежей. Съ этой точки зрѣнія интересны тѣ губерніи, въ которыхъ выкупная стоимость и черезъ 15 лѣтъ послѣ освобожденія еще была выше банковой оцѣнки. Въ приведенномъ ниже ряду такихъ губерній мы естественно встрѣчаемъ большинство нечерноземныхъ, гдѣ особенно ярко выступило включеніе въ счетъ выкупаемой земли и стоимости труда крестьянъ, составлявшаго благодаря отхожимъ промысламъ главный источникъ дохода помѣщиковъ. Въ порядкѣ возрастанія несоотвѣтствія выкупной стои-

Гопакъ (Пимоненко).

[illegible] [illegible] [illegible] въ двадцать двѣ губерніи, въ которыхъ выкупная [illegible] [illegible] банковой, расположатся въ такомъ порядкѣ (при каждой губерніи [illegible], какъ велико несоотвѣтствіе въ процентахъ, при чемъ банковая [illegible] принимается за 100): Московская (105), Вологодская (122), Нижегородская (123), Калужская (125), Витебская (126), Псковская (133), Ярославская (135), Вятская (142), Терская обл. (144), Самарская (150), Тверская (154), Могилевская (159), С.-Петербургская (160), Смоленская (161), Ставропольская (162), Костромская (171), Уфимская (227), Астраханская (248), Новгородская (312), Тифлисская (312), Пермская (341), Оренбургская (379).

Гораздо интереснѣе другая работа, произведенная А. Е. Лосицкимъ. Онъ сопоставилъ выкупную стоимость надѣла съ продажными цѣнами за годы: 1854—58 и 1863—72 гг. Полученныя имъ данныя сведены въ слѣдующую таблицу:

Губерніи:	Площадь надѣла (тысячъ десятинъ).	Цѣнность надѣла (въ милліонахъ рублей). 1854—58 гг.	1863—72 гг.	По выкупу.
Нечерноземныя .	12.286	155	180	342
Черноземныя . .	9.841	219	284	342
Западныя . . .	10.141	170	184	183
Всего . . .	32.268	544	648	867

Такимъ образомъ только въ 9 западныхъ губерніяхъ выкупная стоимость надѣла совпала съ продажными цѣнами. Въ губерніяхъ черноземныхъ она оказалась выше продажныхъ цѣнъ пятидесятыхъ годовъ на 57%, шестидесятыхъ годовъ—на 20%. Въ нечерноземныхъ губерніяхъ разница естественно еще гораздо выше: по сравненію съ цѣнами пятидесятыхъ годовъ на 127%, шестидесятыхъ—на 90%. Превышеніе цѣнъ выкупныхъ противъ продажныхъ не ограничивается итогами по цѣлымъ районамъ. Оно наблюдается и во всѣхъ безъ исключенія нечерноземныхъ губерніяхъ, а въ черноземныхъ выкупная стоимость нѣсколько уступаетъ продажнымъ цѣнамъ (шестидесятыхъ годовъ) лишь въ двухъ губерніяхъ: Воронежской и Орловской.

При этомъ необходимо имѣть въ виду, что несоотвѣтствіе, рѣзко проявляющееся по областямъ и по цѣлымъ губерніямъ, должно быть еще гораздо разительнѣе по болѣе мелкимъ районамъ, уѣздамъ или частямъ ихъ, гдѣ по неблагопріятнымъ особенностямъ данной мѣстности платежи во много разъ превышали и стоимость земли, и платежныя средства населенія. Но помимо [illegible] территоріальныхъ различій была еще въ самомъ методѣ установленія [illegible] оброка одна особенность, скрытая при изученіи среднихъ и особенно [illegible] для всѣхъ селеній, получившихъ неполный надѣлъ. Въ стремленіи [illegible] не упустить главный объектъ обложенія, крестьянскую душу, губернскіе комитеты, а за ними и Положеніе, установили такъ назы-

ваемую градацію: сумма оброка, а слѣдовательно, и величина выкупныхъ платежей при неполномъ надѣлѣ понижалась не пропорціонально уменьшенію количества земли, а первая десятина неполнаго надѣла несла на себѣ половину (въ нечерноземныхъ) или $^4/_9$ (въ черноземныхъ и степныхъ губерніяхъ) высшаго оброка, затѣмъ остальная часть въ черноземныхъ и степныхъ мѣстностяхъ распредѣлялась поровну на всѣ десятины, а въ нечерноземной равномѣрность еще разъ нарушалась отчисленіемъ $^1/_4$ оброка на вторую десятину надѣла, и лишь послѣдняя его четверть распредѣлялась поровну на остальныя десятины нормальнаго надѣла. Понятно, что при такой системѣ расцѣнки, чѣмъ меньше надѣлъ у даннаго селенія, тѣмъ дороже обходится его десятина; по вычисленію проф. Ходскаго, при надѣлѣ, въ три раза меньшемъ противъ высшаго, платежъ на одну десятину повысится на 50—88% по отдѣльнымъ мѣстностямъ Если преувеличенными являлись среднія величины выкупныхъ платежей, то каково же должно было оказаться вопіющее несоотвѣтствіе во многихъ отдѣльныхъ случаяхъ?..

Такова оказалась оцѣнка десятины земли для выкупа. Выкупные платежи составляли 6% съ этой преувеличенной оцѣнки. Почему именно 6%— мы это видѣли выше: 5% роста, $^1/_2$% на погашеніе, $^1/_2$% на составленіе запаснаго капитала, т.-е. на расходы по веденію дѣла и на возможныя потери. На самомъ дѣлѣ имѣлъ нѣкоторое основаніе (хотя и то не точное) лишь размѣръ отчисленія на погашеніе. 5% роста за свои обязательства по выкупной операціи правительство никогда не платило. Правда, оно выпускало 5% банковые билеты и другія обязательства, оплачиваемыя тѣмъ же процентомъ, на 90 милліоновъ рублей выдано было даже обязательствъ, оплачиваемыхъ изъ $5^1/_2$%. Но зато изъ всей суммы выкупного долга въ 900 милліоновъ руб. болѣе одной трети (315 милліоновъ руб.) было удержано съ помѣщиковъ на покрытіе прежнихъ ихъ долговъ кредитнымъ установленіямъ, а эти долги оплачивались только четырьмя процентами роста, а съ 1891 года $5^1/_2$-процентный долгъ, съ 1894 года и весь 5-процентный долгъ, замѣненные рентой, стали требовать лишь 4% или даже, за вычетомъ купоннаго сбора, 3,8% платежа.

Не болѣе основаній имѣло отчисленіе $^1/_2$% въ запасный капиталъ. Всѣ спеціальные расходы по веденію дѣла сводились къ грошамъ. Въ среднемъ сосчитанные государственнымъ банкомъ операціонные расходы за годъ не превышаютъ 0,05% къ выкупному долгу соотвѣтствующаго года, т.-е. въ 10 разъ менѣе опредѣленнаго въ запасный капиталъ отчисленія.

Если разумѣть подъ „потерями“ всю недоплату заемщиковъ, то, разумѣется, и $^1/_2$% на это не могло хватить. Но едва ли правильно всю потерю отъ обремененія непосильными платежами и отъ неправильнаго веденія дѣла перелагать на исправныхъ плательщиковъ. А именно такое положеніе создаетъ это отчисленіе $^1/_2$% въ запасный капиталъ.

Такимъ образомъ взиманіе 6% съ выкупной стоимости надѣла было столь же произвольно, какъ и установленіе этой стоимости. Во всякомъ же случаѣ оно налагало на значительную часть крестьянъ совершенно непосильное бремя.

Необходимо имѣть въ виду еще и то, что выкупными платежами вовсе не исчерпывались повинности крестьянъ. Освобожденіе не вывело ихъ изъ положенія податного сословія, противополагаемаго остальнымъ, свободнымъ отъ несенія ряда государственныхъ повинностей. На крестьянахъ продолжала до начала восьмидесятыхъ годовъ тяготѣть петровская подушная подать, которая, переложенная на землю, опять-таки тѣмъ тяжелѣе ложилась платежомъ на одну десятину, чѣмъ менѣе земли было въ распоряженіи извѣстнаго числа душъ, т.-е. чѣмъ ниже былъ надѣлъ. Наконецъ крестьяне несли еще спеціальный налогъ: волостныя и мірскія повинности, почти цѣликомъ шедшія на поддержаніе органовъ сословнаго крестьянскаго управленія, а органы эти служили не столько средствомъ защиты крестьянъ, сколько, съ одной стороны, орудіемъ управленія ими и сбора съ нихъ платежей, съ другой—выполнителями функцій общаго управленія.

Насколько уплата выкупныхъ соотвѣтствовала правосознанію крестьянъ? Къ сожалѣнію, мы не располагаемъ обильнымъ матеріаломъ для отвѣта. Но все, что намъ извѣстно о крестьянскихъ настроеніяхъ послѣ воли, рѣшительно говоритъ противъ мысли о томъ, чтобы крестьяне находили платежи въ пользу помѣщика справедливыми: въ избавленіи отъ всякой повинности по отношенію къ нему они склонны были видѣть главный смыслъ и главное содержаніе освобожденія, и ихъ разсужденію нельзя отказать въ значительной основательности. Такая точка зрѣнія если не по отношенію ко всей совокупности повинностей, которыя теперь пришлось выкупать, то по отношенію къ значительной ихъ части, раздѣлялась вѣдь очень многими въ то время, и не изъ худшихъ людей... Неудивительно, что такой наблюдатель крестьянскихъ настроеній, какъ Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ, рисуетъ въ своемъ письмѣ настроеніе крестьянъ послѣ изданія Положенія въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Общее настроеніе крестьянъ—ожиданіе н о в а г о положенія, недовольство настоящимъ и чисто-венгерская пассивная оппозиція: мы все вынесемъ, всему покоримся и ничего не примемъ, ничѣмъ не заявимъ своего согласія“. Таковы были наблюденія въ степной полосѣ, въ Самарской губерніи.

Какъ мало крестьянамъ были доступны основныя положенія выкупной операціи, примѣнявшія къ живущему еще въ условіяхъ натуральнаго хозяйства населенію долгосрочную оплату долга процентами съ многолѣтнимъ погашеніемъ, хорошо рисуетъ замѣтка А. И. Кошелева въ его письмѣ кн. Черкасскому отъ 20 апрѣля 1861 года изъ Рязанской губерніи: „Выкупъ имъ (крестьянамъ) очень понравился“, пишетъ онъ. И тутъ же прибавляетъ:

„Срокъ 49-лѣтній возбудилъ ихъ смѣхъ. Это вѣдь не одинъ вѣкъ, а цѣлыхъ два!"[1]). Изъ болѣе объективныхъ данныхъ—цифровыхъ свѣдѣній о поступленіи выкупныхъ платежей за первые годы операціи—мы узнаемъ, что недоимки составляли: въ 1862 году 60% оклада, въ 1863—45%, въ 1864—30%, въ 1865—16%, и только со слѣдующаго года они уже не переходятъ 10%. Размѣръ недоимокъ первыхъ годовъ можетъ, кажется, также служить подтвержденіемъ отрицательнаго отношенія крестьянства къ обязательнымъ для него выкупнымъ платежамъ.

Торговка (Маковскаго).

IV.

При указанныхъ выше условіяхъ успѣшное взиманіе выкупныхъ платежей требовало не совсѣмъ обычныхъ пріемовъ. Впрочемъ, Положеніе о выкупѣ предусмотрѣло эти трудности и озаботилось предоставить сборщикамъ достаточно крутыя средства борьбы съ тѣми, кто бы не хотѣлъ или не смогъ разсчитываться аккуратно. Краснорѣчивѣе всякихъ разсужденій говоритъ самый текстъ Положенія.

Для пополненія недоимокъ съ отдѣльныхъ неисправныхъ плательщиковъ обществу предоставляется:

„1) обратить въ возмѣщеніе недоимки доходъ съ принадлежащаго недоимщику въ собственность недвижимаго имущества;

„2) отдать самого недоимщика или кого либо изъ членовъ его семейства въ посторонніе заработки, въ томъ же уѣздѣ или сосѣдственномъ, съ условіемъ выработанныя деньги обращать въ мірскую кассу; отдавать же въ заработки въ другія, неотдаленныя губерніи дозволяется только по приго-

[1]) Оба отзыва въ книгѣ кн. О. С. Трубецкой, «Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго».

[illegible] утвержденному мировымъ посредникомъ, и притомъ [illegible] неисправныхъ плательщиковъ, кои не платятъ недоимокъ по [illegible] или распутству;

„3) опредѣлить къ недоимщику опекуна, безъ разрѣшенія котораго не [illegible] неисправному домохозяину отчуждать что-либо изъ его имущества [illegible] или его доходовъ до пополненія недоимки, или вмѣсто неисправнаго хозяина назначить старшимъ въ домѣ другого члена той же семьи;

„4) подвергнуть продажѣ принадлежащее недоимщику лично недвижимое имущество, за исключеніемъ лишь выкупленной крестьяниномъ усадьбы;

„5) продать ту часть движимаго имущества и строеній недоимщика, которая не составляетъ необходимости въ его хозяйствѣ;

„6) отобрать у недоимщика часть отведенныхъ ему полевыхъ угодій, или даже весь его полевой надѣлъ.

„Примѣчаніе. Самому обществу предоставляется, въ каждомъ случаѣ, выбрать одну или нѣсколько изъ указанныхъ мѣръ взысканія; но послѣднія три мѣры, означенныя въ пунктахъ 4, 5 и 6, общество можетъ принимать только въ крайнихъ случаяхъ, когда всѣ другія мѣры взысканія окажутся недостаточными для пополненія недоимки“.

Въ случаѣ пріобрѣтенія земли отдѣльными домохозяевами тѣ же мѣры по отношенію къ недоимщику принимаются сельскимъ и волостнымъ начальствомъ.

Мѣрами этими, однакоже, законодатель не могъ ограничиться. Общая ихъ система предполагаетъ присутствіе плательщика, за отсутствіемъ его—принадлежащая ему земля не является достаточнымъ обезпеченіемъ лежащихъ на ней повинностей, и вотъ естественно создается цѣлая система ограниченій въ правѣ выписаться изъ общества и просто свободно передвигаться. Личность освобожденнаго крестьянина крѣпко привязывается къ землѣ, и связь эта тѣмъ труднѣй порвать, чѣмъ безнадежнѣе его хозяйственное положеніе при данныхъ условіяхъ. А сверхъ того, на все крестьянское общество возлагается круговая порука за исправные взносы всѣхъ его членовъ.

Можетъ показаться, что тѣ мѣры борьбы съ недоимкой, о которыхъ говоритъ законъ, помѣщены тамъ для острастки, а вовсе не для того, чтобы примѣняться на дѣлѣ. Такъ невѣроятны указанные тамъ способы взысканія. Но стоитъ открыть офиціальныя донесенія, чтобы убѣдиться, что мы имѣемъ тутъ дѣло вовсе не съ отвлеченной теоріей. Совсѣмъ напротивъ, практика зашла во многихъ случаяхъ гораздо дальше указаній закона. Свѣдѣнія податныхъ инспекторовъ намъ сообщаютъ, что еще въ [illegible] году за неплатежъ податей по требованію полиціи было отдано въ заработки [illegible] лицъ. Развился, какъ извѣстно, и не предусмотрѣнный Положеніемъ способъ выколачиванія недоимокъ: тѣлесное наказаніе по приговору волостного суда, якобы за нерадѣніе и мотовство. Изъ офиціальныхъ

дознаній мы знаемъ, что въ Вятской губерніи „становые пристава при своихъ разъѣздахъ нерѣдко брали съ собою волостныхъ судей, которые на мѣстѣ приговаривали недоимщиковъ къ тѣлесному наказанію. Эти приговоры не медленно приводились въ исполненіе".

Главная функція выборныхъ крестьянскихъ должностныхъ лицъ свелась къ сбору податей и къ сношеніямъ по этому поводу съ начальствомъ. При этомъ полиція подвергала ихъ по своему усмотрѣнію арестамъ и штрафамъ. Въ исключительно „слабомъ" въ этомъ отношеніи 1891 году податными инспекторами отмѣчено 6.872 случая ареста и 2.925 случаевъ штрафовъ; въ 215 случаяхъ совокупно примѣнялись обѣ мѣры взысканія.

Совершенно невѣроятную по безсмысленности и убыточности картину взысканія недоимокъ путемъ описи имущества и продажи его съ торговъ рисуютъ многія имѣющіяся свѣдѣнія. Само Министерство Внутреннихъ Дѣлъ въ конфиденціальномъ циркулярѣ 1879 года такъ характеризуетъ дѣятельность своихъ агентовъ: „На практикѣ нерѣдко встрѣчались случаи, когда мѣстныя начальства допускали продажу крестьянскаго имущества несвоевременно и подвергали оной, вопреки закону, необходимые въ крестьянскомъ хозяйствѣ предметы. Бывали случаи продажи, даже неоднократной, крестьянскаго имущества за недоимки по такимъ селеніямъ, гдѣ крестьяне крайне бѣдны, надѣлены недоброкачественною землей и не имѣютъ достаточныхъ заработковъ. Такая продажа, не предотвращающая дальнѣйшаго накопленія недоимокъ, разоряла окончательно крестьянъ, и только послѣ этого мѣстныя начальства признавали несостоятельность крестьянъ и ходатайствовали о предоставленіи имъ льготъ во взносѣ податей и другихъ сборовъ".

Всѣ наблюдатели указываютъ на массу неправильностей при производствѣ описей и при продажѣ по нимъ имущества, включительно до продажи по ошибкѣ имущества крестьянъ селеній, уплатившихъ всѣ платежи. Но и въ случаяхъ формально правильныхъ продажъ, какъ и совершенно неправильныхъ, на разорительность ихъ и на выручку лишь незначительной части стоимости проданныхъ предметовъ, по большей части скота, согласно указываютъ всѣ источники [1]).

На искусномъ нажиманіи податного винта, при чемъ искусство оцѣнивалось обыкновенно ближайшимъ непосредственнымъ результатомъ, не заглядывая вдаль, строилась вся карьера полицейскихъ чиновъ, на этомъ же поприщѣ всего легче было проявить особенное усердіе высшимъ представителямъ власти на мѣстахъ.

Такъ, въ Самарской губ. въ девяностыхъ годахъ описывалось крестьянское имущество во всѣхъ безъ исключенія селеніяхъ нѣкото-

[1]) См. поразительные примѣры въ книгѣ А. С. Ермолова, «Неурожай и народное бѣдствіе».

ряду [illegible] въ одномъ 1895 году описано имуществъ на 9 милл. рублей, [illegible] выручено не менѣе 130 тысячъ рублей, за время съ 1891 по 1900 годъ по приблизительнымъ свѣдѣніямъ волостныхъ правленій за [illegible] недоимокъ отобрано болѣе 30 тысячъ надѣловъ. И это непосредственно послѣ голодныхъ лѣтъ![1]).

Послѣдствія такой финансовой политики, связанной съ полнымъ угнетеніемъ личности земледѣльца, не могли быть особенно блестящими. Не разъ уже указывалось, что за послѣднее десятилѣтіе XIX вѣка изъ 400 милліоновъ сборовъ, взысканныхъ съ крестьянъ центральныхъ и восточныхъ губерній, половину пришлось вернуть имъ во время голодныхъ бѣдствій этого десятилѣтія.

„Общее пониженіе уровня хозяйственной зажиточности крестьянскаго населенія" принужденъ былъ засвидѣтельствовать по поводу неурожая 1901 г. и министръ внутреннихъ дѣлъ.

И несмотря на всю суровость взысканій, все больше и больше накапливались недоимки.

V.

Какъ было уже указано, накопленіе недоимки по выкупнымъ платежамъ началось съ самаго ихъ возникновенія, и въ первые годы недоимочность была особенно значительна. Явленіе это, конечно, чрезвычайно озабочивало органы высшаго управленія, и насколько слабо въ первое время послѣ изданія Положенія проявляется интересъ къ ходу выкупной операціи и къ положенію вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости крестьянъ, настолько дѣятельно ведется переписка и обсужденіе мѣръ къ успѣшному взиманію крестьянскихъ платежей. Послѣ первыхъ недоимочныхъ лѣтъ платежный механизмъ такъ или иначе налаживается, въ среднемъ недоимка за первыя 15 лѣтъ не превышаетъ 5% оклада ежегодно, и какъ это выяснилъ въ своей образцовой работѣ Вильсонъ (въ 1877 году), сосредоточивается, главнымъ образомъ, въ одной сплошной географической области съ особенно неблагопріятными условіями почвенными и климатическими. Изъ числа 30 наиболѣе недоимочныхъ уѣздовъ съ недоборомъ свыше 20% всего оклада за 12 лѣтъ 25 принадлежали къ этой полосѣ. Полоса эта простирается съ сѣвера на югъ въ видѣ клина, широкое основаніе котораго тянется отъ Финскаго залива до Онежскаго озера, черезъ губерніи С.-Петербургскую, Псковскую, Новгородскую, Смоленскую, Тверскую и Черниговскую (два сѣверные уѣзда). Къ

[1]) Приведенныя выше свѣдѣнія заимствованы изъ книги Н. Бржескаго, «Недоимочность и круговая порука сельскихъ обществъ», СПБ., 1897.

этой сплошной недоимочной области съ различныхъ сторонъ примыкали уѣзды, почти сравнявшіеся по своей недоимочности съ нею. Здѣсь дѣйствительно несоотвѣтствіе выкупныхъ платежей съ доходностью земли было особенно чувствительно, но то же явленіе въ своихъ болѣе общихъ чертахъ отмѣчалось уже и тогда также и въ другихъ мѣстностяхъ. Особенно настойчиво на это указывалось въ двухъ правительственныхъ комиссіяхъ — „податной" и „по изслѣдованію положенія сельскаго хозяйства" („Валуевской"), а также въ трудахъ кн. А. И. Васильчикова и проф. Янсона. Поневолѣ поднимался вопросъ о частичномъ хотя бы пониженіи выкупныхъ платежей. Въ первомъ же правительственномъ актѣ, въ которомъ опредѣленно указана необходи-

Б а б ы (Бучкури).

мость такого пониженія, отчетливо названа и главная причина ихъ чрезмѣрной величины. Въ журналѣ „Главнаго Комитета" еще отъ 1 февраля 1877 г. говорится буквально: „означенная несоразмѣрность (оклада выкупныхъ платежей съ достоинствомъ надѣла и вообще со средствами крестьянъ) происходитъ, какъ извѣстно, вслѣдствіе того, что крестьянскіе оброки, послужившіе основаніемъ для исчисленія выкупныхъ платежей, взимались не съ одной цѣнности земли, но, въ большей или меньшей мѣрѣ, и с ъ л и ч н а г о т р у д а к р е с т ь я н ъ". Возникло дѣло о пониженіи выкупныхъ платежей, прежде всего съ цѣлью возстановить соотвѣтствіе ихъ со стоимостью земли въ н е ч е р н о з е м н о й полосѣ. Обсужденіе его идетъ параллельно съ рѣшеніемъ установить окончательный срокъ для выхода на выкупъ всѣхъ крестьянъ. Но до окончатель-

наго рѣшенія вопроса о пониженіи прошло еще около пяти лѣтъ. 4 мая 1881 г., когда первоначальный проектъ былъ уже совершенно законченъ разработкой, послѣдовало Высочайшее повелѣніе вопросъ о практическихъ мѣрахъ осуществленія этого предположенія пересмотрѣть при участіи экспертовъ изъ земскихъ дѣятелей. Такимъ образомъ на этомъ именно вопросѣ испытанъ былъ измышленный Н. П. Игнатьевымъ новый способъ привлеченія къ осуществленію государственныхъ преобразованій „общественныхъ силъ"—по выбору министровъ. Въ общемъ, согласно съ мнѣніемъ большинства экспертовъ, 1) общая сумма пониженія выкупныхъ платежей увеличена была съ предполагавшихся 9 милліоновъ до 12 ежегодно, 2) пониженіе распространено на всю Россію за исключеніемъ западной полосы, въ которой пониженіемъ воспользовались лишь крестьяне Могилевской и части Витебской губерній, 3) пониженіе раздѣлено на общее, которымъ воспользовались всѣ безъ исключенія крестьяне въ размѣрѣ по 1 руб. на душу въ великороссійскихъ губерніяхъ и 16% къ прежнему окладу въ губерніяхъ малороссійскихъ, и на добавочное пониженіе для тѣхъ селеній, которыя въ томъ нуждаются по особенному разстроенному хозяйственному положенію. Законъ о пониженіи выкупныхъ платежей былъ обнародованъ 28 декабря 1881 года. Сумма пониженія годичнаго оклада должна была составить 12 милліоновъ рублей, изъ которыхъ 2 милліона должны были покрываться изъ общихъ средствъ самой же выкупной операціи, 7 милліоновъ—изъ свободныхъ суммъ по ликвидаціи бывшихъ государственныхъ кредитныхъ установленій, а 3 милліона назначались пособіемъ выкупной операціи на счетъ казны. Срокомъ общаго пониженія назначалось 1 іюля 1882 года. Къ работамъ по распредѣленію добавочнаго пониженія привлекались земскія учрежденія. Предѣломъ пониженія долженъ былъ быть окладъ оброчной подати въ сосѣднихъ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ: ниже этого оклада выкупные платежи ни въ какомъ случаѣ не должны были опускаться.

На самомъ дѣлѣ, несмотря на прямое и торжественное заявленіе въ текстѣ закона о размѣрахъ и источникахъ пониженія, оно никогда не достигло означенной суммы, а колебалось лишь около 11 милліоновъ, указанные же въ законѣ источники покрытія пониженія изъ общегосударственныхъ средствъ представлялись совершенно пустой фикціей. Никакихъ пособій выкупной операціи не выдавалось, и въ то время она вовсе никакой поддержки изъ постороннихъ источниковъ и не требовала, и въ позднѣйшихъ расчетахъ общихъ финансовыхъ результатовъ выкупной операціи никакихъ суммъ на приходѣ ни въ видѣ отпуска казенныхъ средствъ, ни въ видѣ свободныхъ суммъ по ликвидаціи государственныхъ кредитныхъ установленій не показывалось.

Впрочемъ, изъ какихъ бы источниковъ пониженіе ни было произведено, оно составило весьма существенное облегченіе, понизивъ выкупные платежи

въ среднемъ на 20% и вездѣ, по крайней мѣрѣ, на 16% или почти на $^1/_6$. Пониженіе существенное, хотя далеко отставшее отъ того, что, какъ мы видѣли, было сдѣлано въ западномъ краѣ. Въ селеніяхъ, не воспользовавшихся добавочнымъ пониженіемъ, выкупные платежи понизились съ 6% отъ первоначальной выкупной суммы до 5%, въ среднемъ же окладъ всѣхъ платежей вмѣстѣ составилъ послѣ пониженія 4,75% съ выкупной стоимости надѣла. Необходимо, однако, отмѣтить, что добавочное пониженіе вовсе не было сколько-нибудь равномѣрно распредѣлено по всѣмъ губерніямъ, а сосредоточено было почти цѣликомъ въ наиболѣе недоимочной области. Выше, чѣмъ на 33% въ среднемъ, пониженъ окладъ въ слѣдующихъ 10 губерніяхъ: Олонецкой (на 89,6%), С.-Петербургской (42,9%), Новгородской (41,2%), Смоленской (40,7%), Псковской (39,7%), Московской (36,8%), Астраханской (35,0%), Тверской (34,3%), Черниговской (34,2%), Вятской (33,7%). Такъ какъ и въ этихъ губерніяхъ пониженіе было неравномѣрнымъ по разнымъ уѣздамъ и по отдѣльнымъ селеніямъ, то процентъ пониженія въ отдѣльныхъ случаяхъ былъ еще гораздо выше и въ наиболѣе разительныхъ случаяхъ въ значительной мѣрѣ установилъ соотвѣтствіе между стоимостью земли и выкупными платежами.

Вмѣстѣ съ двумя важными мѣрами — установленіемъ обязательнаго выкупа и пониженіемъ выкупныхъ платежей — въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ была принята и третья: сложеніе недоимки по выкупнымъ платежамъ. Недоимка эта тяготѣла, главнымъ образомъ, на тѣхъ селеніяхъ, въ которыхъ приходилось окладъ текущихъ платежей понижать на одну треть, на половину или еще болѣе. Надежды на возможность взыскать ее не могло быть никакой. Да и накопилась она, какъ послѣдствіе завѣдомо неправильнаго установленія размѣра выкупныхъ платежей, что и вызвало необходимость значительнаго ихъ пониженія... Сложеніе недоимокъ пріурочено было къ коронаціи Александра III, 15 мая 1883 года.

Статьей 2 манифеста сложена и исключена со счетовъ та часть накопившейся къ 1 января 1883 года недоимки по выкупнымъ платежамъ (всѣхъ разрядовъ), которая превышала окладъ платежей 1882 года. Всего на основаніи этого манифеста сложено болѣе 16 милліоновъ рублей недоимокъ съ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, да, сверхъ того, около одного милліона сложено по Высочайшимъ повелѣніямъ за два предшествовавшихъ года, всего же по 1891 годъ (послѣ 1884 года количество слагавшейся ежегодно недомки ни разу не превышало 50 тысячъ рублей) сложено было недоимки съ б. помѣщичьихъ крестьянъ на 17.582 тыс. рублей, при чемъ сложенная недоимка коснулась всѣхъ губерній, но въ весьма неравной степени, въ зависимости отъ накопленія въ нихъ недоимки. Болѣе полумилліона сложенной недоимки пришлось на каждую изъ слѣдующихъ губерній: Смоленскую—3.803 тыс., Московскую—2.097 тыс., Новгородскую—1.561 тыс.,

Черниговскую—1.483 тыс., Псковскую—859 тыс., Донскую область—748 тыс., Рязанскую—691 тыс., Самарскую—623 тыс., С.-Петербургскую—591 тыс., Нижегородскую—580 тыс. Всего же на эти десять губерній пришлось сложенной недоимки—13 милліоновъ рублей.

Съ проведеніемъ этихъ мѣропріятій забота о положеніи выкупного дѣла опять надолго заглохла. Въ порядкѣ же завѣдыванія выкупной операціей и исчисленія платежей и поступленій по ней произошло значительное измѣненіе: 15 января 1885 года всѣ расчеты между суммами выкупныхъ платежей и общими средствами государственнаго казначейства прекращены, всѣ поступленія по выкупной операціи постановлено причислить къ общимъ средствамъ государственнаго казначейства, всѣ процентныя бумаги, выпущенныя для выкупа, внесены въ государственную долговую книгу, и обороты по выкупной операціи включены въ государственную роспись.

VI.

Какъ извѣстно, съ 1886 года выкупные платежи стали уплачивать и государственные крестьяне. Одновременно съ отмѣной подушной подати прежній платежъ этихъ крестьянъ — оброчная подать—былъ повышенъ (въ среднемъ на 45%), переименованъ въ выкупные платежи и сдѣланъ срочнымъ—на 44 года. Какъ было уже указано, несмотря на такое повышеніе, платежи государственныхъ крестьянъ на одну десятину далеко не достигли размѣра выкупныхъ платежей крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ. Но въ послѣдующей исторіи накопленія недоимки крестьяне государственные шли далеко впереди помѣщичьихъ, и во всякомъ случаѣ во всѣхъ мѣрахъ борьбы съ недоимочностью и съ обременительностью выкупныхъ платежей никакого различія между крестьянами бывшими помѣщичьими, бывшими удѣльными и бывшими государственными уже не дѣлается. Да при измѣненіи взгляда правительства на характеръ выкупныхъ платежей бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ не было уже никакихъ основаній выдѣлять въ этомъ отношеніи какую-либо одну группу крестьянъ. Поэтому конверсія долговыхъ обязательствъ правительства съ болѣе высокимъ размѣромъ роста въ четырехпроцентныя, совершенная въ 1891 и 1894 годахъ, не вызвала даже и мысли о соотвѣтствующемъ пониженіи платежей помѣщичьихъ крестьянъ, хотя въ конверсію попали, между прочимъ, и тѣ самыя бумаги, которыя были выпущены спеціально для выкупа надѣльной земли. Точно такъ же не былъ уменьшенъ при столь рѣзкомъ пониженіи процента по государственнымъ долгамъ размѣръ уплаты удѣльному вѣдомству за поступившую въ надѣлъ удѣльнымъ крестьянамъ землю: попрежнему изъ государственныхъ средствъ, независимо отъ размѣра поступленія выкупныхъ платежей съ удѣльныхъ крестьянъ, удѣлу вносилось 6% съ выкупной суммы.

Между тѣмъ недоимки по выкупнымъ платежамъ помѣщичьихъ крестьянъ, несмотря на принятыя въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ мѣры, снова возрастали. Къ 1892 году по всей Россіи, не считая 9 губерній западной полосы, недоимка составила уже 71,9% годового оклада. Какъ и въ первый періодъ, по различнымъ губерніямъ накопленіе недоимки было въ высшей степени неравномѣрно. Въ 8 губерніяхъ она не доходила и до 10% оклада, въ 3—до 20%, въ 4—до 30%, въ 4—до 40%, въ 1—до 50%, въ 5—до 100%, въ 6—до 200%, въ 2—до 300%, въ 2—до 400%, въ 1—до 500%, а въ одной—Оренбургской—недоимка превзошла $5^1/_2$ окладовъ, составивъ 562%! Но сосредоточилась недоимка на этотъ разъ совсѣмъ не въ прежней области. Область недоимки передвинулась къ югу и востоку, захвативъ степныя и черноземныя губерніи, пораженныя неурожаемъ Вслѣдъ за Оренбургской губерніей по высотѣ недоимки слѣдуетъ Уфимская (475% оклада), далѣе—Самарская (391%), Казанская (380%), Тифлисская (258%), Московская (221% единственная изъ нечерноземнаго раіона), Нижегородская (183%), Симбирская (173%), Пензенская (159%), Тамбовская (157%), Саратовская (130%) и Воронежская (102 %). Далѣе слѣдуютъ губерніи: Рязанская (87%), Орловская (61%), Екатеринославская (58%), Донская область (56%), Тульская (51%). Губерніи эти сохранятъ свое первенствующее мѣсто по недоимочности и до конца исторіи выкупныхъ платежей и притомъ одинаково для разныхъ разрядовъ крестьянъ. Приходилось заняться этимъ вопросомъ серьезно.

На этотъ разъ не сочтено было возможнымъ прибѣгнуть ни къ сложенію недоимокъ, ни къ откровенному уменьшенію размѣра платежей. Обѣ мѣры эти казались деморализующими и вызывающими дальнѣйшее пониженіе платежной энергіи. Всѣ мѣры борьбы пошли по пути разсрочки, пересрочки, отсрочки платежей и упорядоченія системы взиманія податей. Нельзя отрицать, что на томъ и другомъ поприщѣ проявлено было не мало энергіи. Прежде всего еще 3 апрѣля 1889 года разрѣшено было недоимку окладныхъ платежей, въ томъ числѣ и выкупныхъ, въ случаѣ невозможности ея взысканія, разсрочивать равными платежами, на срокъ отъ 5 до 10 лѣтъ.

Въ виду недостаточности этой мѣры разрѣшено было затѣмъ (7 февр. 1894 года) уплату недоимокъ по выкупнымъ платежамъ переносить на годы, слѣдующіе за окончаніемъ срока выкупа при общихъ условіяхъ. Такимъ образомъ, окончаніе выкупного періода, и такъ слишкомъ продолжительнаго, еще отдалялось. По этому пути пошло и дальнѣйшее законодательство, задавшееся цѣлью привести въ соотвѣтствіе съ платежными средствами уже не уплату недоимки, а самый окладъ выкупныхъ платежей, не допуская при этомъ открыто прямого пониженія платежей. Законъ 13 мая 1896 г. въ случаѣ просьбы о томъ со стороны сельскихъ обществъ допускалъ пересрочку той части выкупного долга, которая еще не погашена срочными взносами, на

новый срокъ —56, 41 или 28 лѣтъ, съ уплатой ежегодно по $4^{1}/_{2}$, 5 или 6% съ пересрочиваемой суммы, т.-е. изъ 4% роста и соотвѣтствующаго новому сроку погашенія; кромѣ того, часть выкупного долга, въ случаѣ если бы первый пріемъ не далъ достаточно ощутительныхъ результатовъ, могла быть отсрочиваема уплатой до окончанія выкупного періода, съ тѣмъ, чтобы условія и сроки уплаты этой отсрочиваемой суммы опредѣлялись по окончаніи уплаты долга разсроченнаго. Представляя существенное облегченіе, законъ этотъ чрезвычайно затягивалъ исходъ выкупной операціи: послѣдніе платежи по пересроченному долгу переносились на года, хватающіе за 1950! И притомъ послѣ наступленія послѣдняго года платежа пересроченной части долга предстояло еще приняться, по крайней мѣрѣ въ теоріи и по буквальному тексту закона, за уплату отсроченной его части!

Несмотря на всѣ усилія чиновъ Министерства Финансовъ, крестьяне не торопились воспользоваться благами, которыя имъ сулилъ законъ, облегчавшій на ближайшее время, но затягивавшій ихъ на долгіе годы впредь. И черезъ три года, 31 мая 1899 года, пришлось въ измѣненіе перваго издать новый законъ. Въ немъ въ случаѣ допущенія отсрочки части долга вовсе откинуты два болѣе длинныхъ срока пересрочки и сохраненъ одинъ лишь 28-лѣтній. И такъ какъ ежегодные платежи должны были строго согласоваться съ платежными средствами населенія, то этимъ сокращеніемъ срока пересрочки вызывалась необходимость пересрочивать меньшую часть выкупного долга, а остальную, большую часть его—отсрочивать на конецъ выкупного періода. Главная же особенность этого новаго закона заключалась въ томъ, что, сохраняя, какъ общій принципъ, начатіе дѣлъ лишь по просьбамъ самихъ крестьянъ, онъ сдѣлалъ, однако, возможнымъ примѣненіе пересрочки и отсрочки по отношенію къ систематическимъ недоимщикамъ и помимо ихъ воли.

Къ 1 января 1902 года всего было пересрочено 38.130 тыс. руб и отсрочено 7.406 тыс., къ 1 янв. 1906 года при общей величинѣ остающагося непогашеннымъ выкупного долга въ 1.066 мил. руб. (по всѣмъ разрядамъ) пересроченнаго долгу оказалось уже 170.504 тыс., отсроченнаго—71.341 тыс. Сверхъ того, $17^{1}/_{2}$ мил. выкупного долга было сложено. Дѣло въ томъ, что въ законѣ 31 мая 1899 года имѣлся въ свое время нераспубликованный отдѣлъ III, которымъ разрѣшалось въ нѣкоторыхъ случаяхъ слагать совершенно часть выкупного долга. Всего въ абсолютныхъ числахъ (въ тысячахъ рублей) и по отношенію ко всему окладному долгу оказалось:

	У бывш. пом. крест.		У бывш. уд. кр.		У бывш. гос. кр.		У всѣхъ.	
	тыс. руб.	% окл. долга.	тыс. руб.	% окл. долга.	тыс. руб.	% окл. долга.	тыс. руб.	% окл. долга.
Пересрочено.	45.267	7,0%	2.755	6,0%	122.481	13,0%	170.504	10,0%
Отсрочено. .	9.647	1,5%	273	0.6%	61.420	6,5%	71.341	4,4%
Сложено. . .	4.617	0,7%	313	0,7%	12.535	1,3%	17.465	1,1%

Какъ видимъ, всѣ виды облегченій оказалось необходимымъ въ наибольшемъ размѣрѣ примѣнить къ государственнымъ крестьянамъ.

Почти одновременно съ послѣднимъ закономъ о пересрочкахъ былъ изданъ (25 іюня 1899 г.) законъ, упорядочивавшій все дѣло взиманія окладныхъ сборовъ и ограничивавшій примѣненіе круговой поруки, а 12 марта 1903 года послѣдовала совершенная ея отмѣна и, кромѣ того, министру финансовъ предоставлено „слагать государственные сборы съ надѣльныхъ земель на всякую сумму". Циклъ этихъ законовъ, стремившихся, съ одной стороны, привести окладъ выкупныхъ платежей въ соотвѣтствіе съ платежными средствами крестьянъ, а съ другой—построить на болѣе раціональныхъ началахъ систему взысканій, завершенъ былъ 11 августа 1904 года отмѣной тѣлесныхъ наказаній, составлявшихъ одно изъ важныхъ орудій взиманія сборовъ.

Одинокіе (Лаховскаго).

Но не этимъ мѣрамъ суждено было оградить крестьянство отъ излишней тяжести выкупныхъ платежей. Самые дни послѣднихъ были уже сочтены, и дѣйствительность гораздо радикальнѣе покончила съ труднымъ вопросомъ, къ которому съ разныхъ сторонъ подходили съ запоздалыми цѣлительными средствами

VII.

Какъ и тридцать лѣтъ тому назадъ, вопросъ о непосильности выкупныхъ платежей и въ началѣ XX столѣтія ставился параллельно съ фактическимъ ростомъ недоимокъ и работами частныхъ лицъ, общественныхъ и правительственныхъ

учрежденій. Недоимка по выкупнымъ платежамъ у однихъ только помѣщичьихъ крестьянъ къ 1 января 1902 года достигла 40 милл. руб., т.-е. почти полнаго годичнаго оклада. По отдѣльнымъ губерніямъ недоимка исчислялась въ нѣсколько годичныхъ платежей, и на этотъ разъ накопилась она не въ скудной по природнымъ богатствамъ мѣстности съ особенно повышенной оцѣнкой надѣловъ противъ дѣйствительной стоимости земли, а въ благодатныхъ областяхъ чернозема и восточныхъ степей. Недоимка свидѣтельствовала о глубокомъ экономическомъ разстройствѣ. Выясненіе причинъ этого разстройства велось и въ литературѣ, и въ правительственныхъ комиссіяхъ, особенно въ такъ называемой комиссіи объ оскудѣніи центра, въ нѣкоторыхъ засѣданіяхъ которой участвовали и приглашенные предсѣдатели земскихъ управъ. Въ ней ставился и вопросъ о пониженіи выкупныхъ платежей. Но гораздо рѣшительнѣе вопросъ о полной ихъ отмѣнѣ сталъ въ сельско-хозяйственныхъ комитетахъ 1902—3 года. За отмѣну или въ крайнемъ случаѣ за значительное пониженіе этихъ платежей высказались 5 губернскихъ и 40 уѣздныхъ комитетовъ, за пониженіе платежей высказались, сверхъ того, еще 4 губернскихъ и 23 уѣздныхъ комитета. Противъ отмѣны или пониженія платежей подали голосъ только одинъ губернскій и два уѣздныхъ комитета. Министерство Финансовъ и само поставило на очередь пониженіе выкупныхъ платежей на сумму въ 20 милл. руб. ежегодно, главнымъ образомъ, въ центральныхъ губерніяхъ, но разразилась японская война, и предположенія такого рода пришлось отложить.

Вмѣсто пониженія платежей впередъ выступилъ вопросъ о сложеніи недоимокъ выкупныхъ платежей. Они были всѣ сложены манифестомъ 11 августа 1904 года. Коронаціонный манифестъ Императора Николая II о недоимкахъ по выкупнымъ платежамъ не упомянулъ. Тѣмъ значительнѣе была сумма этой недоимки, накопленной за 21 годъ. Ея было сложено около 130 милліоновъ руб., изъ нихъ болѣе подробныя свѣдѣнія имѣются о 118.876 тыс. рублей, сложенныхъ въ 1904 и 1905 гг. въ 28 только губерніяхъ. По свѣдѣніямъ за эти два года — 1904 и 1905 — недоимки и по абсолютной величинѣ, и по процентному отношенію къ окладу скинуто было всего менѣе у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ; у бывшихъ государственныхъ отношеніе къ окладу было выше въ $1^1/_2$ раза.

	Всего въ 1904 и 1905 г. сложено (въ 28 губерн.).	По отношенію ко всему окладу платежей.
У бывшихъ помѣщичьихъ	39.680 тыс.	103%
„ „ удѣльныхъ.	4.688 „	170%
„ „ государственныхъ	74.501 „	155%
Всего.	118.876 тыс.	133%

Недоимка была скинута, но и окладные сборы поступали туго. Уже въ 1904 году не допоступило 10% оклада. При составленіи государственной росписи на 1905 годъ вѣроятныя поступленія исчислялись съ необыкновенной осторожностью, однакоже дѣйствительность превзошла самыя мрачныя ожиданія: платежей вмѣстѣ съ недоимкой поступило всего $54\frac{1}{2}$ милл. руб. при окладѣ въ 89.308 тысячъ. Такимъ образомъ недоборъ составилъ болѣе 40% оклада, въ томъ числѣ у бывшихъ помѣщичьихъ — 38%, у бывшихъ удѣльныхъ — 43%, а у бывшихъ государственныхъ—42%.

До истеченія этого года, возвратившаго насъ по размѣрамъ годичной недоплаты къ самымъ первымъ годамъ выкупа, выкупные платежи пришлось отмѣнить. Черезъ 17 дней послѣ октябрьскаго конституціоннаго манифеста, 3 ноября 1905 года, появились манифестъ и указъ Сенату объ облегченіи благосостоянія широкихъ народныхъ массъ и въ частности объ отмѣнѣ выкупныхъ платежей съ бывшихъ помѣщичьихъ, бывшихъ удѣльныхъ и бывшихъ государственныхъ крестьянъ, съ 1 января 1906 года на половину, а съ 1 января 1907 года полностью. Въ указѣ важная мѣра эта ставится въ прямую связь съ актомъ 17 октября. Въ манифестѣ же говорится:

„Глубокою скорбію наполняетъ сердце Наше смута, перешедшая въ селенія нѣкоторыхъ уѣздовъ, гдѣ крестьяне чинятъ насиліе въ имѣніяхъ частныхъ владѣльцевъ". Указавъ затѣмъ на то, что никакое своеволіе и самоуправство терпимы быть не могутъ, манифестъ продолжаетъ: „Нужды крестьянскія близки сердцу Нашему и не могутъ быть оставлены безъ вниманія. Насилія и преступленія не улучшатъ, однако, положеніе крестьянъ, а родинѣ могутъ они принести много великаго горя и бѣдъ. Единственный путь прочнаго улучшенія благосостоянія крестьянъ есть путь мирный и законный, и мы всегда ставили первѣйшею Нашею заботою облегченіе положенія крестьянскаго населенія. Въ послѣднее время Нами было повелѣно собрать и представить Намъ свѣдѣнія о тѣхъ мѣрахъ, которыя можно было бы немедленно принять въ пользу крестьянъ". Далѣе указываются двѣ немедленно принятыя къ исполненію мѣры: отмѣна выкупныхъ платежей и облегченіе по пользованію кредитомъ изъ крестьянскаго банка, и выражается увѣренность, что дальнѣйшія нужды крестьянства будутъ удовлетворены „совмѣстными трудами Нашими и лучшихъ выборныхъ людей земли Русской" „безъ всякой обиды для прочихъ землевладѣльцевъ".

Такъ лишь почти сорокъ пять лѣтъ послѣ акта 19 февраля спали съ крестьянъ, притомъ не однихъ только помѣщичьихъ и удѣльныхъ, а и бывшихъ государственныхъ, всѣ повинности по выкупу надѣльной земли. Всего сложено по офиціальному исчисленію непогашеннаго долга одинъ миллiардъ сто семь миллiоновъ рублей, въ томъ числѣ:

за бывшими помѣщичьими . . . . 323.532 тысячи
" " удѣльными . . . . 18.271 "
" " государственными. . . . . . 765.428 "

Русское крестьянство вступило въ новую эпоху своего бытія при условіяхъ, гораздо болѣе благопріятныхъ для дальнѣйшаго экономическаго развитія.

При естественномъ ходѣ выкупной операціи первые вышедшіе на выкупъ крестьяне внесли бы послѣдній свой срочный выкупной платежъ какъ разъ въ нынѣшнемъ 1911 году, въ слѣдующемъ году наступилъ бы послѣдній платежъ для многочисленной группы крестьянъ западныхъ губерній, сроки послѣдняго взноса для остальныхъ помѣщичьихъ крестьянъ растянулись бы на 20 лѣтъ—до 1932 года, когда должны бы выйти на выкупъ и послѣдніе, т.-е. тѣ, для которыхъ обязательный выкупъ наступилъ съ 1 января 1883 года. Для всѣхъ удѣльныхъ крестьянъ платежи бы закончились къ 1914 году, для всѣхъ государственныхъ—въ 1931 году. Впрочемъ, пересрочка и отсрочка выкупного долга, по крайней мѣрѣ, для 10% крестьянъ еще значительно отдалили бы срокъ полной развязки, и выкупные платежи не должны были исчезнуть изъ нашего бюджета и изъ бюджета части крестьянъ еще и къ столѣтнему юбилею реформы.

Поступленіе выкупныхъ платежей, однако, и такъ не прекратилось съ 1 января 1907 года. Не говоря о нѣсколькихъ группахъ поселянъ (чиншевики и др.), выкупные платежи которыхъ вовсе не затронуты манифестомъ 3 ноября 1905 года (всего выкупного долгу на нихъ считалось на 1 января 1907 года около 11½ милл. рублей), на крестьянахъ, воспользовавшихся манифестомъ, состояла недоимка выкупныхъ платежей, въ количествѣ около 57 милліоновъ руб., въ томъ числѣ на бывш. помѣщичьихъ 22.395 тыс. руб. Взысканіе этой недоимки продолжалось и производилось весьма энергично. Въ одномъ только 1907 году ея поступило около 12 милл. руб. (съ крестьянъ бывш. помѣщичьихъ 5.299 тыс.), при чемъ въ 8 губерніяхъ поступленія этого года превысили поступленія 1906 года (когда еще взыскивалась половина оклада). Уменьшаясь съ каждымъ годомъ, взысканіе недоимокъ съ части крестьянъ продолжается и по настоящее время [1]).

VIII.

Какъ было только что указано, къ моменту отмѣны выкупныхъ платежей по офиціальнымъ даннымъ насчитывалось еще 1.107 милліоновъ рублей непогашеннаго выкупного долга. Нельзя не поставить себѣ вопроса, насколько

---

[1]) Въ общіе итоги, помѣщенные въ началѣ статьи, суммы поступленій послѣ 1 января 1907 года нами не включены.

это исчисленіе соотвѣтствуетъ дѣйствительности, и правда ли, что за всѣми уплатами на крестьянахъ продолжалъ еще тяготѣть такой значительный невыплаченный капиталъ. Изъ трехъ слагаемыхъ, составляющихъ эту сумму' интереснѣе всѣхъ первое: 323.532 тысячи выкупного долга помѣщичьихъ крестьянъ. Только здѣсь мы имѣемъ остатокъ долга по операціи, которая вначалѣ носила признаки настоящей кредитной. Дѣйствительное значеніе „выкупныхъ" платежей государственныхъ крестьянъ весьма трудно опредѣлить. Никакой заемъ въ основѣ ихъ „долга" не лежитъ, и самый долгъ этотъ составляетъ капитализованную повинность, размѣръ которой установленъ совершенно произвольно и отмѣна которой была бы, конечно, гораздо есте-

Похороны (Маковскаго).

ственнѣе, нежели тотъ выкупъ ея, который былъ установленъ въ 1886 г. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что послѣ прекращенія взиманія выкупныхъ платежей съ крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ сохранить эти платежи за крестьянами бывшими государственными было бы невозможно ни при какихъ условіяхъ.

При сколько-нибудь правильномъ отношеніи къ дѣлу со стороны распоряжавшихся его веденіемъ весь выкупной долгъ крестьянъ удѣльныхъ долженъ бы былъ считаться погашеннымъ ихъ платежами ранѣе 1905 года. Съ самаго начала взиманіе съ нихъ 6% со стоимости надѣла при срокѣ погашенія долга въ 49 лѣтъ было совершенно неправильно. Во всякомъ же случаѣ со времени пониженія процента по государственнымъ бумагамъ необхо-

димо было соотвѣтственно съ этимъ пониженіемъ уменьшить и платежъ процентовъ удѣльному вѣдомству за исчисленную имъ въ свое время (правда, довольно умѣренно) стоимость надѣльной земли и одновременно понизить процентъ, взимаемый въ видѣ выкупныхъ платежей съ удѣльныхъ крестьянъ, или же сократить срокъ платежа. При 5% роста и 1% погашенія въ годъ, какъ правильно было бы высчитать съ самаго начала платежи для удѣльныхъ крестьянъ, весь долгъ погашается въ 37 лѣтъ, слѣдовательно, платежи удѣльныхъ крестьянъ должны бы прекратиться 26 іюня 1902 года. Дальнѣйшее уменьшеніе размѣра роста по государственнымъ обязательствамъ въ 1894 г. съ 5 до 4 должно бы было еще значительно сократить срокъ погашенія или во всякомъ случаѣ дало бы достаточныя средства на возмѣщеніе недоимки.

Гораздо сложнѣе дѣло съ долгомъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Конечно, официальное исчисленіе еще ничего не доказываетъ. Для выясненія дѣйствительнаго положенія дѣла необходимо произвести критическій разборъ и тщательный подсчетъ всѣхъ поступленій отъ крестьянъ по выкупной операціи и государственныхъ расходовъ на нее. При запутанности счетовъ не легко возстановить даже и точныя цифры разныхъ операцій. Гораздо труднѣе еще установить опредѣленную точку зрѣнія на значеніе многихъ цифръ. Считать ли крестьянъ обязанными уплачивать $5^1/_2$% по обязательствамъ казны, выпущеннымъ съ этимъ процентомъ роста, когда въ основу всей операціи былъ положенъ размѣръ роста въ 5%? Ставить ли имъ въ счетъ выданныя помѣщикамъ при обязательномъ выкупѣ въ 1883 г. доплаты сверхъ той выкупной суммы, которая опредѣлена была въ законѣ о выкупѣ? Считать ли въ активѣ выкупной операціи 10 милліоновъ ежегоднаго пособія, установленнаго 28 декабря 1881 года? Какъ учесть дѣйствительную стоимость погашенія долговъ помѣщиковъ старымъ кредитнымъ установленіямъ? Считать ли сложенную со счетовъ по Высочайшимъ повелѣніямъ недоимку на приходѣ выкупной операціи, или же ея тамъ не числить?.. А главное, считать ли исправныхъ плательщиковъ отвѣтственными за недоимщиковъ другихъ обществъ, уѣздовъ и губерній или же вести два отдѣльныхъ счета съ точки зрѣнія исправныхъ плательщиковъ и съ точки зрѣнія всей вообще операціи? То или иное рѣшеніе нѣкоторыхъ изъ этихъ вопросовъ въ корнѣ измѣнитъ общій результатъ подсчета.

Двѣ попытки произвести учетъ дѣйствительнаго соотношенія по выкупу правительства и крестьянъ привели къ выводамъ, діаметрально одинъ другому противоположнымъ.

Первая попытка официальнаго происхожденія. Это общій балансъ выкупной операціи къ 1 января 1902 года, представленный въ особое совѣщаніе о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Всѣ поставленные выше вопросы разрѣшены тамъ въ невыгодную для крестьянъ сторону. Приведя весьма богатый фактическій матеріалъ, составитель баланса приходитъ

къ выводу, что до 1902 года казна получила излишка дохода, включая въ него и сложные проценты на превышеніе поступленій надъ выдачами, свыше 262 милліоновъ, но послѣ 1902 года обязательства казны должны были превысить причитающіеся съ крестьянъ платежи, учтенные къ 1 января 1902 г., и весь ожидаемый послѣ 1 января 1902 года убытокъ казны ожидался въ суммѣ около 237 милліоновъ. По этому расчету, слѣдовательно, вся операція должна бы дать казнѣ прибыли около 26 милл. руб. (262 — 237 милл.), но лишь при условіи нормальнаго исхода всей операціи согласно общихъ ея основаній, т.-е. съ учетомъ всѣхъ имѣющихъ поступить по 1956 годъ и даже позже платежей. За сложеніями и отсрочкой части долга послѣ 1 января 1902 года выводъ этотъ уже былъ нарушенъ, а съ отмѣной выкупныхъ платежей по этому расчету вся операція принесла бы казнѣ весьма значительный убытокъ.

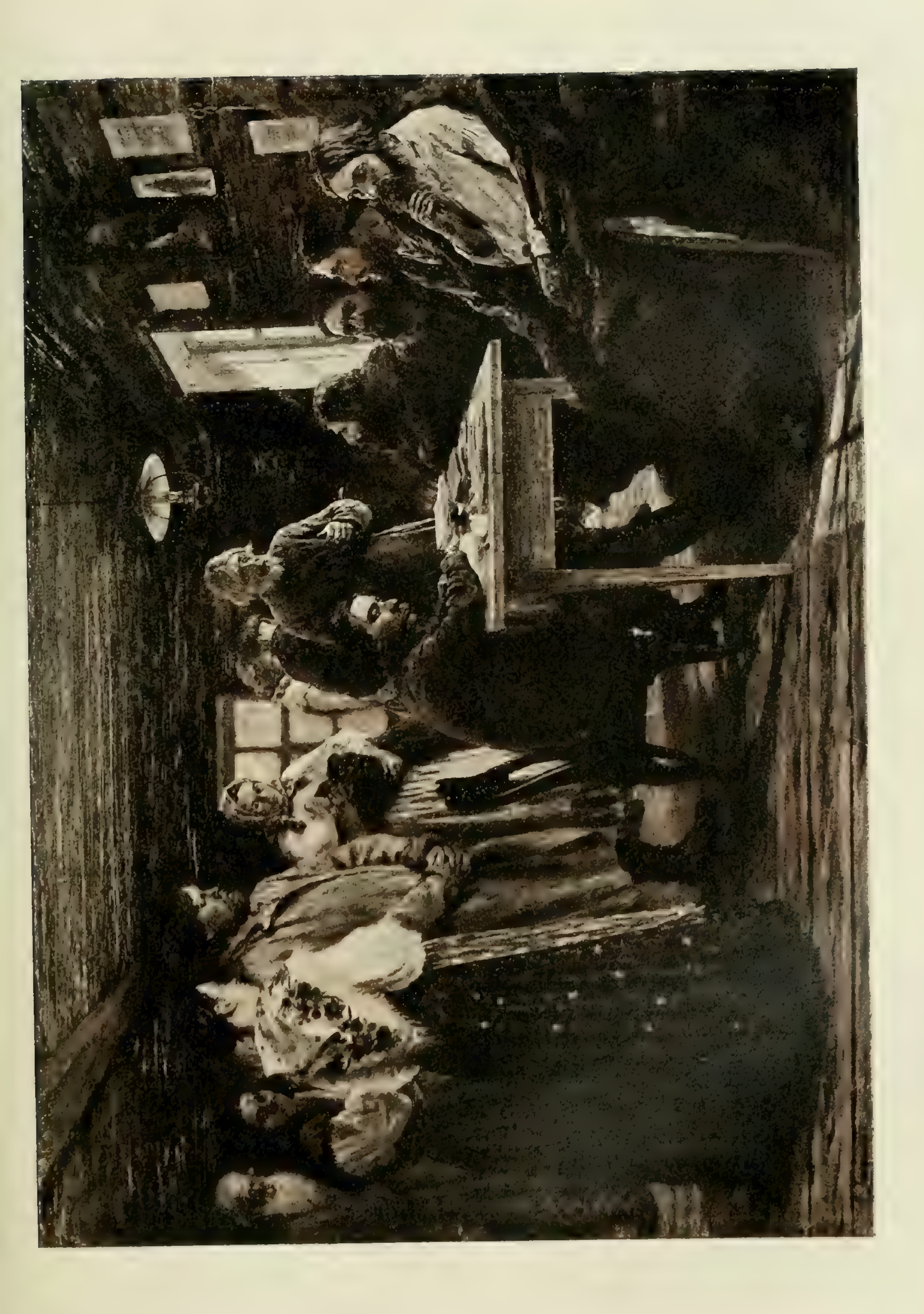
Другой подсчетъ сдѣланъ въ 1905 году А. Е. Лосицкимъ и заключается утвержденіемъ, что къ 1 января 1906 года весь выкупной долгъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ долженъ быть признанъ безусловно покрытымъ произведенными ими взносами. Основная особенность расчета А. Е. Лосицкаго заключается въ томъ, что онъ учитываетъ дѣйствительную стоимость погашенія долговъ помѣщиковъ кредитнымъ установленіямъ, удержанныхъ съ нихъ при выдачѣ имъ выкупныхъ ссудъ. Расчеты эти, конечно, заслуживаютъ полнаго вниманія. Но принять общее заключеніе А. Е. Лосицкаго невозможно, такъ какъ имъ допущены несомнѣнныя ошибки, и, между прочимъ, на погашеніе 319 милліоновъ рублей долговъ помѣщиковъ у него отчислено всего 279 милліоновъ. Весь его расчетъ съ введеніемъ въ него необходимыхъ поправокъ, напротивъ, подтверждаетъ, что если стать на его точку зрѣнія и не принимать во вниманіе такъ называемыхъ льготъ казны, т.-е. относить на счетъ самой выкупной операціи все пониженіе выкупныхъ платежей 1881 года, сложеніе недоимокъ, отсрочку и разсрочку долга и недоимокъ, то въ результатѣ получится послѣ прекращенія выкупныхъ платежей съ 1906 года несомнѣнный убытокъ для казны. Однакоже всякій, кто пожелалъ бы съ карандашомъ въ рукѣ прослѣдить весь ходъ поступленія платежей и уплаты процентовъ, погашенія и операціонныхъ расходовъ, изъ году въ годъ, съ точки зрѣнія исправнаго плательщика, воспользовавшагося въ 1882 году лишь общимъ, а не спеціальнымъ пониженіемъ, если начать этотъ расчетъ хотя бы со срока 1 января 1862 года, убѣдится, что къ 1 января 1906 года такой плательщикъ безусловно выплатилъ бы сполна весь свой долгъ. Если же операція по выкупу крестьянами земли у помѣщиковъ въ цѣломъ и закончилась для казны нѣкоторымъ убыткомъ (однакоже ни въ коемъ случаѣ не тѣмъ, который исчисленъ официальными счетчиками), то причина этого заключается въ томъ, что начало выкупа не было пріурочено къ одному раннему сроку, напр., 1 января 1862 года, и что величина оброка

была завѣдомо преувеличена противъ установленныхъ Высочайшими указами основаній, включая въ свой составъ и оцѣнку личнаго труда бывшихъ крѣпостныхъ. Обѣ эти особенности выкупной операціи, дѣлавшія ее по существу совершенно несостоятельной и признанныя, въ концѣ-концовъ, ошибочными самимъ правительствомъ, не могли не вызвать излишнихъ переплатъ, но возлагать ихъ на крестьянъ было бы совершенно неосновательно. Допущенныя государственной властью коренныя ошибки и должны быть исправлены на общегосударственный счетъ, а не на средства отдѣльнаго разряда подневольныхъ плательщиковъ возложенныхъ на нихъ платежей. Если же сдѣлать соотвѣтствующія поправки, мы придемъ къ выводамъ, совершенно непреложнымъ и нимало не зависящимъ отъ тѣхъ или иныхъ бухгалтерскихъ выкладокъ: не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что стоимость отведенной имъ въ надѣлъ земли бывшіе крѣпостные своими взносами оплатили съ лихвой.

Кн. Дм. Шаховской.

Ярмарка въ Малороссіи (Пимоненко).

Мірской сходъ (Коровина).

Крестьянское самоуправленіе по Положенію 19 февраля.

А. А. Корнилова.

За полтора года, которые прошли между составленіемъ рескрипта 20 ноября 1857 г. и открытіемъ редакціонныхъ комиссій, во взглядахъ правительственныхъ сферъ на общее направленіе и содержаніе крестьянской реформы произошла, какъ извѣстно, значительная эволюція. Еще въ началѣ 1858 г., когда составлялась Позеновская программа работъ губернскихъ комитетовъ, Ростовцевъ, а отчасти и Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, представляли себѣ ближайшею цѣлью реформы переводъ крѣпостныхъ крестьянъ въ „срочно-обязанное положеніе". Правда, въ рескриптѣ было сказано, что „крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества", но это отнюдь еще не устанавливало крестьянскаго самоуправленія, ибо тамъ же указывалось,

что помѣщикамъ „предоставляется вотчинная полиція“. Поэтому и въ программѣ занятій губернскихъ комитетовъ, составленной Позеномъ, глава VIII, озаглавленная „Образованія сельскихъ обществъ“, имѣла въ виду вовсе не самостоятельное крестьянское самоуправленіе, а лишь разработку поземельнаго устройства и отбываніе повинностей крестьянами, связанными круговою порукою, а также организацію полиціи въ сельскихъ обществахъ; притомъ предполагалось (согласно главѣ IX той же программы) не только поставить всѣ крестьянскія учрежденія подъ ближайшій контроль и руководство помѣщика, которому присвоивалось наименованіе „начальника сельскаго общества“, но и прямо предоставить ему и разборъ взаимныхъ жалобъ и споровъ между крестьянами, и надзоръ по отправленію ими повинностей и по распоряженію общественными капиталами. Понятно, что огромное большинство губернскихъ комитетовъ охотно руководствовалось въ своихъ проектахъ этими отдѣлами Позеновской программы; лишь немногіе комитеты, преимущественно промышленныхъ нечерноземныхъ губерній, стремившіеся къ иному рѣшенію крестьянскаго вопроса—при помощи выкупа и полной единовременной ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній—склонялись къ смягченію и даже полному устраненію помѣщичьей ферулы, признавая таковую за непріятную обузу и для помѣщиковъ, которые въ этихъ губерніяхъ обычно и не жили въ своихъ помѣстьяхъ. Изъ этихъ комитетовъ, впрочемъ, одинъ только Тверской протестовалъ категорически противъ Позеновской программы и отказался составлять свой проектъ на ея основаніи.

Къ концу 1858 г. въ правительственныхъ сферахъ настроеніе стало значительно измѣняться, по мѣрѣ того, какъ передъ ними выяснялись неудобства и даже опасность „срочно-обязаннаго положенія“, и въ то же время становилась все понятнѣе и осуществимѣе выкупная операція на началахъ кредита, дававшая возможность немедленной и болѣе полной ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній. Это измѣненіе правительственныхъ взглядовъ довольно ярко отразилось въ журналахъ Главнаго Комитета 26 октября и особенно 4 декабря 1858 г. Въ этомъ послѣднемъ мы встрѣчаемъ уже совершенно новыя директивы: „Власть надъ личностью крестьянина по исполненію или нарушенію имъ обязанностей члена сельскаго общества сосредоточивается въ мірѣ и его избранныхъ“... Относительно главы IX программы занятій губернскихъ комитетовъ предписывалось сообразить: „можетъ ли эта глава оставаться въ прежней силѣ, или слѣдуетъ ее измѣнить“. Наконецъ въ томъ же журналѣ указывалось, что „помѣщикъ долженъ имѣть дѣло только съ міромъ, не касаясь личностей“. Для главнаго руководителя работъ по крестьянской реформѣ въ центрѣ, Ростовцева, ко времени открытія редакціонныхъ комиссій уже не оставалось никакихъ сомнѣній, что главу IX Позеновской программы необходимо отвергнуть. Во второмъ засѣданіи редакціонныхъ комиссій онъ предложилъ на ихъ обсужденіе свои новые

взгляды, при чемъ, между прочимъ, настаивалъ на необходимости „избѣгнуть по возможности регламентаціи срочно-обязаннаго періода или сократить переходное состояніе“ и „дать самоуправленіе освобожденнымъ крестьянамъ въ ихъ сельскомъ быту“.

Всѣ члены редакціонныхъ комиссій единодушно выразили свое полное сочувствіе этимъ взглядамъ Ростовцева, и они были положены въ основу дальнѣйшихъ работъ комиссій [1]). Вопросъ объ устройствѣ крестьянскаго самоуправленія былъ разработанъ въ восьми докладахъ административнаго отдѣленія, при чемъ первый изъ этихъ докладовъ, составленный А. К. Гирсомъ— однимъ изъ представителей Министерства Внутреннихъ Дѣлъ,—намѣтилъ основныя начала хозяйственнаго и административнаго устройства крестьянъ. Въ докладѣ этомъ (онъ помѣщенъ во II т. Мат. редакц. комиссій, въ приложеніи къ журналу № 18) административное отдѣленіе прежде всего признало, что „замѣна прежней полицейской безотчетной власти и безотчетнаго суда помѣщика правильнымъ полицейскимъ и судебно-полицейскимъ устройствомъ крестьянъ“ составятъ „одно изъ важнѣйшихъ условій улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ и самого выхода ихъ изъ крѣпостной зависимости“. Но тутъ же указывалось, что, „кромѣ непосредственнаго вліянія на будущее благосостояніе освобождаемыхъ крестьянъ, вопросъ о лучшемъ въ семъ отношеніи устройствѣ ихъ имѣетъ первостепенную важность и въ сохраненіи общаго порядка и спокойствія“. Соотвѣтственно этой двойственной цѣли административнаго устройства крестьянъ въ докладѣ признавалось, что цѣль эта лучше всего будетъ достигнута, если въ правительственныхъ и административныхъ видахъ будутъ созданы особыя сельскія общества, какъ учрежденіе, главнымъ образомъ, полицейско-административное, а для удовлетворенія хозяйственныхъ и бытовыхъ нуждъ самихъ крестьянъ сохранены будутъ самостоятельно развившіяся въ великороссійскихъ губерніяхъ „поземельныя общины, основанныя на пользованіи господской землей міромъ“.

Такимъ образомъ искусственное раздѣленіе крестьянскаго „міра“ на „общину“ и „общество“ легло съ самаго начала въ основу работъ редакціонныхъ комиссій. Поземельныя общины при этомъ брались такъ, какъ ихъ заранѣе подготовила сама жизнь — онѣ пріурочивались къ имѣніямъ, и иначе ихъ взять было нельзя, потому что и надѣлы и повинности были въ разныхъ имѣніяхъ различны. А распредѣленіе земли по душамъ или тягламъ и соотвѣтственное разверстаніе повинностей и отбытіе ихъ за круговою по-

[1]) Впослѣдствіи вопросъ о вотчинной власти помѣщиковъ вызвалъ въ средѣ комиссій нѣкоторое разногласіе, но это не измѣнило общаго направленія работъ комиссій, а повело за собой лишь отказъ отъ участія въ этихъ работахъ двухъ инако мыслившихъ членовъ комиссій—гр. Шувалова и кн. Паскевича.

рукою – и составляли всю сущность дѣятельности общинъ. Въ виду этого каждая деревня или часть деревни, принадлежавшая одному помѣщику и сидящая на его землѣ, составляла, по проекту отдѣленія, отдѣльную общину. Естественно, что составъ такихъ общинъ долженъ былъ по числу душъ быть крайне разнообразенъ и могъ вести къ раздробленію селеній на очень неравномѣрныя части, а потому и не представлялъ въ глазахъ членовъ редакціонныхъ комиссій удобнаго основанія для образованія изъ него единообразной административной единицы. Въ составъ „сельскаго общества“, какъ административной единицы, должны были входить, разумѣется, цѣлыя селенія, безъ раздробленія ихъ на части. „Сельскія общества“ должны были, такимъ образомъ, составляться изъ одной или нѣсколькихъ общинъ, и въ послѣднемъ случаѣ, конечно, невозможно было бы ни перенести на нихъ права передѣла земель, ни обязать ихъ круговою порукою въ правильномъ отбытіи повинностей, ибо и надѣлы и повинности въ разныхъ общинахъ (въ разныхъ имѣніяхъ) могли быть весьма неодинаковы.

Я считалъ необходимымъ остановиться подробнѣе на этой исходной точкѣ зрѣнія перваго доклада административнаго отдѣленія, потому что она легла впослѣдствіи въ основу дальнѣйшихъ работъ редакціонныхъ комиссій по этому предмету и логически привела къ образованію двухъэтажнаго общественнаго устройства крестьянъ. Впослѣдствіи „поземельныя общины“ были лишь переименованы сперва въ „мірскія“, а затѣмъ—въ „сельскія общества“ а первоначально проектированныя „сельскія общества“— превратились въ „волости“, при чемъ основное различіе между обѣими этими единицами сохранилось прежнее: „сельскія общества“ (прежнія общины) предназначались, главнымъ образомъ, для хозяйственныхъ и бытовыхъ нуждъ самихъ крестьянъ, а „волости“ (прежнія сельскія общества) предназначались для удовлетворенія правительственныхъ и административныхъ цѣлей.

Необходимо отмѣтить, что въ томъ же докладѣ (въ значительной мѣрѣ подъ вліяніемъ статьи кн. Черкасскаго, напечатанной въ № 9 „Сельскаго Благоустройства“ за 1858 г., въ которой авторъ очень раскритиковалъ прежнее двухъэтажное устройство государственныхъ крестьянъ, введенное въ 30-хъ гг. гр. Киселевымъ) было совершенно опредѣленно указано, что никакой двухстепенности въ устройствѣ крестьянскаго мірского управленія допускать не слѣдуетъ, такъ какъ она осложнила бы его безъ всякой нужды, обусловила бы лишнія проволочки въ движеніи дѣлъ и лишніе расходы и подорвала бы въ разныхъ отношеніяхъ самостоятельность мірского хозяйства и самоуправленія. Поэтому учрежденіе волостей, какъ болѣе крупныхъ единицъ крестьянскаго общественнаго устройства, было тогда отвергнуто. Замѣчательно, что самъ кн. Черкасскій, будучи членомъ административнаго отдѣленія, подписалъ вмѣстѣ съ другими докладъ, составленный Гирсомъ, не замѣчая, какъ и другіе члены отдѣленія, что логически онъ можетъ привести именно къ

двухъэтажному или двухъярусному устройству крестьянскихъ учрежденій, противъ чего онъ такъ ратовалъ въ своей статьѣ.

Предсѣдатель редакціонныхъ комиссій Я. И. Ростовцевъ, главный руководитель всего дѣла, также былъ совершенно проникнутъ въ это время сознаніемъ необходимости оберечь самостоятельность крестьянскаго міра и не допустить вредящей принципу самоуправленія крестьянской общины двухъярусной организаціи. Когда въ первоначальной редакціи доклада административнаго отдѣленія (прочитаннаго, въ видѣ пробы, въ одномъ изъ первыхъ засѣданій редакціонныхъ комиссій) введено было, въ противорѣчіе съ при-

Волостной судъ (Коровина).

нятыми началами, постановленіе, что пріемъ и увольненіе членовъ въ „поземельныхъ общинахъ“ предоставляется производить „сельскимъ обществамъ“, то Ростовцевъ тотчасъ же замѣтилъ эту несообразность и сказалъ: „Не слѣдуетъ мѣшать общинамъ поступать въ этомъ дѣлѣ, какъ онѣ хотятъ, и подчинять ихъ въ этомъ отношеніи сельскимъ обществамъ; это бюрократическія начала, которыя не могутъ принести пользы; я противъ этого направленія. Мысль сдѣлать инстанцію изъ сельскаго общества отвергается всѣми соображеніями самого проекта административнаго отдѣленія“ (Семеновъ, „Освоб. крестьянъ“, т. I, стр. 136). Въ другой разъ, когда уже поземельныя общины были переименованы въ докладахъ редакціонныхъ комиссій въ „мір-

скія общества“, а сельскія общества—въ волости, у Ростовцева произошелъ споръ съ однимъ изъ самыхъ консервативныхъ и косныхъ членовъ комиссіи, Булыгинымъ, который тянулъ въ сторону подчиненія мірскихъ обществъ волости и спросилъ, между прочимъ: „неужели у волостного правленія отнимается ужъ всякій контроль надъ мірскимъ обществомъ?“, на что Ростовцевъ горячо возразилъ: „Конечно и непремѣнно. Этотъ контроль вреденъ; нѣтъ, вы уже отнимите и эту піявку у народа. Пусть волостное управленіе является, когда его призоветъ мірское общество, и этого уже довольно, но во всѣхъ другихъ случаяхъ пусть міръ управляется самъ собою“ (Семеновъ, I, стр. 199).

Первый человѣкъ, замѣтившій коренную фальшь и внутреннее противорѣчіе въ основныхъ принципахъ административнаго отдѣленія былъ Ю. Ѳ. Самаринъ, который опоздалъ къ началу работъ редакціонныхъ комиссій и, ознакомившись, по прибытіи въ Петербургъ, съ докладами административнаго отдѣленія, тотчасъ же сталъ доказывать невозможность и нежелательность отдѣленія хозяйственной (поземельной) единицы отъ административной. Но голосъ его не имѣлъ въ этомъ случаѣ успѣха, и главнымъ защитникомъ точки зрѣнія административнаго отдѣленія выступилъ противъ Самарина кн. Черкасскій (его обыкновенный союзникъ по большинству другихъ спорныхъ вопросовъ). Черкасскій отвѣчалъ Самарину, что „мысль его справедлива, если считать общинное владѣніе вѣчнымъ; но такъ какъ онъ, князь, и другіе считаютъ въ будущемъ распаденіе общиннаго устройства неизбѣжнымъ,—ибо ничто не вѣчно,—то и находятъ, что администрація должна заранѣе приготовить такія формы, которыя годились бы и на будущее время“. Для Самарина это заявленіе, конечно, не было убѣдительнымъ, и онъ возразилъ. „Вы навязываете народу такую насильственную правительственную форму въ волостномъ управленіи, въ которой крестьяне не поймутъ ни вашего учрежденія, ни того, что вы отъ нихъ требуете, и примутъ на себя предписанныя вами обязанности, какъ тяжелую для нихъ повинность. Они совсѣмъ не будутъ интересоваться этимъ управленіемъ“ (Семеновъ, I, стр. 215). Эти слова Самарина впослѣдствіи оказались пророческими, но въ то время они не подѣйствовали, а когда вопросъ разсматривался въ редакціонныхъ комиссіяхъ вторично, Самаринъ опять отсутствовалъ по болѣзни.

Между тѣмъ выше приведенныя слова самого Черкасскаго въ сущности еще глубже вскрывали несостоятельность основной точки зрѣнія административнаго отдѣленія. Разъ сельское общество, позднѣе переименованное въ волость, устраивалось собственно для нуждъ правительственныхъ и административныхъ, а поземельная община или хозяйственное сельское общество признавалось временнымъ учрежденіемъ и должно было со временемъ отпасть, то спрашивается, что же оставалось бы тогда на долю мірского кре-

стьянскаго самоуправленія. Неужели Черкасскій и его единомышленники подъ крестьянскимъ самоуправленіемъ могли разумѣть лишь систему выборныхъ полицейскихъ должностныхъ лицъ, подчиненныхъ въ своихъ дѣйствіяхъ общей полиціи и администраціи?

Объясненіе этого видимаго противорѣчія лежитъ въ той точкѣ зрѣнія на будущій провинціальный общественный строй, которая приводилась въ вышеуказанной статьѣ Черкасскаго въ № 9 „Сельскаго Благоустройства" за 1858 г. Въ этой статьѣ Черкасскій примыкалъ свою единственную и непремѣнно въ одной инстанціи организуемую сельскую административную единицу не къ полицейскому стану, а къ мировому судьѣ, который у него являлся коренным органомъ будущаго мѣстнаго самоуправленія, соединяющимъ въ своихъ рукахъ, на манеръ англійскихъ мировыхъ судей, вмѣстѣ съ судебными функціями и административную власть, въ качествѣ органа уѣзднаго или участковаго самоуправленія, построеннаго на аристократическихъ началахъ, съ сохраненіемъ значительныхъ сословныхъ привилегій за помѣстнымъ дворянствомъ. Когда эта статья Черкасскаго печаталась въ „Сельскомъ Благоустройствѣ", въ кругахъ передового дворянства разныхъ губерній еще не произошло той дифференціаціи во взглядахъ, которая явилась послѣ окончанія работъ губернскихъ комитетовъ, и статьѣ Черкасскаго выражали свое сочувствіе многіе представители тогдашняго передового дворянства, даже такіе, какъ Унковскій (см. его письмо въ Мат. для біогр. кн. Черкасскаго, изданныхъ кн. О. Н. Трубецкой, I, прилож., стр. 114). Но въ редакціонныхъ комиссіяхъ Черкасскій рѣзко разошелся съ дворянствомъ всѣхъ направленій и занялъ позицію союзника и участника плановъ тогдашней передовой бюрократической группы, во главѣ которой стоялъ Н. А. Милютинъ. Группа эта прежде всего стремилась въ тотъ моментъ побороть оппозицію различныхъ круговъ провинціальнаго дворянства и потому выдвигала вслѣдъ за крестьянской реформой рядъ преобразованій, основанныхъ на демократическихъ всесословныхъ началахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ на мѣстахъ представлялось необходимымъ освобожденный отъ крѣпостного права крестьянскій міръ, пока онъ не окрѣпъ и не сталъ на ноги, защитить отъ вмѣшательства въ его сферу мѣстныхъ помѣщичьихъ элементовъ.

Эта тенденція замѣтно сказалась, между прочимъ, и въ докладѣ № 8 объ отношеніи новаго крестьянскаго управленія къ помѣщику, составленномъ кн. С. П. Голицынымъ.

Въ работахъ редакціонныхъ комиссій принципъ независимости поземельныхъ общинъ отъ сельскихъ обществъ (волостей) могъ быть выдержанъ болѣе или менѣе лишь до тѣхъ поръ, пока компетенція тѣхъ и другихъ строго разграничивалась, т.-е. пока предметами вѣдомства поземельныхъ общинъ признавались одни лишь дѣла, связанныя съ общиннымъ владѣніемъ землей и съ раскладкой и отбываніемъ повинностей, а всѣ безъ исключенія адми-

нистративныя и полицейскія дѣла предоставлены были сельскимъ обществамъ (волостямъ). Съ этой точки зрѣнія отдѣльное существованіе поземельныхъ общинъ могло быть допустимо, очевидно, лишь тамъ, гдѣ существовало общинное землевладѣніе. Но редакціонныя комиссіи, какъ я имѣлъ уже случай указывать, увлеклись тогда обычнымъ у насъ стремленіемъ къ единообразію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и соображеніями помѣщичьихъ и фискальныхъ интересовъ, и установили, что поземельныя общины, переименованныя сперва въ мірскія, а потомъ въ сельскія общества, должны быть установлены и тамъ, гдѣ нѣтъ общиннаго землевладѣнія, такъ какъ освобождаемыхъ крестьянъ и тамъ рѣшено было подчинить круговой порукѣ въ отправленіи ими повинностей въ пользу помѣщиковъ и казны. Затѣмъ явились соображенія о необходимости и для поземельныхъ общинъ (т.-е. мірскихъ или сельскихъ обществъ) имѣть свою полицію и удовлетворять нѣкоторыя административныя нужды. Въ отношеніи отбыванія повинностей признано было необходимымъ подчинить общины надзору сельскихъ обществъ. Единственный органъ поземельной общины—сельскій староста, который по смыслу этой должности долженъ былъ быть просто мірскимъ приказчикомъ по веденію мірскихъ хозяйственныхъ дѣлъ, сдѣланъ былъ полицейскою властью и въ качествѣ таковой подчиненъ былъ сельскому (волостному) старшинѣ. Наконецъ самыя названія поземельная община и сельское общество признаны были недостаточно точно выражающими соотвѣтственныя понятія и ихъ замѣнили: поземельную общину — сперва мірскимъ, а затѣмъ (подъ вліяніемъ письменныхъ замѣчаній К. С. Аксакова) сельскимъ обществомъ, а сельское общество — волостью. Притомъ для волостей установили и размѣръ отъ 300 до 2.000 душъ населенія, отчего онѣ сдѣлались именно „географическимъ подраздѣленіемъ“,—употребляя терминъ Черкасскаго, — а отнюдь не единицами „живыми, уже существующими, носящими извѣстный историческій характеръ“, какъ того требовалъ Черкасскій въ своей статьѣ.

Соотвѣтственно основной цѣли, для которой создана была волостная единица, на волостного старшину возложена была масса полицейскихъ обязанностей, которая должна была поглотить все его время и всѣ его силы. Независимо отъ подробнаго перечня этихъ обязанностей въ особой статьѣ, проектированной въ докладѣ (№ 6) административнаго отдѣленія, откуда статья эта потомъ перешла и въ общее положеніе о крестьянахъ, проектирована была и особая добавочная статья (впослѣдствіи ст. 85 общ. пол.), устанавливавшая, что „волостной старшина обязанъ исполнять безпрекословно всѣ законныя требованія мирового посредника, судебнаго слѣдователя, земской полиціи и всѣхъ установленныхъ властей, по предметамъ ихъ вѣдомства“. Волостному старшинѣ подчинены были всѣ должностныя лица крестьянскаго управленія, какъ волостного, такъ и сельскаго, и ему предоставлено налагать на нихъ, а равно и на всѣхъ крестьянъ его волости, различныя

взысканія, благодаря чему въ результатѣ все крестьянское „общественное" управленіе и все крестьянское населеніе ставилось въ зависимость отъ различныхъ административныхъ и полицейскихъ начальствъ. Притомъ мировому посреднику, который до 1874 г. являлся прямымъ и непосредственнымъ начальствомъ всего крестьянскаго управленія въ своемъ участкѣ, предоставлено было подвергать волостного старшину и всѣхъ прочихъ волостныхъ и сельскихъ должностныхъ лицъ за маловажные проступки по должности замѣчаніямъ, выговорамъ, денежному штрафу до 5 рублей и аресту до 7 дней. Всѣ остальныя начальствующія лица требованія свои о взысканіи съ долж-

Тройка (Ковалевскаго).

ностныхъ лицъ крестьянскаго управленія могли заявлять мировому посреднику.

Когда доклады административнаго отдѣленія, одобренные общимъ присутствіемъ редакціонныхъ комиссій, были напечатаны и разосланы въ 1859 г. разнымъ учрежденіямъ и лицамъ (въ 3.000 экземпляровъ), то они вызвали противъ себя рѣзкую критику прежде всего со стороны К. С. Аксакова, который написалъ гнѣвное укоризненное письмо кн. Черкасскому и составилъ особую записку (не совсѣмъ оконченную) съ разборомъ докладовъ административнаго отдѣленія. Аксаковъ усматривалъ въ попыткѣ регламентировать мірское крестьянское самоуправленіе преступное покушеніе на народныя бытовыя установленія и на исторически создавшіеся устои русской народной

жизни. Въ письмѣ къ Черкасскому онъ обвинялъ членовъ редакціонныхъ коммиссій не болѣе, не менѣе какъ въ томъ, что они „распинаютъ русскій народъ“! Послѣ смерти К. С. Аксакова (въ 1860 г.) записка его была издана его братомъ И. С. Аксаковымъ за границей и, повидимому, еще до этого была доведена до свѣдѣнія членовъ редакціонныхъ комиссій, но мало отразилась на ихъ работахъ. Записка исходила изъ отвлеченныхъ славянофильскихъ взглядовъ и убѣжденій и потому давала указанія, трудно выполнимыя на практикѣ.

Однако еще до окончанія работъ редакціонныхъ комиссій въ ихъ собственной средѣ появились очень сильныя возраженія противъ проекта, выработаннаго административнымъ отдѣленіемъ. Съ одной стороны, противъ него выступилъ вторично Ю. Ѳ. Самаринъ, какъ только онъ вернулся въ составъ комиссіи тотчасъ по выздоровленіи отъ длительной и тяжелой болѣзни; съ другой стороны, на нихъ обрушилась серьезная и весьма обоснованная критика депутатовъ губернскихъ комитетовъ,—въ особенности депутатовъ перваго приглашенія,—поддержанная отчасти и нѣкоторыми изъ членовъ комиссіи, ранѣе не возражавшими противъ докладовъ административнаго отдѣленія (срав. въ особенности отдѣльное мнѣніе А. Д. Желтухина). Возраженія Самарина, изложенныя имъ въ засѣданіи редакц. комиссій 9 декабря 1859 г., на этотъ разъ были направлены спеціально противъ обращенія сельскихъ и волостныхъ должностныхъ лицъ въ низшіе органы уѣздной полицейской власти. Онъ требовалъ совершеннаго освобожденія этихъ лицъ отъ всякихъ полицейскихъ обязанностей, выражая при этомъ опасеніе, чтобы лица эти „не развратились, чтобы изъ нихъ не вышли чиновники“, и доказывая, что полицейскія обязанности помѣшаютъ самостоятельному развитію крестьянскаго самоуправленія. Въ спорѣ съ Черкасскимъ онъ сказалъ, между прочимъ: „Вы положили создать новую единицу въ видахъ правительства, для его удобства, отнюдь не въ хозяйственныхъ интересахъ крестьянъ и сдѣлали ошибку“.

Въ своей критикѣ предположеній редакціонныхъ комиссій депутаты губернскихъ комитетовъ (перваго приглашенія) сходились въ значительной мѣрѣ съ Самаринымъ; но въ своихъ выводахъ и практическихъ предложеніяхъ они шли значительно дальше его. Самаринъ желалъ собственно лишь соединенія обѣихъ предположенныхъ единицъ крестьянскаго мірского самоуправленія въ одну и освобожденія выборныхъ должностныхъ лицъ этого самоуправленія отъ всякихъ полицейскихъ обязанностей и отъ всякаго подчиненія ихъ уѣзднымъ полицейскимъ властямъ. Депутаты губернскихъ комитетовъ, подробно изложившіе свои собственныя соображенія въ отношеніи организаціи какъ крестьянскаго, такъ и вообще мѣстнаго хозяйственнаго самоуправленія въ уѣздахъ, возражали также и противъ обнаруженной ими въ проектахъ редакціонныхъ комиссій тенденціи отгородить крестьянское

общественное управленіе отъ дворянства и прочихъ жителей уѣзда. Они предлагали, со своей стороны, сосредоточивъ все крестьянское хозяйственное самоуправленіе въ одной единицѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ связать эту единицу съ мѣстнымъ всесословнымъ хозяйственнымъ самоуправленіемъ уѣзда, низшей ступенью или единицей котораго они предполагали сдѣлать всесословную волость или участокъ, т.-е. ту самую мелкую земскую единицу, необходимость которой впослѣдствіи неоднократно указывалась и въ работахъ Кохановской комиссіи 80-хъ годовъ, и въ ходатайствахъ и проектахъ земскихъ учрежденій, и въ трудахъ мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности начала девятисотыхъ годовъ. Но въ моментъ ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній члены редакціонныхъ комиссій, повидимому, искренно считали опаснымъ допустить слишкомъ близкое вліяніе помѣщиковъ на создаваемое ими крестьянское „общественное“ управленіе. Они склонны были въ то время, въ пылу борьбы и обостренныхъ нападокъ, которыя имъ приходилось выдерживать съ разныхъ сторонъ, спутывать въ одну массу и крѣпостническія тенденціи депутатовъ губернскихъ комитетовъ черноземныхъ и западныхъ губерній и явно демократическіе проекты и требованія такихъ депутатовъ, какъ А. М. Унковскій или кн. А. В. Оболенскій. Ошибка ихъ заключалась прежде всего въ этомъ, а затѣмъ отчасти также и въ томъ, что они склонны были слишкомъ оптимистически смотрѣть на будущее и откладывать съ легкимъ сердцемъ до его наступленія разрѣшеніе многихъ затрудненій, встрѣчавшихся имъ въ тотъ моментъ. Будущее не оправдало такихъ ожиданій.

Какъ бы то ни было, ни внутренняя критика Самарина и Желтухина, ни нападенія К. С. Аксакова и затѣмъ депутатовъ губернскихъ комитетовъ не принесли почти никакихъ результатовъ, и первоначальныя предположенія административнаго отдѣленія съ незначительными въ сущности модификаціями включены были въ кодифицированномъ видѣ въ Общее Положеніе о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости.

Въ кодифицированномъ видѣ только рѣзче оформилась двухъярусная организація крестьянскихъ общественныхъ учрежденій, и еще замѣтнѣе стала подчиненность всего крестьянскаго управленія административнымъ властямъ.

Въ манифестѣ 19 февраля 1861 г. было указано, что въ помѣщичьихъ имѣніяхъ повелѣно „образовать мірскія управленія, для чего, оставляя сельскія общества въ нынѣшнемъ ихъ составѣ, открыть въ значительныхъ селеніяхъ волостныя управленія, а мелкія сельскія общества соединить подъ одно волостное управленіе“.

Въ ст. 17 Общ. Пол. о крест. сказано было, что „вышедшіе изъ крѣпостной зависимости крестьяне составляютъ по дѣламъ хозяйственнымъ сельскія общества, а для ближайшаго управленія и суда со-

единяются въ волости". Тутъ же указывалось, что „въ каждомъ сельскомъ обществѣ и въ каждой волости завѣдываніе общественными дѣлами предоставляется міру и его избраннымъ"..

Сельскія общества составлялись (по ст. 40) изъ крестьянъ, „водворенныхъ на землѣ одного помѣщика", и могли состоять или изъ одного цѣлаго селенія, или изъ части разнопомѣстнаго селенія, или „изъ нѣсколькихъ мелкихъ, по возможности, смежныхъ" поселковъ, пользующихся всѣми или хоть нѣкоторыми угодіями сообща. „Волости, — какъ сказано было въ ст. 42, — образуются изъ состоящихъ въ одномъ уѣздѣ и, по возможности, смежныхъ сельскихъ обществъ. При соединеніи въ волости сельскія общества не раздробляются". Размѣръ волости положенъ былъ (ст. 43) отъ 300 до 2.000 душъ м. п., при чемъ разстояніе отдаленнѣйшихъ селеній отъ волостного правленія не должно было превышать примѣрно 12 верстъ. При образованіи волостей принималось въ соображеніе существующее раздѣленіе на приходы (ст. 44). Большое селеніе, хотя бы и превышало 2.000 душъ и хотя бы составляло нѣсколько приходовъ, во всякомъ случаѣ должно было составить одну волость (45).

Эти правила, повидимому, довольно близко соотвѣтствовали основнымъ взглядамъ, принятымъ съ самого начала редакціонными комиссіями. Однакоже, если присмотрѣться ближе къ компетенціи волостей и сельскихъ обществъ, то оказывается, что въ сущности по Положенію и въ той и въ другой единицѣ общественнаго управленія функціи сходовъ были или, по крайней мѣрѣ, предполагались, главнымъ образомъ хозяйственныя: сельскій сходъ долженъ былъ вѣдать хозяйственныя и общественныя дѣла, касающіяся до сельскаго общества (ст. 51); волостной сходъ долженъ былъ, кромѣ выбора должностныхъ лицъ, вѣдать, главнымъ образомъ, предметы, „относящіеся до хозяйственныхъ и общественныхъ дѣлъ цѣлой волости" (ст. 78). Точно такъ же и въ той и ъъ другой единицѣ дѣла административныя и полицейскія лежали на выборныхъ должностныхъ лицахъ: въ волости на волостномъ старшинѣ (ст. 83 и 84), въ сельскомъ обществѣ—на сельскомъ старостѣ (ст. 58—60). Статья 60 прямо указывала, что „сельскій староста исполняетъ всѣ приказанія волостного старшины по дѣламъ полицейскимъ, въ ст. 83 упомянутымъ". т.-е. составляющимъ предметъ полицейскихъ обязанностей волостного старшины, а затѣмъ слѣдовалъ перечень полицейскихъ дѣлъ, спеціально ввѣряемыхъ старостѣ. Ст. 81 установляла, что „волостной старшина отвѣтствуетъ за сохраненіе общаго порядка, спокойствія и благочинія въ волости". Ему (по ст. 82) подчиняются въ предѣлахъ волости всѣ лица „податныхъ сословій", кромѣ лишь тѣхъ, которыя служатъ или проживаютъ въ помѣщичьихъ усадьбахъ. Тѣ же лица въ предѣлахъ сельскаго общества подчинены полицейской власти сельскаго старосты (ст. 62). И тотъ и другой могутъ подвергать всѣхъ подчиненныхъ имъ лицъ за маловажные полицейскіе проступки аресту

до 2 дней, назначенію на общественныя работы до 2 дней или денежному штрафу до 1 рубля (ст. 64 и 86). Вмѣстѣ съ тѣмъ и волостной старшина и сельскій староста обязаны „исполнять безпрекословно всѣ законныя требованія мирового посредника, судебнаго слѣдователя, земской полиціи и всѣхъ установленныхъ властей, по предметамъ ихъ вѣдомства“ (ст. 85 и 63). Мировой посредникъ „за маловажные проступки по должности“ могъ подвергать волостныхъ старшинъ, ихъ помощниковъ и сельскихъ старостъ „замѣчаніямъ, выговорамъ, денежному штрафу до пяти рублей или аресту до семи дней“ (ст. 125). Прочія начальствующія лица съ жалобами на неисправность сельскихъ и волостныхъ должностныхъ лицъ могли обра-

Въ холодной (Попова).

щаться, по той же статьѣ, къ мировымъ посредникамъ, а если мировые посредники оставляли ихъ жалобы безъ удовлетворенія, то на этихъ послѣднихъ они могли жаловаться губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію.

Изъ этихъ статей видно: 1) что волостной старшина въ волости, а сельскій староста въ сельскомъ обществѣ являлись настоящими полицейскими начальниками надъ всѣмъ населеніемъ, вооруженными значительною дисциплинарною властью, а сами въ свою очередь были подчинены различнымъ административнымъ и полицейскимъ начальствамъ и въ особенности мировому посреднику, который имѣлъ надъ ними еще болѣе значительную власть,

нежели они надъ подчиненнымъ имъ населеніемъ; 2) изъ тѣхъ же статей явствуетъ, что сельское общество являлось въ сущности территоріальнымъ подраздѣленіемъ волости, и по дѣламъ административнымъ и полицейскимъ его выборныя должностныя лица—старосты оказывались инстанціею, подчиненною волостной власти.

Въ волости главной распорядительной и административной властью являлся волостной старшина. При немъ учреждено было волостное правленіе, которое, однакоже, являлось, согласно ст. 89 Общ. Пол., учрежденіемъ сколько-нибудь самостоятельнымъ, по крайней мѣрѣ въ теоріи, лишь по производству расходовъ изъ волостныхъ суммъ, по продажамъ съ торговъ частнаго крестьянскаго имущества при взысканіяхъ разнаго рода и по найму должностныхъ лицъ, т.-е., главнымъ образомъ, писарей. По всѣмъ прочимъ дѣламъ оно являлось лишь совѣщательною коллегіею при старшинѣ, съ которой старшина могъ совѣтоваться какъ и когда хотѣлъ. Составлялось это правленіе изъ подчиненныхъ старшинѣ старостъ и его помощниковъ или засѣдателей, если волостной сходъ таковыхъ выбиралъ, при чемъ всѣхъ этихъ лицъ старшина могъ, какъ указано выше, карать разными дисциплинарными карами.

Въ составъ „волостного управленія", на ряду со старшиной и „волостнымъ правленіемъ", включенъ былъ (по ст. 69) и „волостной судъ".

Судъ этотъ организованъ былъ въ одной инстанціи—въ противоположность двухъинстанціонному устройству крестьянскихъ расправъ въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ—но устроенъ былъ по типу выборнаго коллегіальнаго учрежденія, какъ у государственныхъ крестьянъ, а не по типу суда стариковъ, существовавшаго, въ качествѣ частнаго, неформальнаго учрежденія, во многихъ селеніяхъ оброчныхъ крестьянъ при крѣпостномъ правѣ (срав. Мат. редакц. к-іи, т. III, докладъ VII адм. отд.). По положенію для составленія волостного суда ежегодно должны были избираться волостнымъ сходомъ отъ 4—12 очередныхъ судей, которые могли засѣдать и выбывать изъ состава судей по очереди, установляемой самимъ сходомъ, но съ тѣмъ, чтобы присутствіе суда всегда состояло не менѣе, какъ изъ 3 судей (ст. 93). Волостной судъ долженъ былъ собираться, примѣрно, разъ въ двѣ недѣли по воскресеньямъ, но по нуждѣ могъ быть собираемъ волостнымъ старшиной и чаще (ст. 94).

Компетенція этого суда по дѣламъ тяжебнымъ, гражданскимъ, опредѣлялась цѣною иска—не свыше ста рублей (первоначально предполагалось опредѣлить ее до 300 р.), при чемъ если споръ касался недвижимаго имущества, то онъ подлежалъ безусловно рѣшенію волостного суда лишь въ томъ случаѣ, когда эта недвижимость входила въ составъ крестьянскаго надѣла; во всѣхъ же прочихъ случаяхъ, а также при цѣнѣ иска выше ста рублей, судъ могъ принимать дѣло къ своему разбору лишь при желаніи обѣихъ сторонъ. Лица не крестьянскаго сословія могли судиться въ волостномъ

судѣ по гражданскимъ дѣламъ съ крестьянами также лишь по желанію сторонъ (ст. 95—98).

По дѣламъ **уголовнымъ** волостной судъ (по ст. 101) могъ разбирать лишь маловажные проступки крестьянъ, когда они совершены въ предѣлахъ самой волости, противъ лицъ того же сословія и безъ участія лицъ другихъ сословій, если притомъ эти проступки не находились въ связи съ уголовными преступленіями, подлежащими разсмотрѣнію общихъ судебныхъ мѣстъ. По такимъ проступкамъ волостной судъ могъ приговаривать виновныхъ къ общественнымъ работамъ—до 6 дней, къ денежному взысканію—до 3 рублей, къ аресту—до 7 дней или, наконецъ, лицъ, неизъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія,—къ наказанію розгами до 20 ударовъ. Категоріи „маловажныхъ проступковъ", о которыхъ здѣсь говорится, указаны не были; но въ примѣчаніи къ 102 ст. Общ. Пол. было сказано, что, впредь до изданія Сельскаго судебнаго устава, при опредѣленіи мѣры наказанія за упомянутые здѣсь проступки слѣдуетъ руководствоваться указаніями подлежащихъ статей устава о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ (Св. Зак., т. XII, ч. II, ст.440—536, изд. 1857 г.).

Въ разборѣ тяжебъ и споровъ волостной судъ входитъ, конечно, не иначе, какъ по жалобѣ истца. Въ разборъ же проступковъ крестьянъ онъ входитъ: 1) по жалобамъ обиженнаго или его родителей, буде обиженный несовершеннолѣтенъ; 2) „по требованію" волостного старшины, его помощника, или сельскаго старосты, и 3) по извѣщенію того, кто былъ свидѣтелемъ проступка, если обиженный самъ не можетъ принести жалобы (ст. 103).

Волостные старшины и старосты не должны были, впрочемъ, ни вмѣшиваться въ производство волостного суда, ни даже присутствовать при обсужденіи дѣлъ (ст. 104).

Всѣ дѣла должны были производиться словесно, и только приговоры и рѣшенія, равно какъ и полюбовныя сдѣлки, состоявшіяся въ судѣ, должны были записываться въ особую книгу.

При разсмотрѣніи гражданскихъ дѣлъ, если не послѣдуетъ примиренія сторонъ, къ чему судъ долженъ ихъ склонять прежде всего, дѣло должно было рѣшаться на основаніи заявленныхъ въ волостномъ правленіи сдѣлокъ и обязательствъ, а при отсутствіи таковыхъ—„на основаніи мѣстныхъ обычаевъ и правилъ, принятыхъ въ крестьянскомъ быту" (ст. 107).

Замѣчательно, что хотя въ изложенныхъ правилахъ о волостномъ судѣ были сдѣланы серьезныя попытки отдѣлить судъ отъ администраціи и гарантировать его отъ вмѣшательства мѣстныхъ крестьянскихъ полицейскихъ властей, однакоже судьи не были освобождены отъ дисциплинарной власти волостныхъ старшинъ, несмотря на то, что на неудобство такого порядка въ редакціонныхъ комиссіяхъ указывали нѣкоторые изъ депутатовъ губерн-

скихъ комитетовъ, которые и вообще относились почти всѣ очень скептически къ идеѣ крестьянскаго волостного суда, а А. М. Унковскій и рязанскіе депутаты кн. Волконскій и Офросимовъ прямо заявили, что крестьянскій судъ, судъ стариковъ и т. п. есть самый пристрастный и потому самый неудовлетворительный судъ въ мірѣ.

Таково было въ общихъ чертахъ административное и судебное устройство крестьянъ по Положенію 19 февраля 1861 года.

Въ „указѣ Правительствующему Сенату" тогда же положены были опредѣленные сроки для созыва первыхъ крестьянскихъ сходовъ, установленія границъ волостей, выбора членовъ волостныхъ сходовъ, выбора сельскихъ и волостныхъ должностныхъ лицъ и открытія сельскихъ и волостныхъ учрежденій. Послѣднія вездѣ должны были быть открыты не позднѣе конца 1861 года, при чемъ до ихъ открытія помѣщики могли въ извѣстныхъ предѣлахъ чинить судъ и расправу въ своихъ имѣніяхъ. Признавая все неудобство послѣдняго обстоятельства, въ отношеніи сохраненія народнаго спокойствія, и чувствуя на каждомъ шагу необходимость скорѣйшаго установленія новой сельской и волостной власти, чтобы поддерживать въ деревнѣ порядокъ и наблюдать въ особенности за правильнымъ отбываніемъ крестьянами лежащихъ на нихъ обязанностей и повинностей передъ помѣщиками и казной, мѣстныя губернскія власти употребили всѣ усилія, чтобы ввести сельскія и волостныя учрежденія какъ можно скорѣе. Поэтому въ большей части губерній они были открыты значительно ранѣе срока и къ осени 1861 г. почти вездѣ были уже въ дѣйствіи.

На первыхъ порахъ мировые посредники мало вмѣшивались во внутренній ходъ крестьянскаго самоуправленія: они были въ первые два года поглощены, главнымъ образомъ, повѣркой, составленіемъ и введеніемъ въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ. Конечно, они повседневно сталкивались при этомъ и съ сельскими сходами и съ сельскими и волостными должностными лицами; но съ первыми они имѣли дѣло, главнымъ образомъ, лишь по устройству новыхъ хозяйственныхъ отношеній между крестьянами и помѣщиками, а не по устройству и развитію внутренняго быта и распорядковъ внутри крестьянскаго міра; со вторыми они имѣли дѣло, какъ съ своими административными и полицейскими агентами по наблюденію за правильнымъ отбытіемъ временно-обязанными крестьянами натуральныхъ и денежныхъ повинностей передъ помѣщиками и казной и по исполненію различныхъ распоряженій самихъ посредниковъ. Съ другой стороны, и въ правящихъ сферахъ—особенно въ земскомъ отдѣлѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, пока тамъ завѣдовалъ дѣлами Я. А. Соловьевъ (т.-е. до 1863 г.)—сохранилось до нѣкоторой степени убѣжденіе въ нежелательности слишкомъ большой опеки надъ крестьянскимъ самоуправленіемъ и вмѣшательства во внутренній бытъ крестьянъ со стороны мировыхъ посредниковъ, которые должны были охра-

нять это самоуправленіе и отъ поползновеній прочихъ мѣстныхъ начальствъ и уѣздной полиціи. Въ другомъ мѣстѣ я уже указывалъ, что такой же точки зрѣнія придерживались тогда наиболѣе прогрессивно настроенныя губернскія присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, такъ что одно изъ нихъ даже возбудило въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ дисциплинарное производство противъ мирового посредника, который произвелъ, по просьбѣ крестьянъ, учетъ суммъ въ волостномъ правленіи. Тѣмъ большей неприкосновенностью должны были пользоваться и въ дѣйствительности пользовались волостные суды и сельскіе сходы.

Сельскій праздникъ (Рѣпина).

Однако этотъ курсъ продержался недолго, и какъ только сошли со сцены мировые посредники „перваго призыва", — которые были назначены на три года и какъ разъ успѣли лишь ввести въ своихъ участкахъ уставныя грамоты, а затѣмъ въ большинствѣ случаевъ оставили свои мѣста, — ихъ смѣнили лица, смотрѣвшія на свои собственныя обязанности и на роль крестьянскихъ выборныхъ лицъ уже совершенно иначе. Свою миссію они видѣли въ поддержаніи помѣщичьяго престижа и помѣщичьяго хозяйства и въ выколачиваніи крестьянскихъ оброковъ, податей и недоимокъ, а въ волостныхъ и сельскихъ должностныхъ лицахъ—своихъ непосредственныхъ агентовъ, при помощи которыхъ они и осуществляли свои несложныя

задачи. Въ то же время у нихъ было гораздо больше досуга, нежели у ихъ предмѣстниковъ, чтобы вмѣшиваться при желаніи во всѣ мелочи крестьянскаго быта, управленія и суда, а въ Положеніи 19 февраля они безъ труда нашли такія статьи, которыя давали имъ въ этомъ отношеніи достаточный просторъ. Такъ, напр., примѣч. 3 къ ст. 51 и примѣч. къ ст. 78 Общ. Полож. установляли, что если сельскій или волостной сходы будутъ имѣть сужденіе и постановятъ приговоры по предметамъ, ихъ вѣдѣнію не подлежащимъ, то приговоръ считается ничтожнымъ, а лица, участвовавшія въ его составленіи, „смотря по важности дѣла, или подвергаются взысканію по рѣшенію мирового посредника, или предаются суду". Съ другой стороны, при помощи предоставленной посреднику карательной власти надъ должностными лицами крестьянскаго управленія и такой же власти, предоставленной этимъ послѣднимъ надъ всѣмъ крестьянскимъ и вообще „податнымъ" населеніемъ, мировому посреднику нетрудно было установить при желаніи въ подвѣдомственномъ ему участкѣ настоящую диктатуру, иногда довольно близкую къ той, какою пользовались въ дореформенное время помѣщики надъ ихъ крѣпостными.

Хотя жалованія, платимыя крестьянскимъ должностнымъ лицамъ и даже наемнымъ волостнымъ писарямъ и ихъ помощникамъ и сельскимъ писарямъ, были въ шестидесятыхъ годахъ весьма невелики, но при тогдашней цѣнѣ денегъ въ деревнѣ и при непосильной обремененности крестьянъ податями, оброками или выкупными платежами, эти „мірскіе сборы" казались крестьянамъ весьма тяжелою обузою, которую они несли тѣмъ неохотнѣе, чѣмъ меньше видѣли для себя пользы,—а иногда и чѣмъ больше вреда,—отъ своихъ выборныхъ и наемныхъ должностныхъ лицъ. Вскорѣ для всѣхъ сдѣлалось вполнѣ очевиднымъ, что на дѣлѣ никакихъ общихъ хозяйственныхъ нуждъ,—по крайней мѣрѣ, такихъ, которыя непосредственно интересовали бы крестьянъ,—въ волости не было. Учетъ должностныхъ лицъ и волостныхъ правленій, при почти поголовной безграмотности или малограмотности крестьянъ, былъ совершенно недоступенъ волостнымъ сходамъ, и Министерству Внутреннихъ Дѣлъ скоро пришлось признать, что вмѣшательство въ это дѣло со стороны мировыхъ посредниковъ не только необходимо и неизбѣжно, но что въ сущности, можетъ-быть, въ этомъ дѣлѣ лучшіе и наиболѣе добросовѣстные изъ нихъ могутъ оказать крестьянскому міру весьма дѣйствительную услугу и защиту отъ хищничества волостныхъ старшинъ и въ особенности волостныхъ писарей. На дѣлѣ и волостныя правленія, какъ коллегіальныя учрежденія, вскорѣ оказались совершенной фикціей, такъ какъ при безграмотности ихъ членовъ и полной подчиненности ихъ волостному старшинѣ, они также совершенно лишены были дѣйствительной возможности сколько-нибудь самостоятельно участвовать даже въ рѣшеніи тѣхъ немногихъ дѣлъ, которыя обязательно подлежали ихъ веденію, и дѣйствія ихъ и въ этихъ

случаяхъ сводились обычно лишь къ приложенію должностныхъ ихъ печатей (взамѣнъ подписей) по указанію волостного писаря, а иногда и прямо его рукой, къ актамъ, имъ же составленнымъ. Роль и значеніе волостного писаря на дѣлѣ сдѣлались въ волостномъ правленіи и вообще въ сельскомъ быту чрезвычайно вліятельными, благодаря тому, что это былъ почти всегда единственный человѣкъ грамотный и способный къ письмоводству. Вскорѣ въ общежитіи, а затѣмъ даже и оффиціально, подъ именемъ „волостного правленія" стала разумѣться вовсе не та фиктивная коллегія, которая была установлена въ законѣ, а просто мелкое, но въ высшей степени вліятельное въ сельскомъ быту, бюрократическое учрежденіе, состоявшее изъ волостного

Съ карт. Прянишникова.

старшины и волостного писаря, а иногда, при пассивности или безличности перваго и ловкости второго, фактически воплощавшееся въ его единомъ лицѣ.

Вліятельность этого „волостного правленія" въ сельскомъ быту основывалась на томъ, что это было единственное учрежденіе, являвшееся прямымъ посредникомъ между всесильной въ Россіи администраціей и крестьянами,— учрежденіемъ, обнародывающимъ въ ихъ средѣ, примѣняющимъ и истолковывающимъ законы и распоряженія „высшей власти"; учрежденіемъ, въ которомъ совершаются всѣ акты, сдѣлки и документы (кромѣ развѣ метрическихъ), которое ведетъ сборы и учетъ податей и повинностей (въ томъ числѣ и рекрутской), отъ котораго зависитъ выдача паспортовъ лицамъ, отправляющимся на заработки и вообще отлучающимся изъ предѣловъ волости.

Мировые посредники, а за ними и прочія уѣздныя и губернскія начальства, поняли скоро, какое важное для ихъ интересовъ значеніе имѣетъ 85 ст. Общ. Пол., которая обязываетъ волостного старшину безпрекословно исполнять всѣ ихъ „законныя“ требованія. Слово „безпрекословно“, въ виду особенно той дисциплинарной власти, которая предоставлена была мировому посреднику, получило съ самаго начала весьма дѣйствительный смыслъ, а слово „законныя“, въ виду весьма смутнаго понятія о законности вообще и о компетенціи каждаго чиновника или учрежденія въ частности, не имѣло, конечно, никакого реальнаго значенія. Уѣзднымъ и губернскимъ начальствамъ разнаго рода было, конечно, въ высшей степени выгодно механически перелагать на волостныя правленія тѣ многообразныя письменныя порученія, нерѣдко выражавшіяся въ весьма сложныхъ исчисленіяхъ и таблицахъ, которыя являлись все въ большемъ числѣ въ результатѣ роста и усложненія общей административной машины. Въ концѣ-концовъ, явилась масса срочныхъ очередныхъ вѣдомостей, списковъ, изслѣдованій, которыя приходилось выполнять и вести волостнымъ правленіямъ. Пораженный въ началѣ 80-хъ годовъ обиліемъ различныхъ отчетныхъ вѣдомостей, срочныхъ донесеній, таблицъ и обязательныхъ книгъ, которыя велись въ это время въ волостныхъ правленіяхъ, Н. М. Астыревъ, пытавшійся въ то время приложить свои интеллигентныя силы на службу народу въ роли волостного писаря, замѣчаетъ въ своей извѣстной книгѣ („Въ волостныхъ писаряхъ“, изд. въ 1886 г.), съ какимъ „укоромъ“ глядѣлъ на 90 и 91 ст. Общ. Пол., въ которыхъ говорится о четырехъ книгахъ, имѣющихъ быть въ волостномъ правленіи, сравнивая эту ничтожную цифру въ тѣми 38 книгами, которыя велись въ волостныхъ правленіяхъ въ его время и въ числѣ которыхъ было однѣхъ денежныхъ шесть.

Автору настоящей статьи въ 90-хъ гг. въ Сибири, при ревизіи волостныхъ правленій, приходилось встрѣчать въ нихъ такія канцеляріи, которыя выпускали въ годъ болѣе 20 т. „исходящихъ“ и принимали соотвѣтственное число входящихъ бумагъ, содержа, конечно, и соотвѣтствующій численный составъ канцелярскихъ служащихъ—„помощниковъ волостного писаря“. Волостныя правленія при очерченныхъ условіяхъ развились или выродились въ весьма значительныя и, конечно, очень дорого стоящія бюрократическія учрежденія, въ которыхъ подъ главенствомъ волостного писаря работало иногда не менѣе 6—8, а то и 10 перьевъ! И такой составъ ихъ мотивируется исключительно нуждами различныхъ уѣздныхъ и губернскихъ властей, пользующихся 85 ст. Общ. Положенія, а содержатся они исключительно на крестьянскій счетъ.

Волостные писаря, превосходная характеристика обязанностей, роли и личнаго контингента которыхъ имѣется въ упомянутой книгѣ Астырева, представляютъ почти вездѣ одинъ и тотъ же типъ мелкаго общественнаго дѣя-

теля или, вѣрнѣе, „дѣльца“, съ большимъ запасомъ технической и профессіональной сноровки, ловкости и многообразныхъ рутинныхъ знаній, но въ сущности довольно невѣжественнаго въ общекультурномъ смыслѣ и обыкновенно малоопрятнаго въ нравственномъ отношеніи, чаще всего руководимаго исключительно корыстными видами и хищническими инстинктами. Тотъ же волостной писарь являлся и секретаремъ волостного суда, въ которомъ при невѣжествѣ и безграмотности судей, къ тому же лично неизъятыхъ отъ дисциплинарной власти волостного старшины, значеніе его, какъ единственнаго толкователя законовъ и формулировщика приговоровъ, оказывалось не менѣе могущественнымъ, нежели и въ остальныхъ дѣлахъ волости.

А. Корниловъ.

Иконописецъ (Архипова).

Карт. Кившеневскаго.

Законодательство о крестьянахъ послѣ реформы.

А. А. Леонтьева.

I.

По мѣрѣ того, какъ законъ входилъ въ жизнь, по мѣрѣ того, какъ совершалось ознакомленіе съ деталями Положеній 1861 года, выяснялась половинчатость реформы. Звучащіе чѣмъ-то отжившимъ, термины „временно-обязанныхъ крестьянъ“, „временно-обязанныхъ отношеній“ возвращали къ понятіямъ и представленіямъ, болѣе сроднымъ крѣпостному праву, чѣмъ новымъ началамъ свободы и равенства. Необходимость считаться съ этимъ новымъ видомъ зависимости, которая на время отодвигала осуществленіе полнаго освобожденія крестьянъ, оттѣняла и другіе компромиссы, которыми изобиловали Положенія 1861 года.

Размѣръ надѣла, какъ онъ опредѣлился послѣ постепеннаго его уменьшенія, не соотвѣтствовалъ выставленному принципу о достаточномъ обезпеченіи крестьянъ землей. Возможность отвода совершенно недостаточнаго надѣла, такъ называемаго „нищенскаго“, особенно рельефно оттѣняла малую заботливость законодателя о дѣйствительномъ обезпеченіи крестьянъ.

Повинности, которыми облагались крестьяне, ложились на нихъ тяжкимъ бременемъ, заставившимъ законодателя придумывать особыя мѣры къ закрѣпощенію крестьянъ обществу, дабы предотвратить оставленіе крестьянами своихъ надѣловъ.

Крестьяне, обязанные повинностями за отведенную имъ землю, должны были еще нести на себѣ всѣ расходы по содержанію вновь учрежденныхъ органовъ крестьянскаго самоуправленія и по исправленію натуральныхъ повинностей. Совокупность всѣхъ платежей, ложащихся на крестьянъ, значительно превышала во многихъ мѣстахъ доходность, извлекаемую ими изъ отведенныхъ надѣловъ [1]).

Отрицательныя стороны крестьянской реформы, развертывавшіяся въ реальныхъ фактахъ при примѣненіи реформы, конечно, не могли не охлаждать настроенія тѣхъ, кто призванъ былъ осуществлять реформу. И первоначальный подъемъ дѣятелей крестьянскаго дѣла довольно быстро смѣнился сѣрымъ будничнымъ отношеніемъ къ порученному „казенному“ дѣлу. Дѣятели реформы или уступили мѣсто равнодушнымъ къ своей работѣ чиновникамъ или сами превратились въ послѣднихъ.

Надо имѣть въ виду еще и другое. Въ ближайшіе годы послѣ изданія Положеній 1861 года законодательная дѣятельность была поглощена судебной реформой, выработкой Положеній о земскомъ и городскомъ самоуправленіи. Эти реформы заслонили собой дѣло дальнѣйшаго развитія законодательства о крестьянахъ. А наступившая затѣмъ реакція старалась всячески затормозить малѣйшее проявленіе поступательнаго движенія реформъ шестидесятыхъ годовъ.

Остановка въ законодательномъ творчествѣ особенно вредно отразилась на интересахъ крестьянства.

Другія реформы шестидесятыхъ годовъ, какъ судебная и земская, представляли собой законченные законодательные акты, которые не требовали немедленнаго дальнѣйшаго законодательнаго творчества.

Совсѣмъ другое представляла собой крестьянская реформа. По самому замыслу составителей ея она представляла собой совокупность временныхъ законодательныхъ актовъ, направленныхъ къ регулированію в р е м е н н ы х ъ отношеній, связанныхъ съ отмѣной крѣпостного права и съ надѣленіемъ крестьянъ землей, отводимой имъ въ пользованіе за опредѣленныя повинности.

---

[1]) См. соч. Янсона, «Опытъ стат. изслѣд. о крест. нал. и плат.», Спб., 1877 г., Ходскій, «Земля и земледѣлецъ».

Въ предположеніи будущаго перехода земли въ собственность крестьянъ и будущаго полнаго уравненія крестьянъ съ другими сословіями въ юридическомъ отношеніи, составители крестьянскихъ Положеній считали необходимымъ создать законодательство для переходнаго времени, въ теченіе котораго, при болѣе или менѣе длительномъ періодѣ осуществленія крестьянской реформы, необходимо было регулировать отношенія крестьянъ, съ одной стороны, къ помѣщикамъ, съ другой—къ государству и охранить крестьянъ въ теченіе временно-обязаннаго положенія отъ возможности злоупотребленія помѣщичьей власти.

Такое временное значеніе крестьянскихъ законоположеній отразилось на ихъ содержаніи въ томъ отношеніи, что, съ одной стороны, многія стороны крестьянской жизни были регулированы очень неполно, а съ другой стороны, крестьяне оставлены въ значительной степени въ обособленномъ положеніи неполноправныхъ гражданъ.

Составители Положеній 1861 года ясно сознавали недостатки реформы въ этомъ отношеніи. Но они не разъ высказывали мысль, что ихъ задача заключается только въ созданіи законовъ для переходнаго времени и что, несомнѣнно, по миновеніи его законодатель займется дѣломъ устроенія крестьянской жизни на началахъ истинной гражданственности.

Они и не могли поступить иначе, такъ какъ, несомнѣнно, переходное время, въ теченіе котораго крестьяне должны были состоять во временно-обязанныхъ отношеніяхъ, не позволяло создавать нормы для того будущаго, въ которомъ крестьяне окажутся совершенно свободными отъ всякихъ „обязанныхъ“ отношеній и сдѣлаются полноправными гражданами Имперіи и полноправными собственниками надѣльныхъ земель.

Поэтому, провозгласивъ общій принципъ для этого будущаго состоянія—принципъ распространенія на крестьянъ общихъ гражданскихъ правъ, Положенія 1861 года создали тутъ же изъятія, которыя препятствовали примѣненію къ крестьянамъ общихъ гражданскихъ законовъ.

Положенія 1861 года совершенно правильно признали у крестьянъ существованіе общинной и семейной собственности, на основахъ которыхъ крестьяне были надѣлены землей. Но и общинная и семейная собственность, не нормированныя десятымъ томомъ, и остались не нормированными, сколько-нибудь опредѣленнымъ образомъ, крестьянскими законами. Это создало для крестьянъ правовое положеніе, исключающее примѣненіе къ нимъ общегражданскаго писаннаго права, какъ въ области вещнаго права, такъ и въ области отношеній семейственныхъ по имуществу и въ отношеніяхъ по наслѣдству. Непримѣнимость общаго наслѣдственнаго права къ крестьянамъ была прямо оговорена въ Положеніяхъ 1861 года, въ статьяхъ, признавшихъ начало, въ силу котораго наслѣдованіе у крестьянъ подчинено не писанному, а обычному праву.

Такимъ образомъ, крестьяне оказались сословіемъ, поставленнымъ въ совершенно ненормальныя отношенія къ государственной власти. Элементарная функція государственной власти—установленіе законовъ, регулирующихъ гражданско-правовую жизнь гражданъ—по отношенію къ крестьянамъ проявлялась и до сихъ поръ проявляется въ очень слабой степени.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, крестьяне оказались въ положеніи сословія, ограниченнаго въ своихъ правахъ, обособленнаго въ условіяхъ управленія и суда отъ другихъ сословій, прикрѣпленнаго къ своему обществу и зависимаго не только отъ этого общества, но и отъ цѣлаго ряда спеціальнаго крестьянскаго начальства, его опекающаго.

Такое состояніе правильно было охарактеризовано извѣстной Кохановской комиссіей какъ состояніе „государства въ государствѣ".

II.

Съ 1861 года вплоть до восьмидесятыхъ годовъ законодательная дѣятельность по отношенію къ регулированію крестьянской жизни остановилась. Не было издано ни одного закона въ развитіе или измѣненіе Положенія 1861 года.

Но за это время было издано много законовъ, подчинявшихъ дѣйствію Положенія 1861 года различные разряды крестьянъ, которые въ 1861 году не охватывались реформой 19 февраля.

Реформой 19 февраля регулировано поземельное устройство только крестьянъ, находившихся въ крѣпостной зависимости и притомъ только въ губерніяхъ, обнимаемыхъ четырьмя изданными мѣстными положеніями: великороссійскимъ, малороссійскимъ и двумя положеніями для западныхъ губерній: юго-западныхъ и сѣверо-западныхъ.

Кромѣ того, были изданы дополнительныя правила для области Войска Донского и Ставропольской губ.

Дальнѣйшее движеніе крестьянскаго законодательства и имѣло главной своей задачей распространить съ необходимыми измѣненіями начала Положеній 19 февраля, какъ относительно поземельнаго устройства, такъ и общественнаго управленія на тѣ разряды крестьянъ, которые этими Положеніями не были охвачены.

Многочисленный разрядъ крестьянъ, котораго не коснулось Положеніе 19 февраля и который жилъ въ условіяхъ крѣпостного состоянія, хотя и отличнаго отъ крѣпостного состоянія помѣщичьихъ крестьянъ,—это крестьяне удѣльные.

Ихъ происхожденія и условій, въ которыхъ они жили до реформы 1861 года, мы здѣсь касаться не будемъ, потому что это не входитъ въ задачу настоящей статьи.

Скажемъ только, что въ разрядъ удѣльныхъ крестьянъ вошли какъ бывшіе до учрежденія Императорской фамиліи [1]) дворцовые крестьяне, такъ и перечисленные послѣ указа, по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ, въ удѣльные государственные крестьяне и пріобрѣтенные вмѣстѣ съ частно-владѣльческими имѣніями крѣпостные помѣщиковъ.

Они получили свое поземельное устройство по закону 26 іюля 1863 г., слѣдовательно, черезъ два года послѣ освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ. Этимъ закономъ на удѣльныхъ крестьянъ было распространено мѣстное великороссійское положеніе, по нормамъ котораго они получили свое земельное обезпеченіе. Излишекъ, превышающій норму, поступалъ въ удѣлъ.

Особенность поземельнаго устройства удѣльныхъ крестьянъ заключалась въ томъ, что они сразу были переведены на выкупъ. Поэтому уставныя грамоты, въ которыхъ означались количество отводимой данному обществу земли и ея границы, не замѣнялись выкупными актами, а сами замѣняли собой эти акты и по утвержденіи ихъ замѣнялись законнымъ порядкомъ составленными нотаріальными документами.

Всѣ удѣльные крестьяне подлежали переводу на выкупъ черезъ два года послѣ утвержденія Положенія 1863 года и, слѣдовательно, съ 1865 года дѣлались крестьянами-собственниками. Вмѣстѣ съ тѣмъ на удѣльныхъ крестьянъ было распространено общее положеніе о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, и они, такимъ образомъ, были объединены въ отношеніи самоуправленія, суда и порядка управленія съ бывшими помѣщичьими крестьянами.

Земля была отведена въ общинную собственность каждому сельскому обществу по числу ревизскихъ душъ, числившихся въ немъ по десятой ревизіи.

Такъ какъ удѣльные крестьяне получили согласно мѣстнаго великороссійскаго положенія землю по дѣйствительному пользованію, бывшему до закона 1863 года въ предѣлахъ указанныхъ положеніемъ нормъ, и такъ какъ фактически въ пользованіи ихъ находилось, въ среднемъ, большее количество земли, чѣмъ у крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ, то они и оказались лучше послѣднихъ надѣленными землей.

Въ среднемъ, удѣльные крестьяне получили въ надѣлъ по 4,8 десятины на ревизскую душу, въ то время, какъ крѣпостные крестьяне получили 3,4 десятины на душу.

Самый многочисленный разрядъ крестьянъ, оставшійся внѣ примѣненія Положеній 19 февраля, были государственные крестьяне, тѣ „свободные сельскіе обыватели", къ уравненію въ правахъ съ которыми была направлена реформа 1861 года.

[1]) Указъ 5 апрѣля 1797 г.

Съ изданіемъ Положеній 1861 года государственные крестьяне оказались менѣе обезпеченными въ правахъ на землю, чѣмъ бывшіе крѣпостные. Кромѣ того, слиянію ихъ съ этими послѣдними въ управленіи мѣшало существованіе для государственныхъ крестьянъ положенія 1838 года, опредѣлявшаго устройство ихъ общественнаго управленія на началахъ, не сходныхъ и во всякомъ случаѣ не одинаковыхъ съ крестьянами помѣщичьими.

Немедленно же послѣ изданія Положеній 1861 года правительство стало заботиться о распространеніи ихъ началъ и на государственныхъ крестьянъ. 5 марта 1861 года былъ изданъ указъ на имя министра государственныхъ имуществъ съ порученіемъ составить предположенія о примѣненіи главныхъ началъ положеній, утвержденныхъ 19 февраля 1861 года, къ крестьянамъ государственнымъ и вообще водворенныхъ на казенныхъ земляхъ, и предположенія представить въ Главный Комитетъ по устройству сельскаго состоянія.

Д. А. Толстой.

Вопросъ о распространеніи на государственныхъ крестьянъ общаго положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, не встрѣчалъ ни возраженій, ни сомнѣній.

Несмотря на то, что въ положеніи 1838 года многія стороны крестьянской общественной жизни были регулированы съ большей опредѣленностью, чѣмъ въ общемъ положеніи о крестьянахъ, стремленіе объединить крестьянъ разныхъ наименованій въ сферѣ управленія и суда, повидимому, въ то время настолько господствовало въ правящихъ сферахъ, что вопросъ о необходимости объединенія именно на началахъ общаго положенія былъ разрѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ безъ колебаній.

Но вопросъ о регулированіи правъ на землю встрѣтилъ очень много разногласій, и рѣшеніе его замедлило распространеніе реформы на государственныхъ крестьянъ.

Возраженія, которыя были сдѣланы въ самихъ правящихъ сферахъ, настолько важны для правильнаго взгляда на существо правъ государственныхъ крестьянъ по отношенію къ находившейся въ ихъ владѣніи землѣ, что мы позволимъ себѣ сказать о нихъ нѣсколько словъ.

Вслѣдствіе означеннаго выше указа 5 марта 1861 года министръ государственныхъ имуществъ уже 17 октября 1861 года внесъ въ Главный Ко-

митетъ проекты положеній „о примѣненіи къ государственнымъ крестьянамъ главныхъ началъ постановленій 19 февраля 1861 года“ [1]).

Въ внесенныхъ проектахъ содержался планъ выкупа государственными крестьянами находящихся въ ихъ пользованіи земель.

Вотъ этотъ то вопросъ о выкупѣ и возбудилъ вопросъ о характерѣ правъ государственныхъ крестьянъ на занимаемыя ими земли.

Въ Главномъ Комитетѣ по устройству сельскаго состоянія члены Комитета, дѣйствительный тайный совѣтникъ Бахтинъ и генералъ-адъютантъ графъ Адлербергъ очень рѣзко оспаривали право казны на выкупъ земель, доказывая, что государственные крестьяне имѣютъ право получить эти земли безвозмездно, какъ свою собственность.

И хотя они остались при мнѣніи въ меньшинствѣ противъ семи членовъ комитета, согласившихся съ проектомъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, но мысли, выраженныя ими, имѣли громадное вліяніе на результатъ сужденій комитета.

Тогдашній министръ государственныхъ имуществъ Зеленый счелъ необходимымъ написать обширную записку въ опроверженіе мнѣній Бахтина и гр. Адлерберга.

Возраженія Зеленаго не убѣдили ни Бахтина, ни графа Адлерберга, которые въ засѣданіяхъ Главнаго Комитета 26 марта, 8 и 11 іюня, 2 и 21 іюля 1862 года, посвященныхъ обсужденію вопроса о выкупѣ земли государственными крестьянами, отстаивали правильность своего мнѣнія и утверждали, что по закону земли, занимаемыя государственными крестьянами, признаются общественнымъ имуществомъ, владѣніе которымъ принадлежитъ крестьянамъ безъ ограниченія времени и срока, и что нѣтъ никакого повода стѣснять такое юридическое опредѣленіе правъ крестьянъ на землю при изданіи новаго положенія.

Поэтому они признавали необходимымъ въ новомъ положеніи объ устройствѣ государственныхъ крестьянъ сохранить опредѣленіе дѣйствующаго закона, по которому всѣ принадлежащія казеннымъ крестьянамъ земли считаются общественнымъ имуществомъ, и владѣніе ими предоставляется мірскимъ обществамъ безъ ограниченія времени и срока.

Въ виду разногласія мнѣній Главнаго Комитета по устройству сельскаго состоянія вопросъ о правахъ казны на отведенныя государственнымъ крестьянамъ земли по Высочайшему повелѣнію 18 октября 1862 года внесенъ на обсужденіе общаго собранія Государственнаго Совѣта.

Тутъ мнѣнія также раздѣлились. Шесть членовъ Совѣта раздѣлили мнѣніе двухъ членовъ Главнаго Комитета, а 38 членовъ—мнѣніе большинства комитета, что государственные крестьяне не имѣютъ ни права собственности,

---

[1]) См. соч. «Пятидесятилѣтіе дѣятельности Мин. Гос. Им.».

ни права владѣнія на отведенныя земли, а имѣютъ лишь право пользованія, и что необходимо ясно указать въ законѣ на то, что право собственности на эти земли принадлежитъ государству.

Мнѣніе большинства Государственнаго Совѣта получило Высочайшее утвержденіе и тогда было приступлено къ обсужденію главныхъ началъ земельнаго устройства государственныхъ крестьянъ [1]).

Этими началами единогласно были приняты слѣдующія:

1) Обществамъ государственныхъ крестьянъ сохранить весь существующій ихъ надѣлъ землею.

2) Крестьяне, владѣя отведенными имъ землями, должны платить опредѣленную закономъ оброчную подать, которая можетъ быть возвышена и должна быть распредѣлена уравнительно, и

3) долженъ быть указанъ путь для перехода государственныхъ крестьянъ въ полныхъ собственниковъ землей, состоящей въ ихъ владѣніи.

Согласно этимъ началамъ и было выработано положеніе о государственныхъ крестьянахъ, Высочайше утвержденное 24 ноября 1866 года.

Такимъ образомъ, хотя мнѣніе меньшинства Главнаго Комитета и Государственнаго Совѣта и не было принято, но оно повліяло въ томъ смыслѣ, что прежнія предположенія Министерства Государственныхъ Имуществъ были отвергнуты. Въ частности была отвергнута выкупная операція и совершенно оставлена мысль о томъ, что земли государственныхъ крестьянъ составляютъ такую собственность казны, въ которой она имѣетъ и право владѣнія. Была отвергнута мысль, что казна имѣетъ право произвольно распоряжаться отведенной землей, опредѣляя и измѣняя нормы существующаго надѣленія.

Въ сущности, несмотря на то, что большинство Главнаго Комитета и Гос. Совѣта оспаривали мнѣніе, что крестьяне имѣютъ право владѣнія, и настаивали на существованіи у нихъ только права пользованія, по смыслу главныхъ положеній и выработаннаго на основаніи ихъ положенія государственные крестьяне, несомнѣнно, сохранили права владѣнія и притомъ владѣнія именно такого свойства, которое меньшинство выводило изъ смысла существовавшаго до положенія 1866 года закона: владѣнія безсрочнаго и неприкосновеннаго.

За государствомъ было признано право обложенія земли оброкомъ,—право, противъ котораго въ сущности меньшинство и не возражало.

Оно только утверждало, что оброкъ взимался не какъ эквивалентъ арендной платы, а какъ поземельная подать.

Но подать эта была специально наложена только на земли государственныхъ крестьянъ, и разъ меньшинство признавало за государствомъ право

---

[1]) Подробности засѣданій Главнаго Комитета и Гос. Совѣта можно видѣть изъ журналовъ ихъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ «О старозаимочномъ землевладѣніи». Изд. М. Ю. СПБ., 1904 г.

налагать эту специальную подать и увеличивать ея размѣръ, то, конечно, могъ возникать и вопросъ о способѣ ликвидаціи этой подати путемъ ея выкупа.

Однако въ 66 году выкупъ земли былъ отвергнутъ, и до возможности обязательнаго выкупа подати еще, видимо, не додумались. Это явилось дѣломъ будущаго.

Добровольный выкупъ былъ, однако, установленъ еще въ 1866 году.

По положенію 24 ноября 1866 года государственные крестьяне получили въ надѣлъ всѣ земли, находившіяся въ ихъ пользованіи до объявленія положенія.

Только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ земли, находящіяся въ пользованіи, не были отграничены отъ прилегающихъ казенныхъ земель, находившихся въ завѣдываніи управленій государственными имуществами, земли государственныхъ крестьянъ должны были быть отдѣлены съ такимъ расчетомъ, чтобы крестьяне получили въ надѣлъ въ многоземельныхъ мѣстностяхъ по 15 дес. на ревизскую душу, а въ малоземельныхъ—по 7 дес. на душу.

Надѣлъ отводился всему селенію въ общинное пользованіе, съ правомъ общества по приговору $^2/_3$ голосовъ раздѣлять землю на подворные участки.

Выдѣлъ земли отдѣльному домохозяину въ его подворное владѣніе могъ быть производимъ только съ согласія общества, по приговору $^2/_3$ голосовъ его членовъ. Такимъ образомъ, пресловутая 165 ст. Пол. о выкупѣ, въ силу которой каждый домохозяинъ имѣлъ право требовать выдѣла общинной земли, если онъ внесетъ выкупную сумму, за владѣемый имъ участокъ, на государственныхъ крестьянъ не распространялась.

Государственные крестьяне по положенію названы крестьянами - собственниками и причислены къ этому разряду крестьянъ. На нихъ распространено было общее положеніе о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, и, такимъ образомъ, они въ 1866 году были объединены съ послѣдними въ порядкѣ управленія и суда.

Права на землю опредѣлялись владѣнными записями, въ которыхъ означались пространства, мѣстоположеніе и границы отводимой надѣльной земли.

Оброчная подать признана неизмѣнной въ теченіе двадцати лѣтъ, по истеченіи которыхъ она могла быть возвышена. Государственнымъ крестьянамъ при общинномъ владѣніи въ лицѣ обществъ, а при подворномъ—въ лицѣ подворныхъ владѣльцевъ предоставлялось освободить себя отъ обязанности платить оброчную подать внесеніемъ въ казну такой суммы, проценты съ которой равнялись бы уплачиваемой оброчной подати.

Послѣ изданія положенія 1866 года правительство не переставало заботиться о ликвидаціи оброчныхъ отношеній.

Мы видѣли, что еще при разработкѣ основныхъ началъ реформы Высочайше утверждены общіе принципы ея, въ числѣ которыхъ поставлена выработка способа для перехода государственныхъ крестьянъ въ полныхъ собственниковъ отводимой имъ земли.

На пути стоялъ все тотъ же спорный вопросъ о правахъ на землю, въ настоящее время еще осложненный тѣмъ, что государственные крестьяне названы крестьянами-собственниками.

Послѣ такого признанія требованіе выкупа земли было, казалось, еще менѣе осуществимымъ. Попытки разработки законопроекта о выкупѣ встрѣчали сильное возраженіе и въ обществѣ и въ средѣ правящихъ сферъ.

И. Аксаковъ въ издаваемой имъ газетѣ „День" писалъ, что „заставить государственныхъ крестьянъ выкупать тѣ земли, на которыхъ они поселились, это все равно, что заставить дубъ выкупать свои собственные корни".

Этюдъ дѣвочки (Бучкури).

Выходъ былъ найденъ къ концу двадцатилѣтія, въ теченіе котораго оброчная подать должна была оставаться неизмѣнной Было признано возможнымъ не поднимать вопроса о правѣ собственности крестьянъ на надѣльныя земли, даже признать право собственности и обсуждать только способъ выкупа не земли, а оброчной подати.

Такъ этотъ вопросъ и былъ окончательно рѣшенъ закономъ 1887 года.

Какъ разъ въ это время произошла отмѣна въ законодательномъ порядкѣ подушной подати. Правительство, воспользовавшись своимъ правомъ за истеченіемъ двадцатилѣтняго срока увеличить оброчную подать, увеличило ее на сумму отмѣненной подушной подати, что составило увеличеніе оброка на 45%. Этотъ увеличенный оброкъ былъ превращенъ въ выкупные

платежи, которые должны быть вносимы въ теченіе 44 лѣтъ. При желаніи досрочнаго выкупа слѣдовало вносить сумму, опредѣляемую помноженіемъ оброчной подати на 20.

Такимъ путемъ разрѣшился вопросъ объ отмѣнѣ оброчной подати, посредствомъ ея выкупа.

Въ концѣ-концовъ, въ интересахъ крестьянъ приходится пожалѣть, что вопросъ о выкупѣ не былъ разрѣшенъ еще въ 1866 году въ утвердительномъ смыслѣ. Тогда крестьянамъ пришлось бы платить меньшій выкупъ, такъ какъ размѣръ его исчислялся бы не по увеличенной на 45% оброчной подати, а по прежнему уменьшенному размѣру.

Разрѣшая вопросъ о томъ, съ какого времени государственные крестьяне должны считаться признанными закономъ собственниками надѣльной земли, слѣдуетъ прійти къ заключенію, что они сдѣлались собственниками не съ 1887 года, а съ 1866 года или, вѣрнѣе, со времени составленія на основаніи Положенія этого года владѣнныхъ записей.

Время выкупа оброчной подати не можетъ имѣть значенія въ опредѣленіи момента перехода права собственности.

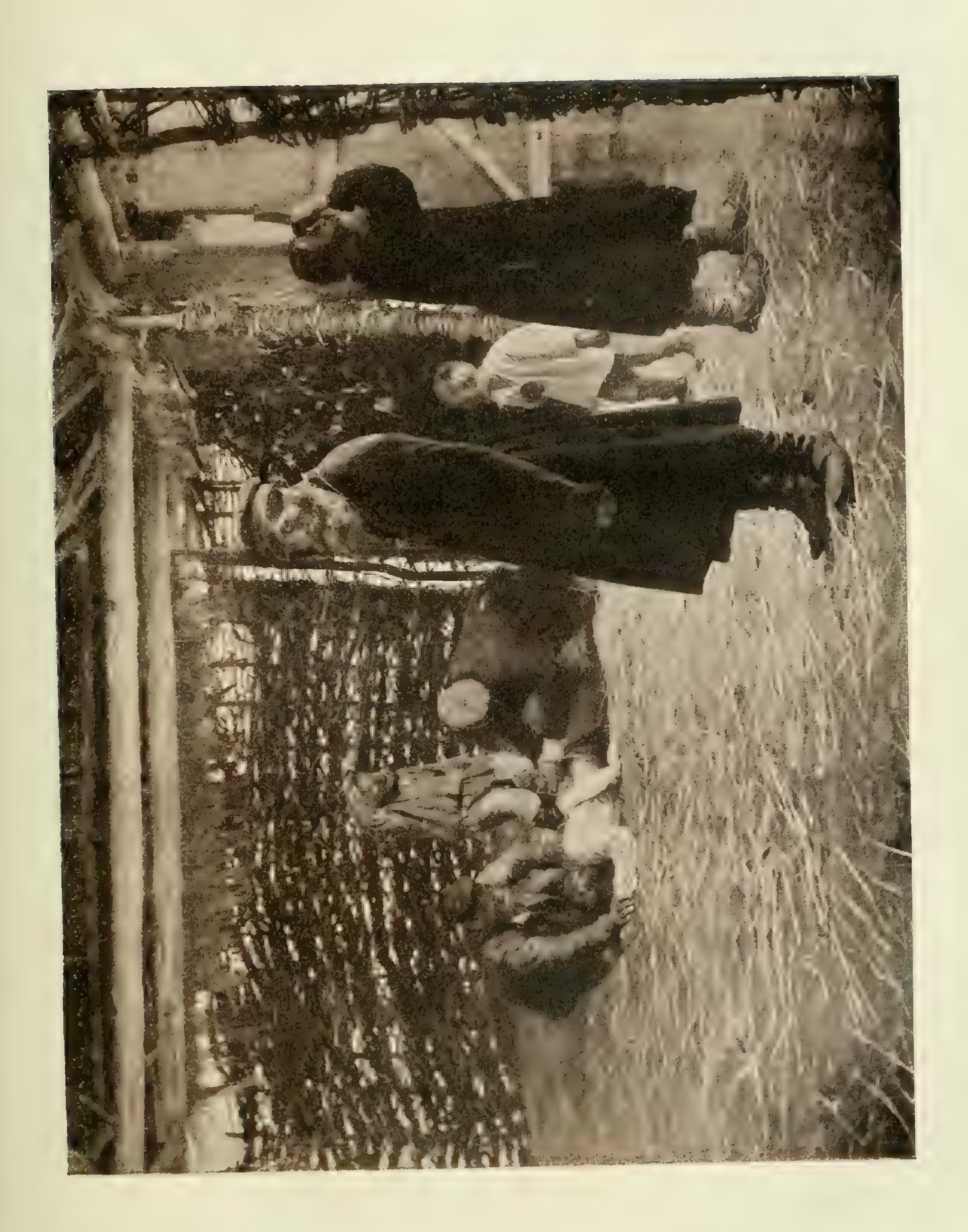
Среди законовъ, посвященныхъ распространенію началъ реформы, необходимо отмѣтить еще законы, по коимъ получило свое землеустройство горнозаводское населеніе частныхъ и поссессіонныхъ горныхъ заводовъ.

Горнозаводское населеніе частныхъ и поссессіонныхъ горныхъ заводовъ находилось фактически и частью юридически въ тѣхъ же крѣпостныхъ отношеніяхъ къ заводоуправленію, въ какихъ находились помѣщичьи крестьяне по отношенію къ своимъ помѣщикамъ. Но при начертаніи правилъ о ихъ землеустройствѣ забота о сохраненіи заводамъ рабочихъ рукъ такъ увлекла законодателя, что онъ поступился ради достиженія поставленной цѣли существенными интересами горнозаводскаго населенія.

Послѣднее раздѣлялось на мастеровыхъ и сельскихъ рабочихъ. Сельскіе рабочіе мало интересовали заводы, потому что для заводскихъ работъ они не были нужны. Они и получили достаточное земельное обезпеченіе по правиламъ мѣстнаго великороссійскаго Положенія.

Но мастеровые—это былъ контингентъ собственно заводскихъ рабочихъ. Обезпечить его землей въ должной мѣрѣ законодатель побоялся, дабы не отвлечь ихъ отъ работъ на заводахъ. Поэтому были созданы такія правила обезпеченія землей, которыя оставляли мастеровыхъ въ положеніи людей, принудительно обязанныхъ работой.

Мастеровые получили безвозмездно въ потомственное пользованіе только усадебную землю и за оброкъ—покосъ по одной десятинѣ на душу. Конечно, отнять у нихъ усадьбы не представлялось возможности въ интересахъ самихъ заводовъ. Эти же интересы требовали хотя бы минимальнаго обезпеченія покосной землей для содержанія скота. Земельное же обезпеченіе для

сельско-хозяйственныхъ работъ не входило въ интересы заводоуправленія, и мастеровые, въ отличіе отъ прочихъ разрядовъ крѣпостныхъ крестьянъ, его и не получили.

Конечно, такое забвеніе интересовъ населенія, ради обезпеченія заводовъ дешевой мѣстной рабочей силой, не могло оправдываться государственными задачами. Но это не смущало законодателя. Только мысль о послѣдствіяхъ отсутствія земельнаго обезпеченія въ случаѣ закрытія заводовъ остановила его вниманіе.

Тогда положеніе мастеровыхъ изъ тяжелаго становилось невыносимымъ. Не имѣя заработковъ на заводѣ, они не имѣли и земли для приложенія своего труда въ сельскомъ хозяйствѣ.

На этотъ случай и былъ изданъ немедленно послѣ Положеній 1861 г. законъ 3 декабря 1862 года. Онъ предусматривалъ закрытіе заводовъ и создавалъ возможность мастеровымъ въ этомъ случаѣ получить землю.

При закрытіи заводовъ мастеровые должны были получить землю по высшимъ нормамъ великороссійскаго Положенія.

Законъ 1862 года предусматривалъ надѣленіе землей всѣхъ мастеровыхъ какъ частныхъ, такъ и поссессіонныхъ заводовъ, и онъ, дѣйствительно, являлся коррективомъ несправедливаго лишенія мастеровыхъ земли по Положенію 1861 года.

Законъ 1862 года, однако, мало примѣнялся. Заводы не желали поступаться своими земельными богатствами въ пользу мастеровыхъ и поэтому приняли такую тактику: пошатнувшіеся заводы не закрывались, а дѣйствовали въ меньшемъ размѣрѣ,—сокращали время работъ, работали смѣнами по три дня въ недѣлю на каждаго рабочаго, съ такимъ расчетомъ, чтобы нельзя было констатировать ни закрытія завода, ни такого уменьшенія его дѣйствія, при которомъ часть мастеровыхъ могла бы считать себя свободными отъ работъ.

Такой тактики держались, главнымъ образомъ, поссессіонные заводы Уральской области. Поэтому возникъ вопросъ о необходимости земельнаго обезпеченія мастеровыхъ независимо отъ факта закрытія завода.

Вопросъ этотъ получилъ свое разрѣшеніе въ законѣ 19 мая 1893 года. Въ виду того, что мастеровые, нуждаясь въ землѣ, расчищали подъ луга и пашню лѣсныя пространства и фактически пользовались значительное число лѣтъ расчищенными мѣстами, законъ 1893 года былъ направленъ къ укрѣпленію этихъ расчищенныхъ площадей за мастеровыми.

Всѣ расчищенныя луговыя и полевыя земли признаны перешедшими въ постоянное пользованіе мастеровыхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они надѣляются въ очень незначительномъ количествѣ—600 кв. саж.—на душу выгонной земли. Вся отводимая земля въ теченіе пятнадцати лѣтъ со времени изданія закона 1893 года можетъ подлежать принудительному обмѣну по требованію заводоуправленія, если въ отведенной землѣ будутъ найдены ископаемыя. Черезъ

пятнадцать лѣтъ, т. е. въ 1908 году, всѣ земли, отведенныя въ пользованіе, переходятъ въ полную собственность мастеровыхъ.

Законъ 1893 года, казалось бы, столь благодѣтельный для мастеровыхъ, для многихъ изъ нихъ оказался очень неблагопріятнымъ. При осуществленіи его оказалось, что надѣленіе, произведенное на его основаніи, было очень случайнымъ. Земли отводились въ подворное владѣніе тѣхъ мастеровыхъ, которые ихъ расчистили. Слѣдовательно, больше получили тѣ, которые, менѣе занятые заводскими работами, могли заниматься земледѣліемъ. Отведенная площадь, иногда очень значительная для всего селенія, распредѣлялась, такимъ образомъ, очень неравномѣрно. Нѣкоторыя семейства оказались хорошо надѣленными землей, другія были обдѣлены.

Это было бы небольшой бѣдой, если бы при дѣйствіи закона 1893 г. сохранялъ бы свою силу и законъ 1862 года о надѣленіи, въ случаѣ закрытія завода. Тогда обдѣленные землей по закону 1893 года мастеровые сохраняли бы право на полученіе полнаго надѣленія по высшимъ нормамъ мѣстнаго великороссійскаго Положенія.

И собственно говоря, въ законѣ 1893 года нигдѣ не говорится о томъ, что имъ отмѣняется дѣйствіе закона 1862 года. Оба закона имѣютъ совершенно разную цѣль. Первый опредѣляетъ условія землепользованія при дѣйствіи заводовъ, а послѣдній—при закрытіи завода. Но основываясь даже не на текстѣ закона 1893 года, а на его мотивахъ, въ которыхъ сказано, что онъ издается для „окончательнаго поземельнаго устройства мастеровыхъ“, Сенатъ призналъ, что для тѣхъ мѣстностей, на которыя распространяется дѣйствіе закона 93 года, не можетъ уже имѣть примѣненіе при закрытіи завода законъ 1862 года.

Приведенное разъясненіе отразилось самымъ неблагопріятнымъ образомъ на интересахъ поссессіонныхъ крестьянъ. Въ настоящее время, когда десятки заводовъ на Уралѣ подверглись закрытію, экономическое положеніе поссессіонныхъ крестьянъ, бывшихъ мастеровыхъ, оказалось въ самомъ печальномъ положеніи.

II.

Къ восьмидесятымъ годамъ минувшаго столѣтія всѣ разряды крестьянскаго населенія были уже объединены въ порядкѣ управленія и суда и на все крестьянство было распространено общее Положеніе о крестьянахъ.

Но само Общее Положеніе оставалось неизмѣннымъ, несмотря на его временный характеръ и на его существенные недостатки и недомолвки.

Только съ восьмидесятыхъ годовъ начинается постепенное оживленіе крестьянскаго законодательства, но безъ опредѣленнаго плана и въ полной

зависимости отъ временныхъ вѣяній и настроеній въ правительственныхъ сферахъ, направленія преимущественно реакціоннаго.

Чрезвычайно важнымъ актомъ былъ законъ 28 декабря 1881 года объ обязательномъ выкупѣ. Ровно черезъ двадцать лѣтъ послѣ реформы 19 февраля 1861 года онъ закончилъ періодъ переходнаго времени, установивъ обязательный выкупъ бывшими помѣщичьими крестьянами своихъ надѣловъ.

Надѣльныя земли сдѣлались съ этого времени собственностью всѣхъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ.

Законъ 1881 года былъ подготовленъ въ концѣ царствованія Александра II, въ тотъ небольшой промежутокъ времени, когда либеральныя вѣянія снова,

Въ деревнѣ (Епифанова).

на очень короткое время, начали брать верхъ надъ все сгущавшейся реакціей.

Онъ былъ единственнымъ закономъ, который былъ продиктованъ несомнѣнной заботой о крестьянскихъ интересахъ.

Послѣ него реакція снова подняла голову, и мы вплоть до начала настоящаго столѣтія должны констатировать рядъ законодательныхъ актовъ, которые, правда, мотивировались также защитой крестьянскихъ интересовъ, но которые въ дѣйствительности знаменовали собой коренное отступленіе отъ реформы 19 февраля. Они игнорировали начало равенства крестьянъ передъ закономъ съ другими сословіями и властно вмѣшивались даже въ частно-правовую сферу крестьянской жизни, устанавливая въ ней принципъ опеки и попечительства.

Сначала опека устанавливалась по отношенію къ отдѣльнымъ проявленіямъ жизни, а затѣмъ она распространилась и охватила всю крестьянскую жизнь, подчиненную цѣликомъ попечительному надзору земскихъ начальниковъ.

Первымъ изъ ряда означенныхъ законодательныхъ актовъ былъ законъ 18 марта 1886 года о семейныхъ раздѣлахъ.

Экономическій упадокъ крестьянства въ восьмидесятыхъ годахъ былъ съ такой неотразимой убѣдительностью доказанъ, что ни замолчать ни игнорировать его было невозможно.

Не могло его игнорировать и реакціонное Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, руководимое гр. Толстымъ. Фактъ самъ по себѣ смущалъ реакцію, ибо онъ лучше всякихъ доводовъ указывалъ на необходимость реформъ. А реформъ хотѣли избѣгнуть во что бы то ни стало.

Тогда то и была выдвинута мысль о томъ, что причину экономическаго упадка надо видѣть въ участившихся семейныхъ раздѣлахъ. Въ своемъ представленіи въ Государственный Совѣтъ гр. Толстой писалъ, что „размножившіеся семейные раздѣлы являются одной изъ основныхъ причинъ упадка экономическаго благосостоянія крестьянъ", потому что „малосильныя семьи, большею частью съ однимъ рабочимъ, лишаются всѣхъ благодѣтельныхъ послѣдствій правильнаго раздѣленія труда". Для того, чтобы создать препятствіе къ семейнымъ раздѣламъ, проектировалось подчинить ихъ приговорамъ сельскихъ сходовъ, спеціально для этого собираемыхъ разъ въ годъ. Этотъ порядокъ долженъ былъ соблюдаться какъ въ обществахъ съ общиннымъ, такъ и въ обществахъ съ подворнымъ землевладѣніемъ. Въ видѣ санкціи за нарушеніе запрещенія самовольныхъ раздѣловъ предполагалось лишеніе самовольно раздѣлившихся правъ на общее семейное имущество съ предоставленіемъ сельскимъ сходамъ права отобрать отъ нихъ надѣльную землю.

Но такое предположеніе не прошло въ полномъ объемѣ. Государственный Совѣтъ согласился распространить ограниченія, создаваемыя закономъ для семейныхъ раздѣловъ на подворныхъ владѣльцевъ, находя, что семейные раздѣлы у послѣднихъ, съ одной стороны, не могутъ касаться интересовъ всего общества и поэтому не могутъ быть поставлены въ зависимость отъ общества, а съ другой стороны, что среди подворныхъ владѣльцевъ раздѣлы затруднены въ достаточной степени требованіемъ закона о нераздробляемости надѣловъ, меньшихъ половины полнаго надѣла.

Въ виду этихъ соображеній приняты были только ограниченія семейныхъ раздѣловъ для общинниковъ. Семейство, желающее раздѣлиться на самостоятельныя хозяйства, по закону 1886 года, если оно принадлежитъ къ составу сельскаго общества, надѣленнаго землей на общинномъ правѣ, должно заявить о томъ сельскому обществу и указать какъ подлежащее раз-

дѣлу имущество, такъ и способы распредѣленія его между предположенными къ образованію новыми хозяйствами.

Общество обязано удостовѣриться, что на раздѣлъ согласенъ старшій членъ семьи—домохозяинъ, и въ случаѣ несогласія его можетъ приступить къ обсужденію раздѣла только тогда, когда поводомъ къ тому служитъ расточительность или безнравственное поведеніе домохозяина.

Но и при согласіи домохозяина общество должно обсудить, существуетъ ли основательный поводъ къ раздѣленію семьи, способны ли образующіяся семейства къ самостоятельному веденію хозяйства, достаточны ли принадлежащіе имъ усадебные участки для устройства новыхъ усадебъ и, въ случаѣ недостаточности, могутъ ли общества отвести новые усадебные участки изъ общественной земли и будетъ ли обезпечено исправное поступленіе платежей и повинностей.

Сходъ можетъ отказать или разрѣшить раздѣлъ. При разрѣшеніи сходъ долженъ распредѣлить между вновь образующимися семействами землю и движимость, составляющую принадлежность земли, а также распредѣлить подати и повинности между вновь образовавшимися семействами

Если сходъ отказалъ въ разрѣшеніи раздѣла, противъ котораго былъ и старшій членъ семьи, приговоръ схода считается окончательнымъ и обжалованію не подлежитъ. Во всѣхъ другихъ случаяхъ недовольная сторона можетъ въ двухнедѣльный срокъ обжаловать приговоръ крестьянскому начальству, т.-е. послѣ 1889 года земскому начальнику.

Законъ о семейныхъ раздѣлахъ поразительный примѣръ той легкости, съ которой законодатель считаетъ возможнымъ вмѣшиваться въ чисто частноправовую сферу крестьянъ и подчинять ее усмотрѣнію различныхъ органовъ власти. Онъ прибавилъ къ сложной системѣ зависимости крестьянской личности отъ общества, еще новую.

Насколько эта зависимость была ненавистна крестьянамъ, видно изъ того, что крестьяне, несмотря на неблагопріятныя для себя послѣдствія, старались упорно ея игнорировать. Министръ гр. Толстой для того, чтобы оправдать внесенный законопроектъ о семейныхъ раздѣлахъ, собралъ весьма знаменательный цифровой матеріалъ. Оказалось, что по произведенному по его порученію изслѣдованію число семейныхъ раздѣловъ за время съ 1861 г. по 1882 г. достигло въ 46 губерніяхъ 2.371.248 случаевъ. Изъ этого числа раздѣловъ, кои получили разрѣшеніе сельскихъ сходовъ, было только 303.149 или 12,8%. Остальные раздѣлы были „самовольными“.

Но не лучше оказалось дѣло и послѣ изданія закона 1886 года. Свѣдѣнія, собранныя губернскими совѣщаніями о пересмотрѣ крестьянскихъ положеній въ 1897 году, свидѣтельствуютъ о томъ, что, несмотря на строгости закона 1886 года, семейные раздѣлы не уменьшились и что такъ же

Но время еще не позволяло пойти такъ далеко вспять отъ началъ реформы шестидесятыхъ годовъ. Проектъ Тимашева встрѣтилъ сильное противодѣйствіе въ Государственномъ Совѣтѣ.

Въ результатѣ такого разногласія получился законъ 1874 года, представлявшій собой компромиссъ, никого не удовлетворившій.

Мировые посредники были упразднены. Въ мѣстностяхъ, въ которыхъ было введено земское положеніе, вмѣсто мировыхъ посредниковъ и уѣздныхъ мировыхъ съѣздовъ были введены уѣздныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя, составляющіяся изъ непремѣннаго члена, уѣзднаго исправника и предсѣдателя уѣздной земской управы.

Впервые со времени великой реформы 19 февраля полиція, въ лицѣ исправника, получаетъ прямой доступъ къ участію въ крестьянскомъ дѣлѣ. Исправникъ, какъ членъ уѣзднаго присутствія, получаетъ возможность непосредственно вліять на направленіе дѣятельности крестьянскихъ учрежденій. Но онъ получаетъ еще и самостоятельную область участія въ дѣлахъ крестьянскаго управленія.

По закону 1874 года изъ компетенціи мировыхъ посредниковъ перешло къ исправнику попеченіе о своевременномъ и исправномъ поступленіи съ крестьянъ податей и выкупныхъ платежей и принятіе мѣръ взысканія ихъ.

Для осуществленія этой задачи исправникъ получилъ на ряду съ уѣзднымъ присутствіемъ самостоятельное право взысканія съ должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія за неисполненіе ими своихъ обязанностей по дѣламъ о взысканіи податей.

Неудовлетворительность закона 1874 года сознавалась всѣми. Законъ этотъ не могъ удовлетворить ни защитниковъ началъ реформы 1861 года, ни ихъ противниковъ.

Самую мрачную картину порядковъ, созданныхъ закономъ 1874 года, дало само Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Конечно, критика эта была односторонняя, потому что министерство озабочивалось не неудовлетворительнымъ положеніемъ крестьянскаго дѣла вообще, а только недостаткомъ надзора, замѣчаемаго со стороны непремѣнныхъ членовъ уѣздныхъ присутствій.

„Нерѣдко дѣятельность непремѣнныхъ членовъ,—пишетъ министръ внутреннихъ дѣлъ въ циркулярѣ 22 декабря 1880 года,—ограничивается тѣмъ, что они пріѣзжаютъ въ засѣданіе уѣзднаго присутствія, а остальное время проводятъ у себя въ деревняхъ... Въ волостяхъ замѣчаются безпорядки, неправильное и небрежное счетоводство, несвоевременные взносы собранныхъ податей, частыя растраты суммъ должностными лицами. Затѣмъ, въ виду постояннаго пребыванія непремѣнныхъ членовъ у себя и въ усадьбахъ, путешествіе къ нимъ имѣющихъ до нихъ дѣло должностныхъ и частныхъ лицъ требуетъ времени и издержекъ“.

Сознанная неудовлетворительность порядковъ, связанныхъ съ закономъ 1874 года, послужила поводомъ къ созданію проекта измѣненій, въ которомъ реакція получила свое высшее выраженіе и въ которомъ начало опеки надъ крестьянами со стороны мѣстнаго дворянскаго элемента получило преобладающее значеніе надъ всѣми другими заботами.

Одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ лицъ въ дѣлѣ созданія положенія о земскихъ начальникахъ, Пазухинъ, очень опредѣленно высказалъ свои стремленія.

Слѣпые нищіе на ярмаркѣ въ Малороссіи (В. Маковскаго).

„Лишеніе дворянъ,—писалъ онъ,—служебныхъ привилегій не могло не смутить населенія, привыкшаго видѣть въ дворянахъ царскихъ слугъ". „Для прекращенія недоразумѣній между дворянствомъ и крестьянствомъ, возникающихъ на этой почвѣ, необходимо возвратить дворянству преимущественныя служебныя права". Это признавалось особенно важнымъ при созданіи „сильной власти въ деревнѣ".

Подъ вліяніемъ приведенныхъ взглядовъ было создано положеніе о земскихъ начальникахъ 12 іюля 1889 года. Едва ли какой-либо законъ, изданный во второй половинѣ минувшаго вѣка, былъ принятъ съ такимъ всеобщимъ осужденіемъ. Едва ли какой-либо законодательный актъ вызвалъ больше не-

[illegible] въ теченіе всего времени своего дѣйствія, какъ положеніе 1889 года.

Оно было прямымъ противоположеніемъ, прямой антитезой освободительныхъ реформъ 60-хъ годовъ и въ частности крестьянской реформы 19 февраля. Оно закрѣпило крестьянъ въ ихъ сословной обособленности и существенно ограничило ихъ свободу не только въ общественной, но и въ чисто частной жизни властнымъ воздѣйствіемъ земскаго начальника.

Оно нарушило уже усвоенный нашимъ законодательствомъ съ шестидесятыхъ годовъ принципъ раздѣленія административной и судебной власти.

Впрочемъ, нарушеніе этого принципа произошло во время работъ по окончательному составленію положеній. Вначалѣ оно не предполагалось, такъ какъ проектъ имѣлъ въ виду сосредоточить въ рукахъ земскихъ начальниковъ только одну административную власть, не покушаясь на самостоятельность судебной власти.

Совершенно случайное и побочное обстоятельство облегчило реакціоннымъ дѣятелямъ по составленію положеній о земскихъ начальникахъ возможность осуществить ихъ завѣтное стремленіе упразднить институтъ мировыхъ судей.

На Высочайшемъ докладѣ основныхъ началъ проекта о земскихъ начальникахъ было высказано опасеніе, что при одновременномъ существованіи выборныхъ мировыхъ судей и земскихъ начальниковъ будетъ затруднительно найти на мѣстахъ достаточное число подходящихъ кандидатовъ для замѣщенія должностей земскихъ начальниковъ, такъ какъ лучшіе люди на мѣстахъ предпочтутъ лучше оплачиваемую и независимую должность мировыхъ судей и не пойдутъ въ земскіе начальники. На этомъ докладѣ была сдѣлана помѣтка государемъ, требующая, чтобы при введеніи положенія о земскихъ начальникахъ должности мировыхъ судей по выборамъ были отмѣнены.

Съ этихъ поръ участь мировыхъ судей была рѣшена, и въ проектъ положеній о земскихъ начальникахъ внесены постановленія объ обширной судебной компетенціи послѣднихъ.

По Положенію о земскихъ начальникахъ должность эта должна замѣщаться лицами, принадлежащими къ помѣстному дворянству. Только въ видѣ рѣдкихъ исключеній, за недостаткомъ потомственныхъ дворянъ на мѣстахъ, министру внутреннихъ дѣлъ разрѣшено замѣщать эти должности лицами, не принадлежащими къ мѣстному дворянству.

Въ то время, какъ мировымъ посредникамъ законъ предписывалъ не вмѣшиваться въ дѣла общественнаго управленія крестьянъ, земскимъ начальникамъ, напротивъ, вмѣнялось въ обязанность имѣть надзоръ за всѣми установленіями крестьянскаго общественнаго управленія.

Земскій начальникъ снабженъ обширными полномочіями по отношенію къ должностнымъ лицамъ крестьянскаго самоуправленія.

Земскій начальникъ утверждаетъ въ должности волостного старшину, онъ можетъ временно устранить отъ должности всѣхъ должностныхъ лицъ сельскаго волостного управленія, въ томъ числѣ и волостныхъ судей, можетъ собственною властью удалять отъ должности волостныхъ и сельскихъ писарей, можетъ по жалобамъ частныхъ или должностныхъ лицъ и въ случаѣ непосредственно усмотрѣнныхъ проступковъ подвергать должностныхъ лицъ, въ томъ числѣ опять-таки и волостныхъ судей, безъ всякаго производства дисциплинарному взысканію, высшій размѣръ котораго арестъ на семь дней.

Обширна власть надзора и прямого вліянія на дѣла, рѣшаемыя сельскими и волостными сходами Земскій начальникъ провѣряетъ всѣ списки дѣлъ, подлежащихъ обсужденію волостныхъ сходовъ, и дополняетъ ихъ по собственному усмотрѣнію.

Онъ уполномачивался разсматривать всѣ приговоры сходовъ и могъ по своему усмотрѣнію, даже безъ жалобы заинтересованнаго лица, останавливать исполненіе приговоровъ и передавать ихъ для отмѣны съ своимъ протестомъ въ уѣздный съѣздъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ усмотритъ, что приговоръ постановленъ несогласно съ закономъ или клонится, по его мнѣнію, къ ущербу сельскаго общества или нарушаетъ отдѣльныя права его членовъ.

Изложенныя полномочія уничтожаютъ всякую тѣнь самостоятельности органовъ крестьянскаго самоуправленія и снабжаютъ земскаго начальника правомъ вмѣшательства не только въ общественныя дѣла крестьянъ, но и въ частныя, имущественныя дѣла ихъ, потому что приговоры общества часто касаются частно-имущественныхъ интересовъ общества.

Для характеристики власти земскаго начальника нельзя не упомянуть о пресловутой 61 ст. пол. о зем. начал., которая снабжала земскихъ начальниковъ правомъ каждаго изъ лицъ, подвѣдомственныхъ крестьянскому общественному управленію, безъ всякаго формальнаго производства подвергать денежному штрафу въ размѣрѣ шести рублей или аресту до трехъ дней.

Это статья, которую земскіе начальники всегда стремились толковать самымъ распространительнымъ образомъ

Достаточно просмотрѣть многочисленныя толкованія Сената, суживающія примѣненіе этой статьи, чтобы составить себѣ понятіе о томъ морѣ произвола, который порождался ея примѣненіемъ.

Изъ нихъ видно, что земскіе начальники сажали подъ арестъ и за самовольный семейный раздѣлъ, и за отказъ раскольниковъ принимать участіе въ церковно-приходскомъ сходѣ, и за выборъ сборщика податей лица, котораго земскій начальникъ не хотѣлъ допустить къ этой должности, и за то, что крестьяне пропили заработанныя на частныхъ работахъ деньги, и за упорство, проявленное крестьянами, не желающими принять новое основаніе для передѣла земли, и за нежеланіе общества пріобрѣсти пожарные инстру-

монія, и за нежеланіе замѣнить всѣ соломенныя крыши въ селеніи черепичными, и, наконецъ, за неисполненіе совершенно незаконнаго требованія, чтобы во всѣхъ хатахъ были кирпичныя трубы.

Волостной судъ по Положенію 1889 года получилъ широкую компетенцію разрѣшать всѣ споры о надѣльной землѣ безъ ограниченія суммы, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ лишенъ той независимости, которую имѣлъ раньше. Земскій начальникъ фактически назначаетъ волостныхъ судей, онъ назначаетъ волостного писаря, имѣющаго часто рѣшающее значеніе въ волостной юстиціи, онъ устанавливаетъ порядокъ производства дѣлъ, онъ контролируетъ рѣшенія суда, онъ облеченъ властью переносить дѣла на рѣшеніе съѣзда, когда считаетъ рѣшеніе волостного суда „неправосуднымъ“

Опека начальства властно воцарилась въ крестьянской жизни. Она добралась, наконецъ, и до земельныхъ правъ крестьянъ, несмотря на провозглашеніе надѣльныхъ земель частной собственностью крестьянъ.

Законъ 8 іюня 1893 года счелъ возможнымъ регламентировать передѣлы общинной земли, находящейся въ частной собственности обществъ и этимъ, казалось бы, огражденной отъ посторонняго вмѣшательства.

А между тѣмъ законъ безъ достаточныхъ основаній уничтожилъ, внѣ строго-опредѣленныхъ и перечисленныхъ случаевъ, такъ называемые частные передѣлы, которые являлись естественнымъ проявленіемъ общинной жизни, ограничилъ срокъ передѣловъ наименьшимъ срокомъ—12 лѣтъ и поставилъ передѣлы подъ надзоръ земскаго начальника.

Еще большимъ вмѣшательствомъ въ частно-правовую сферу якобы собственниковъ своей земли представляетъ собой законъ 14 декабря 1893 года о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ. Любопытны сужденія комиссіи, образованной для выработки проекта этого закона.

Комиссія, основываясь на толкованіи тѣхъ статей, изданныхъ 19 февр. 1861 года положеній о крестьянахъ, въ которыхъ упоминалось, что надѣлы отведены крестьянамъ „для обезпеченія ихъ быта и исполненія обязанностей передъ правительствомъ“, пришла къ заключенію, „что примѣненіе къ надѣльнымъ землямъ общаго понятія о правѣ собственности, какъ полной и исключительной власти субъекта надъ объектомъ обладанія, представляется неправильнымъ и что, напротивъ того, за руководящее основаніе для законодательныхъ опредѣленій по отношенію къ крестьянскому землевладѣнію должно быть принято начало неотчуждаемости“.

Исходя изъ подобныхъ соображеній, можно дойти до полнаго непризнанія правъ крестьянъ на землю, признать, напримѣръ, что они не имѣютъ права на нѣдра и проч., и такъ ограничить права крестьянъ, что снова поставитъ ихъ въ положеніе владѣльцевъ земли, которые для пріобрѣтенія собственности должны учинить вторичный выкупъ своихъ земель, уже разъ признанныхъ ихъ собственностью.

Несмотря на возраженія, встрѣченныя проектомъ закона въ Государственномъ Совѣтѣ, нѣкоторые члены котораго указывали на противорѣчіе его съ признаннымъ закономъ правомъ собственности крестьянъ на надѣльную землю, законъ былъ изданъ. Онъ воспретилъ крестьянамъ залогъ надѣльныхъ земель и разрѣшилъ продажу подворныхъ участковъ только лицамъ, приписаннымъ или приписывающимся къ сельскимъ обществамъ. Общинныя земли дозволено продавать только съ разрѣшенія губернскихъ присутствій, если цѣна отчуждаемаго участка не свыше 500 р., и съ разрѣшенія министровъ (внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и земледѣлія) при высшей продажной цѣнѣ.

Въ законѣ 14 декабря 1893 года, кромѣ ограниченія въ распоряженіи надѣльной землей, содержалось еще одно постановленіе, которое нельзя было не привѣтствовать. Мы говоримъ объ отмѣнѣ второй части 165 ст. пол. о выкупѣ, въ силу которой крестьянинъ-общинникъ имѣлъ право требовать отъ общины выдѣла ему участка общинной земли, находящагося въ его пользованіи, если онъ внесетъ за него полностью причитающуюся на этотъ участокъ сумму выкупной ссуды.

Эта часть статьи стояла въ полномъ противорѣчіи съ первой частью 165 ст. того же пол. о выкупѣ, въ которомъ было установлено общее правило, что отдѣльный членъ общины не имѣлъ права требовать выдѣла себѣ участка общинной земли безъ согласія общины. Стояла она въ противорѣчіи и съ общимъ правиломъ, выраженнымъ въ законѣ, что общинныя земли были надѣлены въ собственность всей общины. Прямымъ слѣдствіемъ такого правила являлся выводъ, что безъ согласія собственника, т.-е. общины, нельзя выдѣлять часть общинной земли въ собственность отдѣльнаго члена общины.

Такъ и посмотрѣлъ на вторую часть 165 ст. положенія о выкупѣ Государственный Совѣтъ при разсмотрѣніи проекта закона 14 декабря 1893 года. „Предоставляемое второй частью 165 ст. положенія о выкупѣ отдѣльнымъ домохозяевамъ широкое право досрочно выкупать участки надѣльной общественной земли, помимо согласія общества,—говорится въ журналѣ Государственнаго Совѣта,—нельзя не признать противорѣчащимъ основнымъ началамъ этой формы крестьянскаго землепользованія. Когда земля пріобрѣтена цѣлымъ обществомъ, то невозможно оспаривать права послѣдняго на распоряженіе отдѣльными ея частями. Согласно статьямъ 118 и 160 положенія о выкупѣ, земля, выкупленная цѣлымъ обществомъ, признается собственностью всего общества, и послѣднее пользуется правомъ какъ разверстки и передѣла ея между своими членами, такъ и самаго опредѣленія размѣра выкупныхъ платежей, причитающихся на отдѣльныя части общественной земли. Если такое право принадлежитъ обществу въ отношеніи къ временному распредѣленію участковъ между его членами, то не подлежитъ сомнѣнію, что оно еще съ большимъ основаніемъ

должно быть предоставлено ему въ тотъ моментъ, когда составляющій часть его земли участокъ выходитъ окончательно и навсегда изъ общественнаго владѣнія. Съ этой точки зрѣнія выкупъ отдѣльныхъ участковъ, помимо согласія общества, не можетъ не нарушать его интересы". Въ виду этихъ соображеній ради возстановленія правъ общинъ законъ 14 декабря 1893 года уничтожилъ вторую часть 165 ст. и воспретилъ всякій выдѣлъ изъ общинной земли безъ согласія общины.

Всѣ разобранные въ настоящей главѣ законы, касающіеся крестьянъ, были проникнуты, какъ видитъ читатель, съ одной стороны, стремленіемъ закрѣпить обособленность крестьянъ, удержать ихъ въ положеніи неполноправныхъ гражданъ, подчиненныхъ дѣйствію особыхъ порядковъ управленія, и вмѣстѣ съ тѣмъ подчинить крестьянъ особой и властной опекѣ спеціальнаго крестьянскаго начальства. Въ этомъ отношеніи они шли въ разрѣзъ стремленіямъ дѣятелей реформы 19 февраля, которые создавали временные законы, изданные въ положеніяхъ, съ цѣлью расчистить почву для будущаго полнаго уравненія крестьянъ въ правахъ съ другими сословіями имперіи.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ крестьянское законодательство конца девятнадцатаго столѣтія не покушалось на измѣненіе того строя имущественныхъ и, главнымъ образомъ, поземельныхъ отношеній, который былъ установленъ Положеніями 61 года. Измѣненіе этого строя явилось удѣломъ законодательства начала двадцатаго столѣтія, къ обзору котораго мы обращаемся въ слѣдующей главѣ.

III.

Въ мотивахъ къ законамъ, изданнымъ въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ, постоянно звучала забота о поднятіи экономическаго благосостоянія крестьянъ, упадокъ котораго всѣми признавался. Замолчать его не было никакой возможности. Періодическія голодовки, постоянная недоимочность были грозными показателями оскудѣнія, тревожившаго правящія сферы.

Для предупрежденія дальнѣйшаго оскудѣнія созданъ былъ законъ о семейныхъ раздѣлахъ, признанныхъ главной причиной крестьянскаго разоренія; этой же цѣлью оправдывалась та система опеки, которая выразилась въ изданномъ положеніи о земскихъ начальникахъ, долженствующая отучить крестьянъ отъ лѣни и нерадѣнія и ввести порядокъ въ завѣдываніе общественными и хозяйственными дѣлами крестьянъ; для той же цѣли воспрещено отчужденіе и залогъ надѣльныхъ земель, дабы сохранить въ рукахъ крестьянъ „земельный фондъ", предназначенный для обезпеченія хозяйственной дѣятельности крестьянства.

Но оскудѣніе продолжало расти, обнаруживая своимъ ростомъ неправильность въ констатированіи причинъ этого явленія и невѣрность тѣхъ

средствъ борьбы съ нимъ, которыя предпринимались раньше. Дальше итти по пути опеки надъ крестьянами было некуда. Надо было обратиться къ другимъ средствамъ.

Въ концѣ девяностыхъ годовъ и въ теченіе перваго десятилѣтія настоящаго вѣка крестьянскій вопросъ выросталъ передъ взорами законодателя и начиналъ заботить его не своими частностями, а уже общей своей постановкой.

Начинаются исканія не столько прямыхъ мѣръ къ оздоровленію крестьянской жизни, сколько того направленія, въ которомъ слѣдуетъ итти при выработкѣ этихъ мѣръ.

Законодательныя начинанія и подготовительныя работы въ этой области рѣзко отражали на себѣ тѣ многочисленныя колебанія, которымъ подвергалась наша внутренняя политика послѣднихъ лѣтъ. Въ девяностыхъ годахъ крестьянскій вопросъ впервые ставится на очередь въ полномъ объемѣ, но все еще въ рамкахъ существующаго законодательства. Задача представляется какъ „пересмотръ“ дѣйствующихъ узаконеній по крестьянскому дѣлу.

Впервые вопросъ въ правящихъ сферахъ ставится на такую почву въ Государственномъ Совѣтѣ при разсмотрѣніи закона 14 декабря 1893 года о неотчуждаемости надѣловъ. Государственный Совѣтъ въ журналѣ своемъ указываетъ на неполноту законодательства о крестьянахъ и на необходимость общаго его пересмотра, усматривая въ неполнотѣ закона, въ особенности относительно общественнаго и имущественнаго быта крестьянъ, одну изъ важныхъ причинъ экономической слабости сельскаго населенія. Мысль эта получаетъ свое осуществленіе въ начинаніяхъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ въ 1894 году. Министерство вырабатываетъ программу вопросовъ о пересмотрѣ крестьянскаго законодательства, въ которыхъ систематически включены всѣ положенія дѣйствующаго закона объ управленіи крестьянъ, о самоуправленіи, волостномъ судѣ, о поземельныхъ отношеніяхъ и объ отношеніяхъ по имуществу вообще.

Вопросные пункты препровождаются въ каждую губернію для обсужденія въ особо образуемыхъ губернскихъ совѣщаніяхъ.

Полученные отвѣты были сведены въ трудѣ, изданномъ министерствомъ въ 1897 году подъ заглавіемъ „Сводъ заключеній губернскихъ совѣщаній по вопросамъ, относящимся къ пересмотру законодательства о крестьянахъ“ и долженствующемъ служить матеріаломъ для предпринятаго пересмотра.

Изъ обзора указаннаго свода легко усмотрѣть, какъ узко ставился вопросъ о пересмотрѣ. Въ мнѣніяхъ совѣщаній совершенно не затронуты принципіальные вопросы, которые должны были возникнуть при критикѣ существующихъ порядковъ. Все сводится къ указаніямъ на мелочныя недомолвки закона и на техническія неудобства, встрѣчающіяся на практикѣ.

Предлагаемыя мѣры соотвѣтственно этому заключаются въ частичныхъ исправленіяхъ и дополненіяхъ существующаго законодательства.

Работа была выполнена въ чисто бюрократическихъ рамкахъ и бюрократическими силами, почти исключительно силами непремѣнныхъ членовъ губернскихъ присутствій.

Любопытно отмѣтить, что при постановкѣ вопросовъ, касающихся землепользованія, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ впервые какъ бы намѣчаетъ тенденцію изыскать способы къ поощренію перехода отъ общиннаго землевладѣнія къ подворному.

Вопросъ ставился очень робко и какъ бы исключительно съ информаціонною цѣлью. Предлагается отвѣтить, насколько удовлетворителенъ законъ 8 іюня 1893 года, нормировавшій передѣлы, и назрѣла ли потребность въ изданіи закона, измѣняющаго и облегчающаго условія перехода отъ общиннаго землевладѣнія къ подворному.

Относительно закона о передѣлахъ мнѣнія совѣщаній раздѣлились, хотя многія высказались въ томъ смыслѣ, что этотъ законъ нарушаетъ свободу общинныхъ порядковъ и безъ всякой надобности тормозитъ развитіе жизни общины.

Но по вопросу объ общинѣ совѣщанія почти единогласно (за исключеніемъ Бессарабскаго и Херсонскаго) признали [1]) въ очень категорическихъ и рѣзкихъ выраженіяхъ, что потребность къ переходу отъ общины къ подворному владѣнію не назрѣла и что общинные порядки для нуждъ земледѣльческаго населенія гораздо лучше подворнаго владѣнія.

Въ виду того, что въ настоящее время офиціальная и офиціозная пресса особенно настойчиво ссылается на свидѣтельства съ мѣстъ относительно необходимости скорѣйшаго упраздненія общины, которая будто бы ненавистна крестьянамъ, интересно привести нѣсколько выдержекъ мнѣній, высказанныхъ въ совѣщаніяхъ.

Приводимъ ихъ на выдержку, такъ какъ большинство ихъ выражено въ однообразной формѣ.

Псковское совѣщаніе устанавливаетъ, что „стремленіе къ переходу отъ общиннаго къ подворному владѣнію отсутствуетъ".

Тамбовское говоритъ, что „общинное землевладѣніе есть тотъ порядокъ владѣнія, которымъ дорожитъ русскій крестьянинъ".

Пензенское удостовѣряетъ, что „никакой надобности въ законѣ, болѣе точно опредѣляющемъ порядокъ перехода отъ общиннаго къ подворному землевладѣнію, не ощущается".

Курское признало, что „въ настоящее время общинная форма болѣе предпочтительна", и даже Черниговское, въ губерніи съ преобладающимъ

---

[1]) „Сводъ заключеній", СПБ., 1897 г., т. III, стр. 175 и сл.

подворнымъ землевладѣніемъ, говоритъ, что „сельское населеніе достаточно уже заявило предпочтеніе передъ подворно-наслѣдственнымъ владѣніемъ— владѣнію общинному".

Нечего говорить, что сѣверныя губерніи, съ очень упроченными общинными порядками, были въ своихъ сообщеніяхъ еще болѣе категоричны.

Вологодское удостовѣряетъ объ отсутствіи стремленія крестьянъ къ переходу къ подворному землевладѣнію, а Архангельское говоритъ, что „потребность въ переходѣ къ подворному пользованію представляется въ Архангельской губерніи не только не назрѣвшею, но не проявившеюся даже и въ зачаткѣ".

Странникъ (Перова).

Работы губернскихъ совѣщаній никакихъ практическихъ результатовъ не имѣли, и дѣло пересмотра крестьянскихъ положеній было пріостановлено до 1901 года. Въ концѣ этого года состоялось Высочайшее повелѣніе, въ которомъ возлагалась на министра внутреннихъ дѣлъ Сипягина обязанность представить свои соображенія о дальнѣйшемъ движеніи пересмотра узаконеній о крестьянахъ.

14 января 1902 года было объявлено во всеобщее свѣдѣніе, что пересмотръ положеній будетъ осуществленъ на почвѣ основныхъ началъ положенія 19 февраля 1861 года и долженъ представить собой дальнѣйшее ихъ развитіе.

Насколько такое заявленіе соотвѣтствовало дѣйствительнымъ предположеніямъ министерства, видно изъ того, что задачу развитія положенія 1861 г. въ духѣ реформы возложили на особую редакціонную комиссію при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, которая съ 1902 года состояла подъ предсѣдательствомъ занимавшаго должность товарища министра внутреннихъ дѣлъ Стишинскаго, сторонника положенія о земскихъ начальникахъ и поборника принципа опеки въ крестьянскомъ дѣлѣ.

Надо сказать, что эта комиссія очень быстро исполнила свою работу и уже въ 1903 году издала шесть томовъ—трудовъ, въ которыхъ излагался текстъ и мотивы проектовъ крестьянскихъ положеній, долженствующихъ замѣнить положенія 1861 года. Конечно, трудъ этотъ заключалъ въ себѣ не развитіе началъ великой реформы, а ограничивался сводкой и частичнымъ измѣненіемъ существующаго законодательства на началахъ, прямо противоположныхъ духу реформы.

Положительной стороной этого труда слѣдуетъ считать обстоятельность и систематичность изложенія частнаго права крестьянъ въ области поземельныхъ, семейно-имущественныхъ и наслѣдственныхъ отношеній, на основѣ тѣхъ особенностей, которыя существуютъ въ обычномъ правѣ крестьянъ, хотя юридическая конструкція этихъ особенностей была очень мало удовлетворительна.

Но уже надвигался штурмовой періодъ русской жизни, вызывавшій нервность и колебанія во внутренней политикѣ.

Крестьянскія волненія въ связи съ усиливающимся разореніемъ крестьянскаго хозяйства все настойчивѣе требовали коренныхъ преобразованій въ крестьянской жизни. Крестьянскій вопросъ уже не могъ даже въ сознаніи правительственныхъ сферъ оставаться въ рамкахъ, въ которыхъ его до сихъ поръ тщательно удерживали, въ рамкахъ измѣненій дѣйствующаго законодательства о крестьянскомъ устройствѣ, объ реорганизаціи въ сферѣ управленія и суда.

Крестьянскій вопросъ выросталъ въ гораздо болѣе сложный и общій вопросъ—аграрный. Истинная причина крестьянскаго оскудѣнія — крестьянское малоземелье — съ особенной ясностью выступала при свѣтѣ возникавшихъ событій.

Подъ вліяніемъ такихъ условій труды комиссіи Стишинскаго были оставлены. Заботы объ исправленіи крестьянскихъ положеній смѣнились заботами о поднятіи сельско-хозяйственной производительности. Крестьянскій вопросъ изъ сферы чисто-юридической перешелъ на экономическую почву.

Эволюція вопроса совпала съ возвышеніемъ графа Витте и съ вступленіемъ его въ роль руководителя всей внутренней политики Россіи.

Въ 1902 году было образовано подъ предсѣдательствомъ графа Витте „особое совѣщаніе о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности". Связь постановленной совѣщаніемъ задачи—„выясненіе нуждъ сельско-хозяйственной промышленности и соображеніе мѣръ, направленныхъ на пользу этой промышленности".—съ крестьянскимъ дѣломъ сразу была установлена. Предсѣдатель совѣщанія въ первомъ же засѣданіи заявилъ во вступительной рѣчи, что въ Россіи вопросъ сельскаго хозяйства есть по преимуществу во-

просъ крестьянскаго хозяйства, и что съ вопросомъ этимъ прямо или косвенно связаны почти всѣ стороны государственной жизни.

Намѣченная на первыхъ порахъ связь двухъ указанныхъ задачъ по мѣрѣ работъ совѣщанія только укрѣплялась.

Въ первыхъ засѣданіяхъ совѣщанія была выработана программа вопросовъ, предложенныхъ затѣмъ на обсужденіе спеціально для этой цѣли образованныхъ мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности.

Комитеты были образованы въ каждомъ уѣздѣ подъ предсѣдательствомъ уѣздныхъ предводителей дворянства съ правомъ привлекать „мѣстныя силы" по своему усмотрѣнію. Цѣнный матеріалъ, собранный съ большой быстротой комитетами, былъ напечатанъ въ 58 томахъ „трудовъ комитетовъ".

Сводка собраннаго матеріала была сдѣлана и оффиціальнымъ путемъ [1]) и по частной инціативѣ въ обстоятельной работѣ „Нужды деревни".

Этотъ же матеріалъ послужилъ главнымъ источникомъ работы самого предсѣдателя особаго совѣщанія графа Витте, издавшаго въ 1904 году извѣстную „записку по крестьянскому дѣлу", которая должна была создать основу для дальнѣйшихъ работъ особаго совѣщанія.

Въ ней гр. Витте совершенно правильно освѣщаетъ ту фальшь, которая заключается въ указаніяхъ на будто бы существующее соотвѣтствіе началамъ великой реформы 19 февраля тѣхъ положеній, которыя содержали въ себѣ дѣйствующіе законы. Такія указанія, которыми, напримѣръ, полны работы комиссіи Стишинскаго, свидѣтельствуютъ только о нежеланіи усвоить себѣ дѣйствительныя начала реформы 19 февраля.

Въ своей запискѣ онъ говоритъ, что начала реформы надо искать въ тѣхъ цѣляхъ, которыя имѣлъ въ виду великій освободительный актъ, а вовсе не въ тѣхъ временныхъ отступленіяхъ отъ этихъ цѣлей, которыя допущены освободительнымъ актомъ и регламентація которыхъ составляетъ содержаніе наибольшаго числа статей этого закона.

Но, тѣмъ не менѣе, автора, видимо, связываютъ тѣ указанія, которыя содержатся въ манифестѣ 26 февраля 1903 года и въ Высочайшемъ указѣ 8 января 1904 года и которыя онъ хочетъ во что бы то ни стало искусственно согласовать съ высказываемыми мнѣніями, въ сущности съ ними не совпадающими. Это значительно обезцѣниваетъ „записку"

Какъ извѣстно, „особое совѣщаніе", начавъ разрабатывать матеріалы мѣстныхъ комитетовъ и разрѣшать принципіальные вопросы, касающіеся будущаго крестьянскаго законодательства, какъ вопросъ объ общинѣ, принуждено было прекратить свои занятія въ самомъ разгарѣ ихъ.

---

[1]) Сборники «Крестьянскій правопорядокъ» и «Крестьянское землепользованіе», подъ ред. Риттиха.

Особое совѣщаніе съ уходомъ графа Витте и назначеніемъ предсѣдателемъ его Горемыкина перестало быть центральнымъ учрежденіемъ для выработки проектовъ крестьянскихъ положеній. Новое начинаніе, на которое было потрачено много времени и силъ, отошло въ область исторіи, ничѣмъ не проявивъ себя въ законодательной области.

Посреди колебаній и неосуществленныхъ начинаній, которыми ознаменовался 1904 годъ, единственнымъ положительнымъ пріобрѣтеніемъ законодательства въ области крестьянскаго дѣла была возвѣщенная въ манифестѣ 11 августа 1904 года по случаю крещенія наслѣдника отмѣна тѣлеснаго наказанія въ волостныхъ судахъ.

Два учрежденія боролись въ теченіе 1904 года за руководящую роль въ крестьянскомъ дѣлѣ.

Съ одной стороны, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, разработавшее въ редакціонномъ комитетѣ проектъ преобразованія крестьянскихъ положеній и передавшее ихъ на основаніи Высочайшаго повелѣнія 8 января 1904 года въ образованныя этимъ повелѣніемъ губернскія совѣщанія. Съ другой стороны, „особое совѣщаніе о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности“, призванное также составить предположенія объ измѣненіи „условій крестьянскаго землепользованія и правопорядка“.

Указанія, данныя тому и другому учрежденію, были различны. Въ Высочайшемъ повелѣніи 8 января 1904 года признавалось „необходимымъ сохранить крестьянамъ сословный строй“, а въ Высочайшемъ указѣ 12 декабря 1904 года повелѣвалось „особому совѣщанію о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности“, составленному изъ „опытнѣйшихъ лицъ высшаго управленія“, „привести законы о крестьянахъ къ объединенію съ общимъ законодательствомъ Имперіи, облегчивъ задачу прочнаго обезпеченія пользованія лицами этого сословія признаннымъ за ними Царемъ-Освободителемъ положеніемъ полноправныхъ свободныхъ сельскихъ обывателей“.

Событія 1905 года и послѣдующее обновленіе государственнаго строя въ первое время какъ будто перенесли крестьянское дѣло въ руки представительнаго учрежденія, Государственной Думы, безъ одобренія которой согласно манифесту 17 октября „ни одинъ законъ не можетъ воспріять свою силу“. Впрочемъ, передъ самымъ созывомъ первой Думы еще безъ согласія Думы былъ изданъ указъ 3 ноября 1905 г. о полномъ уничтоженіи выкупныхъ платежей.

Мы не будемъ упоминать здѣсь, какъ широко и полно поставленъ былъ крестьянскій вопросъ въ первыхъ двухъ Государственныхъ Думахъ.

Онъ занялъ въ нихъ одно изъ центральныхъ мѣстъ, и заботы о правильномъ его разрѣшеніи не переставали занимать депутатовъ первой и второй Думы. Правда, экономическая сторона заслонила собой сторону правовую и крестьянскій вопросъ и въ партійныхъ программахъ, и въ рѣчахъ, и

въ вотумахъ первыхъ двухъ Думъ дебатировался, главнымъ образомъ, въ формѣ аграрнаго вопроса.

Мы не будемъ касаться изложенія и характеристики взглядовъ, нашедшихъ свое выраженіе въ этотъ періодъ, такъ какъ эта тема требуетъ самостоятельной разработки, не вмѣщающейся въ рамки настоящей статьи.

Настоящій обзоръ движенія крестьянскаго законодательства необходимо дополнить тѣми новыми законодательными актами, которые совершенно неожиданно и безъ сколько-нибудь тщательной предварительной подготовки

Проводы новобранца (Рѣпина).

вторглись въ наше законодательство, существеннымъ образомъ измѣнивъ его.

Мы говоримъ объ изданныхъ послѣ разгона первой Государственной Думы въ порядкѣ 87 ст. осн. зак. указахъ 5 октября и 9 ноября 1906 года.

Первый касается личныхъ правъ, второй—поземельныхъ отношеній крестьянъ. Положеніе объ общественномъ устройствѣ крестьянъ, въ которомъ коренятся главныя условія неполноправнаго и зависимаго положенія крестьянъ, этими законами почти не затронуто.

Но, тѣмъ не менѣе, указъ 5 октября создалъ несомнѣнное улучшеніе въ положеніи крестьянъ. Мы видѣли, что суровые законы, связанные съ при-

пиской и удерживаніе крестьянъ почти принудительно въ ихъ обществахъ, и ограниченія, которыя зависѣли отъ созданныхъ положеніемъ 1861 года правилъ о выходѣ изъ общества, и, наконецъ, стѣсненія временныхъ отлучекъ, имѣвшіяся въ паспортномъ уставѣ по отношенію къ крестьянамъ,—все это въ значительной степени обусловливалось фискальными цѣлями, обезпеченіемъ исправной уплаты подушной подати и выкупныхъ платежей. Всѣ означенныя ограниченія обыкновенно въ мотивахъ объяснялись существовавшей ради этихъ же фискальныхъ цѣлей круговой порукой.

Между тѣмъ измѣненія въ податномъ дѣлѣ сдѣлали всѣ эти ограниченія для фискальныхъ цѣлей ненужными.

Подушная подать цѣлымъ рядомъ законодательныхъ актовъ была отмѣнена совершенно. Въ 1881—1883 годахъ была отмѣнена для безземельныхъ крестьянъ и для крестьянъ, получившихъ такъ называемые нищенскіе надѣлы; въ 1885 — 1887 годахъ она постепенно была отмѣнена для всѣхъ крестьянъ, кромѣ Сибири; въ 1898 году для крестьянъ большей части Сибири и только съ 1 января 1907 года для всѣхъ остальныхъ мѣстностей Сибири.

Выкупные платежи были отмѣнены указомъ 3 ноября 1905 года. Наконецъ, круговая порука отмѣнена была постепенно, начиная съ отмѣны ея въ 1892 году для крестьянъ съ подворнымъ землевладѣніемъ, для общинниковъ большей части Россіи по закону 12 марта 1903 года и затѣмъ по указу 5 октября 1906 года повсемѣстно.

Эти реформы въ податномъ дѣлѣ значительно содѣйствовали изданію указа 5 октября „объ уравненіи крестьянъ въ правахъ съ другими сословіями".

Конечно, уравненіе, повторяемъ, было очень неполно, потому что обособленность общественнаго устройства имъ не была затронута.

Указъ 5 октября сохранилъ постановленія о припискѣ, но смягчилъ часть стѣсненій, съ припиской связанныхъ. Имъ разрѣшено вступать въ новыя общества, безъ обязательнаго увольненія изъ стараго общества и съ сохраненіемъ правъ, связанныхъ съ принадлежностью къ этимъ обществамъ. Другими словами, можно вступить въ новыя общества, не отказываясь отъ надѣльной земли въ старомъ обществѣ, при условіи, конечно, несенія обязанностей, съ владѣніемъ ею связанныхъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, при условіи отказа отъ участія въ пользованіи мірской землей или по отчужденіи участковъ этой земли, принадлежащихъ выходящему изъ общества, выходящій можетъ получить увольненіе безъ соблюденія тѣхъ требованій, заключающихся въ Общемъ Положеніи о крестьянахъ, о которыхъ упомянуто въ первой главѣ настоящей статьи.

Одновременно отмѣнены постановленія закона объ обязанности представленія крестьянами, поступающими въ учебныя заведенія или въ граждан-

скую службу, увольнительныхъ общественныхъ приговоровъ, и крестьяне, поступающіе въ учебныя заведенія или на государственную службу, освобождаются отъ натуральныхъ повинностей на все время прохожденія курса учебныхъ заведеній и состоянія на службѣ. Равнымъ образомъ отмѣнены постановленія закона, требовавшаго исключенія изъ общества при окончаніи курса учебныхъ заведеній или поступленіи на государственную службу. Вообще пріобрѣтеніе правъ высшаго состоянія позволяетъ крестьянамъ продолжать быть членами своихъ обществъ.

Указомъ 5 октября крестьяне сравнены съ остальнымъ населеніемъ въ порядкѣ полученія паспортовъ. Они могутъ получать не только паспортные билеты на 5 лѣтъ, но и безсрочныя книжки и притомъ получать ихъ не только изъ мѣстъ приписки, но и изъ мѣстъ ихъ фактическаго жительства.

Указомъ отмѣнена также пресловутая 61 ст. пол. о зем. нач., и земскіе начальники лишены непосредственной дисциплинарной власти надъ населеніемъ. У нихъ сохранена только дисциплинарная власть надъ должностными лицами крестьянскаго самоуправленія.

Этимъ исчерпывается въ существенныхъ чертахъ содержаніе указа 5 октября. Онъ до сихъ поръ сохраняетъ значеніе временнаго закона, не принятаго еще Государственной Думой. Соотвѣтствующій ему законопроектъ внесенъ во вторую Думу, перешелъ въ третью, но до сихъ поръ ею не разсматривался.

Указъ 5 октября былъ задуманъ, очевидно, одновременно съ указомъ 9 ноября и, можетъ-быть, изданъ ранѣе для того, чтобы сгладить то впечатлѣніе, которое долженъ былъ произвести указъ 9 ноября, вносящій разложеніе общиннаго и семейнаго быта крестьянъ и рознь среди крестьянства. Указъ 9 ноября ошеломилъ и общество и крестьянство.

Не только существо его положеній, но и способъ его изданія не могъ имѣть оправданій.

Онъ изданъ въ порядкѣ 87 статьи, разрѣшающей издавать экстренные законодательнаго характера акты въ періодъ междудумья, когда „чрезвычайныя“ обстоятельства того требуютъ.

Но какія же чрезвычайныя обстоятельства мѣшали выждать трехмѣсячный срокъ, отдѣлявшій время изданія указа отъ будущей второй Думы, для изданія законодательнаго акта, измѣняющаго весь строй имущественныхъ отношеній крестьянъ, закрѣпленный Положеніями 1861 года?

Такихъ обстоятельствъ не было. Указъ приводитъ отмѣну выкупныхъ платежей, но вѣдь это послѣдовало еще 3 ноября 1905 года. Въ немъ приводится еще одно основаніе—необходимость установленія порядка продажи подворныхъ участковъ. Но такого порядка еще не было установлено ровно двадцать пять лѣтъ, со времени пріостановленія въ 1882 году дѣйствія особыхъ правилъ о записи въ волостныхъ правленіяхъ договоровъ о пере-

хотя [illegible] имуществъ. Что же мѣшало подождать всего нѣсколько [illegible]

Очевидно причина была другая. На согласіе второй Государственной Думы издать подобный законъ надежды не было. И его хотѣли издать „помимо одобренія Государственной Думы“ и вопреки 86 ст. основныхъ законовъ, разсчитывая задерживать его разсмотрѣніе Думой впредь до измѣненія состава народныхъ представителей. Такъ и сдѣлали. Второй Думѣ разсмотрѣть законъ не дали, и только актъ 3 іюня 1907 года обезпечилъ составъ третьей Государственной Думы, благопріятный для принятія основныхъ началъ указа. Можетъ-быть, преслѣдовалась и другая политическая цѣль, которая только и могла объяснить допущенную спѣшность. На указъ 9 ноября могли возлагать надежду, какъ на средство „успокоенія“ крестьянъ.

Могли предполагать достигнуть успокоенія, внося въ деревню рознь интересовъ. И, несомнѣнно, рознь интересовъ среди крестьянства посѣяна указомъ и съ теченіемъ времени продолжаетъ расти и шириться.

Искусственно оправдывая изданіе указа 87 статьей основныхъ законовъ, столь же искусственно связали указъ съ существовавшими до него законами. Въ указѣ сказано, что онъ издается въ развитіе 12 статьи Общаго Положенія. Но это было невѣрно, потому что содержаніе указа не „развиваетъ“ содержаніе 12 статьи и даетъ положенія, прямо ему противорѣчащія. Двѣнадцатая статья Общаго Положенія разрѣшаетъ требовать выдѣла участка, соразмѣрнаго съ затраченной выдѣляющимся суммой денегъ, уплаченныхъ при пріобрѣтеніи земли. Требованіе это, кромѣ того, исполняется только при условіи выдѣла участка къ одному мѣсту. Наконецъ, требованіе выдѣла участка въ натурѣ для общества необязательно. Общество при невозможности, по его мнѣнію, выдѣла можетъ удовлетворить деньгами. Ни одно изъ приведенныхъ трехъ условій въ указѣ 9 ноября не соблюдено. Указъ разрѣшаетъ укрѣплять въ единоличную собственность участокъ, не соразмѣрный съ затраченной на пріобрѣтеніе земли суммой, а по дѣйствительному пользованію для обществъ, не передѣлявшихъ въ теченіе послѣднихъ 24 лѣтъ свои земли, и согласно послѣдняго передѣла для остальныхъ обществъ.

Указъ разрѣшаетъ не только требовать выдѣла участка къ одному мѣсту, но и укрѣплять свое черезполосное владѣніе. Наконецъ указъ не разрѣшаетъ обществу уплатить вмѣсто земли деньгами, при несогласіи выдѣляющагося, за исключеніемъ одного случая: требованія выдѣла внѣ времени общаго передѣла. Независимость указа отъ двѣнадцатой статьи общаго Положенія лучше всего обнаруживается изъ того факта, что какъ разъ на тѣ земли, для которыхъ была создана двѣнадцатая статья, указъ не распространяется. Двѣнадцатая статья общаго Положенія создана была для земель, пріобрѣтаемыхъ обществами въ общественную собственность помимо надѣла. — Только по

окончаніи выкупной операціи она могла быть распространена и на надѣльныя земли. Указъ 9 ноября изданъ только для надѣльныхъ земель и не можетъ распространяться, какъ теперь и признано Сенатомъ, на земли внѣнадѣльныя. Не лучшее ли это доказательство того, что указъ 9 ноября изданъ не въ развитіе двѣнадцатой статьи Общаго Положенія, а въ отмѣну распространенія ея положеній на надѣльныя земли?

Разрушая общинный строй крестьянской жизни, снабжая каждаго домохозяина правомъ требовать укрѣпленія въ личную собственность части общинной земли, указъ нарушаетъ пріобрѣтенныя общиной имущественныя

Ревизія питомцевъ Воспит. дома (Калистратова).

права и лишаетъ общину права защиты своихъ пріобрѣтенныхъ правъ отъ посягательствъ на нихъ со стороны отдѣльныхъ членовъ общины.

Со времени его изданія всякое проявленіе общинной жизни можетъ быть парализовано отдѣльнымъ членомъ общества.

Въ борьбѣ съ коллективными формами землевладѣнія указъ не останавливается на одной общинѣ. Онъ наноситъ ударъ и другой коллективной формѣ — семейной собственности.

Онъ провозглашаетъ семейное владѣніе, если оно находится въ рукахъ домохозяина и его нисходящихъ, единоличной собственностью одного домо-

хозяина. Онъ, такимъ образомъ, обездоливаетъ взрослыхъ членовъ семьи, которые, можетъ быть, десятки лѣтъ затрачиваютъ свой трудъ въ увѣренности, что онъ не пропадетъ даромъ, такъ какъ пользованіе его плодами [illegible]лно общей семейной собственностью. Со времени указа отъ личной воли домохозяина зависитъ судьба всѣхъ членовъ его семьи.

Захочетъ онъ — и десятки лѣтъ трудившійся для семьи членъ ея можетъ быть лишенъ всякихъ правъ на имущество, которое онъ считалъ семейнымъ и которое вдругъ велѣніемъ свыше превращалось въ личную собственность домохозяина.

Указъ 9 ноября положилъ начало широкой мобилизаціи — крестьянской земли. Укрѣпленіе земли ради ея продажи приняло массовый характеръ. Пролетаризація крестьянства отнынѣ усилилась въ небывалыхъ размѣрахъ. Правовыя же отношенія въ деревнѣ не только не сдѣлались болѣе опредѣленными и ясными, но, напротивъ, запутались до послѣдней степени.

Въ оправданіе указа много говорилось о созданіи черезъ его посредство свободы для крестьянъ въ распоряженіи землей, объ объединеніи крестьянъ въ правахъ по имуществу съ другими сословіями на почвѣ общаго имущественнаго права. Но такая задача оказалась не по плечу составителямъ указа. Немедленно послѣ изданія указа, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ въ его разъясненіе издало циркуляръ, въ которомъ сообщало, что отнынѣ единоличные собственники, выйдя изъ общины, свободны въ распоряженіи своими надѣлами, могутъ ихъ завѣщать, кому имъ заблагоразсудится, и въ наслѣдованіи свободны отъ стѣсненій, которыя они испытывали.

Но очень скоро пришлось сдѣлать многочисленныя оговорки, которыя ясно показали, что всѣ „ограниченія“ и „стѣсненія“ собственника-крестьянина остались въ полномъ объемѣ.

Прежде всего остался въ полной силѣ законъ 1893 года о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ. Поэтому залогъ хотя бы и укрѣпленныхъ земель безусловно невозможенъ. Продажа такой земли также ограничена тѣмъ, что ее можно продавать только лицамъ, приписаннымъ или приписывающимся къ крестьянскимъ обществамъ.

Наконецъ завѣщательныя распоряженія ограничены общимъ закономъ, въ силу коего наслѣдованіе у крестьянъ регулируется не закономъ, а обычаемъ, который въ большинствѣ мѣстностей не допускаетъ завѣщательныхъ распоряженій въ обходъ наслѣдственныхъ правъ нисходящихъ и вообще ближайшихъ родственниковъ — членовъ семьи. Кромѣ того, свобода завѣщательныхъ распоряженій ограничена еще и при примѣненіи десятаго тома положеніями о родовомъ имуществѣ, къ каковому разряду подойдутъ большинство земель подворнаго владѣнія. При такомъ положеніи „свобода распоряженія“ надѣльнымъ имуществомъ является довольно миѳической.

Указъ призналъ единоличной собственностью такое семейное имущество, которое находилось въ распоряженіи семьи, состоящей изъ домохозяина и его нисходящихъ.

Имущество же, состоящее во владѣніи семьи, состоящей изъ боковыхъ родственниковъ, признано общимъ семейнымъ имуществомъ. Болѣе опредѣленныхъ положеній о томъ, что это за общее имущество, каковы права членовъ семьи, съ одной стороны, и домохозяина—съ другой, указъ не даетъ, и споры, возникающіе на этой почвѣ, очень многочисленные и разнообразные, не могутъ получить своего разрѣшенія на сколько-нибудь прочныхъ правовыхъ основаніяхъ.

Соотвѣтствующій указу 9 ноября законопроектъ былъ внесенъ еще во вторую Государственную Думу, но разсмотрѣнъ въ третьей Думѣ и 14 іюня 1910 года сдѣлался закономъ, одобреннымъ Государственнымъ Совѣтомъ и Государственной Думой и Высочайше утвержденнымъ.

Въ этомъ законѣ сдѣланы слѣдующія главныя отступленія отъ указа 9 ноября.

Уничтожено дѣленіе общинъ на имѣвшихъ передѣлъ и неимѣвшихъ ихъ въ теченіе 24 лѣтъ. Взамѣнъ этого дѣленія, отъ котораго по указу зависѣлъ способъ опредѣленія размѣра земли, укрѣпляемой безвозмездно въ пользу выдѣляющагося, принято другое дѣленіе. Общины, не имѣвшія передѣловъ со времени надѣленія землей, признаны тѣмъ самымъ перешедшими къ подворному владѣнію. Члены такихъ общинъ безъ всякаго требованія съ ихъ стороны, обращеннаго къ обществу, получаютъ акты укрѣпленія за ними той земли, которая находится въ ихъ фактическомъ пользованіи. Затѣмъ всѣ другія общины дѣлятся на два разряда. Тѣ общины, у которыхъ былъ совершонъ передѣлъ по закону 8 іюня 1893 года о передѣлахъ, подчиняются слѣдующему правилу о выходѣ изъ общины. Выходящій имѣетъ право требовать укрѣпленія за нимъ въ личную собственность всей земли, находящейся въ его пользованіи въ томъ только случаѣ, когда у него количество разверсточныхъ единицъ въ семьѣ не уменьшилось противъ послѣдняго передѣла. Если же это количество уменьшилось, то онъ безвозмездно можетъ укрѣпить только то количество, которое соотвѣтствуетъ этому уменьшенному количеству. Остальное же онъ можетъ укрѣпить только при условіи выплаты обществу стоимости излишка по выкупной цѣнѣ. Во всѣхъ другихъ общинахъ, въ которыхъ со времени надѣленія происходили передѣлы, но не по закону 1893 года, домохозяева имѣютъ право укрѣплять за собой всю землю, фактически безспорно находящуюся въ ихъ пользованіи.

Въ законѣ 14 іюня 1910 года, такъ же какъ и въ указѣ, всѣ споры между обществомъ и домохозяевами о примѣненіи закона подлежатъ разрѣшенію не судебныхъ, а крестьянскихъ учрежденій, получающихъ, такимъ образомъ, еще новую важную компетенцію въ дѣлѣ землеустройства.

Въ отношеніи семейной собственности законъ 14 іюня принялъ начало того, по коему въ личную собственность домохозяина обращаются земли такой только семьи, которая состоитъ изъ домохозяина и его нисходящихъ.

Земля же, состоящая во владѣніи семьи, состоящей изъ боковыхъ родственниковъ, укрѣпляется въ общую собственность. Кромѣ того, законъ 14 іюня регулировалъ вопросъ, который по указу 9 ноября оставался неразрѣшеннымъ. Какъ быть, если семья состоитъ не изъ домохозяина, а изъ домохозяйки-вдовы и ея нисходящихъ? Слѣдуетъ ли въ такомъ случаѣ укрѣплять въ личную или въ общую собственность? Законъ 14 іюня призналъ въ этомъ случаѣ землю состоящей въ общей собственности семьи. Законъ 14 іюня прошелъ и въ Государственной Думѣ и въ Государственномъ Совѣтѣ очень небольшимъ большинствомъ. Оппозиція ему была очень сильная и очень солидно обоснованная. И, конечно, если бы народное представительство основывалось бы не на актѣ 3 іюля 1907 года, законъ никогда принятъ бы не былъ.

IV.

Подводя итоги законодательной дѣятельности послѣднихъ пятидесяти лѣтъ въ области крестьянскаго вопроса, приходится отмѣтить поразительную бѣдность въ сравненіи съ тѣми задачами, которыя намѣчались жизнью.

Замѣчается какое-то старческое безсиліе государственнаго организма справиться съ жизненными запросами, какое-то одряхлѣніе всего государственнаго строя, проявляющееся въ крестьянскомъ дѣлѣ такъ же, какъ и въ другихъ областяхъ государственной жизни.

Даже задача осуществленія реформы 1861 года и распространенія ея началъ на тѣ разряды крестьянъ, на которыхъ она не была распространена при своемъ изданіи, исполнялась съ поразительной медленностью, безъ энергіи и настойчивости. Осуществленіе реформы 19 февраля не вездѣ окончено и по сіе время. Надѣленіе крестьянъ до сихъ поръ не вполнѣ завершено, напр., въ западномъ краѣ. Дѣла по отводу и отграниченію надѣла тамъ до сихъ поръ еще не окончены и находятся на разсмотрѣніи губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій и въ Сенатѣ.

До сихъ поръ начала реформы не распространены на обширныя области Россіи. Крестьяне въ Сибири не получили окончательнаго земельнаго устройства. На Кавказѣ еще существуетъ крѣпостная зависимость крестьянъ. Не окончено землеустройство горнозаводскаго населенія Урала.

Намѣченное реформой 19 февраля дѣло распространенія на крестьянъ общихъ законовъ и уравненія ихъ въ правовомъ отношеніи съ остальнымъ населеніемъ вплоть до указа 5 октября 1906 года не только не подвигалось

впередъ, но, наоборотъ, сдѣлало не мало шаговъ назадъ. Освобожденные отъ опеки помѣщичьей власти, крестьяне все сильнѣе и сильнѣе сжимались въ тискахъ административной опеки специальнаго крестьянскаго начальства. Эта опека получила свое завершеніе въ Положеніи о земскихъ начальникахъ, въ которомъ опека была распространена на всѣ стороны крестьянской жизни.

На всемъ протяженіи послѣдняго пятидесятилѣтія мы замѣчаемъ полное отсутствіе заботы правительства разрѣшать предстоящія задачи въ области крестьянскаго законодательства съ точки зрѣнія прямыхъ нуждъ и интересовъ крестьянъ. Цѣли, совершенно постороннія дѣйствительнымъ интересамъ крестьянскаго населенія, преслѣдовались тѣми законодательными актами, которые издавались за это время.

Заботы объ обезпеченіи интересовъ государственной казны, заботы о достиженіи спокойствія и порядка въ сельскихъ мѣстностяхъ самыми упрощенными мѣрами, хотя бы цѣной приниженія человѣческой личности и ограниченія ея свободы—вотъ характерныя черты крестьянскаго законодательства за послѣдніе полвѣка.

Нерѣдко законодательные акты, издававшіеся за послѣднее пятидесятилѣтіе, оправдывались мотивами, взятыми какъ бы изъ арсенала господствовавшаго въ данное время прогрессивнаго направленія въ общественной мысли.

Такъ, напримѣръ, законы 1893 года о передѣлахъ, о неотчуждаемости надѣловъ, объ отмѣнѣ права выдѣла безъ согласія общества официально мотивировались желаніемъ поддержать строй крестьянскихъ отношеній, основанный на обычномъ правѣ, согласованномъ съ крестьянскимъ правосознаніемъ. Въ мотивахъ указывалась также забота о поддержаніи мелкой земельной собственности, объ охранѣ ея отъ поглощенія крупной собственностью, о стремленіи сохранить земельный фондъ въ рукахъ трудящихся.

Народническое направленіе, преобладавшее въ общественномъ мнѣніи восьмидесятыхъ годовъ, было такимъ образомъ своеобразно эксплуатировано для оправданія законодательной дѣятельности правительства.

Создалось особое официальное народничество, которое, не имѣя ничего общаго съ истиннымъ народничествомъ, стремилось облечь себя сочувствіемъ, которымъ пользовалось народническое направленіе въ обществѣ.

Въ дѣйствительности, поддержка общины и общей семейной собственности, которая замѣтна въ законодательныхъ актахъ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ, объяснялась отчасти фискальными, отчасти политическими цѣлями. По мнѣнію правительства, въ то время община и общая семейная собственность лучше обезпечивали взысканіе податей и исполненіе крестьянами повинностей.

Система взиманія податей и исполненія повинностей покоилась на круговой порукѣ и участіи общества.

Политическая цѣль, преслѣдуемая законодательствомъ 80-хъ и 90-хъ гг., заключалась въ желаніи удержать крестьянъ въ условіяхъ жизни, обособляющихъ ихъ отъ другихъ сословій и препятствующихъ какъ сліянію ихъ съ другими элементами населенія, такъ и вообще пріобщенію крестьянъ къ общегражданской жизни. Несомнѣнно, что крестьянская обособленность облегчала и упрощала задачи управленія ими и обезпечивала условія для установленія той всеобъемлющей опеки, на которую правительство возлагало столько надежды.

Указанная политическая цѣль, конечно, сохранилась и въ настоящее время, и ею объясняется нежеланіе реформировать крестьянское самоуправленіе и упразднить институтъ земскихъ начальниковъ.

Но фискальныя цѣли, которыя преслѣдовало законодательство 80-хъ и 90-хъ годовъ, въ настоящее время совершенно утратили свое значеніе. Съ измѣненіемъ законовъ, регулировавшихъ фискальную дѣятельность государства, поддержка общины и общей семейной собственности для цѣлей фиска оказалась ненужной.

Отмѣна подушной подати, переложеніе государственныхъ и земскихъ повинностей на землю, измѣненіе взысканія окладныхъ сборовъ, при которомъ финансовые органы правительства были поставлены непосредственно въ соприкосновеніе съ плательщикомъ безъ посредствующаго участія общества,—все это обезцѣнило въ фискальномъ отношеніи значеніе коллективныхъ формъ землевладѣнія крестьянъ. Отмѣна круговой поруки и упраздненіе выкупныхъ платежей довершило это дѣло.

Очень характерно для выясненія истинныхъ причинъ прежней законодательной поддержки общины, что время переворота въ отношеніи законодательства къ ней какъ разъ совпало съ временемъ измѣненія ея фискальнаго значенія. Какъ только это значеніе исчезло, законодательство круто повернуло противъ общины и стало создавать насильственныя условія ея разрушенія.

Указъ 9 ноября 1906 года и законъ 14 іюня 1910 года хотя и стоятъ въ прямомъ противорѣчіи съ прежними законодательными актами, имѣютъ, однако, съ ними и общія черты. Онѣ заключаются въ томъ, что крестьянское законодательство продолжаетъ находиться не въ зависимости отъ попеченія объ истинныхъ интересахъ крестьянской массы, а въ зависимости отъ совершенно имъ постороннихъ цѣлей фискальнаго и политическаго характера. Фискальныя цѣли теперь требуютъ другихъ средствъ. Коллективныя формы землевладѣнія перестали имъ соотвѣтствовать. Для лучшаго достиженія ихъ оказались полезнѣе индивидуальныя, состоятельныя хозяйства, и, вмѣсто поддержанія общины, законодательство стало заботиться о насажденіи „крѣпкаго мужика". Формы крестьянскаго землевладѣнія, охранявшія крестьянъ отъ обезземеленія, стали разрушаться для созданія сельскихъ хозяйствъ, хотя бы цѣной пролетаризаціи массъ.

Отчасти измѣнились и политическія цѣли. Община, по мнѣнію правительства, не обезпечила спокойствія крестьянства, не охранила его отъ аграрныхъ волненій. Она оказалась ненужной для поддержанія общественнаго спокойствія, а разрушеніе ея сдѣлалось, наоборотъ, удобнымъ средствомъ для того, чтобы отвратить крестьянъ отъ домогательствъ удовлетворить свой земельный голодъ на счетъ частновладѣльческихъ земель. Имъ указанъ путь удовлетворенія этого голода обращеніемъ общинныхъ земель въ личную собственность.

И въ этомъ дѣлѣ не обошлось безъ ссылокъ на прогрессивное направленіе общественной мысли.

Офиціально народническое направленіе смѣнилось офиціальнымъ псевдомарксизмомъ.

Стремленія новаго законодательства разрушить общину оправдывались выводами науки, будто бы доказывающими преимущество индивидуальной собственности передъ коллективной. Въ офиціальныхъ мотивахъ къ новому законодательному курсу слышались даже ноты заботъ объ обезпеченіи свободы личности крестьянина.

Но эти ноты звучали явнымъ диссонансомъ при сопоставленіи съ существующими ограниченіями правъ крестьянъ, какъ въ хозяйственной сферѣ, и въ частности въ правахъ распоряженія надѣльной землей, такъ и въ общественномъ строѣ и въ порядкахъ управленія. Всѣ эти ограниченія оставляютъ крестьянъ и до сихъ поръ въ положеніи обособленнаго, неполноправнаго класса населенія Россіи.

Дѣло завершенія реформы 19 февраля является и черезъ пятьдесятъ лѣтъ все еще дѣломъ будущаго.

А. Леонтьевъ.

Мельница (Левитана.)

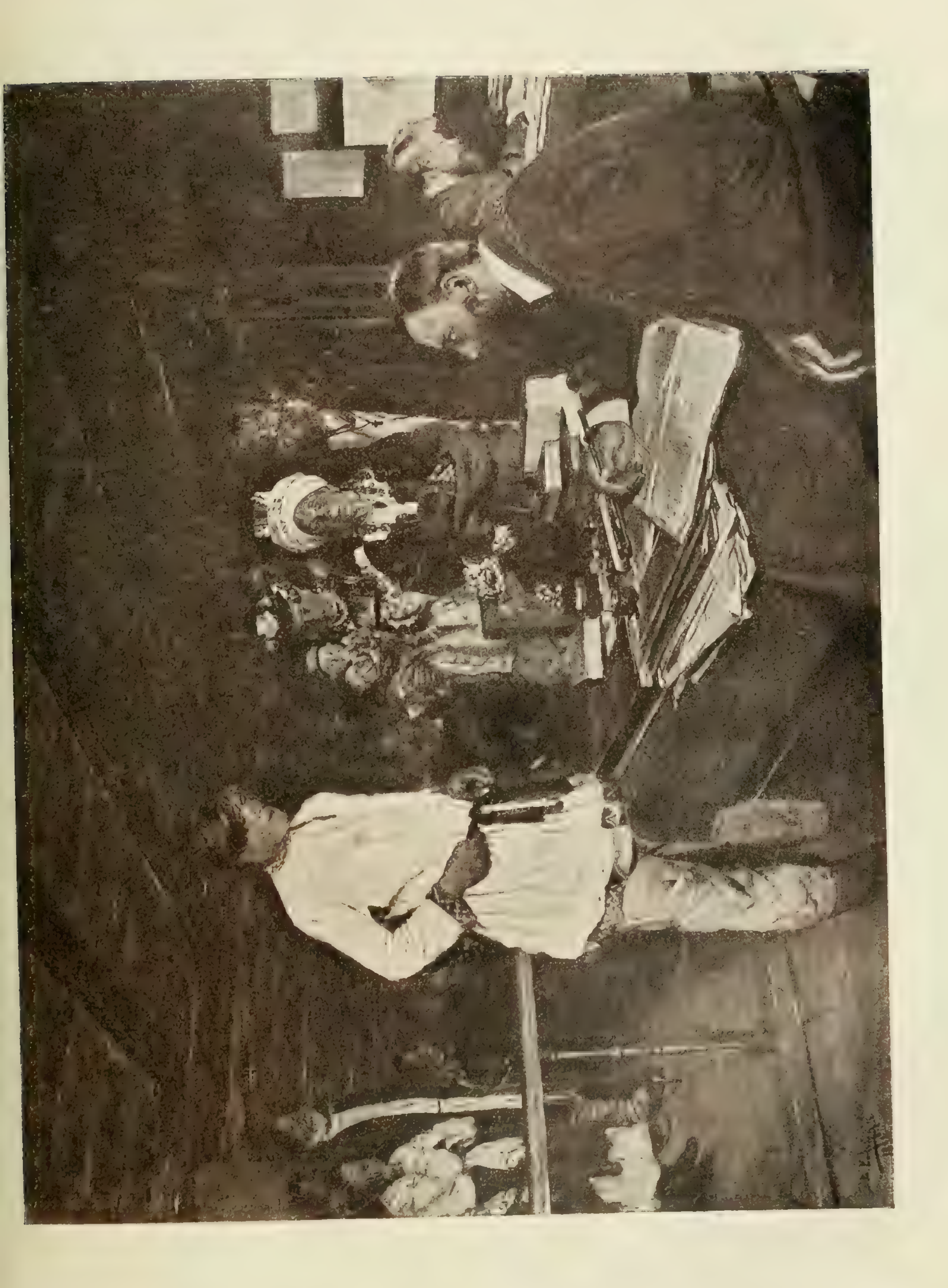

Недоимки (Орлова).

Экономическое положеніе крестьянъ въ пореформенное время.

А. В. Пѣшехонова.

Пятьдесятъ лѣтъ, протекшихъ со времени отмѣны крѣпостного права, съ непререкаемою очевидностью показали, что основная задача реформы, торжественно возвѣщенная въ относившихся къ ней актахъ, осталась неразрѣшенною. „Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ,—говорилось въ манифестѣ 19 февраля,—и призови Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго". Но ни домашняго, ни общественнаго благополучія за истекшія пятьдесятъ лѣтъ нельзя было достигнуть въ тѣхъ условіяхъ, какія были созданы реформою 1861 г.

и находившимися въ связи съ нею преобразованіями. На этотъ счетъ, поскольку вопросъ касается крестьянства, въ настоящее время нѣтъ даже разногласій. Спорятъ лишь о томъ, куда—вправо или влѣво—нужно свернуть съ пути, по которому была тогда направлена крестьянская жизнь.

За истекшіе полвѣка не мало было сдѣлано шаговъ и прямо въ обратномъ направленіи. Съ особою силою это стремленіе вернуться назадъ, возможно ближе къ крѣпостнымъ формамъ государственной жизни, сказывается въ нѣкоторыхъ политическихъ кругахъ теперь, на порогѣ новаго пятидесятилѣтія. Странно даже говорить, но до сихъ поръ намъ приходится считаться съ идеализаціей крѣпостного права, какъ „великаго по замыслу учрежденія“, и съ квалификаціей его отмѣны, какъ непростительной исторической ошибки. Но на страницахъ настоящаго изданія нѣтъ, конечно, надобности останавливаться на этихъ потугахъ возвеличить прошлое съ цѣлью направить поиски народнаго благополучія въ ту сторону, гдѣ его никогда не было...

Причины, почему „великая реформа“ не дала ожидавшихся отъ нея результатовъ, достаточны ясны. Во всякомъ случаѣ одно можно утверждать съ полною увѣренностью: не въ заданіи была ошибка, а въ выполненіи. Свободный трудъ, несомнѣнно, могъ бы явиться вѣрнымъ залогомъ народнаго благосостоянія; все дѣло въ томъ, что и послѣ реформы онъ оказался несвободнымъ.

„На мѣсто сѣтей крѣпостныхъ, по извѣстному выраженію поэта, люди придумали много иныхъ“.. Желая уяснить себѣ экономическое положеніе русской деревни въ пореформенное время, мы и должны будемъ остановиться, главнымъ образомъ, на этихъ сѣтяхъ, которыми было опутано крестьянство и которыя помѣшали ему развернуть свои экономическія силы и упрочить свое экономическое положеніе.

I.

Въ ряду причинъ, помѣшавшихъ крестьянству „мало-мальски благополучно утвердиться“, первенствующее мѣсто, несомнѣнно, принадлежитъ земельнымъ условіямъ, въ какія оно было поставлено реформой 1861 года и всей дальнѣйшей земельной политикой.

Не повторяя здѣсь подробностей надѣленія крестьянъ, напомнимъ лишь общіе результаты этой операціи.

Вышедшіе на волю крестьяне, по общему правилу, должны были получить то количество земли, какое находилось въ ихъ пользованіи до 1861 года. Но отъ этого общаго правила былъ допущенъ цѣлый рядъ отступленій, отчасти въ пользу крестьянъ, но, главнымъ образомъ, въ пользу помѣщиковъ. Въ конечномъ счетѣ крестьяне получили значительно меньше

земли, чѣмъ имѣли при крѣпостномъ правѣ [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ они лишились и всѣхъ тѣхъ угодій которыми пользовались изъ части урожая или по особымъ соглашеніямъ съ владѣльцами. Потеряли они также право пасти скотъ на земляхъ, оставшихся за помѣщиками, и безплатно получать изъ ихъ лѣсовъ топливо и строительные матеріалы, чѣмъ они пользовались во многихъ мѣстахъ до реформы. Не могли они впредь разсчитывать и на прибавку земли, какая при появленіи новыхъ хозяйствъ обыкновенно производилась помѣщиками.

Такимъ образомъ, вышедшіе на волю крестьяне оказались въ гораздо худшихъ земельныхъ условіяхъ, чѣмъ въ какихъ они находились при крѣпостномъ правѣ. Этотъ результатъ отнюдь не былъ случайнымъ: къ нему сознательно стремились защитники помѣщичьихъ интересовъ въ учрежденіяхъ, подготовлявшихъ реформу. Напомнимъ здѣсь мнѣніе, высказанное членами Саратовскаго губернскаго комитета по вопросу о размѣрѣ надѣла: „...Если крестьянамъ, — говорили они, — дать земли въ пользованіе столько, сколько для нихъ потребно не только для обезпеченія первыхъ необходимостей существованія, но даже для полной зажиточности, то, будучи довольны своими участками и не нуждаясь ни въ съемкѣ земли, ни въ предложеніи своего труда въ то время, какое имъ останется за обработкою своихъ участковъ, они не станутъ обработывать помѣщичьихъ полей, и, такимъ образомъ, и сами будутъ коснѣть въ лѣности и владѣльцевъ оставлять безъ возможности извлекать выгоды изъ своихъ земельныхъ капиталовъ... Для предупрежденія такого зла надо надѣлить крестьянъ землею въ пользованіе только въ такомъ количествѣ, которое бы не исключило нужды, сверхъ отведенной имъ земли, обрабатывать своимъ трудомъ еще и другія земли"...

Обезпечить себѣ въ лицѣ крестьянъ „постоянныхъ работниковъ" — такова цѣль, къ которой совершенно откровенно стремилась помѣщичья партія. И эта цѣль была вполнѣ достигнута. Легко понять, что потребность въ „съемкѣ земли" и въ „предложеніи своего труда" лишь въ томъ случаѣ была бы устранена для крестьянъ, если бы они получили всю землю, какую обрабатывали своимъ трудомъ не только для себя, но и для помѣщиковъ. Лишь въ такомъ случаѣ полученный ими надѣлъ при данномъ уровнѣ земледѣльческой культуры болѣе или менѣе соотвѣтствовалъ бы ихъ рабочимъ силамъ. Но они не получили даже той земли, какая въ крѣпостномъ хо-

[1]) Площадь, которая была отрѣзана у крестьянъ изъ числа земли, находившейся въ ихъ постоянномъ пользованіи, опредѣляютъ разно: отъ 1,3 (Каблуковъ) до $5^1/_4$ мил. дес. (Лосицкій). Особенно много земли было отрѣзано у крестьянъ въ черноземныхъ губерніяхъ. Въ частности по Саратовской губерніи, для которой имѣются наиболѣе точныя данныя, извлеченныя земскими статистиками изъ уставныхъ грамотъ и разработанныя затѣмъ г. Серебряковымъ, крестьяне потеряли въ результатѣ реформы $43^0/_0$ имѣвшейся у нихъ земли («Матеріалы для оцѣнки земель Саратовской губ.», вып. I, часть I, Землевладѣніе. Саратовъ, 1906).

зяйствѣ отводились на ихъ долю и которой едва хватало имъ „для обезпеченія первыхъ необходимостей существованія", — для поддержанія жизни на томъ невысокомъ уровнѣ, какой былъ доступенъ крѣпостному населенію.

Такъ была сплетена главная сѣть, опутавшая пореформенное крестьянство, — малоземелье. Съ приростомъ населенія, — а онъ начался, конечно немедленно, прежде даже чѣмъ крестьяне въ новыхъ условіяхъ успѣли оглядѣться,—эта сѣть сама собой должна была становиться все тѣснѣе и давить все сильнѣе.

Изъ города (Корзухина).

Обезпечить себѣ экономическую независимость вышедшіе на волю крестьяне могли въ сущности лишь однимъ путемъ—быстрой интенсификаціей своего хозяйства, значительнымъ углубленіемъ доставшейся имъ земельной площади, поверхность которой при данномъ хозяйственномъ уровнѣ была явно недостаточна. Но для этого, помимо всѣхъ другихъ препятствій, у только что освободившагося населенія не было необходимыхъ знаній и капиталовъ. Волей-неволей оно должно было пойти въ другую сторону. Лишенные возможности не только использовать свои рабочія силы на отведенныхъ имъ на-

[illegible], но и прокормиться отъ нихъ, крестьяне неизбѣжно должны были для пополненія своихъ жизненныхъ ресурсовъ обратиться къ обработкѣ постороннихъ полей и къ предложенію своего труда другимъ классамъ, владѣющимъ необходимыми средствами производства.

Этимъ было предрѣшено въ сущности все дальнѣйшее направленіе хозяйственной жизни вышедшаго изъ крѣпостной зависимости населенія. „Коготокъ увязъ — всей птичкѣ пропасть“... То же, можно сказать, произошло и съ крестьянствомъ. Удержаться на позиціи дѣйствительно самостоятельнаго производителя оно оказалось уже не въ силахъ: всѣ хозяйственныя отношенія его получили, какъ увидимъ дальше, вынужденный, зависимый, нерѣдко прямо кабальный характеръ.

Кромѣ недостаточныхъ размѣровъ надѣла, развитіе хозяйственныхъ отношеній въ только что указанномъ направленіи во многихъ случаяхъ было обусловлено и его составомъ. Въ надѣлѣ нерѣдко недоставало угодій, которыя безусловно необходимы при данномъ уровнѣ хозяйства и безъ которыхъ его нельзя поддерживать на этомъ уровнѣ. Въ качествѣ наиболѣе общаго примѣра, можно указать на соотношеніе между кормовою площадью и пашнею, каковое въ отведенной крестьянамъ землѣ оказалось значительно ниже нормы, обязательной при трехпольномъ хозяйствѣ. Многіе крестьяне съ первыхъ же шаговъ остро почувствовали недостатокъ въ сѣнокосахъ; еще болѣе острой и еще болѣе распространенной, почти повсемѣстной, оказалась крестьянская нужда въ пастбищахъ. Для пополненія подобныхъ недочетовъ въ надѣлѣ неизбѣжна была аренда, быстро получившая въ этихъ случаяхъ ярко выраженный характеръ не свободной, а вынужденной сдѣлки между двумя неравносильными сторонами.

Не малую роль сыграло въ томъ же отношеніи и расположеніе надѣльныхъ земель. Въ общей и статистической литературѣ описанъ безчисленный рядъ случаевъ, когда аренда по этой именно причинѣ является безусловно необходимой для крестьянъ, такъ какъ иначе нельзя избѣжать потравъ („курицу нельзя выпустить“), нельзя прогнать скотъ къ водопою или на пастбище и т. п. [1]). Расположеніе надѣльной земли имѣетъ подчасъ такой прихотливый, почти фантастическій видъ, что сама собою является мысль: случайно получиться оно не могло, для этого нужна была особая, доведенная до виртуозности изобрѣтательность. Приведемъ одинъ конкретный примѣръ. Земля крестьянъ дер. Хомуты (Орловск. губ.) расположена въ пяти участкахъ, и между ними нѣтъ иного сообщенія, какъ черезъ

[1]) Все разнообразіе отдѣльныхъ случаевъ г. Мануиловъ довольно удачно свелъ къ тремъ основнымъ типамъ расположенія земель, при которыхъ аренда оказывается почти неизбѣжной для крестьянъ: а) когда чужая земля глубоко врѣзается въ надѣлъ, подходя иногда къ самому селенію; б) когда чужая земля расположена по срединѣ надѣла, и в) когда чужая разрѣзаетъ надѣлъ на части (см. сборникъ «Очерки по крестьянскому вопросу», вып. II, М., 1905 г.).

чужія земли; кромѣ того, еще три куска надѣльной земли вкраплены въ землю помѣщика, и къ нимъ уже вовсе нельзя подступиться безъ его согласія.

„Видите эту узенькую полоску,—съ какимъ-то злорадствомъ говорилъ послѣдній статистику, тыкая пальцемъ въ планъ.—вотъ я ихъ тутъ и прижму".

Нѣтъ, однако, надобности предполагать, что всѣ такія „западни", какъ ихъ окрестили крестьяне, были устроены преднамѣренно. Многія изъ нихъ могли появиться сами собою —даже въ тѣхъ случаяхъ, когда въ надѣлъ крестьянамъ поступила вся земля, находившаяся въ ихъ пользованіи до 1861 г.

Базарный день (Любимова).

У каждаго барина насчетъ распредѣленія земли въ крѣпостномъ хозяйствѣ была, конечно, своя фантазія, нерѣдко сводившаяся къ тому, что крестьяне обрабатывали для него лучшіе участки, гдѣ бы таковые ни находились. При выходѣ на волю крестьянамъ не дано было права требовать разверстанія мірскихъ земель съ господскими и отвода надѣловъ къ одному мѣсту; помѣщикъ же, которому это право было предоставлено, легко могъ найти излишнимъ въ томъ или иномъ случаѣ мѣнять свою фантазію.

Не мало „западней" получилось также благодаря отрѣзкамъ. Иногда отрѣзались наименѣе цѣнныя для крестьянъ, „неудобныя" земли, но это не помѣшало конечно, имъ превратиться потомъ въ „ловушки". „Почти всѣ

помѣщики — говоритъ г. С., которому принадлежитъ одна изъ наиболѣе раннихъ попытокъ дать общую характеристику экономическаго положенія крестьянъ въ пореформенное время,—въ первые же годы поняли, какое золотое дно составляютъ для нихъ эти безплодные и по своимъ качественнымъ достоинствамъ совершенно безцѣнные клочки неудобной земли". Благодаря этому положенію, отрѣзныя земли явились для помѣщиковъ „однимъ изъ главныхъ средствъ для полученія дешеваго рабочаго труда"; для тѣхъ же изъ нихъ, кто не велъ хозяйства и не нуждался въ наемномъ трудѣ, онѣ составили „въ высшей степени доходную оброчную статью, съ которою по выгодамъ не могло сравниться никакое интенсивное хозяйство" [1]).

Такимъ образомъ и размѣры надѣла, и его внутренній составъ и во многихъ случаяхъ его внѣшнія грани оказались послѣ реформы таковы, что вышедшее на волю крестьянство сразу же должно было обратиться къ подневольному труду, продолжая оставаться „вѣрной статьей дохода" для правящихъ классовъ и прежде всего для того самаго барина, изъ-подъ власти котораго его должна была освободить реформа 1861 года.

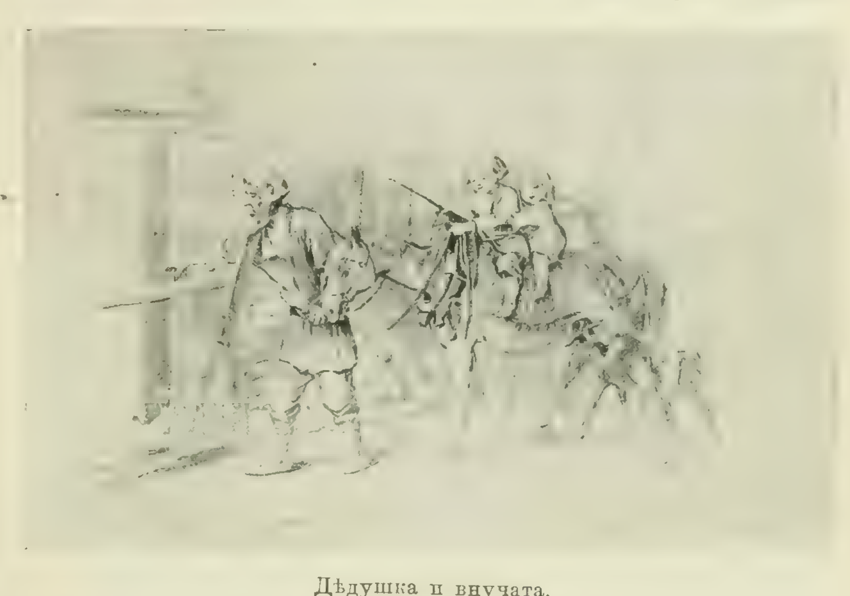
Какія выгоды имѣлъ послѣдній отъ своего „интенсивнаго хозяйства", благодаря обезпеченной ему возможности доставать рабочую силу за дешевую плату,—учесть совершенно невозможно Но доходы помѣщиковъ отъ „оброчныхъ статей", сдававшихся ими въ аренду крестьянамъ,—въ аренду чаще всего вынужденную,—поддаются, хотя и очень приблизительному, учету.

По расчетамъ Н. А. Карышева [2]) въ срединѣ минувшаго десятилѣтія, крестьяне арендовали (вмѣстѣ съ пастбищами) около 50 милл. дес. внѣнадѣльной, т.-е., главнымъ образомъ, помѣщичьей земли и платили за нее свыше 300 милл. руб. ежегодно. По отношенію къ количеству арендованной земли эти расчеты, какъ можно думать, слѣдуетъ считать нѣсколько преувеличенными. По земско-статистическимъ даннымъ, какъ тѣмъ, которыми пользовался Карышевъ, такъ и позднѣйшимъ, арендованная крестьянами внѣнадѣльная земля (безъ пастбищъ) въ 183 изслѣдованныхъ уѣздахъ составляла около 20% по отношенію къ надѣльной. Судя по этому, общее количество арендовавшейся крестьянами земли въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи слѣдуетъ считать отъ 25 до 30 милл. дес., а вмѣстѣ съ пастбищами (если, вслѣдъ за Карышевымъ, считать, что ихъ арендуется 10% надѣльной площади)— около 40 милл. дес. Что касается средней арендной платы, исчисленной Карышевымъ въ 6 руб. 30 коп. за десятину, то ее слѣдуетъ считать скорѣе ниже, чѣмъ выше средней за все пореформенное время,—тѣмъ болѣе, что

1) С., «Очеркъ экономическаго быта земледѣльческаго населенія Европейской Россіи» (см. «Земля и Люди» Э. Реклю. Дополненіе ко II выпуску V тома. Спб., 1884 г.).

2) «Итоги экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики», т. II. «Крестьянскія внѣнадѣльныя аренды», Дерптъ, 1892 г.

Карышевымъ были приняты въ расчетъ лишь денежныя платы, которыя вообще ниже натуральныхъ и отработочныхъ. Во всякомъ случаѣ послѣ того арендныя цѣны на землю рѣзко увеличились. Въ Тверской, напримѣръ, губерніи уже въ срединѣ 90-хъ годовъ онѣ увеличились вдвое и втрое противъ цѣнъ во время статистическаго изслѣдованія. Въ Таврической губерніи средняя арендная плата съ 1889 по 1899 годъ поднялась съ 4,1 до 10,2 руб. за десятину, т.-е. на 154%. Въ Харьковской губерніи арендныя цѣны на землю, по сравненію съ цѣнами 80-хъ годовъ, почти утроились. Въ Херсонской губ. въ 1886 г. средняя плата была 5 руб. 65 к., въ 1898—1900 гг.— 8 р. 57 к. и въ 1901—1905 гг.—11 руб. 04 к. [1]). Но если мы даже уменьшимъ исчисленную Карышевымъ цѣну и возьмемъ среднюю плату въ 5 руб. за десятину, то найдемъ, что въ срединѣ минувшаго 50-лѣтія крестьяне выплачивали ежегодно около 200 милл. руб. арендной платы въ годъ. Всего же за пореформенное время они уплатили, судя по этому, болѣе 10 милліардовъ рублей.

Дѣдушка и внучата.

Таковы оказались выгоды, которыя въ этой только формѣ помѣщики извлекли изъ своихъ земельныхъ капиталовъ,—вѣрнѣе сказать, изъ крестьянскаго малоземелья.

II.

Государственная власть имѣла, конечно, въ дальнѣйшемъ возможность, если не совсѣмъ распутать, то, по крайней мѣрѣ, ослабить земельную сѣть сплетенную при его содѣйствіи.

Ничего не сдѣлано до сихъ поръ и для упорядоченія арендныхъ отношеній, хотя ненормальный характеръ ихъ давно всѣмъ извѣстенъ. Даже явно ростовщическое употребленіе помѣщиками своихъ „земельныхъ капиталовъ" не встрѣчало и не встрѣчаетъ со стороны государственной власти

[1]) См. А. А. Мануиловъ, «Аренда земли въ Россіи въ экономическомъ отношеніи»; «Переселенія крестьянъ въ Харьковской губ.», вып. II, Харьковъ, 1910 г.; Петръ Масловъ, «Аграрный вопросъ въ Россіи», т. II, Спб., 1908 г.

ни малѣйшаго противодѣйствія. И ни малѣйшей попытки ослабить арендную цѣпь, которая затягивалась все туже и туже, ею ни разу сдѣлано не было

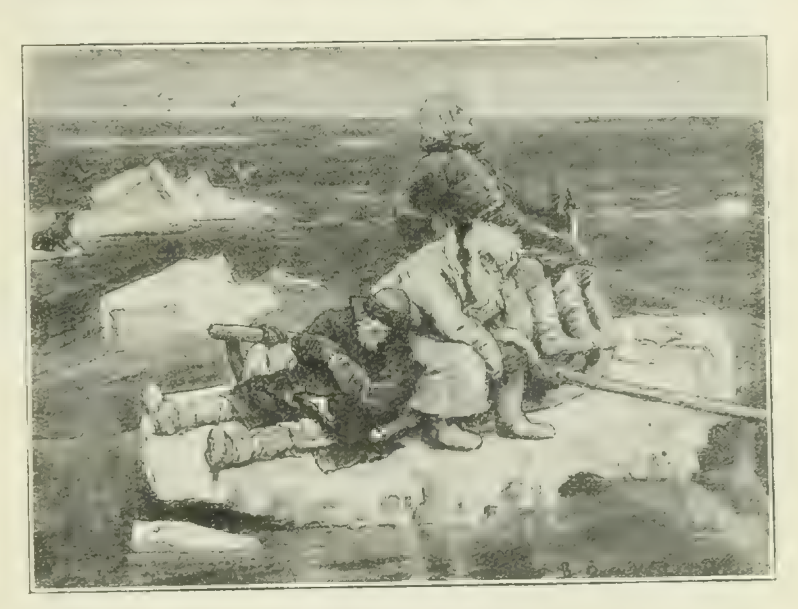
Нельзя того же сказать относительно прямой борьбы съ малоземельемъ путемъ расширенія площади крестьянскаго землевладѣнія. Въ этомъ направленіи за пятьдесятъ лѣтъ правительство оказалось вынужденнымъ сдѣлать цѣлый рядъ шаговъ, но всѣ они, хотя и становились съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе значительными, оказались не въ состояніи не только смягчить крестьянскую земельную нужду, но и предотвратить ея неуклонное нарастаніе. Объясняется это, съ одной стороны, несвоевременностью предпринимавшихся мѣръ, несомнѣнною ихъ запоздалостью, а съ другой—явнымъ несоотвѣтствіемъ ихъ со всѣмъ строемъ крестьянскаго хозяйства.

Въ теченіе первыхъ двухъ десятилѣтій послѣ реформы правительство не только не содѣйствовало расширенію крестьянскаго землевладѣнія, но и прямо этому препятствовало. Съ особою наглядностью эта тенденція сказалась въ отношеніяхъ государственной власти къ переселеніямъ. Въ распоряженіи правительства имѣлся громадный и совершенно свободный земельный фондъ,—въ видѣ государственныхъ, удѣльныхъ и кабинетскихъ земель. Предоставивъ крестьянамъ лишь часть земли, обрабатывавшейся ими при крѣпостномъ правѣ, правительство, казалось бы, должно было открыть имъ свободный выходъ на эти „вольныя земли“ Помимо крестьянскихъ интересовъ, этого требовали и общіе хозяйственные интересы страны, заселеніе которой отнюдь нельзя было считать завершившимся. Колонизаціонный процессъ, происходившій когда-то очень энергично, былъ сначала отклоненъ отъ естественнаго своего русла кочевниками, а затѣмъ и вовсе былъ затрудненъ крѣпостнымъ правомъ. Вольная колонизація была постепенно сведена на нѣтъ, ее смѣнила принудительная, происходившая въ самыхъ уродливыхъ формахъ и далеко не въ достаточныхъ размѣрахъ Съ переходомъ къ новому строю, основанному на свободныхъ хозяйственныхъ отношеніяхъ, нужно было, конечно, прежде всего предоставить населенію возможность свободно размѣститься на территоріи. Этого, однако, сдѣлано не было, и даже „вольныя“ земли оказались подъ запретомъ.

Для бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, которыхъ раньше продавали на сводъ или переселяли сами помѣщики, возможность легальныхъ переселеній была закрыта „Положеніями“ 1861 года. Въ послѣднихъ переселенія не только не были прямо предусмотрѣны, но и вообще выходъ крестьянъ изъ обществъ, къ которымъ они были приписаны, обставленъ былъ почти запретительными условіями. Нѣсколько позднѣе, а именно въ 1866 г., вмѣстѣ съ отводомъ постоянныхъ надѣловъ, были прекращены и переселенія государственныхъ крестьянъ. Такимъ образомъ, этотъ исконный и наиболѣе естественный путь расширенія трудового землепользованія за счетъ свободныхъ земель для всѣхъ крестьянъ оказался прегражденнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ

пріостановленъ колонизаціонный процесъ. Земледѣльческое населеніе оказалось болѣе „прикрѣпленнымъ къ землѣ", чѣмъ это было во времена крѣпостного права.

Едва ли нужно даже говорить, что это произошло не случайно. „Въ эпоху, непосредственно слѣдовавшую за освобожденіемъ крестьянъ,—читаемъ мы въ одномъ изъ оффиціальныхъ изданій послѣдняго времени,—какъ въ правительственныхъ кругахъ, такъ и въ широкихъ слояхъ помѣстнаго дворянства господствовало, по соображеніямъ экономическаго характера, рѣзко выраженное неблагопріятное для переселенческаго движенія настроеніе, вызвавшее даже рядъ репрессивныхъ по отношенію къ нему мѣропріятій" [1]). Каковы были „соображенія экономическаго характера", общія въ данномъ случаѣ для правительства и широкихъ слоевъ помѣстнаго дворянства, — это давно уже выяснено въ литературѣ. По свидѣтельству Ѳ. Г. Тернера, землевладѣльческіе круги и высшія сферы общества „опасались, что увеличится трудность добывать рабочихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ потеряются и съемщики на предлагаемую въ аренду землю". Такимъ образомъ интересы крестьянъ и возможность нормальнаго развитія хозяйственной жизни всей страны были и въ этомъ случаѣ принесены въ жертву помѣщикамъ, не желавшимъ лишиться „вѣрной статьи дохода", какую представляло для нихъ крестьянское малоземелье.

На льдинѣ (Васнецова).

Отсутствіе легальнаго русла для переселеній не могло, конечно, вовсе остановить необходимый для жизни процессъ. Начались самовольныя переселенія, все увеличивавшіяся и получившія къ началу восьмидесятыхъ годовъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ массовый характеръ. Крестьяне уходили на новыя мѣста по паспортамъ, какъ бы на заработки, нерѣдко тайкомъ. Какъ ни выслѣживала администрація, но вовсе предотвратить эти самовольныя пере-

[1]) «Современное положеніе переселенія и его нужды». Справка для членовъ Гос. Думы, составленная Переселенческимъ Управленіемъ. Спб. 1907 г.

селеній она была не въ силахъ. Правительство вынуждено было мириться съ водвореніемъ переселенцевъ на казенныхъ земляхъ и такъ или иначе регулировать ихъ положеніе. Само собой понятно, однако, что переселенческое движеніе, происходившее въ этихъ формахъ, было въ общемъ незначительно и ни въ малой мѣрѣ не могло ослабить малоземелья во внутренней Россіи.

Для расширенія крестьянскаго землевладѣнія оставался, однако, другой путь— покупка частновладѣльческихъ земель. Для этого имѣлась, казалось бы, полная возможность: достаточно сказать, что въ теченіе первыхъ двухъ десятилѣтій (съ 1863 по 1882 г.) на земельномъ рынкѣ обернулось свыше 50 милл. десятинъ. Однако крестьяне оказались въ состояніи пріобрѣсти изъ этого количества менѣе 6 милл. дес., при чемъ свыше 3 милл. дес. пріобрѣли отдѣльныя лица изъ ихъ среды и лишь $2^1/_2$ милл. дес. было куплено обществами и товариществами. Среди крестьянъ, пріобрѣвшихъ землю въ единоличную собственность, было не мало „новыхъ помѣщиковъ“ и кулаковъ. Что касается крестьянской массы, то за два десятилѣтія, какъ можно думать, она едва ли довела свою земельную площадь даже до тѣхъ размѣровъ, какіе послѣдняя имѣла при крѣпостномъ правѣ.

Нетрудно, конечно, понять, почему крестьянство такъ мало пріобрѣло земли въ этомъ періодѣ. Прежде всего ему психологически было трудно вступить на этотъ, далеко не подходящій для трудового земледѣлія, путь расширенія своего землепользованія. И крестьяне дѣйствительно, какъ мы знаемъ, во многихъ случаяхъ отказывались отъ посильныхъ даже для нихъ покупокъ, не переставая надѣяться, что земля перейдетъ къ нимъ инымъ путемъ, что будетъ объявлена „вторая воля“, на этотъ разъ уже не подложная, а настоящая. Главное же, у крестьянства не было денежныхъ рессурсовъ для того, чтобы сколько-нибудь значительно увеличить этимъ путемъ свою земельную площадь. Земельнаго же кредита почти не было: акціонерные банки, возникшіе въ 1872—1873 гг., только еще развивали свою дѣятельность и мало въ это время интересовались крестьянами; правительство же никакихъ мѣръ для содѣйствія послѣднимъ въ дѣлѣ пріобрѣтенія земли не предпринимало.

На почвѣ быстро нараставшей нужды въ землѣ у крестьянъ, съ одной стороны, и отсутствія у нихъ необходимыхъ рессурсовъ, съ другой,—въ теченіе первыхъ же десятилѣтій успѣла широко развиться земельная спекуляція. Значительная часть земель была скуплена въ это время купцами и кулаками. Одни изъ нихъ, пользуясь безвыходнымъ положеніемъ крестьянъ, быстро поднимали арендныя цѣны и такимъ образомъ сразу взвинчивали доходность пріобрѣтенныхъ земель. Другіе выжимали изъ имѣній все, что можно выжать: вырубали лѣса, выпахивали цѣлинныя земли и т. д., и потомъ перепродавали опустошенную землю крестьянамъ, а сами брались за

другія имѣнія. Не малую роль начали играть посредники и въ арендныхъ отношеніяхъ: снимая цѣлыя имѣнія и большіе участки, они пересдавали затѣмъ землю подесятинно крестьянамъ по значительно повышенной цѣнѣ. Даже земли, сдававшіяся въ аренду казною, благодаря посредникамъ, доходили до крестьянъ съ значительной надбавкой.

Это еще болѣе, конечно, обостряло крестьянское малоземелье, все усиливавшееся, благодаря приросту населенія. Правительство продолжало, однако, относиться по меньшей мѣрѣ равнодушно къ этой, всѣми уже признанной и всесторонне выясненной нуждѣ. Лишь въ восьмидесятыхъ годахъ въ его отношеніяхъ къ крестьянскому малоземелью происходитъ переломъ. Для этого были, конечно, свои причины.

Съ одной стороны, какъ можно думать, произвело свое дѣйствіе революціонное движеніе 70-хъ годовъ. Хотя интеллигенція, не успѣвшая соединиться съ народомъ, была разбита наголову, но нетрудно было предвидѣть, что новая попытка съ ея стороны легко можетъ найти откликъ въ крестьянской массѣ. Этимъ, конечно, и объясняется рядъ мѣръ, задуманныхъ въ самомъ концѣ 70-хъ и осуществленныхъ въ первой половинѣ 80-хъ годовъ съ цѣлью облегчить положеніе крестьянъ.

Съ другой стороны, положеніемъ дѣлъ, создавшимся въ земельной сферѣ, не особенно было довольно и первенствующее сословіе. Не всѣ въ его средѣ оказывались въ силахъ удержать имѣвшуюся у нихъ землю, но реализовать „священное право“ на нее со всѣми возможными выгодами при данныхъ условіяхъ, они были не въ состояніи. Значительная часть этихъ выгодъ доставалась „чумазымъ“ посредникамъ. У многихъ при продажѣ земли сама собой являлась мысль: крестьяне больше бы дали, если бы у нихъ были деньги или кредитъ. При нѣкоторой склонности къ народолюбію, та же по существу мысль отливалась, конечно, въ болѣе нѣжную форму: пусть бы ужъ лучше крестьяне попользовались... Поэтому агитація противъ „чумазыхъ“ встрѣтила живой откликъ въ дворянской средѣ. Многіе помѣщики, продавая землю, считали своимъ долгомъ попытаться сойтись непосредственно съ крестьянами и лишь въ случаѣ неудачи соглашались продавать землю въ другія руки. Желаніе продать землю крестьянамъ являлось тѣмъ легче, что страхъ остаться безъ рабочихъ и съемщиковъ въ помѣщичьей средѣ къ этому времени, если не совсѣмъ, то въ значительной своей части разсѣялся: даже съ помѣщичьей точки зрѣнія во многихъ мѣстахъ имѣлось уже избыточное населеніе. Во всякомъ случаѣ расширеніе площади крестьянскаго землевладѣнія уже не встрѣчало со стороны дворянства прежняго противодѣйствія. Крайне характерно, что на путь содѣйствія крестьянамъ въ покупкѣ земли первыми выступили нѣкоторыя земства. Не менѣе характерно, что созванные въ началѣ 80-хъ годовъ „свѣдущіе люди“ опредѣленно высказались за предоставленіе всѣмъ крестьянамъ права на переселеніе („съ тѣми лишь

ограниченіями, которыя не препятствовали бы правильному и свободному теченію жизни*) и даже за „содѣйствіе“ ему въ извѣстной его части.

Такъ или иначе, но въ 80-хъ годахъ правительство вступаетъ на путь „борьбы съ крестьянскимъ малоземельемъ“ и съ теченіемъ времени заходитъ на этомъ пути все дальше.

Съ одной стороны, постепенно и, въ концѣ-концовъ, почти радикально измѣняется отношеніе государственной власти къ переселеніямъ. Не воспроизводя здѣсь всѣхъ перипетій этой эволюціи, напомнимъ лишь общее направленіе, въ какомъ развивалась переселенческая политика: чуть-чуть пріоткрытая въ 1881 году дверь для выхода на „вольныя“ земли, постепенно растворялась все больше и, наконецъ, въ 1906 году была распахнута настежь. Въ теченіе этого періода у правительства не разъ являлось желаніе опять прикрыть ее и даже совсѣмъ захлопнуть. Не разъ (въ 1892—1895 гг., въ 1897 г., въ 1900—1901 гг., въ 1904—1905 гг.) оно это и дѣлало, стѣсняя и даже пытаясь вовсе остановить подъ разными предлогами переселенческое движеніе. Послѣ „свободы“, объявленной для переселеній въ 1906 году, и даже своего рода вызова къ переселеніямъ, сдѣланнаго въ началѣ 1907 г., правительство успѣло уже вернуться къ разрѣшительной системѣ, и новое пятидесятилѣтіе мы начнемъ съ привычнымъ дѣленіемъ переселенцевъ на „самовольныхъ“ и „слѣдующихъ по установленнымъ документамъ“. Но при всѣхъ этихъ отступленіяхъ, общее направленіе въ эволюціи переселенческой политики было, какъ уже указано, отъ запрета къ свободѣ. Соотвѣтственно съ этимъ и переселенческій потокъ, при нѣкоторыхъ колебаніяхъ, становился все шире и шире: въ 1885 г. переселенцевъ было 9 тыс. душъ обоего пола, въ 1900 г.—уже 166 тыс., а въ 1909 г., когда переселенческое движеніе достигло максимума,—665 тыс. душъ.

Ни разу, однако, даже въ 1909 г., переселенческое движеніе не поглотило прироста крестьянскаго населенія за тотъ же годъ. При тѣхъ размѣрахъ, какихъ достигла крестьянская земельная нужда въ Европейской Россіи, едва ли переселенія будутъ уже въ состояніи ослабить ее. Въ лучшемъ случаѣ они могутъ смягчить ее въ отдѣльныхъ небольшихъ мѣстностяхъ и нѣсколько замедлить общій темпъ ея нарастанія. Съ особою, быть-можетъ, наглядностью въ данномъ случаѣ сказалась запоздалость уступокъ, какія правительство сдѣлало требованіямъ жизни.

Въ 80-хъ же годахъ государственная власть измѣнила свое отношеніе къ покупкамъ крестьянами земли у частныхъ владѣльцевъ: отъ безразличнаго отношенія она перешла къ прямому содѣйствію имъ въ этомъ. Съ этою цѣлью въ 1883 году былъ учрежденъ крестьянскій банкъ, которому суждено было сыграть такую видную роль въ дальнѣйшемъ развитіи аграрныхъ отношеній.

Надо сказать, что на этотъ путь „содѣйствія“ крестьянамъ правительство вступило съ большою осторожностью и, хотя обстоятельства заставляли его

время отъ времени ускорять движеніе, оно не разъ обнаруживало склонность замедлить его темпъ и даже вовсе остановиться. Первый уставъ банка заключалъ въ себѣ такія стѣснительныя условія для крестьянъ (между прочимъ, обязательныя доплаты и крайне высокій процентъ роста и погашенія), что покупка земли при его содѣйствіи далеко не для всѣхъ оказывалась возможной, а купленную землю, въ виду чрезмѣрности платежей, не всѣ могли удержать за собою. Къ этому присоединилась еще политика банка, который съ теченіемъ времени сталъ требовать все болѣе и болѣе высокихъ доплатъ и тѣмъ еще болѣе стѣснилъ крестьянъ. Операціи банка, и безъ того не особенно значительныя, стали быстро падать: цифра покупаемой при содѣй-

Бурлаки на Волгѣ (Маковскаго).

ствіи банка земли съ 318 тыс. дес. въ 1885 г., понижаясь изъ года въ годъ, упала въ 1892 году до 148 тыс. дес. Подъ вліяніемъ неурожаевъ 1891—1892 гг. и подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, банкъ нѣсколько измѣнилъ свою политику, и операціи его опять нѣсколько расширились: въ 1896 г. цифра купленной крестьянами земли поднялась до 209 тыс. дес. Въ этомъ году банкъ получилъ новый уставъ, понизившій платежи и доплаты, и операціи его послѣ этого быстро возросли. Въ 1899—1903 гг. крестьяне покупали при его содѣйствіи уже по 700—800 тыс. десятинъ ежегодно (въ 1900 г. 817 тыс. — максимальная цифра до революціи). Обезпокоенное за судьбу помѣстнаго землевладѣнія, начавшаго такъ быстро таять, прави-

только въ 1904 г., подъ предлогомъ японской войны, существенно ограничило дѣятельность банка. Но вслѣдъ за тѣмъ, подъ давленіемъ революціи, вновь широко развило ее, усиливъ до чрезвычайныхъ размѣровъ покупку земель за счетъ банка, понизивъ платежи по ссудамъ (до $4\frac{1}{2}\%$) и отмѣнивъ во многихъ случаяхъ доплаты. Въ 1909 г. крестьянами было куплено отъ банка и при его содѣйствіи уже около 1.400 тыс. дес. Въ самое послѣднее время въ правящихъ кругахъ вновь оживаетъ тревога за судьбу помѣстнаго землевладѣнія, и поэтому возможна новая попытка ограничить правительственное содѣйствіе крестьянамъ въ покупкѣ земли.

Какъ бы то ни было, за вторую половину минувшаго пятидесятилѣтія и особенно въ послѣднія пятнадцать лѣтъ частновладѣльческія земли довольно быстро переходили въ крестьянскія руки. По даннымъ 1905 года крестьянамъ принадлежало уже $24\frac{1}{2}$ милл. дес., изъ нихъ болѣе $15\frac{1}{2}$ милл. дес. обществамъ, товариществамъ и мелкимъ собственникамъ (имѣющимъ менѣе 50 дес.). Послѣ того при посредствѣ только крестьянскаго банка крестьянами пріобрѣтено около 5 милл. дес. Такимъ образомъ, къ трудовому крестьянству перешло уже болѣе 20 милл. дес. частновладѣльческой земли...

Но это составляетъ лишь немного болѣе 16% отведенной ему надѣльной площади (124 милл. дес. въ 50 губ.). Даже усиленная покупка земли, какая происходила въ послѣднія десятилѣтія, оказалась не въ состояніи ослабить ростъ крестьянскаго малоземелья. Во всякомъ случаѣ до 1905 года, несмотря на всѣ мѣры „содѣйствія“ крестьянамъ, оно продолжало усиливаться. При этомъ съ полною наглядностью выяснилась невозможность вообще этимъ путемъ облегчить положеніе крестьянства.

Усиленное пріобрѣтеніе послѣднимъ земли вызвало, какъ оказалось, необычайный ростъ земельныхъ цѣнъ. Такъ, за землю, покупаемую при содѣйствіи крестьянскаго банка, крестьяне платили въ 1890 г.—36 руб., въ 1895 г.—52 руб., въ 1900 г.—82 руб., въ 1905 г.—111 руб. и въ 1909 г.—138 руб. за десятину. Чѣмъ льготнѣе дѣлался оказываемый крестьянамъ кредитъ, чѣмъ ниже становились платежи по ссудамъ и менѣе обременительными доплаты, тѣмъ все выше и выше поднимались земельныя цѣны. Всю выгоду отъ содѣйствія крестьянамъ получили, такимъ образомъ, помѣщики, для которыхъ открылась возможность продавать землю по неслыханнымъ дотолѣ цѣнамъ,—по цѣнамъ, находившимся внѣ всякой связи съ доходностью земли и всецѣло опредѣлявшимся, съ одной стороны, нуждой крестьянъ въ ней, а съ другой—тѣми условіями, на какихъ оказывало имъ кредитъ правительство. Что касается крестьянскаго населенія, то всѣ оказывавшіяся ему льготы нисколько не облегчали его положенія. Что земельныя условія, въ какихъ оно находилось, становились все тяжелѣе, ясно изъ слѣдующаго расчета:

	Средняя покупная цѣна за десятину.	Наименьшій платежъ со 100 руб.	Платежъ на 1 десятину.
Въ 1890 году	36 руб.	7 руб. 50 коп.	3 руб. 04 коп.
„ 1900 „	82 „	5 „ 25 „	4 „ 30 „
„ 1909 „	138 „	4 „ 50 „	6 „ 21 „

Чѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе высокими платежами обязывались крестьяне за пріобрѣтаемую землю, связывая при этомъ себя ими на многіе десятки лѣтъ.

Такимъ образомъ, земельная сѣть, въ которой въ теченіе полувѣка билось крестьянство, нисколько не ослабѣла, и теперь, при вступленіи въ новое пятидесятилѣтіе, она связываетъ и давитъ его, быть-можетъ, сильнѣе, чѣмъ когда-либо.

III

Между тѣмъ это была не единственная сѣть, опутывавшая крестьянство. При переходѣ къ новому строю была сплетена и другая: помимо косвенной зависимости, обусловленной недостаточностью надѣловъ и необходимостью въ силу этого только обратиться къ подневольному труду, на освобождаемаго крестьянина „Положеніями" 1861 г. была возложена и прямая обязанность работать на помѣщиковъ. За каждый полный надѣлъ, какой получили крестьяне, они должны были работать на барина 40 мужскихъ (пѣшихъ или конныхъ) и 30 женскихъ дней въ году, или же платить ему денежный оброкъ отъ 8 до 12 руб. (смотря по мѣстности). Общіе размѣры этихъ повинностей, если всѣ ихъ привести къ денежному оброку, достигали, какъ можно думать, 70 милл. руб. [1]). Установлены онѣ были какъ бы за землю, отведенную крестьянамъ (32—33 милл. дес.), но въ дѣйствительности должны были, какъ извѣстно, возмѣстить помѣщикамъ и крѣпостной трудъ, которымъ они до того пользовались. Вполнѣ понятно поэтому, что эти повинности, постепенно преобразованныя въ выкупные платежи, оказались совершенно несоразмѣренными съ доходностью земли, и выкупная цѣна за послѣднюю, даже за всѣми скидками, оказалась значительно выше ея рыночной стоимости [2]).

[1]) Эту цифру можно опредѣлить только приблизительно. Всего (до 1 января 1906 г.) на бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ было начислено выкупного долга 897 милл. руб., выкупная же ссуда выдавалась въ размѣрѣ отъ $^3/_4$ до $^4/_5$ капитализированнаго изъ 6% оброка. Если допустить, что выдано было $^4/_5$, то полная сумма капитализированнаго оброка составитъ 1.121 милл. руб., каковая могла получиться при общей суммѣ оброка не менѣе, какъ въ 67 милл. руб.; если же допустить, что было выдано $^3/_4$, то оброкъ равнялся 72 милл. руб.

[2]) По расчетамъ г. Лосицкаго отведенная крестьянамъ земля ($32^1/_4$ милл. дес.) по рыночнымъ цѣнамъ 1854—1858 гг. стоила 543 милл. руб., а выкупная цѣна за нее опредѣлилась въ 867 милл. руб. или выше на 59%. Въ частности, выкупная цѣна оказалась, по этимъ расчетамъ, выше рыночной: въ западныхъ губерніяхъ (9 губ.)—на 8%, въ черноземныхъ (21 губ.) — на 56% и въ нечерноземныхъ (15 губ.)—на 121%. (Ал. Лосицкій, «Выкупная операція», Спб., 1906 г.).

Для государственныхъ крестьянъ по положенію 1866 г. не только была сохранена оброчная подать, взимавшаяся съ нихъ при прежнемъ порядкѣ, но и увеличена еще въ большинствѣ губерній. Вмѣстѣ съ лѣснымъ налогомъ они должны были вносить ежегодно свыше 35 милл. руб. Выкупные платежи съ удѣльныхъ крестьянъ назначены были въ суммѣ около 3 милл. руб.

Кромѣ этихъ платежей за землю, всѣ крестьяне, оставленные и послѣ реформы въ положеніи особаго „податного" сословія, должны были платить еще подушную подать (около 45 милл. руб.). На нихъ же возложено было содержаніе всей низшей администраціи въ видѣ должностныхъ лицъ волостного и сельскаго самоуправленія и низшей полиціи. Они же должны были отбывать натуральныя повинности (подводную, дорожную и т. д.). На нихъ же, наконецъ, легли главною своею тяжестью земскіе сборы.

За отсутствіемъ другихъ объектовъ для обложенія, всѣ эти подати и повинности крестьяне разверстывали, по общему правилу, на надѣльную землю, но въ дѣйствительности они падали, конечно, на личный трудъ крестьянина, дѣлая неизбѣжнымъ его закабаленіе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это обнаруживалось съ полною наглядностью. Такъ, въ нечерноземныхъ губерніяхъ, гдѣ подати были особенно тяжелы, многіе крестьяне платили ихъ „спуста", т.-е. вовсе не пользуясь надѣльной землей и добывая необходимыя средства продажей рабочей силы на сторону. Въ черноземныхъ губерніяхъ и вообще въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ главнымъ источникомъ явилась обработка помѣщичьихъ земель. Такимъ образомъ, кромѣ недостаточности надѣловъ, и непосильность податного бремени, возложеннаго на крестьянъ, сдѣлала неизбѣжнымъ обращеніе ихъ къ подневольному труду.

Тяжесть податей, лежавшихъ на крестьянахъ, усиливалась еще системой взиманія. Такъ, сроки для уплаты податей долго оставались совершенно несогласованными съ поступленіемъ доходовъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, и лишь въ 90-хъ годахъ на эту сторону податного дѣла было обращено, наконецъ, вниманіе. Способы для взысканія примѣнялись все время, съ одной стороны, совершенно разорительные, а съ другой—донельзя жестокіе. Широко практиковалось такъ называемое „выколачиваніе" податей и недоимокъ,— буквальное выколачиваніе, такъ какъ, на ряду съ распродажей за безцѣнокъ крестьянскаго скота и домашней рухляди, широко практиковалось въ качествѣ мѣры понужденія противъ неисправныхъ плательщиковъ сѣченіе ихъ розгами. Такъ какъ подати взыскивались за круговою порукою, которая была отмѣнена лишь въ 1903 году, то подъ розги иногда клали крестьянъ цѣлыми деревнями. Волостныя правленія оказались для этого не менѣе подходящимъ мѣстомъ, чѣмъ въ свое время барскія конюшни.

Несмотря, однако, на всю энергію, какую проявляли власти, недоимки по прямымъ сборамъ все увеличивались, и непосильность податного бремени, взваленнаго на крестьянъ, дѣлалась все очевиднѣе. Къ концу 70-хъ годовъ

Рабочіе подъ дождемъ (Зиновьева).

правительство убѣдилось въ необходимости такъ или иначе облегчить это бремя, и въ теченіе 80-хъ годовъ, какъ уже было упомянуто, оно предприняло рядъ мѣръ съ этою цѣлью. Крестьяне, которые удерживались помѣщиками на оброкѣ и издѣльной повинности, были переведены на выкупъ, сдѣланный и для помѣщиковъ обязательнымъ. Было произведено общее (по 1 руб. съ души) и спеціальное (по отдѣльнымъ, наиболѣе обремененнымъ селеніямъ) пониженіе выкупныхъ платежей для бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ. Въ то же время была отмѣнена взимавшаяся съ податныхъ сословій подушная подать. Надо, впрочемъ, сказать, что для государственныхъ крестьянъ, положеніе которыхъ считалось достаточно сноснымъ, отмѣна этой подати (19 милл. руб.) сопровождалась увеличеніемъ на ту же почти сумму (на 16 милл. руб.) ихъ оброчной подати, переименованной по этому случаю въ выкупные платежи (съ 1 янв. 1887 г.).

Всѣ принятыя мѣры оказались, однако, явно недостаточными, и это нетрудно было предвидѣть. За всѣми пониженіями крестьяне должны были платить за свою надѣльную землю (окладъ 1891 г.):

Казенныхъ сборовъ	102,5	милл.	руб.
Земскихъ	21,2	"	"
Мірскихъ	22,8	"	"
Страховыхъ	13,1	"	"
Итого	159,6	милл.	руб.

что составляло въ среднемъ 1 р. 33 коп. на десятину. Частные же владѣльцы платили въ это время казенныхъ и земскихъ сборовъ менѣе 19 милл. руб., или около 20 коп. съ десятины. Такимъ образомъ, надѣльныя земли, не считая даже натуральныхъ повинностей, оставались обложенными въ $6^1/_2$ разъ тяжелѣе, чѣмъ частновладѣльческія.

Недоимки продолжали увеличиваться. Особенно быстро нарастали недоимки по выкупнымъ платежамъ, которыя на 1 января 1893 г., послѣ двухъ неурожайныхъ лѣтъ, превышали уже 90 милл. руб. и составляли 93% оклада. По нѣкоторымъ губерніямъ (Самарской, Оренбургской, Уфимской, Казанской, Нижегородской, Симбирской, Пензенской) онѣ превосходили окладъ въ 2—4 раза.

Въ теченіе 90-хъ годовъ правительство приняло рядъ новыхъ податныхъ мѣръ. Въ 1896 г., по случаю коронаціи, государственный поземельный налогъ былъ уменьшенъ вдвое. Кромѣ того, были приняты мѣры къ отсрочкѣ и разсрочкѣ выкупныхъ недоимокъ и къ пересрочкѣ выкупного долга. Результаты оказались, однако, ничтожными, и податное бремя крестьянъ въ теченіе этого десятилѣтія еще увеличилось. Правда, казенные сборы нѣсколько уменьшились (на 4,7 милл. руб. къ 1899 г.), но зато увеличились земскіе (на 6,7 милл. руб.) и особенно мірскіе (на 21,6 милл. руб.), обнаружившіе необычайно быстрый ростъ послѣ введенія института земскихъ начальниковъ. Весь окладъ прямыхъ сборовъ съ надѣльныхъ земель равнялся въ 1899 году уже 184 милл. руб. и составлялъ 1 р. 51 коп. на десятину. Сборы съ частновладѣльческихъ земель за то же время, за скидкою половины государственнаго поземельнаго сбора, увеличились лишь на полмилліона и попрежнему составляли около 20 коп. на десятину.

Крестьянскія недоимки продолжали расти. Къ 1 января 1901 года по выкупнымъ только платежамъ онѣ превышали уже 120 милл. руб. и составляли 124% оклада. Въ 900-хъ годахъ было недобрано выкупныхъ платежей еще около 80 милл. руб., въ одномъ 1905 г. — свыше 40 милл. руб. Лишь послѣ этого, подъ непосредственнымъ давленіемъ „неслыханной смуты", манифестомъ 3 ноября 1905 г. выкупные платежи были отмѣнены (для 1906 г. въ одной ихъ половинѣ, а съ 1907 г.—совсѣмъ).

Подведя итоги, мы найдемъ, что бывшіе помѣщичьи крестьяне за отведенную имъ землю внесли выкупныхъ платежей свыше 1.500 милл. руб., бывшіе государственные крестьяне (считая съ 1887 г.)—свыше 900 милл. и бывшіе удѣльные—около 100 милл. руб. Такимъ образомъ, надѣльная земля обошлась крестьянамъ свыше $2^1/_2$ милліардовъ, не считая тѣхъ суммъ, какія бывшіе владѣльческіе крестьяне уплатили помѣщикамъ путемъ издѣльной и денежной повинности, на которой они оставались до выхода на выкупъ,

и не считая оброчной подати, какую до 1887 г. бывшіе государственные крестьяне платили въ казну [1]).

Какъ бы то ни было, податная петля, особенно сильно давившая крестьянъ въ теченіе всего пореформеннаго времени, теперь порвана. Но пока она перетиралась, успѣли затянуться другія податныя петли.

Прежде всего за это время успѣли, какъ уже упоминалось, сильно вырасти земскіе и мірскіе платежи. Кромѣ того, въ 1906 г. прекратилась данная по случаю коронаціи льгота, и государственный поземельный налогъ увеличился вдвое. Общая сумма окладныхъ сборовъ съ надѣльныхъ земель теперь, несомнѣнно, уже превышаетъ 100 милл. руб. Если же имѣть въ виду всѣ вообще земли, какія удалось сосредоточить въ своихъ рукахъ крестьянству, то необходимо отмѣтить еще одну податную петлю, которая все больше и больше затягивается. Это — банковскіе платежи. Въ 1905 г. они достигали 25 милл. руб. Послѣ того, за время особенно усиленной покупки земли крестьянами и притомъ по особенно высокимъ цѣнамъ, они значительно возросли. Такъ какъ крестьянскій банкъ прекратилъ публикацію своихъ денежныхъ отчетовъ, то точная цифра ихъ неизвѣстна. Приблизительные же расчеты даютъ право думать, что банковскіе платежи достигаютъ уже 40 милл. руб. Нетрудно предвидѣть, что эти новые выкупные платежи, какими все больше и больше опутывается крестьянство, сыграютъ въ его жизни ту же роль, что и прежніе. Какъ бы то ни было, вступая въ новое пятидесятилѣтіе, крестьяне имѣютъ на своихъ плечахъ около 150 милл. руб. прямыхъ сборовъ, т.-е. столько же, сколько на нихъ лежало къ началу 90-хъ годовъ, которые ознаменовались, какъ извѣстно, голодовками.

Между тѣмъ прямые сборы составляютъ теперь далеко не главную тяжесть налоговаго бремени, какое лежитъ на крестьянскомъ населеніи. Несравненно большее значеніе имѣетъ теперь общій размѣръ государственнаго бюджета, который у насъ приходится выносить на своихъ плечахъ, главнымъ образомъ, трудящимся классамъ и прежде всего крестьянству. Какъ сильно увеличилось это бремя за пятьдесятъ лѣтъ, ясно видно изъ слѣдующихъ данныхъ о поступленіи обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ:

Въ 1860 году ихъ поступило	386,9	милл. руб.
„ 1870 „ „ „	480,6	„ „
„ 1880 „ „ „	652,4	„ „
„ 1890 „ „ „	943,7	„ „
„ 1900 „ „ „	1.704,1	„ „
„ 1910 „ „ ожидалось	2.580,1	„ „

[1]) Выводъ быв. помѣщичьихъ крестьянъ на выкупъ затянулся, какъ извѣстно, на долгіе годы. Черезъ 20 лѣтъ послѣ освобожденія, къ 1 января 1881 года, одна шестая бывшихъ крѣпостныхъ еще оставалась во временно-обязанныхъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ, т.-е. платила имъ оброкъ или отбывала барщину. Всего быв. помѣщичьи крестьяне, какъ можно думать, уплатили въ этой формѣ за надѣльную землю свыше 500 милл. руб. Быв. государственные крестьяне до выхода на выкупъ внесли оброчной подати, считая съ 1861 г., около 900 милл. руб.

Такимъ образомъ общее количество денежныхъ рессурсовъ, ежегодно вносимыхъ въ казну населеніемъ, увеличилось за это время въ $6^1/_2$ разъ, при чемъ въ первое десятилѣтіе оно увеличивалось ежегодно на 9 милл. руб., во второе—на 17 милл., въ третье—на 29 милл., въ четвертое—на 76 милл. и въ пятое—на 88 милл. руб. Особенно быстро, какъ видно изъ этихъ данныхъ, оно стало нарастать съ 90-хъ годовъ,—съ тѣхъ поръ, какъ правительство, не полагаясь особенно на старую систему выколачиванія податей и пользуясь развитіемъ мѣновыхъ отношеній въ странѣ, широко расположилось сначала съ фискомъ, а потомъ съ своимъ „хозяйствомъ" на большой дорогѣ, по которой происходитъ передвиженіе цѣнностей, и такимъ образомъ получило возможность распоряжаться значительной долей ихъ.

Не всѣ, конечно, доходы получаются путемъ налоговъ. Видную долю ихъ, какъ извѣстно, даютъ правительственныя регаліи и казенныя имущества и капиталы. Несомнѣнно однако, что и эти доходы приходится принимать въ расчетъ, когда мы хотимъ уяснить себѣ тяжесть бремени, лежащаго на населеніи,—тѣмъ болѣе, что указанное дѣленіе доходовъ во многихъ случаяхъ условно. Напримѣръ, гербовая марка относится къ числу налоговыхъ средствъ, а почтовая—цѣликомъ къ регаліямъ. Или: изъ платы, взимаемой съ пассажировъ за проѣздъ по жел. дорогамъ, 15% считаются пошлиной, а остальные 85% показываются, какъ доходъ отъ казеннаго имущества... Но возьмемъ налоги лишь въ тѣсномъ смыслѣ. Считая въ числѣ ихъ прямые и косвенные налоги, пошлины, выкупные платежи и чистую выручку отъ монополіи (замѣнившую къ 1909 г. прежній акцизъ), мы получимъ такія цифры:

Годы.	Населеніе въ милліон.	Налоги въ милліон. руб.	На одну душу.
1889	111	715,2	6 р. 44 коп.
1899	130	1.016,3	7 „ 82 „
1909	155	1.403,6	9 „ 06 „

Быстрое нарастаніе общаго налоговаго бремени за послѣднія десятилѣтія, т.-е. послѣ того, какъ прямые налоги съ крестьянъ были уменьшены, и въ этомъ расчетѣ обнаруживается съ полною наглядностью.

Трудно, конечно, сказать, какую часть общей налоговой тяжести приходилось и приходится нести крестьянамъ. Попытки вычислить это предпринимались неоднократно. Между прочимъ, нѣсколько такихъ расчетовъ, относящихся къ началу 900-хъ годовъ, можно найти въ трудахъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Такъ, по расчетамъ 18 земскихъ дѣятелей Московской губерніи, общая тяжесть всѣхъ налоговъ, прямыхъ и косвенныхъ, которые несетъ на себѣ средняя крестьянская семья, опредѣлялась суммою около 70 руб., изъ нихъ одну треть составляли прямые налоги и двѣ трети косвенные. По расчетамъ Балашовскаго комитета

(Саратовской губ.), на крестьянскій дворъ приходилось **114** руб. 35 коп. прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, считая въ числѣ послѣднихъ лишь пять важнѣйшихъ; при этомъ прямые налоги составляли 40% и косвенные 60%. По расчетамъ Корочанскаго комитета (Курской губ.), на каждую десятину крестьянской земли только казенныхъ налоговъ, считая главнѣйшіе косвенные, падало 5 р. 50 коп., или въ среднемъ до 50 руб. на дворъ [1]). Судя по этимъ расчетамъ, на душу крестьянскаго населенія приходилось не меньше налоговъ, чѣмъ въ среднемъ по Россіи.

Градъ выпалъ (съ натуры)

Можно, однако, думать, что всѣ такіе расчеты, по необходимости очень приблизительные, грѣшатъ еще и тѣмъ, что не вполнѣ охватываютъ налоговое бремя, падающее на крестьянское населеніе. Въ нихъ учитываются обыкновенно лишь важнѣйшіе изъ косвенныхъ налоговъ и притомъ въ тѣхъ лишь доляхъ, въ какихъ они непосредственно падаютъ на продукты крестьянскаго потребленія. Что касается другихъ налоговъ и, въ особенности, въ тѣхъ доляхъ, которыя доходятъ до крестьянъ путемъ переложенія ихъ другими классами, то они вовсе не поддаются учету [2]).

[1]) См. Н. Анненскій, «Общія теченія финансовой политики государства» въ сбор. «Нужды деревни», т. II СПБ., 1904 г.

[2]) Напримѣръ, Балашовскій комитетъ, давъ свой расчетъ, счелъ необходимымъ отмѣтить, что имъ «не принятъ во вниманіе цѣлый рядъ налоговъ, какъ, наприм., государствен-

Не пытаясь подробно дать отвѣтъ на поставленный вопросъ въ цифрахъ, напомнимъ лишь общій характеръ нашего государственнаго бюджета и возлагаемаго имъ на населеніе налоговаго бремени. Главную тяжесть послѣдняго, какъ уже сказано, приходилось и приходится выносить на своихъ плечахъ трудящимся классамъ. И въ этомъ нетрудно убѣдиться.

Говоря выше о прямыхъ сборахъ съ земель, мы уже отмѣтили, что надѣльныя земли были обложены все время значительно выше частновладѣльческихъ. Теперь, съ отмѣной выкупныхъ платежей, эта разница нѣсколько сгладилась, но и за всѣмъ тѣмъ она остается очень значительной. На крестьянскихъ земляхъ продолжаетъ лежать вся тяжесть мірскихъ расходовъ, сильно возросшихъ. Кромѣ того, раскладка земскихъ сборовъ и государственнаго поземельнаго налога, какъ давно уже установлено, производится земствами очень неравномѣрно и крестьянскія земли оказываются обыкновенно значительно выше обложенными, чѣмъ частновладѣльческія. Если принять это во вниманіе, а также то, что крестьянамъ приходится еще отбывать натуральныя повинности, то ясно будетъ, насколько неравномѣрнымъ и теперь еще остается земельное обложеніе. Что касается другихъ прямыхъ налоговъ, то въ большей своей части они таковы, что сравнительно легко поддаются переложенію.

Но прямые налоги въ государственномъ бюджетѣ играли и играютъ сравнительно незначительную роль. Это ясно видно изъ слѣдующихъ данныхъ:

	1889 г.	1899 г.	1909 г.
	Въ милліонахъ рублей.		
Прямые налоги и вык. платежи	183,7	216,8	199,5
Косвенные налоги	473,2	703,5	1.052 3
Пошлины	58 2	96,0	151,7
Всего налоговъ	715,2	1.016,3	1.403,6
Итогъ обыкновенныхъ доходовъ	927,0	1.584,8	2.526,3

Первое мѣсто (66—74%) въ ряду налоговъ принадлежало и принадлежитъ косвеннымъ. Главнымъ же объектомъ для послѣднихъ являлись и являются такіе предметы массоваго, а стало-быть, и крестьянскаго, потребленія, какъ водка, сахаръ, табакъ, керосинъ, спички (въ болѣе ранніе годы еще соль). Въ 1899 г. эти налоги дали 777 милл. руб. Остальная часть косвенныхъ налоговъ была получена въ видѣ таможенныхъ пошлинъ.

Относительно этихъ послѣднихъ существовало и существуетъ мнѣніе, что онѣ падаютъ на болѣе состоятельные классы. „Значительная часть при-

ный промысловый налогъ: хотя этотъ налогъ и падаетъ на торгово-промышленный классъ, однако въ значительной своей части онъ перелагается и на потребителей, а слѣдовательно, на крестьянъ; въ уплатѣ различныхъ пошлинъ (гербовыхъ, судебныхъ и т. д.) крестьянинъ тоже принимаетъ участіе: вноситъ крестьянинъ и свою долю пассажирскаго налога и т. д.

возимыхъ изъ-за границы товаровъ,—писалъ, напр., министръ финансовъ въ 1880 г.,—служитъ для потребленія болѣе достаточныхъ классовъ, которые во всякомъ случаѣ могутъ съ большею легкостью перенести надбавку въ цѣнахъ на товары". Опровергая это мнѣніе, проф. Соболевъ, подвергшій тщательному изученію таможенную политику за вторую половину XIX вѣка, пишетъ: „Въ таможенныхъ доходахъ Россіи главная роль принадлежитъ именно пошлинамъ за предметы широкаго народнаго потребленія; въ этомъ отношеніи русская таможенная система вполнѣ отвѣчаетъ общему духу государственнаго бюджета, ложащагося главнымъ бременемъ косвенныхъ налоговъ на плечи малосостоятельныхъ классовъ народа" [1]). Въ прежніе годы, когда таможенный тарифъ носилъ почти исключительно фискальный характеръ, это бросалось въ глаза съ бьющею яркостью. Нерѣдко совершенно однородные товары облагались разною пошлиною: болѣе высокою тѣ, которые идутъ для широкихъ слоевъ населенія, и болѣе низкою тѣ, которые потребляются имущими классами. Напр., по даннымъ 1869 г.: устрицы были обложены 13,7%, а соль — 75,3%, ваниль и шафранъ — 2,2%, а сахаръ-рафинадъ — 65% и т. д. Теперь, когда таможенный тарифъ имѣетъ не только фискальный, но и протекціонный характеръ, эта бьющая въ глаза яркость основной его тенденціи потускнѣла.

Во всякомъ случаѣ и въ нынѣшнемъ своемъ видѣ таможенныя пошлины служатъ той же цѣли: главную часть таможенныхъ доходовъ даютъ предметы массоваго потребленія (чай, хлопокъ и т. д.). Три задачи ставила передъ собою таможенная политика въ теченіе пятидесяти лѣтъ, а именно: покровительство отечественной промышленности, созданіе благопріятнаго торговаго баланса и извлеченіе наивысшаго дохода путемъ обложенія иностранныхъ товаровъ, и лишь эта послѣдняя, говоритъ г. Соболевъ въ концѣ своего изслѣдованія, „была блестяще осуществлена при величайшемъ напряженіи платежныхъ силъ народной массы".

Въ теченіе пореформеннаго времени таможенный тарифъ неоднократно мѣнялся. Наиболѣе льготнымъ онъ былъ въ первой половинѣ 70-хъ годовъ, когда таможенныя пошлины составляли около 12% цѣнности ввозившихся товаровъ и давали казнѣ 50—70 милл. руб. Эволюція таможенной политики въ дальнѣйшіе годы видна изъ слѣдующихъ данныхъ:

---

[1]) М. Н. Соболевъ, «Таможенная политика Россіи во второй половинѣ XIX вѣка», Томскъ, 1911 г.

Годы.	Пошлина въ %.	Таможенный доходъ въ милл. рублей.
1879	17,0	93,2
1889	28,6	138,3
1899	34,1	219,3
1909	30,5	274,3

Такимъ образомъ, и эта податная петля съ теченіемъ времени затягивалась все туже и туже. Особенно рѣзкій скачокъ таможенное обложеніе сдѣлало въ 80-е годы, — въ эту реакціонную эпоху, когда правительство, подъ давленіемъ революціонной вспышки предыдущаго десятилѣтія, ослабляло видимую для всѣхъ петлю прямыхъ податей, которая душила крестьянство, и въ то же время изо всѣхъ силъ затягивало менѣе замѣтную петлю косвенныхъ и другихъ общихъ налоговъ, которая еще больше сдавила трудовые классы.

То же происходитъ и теперь. Отмѣна выкупныхъ платежей давно уже съ лихвой возмѣщена увеличеніемъ общаго налоговаго бремени. Какъ быстро растетъ послѣднее въ послѣдніе годы, ясно видно изъ слѣдующихъ данныхъ. Въ 1890 г. обыкновенные доходы дали казнѣ 1.704 милл. руб., въ 1905 г.— 2.025 милл., а въ 1910 г. ихъ ожидалось (въ дѣйствительности поступило больше)—2.580 милл. руб.; такимъ образомъ въ первую половину этого десятилѣтія они увеличивались ежегодно на 64 милл. руб., а во вторую—на 111 милл. руб., т.-е. въ пореволюціонное время росли почти вдвое быстрѣе, чѣмъ въ предреволюціонное.

IV.

Съ податною сѣтью въ пореформенное время была тѣсно переплетена еще одна большая сѣть, все больше и больше опутывавшая земледѣльческое населеніе. Въ основныхъ своихъ частяхъ она сплетена въ сущности уже давно и давно въ народное море заброшена. Но опутать крестьянство, пока послѣднее продолжало вести натуральное хозяйство, эта сѣть была не въ состояніи. Въ пореформенное время она была значительно усовершенствована; главное же крестьянство постепенно вышло на большую мѣновую дорогу, гдѣ она была разставлена, и неизбѣжно должно было въ нее попасться.

Переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному обусловленъ, конечно, цѣлымъ рядомъ причинъ и при извѣстныхъ историческихъ условіяхъ является неизбѣжнымъ. Не лишне будетъ, однако, отмѣтить, что для русскаго крестьянства онъ былъ въ значительной мѣрѣ обусловленъ и крайне обостренъ податною политикою. „Для выполненія обязанностей передъ прави-

тельствомъ и помѣщикомъ", какія были возложены на освобожденное отъ крѣпостной зависимости населеніе, необходимы были значительные денежные рессурсы. Для полученія ихъ крестьяне волей неволей должны были обратиться къ продажѣ, съ одной стороны, труда, который нельзя было использовать въ своемъ хозяйствѣ, а съ другой стороны—продуктовъ, которыхъ часто не хватало для собственнаго потребленія. Само собой понятно, что мѣновыя отношенія получили при такихъ условіяхъ вынужденный для крестьянъ характеръ. Не только какъ рабочіе, продающіе свою силу, но и какъ хозяева, продающіе свои продукты, они неизбѣжно должны были оказаться въ ка-

На пожарищѣ (Яковлева).

бальной зависимости у тѣхъ, кто имѣлъ свободныя деньги или могъ достать ихъ на болѣе льготныхъ, чѣмъ сами крестьяне, условіяхъ.

Съ первыхъ же лѣтъ установился и до сихъ поръ удержался такой порядокъ: немедленно вслѣдъ за уборкой урожая начинается усиленное взысканіе съ крестьянъ долговъ, податей и недоимокъ. Всѣ, и власти въ томъ числѣ, несомнѣнно, боялись и боятся, что крестьяне сами съѣдятъ все, что они добыли. Въ глухую осеннюю пору достать денегъ негдѣ, какъ только у скупщика. И вотъ къ базарамъ, пристанямъ, станціямъ желѣзныхъ дорогъ тянутся обозы съ крестьянскимъ хлѣбомъ. Послѣднимъ переполняются амбары скупщиковъ, на станціяхъ образуются залежи, желѣзныя дороги долго не въ состояніи справиться съ этой массой предъявленныхъ къ перевозкѣ

[illegible]. Вообще вслѣдъ за урожаемъ начинается общее движеніе, всѣ сгру-[illegible]ся къ крестьянскому хлѣбу: усиленно работаютъ власти, усиленно работаютъ мелкіе скупщики и крупные коммерсанты, усиленно работаютъ желѣзныя дороги и судовладѣльцы, усиленно работаютъ экспортныя конторы и коммерческіе банки,—и всѣ, конечно, зарабатываютъ. Эта картина, тщательно изученная 20 лѣтъ тому назадъ Николаемъ—ономъ, является характерной для всего пореформеннаго времени. Если она мѣнялась, то только въ деталяхъ.

Для того, чтобы всѣ могли около крестьянскаго хлѣба хорошо заработать, нужна, конечно, значительная разница между цѣной, какую получитъ за этотъ хлѣбъ мужикъ, и цѣною, какая будетъ выручена потомъ за него на мировомъ рынкѣ. Достигнуть этого при наличности крестьянской нужды нетрудно. Мужикъ, которому деньги нужны во что бы то ни стало, легко поступается не только рентой, которую онъ долженъ былъ бы имѣть какъ землевладѣлецъ, и не только прибылью, которую онъ долженъ былъ бы получать, какъ предприниматель, но и частью заработной платы, которая ему причитается, какъ рабочему.

Какое значеніе въ пониженіи цѣнъ имѣетъ крестьянская нужда, ясно видно изъ слѣдующихъ данныхъ. Въ Красноуфимскомъ уѣздѣ (Пермской губ.) крестьяне, засѣвающіе до 5 дес., продавали въ годъ изслѣдованія рожь по 68 коп. за пудъ, засѣвающіе отъ 5 до 15 дес.—по 74 коп. и засѣвающіе свыше 15 дес.—по 79 коп. Въ Козельскомъ уѣздѣ (Калужской губ.) сѣющіе менѣе 3 дес. продавали овесъ по 33 коп. за пудъ, сѣющіе отъ 3 до 9 дес.—по 40 коп., сѣющіе свыше 9 дес.—по 43 коп.

Кромѣ разницы въ цѣнахъ, заработокъ скупщикамъ, а подчасъ и болѣе крупнымъ посредникамъ даютъ также обмѣриваніе, обвѣшиваніе, подмѣсь къ хлѣбу всякихъ суррогатовъ и тому подобныя, чисто мошенническія продѣлки, которыми такъ богата торговля сельско-хозяйственными продуктами въ Россіи.

Изъ тѣхъ, кого урожай приводитъ въ движеніе, правительство, не менѣе другихъ безпокоящееся обыкновенно о скорѣйшей реализаціи крестьянскаго хлѣба, нисколько, конечно, не заинтересовано въ его обезцѣненіи и порчѣ. Напротивъ, въ интересахъ того же фиска крайне важно было бы, чтобы крестьяне получали за свои произведенія возможно высшую цѣну. Агитація противъ хлѣбныхъ спекулянтовъ, какъ и противъ земельныхъ, не разъ встрѣчала поэтому сочувственный откликъ въ правящихъ сферахъ,—тѣмъ болѣе, что и эти спекулянты въ значительной ихъ части имѣли „чумазый“ видъ. Борьба съ ними тѣмъ болѣе представлялась заманчивой, что, ведя ее, можно было передъ всѣми засвидѣтельствовать общность крестьянскихъ и помѣщичьихъ интересовъ и во имя ея сдѣлать не мало для поддержки послѣднихъ. Не разъ поэтому поднимался и ставился на очередь вопросъ объ упорядо-

ченіи хлѣбной торговли, въ неустройствѣ и безобразіяхъ которой правящіе круги нерѣдко готовы были видѣть все зло народной жизни. Выдвигалась впередъ то одна, то другая задача: то вопросъ объ элеваторахъ и зернохранилищахъ, то вопросъ о хлѣбномъ кредитѣ, то вопросъ объ интендантскихъ закупкахъ непосредственно у землевладѣльцевъ, то вопросъ о залежахъ, то вопросъ о порчѣ хлѣба въ портахъ и о контролѣ за экспортомъ, то другіе, подчасъ совсѣмъ маленькіе, вопросы. Нерѣдко, однако, тотъ или иной изъ нихъ такъ выпячивался, что заслонялъ собою и крестьянское мало-

Конокрадъ (Акимова).

земелье, и непосильность податного бремени, и цѣлый рядъ другихъ вопросовъ первостепенной важности. Ничего однако, что могло бы упрочить положеніе крестьянъ на хлѣбномъ рынкѣ, не сдѣлано. Помѣщики на свою долю получили не мало, и по части кредита, напримѣръ, они такъ хорошо теперь обставлены, что могутъ, какъ показали послѣдніе годы, взявъ ссуду подъ хлѣбъ, который остается у нихъ же въ амбарахъ, отложить всякое попеченіе о его продажѣ. Огражденіе же крестьянскихъ торговыхъ интересовъ дальше преслѣдованія мелкихъ скупщиковъ не пошло.

Теперь вопросъ объ упорядоченіи хлѣбной торговли вновь выдвигается на очередь. Ведутся даже какіе-то переговоры съ американцами, чтобы тѣ

взяли организацію ея въ свои руки или, по крайней мѣрѣ, снабдили ее своими капиталами. Нечего, конечно, и говорить, что никакая организація, построенная на капиталистическихъ началахъ, не предупредитъ хлѣбной спекуляціи, какъ и крестьянскій банкъ не предупредилъ земельной. Какъ и этотъ послѣдній, дешевый кредитъ ее, вѣроятно, еще усилитъ. Въ основѣ какъ земельной, такъ и хлѣбной спекуляціи лежитъ одна и та же крестьянская нужда,—и, пока она остается, всѣ, у кого есть деньги, будутъ грѣть около нея руки.

Нужда же эта такова: отвезенный къ скупщикамъ хлѣбъ понемногу начинаетъ опять возвращаться къ крестьянамъ. Одна за другой отправляются крестьянскія подводы на базаръ, чтобы привезти хотя одинъ-другой мѣшокъ изъ того, что было свезено раньше. Нерѣдко даже такъ происходитъ, что одни еще продолжаютъ продавать, а другіе уже покупаютъ,—и покупаютъ, конечно, по болѣе высокимъ цѣнамъ. Русскимъ статистикамъ такъ и приходится регистрировать: отдѣльно „продажныя" цѣны на продукты сельскаго хозяйства и отдѣльно „покупныя",—или: „базарныя" и „лавочныя" Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, благодаря какимъ либо особенностямъ въ міровой конъюнктурѣ, когда обнаруживается значительное паденіе цѣнъ къ веснѣ, покупныя цѣны оказываются для крестьянъ, да и то обыкновенно не для всѣхъ, ниже продажныхъ. Какъ общее же правило, первыя всегда бываютъ значительно выше послѣднихъ.

Какое значеніе имѣетъ и въ этомъ случаѣ крестьянская, въ частности земельная, нужда, ясно видно изъ слѣдующихъ данныхъ:

	Покупали рожь по цѣнѣ за пудъ въ коп.	
	Красноуф. у.	Козельск. у.
Малосѣющія хозяйства	72	57
Среднія „	71	51
Многосѣющія „	66	47

Не у всѣхъ, однако, крестьянъ находятся деньги на покупку хлѣба. Въ такихъ случаяхъ приходилось и приходится обращаться къ кулакамъ, кредитоваться у нихъ подъ будущій урожай, уплачивая имъ при этомъ не только всю разницу между „покупными" и „продажными" цѣнами, но и ростовщическіе проценты. Имѣется и другой выходъ, который такъ же широко практиковался во многихъ мѣстностяхъ: это—запродажа еще зимой и даже осенью труда помѣщику и, конечно, по значительно пониженной цѣнѣ сравнительно съ той, какая бываетъ лѣтомъ. Зимняя наемка, на ряду съ отработками за пастбища и другія угодья, служила и служитъ наиболѣе дешевымъ способомъ полученія рабочихъ рукъ для помѣщичьяго хозяйства. Въ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ послѣднее, главнымъ образомъ, базировалось на такомъ наймѣ. Здѣсь все время широко былъ распространенъ издѣльный наемъ „кругами" (т.-е. на обработку и уборку десятины

во всѣхъ трехъ поляхъ или „круга"). „Наемъ этотъ производится,—говоритъ г. Анненскій,—всегда заранѣе, за годъ, иногда за два, съ выдачею задатковъ, иногда полной платы впередъ. Взявшій въ обработку десятину долженъ вспахать землю два или три раза, заборонить, посѣять, задѣлать сѣмена, убрать и перевезти на гумно, иногда вывезти навозъ... За полную обработку десятины платится отъ 5 до 7 руб." [1]). При выполненіи тѣхъ же работъ по вольному найму онѣ обходятся обыкновенно значительно дороже. Въ другихъ мѣстностяхъ кредитъ подъ работу отливался въ другія формы, но всегда велъ, конечно, къ обезцѣненію крестьянскаго труда.

Продажа же послѣдняго была неизбѣжна, такъ какъ иначе нечѣмъ было платить подати и даже прокормиться. Недостатокъ работы на мѣстѣ заставлялъ итти на сторону — въ города, или же въ степныя губерніи, въ которыхъ мѣстныхъ рабочихъ не хватало и которыя пользовались и до сихъ еще поръ пользуются пришлыми, главнымъ образомъ, изъ центральныхъ губерній. Эта необходимость искать работы на сторонѣ изъ году въ годъ все увеличивалась. Какъ быстро росла эта необходимость, ясно видно изъ слѣдующихъ данныхъ о числѣ паспортовъ, выданныхъ по 50 губерніямъ Европейской Россіи.

Годы.	Выдано паспортовъ въ тысячахъ. Всего.	Въ среднемъ за годъ.
1861 — 1870	12.913	1.291
1871 — 1880	36.929	3.629
1881 — 1890	49.466	4.947
1891 — 1900	71.366	7.137

Продажа рабочей силы въ видѣ отхода на сторону иногда также отливалась въ откровенно кабальную форму. Подрядчики и уполномоченные отъ крупныхъ экономій являлись въ мѣста отхода зимой или ранней весной, когда крестьянская нужда въ хлѣбѣ и деньгахъ особенно велика, и здѣсь нанимали рабочихъ, связывая ихъ задатками и даже отбирая заранѣе отъ нихъ паспорта. Эта форма въ нѣкоторыхъ случаяхъ практикуется до сихъ поръ, хотя предложеніе крестьянскаго труда теперь настолько велико, что подрядчикамъ и тѣмъ болѣе помѣщикамъ нѣтъ уже надобности безпокоить себя заблаговременнымъ наймомъ. Когда настанетъ нужная пора, рабочіе сами къ нимъ явятся въ достаточномъ числѣ и предложатъ свои услуги за вполнѣ подходящую цѣну.

Такимъ образомъ и на широкій рынокъ съ своей рабочей силой, такъ же какъ на міровой рынокъ со своими продуктами, крестьянство все время шло подъ давленіемъ нужды,—нужды прежде всего въ деньгахъ, требовав-

[1]) «Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны народнаго хозяйства», т. I., Спб., 1897 г.

нимся для уплаты податей и для покупки хлѣба. Чтобы показать, какое значеніе имѣетъ крестьянская нужда на промысловомъ рынкѣ, приведемъ еще нѣсколько цифръ по Козельскому уѣзду, относящемуся къ числу мѣстностей съ широко развитымъ отходомъ. Промысловый доходъ, по расчету на одинъ затраченный въ промыслахъ рабочій день мужчины - работника, оказался равнымъ:

въ хозяйствахъ, засѣвающихъ	отъ 3 дес.	39 коп.
" " "	отъ 3 до 9 дес.	48 "
" " "	свыше 9 дес. .	54 "

Въ другомъ мѣстѣ [1]) мнѣ пришлось подробно говорить о значеніи этого факта въ жизни крестьянина и рабочаго. Здѣсь же для насъ важно лишь отмѣтить, что вынужденное вступить въ мѣновыя отношенія крестьянство сразу же оказалось во власти капитала: какъ продавецъ и покупатель сельско-хозяйственныхъ продуктовъ—во власти капитала торговаго, а какъ продавецъ рабочей силы—во власти капитала промышленнаго.

Между тѣмъ мѣновыя отношенія неуклонно продолжали развиваться. Въ силу естественнаго развитія потребностей и цѣлаго ряда другихъ причинъ, на которыхъ мы не имѣемъ здѣсь возможности останавливаться, количество какъ продаваемыхъ, такъ и покупаемыхъ крестьянствомъ продуктовъ становилось все больше, а составъ ихъ дѣлался все разнообразнѣе. Все большее и большее значеніе поэтому получала для него разница между „покупными" и „продажными" цѣнами,—не только на хлѣбъ, но на всѣ продукты вообще. Эта же разница оказалась очень значительной и чѣмъ дальше, тѣмъ становилась все больше. Вышедшее на мѣновую дорогу крестьянство попало въ искусно разставленную петлю, которая затягивалась сразу съ двухъ концовъ.

Благодаря косвеннымъ налогамъ и таможеннымъ пошлинамъ, крестьяне оказались вынужденными платить за покупаемые ими продукты значительно высшія цѣны, чѣмъ сельско-хозяйственные производители за границей. Само собой понятно, что чѣмъ выше становились налоги и пошлины, тѣмъ больше дѣлалась эта переплата. Чтобы показать, насколько она была значительна, приведемъ сравнительныя цѣны на нѣкоторые продукты массоваго потребленія за разные годы. Такъ, средняя биржевая цѣна на хлопокъ (американскій G. M.) въ десятилѣтіе 1890—1899 гг. была:

въ Ливерпулѣ	6 руб.	25 коп.	за пудъ
" Гамбургѣ	6 "	48 "	" "
" Москвѣ	9 "	50 "	" "

т. е. русскія цѣны были выше нѣмецкихъ и англійскихъ на 47—52%. Въ тѣ же годы цѣна на бумажную пряжу (ватеръ № 30—32) была: въ Ман-

[1]) См. «Крестьяне и рабочіе въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ», изд. 3-е, СПБ., 1906 г.

Шинкарка (Орлова).

честерѣ 10 руб. 20 коп. за пудъ, въ Москвѣ 16 руб. 95 коп., т.-е. выше на 60% [1]). Легко понять, какъ много при такой разницѣ въ цѣнахъ крестьяне должны были переплачивать на ситцѣ и другихъ бумажныхъ тканяхъ, уже вошедшихъ къ этому времени во всеобщее употребленіе.

Еще болѣе значительной была разница въ цѣнахъ на чугунъ, т.-е. на сырой матеріалъ для всего желѣзодѣлательнаго и сталелитейнаго производства. Такъ средняя цѣна на шотландскій чугунъ была въ это десятилѣтіе:

въ Лондонѣ	— руб.	36 коп.	за пудъ
„ Гамбургѣ	— „	57 „	„
„ Одессѣ	1 „	08 „	„

т.-е. русская цѣна была въ два раза выше нѣмецкой и въ три раза выше англійской. Цѣны на русскій чугунъ были нѣсколько ниже (въ Петербургѣ въ 1895—1899 гг. 93 коп. за пудъ), но все-таки значительно выше, чѣмъ на мѣстный чугунъ за границей. Въ послѣднее десятилѣтіе эта разница

[1]) Сводъ товарныхъ цѣнъ на главныхъ русскихъ и иностранныхъ рынкахъ за 1890—1899 гг. Изд. Департамента торговли и мануфактуры. СПБ., 1900 г.

немного сгладилась, однако и за всѣмъ тѣмъ она остается громадной. Такъ, въ 1909 г.[1]) цѣны на литейный чугунъ были: въ Глазго—38 коп. (кливелендъ), въ Дюссельдорфѣ—44 к. (нѣмецкій), въ Петербургѣ—70 коп. (южно-русскій) и 81 коп. (уральскій). Легко опять-таки понять, какъ много, при этой разницѣ въ цѣнахъ, русскіе крестьяне переплачивали и переплачиваютъ на цѣломъ рядѣ продуктовъ, безусловно необходимыхъ въ ихъ домашнемъ быту и въ хозяйствѣ, и, въ частности, на земледѣльческихъ орудіяхъ.

Не менѣе громадныя переплаты приходилось и приходится дѣлать крестьянамъ на другихъ покупныхъ продуктахъ. Такъ, керосинъ, безъ котораго теперь не можетъ обойтись ни одна крестьянская изба, стоилъ за пудъ:

	1890—1899 гг.	1900—1909 гг.
въ Лондонѣ	— руб. 81 коп.	— руб. 99 коп.
„ Москвѣ	1 „ 35 „	1 „ 54 „

Это одинъ и тотъ же—„русскій"—керосинъ, который англичанамъ обходится чуть не вдвое дешевле, чѣмъ русскимъ потребителямъ...

Цѣна на чай, который все больше и больше въ нашемъ народномъ потребленіи вытѣсняетъ горячій приварокъ, была въ Петербургѣ въ послѣднее десятилѣтіе около 1 р. 50 коп. за фунтъ, а въ Лондонѣ 20—25 к. Среднія цѣны на сахаръ были:

въ Лондонѣ	2 руб. 74 коп.
„ Гамбургѣ	3 „ 74 „
„ Москвѣ	5 „ 59 „

Для сравненія мы должны были взять оптовыя цѣны въ важнѣйшихъ торговыхъ пунктахъ. До крестьянъ всѣ названные продукты доходятъ, конечно, съ значительной надбавкой, такъ какъ, прежде чѣмъ дойти до деревни, они должны пройти черезъ руки многочисленныхъ посредниковъ и, въ концѣ-концовъ, черезъ руки кулаковъ, каковыми почти повсюду у насъ являются деревенскіе лавочники. Эта разница между оптовыми и розничными цѣнами въ Россіи, несомнѣнно, гораздо больше, чѣмъ за границей. Поэтому положеніе русскаго земледѣльческаго производителя, сравнительно съ заграничнымъ, въ отношеніи покупаемыхъ продуктовъ является еще болѣе тяжелымъ, чѣмъ это рисуютъ приведенныя цифры.

Между тѣмъ, производя громадную переплату при покупкѣ продуктовъ, русское крестьянство не имѣетъ никакой возможности поднять цѣны на продаваемыя имъ сельско-хозяйственныя произведенія. Эти послѣднія цѣны, въ особенности теперь, когда нашъ хлѣбный экспортъ достигаетъ 588 милл. пуд. (средній за пятилѣтіе съ 1 августа 1905 г. по 31 іюля 1910 г.) и составляетъ около 20% всего производства, всецѣло опредѣляются міровымъ рынкомъ. Но русскій крестьянинъ не получаетъ за свой хлѣбъ даже той

[1]) Сводъ товарныхъ цѣнъ за 1909 г., СПБ., 1910 г.

цѣны, какую можно получить на послѣднемъ. Онъ получаетъ меньше, съ одной стороны, на всю стоимость доставки, которая обходится особенно дорого для нашихъ палестинъ, а съ другой—на всю ту сумму, какую урываютъ въ свою пользу посредники и которая, какъ мы уже знаемъ, для крестьянскаго хлѣба у насъ невѣроятно велика. Насколько неблагопріятно положеніе русскаго сельско-хозяйственнаго производителя, сравнительно съ западно-европейскимъ, нѣкоторое представленіе даютъ нижеслѣдующія цифры о среднихъ цѣнахъ на хлѣбъ за 1900—1909 гг.

Цѣна за пудъ:	Рожь.	Пшеница.	Овесъ.
На русскихъ внутр. рынкахъ	— р. 72 к.	— р. 99 к.	— р. 65 к.
Въ Лондонѣ.	„ — „	1 „ 16 „	— „ 89 „
„ Кенигсбергѣ	1 „ 12 „	1 „ 31 „	1 „ 06 „

Русскія цѣны значительно ниже заграничныхъ.. Но русскія цѣны въ данномъ случаѣ—это цѣны не только на крестьянскій, но и на помѣщичій хлѣбъ и притомъ на хлѣбъ въ большихъ торговыхъ пунктахъ, уже сосредоточенный въ рукахъ крупныхъ скупщиковъ, сдѣлки которыхъ отмѣчаются въ биржевыхъ бюллетеняхъ. Цѣны, по которымъ продавали хлѣбъ крестьяне на базарахъ и маленькихъ станціяхъ мелкимъ скупщикамъ, неизвѣстны, но онѣ, конечно, были еще и притомъ значительно ниже.

Не зная въ точности ни „покупныхъ", ни „продажныхъ" крестьянскихъ цѣнъ, мы не можемъ учесть всю разницу между ними... Но допустимъ, что крестьяне продаютъ весь свой хлѣбъ и покупаютъ всѣ нужные имъ продукты по биржевымъ цѣнамъ, какія стоятъ въ большихъ торговыхъ центрахъ. И въ этомъ случаѣ убыточность ихъ мѣновыхъ сдѣлокъ и невыгодность ихъ положенія сравнительно съ заграничными сельско-хозяйственными производителями обнаружится съ достаточною наглядностью. Если, пользуясь приведенными данными, мы вычислимъ, сколько, примѣрно, пудовъ ржи долженъ былъ отдавать, съ одной стороны, нѣмецкій сельско-хозяйственный производитель, а съ другой—русскій за одни и тѣ же продукты, то получимъ такія цифры:

Должны отдавать пудовъ ржи:	Нѣмецкій производитель.	Русскій производитель.
За пудъ американскаго хлопка	6	13
„ „ русскаго сахара	3	8
„ „ шотландскаго чугуна	$^{1}/_{2}$	$^{1}/_{2}$

Русскій долженъ отдавать въ 2—3 раза больше... Но такъ какъ въ дѣйствительности крестьянинъ покупалъ и продавалъ не по биржевымъ цѣнамъ, а по такимъ, какія положитъ тотъ или иной „благодѣтель", то эта разница все время была еще значительнѣе.

Разъ мужикъ отдавалъ лишнее, то, стало-быть, кто-нибудь бралъ... Видную часть брала, какъ мы уже знаемъ, казна въ видѣ налоговъ и пошлинъ.

Не мало получили такъ же, съ одной стороны, желѣзныя дороги, банки и другія учрежденія, предназначенныя служить для торговаго оживленія, а съ другой стороны—экспортеры и скупщики, коммерсанты и лавочники, вообще представители торговаго капитала. Не малая толика причиталась и на долю капитала промышленнаго.

Пользуясь таможенными пошлинами, въ особенности когда онѣ получили откровенно-покровительственный характеръ, фабриканты и заводчики имѣютъ возможность продавать свои издѣлія по цѣнамъ гораздо болѣе высокимъ, чѣмъ они стоятъ. Всѣ надежды на то, что подъ защитой таможенной стѣны выраститъ „крѣпкая національная промышленность" и разовьется „дѣятельная внутренняя конкуренція", которая приведетъ протекціонизмъ къ „самоупраздненію" (Витте), оказались напрасными. Проф. Соболевъ въ цитированномъ уже трудѣ дѣлаетъ рядъ сопоставленій, изъ которыхъ явствуетъ, что разница между русскими и заграничными цѣнами не только равнялась пошлинѣ на данный продуктъ, но нерѣдко и превосходила ее. Такъ, по даннымъ 1890 г.:

	Пошлина.	Разница въ цѣнѣ.
Хлопокъ	1 р. — к.	1 р. 79 к.
Чугунъ	25 „	45 „
Сода	40 „	80 „

Въ 1891 году тарифъ былъ повышенъ и разница въ цѣнахъ немедленно увеличилась, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже больше, чѣмъ возросла пошлина Такъ, по даннымъ 1892 г.:

	Пошлина.	Разница въ цѣнѣ.
Хлопокъ	1 р. 40 к.	2 р. 52 к.
Чугунъ	— „ 30 „	— „ 51 „
Сода	— „ 90 „	1 „ 48 „

Такимъ образомъ, если за какой-либо иностранный продуктъ приходится платить пошлину въ казну, то за тотъ же продуктъ отечественнаго производства приходится платить такую же и даже большую пошлину фабрикантамъ и заводчикамъ. А такъ какъ многіе изъ обложенныхъ продуктовъ въ большемъ количествѣ изготовляются въ Россіи, чѣмъ привозятся изъ-заграницы, то дань промышленному капиталу во многихъ случаяхъ оказывается болѣе значительной, чѣмъ дань правительству.

Въ литературѣ не разъ дѣлались попытки опредѣлить, хотя бы приблизительно, общіе размѣры этой дани. Наиболѣе детальный расчетъ былъ произведенъ г. Саввинымъ по даннымъ 1900 года [1]). По его вычисленіямъ, за фабричныя и заводскія издѣлія русскій потребитель переплачиваетъ:

---

[1]) Саввинъ. «Во что обходится Россіи покровительство крупной промышленности». «Русскій экономистъ», 1906 г., №№ 11—13.

За иностранныя издѣлія въ казну	140,7	милл. руб.
„ отечественныя издѣлія капиталистамъ	237,7	„ „

Итого 378 милл. руб.; кромѣ того, на сырыхъ матеріалахъ онъ переплачиваетъ 253 милл. руб.; всего, стало-быть, 631 милл. руб. „Если вычислить сумму переплатъ, вызванную таможенной политикой, за вторую половину XIX вѣка, то мы получимъ,—пишетъ проф. Соболевъ,—поразительную цифру 14—15 милліардовъ". Изъ этого числа $4^1/_2$ милліарда, по его подсчету, поступили въ видѣ таможенныхъ пошлинъ въ казну, а остальные пошли, стало-быть, на воспособленіе фабрикантамъ и заводчикамъ.

Лошадь пала (Башилова).

Само собой понятно, что чѣмъ дальше крестьянство заходило по пути мѣновыхъ отношеній, тѣмъ большія суммы оно выплачивало и тѣмъ большую долю изъ своего трудового дохода отдавало на оживленіе русской торговли и поддержаніе отечественной промышленности. Но послѣднюю оно поддерживало, какъ мы уже знаемъ, не только тѣмъ, что платило за ея продукты повышенныя цѣны, но и тѣмъ, что доставляло ей рабочую силу за пониженную плату.

Вообще русскій капиталъ—и торговый, и промышленный—на крестьянскомъ трудѣ, можно сказать, выросъ, — выросъ, главнымъ образомъ, въ пореформенную эпоху...

V.

Мы отмѣтили лишь главныя формы, въ какихъ происходила все время эксплуатація освобожденнаго отъ крѣпостной зависимости крестьянства. Можно было бы указать еще цѣлый рядъ ихъ... Кромѣ названныхъ, имѣются и другія соціальныя группы, благосостояніе которыхъ цѣликомъ держится на нуждѣ, безправіи и темнотѣ многомилліонной крестьянской массы. Но описывать раскинутыя ими сѣти мы не будемъ: для этого у насъ нѣтъ мѣста.

ла и нѣтъ, какъ можно думать, особой въ этомъ надобности [1]). Общія [illegible] условія, въ какихъ крестьянство находилось въ дореформенное время, очерчены нами, хотя и бѣглыми, но достаточно ясными штрихами. Легко понять, что въ этихъ условіяхъ оно не могло развернуть свои силы и упрочить свое экономическое положеніе. Правящіе классы отбирали у него не только весь „прибавочный" продуктъ, за счетъ котораго оно могло бы расширить или углубить свое хозяйство, но нерѣдко и значительную часть продукта „необходимаго",—необходимаго для поддержанія жизни.

Для отдѣльныхъ мѣстностей и отдѣльныхъ группъ крестьянскаго населенія выдавались, конечно, благопріятные моменты, когда для нихъ открывалась возможность двинуть впередъ свое хозяйство. И надо сказать, что эту возможность крестьяне не упускали. За пятьдесятъ лѣтъ хозяйство ихъ какъ-никакъ расширилось и углубилось: крестьянская посѣвная площадь теперь значительно больше, чѣмъ была послѣ реформы, земледѣльческая

[1]) Напомнимъ здѣсь лишь о духовенствѣ, содержаніе котораго (свыше 100 тыс. лицъ бѣлаго духовенства, что съ ихъ семьями составляетъ болѣе 600 тыс. душъ, и около 60 тыс. монашествующаго) въ значительной его части падаетъ на крестьянскія плечи, при чемъ во многихъ случаяхъ имѣетъ характеръ налоговаго бремени. По расчетамъ В. Кильчевскаго («Богатства и доходы духовенства», Спб., 1908 г.) только за обязательныя требы (крещеніе, бракосочетаніе, похороны), принимая минимальныя платы, духовенство получило въ 1902 г. свыше 16½ милл. руб. Но эти пошлины, обязательно вносимыя со всѣхъ родившихся, умершихъ и бракосочетавшихся, составляютъ, какъ извѣстно, лишь часть такъ называемыхъ «доброхотныхъ даяній» и притомъ отнюдь не главную. Видную долю послѣднихъ даютъ окладные, такъ сказать, сборы, какіе производитъ духовенство со всего населенія нѣсколько разъ въ годъ деньгами и натурой (въ престольные праздники, на Пасхѣ, на Рождествѣ, въ великій постъ за исповѣдь, въ петровскій постъ—«петровщину», послѣ урожая—«новину» и т. п.). Далѣе идутъ доброхотныя даянія, не ниже установленной таксы, за требы «по усердію» (панихиды, молебны, обѣдни и т. д.). Не малые доходы даетъ духовенству и земля, обрабатываемая въ громадномъ большинствѣ случаевъ крестьянскими руками. Къ этому нужно прибавить жалованье изъ казны и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ сельскихъ обществъ. Учесть всѣ эти разнообразные доходы и выяснить, какую долю ихъ должны давать крестьяне, совершенно немыслимо. Трудно учесть и церковные доходы, показываемые въ отчетахъ обыкновенно много ниже дѣйствительныхъ. Приведемъ поэтому лишь кое-какія имѣющіяся въ литературѣ данныя, позволяющія хотя бы приблизительно судить о томъ, сколько должны платить крестьяне. По массовымъ бюджетнымъ даннымъ Воронежской губерніи, охватившимъ 177 тыс. крестьянскихъ хозяйствъ, денежные расходы на «религіозныя и обрядовыя потребности» опредѣлились въ 11 р. 82 коп. по расчету на дворъ. Но въ эту сумму входятъ всѣ обрядовые расходы въ томъ числѣ и расходы на угощеніе, особенно большіе при свадьбахъ. Если исключить цѣликомъ свадебные расходы, то средній расходъ будетъ равенъ 5 руб. 16 коп. Близкую къ этой цифрѣ даютъ бюджеты типичныхъ хозяйствъ по Острогожскому уѣзду: средній расходъ «на духовенство и требы» оказался въ нихъ равнымъ 5 руб. 87 коп. (со свадебными расходами—20 р. 66 к.) (Ф. А. Щербина, «Крестьянскіе бюджеты», Воронежъ, 1900 г.). По бюджетнымъ даннымъ Козельскаго уѣзда (статистическое описаніе Калужской губ., т. I, Калуга, 1898 г.) денежный расходъ кр. семьи на церковь и причтъ равенъ 4 р. 63 коп. Натуральные расходы на тотъ же предметъ по воронежскимъ даннымъ составляютъ около 20% денежныхъ. Такимъ образомъ въ среднемъ крестьянскій дворъ, не считая свадебъ, тратитъ, какъ можно думать, около 6 руб., что для всѣхъ крестьянъ Европейской Россіи составляетъ 70 милл. руб. въ годъ. Надо, однако, сказать, что приведенныя данныя относятся къ 80-мъ и 90-мъ годамъ. Послѣ того духовенство, повидимому, сильно повысило свою таксу. Но за то, съ другой стороны, «усердіе» у крестьянъ, какъ можно думать, уменьшилось.

техника выше и т. д. Но въ общемъ сельско-хозяйственный прогрессъ не опередилъ, а отсталъ отъ прироста населенія.

Возможность двинуть свое хозяйство впередъ оказывалась обыкновенно кратковременной. Проходилъ благопріятный моментъ для отдѣльнаго хозяйства, для данной группы, для данной мѣстности,—и вновь концы едва сходились съ концами. Нерѣдко, при всѣхъ усиліяхъ, ихъ такъ и не удавалось свести. Въ такихъ случаяхъ приходилось поступаться уже достигнутыми успѣхами и обращать на пополненіе недочетовъ въ бюджетѣ, за отсутствіемъ другихъ запасовъ, сельско-хозяйственный капиталъ въ той или иной его части,—съ тѣмъ, чтобы потомъ опять тратить силы на его возстановленіе. Какъ медленно иногда происходило послѣднее и съ какимъ трудомъ оно давалось, ясно изъ слѣдующихъ данныхъ о количествѣ лошадей (по военноконскимъ переписямъ) въ 38 губерніяхъ [1]:

Переселенецъ (Турлыгина).

	Въ тысячахъ. Крест. дворовъ.	Раб. лошадей.	Лошадей на одинъ дворъ.
Въ 1888—1891 гг.	8.226	10.647	1,29
„ 1899—1900 „	9.050	9.673	1,07
„ 1904—1906 „	9.776	10.539	1,08

[1]) Заимствуемъ эту табличку изъ книги Н. Огановскаго: «Очерки по исторіи земельныхъ отношеній въ Россіи», Саратовъ, 1911 г.

Неурожаи начала 90-хъ годовъ сказались крупною убылью въ крестьянскомъ скотѣ, пополнить которую населеніе оказалось не въ состояніи не только къ концу этого десятилѣтія, но и до средины слѣдующаго. Въ теченіи 15 лѣтъ оно, въ массѣ своей, такъ и не дождалось благопріятнаго момента, чтобы продвинуть впередъ свое хозяйство. Оно едва-едва было въ силахъ удерживать его даже на томъ уровнѣ, до котораго оно упало въ 90-е годы (1,07—1,08 раб. лошадей на дворъ).

Для отдѣльныхъ мѣстностей, группъ и дворовъ послѣдствія этихъ „временныхъ колебаній въ прибыткахъ“ оказывались еще болѣе затяжными, а иногда и роковыми.

Между тѣмъ страдало въ данныхъ условіяхъ не только хозяйство... Благосостояніе правящихъ классовъ въ конечномъ счетѣ на крестьянскихъ костяхъ было основано. Какую роль сыграло въ народной жизни хотя бы столь выгодное для этихъ классовъ крестьянское малоземелье, ясно видно изъ слѣдующихъ данныхъ. Къ 1877—1878 гг. крестьянское населеніе возросло [1]):

при надѣлѣ на душу менѣе 1 дес.	на 16%
„ „ „ „ отъ 1 до 2 „	„ 17 „
„ „ „ „ „ 2 „ 3 „	„ 19 „
„ „ „ „ „ 3 „ 4 „	„ 21 „
„ „ „ „ „ 4 „ 5 „	„ 28 „
„ „ „ „ свыше 6 „	„ 30 „

Почему приростъ малоземельнаго крестьянства оказался почти въ два раза меньше, чѣмъ многоземельнаго, догадаться, конечно, нетрудно. Механику этого явленія вскрываютъ хотя бы слѣдующія данныя, собранныя земскими статистиками въ 1888—1891 гг. по 6 уѣздамъ Воронежской губерніи [2]).

Въ хозяйствахъ:	На 100 человѣкъ. Было во время переписи. Больныхъ.	Калѣкъ.	Умерло за 3 года.
Безземельныхъ и имѣющихъ менѣе 5 дес.	0,61	1,96	10,5
Имѣющихъ отъ 5 до 15 дес.	0,42	1,47	9,9
„ „ 15 „ 25 „	0,32	1,15	8,6
„ свыше 25 „	0,25	0,88	7,9

Эту связь между размѣрами когда-то полученнаго надѣла, съ одной стороны, и болѣзненностью и смертностью крестьянскаго населенія,—съ другой, можно считать вполнѣ установленною. Эта связь и до сихъ поръ про-

[1]) Беремъ эту табличку изъ книги Н. А. Каблукова: «Объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи», Москва, 1908 г.

[2]) Сводный сборникъ по 12 уѣздамъ Воронежской губерніи, Воронежъ, 1897 г.

должаетъ еще сказываться, но еще большее значеніе имѣютъ, конечно, теперь общія условія земельнаго обезпеченія, не только надѣльнаго, но и внѣнадѣльнаго.

Многочисленныя группы крестьянскаго населенія все время находились въ состояніи хроническаго недоѣданія, которое сопровождалось повышенною болѣзненностью и смертностью. Въ неблагопріятные моменты это недоѣданіе обострялось до голода, охватывавшаго иногда чуть не всю массу крестьянскаго населенія на пространствѣ обширныхъ районовъ. Достаточно напомнить въ этомъ случаѣ голодовки девяностыхъ годовъ.

На пчельникѣ.

Въ 1892 году на каждую тысячу населенія умерло больше, чѣмъ бы это слѣдовало по среднему коэффиціенту смертности за 25 лѣтъ [1]):

Въ Симбирской губерніи	11	чел.
„ Казанской „	11	„
„ Уфимской „	15	„
„ Воронежской „	17	„
„ Оренбургской „	19	„
„ Саратовской „	20	„
„ Самарской „	23	„
„ Астраханской „	26	„
„ Донской области	27	„

[1]) Пользуемся данными, сгруппированными въ статьѣ В. И. Покровскаго: «Вліяніе колебаній урожая и хлѣбныхъ цѣнъ на естественное движеніе населенія» (Сб. «Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ», т. II).

Всего же въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи умерло въ этомъ году лишнихъ свыше 100 тыс. человѣкъ.

Но даже эта груда костей не заставила ослабить эксплуатацію крестьянскаго населенія. Напротивъ, она еще болѣе усилилась.

Въ томъ же 1892 году въ управленіе Министерствомъ Финансовъ вступилъ Витте. Началось небывалое движеніе торговли и промышленности и неимовѣрно быстрое нарастаніе государственнаго бюджета. Хотя голодовки сдѣлались хроническими, но это не помѣшало ни успѣшному накопленію богатствъ удачниками, ни блестящему исполненію государственныхъ росписей.

Позднѣе произошла заминка, встрѣтились кое-какія препятствія. Но эти препятствія уже устранены, сѣти подновлены и еще шире раскинуты. Началась уже новая полоса финансоваго благополучія, капиталистическаго преуспѣянія и усиленной эксплуатаціи крестьянскаго населенія.

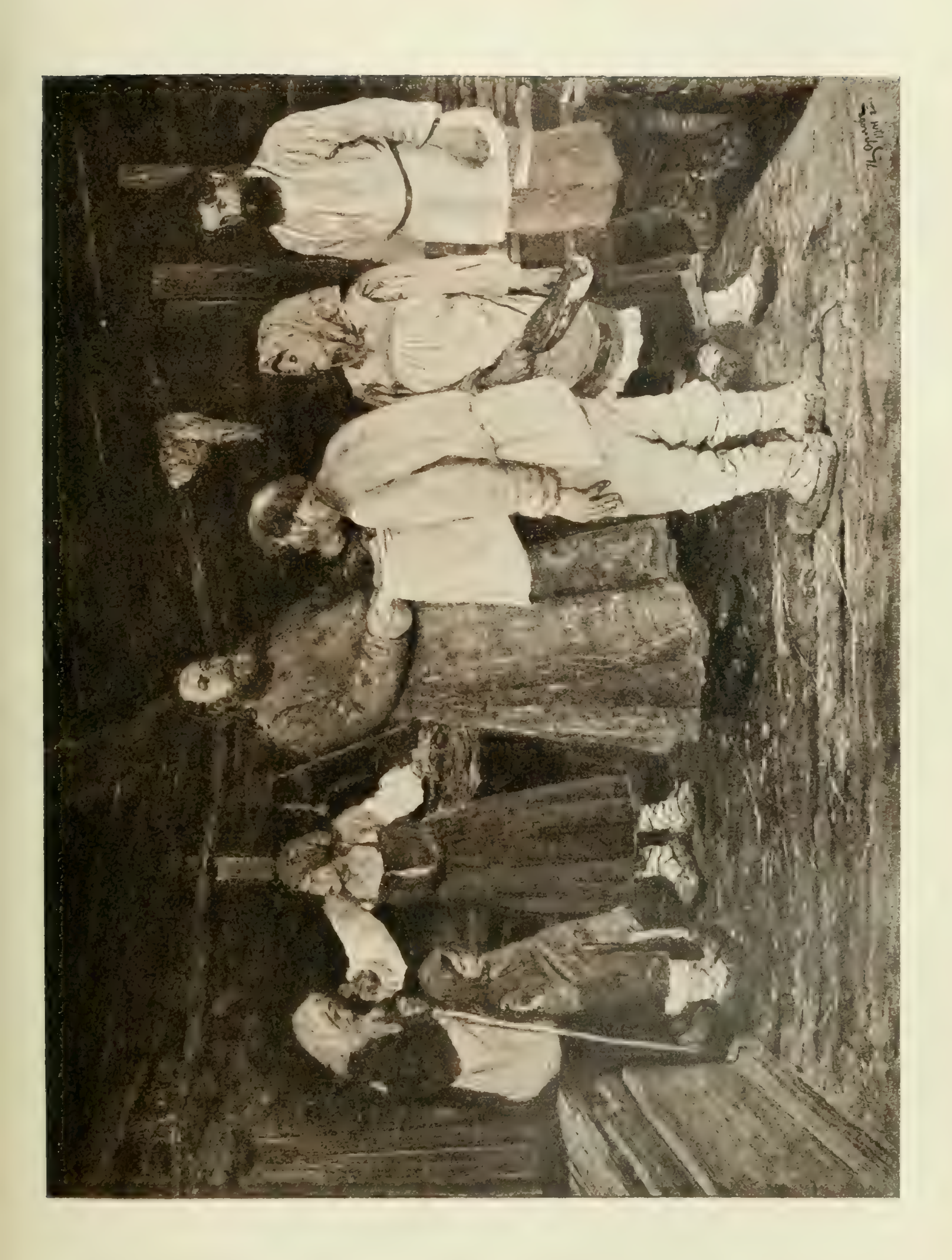
Насчетъ благополучія и преуспѣянія еще возможны, конечно, сомнѣнія, но въ новомъ и рѣзкомъ ухудшеніи условій крестьянской жизни, къ сожалѣнію, нельзя даже сомнѣваться...

VI.

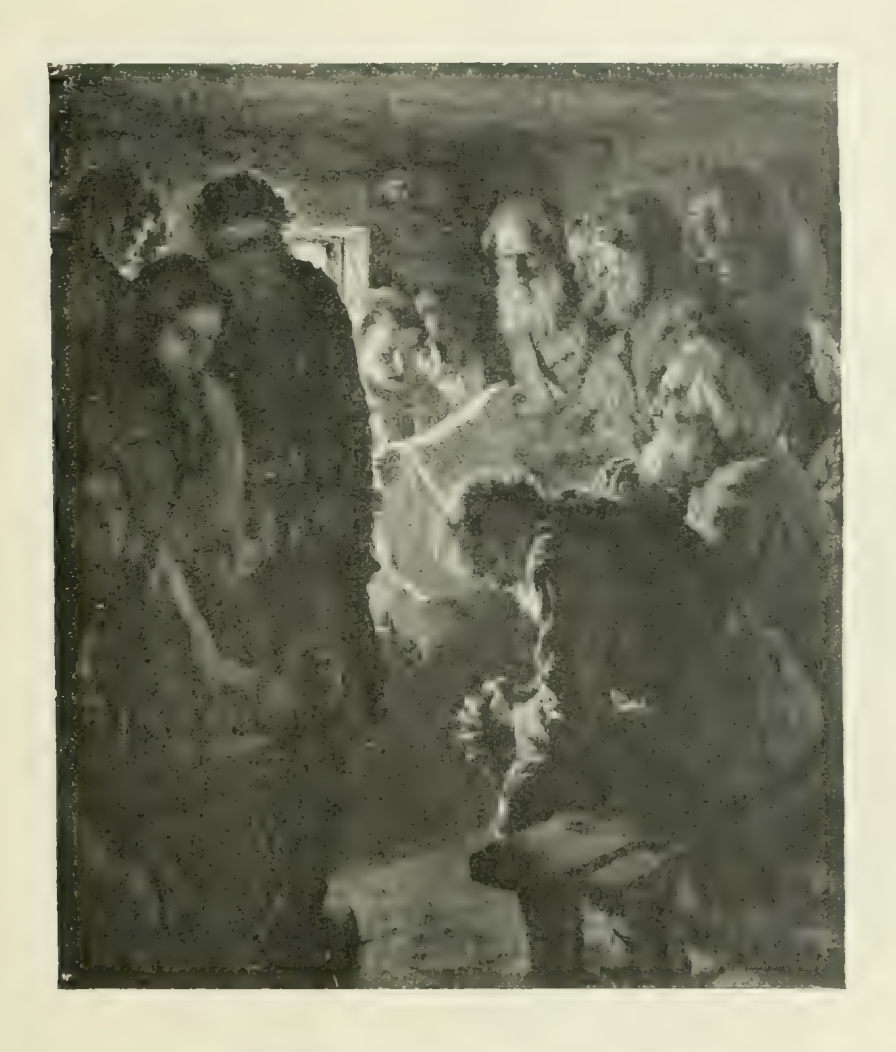
Надежда поэта, что пореформенныя сѣти будетъ легче распутать, чѣмъ крѣпостныя, до сихъ поръ не оправдалась. Въ срединѣ послѣдняго десятилѣтія народомъ была сдѣлана попытка порвать ихъ, но и она оказалась напрасною. Движеніе это слишкомъ еще близко къ намъ, чтобы пытаться теперь же дать общую его картину и взвѣсить всѣ его послѣдствія.

„Земля и воля“—таковъ оказался, въ концѣ-концовъ, лозунгъ всего освободительнаго движенія. Лозунгъ не новый: за послѣднія 50 лѣтъ не разъ поднималось это знамя, первая же попытка поднять его была сдѣлана чуть не на другой день послѣ паденія крѣпостного права. Тогда оно собрало маленькую кучку молодежи, въ послѣдній же разъ собрались подъ нимъ большія народныя массы. Пятьдесятъ лѣтъ прожиты не напрасно, многое въ этомъ отношеніи измѣнилось, но знамя осталось старое.

Символомъ всѣхъ матеріальныхъ задачъ движенія явилась земля. Но какъ въ 1861, такъ и въ 1905 году это былъ не только символъ: какъ тогда, такъ и теперь земля оказалась главнымъ объектомъ борьбы, около нея сконцентрировались самые существенные интересы, около нея произошли рѣшительныя битвы. И тутъ же опредѣлились неудачи какъ реформы, такъ и революціи. Мы видѣли, какую роль сыграло въ пореформенной жизни крестьянства малоземелье; мы еще увидимъ, да это и теперь уже ясно, какую роль въ его настоящей жизни сыграетъ „землеустройство“.

Здѣсь не мѣсто, конечно, излагать и тѣмъ болѣе критиковать эти программы. Напомнимъ лишь главные водораздѣлы между ними, да и то постольку лишь, поскольку это необходимо, чтобы опредѣлить общее направленіе освободительнаго движенія.

Чтеніе газеты въ деревнѣ (Богданова-Бѣльскаго).

Одни участники послѣдняго (к.-д. партія) считали возможнымъ и даже должнымъ удовлетвориться лишь частью помѣщичьей земли; другіе (соціалистическія партіи) считали необходимымъ отобрать всю землю. Надо, однако, сказать, что эта грань опредѣлилась не сразу и положеніе отдѣльныхъ партій по отношенію къ ней не оставалось неизмѣннымъ. Такъ, соціалъ-демократы

вступили въ движеніе съ требованіемъ лишь „отрѣзковъ", т.-е. тѣхъ земель, которыя были отрѣзаны у крестьянъ при выходѣ ихъ на волю; но потомъ, съ развитіемъ движенія, с.-д. партія расширили свою аграрную программу до требованія всей помѣщичьей земли. Между к.-д. аграрными проектами, внесенными въ первую Думу („Записка 42-хъ"), съ одной стороны, и во вторую („проектъ главныхъ основаній закона о земельномъ обезпеченіи земледѣльческаго населенія")—съ другой, тоже нетрудно замѣтить по данному вопросу существенную разницу. Если с.-д. съ усиленіемъ движенія расширили свою программу, то к.-д. послѣ того, какъ движеніе явно пошло на убыль, свою ограничили. Впрочемъ, и с.-д. заранѣе предусмотрѣли, что имъ свои требованія придется, быть-можетъ, сузить по тактическимъ соображеніямъ. Требованіе съ ихъ стороны всей земли было разсчитано на побѣдоносный исходъ революціи; „въ случаѣ неблагопріятныхъ для этого условій россійская соціалъ-демократическая рабочая партія, — читаемъ мы въ одной изъ резолюцій ея съѣзда 1906 г.,—выскажется за раздѣлъ между крестьянами тѣхъ помѣщичьихъ земель, на которыхъ фактически ведется мелкое хозяйство или которыя составляютъ необходимыя для его округленія угодья". Въ этомъ случаѣ с.-д. требованія оказались бы, пожалуй, даже болѣе узкими, чѣмъ пожеланія к.-д. партіи, какъ они были формулированы въ аграрныхъ проектахъ послѣдней.

Другой вопросъ, оказавшійся спорнымъ между партіями, былъ вопросъ о выкупѣ. Одни участники освободительнаго движенія находили необходимымъ заплатить помѣщикамъ за ихъ землю, другіе настаивали на безмездной ея экспропріаціи. Въ спорахъ съ той и другой стороны выдвигались нерѣдко и принципіальныя соображенія, и „требованія" получали, такимъ образомъ, безусловный характеръ. Въ дѣйствительности, однако, сторонники „конфискаціи" понимали, что совершенно безмездной послѣдняя быть не можетъ, такъ какъ необходимо будетъ посчитаться съ нѣкоторыми изъ обязательствъ, лежащихъ на землѣ, да и объ экспропріированномъ классѣ государству въ той или иной формѣ придется позаботиться. Съ другой стороны, сторонники выкупа признавали невозможность оплатить помѣщичью землю по рыночной, явно вздутой, цѣнѣ и считали нужнымъ найти для этого „справедливую цѣну". Въ конечномъ счетѣ конкретныя „требованія" и противниковъ и сторонниковъ выкупа оставались довольно неопредѣленными. Была даже сдѣлана попытка (н.-с. партіею) исключить этотъ вопросъ изъ числа программныхъ и, намѣтивъ общую линію своего поведенія, отложить конкретное рѣшеніе его... Оглядываясь теперь назадъ, трудно даже представить себѣ, какова могла бы оказаться денежная стоимость помѣщичьихъ земель въ случаѣ удачнаго исхода революціи. Вѣроятнѣе всего, что на этой именно почвѣ состоялся бы компромиссъ.

Третій вопросъ, раздѣлявшій въ аграрной сферѣ участниковъ освободительнаго движенія, былъ вопросъ о формахъ землевладѣнія. Народники все время рѣшительно высказывались за коллективную форму, при чемъ въ ихъ средѣ постепенно намѣтились два теченія: одно за соціализацію (с.-р.), другое—за націонализацію (н.-с.). К.-д. партія занимала въ этомъ вопросѣ нѣсколько неопредѣленную позицію, съ наклономъ то въ сторону націонализаціи („записка 42-хъ"), то въ сторону существующихъ формъ землевладѣнія (проектъ, внесенный во 2-ю Думу). Что касается с.-д., то, пока ихъ требованія ограничивались „отрѣзками", они являлись, какъ можно думать, сторонниками личной собственности. Но, расширивъ свою аграрную программу, они высказались вмѣстѣ съ тѣмъ за передачу казенныхъ, удѣльныхъ, помѣщичьихъ и монастырскихъ земель крупнымъ органамъ мѣстнаго самоуправленія („муниципализація"), при чемъ противниками этого теченія на съѣздѣ были сторонники націонализаціи, т.-е. тоже коллективной формы землевладѣнія. Въ общемъ тенденція къ коллективной формѣ, особенно въ разгаръ движенія, несомнѣнно, преобладала и въ случаѣ дальнѣйшихъ успѣховъ послѣдняго легко могла бы сдѣлаться господствующей.

А. И. Чупровъ.

Былъ и еще вопросъ, вызывавшій все время большія теоретическія разногласія. Это вопросъ о трудовомъ и предпринимательскомъ хозяйствѣ. Но какъ бы различно участники освободительнаго движенія ни представляли себѣ судьбы того и другого въ дальнѣйшемъ, въ качествѣ ближайшаго шага всѣ они безусловно считали необходимымъ расширеніе землепользованія именно крестьянскаго и прежде всего малоземельнаго населенія. Даже с.-д., отношеніе которыхъ къ трудовому хозяйству всегда было, по меньшей мѣрѣ, скептическимъ, не видѣли другого пути къ „свободному развитію классовой борьбы въ деревнѣ", какъ расширеніе площади трудового землепользованія.

Было и еще нѣчто общее въ аграрныхъ программахъ всѣхъ партій, являвшихся активными участниками освободительнаго движенія. Всѣ онѣ считали невозможнымъ разрѣшить аграрный вопросъ путемъ добровольныхъ соглашеній крестьянъ съ помѣщиками и находили поэтому необходимымъ примѣненіе силы въ формѣ ли „принудительнаго отчужденія" или „конфискаціи".

Аграрныя программы политическихъ партій, какъ упоминалось, складывались и измѣнялись подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ развивавшагося,

главнымъ образомъ крестьянскаго движенія. Не лишне будетъ напомнить, что въ последніе мѣсяцы 1904 г., когда движеніе пробилось уже наружу, но не вышло еще за предѣлы такъ называемаго „общества“, вопросъ о землѣ даже не поднимался. Онъ былъ обойденъ ноябрьскимъ земскимъ съѣздомъ, не всплылъ на банкетахъ, ни слова о землѣ не было сказано въ указѣ 12 декабря, — въ этомъ первомъ отвѣтѣ правительства на общественныя требованія. Первое упоминаніе о землѣ мы находимъ въ петиціи, съ которою было устроено рабочее шествіе 9 января 1905 года, но и то въ самой общей формѣ. Лишь съ началомъ крестьянскаго движенія, въ февралѣ того же года, аграрный вопросъ привлекаетъ къ себѣ надлежащее вниманіе.

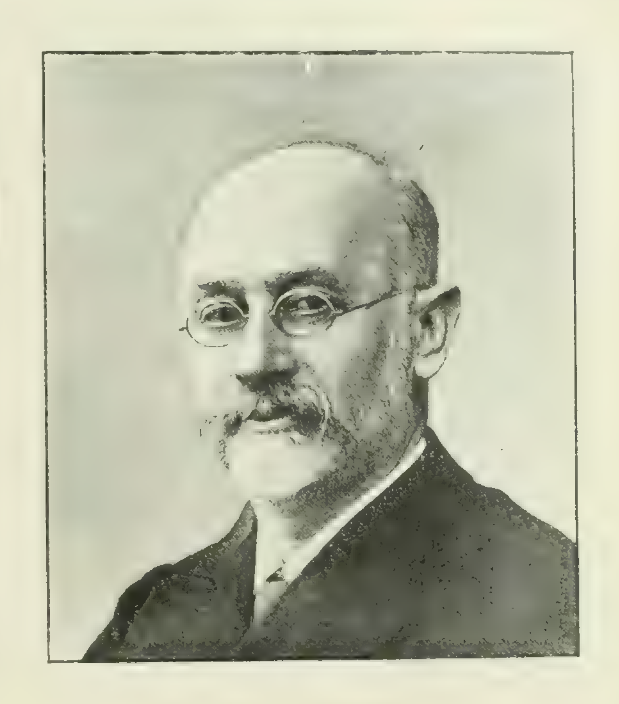
Общій характеръ этого движенія вполнѣ подтверждаетъ сдѣланные выводы относительно тенденцій, какія были свойственны революціи 1905 г. въ аграрной сферѣ. За исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстностей западной Россіи, гдѣ широко развито батрачное хозяйство и гдѣ движеніе получило по преимуществу стачечный характеръ, въ остальныхъ губерніяхъ Европейской Россіи рѣзко преобладали въ 1905 г. двѣ его формы: разгромы помѣщичьихъ усадебъ и порубки владѣльческихъ лѣсовъ. Довольно большимъ было и стремленіе къ захвату земель (въ особенности подъ пастбища), но эта форма движенія, какъ длящаяся, не могла, конечно, получить широкаго распространенія, такъ какъ власти успѣвали обыкновенно сравнительно скоро возстановлять порядокъ. Такимъ образомъ вопросъ о помѣщичьемъ землевладѣніи и помѣщичьемъ хозяйствѣ крестьяне обнаружили склонность ставить очень радикально.

Какова должна быть норма земельныхъ отношеній и тѣмъ болѣе общая норма? — Относительно взглядовъ крестьянъ на этотъ счетъ для первой стадіи движенія имѣются лишь случайныя и отрывочныя свѣдѣнія. Возможно, что этотъ вопросъ во многихъ случаяхъ даже не возникалъ у крестьянъ. Въ другихъ случаяхъ онъ, повидимому, рѣшался въ ихъ сознаніи очень просто: разъ помѣщика нѣтъ, то, стало-быть, земля ихняя, т.-е. ближайшихъ селеній, въ той или иной формѣ до сихъ поръ ее обрабатывавшихъ.

Очень скоро, однако, крестьянство было втянуто въ обсужденіе общихъ вопросовъ. Не малую роль сыгралъ въ этомъ случаѣ указъ 18 февраля 1905 г., давшій толчокъ къ постановкѣ вопросовъ именно въ общей формѣ. Началось петиціонное движеніе, стали устраиваться митинги, получила широкое распространеніе политическая литература, появились агитаторы. На ряду съ значительнымъ развитіемъ пропаганды, дѣлаются попытки массовой организаціи. Лѣтомъ 1905 г возникъ крестьянскій союзъ, и къ концу этого года онъ получилъ громадную популярность и широкое распространеніе, хотя и въ аморфномъ видѣ. Выборы въ Думу, агитація въ связи съ нею, приговорное движеніе, вновь выборы—все это продолжало удерживать вниманіе крестьянъ въ сферѣ общихъ вопросовъ. Въ конечномъ счетѣ мы

имѣемъ массу программныхъ заявленій со стороны крестьянства,—и больше всего, конечно, по аграрному вопросу,—въ формѣ приговоровъ крестьянскихъ сходовъ, постановленій крестьянскихъ съѣздовъ, наказовъ крестьянскимъ депутатамъ, думскихъ выступленій послѣднихъ и т. д.

Одною изъ основныхъ и наиболѣе прочно усвоенныхъ крестьянскимъ сознаніемъ общихъ нормъ для рѣшенія аграрнаго вопроса, несомнѣнно, должна считаться такая: земля—трудящимся... Эта норма имѣетъ, однако, въ виду лишь пользованіе землею. Что касается вопроса о формахъ землевладѣнія, то онъ остался, какъ можно думать, гораздо менѣе уясненнымъ въ сознаніи крестьянскаго населенія. Крестьянскій союзъ, какъ извѣстно, высказался за передачу земли въ общегосударственную собственность, т.-е. за національзацію. Такова же программа трудовой группы, состоявшей во всѣхъ Думахъ, главнымъ образомъ, изъ крестьянскихъ депутатовъ. Однородное требованіе встрѣчается въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ приговоровъ и наказовъ. Однако и за всѣмъ тѣмъ трудно сказать, насколько этотъ лозунгъ былъ усвоенъ крестьянской массой и, главное, насколько яснымъ онъ представлялся ей въ своемъ конкретномъ примѣненіи. Но зато несомнѣнно очень сильное тяготѣніе, какое было проявлено той же массой вообще къ коллективной формѣ землевладѣнія, какъ къ наиболѣе соотвѣтствующей трудовому землепользованію и, съ другой стороны, наиболѣе привычной для русскаго крестьянства. Это тяготѣніе въ годы движенія было настолько сильно, что сказалось даже въ той части крестьянскаго населенія, которая сравнительно слабо была захвачена послѣднимъ и которая пыталась рѣшить для себя земельный вопросъ въ обычныхъ до того формахъ. Такъ, по отчетамъ крестьянскаго банка, заявленій о покупкѣ земли при его содѣйствіи поступило:

М. Я. Герценштейнъ.

По расчету на годъ.	Отъ обществъ.	Отъ товариществъ.	Отъ отдѣл. домохоз.	Итого.
Въ періодъ 1901—1903 гг.	457	5.708	2.033	8.197
„ „ съ 3 нояб. 1905 г. по 1 янв. 1907 г.	1.498	5.464	1.653	8.615
Разница	+ 1.041	— 244	— 380	417

Покупки обществами обнаружили тенденцію увеличиться болѣе, чѣмъ въ три раза, а покупки товариществами и, въ особенности, отдѣльными домохозяевами замѣтно сократились.

Такимъ образомъ непосредственныя данныя объ аграрномъ движеніи, какъ и отраженныя въ программахъ политическихъ партій, указываютъ въ общемъ одно и то же его направленіе... Но въ этомъ направленіи движеніе не нашло себѣ исхода. Преградившія ему дорогу силы стали рѣшать аграрный вопросъ по-своему. Онѣ тоже сдѣлали землю „осью“ всей своей политики, но повернули ее въ обратную сторону.

Впрочемъ, въ началѣ правительство обнаружило склонность сдѣлать хотя бы одну уступку народнымъ требованіямъ: оно обѣщало увеличить площадь крестьянскаго землепользованія, „всѣмъ малоземельнымъ крестьянамъ дать возможность воспользоваться изъ существующаго земельнаго запаса такимъ количествомъ земли, которое имъ необходимо, на льготныхъ условіяхъ“ [1]). Съ этою цѣлью были предназначены къ передачѣ крестьянамъ казенныя и удѣльныя земли и предпринята была усиленная скупка помѣщичьихъ земель При посредствѣ крестьянскаго банка, скоро, однако, выяснилось, что изъ рукъ правительства крестьяне, если и могутъ получить землю, то отнюдь не на „льготныхъ условіяхъ“. Выше мы уже говорили, какъ сильно возросли земельныя цѣны въ пореволюціонное время, — возросли, главнымъ образомъ, благодаря дѣятельности крестьянскаго банка. Помимо того, что онъ вздулъ цѣны на землю при покупкѣ ея у помѣщиковъ, при перепродажѣ ея крестьянамъ онъ началъ дѣлать все болѣе и болѣе значительныя надбавки. Такъ, онъ продавалъ крестьянамъ землю: въ 1906 году по 71 руб. за десятину, въ 1907 г.—по 109 руб., въ 1908 г.—по 117 руб. и въ 1909 г.—по 136 р. По этимъ цѣнамъ крестьяне должны были покупать не только бывшія помѣщичьи земли, но и удѣльныя и отобранныя у самихъ же крестьянъ, хотя всѣ эти земли достались банку по несравненно болѣе низкимъ цѣнамъ. Какъ велика была въ 1906—1909 гг. разница между цѣнами, какія платилъ самъ банкъ за землю, и цѣнами, по которымъ онъ продавалъ ее крестьянамъ, ясно видно изъ слѣдующихъ данныхъ: за помѣщичью землю банкъ платилъ по 105 руб. за десятину, отобранная у крестьянъ за недоимки земля осталась за нимъ по цѣнѣ 76 руб. за десятину и удѣльныя земли перешли къ нему по 56 р. за десятину, въ среднемъ десятина обошлась ему около 90 руб.; продавалъ же онъ крестьянамъ, если взять среднюю цѣну за всѣ 1906—1909 гг., по 125 руб за десятину.

Съ теченіемъ времени выяснилось и то, что правительство не склонно торопиться съ передачей земли крестьянамъ. Удѣльныя земли, въ значи-

[1]) Стенографическій отчетъ. Государственная Дума, сессія II, засѣданіе 36-е (10 мая 1907 г.). Рѣчь председателя Совѣта Министровъ.

„Избы“ (съ карт. Мещерина).

тельной ихъ части, до начала 1911 года оставались не переданными не только крестьянамъ, но и крестьянскому банку. Распродажу казенныхъ земель правительство сразу же затормозило, а потомъ и вовсе почти прекратило.

Главныя усилія оказались направленными къ тому, чтобы разбить коллективныя формы землевладѣнія.

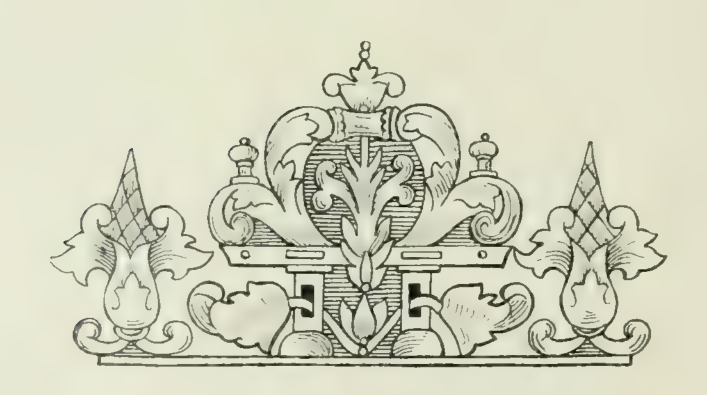
Указомъ 9 ноября 1906 года, который былъ замѣненъ потомъ болѣе усовершенствованнымъ закономъ 14 іюня 1910 года, каждому домохозяину предоставлено право укрѣплять въ свою личную собственность участки общинной земли, находящіеся въ его постоянномъ пользованіи. Для того же, чтобы преодолѣть сопротивленіе населенія такому расхищенію общественнаго достоянія и, съ другой стороны, увеличить число охотниковъ до него, власти примѣняли и примѣняютъ самыя разнообразныя мѣры давленія и поощренія... Въ концѣ-концовъ, въ сферѣ земельныхъ отношеній крестьянства воцарился полный произволъ и общинная жизнь сдѣлалась невозможной. Даже противники укрѣпленія земли въ собственность нерѣдко оказываются вынужденными прибѣгать къ нему, какъ къ единственному спасенію. Въ значительной мѣрѣ своей цѣли правительство уже достигло. Къ срединѣ 1910 года надѣльная земля была уже укрѣплена 1.349.460 домохозяевами въ количествѣ 9.901.469 дес., что составляетъ около $13^1/_2\%$ всѣхъ общинниковъ и 8,7% всей общинной земли въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи.

Процессъ разрушенія общины идетъ уже повсемѣстно и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ очень быстрымъ темпомъ.

Но довольствуясь укрѣпленіемъ общинныхъ земель въ личную собственность, правительство поставило себѣ и другую задачу: разселить крестьянъ на хутора, сдѣлать невозможнымъ для нихъ возвратъ къ коллективной формѣ владѣнія землей и вмѣстѣ съ тѣмъ затруднить для нихъ возможность какихъ бы то ни было коллективныхъ дѣйствій. Въ этомъ случаѣ успѣхи правительства пока не особенно значительны: до 1 іюля 1910 года изъ надѣльной земли образовано лишь 189.734 хуторскихъ и отрубныхъ участковъ. Но въ эту сторону направлены теперь главныя усилія „землеустроителей“.

Къ сказанному остается прибавить, что само правительство свою земельную политику откровенно назвало „ставкой на сильнаго“. Что касается слабыхъ, то ихъ оно предоставляетъ, очевидно, ихъ прежней судьбѣ...

А. Пѣшехоновъ.

Переселенцы (Иванова).

Переселеніе крестьянъ и землеустройство Сибири.

И. И. Попова.

Переселеніе крестьянъ въ тѣхъ формахъ и объемѣ, въ какіе оно вылилось за послѣднія 15 лѣтъ, составляетъ явленіе, исключительно присущее Россіи. Ни въ одной странѣ, не исключая даже Америки, мы не встрѣчаемъ такого массоваго передвиженія населенія внутри государства, какимъ отмѣчено переселеніе у насъ, особенно за послѣдніе четыре года. Въ то же время переселеніе есть явленіе всецѣло пореформенной Россіи. Правда, до 1861 г у насъ существовало переселеніе государственныхъ крестьянъ, обставленное, согласно правиламъ 1843 г., вполнѣ удовлетворительно. Но въ общемъ оно было незначительно: за 35 лѣтъ—съ 1831 до 1866 г.—число этихъ переселенцевъ, поселившихся въ восточныхъ и юго-

восточныхъ губерніяхъ Европейской Россіи, на Кавказѣ и отчасти въ западной Сибири, едва превысило 300 т. душъ, т.-е. за всѣ 35 лѣтъ оно было въ два раза меньше числа переселенцевъ, проходящихъ въ Сибирь за каждый изъ послѣднихъ четырехъ лѣтъ.

Крѣпостные получили право передвиженія только послѣ освободительной реформы. Отдѣльные случаи переселенія „бѣглыхъ“ въ Сибирь были и до 1861 г., но эти случаи были настолько незначительны, что не могутъ быть сравниваемы съ бѣглыми въ Новороссію. Широкое крестьянское переселеніе началось въ 80-хъ гг., и даже въ послѣднемъ десятилѣтіи прошлаго столѣтія. Правительство, освобождая крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, не желало, чтобы переселеніе стало постояннымъ явленіемъ крестьянской жизни Россіи. Въ Положеніи 19 февраля ничего не говорится о переселеніи. Теперь мы знаемъ [1]), что это было сдѣлано не безъ умысла: опасались, что переселеніе лишитъ помѣщика рабочихъ рукъ и арендаторовъ. Кн. Васильчиковъ отмѣчаетъ характерное настроеніе составителей Положенія, которые считали свое дѣло не законченнымъ и намѣтили, „что по истеченіи 9 лѣтъ будетъ даровано крестьянамъ другое право, столь же существенное, какъ и владѣніе землей,—право вольнаго перехода“. Но и въ 1870 г., по истеченіи 9-лѣтняго срока, правительственные круги все еще опасались, что съ правомъ вольнаго перехода всѣ крестьяне поднимутся съ своихъ пепелищъ, грабя и зажигая помѣщичьи усадьбы. Еще въ 1879 г. въ отвѣтъ на ходатайство Черниговскаго земства о переселеніи малоземельныхъ крестьянъ въ Оренбургскую и Уфимскую губерніи, министръ Валуевъ, отклоняя это ходатайство, указывалъ, что къ переселенію нужно относиться „съ величайшей осторожностью“, „вслѣдствіе повсемѣстно наблюдаемаго настроенія сельскаго населенія, которое на основаніи ложныхъ слуховъ и злонамѣренныхъ толкованій вездѣ ожидаетъ новой нарѣзки земли въ видахъ дополненія надѣловъ“. Боязнь потери рабочихъ рукъ ясно была высказана и въ болѣе раннемъ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 4 мая 1868 г., когда запрещеніе переселяться было распространено и на Приамурье. Позднѣе до 1906 г. политика правительства стремилась ограничить и даже затормозить переселенческое движеніе. Но остановить переселеніе было невозможно.

Причины переселенческаго движенія глубоки и лежатъ въ экономическихъ и соціальныхъ условіяхъ жизни русскаго крестьянства.

Крестьянинъ бѣжалъ отъ нищенскихъ надѣловъ, отъ малоземелья, тѣсноты, неурожаевъ, голода и общественныхъ непорядковъ. Не склонность къ бродяжеству, а глубокія экономическія причины и земельная разруха заставили и заставляютъ крестьянъ бросать отцовскую землю и итти искать

[1]) См. ст. Пѣшехонова.

новую. Пока эти причины не достигли извѣстной остроты, пока крестьянинъ могъ перебиваться съ грѣхомъ пополамъ на своемъ четвертномъ надѣлѣ— переселеніе слабо развивалось. Оно началось прежде всего съ черноземныхъ губерній, гдѣ болѣе всего былъ распространенъ четвертной надѣлъ, гдѣ малоземелье дало себя чувствовать съ перваго же момента освобожденія крестьянъ, но переселеніе скоро охватило всю Европ. Россію, не исключая ея восточныхъ и сѣверо-восточныхъ губерній, гдѣ объ абсолютномъ малоземельѣ не могло быть и рѣчи. Здѣсь причины переселенія кроются въ

Въ зимнюю стужу. (Изъ коллекціи Н. Д. Телешова).

относительномъ малоземельѣ, въ кризисѣ системы полеводства, въ одностороннемъ составѣ угодій, плохомъ качествѣ земли, черезполосицѣ, неурожаяхъ и т. д. За послѣдніе годы эти же причины вызвали переселеніе даже въ обѣтованной для переселенцевъ странѣ—Сибири.

Установить даже приблизительное число переселенцевъ въ 60, 70 и 80-хъ годахъ невозможно: болѣе или менѣе точная регистрація переселенцевъ началась только съ 1887 г., когда появились офиціальные отчеты. Несомнѣнно, переселеніе въ началѣ 80-хъ годовъ уже достигло относительно крупныхъ размѣровъ, но оно направлялось, главнымъ образомъ, въ юго-восточныя губерніи Европ. Россіи. Въ Сибирь же за это время прибыло въ 1881 г.—36 т. д., въ 1882—38 т. д. и въ 1883—46 т. д. переселенцевъ. Эти

цифры для тогдашнихъ изслѣдователей переселенія—Янсона, кн. Васильчикова, [illegible] и даже Ядринцева—кажутся незначительными, и они почти не говорятъ о сибирскихъ переселенцахъ.

Къ 80-мъ годамъ число самовольныхъ переселенцевъ въ Европ. Россіи и въ Сибири обратило на себя вниманіе правительства. Уже въ 70-хъ годахъ былъ изданъ рядъ циркуляровъ о водвореніи переселенцевъ въ Оренбургской губ. и о перечисленіи переселенцевъ, осѣвшихъ въ Тобольской и Томской губерніяхъ, съ переводомъ на нихъ казенныхъ недоимокъ, накопившихся на родинѣ. Самовольное переселеніе было запрещено, а выдача разрѣшительныхъ свидѣтельствъ съ 1881 г. была предоставлена министрамъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ. Въ 1881 г. въ Батракахъ былъ основанъ первый переселенческій пунктъ, а въ Петербургѣ была образована для выработки переселенческаго закона особая комиссія подъ предсѣдательствомъ П. П. Семенова съ участіемъ свѣдущихъ лицъ. На совѣщаніи выяснилась существенная разница во взглядахъ на переселеніе правительственныхъ чиновниковъ и свѣдущихъ лицъ. Первые стремились удержать переселеніе въ рукахъ правительства и сохранить бюрократическую опеку. Вторые, признавая переселеніе дѣломъ государственной важности, указывали на необходимость передать все дѣло въ вѣдѣніе земствъ, а въ пути—особымъ переселенческимъ конторамъ, т. е. высказали то, о чемъ не перестаетъ говорить вся прогрессивная печать и земцы въ наше время. Но съ мнѣніемъ свѣдущихъ людей не могъ согласиться тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Д. А. Толстой. Въ 1886 г. были изданы правила, по которымъ губернатору предоставлялось право задерживать переселенцевъ. Но это легко было написать, а провести въ жизнь не удалось. За три года (1887, 1888 и 1889 гг.) въ Сибирь прошло 101.180 душъ переселенцевъ, среди которыхъ „самовольцы“ составляли 75% (А. А. Кауфманъ). Несмотря на этотъ опытъ, правила 1886 г. легли въ основу переселенческаго закона 1889 г., по которому репрессіи противъ самовольныхъ переселенцевъ были усилены угрозой отправки ихъ на родину по этапу. Этотъ законъ, изданный вначалѣ для Европ. Россіи, постепенно былъ распространенъ и на Сибирь. Законъ подвергался неоднократно измѣненіямъ и дополненіямъ, которыя то усиливали, то смягчали запретительную тенденцію, сохранившую свою силу до 1906 г.

Но бюрократическая опека и запретительныя тенденціи имѣли крайне слабое вліяніе на пониженіе самовольнаго переселенческаго движенія. „Самовольцевъ“ приходилось легализировать и даже выдавать имъ ссуды. Бюджетъ переселенца въ большинствѣ случаевъ былъ болѣе, чѣмъ скуденъ: въ рѣдкихъ случаяхъ онъ выражался 200—400 руб. на отдѣльную семью, а обыкновенно не превышалъ 100—150 руб. Средства эти получались, главнымъ образомъ, отъ продажи избы, домашней рухляди на родинѣ и почти всѣ до копейки расходовались въ пути.

До проведенія Сибирской желѣзной дороги переселенецъ передвигался собственными средствами, т.-е. шелъ на собственной лошади и телѣгѣ, нагруженной всякимъ скарбомъ и часто ненужными вещами. Переселенцевъ одиночекъ почти не было, а обыкновенно переселенческій обозъ въ сотни телѣгъ вытягивался длинной лентой по знаменитой Владимиркѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ подъ палящими лучами лѣтняго солнца, въ осеннюю слякоть или зимнюю стужу, ночуя подъ открытымъ небомъ, испытывая всевозможныя лишенія, голодъ и страданія, двигались эти странники. Дорогой вымирали цѣлыя семьи или оставались малолѣтки, которыхъ обыкновенно брала на попеченіе переселенческая партія. Смертность между переселен-

Переселенцы. - Мать и дѣти. (Изъ колл. Н. Д. Телешова).

цами доходила—среди взрослыхъ до 10%, а среди дѣтей даже до 30%. Всѣ изслѣдователи переселенія: Ядринцевъ, Исаевъ, Кауфманъ, Телешовъ и др., дали потрясающія картины страданій переселенца въ пути. Эти описанія не были преувеличены и пишущему эти строки не разъ приходилось встрѣчать на таборахъ переселенцевъ десятки и болѣе труповъ, которые партія везла съ собою до перваго кладбища. Плохое питаніе, отсутствіе минимальныхъ гигіеническихъ условій и медицинской помощи дѣлали изъ переселенческой партіи очаги заразы, отъ которой страдали и старожилы. Правительственная помощь отсутствовала, а ссуды были до смѣшного малы: томскій переселенческій чиновникъ за 10 лѣтъ (1884—1893 гг.) выдалъ

годно 30 тыс. руб., а тюменскій — располагалъ для выдачи ссудъ суммой въ 5 тыс. руб. ежегодно. Между тѣмъ на Тюмень въ то время шелъ главный потокъ переселенія. Въ отдѣльныхъ случаяхъ ссуды выдавались по 3 рубля на семью, да и то изъ наиболѣе нуждающихся. Въ 1892 г. выдача ссудъ была совершенно прекращена, и на помощь переселенцамъ пришла частная благотворительность.

Въ Петербургѣ возникло общество вспомоществованія переселенцамъ, а въ Сибири открылся цѣлый рядъ переселенческихъ комитетовъ, изъ которыхъ нѣкоторые, напр., Иркутскій, располагали относительно значительными средствами. Комитеты организовали пріемные покои, медицинскую помощь, питательные пункты, раздавали книжки, а иногда выдавали и пособія. Но въ общемъ и ихъ помощь была каплей въ морѣ нужды, горя и слезъ.

Въ концѣ 80-хъ годовъ почти совершенно прекращается переселеніе въ губерніи Европ. Россіи и на Кавказъ. Переселеніе сосредоточивается въ Сибири и Кустанайскомъ уѣздѣ, Оренбургской губ. Съ 1887 г. по 1896 г. въ Сибирь пришло, по офиціальнымъ даннымъ, 800 тыс. душъ обоего пола. Число переселенцевъ на Амуръ было незначительно.

До 1895 г. главный потокъ переселенцевъ направлялся на Пермь, Тюмень и пароходами по Оби и Иртышу въ Сибирь. Этимъ путемъ за все время прошло 85% всѣхъ переселенцевъ; остальные шли черезъ Челябинскъ и Оренбургъ.

Голодъ 1892 г. и проведеніе Сибирской желѣзной дороги выдвинули на очередь вопросъ о заселеніи Сибири. Для завѣдыванія переселенческимъ дѣломъ былъ образованъ комитетъ Сибирской желѣзной дороги. При всѣхъ своихъ дефектахъ дѣятельности этого учрежденія комитетъ оказалъ не мало услугъ переселенію. За время дѣятельности комитета расходъ по переселенію былъ отнесенъ за счетъ 15 милл. руб. вспомогательнаго фонда Сибирской желѣзной дороги. Впослѣдствіи былъ образованъ еще капиталъ имени императора Александра III для постройки въ переселенческихъ поселкахъ церквей и школъ, исключительно церковно-приходскихъ. Въ 90-хъ годахъ правительственная переселенческая организація значительно расширилась: были образованы переселенческія партіи, землеустроительные отряды, открыты переселенческіе пункты съ продовольствіемъ, медицинской помощью, пріемными покоями и больницами, устроены склады сѣмянъ и земледѣльческихъ орудій и т. д. Къ этому же времени относится снаряженіе экспедицій гг. Куломзина, Тихвева и др. для обслѣдованія районовъ, годныхъ для заселенія. Ссуды на домообзаводство и въ пути къ этому времени составляли въ общемъ крупныя суммы: такъ, въ 1895 г. было выдано 750 т. р., въ 1896—1.721 т. р., въ 1897—1.123 т. р., но въ отдѣльныхъ случаяхъ на каждую переселенческую семью эти ссуды изрѣдка доходили до 100—150 руб.

Вынужденно-благожелательное настроеніе со стороны правительства къ переселенію скоро измѣняется во враждебное отношеніе къ нему. Ростъ переселенческой волны (въ 1893—64 т. д., въ 1894—65½ т., въ 1895—107 т., въ 1896—190 т. д., не считая прибывшихъ на Амуръ моремъ: ихъ съ 1883 по 1900 г. было 61½ т. д.) встревожилъ правительство, и опять посыпались ограничительные и запретительные циркуляры, несмотря на то, что къ 1897 г. въ Сибири осталось 150 т. свободныхъ переселенческихъ долей. По циркуляру 20 января 1897 г. переселеніе безъ предварительной посылки ходоковъ было запрещено; размѣръ ссудъ уменьшенъ до 30 р. на семью. У общественныхъ комитетовъ была отнята иниціатива; они отданы подъ опеку администраціи, и, конечно, прекратили свою дѣятельность. Прекращеніе дѣятельности этихъ переселенческихъ комитетовъ особенно тяжело отразилось на обратныхъ переселенцахъ, число которыхъ возрастало съ каждымъ годомъ благодаря плохой постановкѣ дѣла разселенія на мѣстахъ.

Сибирская желѣзная дорога явилась переломнымъ моментомъ въ переселенческомъ дѣлѣ, измѣнившимъ характеръ передвиженія и усилившимъ самое переселеніе. Съ 1895 г. переселеніе начинаетъ расти и достигаетъ кульминаціонной высоты въ 1908 г.

Вотъ данныя переселенческаго движенія за послѣднія 15 лѣтъ [1]):

	Прямое переселеніе.						Обратное переселеніе.			
Года.	Семейн.	Один.	Ходоки.	Всего.	По прох. свид.	Самовольныхъ.	Семейн.	Один.	Ходоки.	Всего.
1896	177.168	1.232	11.910	190.310	61,6%	38,4%	22.906	—	7.009	29.915
1897	67.653	1.243	17.780	86.676	61,1%	38,9%	19.996	1.559	14.435	35.990
1898	146.002	2.315	54.403	202.720	60,2%	39,8%	15.546	2.771	37.736	56.053
1899	166.121	4.015	53.073	223.209	54,5%	45,5%	16.576	4.735	44.294	65.605
1900	161.476	4.772	53.017	219.265	70,0%	30,0%	37.170	5.412	47.084	89.666
1901	83.326	5.638	31.161	120.125	66,8%	33,2%	26.530	6.725	21.541	54.796
1902	77.272	4.649	29.009	110.930	65,5%	34,5%	19.997	5.719	22.154	47.870
1903	88.072	6.217	31.211	125.500	67,2%	32,8%	14.153	6.874	23.014	44.041
1904	37.063	2.938	6.731	46.732	8,3%	81,7%	6.428	3.473	5.696	15.597
1905	37.168	1.592	5.269	44 029	7,4%	92,6%	5.535	2.531	3.458	11.524
1906	135.274	3.790	77.584	216.648	49,2%	50,8%	8.940	4.719	32.603	46.262
1907	421.335	6.004	149.640	576.979	80,3%	19,7%	20.176	7.019	90.323	117.518
1908	649.866	14.911	94.035	758.812	52,3%	47,7%	30.318	14.784	76.102	121.204
1909	593.806	25.514	88.143	707.463	52,1%	47,9%	56.775	25.512	57.620	139.907
1910	221.000	23.000	36.000	310.000	—	—	За 9 мѣсяцевъ около			100.000

Изъ этой таблицы видно, что за 15 лѣтъ (точнѣе—14 л. и 9 м.) за Уралъ прослѣдовало 3.930 тыс. душъ переселенцевъ и ходоковъ, изъ которыхъ только незначительная часть осѣла въ приуральскихъ губерніяхъ Европейской

[1]) См. изд. переселенч. управл.: «Итоги переселенческаго движенія за время съ 1896 г. по 1909 г.», составилъ П. Турчаниновъ, Спб., 1910 г. За 1910 г. первые 9 мѣс. мы беремъ свѣдѣнія изъ челябинской и сызранской регистраціи переселенческаго управленія.

Россіи. Обратное переселеніе за это время выразилось въ количествѣ 430 т. д переселенцевъ и 395 т. ходоковъ, т. е. за Ураломъ осталось почти 3 милл. переселенцевъ и 680 т. ходоковъ.

По районамъ на каждую тысячу приходится осѣвшихъ переселенцевъ.

1) Зап. Сибирь	485
2) Степн. край и Туркестанъ	259
3) Вост. Сибирь	134
4) Д. Востокъ	81
5) Приуральск. губ.	38
6) Неизвѣстно	3
	1.000

Да не подумаетъ читатель, что всѣ эти 3.629.398 душъ переселенцевъ дѣйствительно осѣли на землю... Нѣтъ, десятки, даже сотни тысячъ горемыкъ бродятъ по Сибири все еще неустроенными. По офиціальнымъ даннымъ, число неустроенныхъ переселенцевъ къ 1 января 1909 г. было: въ Томской губ. около 250 т. душъ мужского пола, въ Акмолинской области свыше 100 т., а во всей Сибири, вѣроятно, свыше 500 т. душъ или около милліона душъ обоего пола.

Останавливаясь на вопросѣ, откуда вышли $3^1/_2$ милліона переселенцевъ, изъ какихъ губерній они снялись съ насиженныхъ мѣстъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ и подтвердимъ наше положеніе, что причиной переселенія является, главнымъ образомъ, малоземелье. Что это такъ, говорятъ тѣ же статистическія данныя офиціальныхъ источниковъ. Свыше 100 т. переселенцевъ дали слѣдующія губерніи: Полтавская (329 т.), Черниговская (278 т.), Курская (234 т.), Могилевская (220 т.), Воронежская (199 т.), Кіевская (182 т.), Харьковская ($167^1/_2$ т.), Тамбовская (158 т.), Витебская (153 т.), Орловская ($152^1/_2$ т.), Самарская (144 т.), Екатеринославская, Минская, Таврическая, Саратовская, Херсонская, Смоленская, Волынская и Вятская. На черноземныя, степныя губерніи и губерніи зап. края, гдѣ особенно острая нужда въ землѣ, и падаетъ подавляющій процентъ (90) переселенцевъ. Остальные 10% приходятся на различныя мѣстности Европейской Россіи и даже Сибири: Тобольскую, Томскую и др. губерніи.

Проведеніе Сибирской желѣзн. дороги, открытіе для колонизаціи Приамурскаго района, обостреніе аграрнаго вопроса, земельная нужда, голодъ и неурядицы въ 90-хъ гг. прошлаго столѣтія даютъ сильный толчокъ росту переселенческой волны. Послѣ рѣзкаго паденія переселенческаго движенія въ 1896 г., вызваннаго отчасти дѣйствіемъ ограничительнаго циркуляра 20 января 1897 г., переселеніе начинаетъ быстро расти и уже въ слѣдующемъ году подымается до 203 т. душъ. Осложненіе съ Китаемъ въ 1900 г. отзывается пониженіемъ переселенія, какъ въ этотъ, такъ и послѣдующій

годы. Рѣзкое паденіе переселенія даютъ годы войны съ Японіей. Нужно удивляться, какъ при закупоркѣ Сибирской ж. д. войсками и военными грузами сумѣли пробраться въ Сибирь за эти два года 80 т. душъ переселенцевъ.

1905 и 1906 года въ исторіи переселенія будутъ долго памятны. Политика правительства за эти годы кореннымъ образомъ измѣняется. Сибирскій комитетъ закрывается и все дѣло переселенія передается изъ Минист. Внутр. Дѣлъ въ Главное Управленіе Государственныхъ Имуществъ. Землеотводныя партіи сливаются въ одно цѣлое съ учрежденіями по водворенію и устройству переселенцевъ. Закономъ 10 марта 1906 г. устанавливается полная сво-

Сибирскій трактъ до постройки ж. д.

бода переселенія, и всѣмъ переселенцамъ, зачислившимъ за собою земли, предоставляются льготы, установленныя закономъ 6 іюня 1904 г.

Аграрные безпорядки, волненія крестьянъ, обсужденіе аграрнаго вопроса въ первой Госуд. Думѣ выдвинули въ правительственныхъ сферахъ вопросъ о необходимости отлива изъ Европ. Россіи „избытка населенія“

Послышались рѣчи о „ширі безграничнаго земельнаго простора въ Сибири“, о провиденціальной миссіи крестьянина на Дальн. Востокѣ. Переселеніе стало не только поощряться, но даже рекламировалось. Въ школахъ, въ сельскихъ и волостныхъ правленіяхъ вывѣшивались плакаты, среди крестьянъ распространялись брошюры, расхваливавшія просторъ и богатства Сибири. Къ пропагандѣ были привлечены учителя, священники, становые и т. д. Благодаря этой рекламѣ, переселеніе было вздуто до размѣровъ, которые раньше нельзя было предвидѣть.

За 15 лѣтъ въ Сибирь прошло менѣе 2 милл. переселенцевъ, а за последніе $1\frac{1}{2}$ года (9 мѣс. 1910 г.) ихъ прошло свыше 2.600 т. душъ. Этотъ изумительный ростъ переселенческаго движенія внесъ дезорганизацію не только въ дѣло водворенія переселенцевъ на новыхъ земляхъ, но и въ порядокъ землепользованія старожиловъ и особенно сибирскихъ инородцевъ. Переселенцы перевернули, что называется, вверхъ дномъ всю провозоспособность Сибирской, Самаро-Златоустинской и даже южныхъ желѣзныхъ дорогъ, гдѣ явились неизвѣстные во всемъ мірѣ „залежи живого груза", несмотря на то, что характеръ передвиженія переселенцевъ, сравнительно съ 80-ми и первой половиной 90-хъ гг., кореннымъ образомъ измѣнился.

Переселенецъ уже не бралъ съ собой лошадей, коровъ, земледѣльческихъ орудій; багажъ его ограничивался минимумомъ клади; и при всемъ томъ съ каждой весны и каждое лѣто желѣзныя дороги снимаютъ съ себя отвѣтственность за срочную доставку груза, а станціи на главной артеріи сибирскаго пути все лѣто оказываются забитыми „живымъ грузомъ". На ст. „Челябинскъ" десятки тысячъ переселенцевъ живутъ недѣлями подъ открытымъ небомъ. На ст. „Татарской", гдѣ баракъ разсчитанъ на 200 ч., сосредоточиваются переселенцы массами въ 3 т. и болѣе человѣкъ. На ст. „Манчжурія" въ 1908 г. переселенцы заняли палатки солдатъ и вытѣснили ихъ оттуда. Но эти станціи кое-какъ приспособлены для пріема переселенцевъ, которымъ нерѣдко приходится простаивать цѣлыми днями на полустанкахъ, гдѣ нельзя достать ни пищи, ни даже воды. Начальникъ Сибирской желѣзной дороги, г. Ивановскій, въ 1909 г., отмѣчая непорядки въ переселенческомъ дѣлѣ, пришелъ къ убѣжденію о необходимости совершенно прекратить выдачу проѣздныхъ свидѣтельствъ переселенцамъ. Въ 1907 г. на Сибирскую жел. дорогу былъ командированъ фонъ-Вендрихъ, чтобы освободить ее отъ излишка „живого груза". Онъ принялъ энергичныя мѣры: для очищенія „желѣзнодорожныхъ кладбищъ" вагоны сбрасывались подъ откосъ. Въ результатѣ „такого урегулированія получилась, по словамъ „Челябинск. Губернск. Вѣд.", такая кутерьма, такое скопленіе переселенцевъ, что нѣтъ никакой надежды на быструю ихъ отправку".

Само собой разумѣется, что при такихъ условіяхъ перевозки переселенцевъ не можетъ быть и рѣчи о сносномъ питаніи и мало-мальскомъ медицинскомъ уходѣ. Въ газетахъ то и дѣло приходится читать, что среди этихъ голодныхъ, жалкихъ и изнуренныхъ дорогой людей, ѣдущихъ на пароходахъ по Амуру или по желѣзной дорогѣ, много больныхъ. Эпидеміи тифа, оспы, цынги, кори и пр. свирѣпствуютъ среди переселенческихъ партій и уносятъ массу жертвъ.

Особенно тяжело положеніе переселенцевъ-самовольцевъ, число которыхъ, какъ видно изъ приведенной выше таблицы, колеблется между 33% и 92% всего числа переселенцевъ. Ихъ просто не пускаютъ на пунктъ.

Такъ, напр., начальникъ омскаго переселенческаго пункта въ 1909 году объявилъ, что на пунктъ будутъ допускаться только ходоки и переселенцы съ проходными свидѣтельствами. „Остальные будутъ помѣщаться только при наличности свободныхъ мѣстъ".

Скверно переселенцу въ дорогѣ, но не сладко ему и въ „обѣтованной землѣ", куда его заманили въ 1906 г. широковѣщательныя рекламы.

Реклама оказала свое вліяніе: переселенческая волна съ 216 т. д. въ 1906 г. сразу поднялась въ 1907 г. на 579 т. д. и въ 1908 г.—на 759 т., а ходачество—съ $77^1/_2$ т. на 150 т. душъ.

Подъ открытымъ небомъ.

Ходаческое движеніе крайне важно и особенно было необходимо съ 1906 г., когда переселеніе было вздуто до 700 т. д. и правительственные землеустроительные отряды не могли, да и теперь не могутъ, справиться съ отводомъ надѣла. Ходоки всегда выбирали земли, которыя были пригодны для земледѣлія. Между тѣмъ работа переселенческихъ чиновниковъ въ этомъ отношеніи, какъ мы увидимъ ниже, далеко не стояла на высотѣ положенія. Но съ 1908 г. ходаческое движеніе было ограничено: въ Сибирь могли отправляться только ходаческія партіи, сформированныя землеустроительными комиссіями и земствами. Мѣра эта объясняется исключительно тѣмъ, что правительство въ переселенческомъ дѣлѣ попало втупикъ и испугалось послѣдствій своей рекламы. Въ результатѣ этой безъ-удержу рекламной политики

правительства явилось полное ея банкротство, крахъ переселенческаго дѣла во всемъ его объемѣ, безсиліе переселенческой организаціи справиться съ надвинувшейся массой, дезорганизація землеустройства Сибири, созданіе аграрнаго вопроса во всей его остротѣ тамъ, гдѣ его не должно было быть, такая трагедія земельныхъ отношеній, которая дала поводъ г. Пѣшехонову заявить, что разрѣшеніе аграрнаго вопроса въ Россіи можетъ начаться съ Сибири.

Лѣтъ 12 тому назадъ А. А. Кауфманъ писалъ, что нѣтъ возможности поставить переселеніе раціонально, если оно достигнетъ 300 т. душъ въ годъ. При 15 десятинномъ надѣлѣ, который установленъ для Сибири на 300 т. душъ обоего пола, мужской половинѣ нужно было бы отвести 2.250 т. десятинъ земли. Какая армія межевыхъ чиновъ, агрономовъ, техниковъ и т. п. нужна для производства этой колоссальной работы? Но съ 1907 г. переселенческое движеніе далеко превысило этотъ предѣлъ „невозможности". Въ результатѣ прежде всего пострадалъ переселенецъ. Онъ, испытавшій на безконечно длинномъ пути холодъ, голодъ, жаръ, болѣзни и избѣжавшій смерти, приходитъ въ „обѣтованную" землю и часто убѣждается, что брошенная имъ отцовская земля несравненно лучше той, о которой онъ мечталъ всю дорогу. Ходоки и тѣ не всегда могутъ найти въ Сибири земли для своихъ довѣрителей. Такъ, изъ 67 т. ходоковъ въ 1908 г. зачислили за своими довѣрителями: 11.318 казенныя земли, 4.711 приписались къ старожильскимъ обществамъ, 446 заарендовали землю, а $50^1/_2$ т., т.-е. 75% всего числа ходоковъ, не могли найти землю и вернулись на родину ни съ чѣмъ. Правда, офиціальныя данныя за этотъ же 1908 г. говорятъ, что переселенческое вѣдомство устроило на сибирскихъ земляхъ 640 т. душъ. Но какого качества были эти земли и остались ли на нихъ переселенцы, офиціальныя данныя умалчиваютъ объ этомъ, а мы знаемъ, что по Сибири бродятъ сотни тысячъ неустроенныхъ переселенцевъ, и обратное переселеніе растетъ съ каждымъ годомъ. Изъ Сибири вернулись, не считая ходоковъ: въ 1906—$13^1/_2$ т., 1907—27 т., въ 1908—45 т., въ 1909—82 т., а за 9 мѣс. 1910 г. до 100 т. д. Обратное движеніе за четыре года увеличилось въ 9 разъ, а число ходоковъ съ 1907 г. сократилось (въ 1910 г. прошло 36 т.) въ три раза.

Причины обратнаго переселенія нужно искать не въ томъ, что эти десятки тысячъ людей ни къ чему не годны, а въ неудовлетворительной постановкѣ переселенческаго дѣла. Переселенцамъ нерѣдко приходилось, а за послѣднее время сплошь и рядомъ приходится селиться на солончаковыхъ или безводныхъ участкахъ земли. Бывали случаи, что степняка изъ Полтавской губ. бросали въ горныя и таежныя мѣста, а вятичу приходилось селиться въ Акмолинской и Минусинской степяхъ; при распредѣленіи участковъ земли вовсе не сообразовались съ тѣмъ, чтобы выходца изъ Россіи поселить въ мѣстахъ, приблизительно подходящихъ по качеству и характеру къ землѣ его надѣла.

Большія надежды возлагались на Приамурскій край; но общеземская экспедиція кн. Г. С. Львова констатируетъ, что земельная емкость Приамурья уже исчерпана. Въ степномъ краѣ, Туркестанѣ и Кустанайскомъ уѣздѣ обездоливаются киргизы и по этому поводу въ Государ. Думѣ уже было нѣсколько запросовъ. Въ этихъ мѣстностяхъ положеніе обострилось до открытыхъ столкновеній, нападеній и даже схватокъ между киргизами и переселенцами.

На всемъ безконечномъ пространствѣ Сибири, гдѣ при разумной политикѣ могли бы поселиться десятки, а можетъ-быть и сотни милліоновъ людей, теперь царитъ полная сумятица и неразбериха, подрывающая благосостояніе края, который былъ богатъ и могъ бы остаться таковымъ, если бы не безприн-

На переселенческомъ пунктѣ.

ципная переселенческая политика, втиснувшая страну въ безвыходное положеніе. Переселенческій кризисъ, крахъ всей системы переселенія теперь налицо, и, конечно, не обозрѣвателямъ изъ оконъ курьерскаго поѣзда помочь тяжкому горю милліоннаго населенія. Самъ крестьянинъ начинаетъ образумѣваться и трезво смотрѣть на переселенческую авантюру.

Слухъ о бѣдствіяхъ и страданіяхъ въ Сибири уже распространился среди крестьянъ Европ. Россіи. Мужикъ понялъ, что и въ Сибири ему нѣтъ спасенія. Уже въ 1909 г. на зачисленныя за ходоками 260 т. переселенческихъ долей, предназначенныхъ для 87 т. семей, прибыло только 37 т. се-

чей, т.-е. меньше половины. Maximum переселенцевъ далъ 1909 г., когда въ Сибирь прошло 759 т. душъ обоего пола, въ 1909 г. переселеніе понизилось до 5[illegible] т., а въ 1910 за 9 мѣс. прошло всего 320 т., т.-е. въ два раза меньше, чѣмъ за тѣ же мѣсяцы 1909 г. Сокращеніе ходачества въ 1910 г. говоритъ, что волна переселенческаго движенія въ 1911 г. должна еще болѣе понизиться.

То, что предсказывала вся прогрессивная печать и въ чемъ правительство, руководимое гг. Стишинскимъ и Гурко, видѣло интриги сибиряковъ („Сибирь для сибиряковъ"), стало фактомъ. Правительственная политика въ переселенческомъ дѣлѣ потерпѣла полное крушеніе. Въ Сибири не оказалось ни достаточнаго числа переселенческихъ долей, ни перевозочныхъ средствъ, ни средствъ прокормить голоднаго переселенца. Нужно было бить отбой.

Въ 1908 г. при обсужденіи переселенческой смѣты на 1909 г. правительство формулировало задачу переселенія слѣдующими словами: „Правительство во главу угла своей политики, въ той ея части, которая касается увеличенія площади крестьянскаго землевладѣнія, поставило себѣ задачей дать выходъ безземельному и малоземельному крестьянину на пустующія свободныя казенныя земли въ Азіатской Россіи". Но черезъ годъ, при обсужденіи смѣты на 1910 г., было забыто это категорическое заявленіе, были забыты и „избыточное населеніе" [1]) и „ширь безграничнаго земельнаго простора Сибири"; осталось одно—провиденціальная роль переселенца на Дальнемъ Востокѣ. И вотъ въ рѣчахъ представителей правительства въ Государственной Думѣ, и въ циркулярахъ, разсылаемыхъ по переселенческимъ управленіямъ и печатаемыхъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ", и въ брошюрѣ „За Уралъ" заговорили, что для выполненія этой провиденціальной роли нужна не мужицкая голытьба, не избыточное маломощное населеніе, а крѣпкій хозяйственный мужикъ, могущій поднять сибирскую цѣлину. Въ 1909 г. рѣшили всемѣрно задерживать крестьянъ, ибо заселеніе Сибири „маломощными" переселенцами „приведетъ къ водворенію на окраинахъ слабаго, неустойчиваго въ борьбѣ съ трудными условіями и непригоднаго для охраны границъ населенія". Игра на крѣпкаго и сильнаго мужика, оказывается, нужна для выполненія „культурно-исторической задачи на Востокѣ". Во имя этой новой цѣли и задачи переселенія „слѣдуетъ, казалось бы, избѣгать всякихъ мѣропріятій, способныхъ увеличить число недостаточныхъ переселенческихъ семействъ". Исходя изъ этого положенія, Главное Переселенческое управленіе предписываетъ подчиненнымъ чинамъ, если маломощные переселенцы во-

---

[1]) Несбыточныя мечты правительства поглотить переселеніемъ приростъ населенія разбились вдребезги о дѣйствительность: за 15 лѣтъ въ Сибирь пришло 2.700 т. душъ, а одинъ приростъ населенія въ Европейской Россіи за это время выразился приблизительно въ 26 милл., т.-е. чтобы поглотить его, нужно было переселять въ Сибирь ежегодно по 1.700 т. душъ. Задача абсолютно неразрѣшимая.

преки всякимъ запрещеніямъ все-таки попадутъ въ Сибирь и если они тамъ не могутъ устроиться съ помощью 100—150 р. пособія, то имъ „рѣшительно отказывать въ дальнѣйшемъ правительственномъ содѣйствіи, особенно же слабымъ семействамъ такихъ переселенцевъ предоставлять льготный проѣздъ для возвращенія на родину“. Такимъ образомъ въ 1908 г. крестьянъ за „маломощность“ гнали въ Сибирь, а въ 1909 г. за эту же „маломощность“ ихъ гонятъ изъ Сибири. И это называется твердой политикой, яснымъ пониманіемъ государственныхъ задачъ!

Но игра на „сильнаго и крѣпкаго“ идетъ дальше. Съ 1910 г. и въ Сибири начала проводиться модная тенденція. Благо, разоренный, выбитый изъ колеи переселенецъ, не имѣющій выхода изъ тупика, въ который онъ попалъ, будетъ вынужденъ согласиться на все. Эта тенденція — насажденіе отрубовъ и хуторского хозяйства. Циркуляры Главнаго Управленія рекомендуютъ при всѣхъ равныхъ условіяхъ отводить участки земли тѣмъ переселенцамъ, которые согласятся владѣть землею на правахъ частной собственности. Поѣздка въ Сибирь министровъ гг. Столыпина и Кривошеина, которые обратили особенное вниманіе на хуторянъ, обѣщая въ нѣкоторыхъ хуторахъ даже вырыть колодцы, еще болѣе укрѣпила эту тенденцію. Въ виду новаго направленія въ переселенческой политикѣ и скорѣйшей индивидуализаціи земельной собственности устанавливается правило—отводить землю переселенцамъ не по душамъ, а по расчету на дворъ или домохозяйство. Такимъ образомъ проводится въ жизнь грандіозный замыселъ переустройства всего поземельнаго уклада Сибири, въ своемъ родѣ соціальная революція, которая должна перевернуть весь укладъ сельско-хозяйственной жизни Сибири, установившійся вѣками вслѣдствіе климатическихъ, топографическихъ, территоріальныхъ, агрономическихъ и иныхъ особенностей Сибири.

Сибирь почти не знала частной собственности на землю, и отдѣльныя попытки насадить ее терпѣли крушеніе. Земля въ Сибири находится въ постоянномъ пользованіи крестьянъ, и этотъ принципъ былъ положенъ въ основу земельнаго устройства, начатаго 12 лѣтъ тому назадъ и далеко еще не законченнаго теперь. Съ этимъ принципомъ землепользованія сжился сибирякъ, несмотря на то, что онъ по своему характеру индивидуалистъ: тяжелый опытъ заставилъ его придерживаться общины. Только при условіи общаго пользованія могутъ быть соблюдены интересы всѣхъ крестьянъ и использована емкость земель для заселенія. Конечно, и въ Сибири можно насадить тысячи хуторовъ, но это значило бы обездолить милліоны населенія.

Еще такъ недавно на совѣщаніяхъ коммиссіи г. Кублицкаго землеустроительные чины и представители Министерства Внутреннихъ Дѣлъ отстаивали необходимость отводить надѣлы въ Сибири цѣлымъ волостямъ, предоставляя послѣднимъ разверстку земли между селеніями. Но и такіе массовые надѣлы оказываются возможными далеко не вездѣ въ Сибири. Въ Ачинскомъ и Красно-

ярскомъ округахъ лѣсные надѣлы находятся въ пользованіи нѣсколькихъ волостей. Хомутовская, Смоленская и нѣкоторыя др. волости Иркутской губ. пользуются лѣсами въ Байкальскомъ лѣсничествѣ, лежащемъ въ 80 — 60 в. отъ этихъ волостей. Не всегда оказывается возможнымъ размежевать въ Сибири землю, предназначенную для культуры: нерѣдко эти земли находятся въ общемъ пользованіи нѣсколькихъ селеній и даже волостей. Въ теченіе 3 лѣтъ землеустроительныя комиссіи работали надъ размежеваніемъ земель между пятью селеніями Оекской волости, Иркутской губ., и, въ концѣ-концовъ, луга, лѣса и даже выгоны остались въ общемъ пользованіи пяти селеній. Въ 90-хъ гг. нужно было надѣлить землею рабочихъ Переваловской фарфоровой фабрики, но, какъ ни бились комиссіи надъ разрѣшеніемъ этой задачи, такъ имъ и не удалось найти земли всѣхъ качествъ, которыя могли бы удовлетворить рабочихъ; послѣднимъ пришлось приписаться къ старожильскимъ селеніямъ. Въ Балаганскомъ округѣ не удалось выкроить изъ существующаго землепользованія небольшого участка земли для помѣщика, не нарушая существенно интересовъ крестьянъ, и „помѣщику" было отказано въ отводѣ земли. Обособленное хуторское хозяйство въ Сибири абсолютно невозможно; качество земель здѣсь зависитъ отъ массы причинъ, при чемъ большую роль въ этомъ отношеніи играетъ расположеніе лѣсовъ, рѣкъ и особенно горныхъ хребтовъ, сѣверные склоны которыхъ негодны для земледѣльческой культуры. Во многихъ мѣстахъ Сибири земледѣліе возможно только при искусственномъ орошеніи, и оросительные каналы приходится вести на десятки верстъ; часто воду подымаютъ черпательными колесами на возвышенность. Всѣ эти работы, какъ и разработка тайги подъ пашни, не подъ силу отдѣльнымъ хозяевамъ. Если въ Сибири въ таежныхъ мѣстахъ и встрѣчаются отдѣльныя заимочныя хозяйства, то эти заимки создавались въ теченіе многихъ лѣтъ, тайга разрабатывалась крохотными клочками въ теченіе 50—70 лѣтъ крестьянами, главное хозяйство которыхъ находилось въ общемъ пользованіи. Крестьянскія общества распредѣляютъ землю между отдѣльными хозяевами, соблюдая принципъ справедливости въ распредѣленіи, и часто надѣлы небольшими клочками бываютъ разбросаны на десятки верстъ. Благодаря особенностямъ сибирскаго землепользованія, въ Сибири создались села, растянувшіяся на 8 — 10 верстъ, съ 8 — 15 тыс. душъ населенія.

Если все это населеніе перевести на хуторское хозяйство, то громадное большинство его будетъ разорено въ конецъ. Примѣръ поселянъ-новоселовъ тому порукой. Переселенцы бѣгутъ не только съ хуторовъ, но и изъ цѣлыхъ селеній, потому что у нихъ часто не оказывается ни воды, ни лѣса. Таежныя поселенія, куда иногда нѣтъ даже дорогъ, даютъ яркій примѣръ того, какъ не нужно селить крестьянъ.

Сибирь уже теперь обездолена безтолковымъ, въ полномъ смыслѣ слова хаотическимъ разселеніемъ переселенцевъ; уже теперь происходятъ столкно-

Въ ожиданіи очереди.

Фот. Катаева. Челябинскъ.

венія и даже схватки, но если бы правительству удалось насадить хутора въ Сибири, въ чемъ мы абсолютно сомнѣваемся, то эти хутора были бы сметены земельнымъ пролетаріатомъ, искусственно созданнымъ. Выражая постоянное недовѣріе къ общественнымъ силамъ, не желая ввести въ Сибири земство и передать все переселенческое дѣло, и на мѣстахъ выхода и на мѣстахъ водворенія переселенцевъ, въ руки земскихъ учрежденій, которыя лучше бы могли справиться съ разрѣшеніемъ переселенческой задачи, правительство продолжаетъ производить опыты, гибельные по своимъ послѣдствіямъ и для окраины и для метрополіи. Теперь оно рѣшило неукосни-

На переселенческомъ пунктѣ. – Подъ кровомъ

тельно итти по пути индивидуализаціи земельной собственности въ Сибири и мечтаетъ не только о хуторахъ, какъ это видно изъ опубликованной записки гг. Столыпина и Кривошеина, послѣ ихъ стремительной поѣздки по западной Сибири, но и о крупной частной земельной собственности. Отъ новыхъ помѣщиковъ записка ждетъ „культурнаго“ вліянія на крестьянъ. Законъ 8 іюня 1901 г. о распродажѣ (точнѣе—даровой раздачѣ) сибирскихъ земель дворянамъ предполагается расширить, „устранивъ изъ него всѣ сложныя формальности и сословныя ограниченія“. „Культурныя гнѣзда“ должны будутъ замѣнить общинное землевладѣніе и на ряду съ крестьянскими хуторами и многочисленнымъ пролетаріатомъ создать въ Сибири невиданный

еще типъ хозяйства. Это не мечта, не кабинетныя иллюзіи, а цѣлая программа, новый курсъ политики въ землеустройствѣ Сибири. Въ Государственную Думу уже внесенъ соотвѣтствующій законопроектъ, цѣль котораго обезпечить созданіе въ Сибири крестьянской собственности и облегчить единоличнымъ владѣльцамъ возможность мобилизовать свои земли. Крестьяне на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ Европейской Россіи, имѣютъ право выдѣлить свою землю къ одному мѣсту, но, въ отличіе отъ коренной Россіи, въ томъ случаѣ, когда въ селеніяхъ бывали передѣлы. Сельское общество можетъ большинствомъ $^2/_3$ голосовъ установить принудительное общинно-уравнительное землепользованіе. Во всемъ остальномъ по устройству крестьянъ въ Сибири законопроектъ примѣняетъ законъ 9 ноября.

Новая тенденція въ землеустройствѣ Сибири, революціонная тенденція, укрѣпляетъ и тотъ измѣнившійся курсъ въ переселенческой политикѣ, который установился съ 1908 г. Индивидуализація земельной собственности въ Сибири, въ связи съ новымъ курсомъ переселенческой политики, не раціональна и крайне опасна въ настоящее время, когда еще не закончено землеустройство старожиловъ [1]): хаотическое разселеніе переселенцевъ на такъ называемыхъ „излишкахъ“ надѣльныхъ земель старожиловъ ведетъ къ тому, что въ иныхъ мѣстахъ, напр., въ Томской губ., старожилы оказались въ худшихъ условіяхъ, съ значительно меньшимъ надѣломъ, чѣмъ новоселы. Созданіе такихъ условій обостряетъ отношенія между тѣми и другими и создаетъ почву для столкновеній и даже кровавыхъ схватокъ.

Аграрный вопросъ въ Сибири созданъ въ нѣсколько лѣтъ и созданъ искусственно благодаря неумѣлой, безпринципной переселенческой политикѣ. А между тѣмъ при разумномъ и постепенномъ заселеніи свободныхъ земель Сибири, при тщательномъ изслѣдованіи этихъ земель и надлежащемъ обезпеченіи переселенцевъ на далекой окраинѣ, можно было бы, не разоряя старожильскаго населенія, разселить и тѣхъ переселенцевъ, которые теперь мыкаются по Сибири или бѣгутъ изъ нея.

Плохо стало и сибиряку старожилу, который также двинулся за поисками новыхъ земель, а инородецъ оказался совершенно обездоленнымъ и часто отрѣзаннымъ отъ рѣкъ, съ одними богарными, не орошенными землями. Разореніе идетъ по всѣмъ линіямъ и направленіямъ. Скотоводство у инородцевъ сократилось болѣе чѣмъ вполовину; у сибиряковъ, у кого было до десятка головъ скота, осталась одна, много—двѣ головы. Благосостояніе сибирскихъ

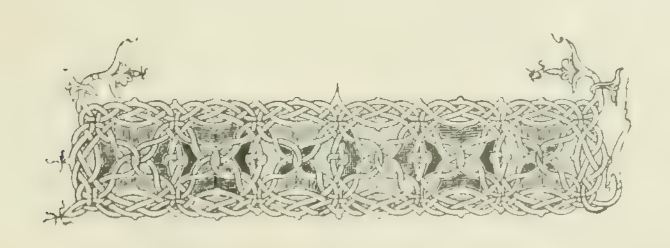
---

[1]) За 11 лѣтъ землеустроительныхъ работъ въ Сибири изъ $38^1/_2$ милл. десятинъ, которыя по плану должны были быть размежеваны въ теченіе 20 лѣтъ, было отграничено въ 4 сибирскихъ губерніяхъ всего 4.353 тыс. дес., т.-е. 11,3% всей площади, иными словами, предполагаемая къ окончанію въ 20 лѣтъ работа можетъ быть окончена почти въ сто лѣтъ, но и это при старыхъ условіяхъ, при отводѣ земель сельскимъ обществамъ и даже волостямъ; при размежеваніи же земель на хутора работа чрезвычайно осложняется и ей не видно конца.

крестьянъ окончательно подорвано, переселенческіе поселки — это поселки нищихъ, а сотни тысячъ крестьянъ, пришедшихъ изъ Европейской Россіи, представляютъ изъ себя въ полномъ смыслѣ слова бездомную голытьбу. Главное переселенческое управленіе въ своихъ смѣтахъ испрашиваетъ у законодательныхъ учрежденій десятки милліоновъ для устройства переселенцевъ. Но это капля въ морѣ сравнительно съ той нуждой, которая существуетъ сейчасъ въ Сибири; при этомъ добрая часть этихъ средствъ уходитъ на подготовительныя работы по переселенію. Если бы въ настоящій моментъ было возможно совершенно пріостановить переселеніе въ Сибирь на нѣсколько лѣтъ и заняться исключительно устройствомъ новоселовъ и закончить землеустройство старожиловъ—это было бы благо для всей страны и для Сибири. Въ интересахъ и той и другой необходимо совершенно отказаться отъ хуторского хозяйства, выдуманнаго въ петербургскихъ канцеляріяхъ людьми, абсолютно незнакомыми съ условіями жизни Сибири.

Въ одной изъ своихъ работъ А. А. Кауфманъ такъ характеризуетъ переселенческую политику правительства: „Безпринципность, возведенная въ принципъ" и „прикрытая громкими фразами о крѣпкой вѣрѣ народа въ историческое значеніе колонизаціонныхъ задачъ на Востокѣ". Для этой безпринципной политики, послѣ крушенія былыхъ цѣлей переселенія, понадобился и „крѣпкій мужикъ" и „хуторское хозяйство". Измѣненный курсъ уже принесъ несчастія, а впереди грозитъ неисчислимыми бѣдствіями и на окраинѣ и въ самой метрополіи, куда возвращаются десятки и сотни тысячъ переселенцевъ, въ полномъ смыслѣ слова не имѣющіе „ни кола, ни двора". Вмѣсто смягченія остроты аграрнаго вопроса, онъ еще болѣе обострился и по сю и по ту сторону Урала, и разрѣшеніе его въ интересахъ крестьянства стоитъ неизбѣжнымъ; но не путемъ насажденія хуторовъ и вывода „избыточнаго населенія", а въ томъ направленіи, въ какомъ намѣчало его разрѣшеніе первая Государственная Дума

И. Поповъ.

Ярославская мануфактура.

Крестьянство и пореформенная фабрика.

С. Н. Прокоповича.

О размѣрахъ крупной фабрично-заводской промышленности въ Россіи въ концѣ XIX и въ началѣ XX в. можно судить по слѣдующимъ даннымъ. По переписи 1897 года, населеніе 50 губерній Европейской Россіи равнялось 93.442.864 чел. обоего пола; изъ нихъ наемнымъ трудомъ въ горномъ дѣлѣ и обрабатывающей промышленности было занято 2.120.230 чел. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ о фабрично-заводской и горно-заводской промышленности, число рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ въ 1900 г. равнялось 1.973.324 чел. Вполнѣ понятно, что цифра эта нѣсколько ниже предыдущей: въ нее не включены наемные рабочіе, занятые въ мелкой промышленности, ремесленной и кустарной.

Та же перепись 1897 г. даетъ намъ также цѣнныя свѣдѣнія о возрастѣ и семьѣ рабочихъ. Свѣдѣнія эти относятся къ рабочимъ, занятымъ въ добывающей и обрабатывающей промышленности, транспортномъ дѣлѣ и торговлѣ:

Возрастъ:	Все населеніе.	Наемн. рабочіе.	Въ %.
10—19	19.960.100	709.426	3,6
20—39	26.375.696	1.411.860	5,4
40—59	15.036.073	454.731	3,0
60 и свыше	6.532.203	61.042	0,9
Неизвѣст.	31.588	1.119	—

Такимъ образомъ, больше всего наемныхъ рабочихъ приходится на возрастъ 20—39 лѣтъ. При общемъ количествѣ 2.638.178 рабочихъ живетъ 1.507.672 неработающихъ члена семьи, такъ что семья рабочаго въ среднемъ равняется 1.98 чел.[1]). Цифра эта поражаетъ своей незначительностью, такъ какъ для всего населенія Европейской Россіи средній размѣръ семьи равенъ 5,63 чел. Около 60% всего числа рабочихъ, по даннымъ переписи 1897 г., вовсе не имѣютъ семьи. Особенно низкій составъ рабочей семьи наблюдается въ столицахъ, — въ Петербургѣ 1,27 чел., въ Москвѣ 1,12 чел. Напротивъ, самый высокій составъ семьи рабочаго наблюдается въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ много ремесленниковъ, наприм., въ Ковенской губ. 2,77 чел., въ Витебской — 2,97, въ Гродненской — 3,01, въ Волынской — 2,80 и въ приуральскихъ губерніяхъ, гдѣ преобладаютъ горнозаводскіе рабочіе, отчасти обезпеченные землей, — въ Уфимской губ. 3,03 чел., въ Пермской — 3,17, въ Оренбургской — 2,94 чел. Въ общемъ, однако, размѣръ семьи рабочаго настолько малъ, что, представляй рабочій классъ въ Россіи такую же обособленную демографическую единицу, какую онъ представлялъ въ Англіи и Франціи, онъ вымеръ бы черезъ одно два поколѣнія.

На свиданіи съ сыномъ (Лебедева).

[1]) См. мои «Бюджеты петербургскихъ рабочихъ», 1909, стр. 5.

Откуда же пополняется естественная убыль въ рядахъ рабочихъ? Обратимся опять къ переписи 1897 г. и присмотримся къ возрастному составу городского, по преимуществу рабочаго населенія, и сельскаго, по преимуществу крестьянскаго. Для простоты остановимся на данныхъ относительно двухъ только возрастныхъ группъ—отъ 20—29 л. и 30—39 лѣтъ:

	Все населеніе.	20—29 лѣтъ.	Въ %.	30—39 лѣтъ.	Въ %.
Въ уѣздахъ . . .	81.393.524 ч.	12.104.300 ч.	14.9	9.815.434 ч.	12,1
Въ городахъ	12.049.340 „	2.691.520 „	22.3	1.764.442 „	14,6
Всего	93.442.864 „	14.795.820 „	15.8	71.579.876 „	12,4

Особенно рѣзка разница для возрастной группы 20—29 лѣтъ. Чрезмѣрное развитіе этой группы въ городахъ сопровождается недостаточнымъ развитіемъ ея въ сельскихъ мѣстностяхъ. Данныя о распредѣленіи половъ обнаруживаютъ подобное же явленіе. Среди наемныхъ рабочихъ рѣшительно преобладаетъ мужской полъ: на 1.000 мужчинъ приходится 170 женщинъ. Поэтому, въ городскомъ населеніи мы находимъ рѣшительное преобладаніе въ рабочемъ возрастѣ мужчинъ, въ сельскомъ же, напротивъ, женщинъ. На 1.000 мужчинъ приходится женщинъ:

	20—29 лѣтъ.	30—39 лѣтъ.
Въ уѣздахъ	1.187 ж.	1.074 ж.
Въ городахъ	654 „	868 „
Всего	1.065 „	1.040 „

Таблица эта не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что избытокъ мужчинъ рабочаго возраста въ городахъ находится въ причинной связи съ недостаткомъ ихъ въ сельскихъ мѣстностяхъ. Отходъ молодыхъ рабочихъ на фабрики и въ города обезлюдиваетъ сельскія мѣстности, лишаетъ ихъ по преимуществу мужчинъ въ возрастѣ 20—29 лѣтъ. Особенно рѣзко сказывается это явленіе въ губерніяхъ, дающихъ наивысшій процентъ наемныхъ рабочихъ и прислуги. По переписи 1897 г., губерніи Европейской Россіи дали всего 7.058.138 ч. рабочихъ и прислуги, или 7,6% всего наличнаго населенія. Наибольшій процентъ (свыше 10%) дали слѣдующія губерніи:

Подмосковный районъ:	
Владимирская	15.2%
Калужская	13,9%
Костромская	10,4%
Московская	14,2%
Рязанская	12,9%
Тверская	13,3%
Тульская	12,6%
Ярославская	13,9%
Прибалтійскій районъ:	
Ковенская.	14,9%
Курляндская.	24,6%
Лифляндская	21,6%
Эстляндская.	18,3%

Остановимся на губерніяхъ подмосковнаго района, такъ называемой бабьей сторонѣ. Для большей наглядности сопоставимъ данныя о возрастной группѣ 20—29 лѣтъ въ этихъ губерніяхъ съ соотвѣтствующими данными относительно всего городского и сельскаго (точнѣе, уѣзднаго) населенія Европейской Россіи:

		Возрастъ 20—29 лѣтъ. въ %.	На 1.000 мужчинъ.
	Городское населеніе	22,3%	653 женщ.
	Уѣздное „	14,9%	1.187 „
Уѣзды:	Владимирской губ.	13,7%	1.495 „
	Калужской „	13,6%	1.751 „
	Костромской „	13,8%	1.465 „
	Московской „	14,3%	1.395 „
	Рязанской „	14,0%	1.497 „
	Тверской „	13,2%	1.507 „
	Тульской „	14,0%	1.524 „
	Ярославской „	13,3%	1.760 „

Около третьей части всей крестьянской молодежи мужского пола уходитъ изъ этихъ губерній въ города, на фабрики, въ торговыя предпріятія, въ личное услуженіе. Такимъ образомъ, работа на фабрикахъ и заводахъ является однимъ изъ главныхъ видовъ внѣземледѣльческихъ отхожихъ промысловъ крестьянъ. Какъ правило, русскій фабрично-заводскій рабочій родится и выростаетъ на крестьянскомъ хозяйствѣ, въ деревнѣ. Мальчикомъ или взрослымъ рабочимъ онъ уходитъ въ городъ, на фабрику — на заработки. Подъ старость, если его не убьютъ тяжелыя условія труда и жизни въ городѣ, онъ возвращается на родину, домой. Конечно, изъ этого правила есть исключенія. Но, какъ показываетъ бюджетная анкета, произведенная въ 1908 г. среди петербургскихъ рабочихъ, воспитаніе дѣтей возможно для рабочихъ въ Петербургѣ лишь при заработкѣ не менѣе 50 руб. въ мѣсяцъ.

Итакъ, работа на фабрикахъ и заводахъ является для крестьянъ отхожимъ промысломъ.

На заработки крестьянина гонитъ малоземелье, малая продуктивность земледѣльческаго труда. Весьма показательны въ этомъ отношеніи данныя по Владимирской губерніи. Тамъ по даннымъ обслѣдованія 1899 г. % лицъ, занятыхъ промыслами, находится въ обратной зависимости отъ площади посѣва хлѣбовъ. Чѣмъ выше площадь посѣва на семью, тѣмъ меньшій % мужчинъ въ рабочемъ возрастѣ занимается промыслами:

	Юрьевскій у.	Шуйскій у.
Безъ посѣва	96,5	94,9
Съ посѣвомъ до 3 десятинъ	89,7	94,0
Съ посѣвомъ отъ 3,1 до 6,0	78,5	88,1
„ „ „ 6,1 до 9,0	71,4	85,7
„ „ болѣе 9,0	68,2	83,2

Чѣмъ меньше земельнаго обезпеченія крестьянскаго двора, тѣмъ большій процентъ рабочихъ силъ семьи не находитъ приложенія въ собствен-

номъ хозяйствѣ. Эти „свободныя"—отъ средствъ производства—рабочія силы ищутъ себѣ приложенія на сторонѣ, въ различныхъ промыслахъ. Часть своего заработка онѣ присылаютъ домой, въ семью. При этомъ опять-таки обнаруживается зависимость числа присылающихъ деньги семьѣ отъ площади посѣва. По Шуйскому, напр., уѣзду изъ 100 чел. фабричныхъ рабочихъ:

	Присылали.	Не присылали.	Неизвѣстно.
Безъ посѣва	76,0	16,5	7,5
Съ посѣвомъ до 3 дес.	92,4	2,8	4,8
„ „ отъ 3,1 до 6 дес.	62,5	3,1	4,4
„ „ болѣе 6,0 дес.	91,5	5,3	3,2

Свиданіе (Маковскаго).

Фабричные, не имѣющіе посѣва на родинѣ, даютъ очень высокій % не присылающихъ домой, въ семью, денегъ. Очевидно, они отрываются не только отъ крестьянскаго хозяйства, но и отъ семьи. Совсѣмъ другую картину даютъ болѣе состоятельныя группы деревни. Несмотря на то, что ихъ семьи гораздо менѣе нуждаются, чѣмъ семьи безпосѣвныхъ, % фабричныхъ, не присылающихъ денегъ семьѣ, ничтоженъ. Онъ нѣсколько повышается съ ростомъ благосостоянія семьи, но все же достигаетъ лишь 5,3% въ наиболѣе обезпеченной группѣ, тогда какъ въ безпосѣвной группѣ процентъ этотъ достигаетъ 16,5%. Въ этихъ группахъ фабричный рабочій не порвалъ связи ни съ крестьянскимъ хозяйствомъ, ни съ семьею. Для него работа на фабрикѣ—лишь временное занятіе, нужное для крестьянскаго хозяйства, для семьи, занимающейся земледѣліемъ. На его промысловомъ заработкѣ поддерживается земледѣльческое хозяйство его семьи. Такъ, въ Юрьевскомъ уѣздѣ уходъ части рабочихъ силъ крестьянской семьи на промыслы приноситъ явную пользу ея земледѣльческому хозяйству Группируя дворы по % отрываемыхъ отъ земледѣлія работниковъ мужского пола, мы получимъ слѣдующую таблицу:

Путь конченъ. (Изъ собранія Н. Д. Телешова).

	% дворовъ.		На 100 дворовъ.	
	Безъ посѣва.	Съ посѣв. до 3 дес.	Лошадей.	Всего скота при перев. на крупный.
Не отзывается	—	9,9	130,0	358
Отзывъ до 50% включ.	—	5,0	137,4	382
„ „ 51—99% „	-	16,1	112,2	347
„ „ 100% „	29,5	32,5	33,1	141

Мы видимъ изъ этой таблицы, что первыя три группы, несмотря на различія въ % отпускаемыхъ на промыслы рабочихъ силъ, очень близки между собою въ хозяйственномъ отношеніи. Наиболѣе состоятельной оказывается группа, отпускающая до половины своихъ рабочихъ силъ (мужского пола) на заработки. Напротивъ, послѣдняя группа дворовъ, отпускающая на промыслы всѣхъ мужчинъ рабочаго возраста, обнаруживаетъ явные признаки хозяйственнаго упадка. Такимъ образомъ, для семей, имѣющихъ достаточно земли для занятія сельскимъ хозяйствомъ, промысловые заработки являются серьезнымъ подспорьемъ для улучшенія своего хозяйства, оборудованія его живымъ и мертвымъ инвентаремъ. Напротивъ, для малоземельныхъ дворовъ, уже не занимающихся хлѣбопашествомъ или стоящихъ наканунѣ прекращенія его, занятіе промыслами подготовляетъ окончательный разрывъ съ деревней, переселеніе въ городъ, на фабрику.

Шахтерка (Касаткина).

Но подобное переселеніе въ городъ вмѣстѣ съ семьею предполагаетъ возможность прокормить семью въ городѣ. Фабричный рабочій зарабатываетъ въ среднемъ въ Европейской Россіи около 200 руб. въ годъ, въ Петербургѣ— нѣсколько болѣе 300 руб. При такомъ низкомъ заработкѣ рабочій не можетъ

содержать семью въ городѣ. Въ Петербургѣ, напр., при заработкѣ менѣе 400 руб. число рабочихъ, живущихъ съ женою, ничтожно; при заработкѣ въ 400—600 руб. большинство рабочихъ имѣетъ жену; при заработкѣ выше 600 руб. рабочіе получаютъ возможность воспитывать дѣтей. Вліяніе заработка рабочаго на размѣры его семьи въ Петербургѣ видно изъ слѣдующей таблицы:

Расходъ отъ—до:	Среднiй размѣръ семьи.	Не работающихъ на 100 работающихъ.
100 — 200 руб.	1,00 чел.	0,0
200 — 300 „	1,19 „	18,9
300 — 400 „	1,32 „	26,2
400 — 500 „	1,57 „	43,8
500 — 600 „	2,00 „	64,5
600 — 700 „	2,84 „	133,3
700 — 800 „	3,68 „	179,3
800 — 900 „	3,81 „	164,5
900—1.000 „	3,97 „	204,1

Между тѣмъ, какъ мы уже говорили, средній заработокъ петербургскаго фабричнаго рабочаго равняется 300—350 руб. въ годъ. Слѣдовательно, семья является для средняго рабочаго недоступною роскошью.

Для рабочихъ, имѣющихъ хозяйство въ деревнѣ, эта невозможность имѣть семью въ городѣ не представляетъ особой бѣды. Его семья остается въ деревнѣ, на хозяйствѣ. Онъ посылаетъ ей деньги, пріѣзжаетъ на побывку. Иное значеніе имѣетъ это обстоятельство для рабочихъ, не имѣющихъ собственнаго хозяйства въ деревнѣ. Имъ приходится держать жену и дѣтей въ деревнѣ не потому, что они находятъ приложеніе своимъ рабочимъ силамъ въ земледѣліи, а потому, что тамъ жизнь дешевле. Въ городѣ прокормить ихъ невозможно; въ деревнѣ же они пропитываются съ грѣхомъ пополамъ. Постепенно деревенская семья подобнаго не имѣющаго собственнаго хозяйства фабричнаго разбредается въ разныя стороны, гибнетъ. Онъ самъ, глава семьи и главная ея рабочая сила, перестаетъ о ней заботиться: въ Шуйскомъ уѣздѣ, какъ мы уже видѣли, изъ 100 фабричныхъ рабочихъ, не имѣющихъ посѣва на родинѣ, 16,5 чел. не присылаютъ болѣе денегъ въ семью. Этотъ распадъ деревенской семьи, при экономической невозможности завести новую семью въ городѣ, превращаетъ фабричнаго рабочаго въ одинокаго бобыля.

Такимъ образомъ, разложеніе крестьянскаго хозяйства, происходящее, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ его малоземелья и высокаго налогового обложенія, создаетъ пролетаріатъ, классъ „свободныхъ“ отъ средствъ производства рабочихъ, но этотъ классъ, въ условіяхъ русской фабрично-заводской промышленности, не образуетъ изъ себя самостоятельной демографической единицы. Низкая заработная плата лишаетъ фабричнаго рабочаго возможности имѣть семью въ городѣ. Поэтому убыль въ рядахъ рабочихъ

пополняется выходцами изъ деревни. Одни изъ нихъ раньше или позже возвращаются въ свою семью въ деревнѣ, другіе, оторвавшись отъ семьи, кончаютъ свой вѣкъ бобылями. Необходимымъ условіемъ для образованія рабочаго класса, какъ самостоятельной демографической единицы, является радикальное повышеніе заработной платы въ фабрично-заводской промышленности. Но ростъ заработной платы,—при медленномъ темпѣ развитія крупнаго производства въ Россіи, — невозможенъ, пока крестьянское хозяйство экономически не окрѣпнетъ и не перестанетъ посылать своихъ наиболѣе трудоспособныхъ членовъ на отхожіе заработки на фабрику. Подобный крестьянскій сынъ, имѣющій дома хозяйство съ 3, 6, 9 и болѣе десятинами посѣва, можетъ довольствоваться гораздо болѣе низкой заработной платой,

Сортировка перьевъ (Кившенко).

чѣмъ настоящій фабричный, содержащій въ городѣ семью и воспитывающій дѣтей. Поэтому, пока будетъ длиться этотъ притокъ рабочихъ силъ изъ болѣе или менѣе состоятельныхъ деревенскихъ семей, образованіе самостоятельнаго, обособленнаго рабочаго класса у насъ невозможно.

Рабочій классъ состоитъ у насъ въ настоящее время,—долго еще будетъ состоять,—изъ крестьянъ, вытолкнутыхъ изъ деревни малоземельемъ и налоговою тяготою и ищущихъ временно заработка на фабрикѣ. Русскій пролетарій представляетъ собою большею частью находящагося въ промышленномъ отходѣ земледѣльца-собственника. Эти особенности въ строеніи рабочаго класса въ Россіи отражаются и на рабочемъ движеніи, прежде всего на его экономическихъ формахъ. Русскій рабочій проявляетъ очень мало

интереса къ организаціи взаимономощи на случай болѣзни или смерти. И эта и другая форма взаимономощи имѣетъ въ виду интересы семьи рабочаго. Нашъ рабочій живетъ на фабрикѣ безъ семьи; слѣдовательно, ему не нужна и взаимономощь. Поэтому наши профессіональные союзы еще долгое время будутъ носить характеръ чисто-стачечныхъ организацій. Столь же мало у насъ почвы и для потребительныхъ обществъ. Одинокій рабочій харчуется или въ трактирѣ, или у своей квартирной хозяйки; слѣдовательно, не можетъ служить матеріаломъ для кооперативной организаціи. Потребительная кооперація имѣетъ шансы на успѣхъ лишь въ той мѣстности, гдѣ сохранился деревенскій обычай харчеваться артелью. Такимъ образомъ, такъ называемыя „мирныя" формы рабочаго движенія, при экономической отсталости нашего рабочаго класса, обѣщаютъ въ ближайшемъ будущемъ лишь слабое развитіе. Полудеревенскій характеръ нашего фабричнаго пролетаріата даетъ ему особыя „боевыя" качества. Его интересамъ больше всего служитъ стачка и различныя формы воздѣйствія на законодательную власть въ цѣляхъ дальнѣйшаго развитія рабочаго законодательства, т.-е. политическія формы борьбы.

С. Прокоповичъ.

На работу.

Уѣздное земское собраніе въ обѣд. время (Мясоѣдова).

Крестьянство и земство.

Проф. В. Д. Кузьмина-Караваева.

Одинаково со всѣми реформами шестидесятыхъ годовъ, земская — была прямымъ слѣдствіемъ освобожденія крестьянъ Въ формальной исторической преемственности земскія учрежденія, какъ органы, воспринявшіе удовлетвореніе мѣстныхъ, главнымъ образомъ, внѣгородскихъ потребностей, имѣютъ корни въ крѣпостной эпохѣ. Они имѣютъ ихъ и въ наименованіи, и въ предметахъ вѣдомства, и даже въ способѣ образованія, т. е. въ привлеченіи къ работѣ по удовлетворенію этихъ потребностей представителей мѣстнаго некрѣпостного населенія. Но идейно корни земства, какъ органовъ губернскаго и уѣзднаго самоуправленія, идутъ не глубже великой даты, ознаменовавшей переломъ всей русской жизни.

Въ московскій періодъ была „земщина“ и была „опричнина“. „Земщина“ — въ смыслѣ совокупности мѣстныхъ интересовъ, „опричнина“ — въ смыслѣ совокупности не столько интересовъ, сколько лицъ, отдѣлившихся и отдѣленныхъ отъ „земли“ во имя служенія государственной идеѣ, какъ ее понималъ Иванъ Грозный. „Опричнина“ неустанно и съ постоянно нараставшимъ

успѣхомъ вела борьбу съ „земщиной". Въ періодъ петербургскій борьба завершилась. Къ половинѣ XIX столѣтія „земщина" окончательно растворилась въ крѣпостномъ правѣ и въ сословныхъ организаціяхъ, создавшихъ своеобразную „крѣпость" для людей, которыхъ не выводили на рынокъ для купли и продажи и которые потому назывались свободными. Отъ „земщины" остались „земскія" нужды и „земскія" повинности въ противоположность повинностямъ и нуждамъ государственнымъ. Осталось также обособленное завѣдываніе этими повинностями и нуждами. И не столько остались, сколько вновь народились права сословій, преимущественно дворянскаго, участвовать черезъ выборныхъ представителей—предводителей, депутатовъ и засѣдателей—въ мѣстныхъ органахъ управленія.

Но дворяне крѣпостники всѣ свои общественно-политическія права быстро свели къ процедурѣ выборовъ. Ихъ житейскій идеалъ составляла праздность. Положеніе рабовладѣльцевъ отрывало ихъ отъ интересовъ „земли", ибо хотя они жили на „землѣ", но у нихъ была связь не съ „землею", а съ принадлежащими имъ „душами". Для другихъ сословій представительство въ разнообразныхъ мѣстныхъ административныхъ и полицейскихъ присутствіяхъ было только обременительной тяготой. Засѣдатели и депутаты отъ мѣщанъ и отъ свободныхъ хлѣбопашцевъ никогда нигдѣ не засѣдали, а прикладывали руки къ готовымъ раскладкамъ и опредѣленіямъ, предварительно выстаивая присутственное время въ прихожихъ. Бывали случаи, когда ихъ присылали изъ города въ городъ по этапу.

Съ другой стороны, крѣпостное право суживало до послѣдней степени объемъ тѣхъ мѣстныхъ потребностей, задача удовлетворенія которыхъ выходила за предѣлы частныхъ интересовъ отдѣльныхъ помѣщиковъ, равно казны, удѣла и монастыря. У „крещеной собственности" человѣческія потребности отрицались. Крѣпостная эпоха не создала и не могла создать даже зачатковъ народной школы и мѣръ медицинской помощи населенію. Помѣщики, каждый въ отдѣльности, обучали „своихъ" крѣпостныхъ грамотѣ и ремесламъ—поскольку это было имъ выгодно и нужно для домашняго обихода и для увеличенія дохода, приносимаго отпускавшимися на оброкъ, и поскольку они въ этомъ сознавали выгоду. Кое-кто изъ помѣщиковъ небезразлично относились и къ здоровью крѣпостныхъ, но опять только „своихъ" и опять поскольку здоровая рабочая сила выгоднѣе въ хозяйствѣ, чѣмъ хворая. Ни народное образованіе ни народное здравіе общимъ дѣломъ уѣзда не были; строго говоря, кромѣ состоянія дорогъ, такимъ общимъ дѣломъ въ крѣпостное время были не мѣстныя нужды, а мѣстныя повинности, т.-е. удовлетвореніе потребностей управленія, а не населенія.

Съ паденіемъ крѣпостного права сами собою должны были рухнуть нарождавшіяся въ теченіе долгихъ вѣковъ уродливыя формы мѣстнаго быта. Хотя у составителей Положеній 19 февраля была мысль поставить на мѣсто

помѣщика собирательнаго владыку крестьянской деревни—„міръ“—и въ лицѣ міра сдѣлать деревню законченнымъ и обособленнымъ, въ общественномъ смыслѣ, цѣлымъ, но и въ дни, предшествовавшіе манифесту, нельзя было не сознавать, что неизбѣжное при крѣпостномъ укладѣ мѣстной жизни немыслимо при томъ укладѣ, идейной основой котораго долженъ служить свободный трудъ свободнаго человѣка. Не надо было быть пророкомъ, чтобы предугадывать, что появятся надсословныя, общія для уѣздовъ и губерній, мѣстныя культурно-экономическія нужды и потребности и вмѣстѣ съ ними—необходимость организаціи средствъ и способовъ ихъ удовлетворенія. Въ передовыхъ губернскихъ комитетахъ съ 1859 г уже сталъ дебатироваться вопросъ о „земскомъ“ самоуправленіи.

Мировой съѣздъ (Трутовскаго).

Земская реформа 1864 г. еще болѣе, чѣмъ судебная, отразила на себѣ тѣ колебанія и ту неувѣренность въ правильности положеннаго въ ея основу принципа, которыя и до сихъ поръ такъ характерны для всѣхъ русскихъ реформъ. Законодатель пошелъ по среднему пути между старымъ и новымъ. Создавая новыя учрежденія для новаго уклада жизни, онъ стремился вдвинуть ихъ въ несвойственныя имъ старыя рамки и сохранить не одну внѣшнеформальную связь новыхъ учрежденій съ совершенно чуждыми имъ старыми. Компромиссный характеръ земской реформы наиболѣе ярко выразился въ избирательной системѣ. Но если не одинаково ярко, то по существу одинаково сильно онъ отразился на всѣхъ главныхъ чертахъ земской дѣятельности, поскольку ее предуказалъ законъ.

Въ дѣйствительности, однако, дѣятельность земства сразу же пошла не по этимъ предуказаніямъ. Дѣленіемъ земскихъ расходовъ на обязательные и необязательные и отнесеніемъ къ первымъ мѣръ удовлетворенія общегосударственныхъ потребностей, законъ, во-первыхъ, вводилъ земскія учрежденія въ общую систему органовъ государственнаго управленія, а, во-вторыхъ, категорично подсказывалъ, что именно въ дѣятельности земства должно быть почитаемо наиболѣе существеннымъ и важнымъ. Въ земской же практикѣ центромъ вниманія въ теченіе всѣхъ почти пятидесяти лѣтъ были расходы необязательные, т.-е. мѣстныя „нужды“, а не „повинности“. Ограниченіями самостоятельности, подчиненіемъ земства надзору административной власти и безконечнымъ рядомъ препятствій, которыми обставлялось развитіе „необязательнаго“ для земства дѣла, законъ стремился вырвать изъ самоуправленія его душу,—органически связать земскія учрежденія съ инстанціонно-зависящими и по природѣ чуждыми всякой самостоятельности учрежденіями бюрократическими. Вмѣсто воли, получилась непрерывная борьба и, какъ ея слѣдствіе, то обособленіе мѣстнаго русскаго самоуправленія отъ управленія государственнаго, которое неизвѣстно нигдѣ на Западѣ, и вслѣдствіе котораго земство въ Россіи стало преддверіемъ „властнаго,—по выраженію извѣстной записки С. Ю. Витте,—участія народа въ законодательствѣ и въ верховномъ управленіи“. Обособленіемъ надѣльнаго крестьянства въ особый разрядъ избирателей и значительнымъ пониженіемъ пропорціональнаго представительства крестьянъ законъ едва ли преслѣдовалъ одну цѣль: обезпеченіе руководительства земскимъ дѣломъ за наиболѣе образованными элементами населенія. Въ шестидесятыхъ годахъ, правда, откровенная „ставка на сильныхъ“ еще не была возведена на степень высшей государственной мудрости. Но и тогда интересы сильныхъ не забывались. Въ реакціонныхъ кругахъ того времени не даромъ подчеркивалось, что введеніе земскаго самоуправленія должно служить компенсаціей дворянству за лишеніе его права рабовладѣнія. И, конечно, трудно допустить, чтобы при этомъ разумѣлась только морально-политическая компенсація и чтобы вовсе не имѣлась въ виду компенсація реальная, т.-е. огражденіе имущественно-реальныхъ интересовъ „сильныхъ“ отъ затратъ на пользу „слабыхъ“. Если же окинуть общимъ взглядомъ все прошлое земства въ совокупности,—не исключая изъ прошлаго даже послѣконституціоннаго настоящаго,—то окажется, что земство, главнымъ образомъ, работало во имя интересовъ крестьянства.

Въ исторіи земства, если ее дѣлить по законодательнымъ актамъ, было два періода: періодъ дѣйствія Положенія 1864 г. и понынѣ продолжающійся періодъ дѣйствія Положенія 1890 г.

Второй періодъ, по сравненію съ первымъ, характеризуется самыми рѣшительными шагами на пути разрушенія великой идеи, или, точнѣе, идеи мѣстнаго внѣсословнаго самоуправленія. Все то искусственное, что намѣча-

лось въ Положеніи 1864 г., въ Положеніи 1890 г. получило конечное завершеніе. Наоборотъ, все то, что составляло логическое развитіе идеи, было энергично затушевано. Прямое указаніе въ законѣ, что земскія учрежденія, „въ кругѣ ввѣренныхъ имъ дѣлъ", дѣйствуютъ „самостоятельно", было исключено. Административную власть въ лицѣ губернатора и губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія новый законъ поставилъ надъ земствомъ и, что еще важнѣе, между населеніемъ и его выборными представителями. Губернатору было дано право пріостанавливать, а присутствію—право отмѣнять постановленія земскихъ собраній, нарушающія, по мнѣнію администраціи, интересы населенія. Исполнительные органы земства—предсѣдатели и члены управъ—были поставлены въ рангъ чиновниковъ.

Земскіе выборы (Трутовскаго).

Избирательная система была въ корнѣ перестроена на сословныхъ началахъ. Вмѣсто представителей интересовъ по роду обложенныхъ на земскія нужды имуществъ, въ земство были введены представители сословій. Дворянства—въ подавляющемъ числѣ. Прочихъ—въ такомъ, чтобы дворяне-землевладѣльцы всегда имѣли неоспоримое преобладаніе. Новеллы, изданныя въ теченіе этого второго періода, не ломая сословно-земскаго, со всѣхъ сторонъ сдавленнаго строя, дѣлали дальнѣйшіе шаги въ томъ же смыслѣ и настойчиво направляли земскую дѣятельность въ то русло, въ которомъ мирно и сонно протекала дѣятельность государственная. Въ заботѣ объ интересахъ торгово-промышленныхъ и крупнаго землевладѣнія, законъ 1895 г. обратилъ расходы на поддержаніе дорогъ изъ дѣла, предоставленнаго свободному усмотрѣнію земства, въ обязательную для земства повинность. Дабы оста-

показать ростъ земскихъ расходовъ вообще—расходовъ на народное образованіе и здравіе—и дабы глубже внѣдрить въ земство сознаніе зависимости отъ „начальства“, отъ губернаторовъ и министровъ, законъ 12 іюня 1900 г. фиксировалъ размѣры обложенія недвижимыхъ имуществъ на земскія нужды и широко раскрылъ возможность административнаго вмѣшательства въ дѣла составленія земскихъ раскладокъ и смѣтъ.

Но если не всегда русскія законодательныя мѣры, въ конечномъ выводѣ, преслѣдуютъ безрезультатность, то почти всегда онѣ имѣютъ далеко не полный результатъ. И чѣмъ болѣе та или иная мѣра носитъ характеръ компромисса, намѣренно создаваемаго въ цѣляхъ парализованія принципа, заложеннаго въ ея основу, тѣмъ менѣе ея результатъ совпадаетъ съ предположеніями законодателя. А потому, въ пережитой и вновь переживаемой борьбѣ русскаго общественнаго сознанія за правовыя формы гражданственности и за благо народа отдѣльные моменты гораздо рельефнѣе опредѣлялись и опредѣляются смѣнами общественнаго настроенія, нежели смѣною законодательныхъ актовъ. На исторіи земства—особенно въ ея сопоставленіи съ первымъ пятидесятилѣтіемъ исторіи свободнаго крестьянства—это отразилось исключительно сильно. Первый, прогрессивный, періодъ земской дѣятельности закончился значительно ранѣе изданія Положенія 1890 года. Онъ продолжался только до половины восьмидесятыхъ годовъ. Второй, реакціонный, охватилъ конецъ восьмидесятыхъ годовъ и начало девяностыхъ. Затѣмъ были еще третій періодъ, четвертый и пятый: до 1904 г.,—когда съ особенной энергіей шло развитіе земскаго дѣла и когда съ каждой сессіей земскихъ собраній нарастало оппозиціонное теченіе въ земствѣ,—потомъ наступилъ не долгій, но бурный предконституціонный періодъ и, наконецъ, съ 1906—1907 гг.—реакціонно-боевой, послѣконституціонный.

Реальнымъ показателемъ характера направленія земской дѣятельности лучше всего могутъ служить во всѣ эти періоды земскія смѣты: ростъ расходовъ въ сопоставленіи съ предметами тратъ. Показателемъ идейнымъ—такъ называемыя земскія ходатайства. Безъ боязни впасть въ грубую ошибку, можно сказать, что земство за время его существованія истратило треть собранныхъ съ населенія денегъ на народное образованіе, треть—на народное здравіе и только одну треть—на всѣ остальныя потребности, включая въ нихъ и обязательныя повинности. Въ годы пониженія общественнаго настроенія ростъ расходовъ на школы и врачебные пункты пріостанавливался. Но даже въ эти годы траты на учебную и медицинскую части оставались неизмѣнно главнѣйшими. Безконечнымъ числомъ циркуляровъ земству напоминалось о дорогахъ, о телефонахъ, о жеребцахъ-производителяхъ. И трудно вспомнить, былъ ли хоть одинъ циркуляръ и была ли хоть одна рѣчь губернатора при открытіи губернскаго собранія, напоминающіе о необходимости развивать дѣла образованія народа и заботы о его здравіи.

Правительство, напротивъ, съ неуклоннымъ постоянствомъ стремилось всѣми мѣрами „урегулировать“ и „равномѣрно распредѣлить“ земскія траты на всѣ предметы мѣстныхъ потребностей, т.-е., другими словами, сократить, если не въ абсолютномъ размѣрѣ, то въ относительномъ, расходы на медицинскую часть и особенно на школы. Дорожный законъ 1895 г. былъ вызванъ опасеніемъ, что цѣликомъ уйдутъ на школы суммы, освободившіяся вслѣдствіе принятія на счетъ казны содержанія земскихъ начальниковъ. Фиксируя размѣръ земскаго обложенія, законъ 1900 г. въ сущности фиксировалъ на цифрахъ смѣтъ 1899 г. тѣ же самые расходы—на школы и больницы.

Земское собраніе (Трутовскаго).

Въ такомъ отношеніи къ расходамъ на народное образованіе и народное здравіе заключается отвѣтъ на вопросъ: въ служеніи чьимъ и какимъ интересамъ полагало земство свою главную задачу? Конечно, въ отдѣльныхъ уѣздахъ были значительныя отклоненія въ сторону служенія другимъ интересамъ. Конечно, были годы печальныхъ колебаній. Но въ общемъ, подводя итогъ земской дѣятельности, нельзя не видѣть, что главныя составныя части этого итога суть: школы, учителя, библіотеки, больницы, амбулаторіи, врачи. Крупные землевладѣльцы всѣхъ сословій, до 1890 г., и одинаково землевладѣльцы - дворяне, затѣмъ, въ конечномъ итогѣ, работали въ земствѣ на пользу крестьянъ. Какъ рѣдкое исключеніе, въ земскихъ собраніяхъ раздавались возгласы въ родѣ словъ одного гласнаго купца, сказанныхъ въ 1866 г. въ собраніи Александрійскаго уѣзда: „Намъ не нужно школъ и докторовъ; они нужны крестьянамъ, зачѣмъ ихъ награждать?..“ Конечно, съ другой

стороны, итогъ не великъ, какимъ онъ долженъ былъ быть черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ: больница и врачъ съ среднимъ райономъ въ 30—40 верстъ и школа съ райономъ въ 10—15 верстъ не есть разрѣшеніе больничнаго и школьнаго вопросовъ. Но въ этомъ отношеніи приходится учитывать условія вѣчной борьбы, въ которыхъ протекала земская дѣятельность. И въ то же время должно всегда помнить неземскія губерніи, т.-е. оцѣнивая итогъ того, что для крестьянской деревни сдѣлало земство, не забывать губерній, гдѣ заботы объ удовлетвореніи мѣстныхъ потребностей правительственная власть сохранила за собой.

При введеніи земскихъ учрежденій, самый больной вопросъ для крестьянства и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе безразличный для дворянства представляли натуральныя повинности: постойная, подводная и дорожная. Переводъ натуральныхъ повинностей въ денежныя былъ прямымъ имущественнымъ ущербомъ для некрестьянскаго большинства земскихъ собраній. И, несмотря на это, уже къ концу шестидесятыхъ годовъ бремя натуральныхъ повинностей на 30% было сложено съ крестьянъ. Въ дальнѣйшемъ, процессъ переложенія натуральныхъ повинностей въ денежныя, правда, шелъ крайне медленно. Но что болѣе вліяло на замедленіе процесса, сказать трудно: классовые ли интересы крупнаго землевладѣнія или предъявлявшіяся со стороны требованія сохранить натуральное отправленіе повинностей, какъ болѣе обезпечивающее интересы государственнаго управленія. И опять, прежде чѣмъ умалять заслугу земства, должно не забывать о неземскихъ губерніяхъ.

Сравнительно слабое развитіе въ земской дѣятельности имѣли мѣропріятія, направленныя непосредственно къ поднятію экономическаго благосостоянія крестьянства. Въ этой области земства работали мало. Склады земледѣльческихъ орудій и посѣвного зерна появились въ недавнее время. Содѣйствіе кустарной промышленности не имѣло ни системы, ни постояннаго характера. Учрежденій мелкаго кредита земство не создало. Сельско-хозяйственныхъ школъ и показныхъ полей—тоже. Могла ли, однако, широко направиться въ эту сторону земская дѣятельность? Если вспомнить ту неприкосновенность, которою вплоть до роспуска первой Думы былъ окруженъ незыблемый, какъ полагала правительственная власть, оплотъ политическихъ „исконныхъ началъ“,—поземельная община, огражденная отъ внѣшняго міра сословной обособленностью крестьянъ и съ 1889 г. земскими начальниками,—то придется дать отвѣтъ отрицательный. Работать въ этой области самостоятельно земство было лишено возможности. Да и была ли бы плодотворна такая работа въ отношеніи крестьянина, не поднятаго на положеніе самодѣятельной, свободной отъ начальственной опеки и отъ розги личности?

Въ теченіе всего своего прошлаго земства непрерывно ходатайствовали. Въ годы общей реакціи земскія собранія ходатайствовали, случалось, и о

„властной рукѣ", и о льготахъ заемщикамъ дворянскаго банка, и о запрещеніи семейныхъ раздѣловъ, и объ увеличеніи каръ за потравки и порубки на помѣщичьихъ поляхъ и въ помѣщичьихъ лѣсахъ. Въ 1906—1909 гг. возбуждались ходатайства объ увеличеніи средствъ сыска и объ организаціи сыскного дѣла внѣ городовъ, объ охранѣ землевладѣльческихъ усадебъ, о возложеніи на крестьянскія общества убытковъ, понесенныхъ землевладѣльцами отъ поджоговъ, и о всякаго рода мѣрахъ искорененія завѣтныхъ крестьянскихъ желаній и стремленій. Но не эти ходатайства опредѣляютъ общій тонъ

У лѣчебницы (Загорскаго).

обращеній, исходившихъ отъ земства по адресу правительства. Если бы было такъ, то право представленія о мѣстныхъ „пользахъ и нуждахъ" не встрѣчало бы, конечно, тѣхъ противодѣйствій его осуществленія, которыя доходили вплоть до запрета земскимъ гласнымъ общественной дѣятельности и до ссылки ихъ въ отдаленныя мѣста. Всякій разъ, когда земства получали возможность говорить о крестьянахъ, они напоминали о необходимости уравненія правъ крестьянъ съ правами другихъ сословій. Изъ земскихъ собраній выходили требованія о распространеніи на крестьянъ общихъ началъ зем-

скаго избирательнаго права, объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, о всесословной волости, о раскрытіи для крестьянъ дверей высшей и средней школы, о снятіи съ крестьянства путъ, наложенныхъ Положеніемъ о земскихъ начальникахъ.

Земскій съѣздъ 6—8 ноября 1904 г. въ свои извѣстные одиннадцать пунктовъ занесъ слѣдующую резолюцію, спеціально посвященную крестьянскому вопросу: „Самодѣятельность общества является главнымъ условіемъ правильнаго и успѣшнаго развитія политической жизни страны. Такъ какъ значительное большинство населенія Россіи принадлежитъ къ крестьянскому сословію, то слѣдуетъ прежде всего поставить это послѣднее въ положеніе, благопріятствующее развитію въ немъ самостоятельности и энергіи, а это достижимо только путемъ коренного измѣненія нынѣшняго неполноправнаго и приниженнаго состоянія крестьянъ. Въ этихъ цѣляхъ необходимо: а) уравнять крестьянство въ личныхъ правахъ съ другими сословіями, б) освободить отъ административной опеки во всѣхъ проявленіяхъ его личной и общественной жизни и в) оградить его правильной формой суда“.

Эта резолюція отнюдь не была навѣяна предконституціоннымъ освободительнымъ движеніемъ. Въ ней вылились тѣ самыя мысли, которыми были проникнуты отзывы мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Въ ней получили формулировку тѣ идеи, которыя были господствующими въ земской оппозиціи и въ шестидесятыхъ годахъ, и въ семидесятыхъ, и въ девяностыхъ. А земская оппозиція и была всегда въ сущности земствомъ.

Но само крестьянство всегда стояло отъ земства въ сторонѣ. Ни характеръ земской дѣятельности ни стремленіе земства служить интересамъ крестьянства не въ силахъ были слить земство и крестьянство въ одно цѣлое. Въ глазахъ крестьянъ земство было и остается чуждой имъ организаціей,—собирательнымъ именемъ какого-то неопредѣленнаго начальства, не то совпадающаго съ уѣзднымъ съѣздомъ, съ предводителемъ, съ исправникомъ, съ земскимъ начальникомъ, не то отличнымъ отъ нихъ. По свидѣтельству современниковъ, въ первые годы по введеніи земскихъ учрежденій надѣльные крестьяне считали избраніе земскихъ гласныхъ новой повинностью. Бывали примѣры, когда въ гласные „наряжали“ недоимщиковъ. Законъ 1890 г., лишившій крестьянъ права непосредственнаго избранія гласныхъ и создавшій институтъ крестьянъ-гласныхъ по назначенію губернатора,—единицъ изъ представляемыхъ ему десятковъ кандидатовъ,—само собою разумѣется, не могъ способствовать проникновенію въ крестьянство воззрѣнія на земство, какъ на самоуправленіе, не только господское, но и крестьянское. Значительное уменьшеніе числа даже такихъ „назначенныхъ“ гласныхъ съ очевиднымъ и для неграмотныхъ расчетомъ, чтобы, независимо отъ площади землевладѣнія и суммы платимыхъ сборовъ, большинство голосовъ было всегда

на сторонѣ „господъ“, конечно, служило факторомъ, дѣйствовавшимъ въ томъ же направленіи. Если сюда прибавить участіе въ собраніяхъ земскихъ начальниковъ и тѣ послѣдствія, которыя неизмѣнно ждали „вредныхъ говоруновъ“ изъ числа крестьянъ-гласныхъ, то будетъ совершенно понятно, почему и черезъ 30—40 лѣтъ послѣ освобожденія гласные изъ крестьянъ обычно представляли собою въ земскихъ собраніяхъ молчаливыхъ манекеновъ, послушныхъ малѣйшему жесту „своего“ земскаго начальника или предводителя дворянства.

Насколько глубоко проникло въ крестьянство пассивное, чтобы не сказать болѣе, отношеніе къ земству, характернымъ показателемъ служатъ послѣдніе земскіе выборы: 1907 и 1910 гг. въ однѣхъ губерніяхъ и 1909 г.— въ другихъ. На государственныхъ выборахъ 1906 и 1907 гг. крестьяне обнаружили полную активность. Они выбирали сознательно. Они посылали въ выборщики и въ Думу наиболѣе яркихъ представителей интересовъ мужицкой деревни. Выборамъ предшествовали сходы и долгіе разговоры. Если не въ каждой деревнѣ, то въ каждой волости происходила энергичная предвыборная борьба. Законъ 5 октября 1906 г. вернулъ крестьянамъ право непосредственнаго избранія земскихъ гласныхъ. И опытъ только что двукратно прошедшихъ выборовъ въ Государственную Думу, казалось бы, давалъ полное основаніе ожидать, что крестьяне одинаково сознательно используютъ новый порядокъ и пошлютъ въ земскія собранія не манекеновъ, ожиданія, однако, не оправдались. Новый порядокъ въ общемъ состава крестьянъ-гласныхъ не измѣнилъ. Въ то самое время, когда другія сословія проводили земскіе выборы съ особенной энергіей, крестьяне не сдѣлали ничего или почти ничего, чтобы противопоставить въ земскихъ собраніяхъ дворянамъ-зубрамъ тѣхъ крестьянъ, которые такъ ярко были представлены въ Государственной Думѣ первыхъ двухъ созывовъ.

Въ дѣлѣ общественно-политическаго воспитанія крестьянства на долю земства не выпала даже подготовительная работа. Для земства это была не область дѣйствій, а область ходатайствъ. Непосредственныхъ конкретныхъ результатовъ и не могло получиться. Въ 1904—1905 гг. дѣятельность „дворянскаго“ цензоваго и сословнаго земства была подвергнута суровой критикѣ. Послѣдовавшій затѣмъ боевой реакціонный поворотъ внутри земства укрѣпилъ отрицательное отношеніе ко всему прошлому земскаго самоуправленія. Но если оцѣнивать это прошлое не по фактамъ послѣконституціонной реакціи и не подъ угломъ зрѣнія несбывшихся надеждъ революціонной эпохи, то справедливость обяжетъ сдѣлать другой выводъ.

В. Кузьминъ-Караваевъ.

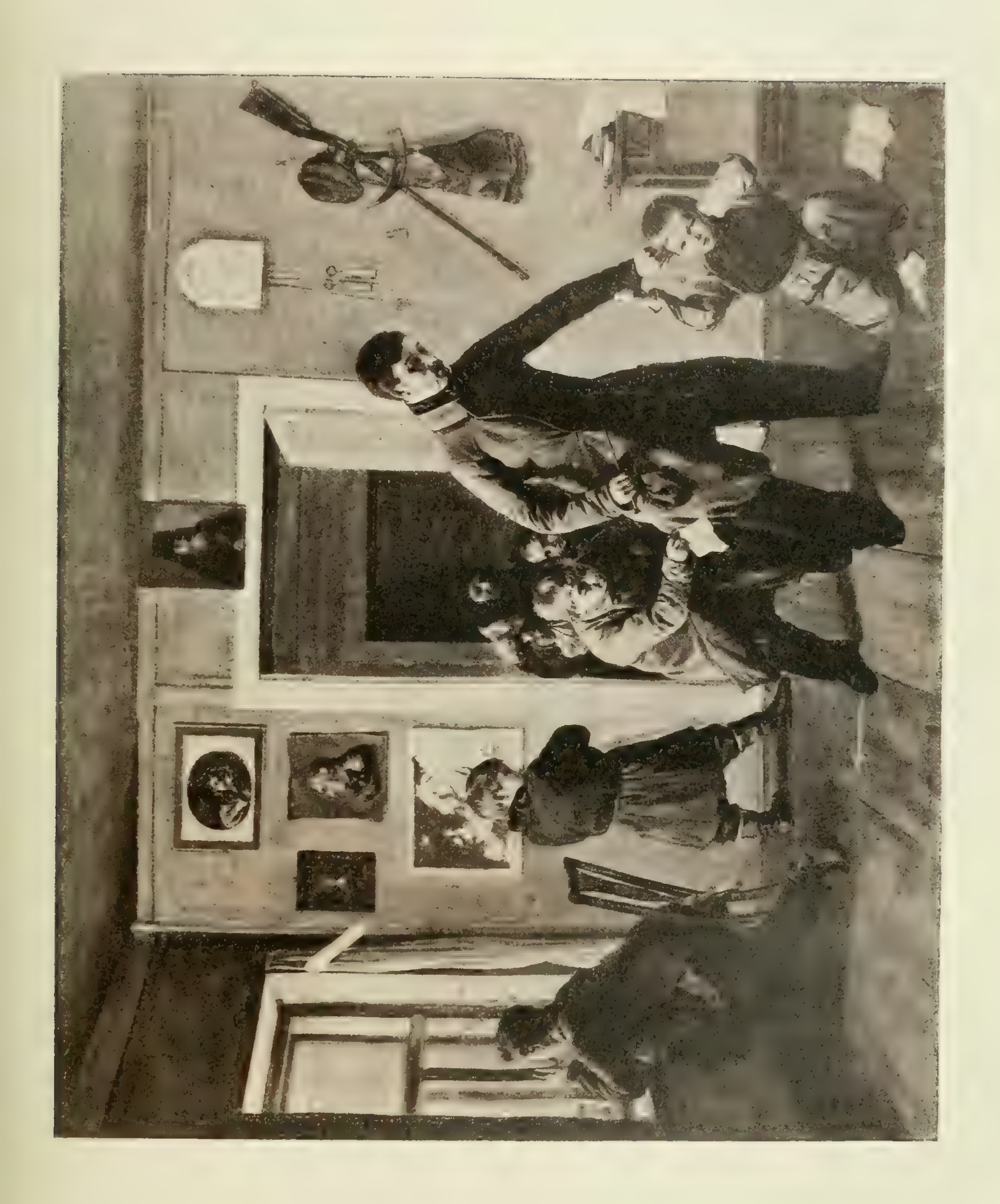

Съ картины Перова.

Крестьянство и народное образованіе.

И. П. Бѣлоконскаго.

Полувѣковой юбилей освобожденія крестьянъ застаетъ послѣднихъ не только не просвѣщенными даже въ узкомъ смыслѣ этого слова, но, пожалуй, и не грамотными, т.-е. не достигшими еще той первой ступени, безъ которой немыслимо образованіе. Въ самомъ дѣлѣ, по переписи 1897 года, на каждые 100 жителей приходилось грамотныхъ всего 21 человѣкъ обоего пола, въ отдѣльности же грамотныхъ мужчинъ было 29, а женщинъ—только 13. Но и эти жалкія цифры, выражающія процентъ грамотности, еще высоки для деревенскаго населенія, такъ какъ среди собственно крестьянъ грамотныхъ мужчинъ въ 1897 году приходилось 25%, женщинъ же—лишь 10. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ число грамотныхъ вошли и полуграмотные, которые умѣютъ только кое-какъ читать, обучавшіеся въ

школахъ грамоты, самоучки и т. д. Кромѣ того, надо принять во вниманіе и то обстоятельство, что въ составѣ деревенскаго населенія грамотность распредѣлена далеко неравномѣрно, такъ какъ, напримѣръ, нѣмецкіе, положимъ, колонисты, евреи, русскіе сектанты много грамотнѣе православныхъ, среди которыхъ перепись 1897 г. насчитала только около 9% грамотныхъ!

Правда, со времени всероссійской переписи прошло 14 лѣтъ, но за этотъ промежутокъ времени грамотность едва ли сдѣлала большіе успѣхи. Какія же причины обусловливали такой медленный ходъ образованія среди деревенскаго населенія?

Прежде всего просвѣщеніе среди крестьянъ началось только съ момента ихъ освобожденія, т.-е. всего 50 лѣтъ тому назадъ. До этого же времени

За свѣтомъ (Богданова-Бѣльскаго).

народнаго образованія въ подлинномъ смыслѣ этого слова не только не было, но и не могло быть. Дѣйствительно, какой былъ смыслъ рабовладѣльцамъ просвѣщать своихъ рабовъ? Это было не только невыгодно, но и небезопасно. Вѣдь просвѣщенные рабы прежде всего постарались бы избавиться отъ рабства

Одинъ англійскій лордъ, протестуя противъ образованія широкихъ массъ населенія, откровенно мотивировалъ свой протестъ тѣмъ, что, если бы лошадь, на которой онъ ѣздитъ, знала столько, сколько знаетъ онъ, ея владѣлецъ, то лордъ, конечно, пересталъ бы ѣздить на ней.

Точно такими же соображеніями руководствовались въ Россіи въ крѣпостной періодъ и правительство, и помѣщики, и духовенство, но у нихъ

не только не всегда хватало храбрости прямо заявить объ этомъ, но нерѣдко „для Европы“ у насъ набрасывались широкіе просвѣтительные планы, никогда не приводившіеся въ исполненіе.

Это началось уже при Екатеринѣ II. Черезъ пять лѣтъ по восшествіи ея на престолъ въ „Большой Комиссіи“ былъ не только поднятъ вопросъ о начальномъ народномъ образованіи, но даже проектировалась обязательность обученія в с е г о мужского населенія имперіи. На самомъ же дѣлѣ не только ничего подобнаго не было. Наоборотъ, именно въ екатерининское время положено было начало внушенія любви къ рабству.

Начало царствованія Александра I ознаменовалось еще большимъ либерализмомъ, чѣмъ Екатерины II, и были хорошіе, серьезные помыслы просвѣтить крестьянство. Изъ этого, однако, ничего не вышло, а въ концѣ царствованія названнаго императора мы опять встрѣчаемся съ такими же взглядами на народъ, какъ и при Екатеринѣ II. Они выражены были въ 1824 году знаменитымъ въ своемъ родѣ министромъ народнаго просвѣщенія Шишковымъ, который говорилъ, что „обучать грамотѣ весь народъ или несоразмѣрное числу онаго количество людей принесло бы болѣе вреда, нежели пользы. Наставлять земледѣльческаго сына риторикѣ было бы пріуготовлять его лишь худымъ и безполезнымъ или еще вреднымъ гражданиномъ“.

Съ тою же проповѣдью мы встрѣчаемся въ теченіе всего царствованія Николая I. Уже черезъ два года по вступленіи на престолъ этого императора въ одномъ изъ приказовъ предписывалось, чтобы каждый, „не бывъ ниже своего состоянія, теперь не стремился чрезъ мѣру возвыситься надъ тѣмъ, въ коемъ ему суждено оставаться“.

Конечно, такое пожеланіе всецѣло относилось къ крестьянству, такъ какъ замѣчались уже явленія, что дѣти крѣпостныхъ разными путями просачивались и въ гимназіи и даже въ университеты. Это считалось совершенно недопустимымъ, такъ какъ, „съ одной стороны, эти молодые люди нерѣдко входятъ въ училища съ дурными навыками; съ другой стороны, отличнѣйшіе изъ нихъ по прилежности и успѣхамъ пріучаются къ роду жизни, къ образу мыслей и понятіямъ, несоотвѣтствующимъ ихъ состоянію; неизбѣжныя тягости иного для нихъ становятся несносны, и оттого они въ уныніи предаются пагубнымъ мечтаніямъ и низкимъ страстямъ“. Министръ народнаго просвѣщенія Ширинскій-Шихматовъ, не стѣсняясь, говорилъ, что „лица низшаго состоянія, выведенныя посредствомъ университетовъ изъ природнаго своего состоянія, не имѣя по большей части никакой недвижимой собственности, но слишкомъ много мечтая о своихъ способностяхъ и свѣдѣніяхъ, гораздо чаще дѣлаются людьми безпокойными и недовольными“.

Ясно, слѣдовательно, что при крѣпостномъ правѣ просто немыслимо было просвѣщеніе народа, такъ какъ оно совершенно противорѣчило всему строю жизни, основанному на рабствѣ. Только съ полнымъ уничтоженіемъ

послѣдняго стало возможнымъ серьезно говорить о народной школѣ. Слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что юридическое паденіе крѣпостного права далеко еще не обозначало и фактическаго его уничтоженія.

Рабство пало, но остались бывшіе рабовладѣльцы, какъ господствующіе классы. Они, понятно, не могли измѣнить свою природу и стремились по мѣрѣ силъ и возможности задержать окончательную гибель крѣпостничества.

Вотъ почему, если дѣйствительно возникла настоящая народная школа тотчасъ послѣ паденія крѣпостного права, то, какъ ниже мы увидимъ, ходъ ея сознательно тормозился, чѣмъ и объясняется указанный нами въ началѣ статьи донельзя низкій % грамотности и въ настоящее время. Возлѣ народной школы сосредоточилась главная битва отживающаго строя съ новымъ. Юридическое уничтоженіе рабства совершенно измѣнило физіономію Россіи, очистивъ путь отъ главнаго препятствія къ поступательному движенію.

Какъ тѣсно крѣпостное право было связано съ просвѣщеніемъ народа, это ясно сознавало и правительство.

Въ любопытной „объяснительной запискѣ“ къ проекту устава общеобразовательныхъ заведеній указывалось, что „съ уничтоженіемъ крѣпостного состоянія и съ дарованіемъ чрезъ то правъ гражданскихъ и человѣческихъ всѣмъ лицамъ безъ исключенія оказывается болѣе, чѣмъ когда, настоятельная необходимость приготовлять людей для всѣхъ поприщъ и для всякой дѣятельности. Чтобы пользоваться разумно правами человѣческими, необходимо развить въ массахъ сознаніе правъ, возбудить любовь къ труду разумному и поселить въ каждомъ уваженіе къ самому себѣ и къ человѣку вообще. Только при такихъ условіяхъ можетъ уничтожиться господствующее еще у насъ раздѣленіе между сословіями и явиться разумное распредѣленіе занятій между всѣми общественными дѣятелями“.

Далѣе во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра народнаго просвѣщенія говорилось: „Во всѣ предшествовавшія Вашему Императорскому Величеству царствованія обращалось почти исключительное вниманіе правительства на высшія и среднія учебныя заведенія; къ образованію же массы народа, для котораго высшее и среднее образованіе, говоря вообще, недостаточно, приложено было мало заботъ, отчасти потому, что около половины крестьянскаго сословія находилось въ крѣпостномъ правѣ. Смѣю думать, что отличительная черта царствованія Вашего Величества, по вѣдомству всемилостивѣйше ввѣреннаго мнѣ министерства, должна состоять въ образованіи народа, Вами, Всемилостивѣйшій Государь, освобожденнаго и призваннаго пользоваться благомъ новыхъ учрежденій, вызывающихъ потребность знанія для извлеченія изъ нихъ наибольшей пользы“.

Но въ дѣйствительности все это были лишь хорошія слова, и когда „общественные дѣятели“, повѣривъ въ возможность безпрепятственнаго просвѣщенія народа, горячо принялись за дѣло, они скоро убѣдились, что духъ

крѣпостничества еще далеко не изсякъ, и „развитіе въ массахъ сознанія правъ“, сообщеніе „знаній“, влечетъ за собою весьма и весьма тяжелыя послѣдствія. Уже черезъ годъ послѣ освобожденія крестьянъ на лицъ, искренно преданныхъ дѣлу народнаго образованія, былъ вылитъ ушатъ ледяной воды, въ видѣ закрытія всѣхъ возникшихъ къ тому времени воскресныхъ школъ. Этотъ фактъ воочію показалъ, что и въ реформированной Россіи предстоитъ упорная борьба въ сферѣ просвѣщенія народа. Если въ городахъ однимъ почеркомъ пера можно затушить всѣ источники свѣта, то чего же можно добиться въ темныхъ деревняхъ.

И, кто знаетъ, какой громадный періодъ пришлось бы крестьянству погрязать въ полномъ невѣжествѣ, если бы на помощь ему не пришли, съ одной стороны, самоотверженная дѣятельность интеллигенціи, а съ другой— энергичная работа земства.

Земскія учрежденія, возникшія черезъ три года послѣ освобожденія крестьянъ, именно въ 1864 году, заложили первый фундаментъ для созданія настоящей народной школы, какой въ Россіи никогда еще не было.

Они же способствовали возникновенію совершенно новаго типа народнаго учителя, неизвѣстнаго дореформенной Россіи.

Можно безъ преувеличенія сказать, что планомѣрное просвѣщеніе крестьянства началось у насъ только съ момента введенія земства, и хотя послѣднее дѣйствовало на пространствѣ 34 губерній, но оно безусловно оказывало вліяніе на всю Россію, и типъ земской школы является господствующимъ на всемъ пространствѣ нашей страны.

Но дѣятельность земства подвергалась все большему и большему сокращенію, а въ дѣлѣ народнаго образованія оно прямо-таки преслѣдовалось. Такъ что въ общемъ въ теченіе всего пятидесятилѣтія со времени освобожденія крестьянъ на почвѣ народнаго образованія шла сплошная борьба новой Россіи съ неотжившей еще старой. Сущность этой продолжающейся и до сихъ поръ борьбы заключается въ томъ, что крѣпостническіе элементы не желаютъ и боятся истиннаго просвѣщенія народа, его образованія, сообщенія ему знаній: они стремились и стремятся уничтожить свѣтскую школу и дать мѣсто только школѣ духовной, которая бы занималась не образованіемъ, а духовно-нравственнымъ воспитаніемъ, поддерживая старый, дореформенный строй, насколько это возможно при измѣнившихся условіяхъ.

Поэтому уже съ шестидесятыхъ же годовъ видно явное стремленіе правительства поставить во главѣ школы дворянство и духовенство, а дальше даже дворянство было заподозрѣно въ неблагонадежности и взоры обращены были исключительно на духовенство.

Всего черезъ годъ послѣ введенія земскихъ учрежденій, т.-е. въ 1865 году, были въ правительственныхъ сферахъ вѣянія, благопріятныя сосредоточенію народныхъ школъ въ рукахъ духовнаго вѣдомства.

Но время для осуществленія этого было неблагопріятное, и въ 1867 году, за исключеніемъ духовныхъ школъ, всѣ остальныя были переданы въ вѣдѣніе Министерства Народнаго Просвѣщенія, которому затѣмъ предоставлено было право открывать повсемѣстно министерскія училища.

Однако черезъ пять лѣтъ недовѣріе къ народной школѣ проявилось настолько полно, что повлекло за собою изданіе въ 1874 г. новаго Положенія о народныхъ училищахъ, которыя вручались охранѣ дворянства, долженствовавшаго „стать на стражѣ народной школы“ для „огражденія оной отъ тлетворныхъ и пагубныхъ вліяній“.

Съ этого времени школы отданы были въ распоряженіе училищныхъ совѣтовъ съ предводителями дворянства во главѣ, такъ что даже Министерство Народнаго Просвѣщенія, въ лицѣ директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ, имѣло право вмѣшиваться лишь въ учебную часть.

Школа Моск. Общ. Грамотности въ Ясной Полянѣ.

Въ восьмидесятыхъ и первой половины девятидесятыхъ годовъ, въ періодъ царствованія императора Александра III, свѣтская народная школа не только не завоевала себѣ довѣрія, но, наоборотъ, она была окончательно заподозрѣна, и въ это время стали усиленно насаждаться школы духовнаго вѣдомства, которое всячески поощрялось, чтобы доставить ему возможность стать во главѣ просвѣщенія народа. На земскія школы воздвигнуто было гоненіе, и открытіе ихъ тормозилось всѣми зависящими мѣрами. Одновременно преслѣдованію подверглись и всякаго рода просвѣтительныя организаціи, основанныя по частной инціативѣ и стремящіяся къ достиженію цѣлей, однородныхъ съ земскими.

Въ эти годы по отношенію просвѣщенія народа высказывались почти такія же мысли, какъ и въ крѣпостное время. Оберъ-прокуроръ Св. Синода, знаменитый Побѣдоносцевъ, не стѣсняясь проповѣдывалъ пользу невѣжества и открыто враждовалъ со свѣтскою школою. Остальные министры только поддакивали оберъ-прокурору. Напримѣръ, въ засѣданіи Комитета Министровъ въ 1881 году всѣ соглашались, что „православное духовенство ближе подходитъ подъ условія, соотвѣтствующія его назначенію въ качествѣ руководителя начальныхъ училищъ, чѣмъ учителя и учительницы народныхъ

школъ, среди коихъ возникали самые вредные и опасные для общества элементы. Въ слѣдующемъ году Министерство Народнаго Просвѣщенія опредѣлило на духовныя школы пособіе въ 55.500 руб., и тогда же выработаны были особыя правила о церковно-приходскихъ школахъ; они проникнуты недовѣріемъ не только къ земству, но и къ дворянству, призванному десять лѣтъ тому назадъ „стать на стражѣ“ народной школы, и даже къ Министерству Народнаго Просвѣщенія.

Въ 1886 году пособіе духовнымъ школамъ со стороны правительства выражается уже суммою въ 120.000 руб., а еще черезъ годъ оберъ-прокурору Св. Синода и министру народнаго просвѣщенія поручено было разработать вопросъ о передачѣ народныхъ школъ въ одно вѣдомство. Вѣдомство это не было названо, хотя всѣ, конечно, догадывались, что рѣчь идетъ о духовенствѣ.

Но земство энергично защищало свои права на созданныя имъ школы, и, вѣроятно, только поэтому дѣло затянулось до 1893 года, когда тому же оберъ-прокурору и министру народнаго просвѣщенія было предложено возобновить и поторопиться осуществленіемъ идеи 1887 года. Съ цѣлью же парализовать дѣятельность земства была придумана „фиксація“, въ силу которой земскія учрежденія не могли уже ассигновывать крупныя суммы на школы.

Однако въ теченіе царствованія Александра III мысль о передачѣ всѣхъ школъ духовенству осуществлена все же не была, и дѣло кончилось ассигнованіемъ въ годъ смерти императора, въ 1894 г., пособія школамъ духовнаго вѣдомства въ размѣрѣ 1.050.000 руб.

То обстоятельство, что и въ новомъ царствованіи во главѣ правительства стоялъ Побѣдоносцевъ, не сулило ничего хорошаго дѣлу народнаго образованія. И, дѣйствительно, вопросъ о просвѣщеніи крестьянства остался въ прежнемъ положеніи.

Свѣтскія школы и особенно земскія не только не пользовались симпатіями, а, наоборотъ, признаны весьма нежелательными. Въ 1895 году духовное вѣдомство получило на свои школы пособіе уже въ размѣрѣ 3.279.145 руб. Еще черезъ четыре года министръ финансовъ Витте выступилъ съ особою запискою, въ которой совершенно откровенно проводилась мысль о необходимости совершенно устранить земство отъ дѣла народнаго образованія.

Въ 1900 году Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія былъ выработанъ наказъ училищнымъ совѣтамъ, которымъ точно такъ же роль земства въ просвѣщеніи деревни низводилась къ нулю. Земство напрягло всѣ свои силы, чтобы отстоять самостоятельность и удержать за собою школы. Но правительство тѣмъ энергичнѣе стремилось вовсе покончить съ земскими учрежденіями, превративъ ихъ въ подчиненные администраціи органы. Эта роль возложена была на фонъ-Плеве, назначеннаго министромъ внутреннихъ

дѣлъ въ 1902 году. Возможно, что онъ и достигъ бы возложенной на него цѣли, но японская война и послѣдовавшая за нею революція измѣнили условія и выразились въ конечныхъ результатахъ возникновеніемъ въ Россіи представительнаго образа правленія.

Казалось бы, что такой громадный переворотъ долженъ бы рѣзко отразиться на дѣлѣ просвѣщенія крестьянства въ сторону его улучшенія. Но— увы!—до сихъ поръ этого далеко нельзя сказать. Какъ юридическое паденіе крѣпостного права не уничтожило самого крѣпостничества, такъ и юридическое введеніе конституціи покуда что не искоренило духа стараго режима. Правда, первая и вторая Государственныя Думы весьма рѣшительно высказались за широкое образованіе населенія, но онѣ были слишкомъ скоро распущены, чтобы что-либо сдѣлать въ этомъ направленіи. При третьей же, нынѣшней Государственной Думѣ дѣло хотя и подвинулось впередъ, но слабо.

На мѣстахъ же въ этотъ періодъ былъ моментъ, когда вопросъ о просвѣщеніи крестьянства былъ рѣшенъ отрицательно.

Наступившая въ 1906 году реакція болѣе всего отразилась на новомъ составѣ земскихъ гласныхъ, избранныхъ въ названномъ году.

Многія земства, испугавшись освободительнаго движенія, быстрымъ шагомъ пошли назадъ, стали закрывать ранѣе созданныя школы, разгонять учителей, способствовать распространенію школъ духовнаго вѣдомства и ассигновывать громадныя суммы на организацію полицейской охраны.

Такая реакція продолжалась до 1909 года, когда земства, очнувшись отъ страха, мало-по-малу стали возобновлять свои прежнія работы.

Ассигновки со стороны Государственной Думы на начальное образованіе въ размѣрѣ 6.000.000 руб. на 1909 г. сыграли немалую роль въ дѣлѣ нѣкотораго поступательнаго движенія въ вопросѣ о крестьянскомъ просвѣщеніи.

Но, съ одной стороны, средства, назначенныя Думою, слишкомъ ничтожны, чтобы достигнуть крупныхъ результатовъ въ дѣлѣ осуществленія даже обыкновеннаго всеобщаго обученія, а съ другой — Дума во всей силѣ оставила школы духовного вѣдомства, ассигновавъ имъ 4.000.000 руб. [1]).

Одновременно и администрація за послѣдніе годы особенно ревниво преслѣдуетъ всякаго рода культурно-просвѣтительную дѣятельность.

Такимъ образомъ, не говоря уже о крѣпостномъ времени, и послѣ освобожденія крестьянъ, въ теченіе всѣхъ пятидесяти лѣтъ путь къ просвѣщенію деревни былъ усланъ такими терніями, что надо еще удивляться, какъ возможно было добиться и тѣхъ результатовъ, какіе имѣются.

---

[1]) Какъ извѣстно, въ концѣ 1910 года Дума приняла постановленіе о передачѣ церковно-приходскихъ школъ въ вѣдѣніе Министерства Народнаго Просвѣщенія. *Ред.*

Къ январю 1910 года деревенское населеніе Европейской Россіи выражается цифрою 115.643.922 души обоего пола [1]). Принимая во вниманіе, что школьный возрастъ составляетъ около 10% всего населенія, дѣтей школьнаго возраста среди деревенскаго населенія имѣется 11.564.390. А такъ какъ на одного учителя, безъ ущерба для обученія, должно быть не болѣе 50 учащихся, то у насъ для осуществленія всеобщаго обученія должно бы быть 231.288 деревенскихъ школъ или, вѣрнѣе, школьныхъ комплектовъ и столько же, слѣдовательно, учителей.

Сколько же у насъ имѣется народныхъ училищъ? Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, мы должны сказать, что „Статистическія свѣдѣнія по народному образованію въ Россійской имперіи", являясь единственнымъ источникомъ, изъ котораго можно почерпнуть данныя о состояніи начальнаго образованія во всей Россіи, до такой степени запаздываютъ, что въ моментъ, когда составлялась настоящая статья, имѣлись лишь свѣдѣнія о количествѣ начальныхъ школъ къ 1 января 1906 года, т.-е., другими словами, отвѣчая на вышепоставленный вопросъ, мы должны ограничиться матеріалами, добытыми за четыре года тому назадъ.

Однако это обстоятельство не особенно повліяетъ на относительную точность выводовъ, потому что начальное народное образованіе движется у насъ черепашьимъ шагомъ, и за эти послѣдніе четыре года слишкомъ замѣтныхъ успѣховъ не сдѣлано, если не считать нѣкоторыхъ отдѣльныхъ уѣздовъ въ земскихъ губерніяхъ, удачно воспользовавшихся пособіями отъ казны.

Наконецъ намъ важны свѣдѣнія именно къ 1 января 1906 года, потому что ими пользовался и министръ народнаго просвѣщенія, когда во второй Государственной Думѣ излагалъ свой законопроектъ о всеобщемъ обученіи.

Онъ дѣлалъ такія вычисленія.

Населеніе Россіи въ 1906 году выражалось цифрою 141.500.000 душъ обоего пола. Дѣтей школьнаго возраста обоего пола насчитывалось 12.736.000 душъ. Изъ нихъ въ школахъ обучалось 5.389.000 дѣтей обоего пола, а 7.300.000, за отсутствіемъ школъ, находились внѣ послѣднихъ, т.-е. не могли обучаться. Слѣдовательно, училось только 42,3% дѣтей школьнаго возраста, а 57,7% не имѣли возможности попасть въ школы.

Послѣднихъ министръ насчитывалъ 90.000, а для осуществленія всеобщаго обученія считалъ необходимымъ имѣть 250.000 школъ, значитъ, чтобы доставить возможность учиться всѣмъ дѣтямъ школьнаго возраста, недоставало въ 1906 году, по вычисленіямъ министра, 160.000.

[1]) Данное наше вычисленіе для 50 губ. Европейской Россіи сдѣлано путемъ включенія въ данныя переписи относительно деревенскаго населенія 1897 г. прироста населенія, считая таковой, по Янсону, 1.49% въ годъ.

Въ школѣ (Морозова).

Но свѣдѣнія министра касались всего пространства Европейской и Азіатской Россіи и не только деревенскихъ, но и городскихъ начальныхъ школъ и притомъ школъ всѣхъ вѣдомствъ, а это послѣднее обстоятельство, какъ ниже увидимъ, весьма неблагопріятно отразилось на предположеніяхъ министра относительно осуществленія всеобщаго обученія.

Что касается собственно 50 губерній Европейской Россіи, которыя имѣемъ въ виду въ настоящей статьѣ, то, по даннымъ министерской статистики

Воскресные гости у учителя (Богданова-Бѣльскаго).

къ 1 января 1906 года, при населеніи въ 109.291.600 душъ обоего пола, всего начальныхъ городскихъ и сельскихъ школъ было въ Европейской Россіи 78.056. Если мы исключимъ изъ этого числа 5.274 городскихъ начальныхъ школы, то однѣхъ деревенскихъ въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи было въ 1906 г. 72.782 школы. Допустимъ, что въ послѣдніе 4 года число ихъ увеличилось до круглой цифры 90.000, т.-е. возросло на 17.218 школъ.

или до 344 школы въ каждой изъ 50 губерній (въ годъ, значитъ, предполагается увеличеніе на 86 школъ въ губерніи). Но и при такихъ очень уже благопріятныхъ предположеніяхъ для обученія всѣхъ школьнаго возраста деревенскихъ дѣтей не достаетъ въ настоящее время 141.288 школъ!

Къ сожалѣнію, нельзя остановиться и на этой громадной цифрѣ.

Дѣло въ томъ, что среди имѣющихся почти половина школъ духовнаго вѣдомства.

По министерскимъ даннымъ, къ 1 января 1906 года изъ 92.501 общаго числа училищъ 48.288 принадлежали вѣдомству Министерства Народнаго просвѣщенія, а 42.696—Св. Синоду, т.-е. послѣднія составляли 46% всего количества школъ.

Образовательный уровень школъ духовнаго вѣдомства чрезвычайно низокъ, при чемъ такъ называемыя школы грамоты, собственно говоря, не имѣютъ никакого значенія въ смыслѣ просвѣщенія. А между тѣмъ послѣднія, начиная съ 80-хъ годовъ, увеличивались въ одинаковой степени съ церковно-приходскими школами, а въ началѣ 90-хъ годовъ даже и перегнали ихъ.

Уже въ 1889 году церковно-приходскихъ школъ было 8.498, а школъ грамоты 9.217, въ 1892 г. первыхъ 11.342, а во вторыхъ 15.922, въ 1814 г. церковно-приходскихъ школъ было 12.970, а школъ грамоты 18.865.

Если даже предположить, что въ дальнѣйшемъ школы грамоты не возросли въ такой прогрессіи, то и въ этомъ случаѣ на нихъ нужно отнести minimum 50% общаго количества школъ духовнаго вѣдомства, или ровно половину.

Эти школы совершенно нельзя принять во вниманіе, и, слѣдовательно, ихъ нужно вычесть изъ общаго количества деревенскихъ школъ въ Европейской Россіи.

А такъ какъ онѣ, какъ мы видимъ, составляютъ minimum 50% всѣхъ школъ духовнаго вѣдомства, которыя, въ свою очередь, составляютъ 46% всѣхъ начальныхъ школъ, значитъ, изъ общаго числа послѣднихъ, т.-е. изъ 72.782 школъ надо исключить 16.740 школъ грамоты, и тогда останется всего 56.042 школы.

Но сюда еще входятъ церковно-приходскія школы, примириться съ которыми весьма трудно, и ужъ во всякомъ случаѣ половина ихъ, мало отличающаяся отъ школъ грамоты, должна быть также исключена, т.-е. еще надо выбросить 11,5% общаго количества или 8.370 церковно-приходскихъ школъ, и тогда остается всего 47.672 болѣе или менѣе удовлетворительныхъ училища, въ число которыхъ входятъ министерскія, земскія и 11,5% школъ духовнаго вѣдомства.

Такимъ образомъ, чтобы всѣ деревенскія школьнаго возраста дѣти 50 губерній Европейской Россіи могли учиться въ сносныхъ школахъ, необхо-

димо устроить новыхъ 166.398 училищъ! Присоединяя къ нимъ существующія (47.672), всего надо бы къ 50-лѣтію освобожденія крестьянъ имѣть 214 070 школъ.

Какъ ни велики съ перваго взгляда эти цифры, но если бы въ теченіе 50 лѣтъ равномѣрно устраивались школы, то пришлось бы въ годъ строить лишь по 4.281 школѣ, или около 85 школъ ежегодно въ каждой изъ 50 губерній и по 8 съ лишнимъ въ каждомъ уѣздѣ, если принять, въ среднемъ, 10 уѣздовъ на губернію. Цифры, какъ видите, выходятъ совсѣмъ-таки ничтожныя.

Но такъ какъ въ дѣйствительности въ теченіе 50 лѣтъ въ среднемъ ежегодно возникало лишь по 953 съ лишнимъ болѣе или менѣе удовлетворительныхъ школы, или по 19 школъ на губернію и менѣе чѣмъ по 2 на уѣздъ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что не хватаетъ теперь для всеобщаго обученія 166.398 школъ.

Если бы сразу удовлетворить эту потребность, то, предполагая, что постройка одной школы и ея оборудованіе обойдется только въ 3.000 руб., нуженъ единовременный расходъ въ 499.194.000 руб. или по 9.983.680 руб на губернію, по 998.388 руб. на уѣздъ и по 4 р. 30 к. съ каждой души обоего пола.

Положимъ, такого рода расходъ далеко не является исключительнымъ въ культурныхъ странахъ, такъ какъ въ Сѣв.-Американск. Соед. Штатахъ, напр., при 82.584.061 жителей обоего пола ежегодная трата на начальныя школы выражается суммою въ 583.233.320 руб., а на каждаго жителя тамъ приходится ежегодно же болѣе 7 руб., въ Швейцаріи на каждаго жителя ежегодно приходится около 5 р. 50 к., въ Англіи—3 р. 80 к., въ Пруссіи—3 р. 70 к.

Но наша нищенская страна, въ которой въ настоящее время на душу приходится лишь 43 коп. ежегоднаго взноса на начальныя школы, конечно, собственными силами сразу не можетъ израсходовать около 500.000.000 руб. даже единовременной затраты на постройку необходимаго количества школъ.

А вѣдь помимо единовременной затраты, нужны еще ежегодныя, какъ вознагражденіе учащихся, отопленіе, освѣщеніе, ремонтъ, учебники и т. д.

По вычисленію Министерства Народнаго Просвѣщенія, средній расходъ на сельское училище выражается 748 руб. Слѣдовательно, содержаніе новыхъ 166.398 школъ потребовало бы ежегодно сумму въ 124.465.704 руб., или пришлось бы каждому жителю въ годъ платить около 1 р. 80 к.

Мы уже видѣли, что въ Сѣвер. Америкѣ и во многихъ странахъ Европы ежегодные платежи на начальное народное образованіе далеко превосходятъ 1 р. 80 к. Къ вышеперечисленнымъ государствамъ можемъ прибавить Норвегію, гдѣ на душу приходится 2 р. 90 к., Швецію—2 р. 50 к. и т. д.

Такъ что 1 р. 80 к. съ каждаго человѣка—платежъ далеко не высокій, и объясняется онъ тѣмъ, что на содержаніе школъ у насъ тратится очень мало, потому, главнымъ образомъ, что у насъ крайне низкое вознагражденіе труда учащихъ въ сельскихъ школахъ.

Но и этотъ ежегодный взносъ, при современномъ экономическомъ положеніи населенія, является для крестьянства почти непосильнымъ.

Между тѣмъ и единовременная затрата въ 499.194.000 и ежегодная въ 124.465.704 руб. далеко не дадутъ возможности поставить просвѣщеніе деревенскаго населенія на надлежащую высоту.

Прежде всего совершенно невозможно ограничиться одною начальною школою. Необходимо создать еще повышенный типъ училищъ, куда бы поступали лица, окончившія начальную школу и желающія получить дальнѣйшее образованіе. Такія повышеннаго типа деревенскія училища должны быть тѣсно связаны съ средними учебными заведеніями, т.-е. чтобы лица, прошедшія курсъ такого училища, могли бы безпрепятственно поступать въ первые классы гимназіи.

Предположимъ, что на каждыя 10 начальныхъ школъ должно быть одно повышеннаго типа училище, при чемъ стоимость его сооруженія и оборудованія обойдется въ 10.000, а содержаніе—въ 5.000 руб. въ годъ.

Такихъ училищъ надо, слѣдовательно, 21.407; единовременная затрата на ихъ сооруженіе и оборудованіе выразится суммою въ 214.070.000 руб., а ежегодное содержаніе—107.035.000 руб.

Но и это не все.

Дѣло въ томъ, что школьное образованіе безъ внѣшкольнаго далеко не достигаетъ своей цѣли.

Въ самомъ дѣлѣ, какіе результаты получаются отъ окончанія школы, если по выходѣ изъ нея нельзя достать книгъ, чтобы продолжать самообразованіе и не впасть въ рецедивъ безграмотности.

Весьма естественно поэтому, что совершенно невозможно обойтись безъ хорошихъ библіотекъ. онѣ также необходимы, какъ школы.

Если предположить, что число библіотекъ должно быть не менѣе числа школъ, при которыхъ должны существовать отдѣльныя для этого комнаты, при чемъ единовременная затрата на хорошія библіотеки, т.-е. на книги, выражается суммою не менѣе 500 руб. на каждую, а ежегодное пополненіе по 50 руб., то, слѣдовательно, единовременно на библіотеки нужно 107.035.000 р., а ежегодно по 10.703.500 руб.

Но у насъ такъ запущено народное просвѣщеніе, что одновременно съ образованіемъ молодого поколѣнія, необходимо такъ или иначе просвѣщать населеніе безграмотное и дать возможность взрослому грамотному населенію расширять свой кругозоръ, для чего необходимо устройство дополнительнаго обученія, въ видѣ лекцій.

Другими словами, для взрослаго неграмотнаго населенія нужна организація воскресныхъ школъ и народныхъ чтеній, а для взрослаго грамотнаго— народные университеты.

Предполагая, что какъ воскресныя школы, такъ и народныя чтенія могутъ происходить въ помѣщеніяхъ начальныхъ школъ [1]), а лекціи для грамотнаго населенія—въ зданіяхъ повышеннаго типа училищъ, т.-е. что особыхъ зданій для осуществленія внѣшкольнаго образованія строить нѣтъ необходимости, придется ежегодно расходовать еще: на библіотекарей, добавочныхъ учителей для воскресныхъ школъ и народныхъ чтеній и лекторовъ.

Быть-можетъ, воскресныя школы и народныя чтенія могутъ функціонировать при помощи грамотныхъ крестьянъ и вообще дорого не обойдутся. Точно такъ же изъ крестьянской среды могутъ быть и недорогіе библіотекари. Предположимъ, что вообще на лицъ, вѣдающихъ воскресныя школы, народныя чтенія и библіотеки, которыя должны быть вездѣ, гдѣ есть школы, придется затрачивать по 100 руб. въ годъ. Слѣдовательно, всего на это надо ежегодно 21.140.700 руб. Что касается лекторовъ, то они, конечно, должны быть съ высшимъ образованіемъ, и вознагражденіе ихъ не можетъ быть менѣе 1.200 руб. въ годъ, да и то потому лишь, что вечернія занятія ихъ будутъ продолжаться не болѣе 6 мѣсяцевъ, если не менѣе въ году.

Значитъ, на лекторовъ, при 21.407 училищъ высшаго типа, въ помѣщеніи которыхъ должны вестись лекціи, нужна ежегодная затрата въ 25.688.400 руб.

Но къ этой суммѣ необходимо еще добавить расходъ на книги и пособія, нужныя при лекціяхъ. Если эта сумма не будетъ превышать 100 руб. въ годъ, то ежегодный расходъ увеличивается еще на 2.140.700 руб.

Подводя всѣ единовременныя и ежегодныя затраты, необходимыя для того, чтобы осуществить дѣйствительное школьное и внѣшкольное образованіе только въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи, получаемъ:

Единовременныя затраты.		Ежегодныя затраты.	
Постройка новыхъ начальныхъ школъ	499.194.000 р.	Содержаніе новыхъ начальныхъ школъ	124.465.704 р.
Снабженіе книгами библіотекъ	107.035.000 р.	Пополненіе книгами библіотекъ	10.703.500 р.
Постройка высшаго типа училищъ	214.070.000 р.	Содержаніе высшаго типа училищъ	107.035.000 р.
		Лекторы	25.688.400 р.
		Пособія для лекцій . . .	2.140.700 р.
		Воскресныя школы, народныя чтенія и библіотеки.	21.140.700 р.
Итого	820.299.000 р.	Итого	291.174.004 р.

[1]) Днемъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ школа, а вечеромъ народныя чтенія.

Слѣдовательно, единовременныхъ затратъ придется: на губернію по 16.415.980 руб., на уѣздъ 1.641.598 руб., на каждаго жителя немного болѣе 7 руб.

Ежегодныя затраты: на каждую губернію по 5.823.480 руб., на уѣздъ 582.348 руб., на каждаго жителя немного болѣе 2 р. 50 к.

Если бы крѣпостническая точка зрѣнія на народъ не являлась до сихъ поръ господствующей, если бы не только не боялись, а считали бы нужнымъ дать крестьянству широкое просвѣщеніе, если бы, наконецъ, утвердилось сознаніе, что образованіе способствуетъ поднятію производительныхъ силъ страны, и затрата на него возвращается сторицею, если бы, повторяемъ, все это осуществилось, то возможно было бы найти вышеприведенныя суммы.

Быть-можетъ, ни на что деньги не являются столь необходимыми, какъ на просвѣщеніе крестьянства, и заемъ на единовременныя затраты на это великое дѣло былъ бы одобренъ всею страною.

Разсрочка выплаты на болѣе или менѣе продолжительный періодъ далеко не легла бы тяжелымъ бременемъ на государство, а, при подъемѣ производительныхъ силъ страны, ежегодный расходъ по 2 р. 50 к. на каждаго жителя вовсе уже не великъ, и, какъ мы видѣли, многіе культурные народы вносятъ на народное образованіе гораздо большія суммы.

Ибо безъ просвѣщенія деревни намъ не суждено выйти на широкій путь культурнаго и экономическаго развитія!

И. Бѣлоконскій.

Школа Максимовича въ Твери (въ память освобожденія крестьянъ).

Н. Н. Златовратскій.

Пореформенное крестьянство въ беллетристикѣ.

Вл. П. Кранихфельда.

I.

Началось съ того, что похоронили аляповатаго и несуразнаго Антона Горемыку, надъ которымъ чувствительными читателями прошлаго поколѣнія пролито было не мало слезъ, и на могилѣ его водрузили большой деревянный крестъ. Точно такъ же поступили и съ Тургеневскими „пѣвцами", съ Касьяномъ съ Красивой Мечи, съ Хоремъ и даже съ милыми, но немножко подсахаренными ребятишками съ Бѣжина луга.

„Пора прекратить приторное любезничанье съ народомъ", провозгласилъ въ 1860 году Добролюбовъ.

„Забудемте же,—повторилъ вслѣдъ за нимъ и Чернышевскій въ 1861 г.,— забудемте, кто свѣтскій человѣкъ, кто купецъ или мѣщанинъ, кто мужикъ; будемте всѣхъ считать просто людьми и судить о каждомъ по человѣческой

[illegible] не дозволяя себѣ утаивать передъ самими собою истину ради [illegible]“.

Безъ всякой деликатности обошелся Добролюбовъ со всѣми слишкомъ, по его мнѣнію, „деликатными“ бытописателями дореформеннаго крестьянства, которыхъ, съ легкой руки Григоровича и съ благословенія Бѣлинскаго, появилось не мало въ нашей литературѣ съ конца 40-хъ годовъ.

Бытописателямъ дореформеннаго крестьянства Добролюбовъ поставилъ на видъ, что они совершенно пренебрегли „житейской стороною“ крестьянскаго существованія и, напротивъ, черезчуръ злоупотребили крестьянскимъ сердцемъ, на всѣ лады изображая его чувствительность въ области любовныхъ чаръ, сомнѣній и разочарованій. Онъ упрекнулъ ихъ за то, что, „смотря на народъ съ высоты своего величія“, они „великодушно старались обойти его недостатки и выставить только хорошія стороны; они разсчитывали возбудить въ читателяхъ сожалѣніе, благосклонность къ низшему сословію и трактовали народъ съ той обидной ласковостью, которая обыкновенно происходитъ отъ увѣренности въ неизмѣримомъ превосходствѣ собственномъ“. Будущихъ „простонародныхъ повѣствователей“ Добролюбовъ приглашалъ наблюдать надъ всѣмъ строемъ народной жизни и не бояться прямого, строгаго и мужественнаго воззрѣнія на народъ.

М. Вовчокъ.

Эти новыя, до той поры неслыханныя требованія Добролюбовъ предъявляетъ русской литературѣ „въ предчувствіи той дѣятельной роли, которая готовится народу въ недалекомъ будущемъ“, т.-е. послѣ крестьянской реформы, ожиданіемъ которой живетъ теперь вся страна.

Но именно потому, что „свѣтлый праздникъ освобожденія“, какъ выражается Добролюбовъ, еще не наступилъ, что многими своими сторонами онъ не вышелъ еще изъ области „предчувствій“, критикъ не сумѣлъ до конца удержаться на занятой имъ позиціи. И нѣсколько мѣсяцевъ спустя онъ горячо привѣтствуетъ произведенія имъ же самимъ осужденнаго „обидно-ласковаго“ жанра. Я имѣю въ виду статью Добролюбова о произведеніяхъ Марко Вовчка (М. А. Марковичъ) „Черты для характеристики русскаго простонародья“. Разсматриваемая въ исторической перспективѣ эта писательница, съ нашей точки зрѣнія, отнюдь не менѣе другихъ своихъ современниковъ, осужденныхъ Добролюбовымъ, повинна въ злоупотребленіи крестьянскимъ

сердцемъ. Но Добролюбова она подкупила тѣмъ, что въ это крестьянское сердце, въ тревожные дни кануна эмансипаціи, она вложила гордое отвращеніе къ рабству и пламенную, жертвенную любовь къ свободѣ. Сочувственное вниманіе критика особенно привлекаетъ идеализированный образъ крестьянской дѣвочки Маши въ разсказѣ писательницы подъ тѣмъ же названіемъ. „Въ личности Маши,—утверждаетъ Добролюбовъ,—схвачено и воплощено высокое стремленіе, общее всей массѣ русскаго народа, терпѣливо, но неотступно ожидающей свѣтлаго праздника освобожденія"

Коснувшись той же темы о народѣ въ русской беллетристикѣ въ 1861 г., Чернышевскій былъ уже свободенъ отъ тѣхъ предреформенныхъ тревогъ и сомнѣній, которыя смущали Добролюбова. Онъ могъ поэтому широко и смѣло, не оглядываясь по сторонамъ, развернуть знамя, подъ которымъ разночинецъ 60-хъ гг. шелъ къ народу и на которомъ было написано: правда, голая правда, безъ идеализаціи и безъ прикрасъ.

Н. В. Успенскій.

60-е гг. подходятъ къ мужику, какъ бы заново открывая его.

Въ критической статьѣ („Не начало ли перемѣны?"), посвященной разсказамъ Н. В. Успенскаго, Чернышевскій горячо привѣтствуетъ этого писателя, какъ новатора, начинающаго въ нашей литературѣ новую эру. Все то, что писалось о народѣ до Успенскаго, повѣсти Григоровича, разсказы Тургенева, со всѣми многочисленными подражаніями имъ, — все это, по словамъ критика, насквозь пропитано запахомъ „шинели" Акакія Акакіевича. Все это было „прекрасно и благородно, въ особенности благородно до чрезвычайности", но, утверждаетъ критикъ, сладкое щекотаніе мысли подобнаго рода литературой недалеко ушло отъ того удовольствія, которое получалъ покойный мужъ Коробочки, когда ему чесали пятки.

Писатель, котораго избралъ Чернышевскій для ознаменованія новой эры, какъ будто самой судьбой былъ отмѣченъ для этой роли. До такой степени онъ весь былъ насыщенъ оппозиціей и даже враждою къ народолюбцамъ дореформенной эпохи. Даровитый разсказчикъ, тонкій наблюда-

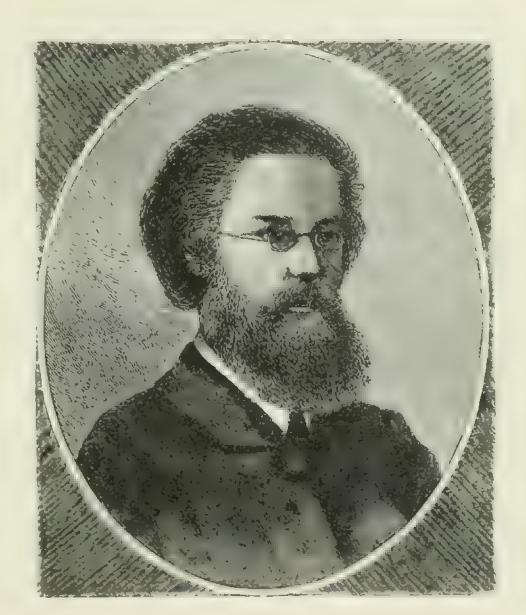
тель, близко и основательно знакомый съ крестьянскимъ бытомъ, Н. В. Успенскій (1837—1889 г.) каждымъ своимъ очеркомъ, видимо, полемизировалъ съ бытописателями народа старой формаціи. И если тѣ слишкомъ гнули въ одну сторону, выставляя на показъ крестьянскія добродѣтели и затушевывая недостатки, созданные вѣковымъ рабствомъ и тьмою, Н. Успенскій умышленно перегибалъ палку въ противоположную сторону. Съ внѣшней стороны его разсказы весьма похожи на моментальные фотографическіе снимки, какъ будто безъ выбора, мимоходомъ, сдѣланные во время случайныхъ остановокъ на какомъ-нибудь постояломъ дворѣ, на пасѣкѣ, на сельской ярмаркѣ и т. д. На этотъ характеръ разсказовъ указываютъ даже заглавія ихъ: „На пути“, „Мимоѣздомъ“, „Въ возкѣ“, „Издалека и вблизи“, „Обозъ“... Часто это даже не разсказы, а бѣглые наброски къ разсказамъ, этюды или, какъ самъ авторъ называетъ ихъ, „Сцены изъ сельскаго праздника“, „Дорожныя сцены“ и проч. Но изъ всѣхъ этихъ набросковъ, этюдовъ и сценъ складывается въ общемъ картина, весьма и весьма далекая отъ механическаго объективизма дорожнаго кодака. Народная жизнь прошла здѣсь черезъ призму сознанія вдумчиваго художника, и если, отраженная на экранѣ его произведеній, она кажется современному читателю черезчуръ мрачной, то не надо забывать, во-1-хъ, что крестьяне Н. Успенскаго выросли и даже, большею частью, живутъ подъ прессомъ крѣпостного режима, и, во-2-хъ, что идеализація крестьянъ писателями предшествующаго періода требовала отъ новаго писателя болѣе или менѣе энергичнаго отпора.

Разсказъ, открывающій первый томъ произведеній Н. Успенскаго, называется „Старухой“, отъ имени которой и ведется повѣствованіе. Спокойно, въ эпическомъ стилѣ, разсказываетъ старуха исторію своей развалившейся семьи. Женили они со старикомъ сына. Баба молодая, красивая, но къ мужу не ласковая, и вскорѣ приглянулась она приказчику. Онъ вызвалъ ее и оставилъ у себя на кухнѣ работницей. Зачѣмъ Варвара понадобилась приказчику, изъ этого ни самъ онъ, да и никто другой не дѣлалъ тайны. Сдѣлка оказалась одинаково выгодной для всѣхъ заинтересованныхъ въ ней, и мужъ Варвары былъ спокоенъ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, въ селѣ не стали открыто смѣяться надъ нимъ. Только тогда онъ вспыхнулъ запоздалымъ гнѣвомъ и рѣшилъ взять жену назадъ отъ приказчика, но... угодилъ подъ красную шапку.

Въ этомъ первомъ разсказѣ сборника Успенскій какъ будто еще не рѣшается обнаружить цѣликомъ свое отношеніе къ деревнѣ. Здѣсь все-таки, хотя и въ самомъ концѣ повѣствованія, онъ показываетъ пробудившееся мужицкое самосознаніе. Какъ-никакъ, а Петръ,— пусть даже подъ давленіемъ издѣвающихся надъ нимъ сосѣдей,—все же протестуетъ и трагически погибаетъ, защищая свое человѣческое достоинство. Но Петръ—фигура въ произ-

веденіяхъ Успенскаго одинокая и исключительная, и дальше авторъ не повторитъ ее, останавливаясь на изображеніи массовой мужицкой забитости и тупости, мужицкомъ невѣжествѣ и суевѣріи.

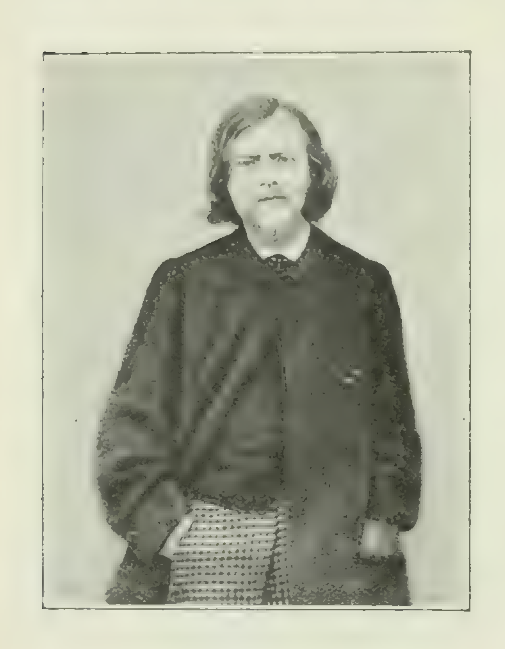
Ямщики, до крови избитые случайнымъ проѣзжимъ и тутъ же за стаканъ водки и мелкую монету готовые передъ обидчикомъ разсыпаться въ выраженіи своей рабьей признательности („Проѣзжій“); мужики, подающіе становому жалобу на безпокоящаго ихъ по ночамъ летучаго змія („Змѣй“); мужики, цѣлыми сутками ломающіе головы надъ провѣркою счета въ тридцать копеекъ, да такъ и не справившіеся съ непосильной для нихъ задачей („Обозъ“), — такова крестьянская Русь въ изображеніи Успенскаго, и самъ же онъ подводитъ итоги своимъ наблюденіямъ: „Бѣдность и невѣжество русскаго крестьянина привели его къ тому, что онъ очень часто не цѣнитъ своего собственнаго труда, но вмѣстѣ съ тѣмъ не цѣнитъ и чужого труда; онъ не имѣетъ понятія ни о правахъ собственности, ни о правахъ другой личности. Для него условій и законовъ гражданской жизни не существуетъ“.

В. А. Слѣпцовъ.

Такого же одичавшаго подъ крѣпостнымъ игомъ мужика изображаетъ и современникъ Успенскаго В. А. Слѣпцовъ (1836—1878 г.). Пѣшкомъ исколесившій Владимирскую губ., онъ хорошо ознакомился съ бытомъ и языкомъ народа и въ рядѣ очерковъ, частью этнографическаго, частью художественнаго характера, передалъ свои впечатлѣнія. Подобно Успенскому, онъ не даетъ типовъ, мало интересуется индивидуальной психологіей крестьянина, а изучаетъ его въ массѣ, въ общественныхъ условіяхъ его быта. Онъ разсказываетъ о поражающей темнотѣ крестьянской массы, напуганное воображеніе которой на каждомъ шагу создаетъ страшные призраки. Принявъ пьянаго за мертваго, крестьяне съ ужасомъ разбѣгаются, не рѣшаясь подойти къ мнимому покойнику, когда тотъ, очнувшись, поднимается среди дороги („Мертвое тѣло“). Въ другомъ разсказѣ — „Свиньи“ — мужики легко довѣряются слуху, что на людяхъ скоро начнутъ ѣздить, и бабы, подъ впечатлѣніемъ этихъ слуховъ, бьютъ горшки и другую домашнюю посуду. Слѣпцовъ разсказываетъ о забитости мужика, который взяткой подкупаетъ писаря, чтобы тотъ помогъ ему поскорѣе высѣчься („Ночлегъ“). На основаніи „собственнаго опыта“ онъ разсказываетъ о враждебной настороженности му-

жалка ко всему постороннему, чужому: о томъ, „какъ легко замерзнуть, быть ограбленнымъ или съѣденнымъ волками въ двухъ шагахъ отъ жилья, среди огромнаго, богатаго села, на большой дорогѣ“,—какъ не пускали въ зимнюю ночную стужу прохожаго переночевать въ избу и при этомъ еще глумились надъ нимъ: „шуваликъ, кислая шерсть, знать, пробрало морозомъ-то, нѣтъ, ты постой, покайся“ („Путевая замѣтка пѣшехода“).

Любопытно, что точно такой же эпизодъ разсказываетъ и А. И. Левитовъ (1835—1877 г.) изъ своихъ скитаній по селамъ и дорогамъ. А скитаться пришлось ему еще больше Слѣпцова, и не съ научными цѣлями къ тому же, а просто по нуждѣ. Еще въ ранней молодости онъ изъ Тамбовской губ. пришелъ въ Москву, а впослѣдствіи такое же путешествіе пришлось совершить ему изъ Вологды въ Лебедянь. Такъ вотъ, разсказываетъ Левитовъ, идетъ онъ по степи, утомленный и жаждущій отдыха. Но встрѣчная деревня, гдѣ онъ мечтаетъ найти ночлегъ, встрѣчаетъ его насмѣшливо и злобно. „Цыцарцы идутъ“, кричатъ дѣти; „чортъ ты проклятый“, „идолъ ты этакой“, визжатъ бабы; мужики насмѣшливо совѣтуютъ постучаться „насупротивъ“, а оттуда гонятъ съ такими же совѣтами. Одинъ мужикъ прямо пытаетъ несчастнаго, разсматривая крестъ, заставляя читать молитвы, и все это для того только, чтобы и съ своей стороны отказать въ ночлегѣ: „языкъ, братецъ, у тебя что-то не больно-то твердъ, не пущу ночевать, какъ хочешь, кто тебя знаетъ, какой ты такой на семъ свѣтѣ человѣкъ есть“. Такъ затравленный насмѣшками и даже собаками, измученный и оскорбленный онъ выходитъ изъ деревни, чтобы ночевать въ степи. Выходитъ съ двойственнымъ чувствомъ, которое формулируетъ: „я какъ будто въ одно и то же время и сержусь и люблю ихъ“.

А. И. Левитовъ.

Сержусь и люблю. Такъ же или почти такъ же могли бы опредѣлить свое отношеніе къ народу и Успенскій и Слѣпцовъ. Вмѣстѣ съ Левитовымъ и они любили этотъ несчастный, темный и забитый крестьянскій людъ, который изображали въ своихъ очеркахъ. Вмѣстѣ съ Левитовымъ и они сердились и з а него и н а него за его несчастья, забитость и тьму, смѣхомъ прикрывая свои затаенныя слезы. Но у Левитова любовь, больная, скорбная любовь къ народу преобладала надъ всѣми другими чувствами. Самъ испытавшій не мало горя и униженій, которыми съ избыткомъ была переполнена

его неудавшаяся жизнь, Левитовъ могъ только страдать тамъ, гдѣ другіе возмущались, негодовали, смѣялись. Ему открыта была какъ будто только одна сторона жизни,—ея неизбывное горе. Широкими глазами глядѣлъ онъ въ эту сторону, отмѣчая горе безправія, горе нищеты, горе невѣжества, горе пьянства.

И часто, подобно горнымъ потокамъ, сливающимся внизу въ одну многоводную рѣку, всѣ эти отдѣльныя проявленія горя сгущаются у Левитова въ одно сплошное, безысходное, почти мистическое горе, беззвучные стоны котораго наполняютъ всю природу: „горе селъ, дорогъ и городовъ".

II.

Какъ ни характерны для 60-хъ гг. трое названныхъ выше бытописателя крестьянства, ни одинъ изъ нихъ не далъ, однако, сколько-нибудь законченной, цѣльной картины народной жизни. Правда, фрагменты, сцены, очерки, набросанные ими, какъ разъ именно и типичны для десятилѣтія, взявшагося заново изучить невѣдомую дотолѣ среду. Но нуженъ же какой-нибудь осязательный результатъ изученія въ формѣ обобщеннаго вывода изъ этой коллективной работы, въ которой, кромѣ Успенскаго, Слѣпцова и Левитова, принималъ участіе и цѣлый рядъ другихъ менѣе замѣтныхъ писателей, каковы П. И. Якушкинъ, С. В. Максимовъ, Даль, Аѳанасьевъ и др. Нужна „эпопея народной жизни", о необходимости которой въ будущемъ, когда крестьянская жизнь „откроется намъ во всей полнотѣ", мечталъ еще Добролюбовъ въ 1860 году.

Такой эпопеей, завершившей 60-е гг., были „Подлиповцы" Ѳ. М. Рѣшетникова (1841—1871).

„Подлиповцы"—это крестьяне Чердынскаго уѣзда, жители глухой, на сотни верстъ отдаленной отъ города деревни. Полудикіе, не вполнѣ обрусѣвшіе инородцы,—„пермяки",—для формы только причисленные къ православію, они не имѣютъ даже самаго элементарнаго представленія о религіи, о государствѣ. Ихъ понятія о времени и пространствѣ отличаются самой грубой примитивностью. Они совершенно не умѣютъ справляться со счетомъ даже въ предѣлахъ однозначныхъ чиселъ, и самый языкъ ихъ имѣетъ только слабое подобіе членораздѣльной рѣчи, какъ можно видѣть изъ слѣдующаго, напримѣръ, діалога: „Што, ребя? — Ништо. — Ты откедова? — А подлиповечъ. А вы-то? — А мы бурлацыть. — Лиже. А пошто? — Баютъ: баско, богачество, баютъ".

Отъ звѣроловства, которымъ занимались подлиповцы раньше, пришлось имъ перейти къ земледѣлію. Звѣрь перебитъ, но и земля кормитъ плохо, и немногимъ изъ нихъ удается ѣсть чистый хлѣбъ болѣе двухъ мѣсяцевъ въ году. Промысловъ у нихъ тоже нѣтъ, потому что некуда сбывать своихъ

произведеній. И живутъ подлиповцы въ царствѣ мрака и нищеты, вмѣстѣ со скотомъ, въ полуразвалившихся избахъ, безъ печей и безъ стеколъ, отъ колыбели и до могилы повторяя одно унылое „ись хоцу“ — ѣсть хочу. Вѣчно голодные, питающіеся мякиной, а иногда корой и сѣномъ, они влачатъ какое-то полузвѣриное существованіе, проявляя свои чувствованія въ совершенно дикихъ, нелѣпыхъ подчасъ формахъ, гдѣ дикая жестокость соединяется подчасъ съ самыми нѣжными человѣчными настроеніями.

Когда умерла Апроська, любившій ее подлиповецъ Сысойка пытается откусить носъ у покойницы и вступаетъ въ драку съ ея отцомъ за то только, что тотъ торопится закопать трупъ. И читатель понимаетъ, что за этой нелѣпой формой скрывается сильное и глубокое человѣчное чувство, которому несчастный подлиповецъ не умѣетъ, не можетъ найти иного выраженія.

Сильно привязанъ былъ къ Апроськѣ и родной ея отецъ Пила. Узнавъ о смерти дочери, Пила прежде всего выместилъ свою досаду на женѣ, избивъ ее. Затѣмъ онъ взвылъ и убѣжалъ на улицу, гдѣ долго плакалъ. И въ немъ, какъ и въ Сысойкѣ, смерть Апроськи вызываетъ желаніе покончить съ собой.

Но смерть пугала ихъ, и оба они рѣшили бросить опустѣвшую теперь для нихъ голодную, но все же родную деревню, чтобы запречься въ лямку каторжнаго бурлацкаго труда въ далекой чужой сторонѣ.

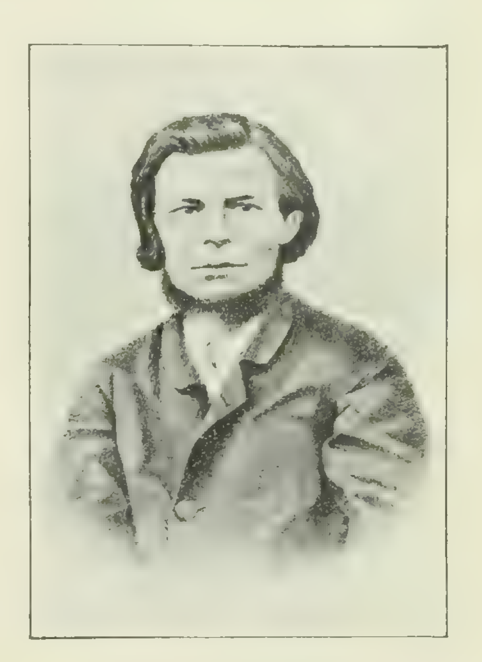
Одинъ изъ современныхъ намъ историковъ литературы К. Ф. Головинъ (Орловскій) въ своемъ увѣнчанномъ академіей трудѣ по исторіи русскаго романа считаетъ „Подлиповцевъ“ пасквилемъ на русскій народъ. И въ самомъ дѣлѣ,—какое, казалось бы, отношеніе къ крестьянству средней Россіи могутъ имѣть эти изображенные Рѣшетниковымъ инородцы, полудикое существованіе которыхъ производитъ прямо-таки кошмарное впечатлѣніе? А между тѣмъ прогрессивная критика 60-хъ гг. увидѣла въ этомъ очеркѣ Рѣшетникова какъ разъ именно типичное воспроизведеніе русскаго народнаго быта вообще. Автору вмѣнили въ заслугу, что онъ „понялъ суть существованія мужика, сумѣлъ проникнуться его вѣчнымъ, непрестаннымъ горе-гореваньемъ, понявъ его несчастья и несложныя радости“. Было упомянуто, конечно, и о томъ, что авторъ не идеализируетъ и не подсахариваетъ выведенныхъ имъ мужиковъ, „не навязываетъ имъ тѣхъ достоинствъ и совершенствъ, которыхъ у нихъ не можетъ быть по самому ихъ положенію“ (рецензія въ „Отечеств. Запискахъ“ за 1868 г., кн. I).

И надо согласиться, что къ такому обобщенному пониманію „пермяковъ“ Рѣшетникова и читатель и критика 60-хъ гг. были достаточно подготовлены тѣми великорусскими жанрами, которыми, какъ мы знаемъ уже, наполняли журналы того времени Успенскій, Слѣпцовъ, Левитовъ и др. Разница между этими послѣдними бытописателями народа и Рѣшетниковымъ была только въ выпуклости, рѣзкости и полнотѣ изображенія. Успенскій, Слѣпцовъ и Ле-

витовъ ограничивались сценами и этюдами; Рѣшетниковъ написалъ картину, большое красочное полотно. Успенскій и Слѣпцовъ интересовались, главнымъ образомъ, внѣшними условіями и проявленіями крестьянской жизни; Рѣшетниковъ обратилъ вниманіе и на душу человѣческую,—укороченную, упрощенную, но живую, радующуюся и страдающую. И то, что на устахъ Успенскаго и Слѣпцова вызывало насмѣшку, часто горькую насмѣшку,—изъ глазъ Рѣшетникова исторгало слезы. По его собственному признанію, онъ плакалъ надъ своими „подлиповцами", когда писалъ о нихъ. И если это настроеніе роднитъ его съ Левитовымъ, то у него совершенно отсутствуетъ тотъ лирическій пантеизмъ, который нерѣдко теплымъ, ласкающимъ свѣтомъ озарялъ внезапно самыя мрачныя страницы у Левитова.

Теперь мы можемъ резюмировать отношеніе шестидесятниковъ къ крестьянству, поскольку оно выразилось въ беллетристикѣ того времени, начиная съ Н. В. Успенскаго и кончая Рѣшетниковымъ.

Начали они почти весело,—со смѣшкомъ и улыбочкой,—а кончили слезами.

Ѳ. М. Рѣшетниковъ.

Съ внѣшней стороны крестьянская масса остается у Рѣшетникова такою же, какою впервые является она передъ нами и въ разсказахъ Успенскаго: и тамъ и здѣсь читателю демонстрируется подавляющая забитость и некультурность деревни и полная неприспособленность ея къ новой обстановкѣ. И нельзя не признаться, что картина эта находилась въ точномъ соотвѣтствіи съ дѣйствительностью. Въ самомъ дѣлѣ, эмансипація, сопровождавшаяся коренной ломкой хозяйственной жизни деревни и потребовавшая отъ нея невѣроятнаго напряженія всей ея энергіи для приспособленія къ новымъ условіямъ, не только не увеличила силы крестьянства, но, напротивъ, обездолила его экспропріаціей искони принадлежавшихъ ему земель. Глубоко невѣжественная, приниженная вѣковой опекой и рабствомъ и теперь, непосильными выкупными платежами и налогами, отданная въ кабалу государству, деревня оказывалась совершенно безпомощной передъ непонятными для нея новыми запросами и требованіями экономическаго прогресса.

Впечатлѣніе какой-то гиблой безнадежности оставляла пореформенная деревня и ея художественное отображеніе въ беллетристикѣ 60-хъ гг. Но „безстрашіе правды", такъ характерное для этого десятилѣтія, и здѣсь не покидало шестидесятниковъ. Убѣжденные просвѣтители, они слишкомъ вѣрили

въ силу и конечное торжество знанія, чтобы ихъ могло смутить и обезсилить обнаруженное ими варварство русскаго крестьянства. Да и „что такое варваръ?“ спрашиваетъ Чернышевскій и тутъ же даетъ успокоительный отвѣтъ: варваръ — это „человѣкъ, еще погрязшій въ глубочайшемъ невѣжествѣ“. „Еще“ — какія невѣроятно широкія перспективы открываются въ этомъ одномъ маленькомъ трехбуквенномъ словѣ! Какъ будто въ немъ расплавилась и затвердѣла вся неизбывная вѣра шестидесятниковъ въ интеллектуальный прогрессъ, который въ своемъ неуклонномъ процессѣ долженъ исцѣлить всѣ соціальныя язвы человѣчества вообще и Россіи въ частности. „Въ лягушкѣ заключается спасеніе и обновленіе русскаго народа“, выразилъ эту руководящую идею десятилѣтія на своемъ задорномъ языкѣ Писаревъ.

Все должно служить великой цѣли просвѣщенія,—и правда, обнаженная правда, какъ бы горька она ни была, ведетъ къ ней. Знаніе соціальной болѣзни несетъ за собою и ея исцѣленіе. Не пугайтесь же забитыхъ и невѣжественныхъ мужиковъ Н. Успенскаго, поучалъ своего читателя Чернышевскій: „Инпціатива народной дѣятельности не въ нихъ, — они... только плывутъ, куда дуетъ вѣтеръ, и поплывутъ во всякую сторону, въ какую подуетъ вѣтеръ. Но ихъ изученіе все-таки важно, потому что они составляютъ массу простонародья, какъ и массу нашихъ сословій. Иниціатива не отъ нихъ; но должно знать ихъ свойства, чтобы знать, какими побужденіями можетъ дѣйствовать на нихъ иниціатива“.

Такимъ образомъ, разсматривая соціальный вопросъ съ точки зрѣнія интересовъ народа, Чернышевскій смотритъ въ то же время на этотъ послѣдній какъ на матеріалъ, какъ на отсталую часть той дѣйствующей арміи, которой предстоитъ кореннымъ образомъ пересоздать Россію. Такъ мыслило и все передовое общество того времени, и понятно поэтому, что въ центрѣ литературнаго вниманія въ 60-е гг. находился собственно не народъ, который только наблюдали и изучали, а интеллигенція, которая дѣятельно устраивала свою собственную судьбу, раскрѣпощая себя отъ стѣснительныхъ узъ стараго міропониманія и старой морали.

Боевымъ, бодрымъ и жизнерадостнымъ настроеніемъ проникнута была разночинная интеллигенція, выплывшая въ моментъ реформы на поверхность исторической жизни. Юношеская вѣра въ побѣдоносную силу знанія освѣтила ея первые шаги. Но весь этотъ идейный подъемъ оказался непродолжительнымъ. Жестокія преслѣдованія, которымъ подверглись вожди движенія (М. Л. Михайловъ, Чернышевскій, Писаревъ, Серно-Соловьевичъ и др.), гоненія на печать, на университеты и публичныя лекціи — все это быстро разрушило иллюзіи шестидесятниковъ и положило конецъ тому интеллектуальному эпикуреизму, который у Писарева, напримѣръ, положенъ былъ въ основу просвѣтительной проповѣди. Къ тому же оказалось, что обновленіе Россіи черезъ университетъ, при содѣйствіи пресловутой лягушки,—

путь слишкомъ длительный и рискованный. Пока солнце взойдетъ — роса очи выѣстъ.

Благодаря крестьянской реформѣ, открылись двери капиталистическому развитію русскаго хозяйства, и такимъ образомъ всей структурѣ народной жизни и ея коренному устою—общинѣ угрожала непосредственная опасность. Надо было спѣшить, надо было отказаться отъ университетской науки, отъ лабораторій и немедля итти „въ народъ“. Этотъ новый призывъ, ставшій лозунгомъ для слѣдующаго поколѣнія, впервые и былъ провозглашенъ на самомъ исходѣ десятилѣтія, въ нечаевскомъ процессѣ.

III.

Но прежде чѣмъ перейти къ характеристикѣ 70-хъ гг., я долженъ возвратиться назадъ и отмѣтить теченіе, которое въ 60-е годы какъ будто шло мимо жизни, но которое оказало огромное вліяніе на идеологію слѣдующаго десятилѣтія.

Чернышевскій былъ вождемъ той разночинной интеллигенціи, которая, благодаря дружному натиску своихъ еще непочатыхъ силъ, оказалась въ авангардѣ національнаго движенія. Вслѣдъ за безповоротнымъ осужденіемъ дворянскаго режима этой интеллигенціей была заподозрѣна и вся дворянская культура, во всей совокупности созданныхъ послѣднею отношеній и формъ. Заподозрѣны были, за исключеніемъ, кажется, одного только Некрасова, и лучшіе представители старой культуры, всѣ эти, по выраженію шестидесятниковъ, „бѣлоручки“, которымъ въ лучшемъ случаѣ отводилась болѣе или менѣе почетная, но все же печальная роль „лишнихъ людей“.

Въ категорію „лишнихъ людей“ зачисленъ былъ въ этомъ десятилѣтіи и А. И. Герценъ. При несомнѣнномъ идейномъ родствѣ Герцена съ шестидесятниками, они не сумѣли оцѣнить этой духовной близости и рѣзко, даже враждебно разошлись, непонятые другъ другомъ. Въ пылу полемики Герценъ договорился до обвиненія шестидесятниковъ въ „развратѣ мысли“. Шестидесятники въ долгу не остались, и, между прочимъ, одинъ изъ нихъ (А. Серно Соловьевичъ въ направленной противъ Герцена брошюрѣ „Наши домашнія дѣла“) проводитъ такую параллель между своимъ учителемъ и Герценомъ: „Чернышевскій по преимуществу человѣкъ логической, сдержанной, строго продуманной мысли,—вы спеціалистъ по энтузіазму... Чернышевскій—человѣкъ объективной истины, вы—субъективныхъ ощущеній и восторговъ; Чернышевскій шелъ неуклонно однимъ вѣрнымъ путемъ къ цѣли,—вы сами сознаетесь, что безпрестанно мѣняете мундиры, путаетесь, сбиваетесь съ пути“ и т. д.

Исключивъ изъ этой параллели все то, что вошло въ нее какъ результатъ взаимнаго раздраженія, мы получимъ въ остаткѣ основное противопо-

ложеніе, раздѣлявшее шестидесятниковъ отъ Герцена: они были спокойными, увѣренными въ себѣ искателями объективной истины, Герценъ былъ безпокойнымъ, мятущимся энтузіастомъ.

Встрѣченный недружелюбно шестидесятниками-разночинцами и поэтому оказавшійся внѣ основного идейнаго русла этого десятилѣтія, Герценъ, однако, и въ это время не остался безъ послѣдователей. Его идейное вліяніе сказалось на произведеніяхъ начинавшаго тогда свою литературную дѣятельность Л. Н. Толстого.

Въ другомъ мѣстѣ я имѣлъ уже случай указать на идейную преемственность между Герценомъ и Толстымъ [1]), а потому, не повторяя здѣсь этой параллели, я прямо перейду къ характеристикѣ крестьянства въ художественныхъ произведеніяхъ великаго писателя земли русской.

Подобно Герцену, и Толстой чувствуетъ себя на рубежѣ двухъ противостоящихъ другъ другу міровъ. Съ однимъ изъ нихъ, гдѣ все comme il faut, Толстой связанъ своимъ воспитаніемъ, привычками, традиціями,—словомъ, всей культурой, вырожденіе и разложеніе которой, однако, онъ чувствуетъ и сознаетъ. За этимъ міромъ людей „нашего круга“, какъ любилъ выражаться Толстой, для него начинается какое-то пространство, которое просто n'existe pas и которое во всякомъ случаѣ онъ игнорируетъ. Это міръ средняго класса, демократіи, къ которому Толстой относится съ нескрываемой брезгливостью. Здѣсь все comme il ne faut pas; здѣсь онъ видитъ слѣды той же культуры, но сортомъ ниже, цѣною подешевле, и онъ предпочитаетъ совсѣмъ не замѣчать ея. Въ произведеніяхъ Толстого старо-дворянскій міръ непосредственно упирается въ міръ крестьянскій, безъ какихъ бы то ни было посредствующихъ звеньевъ, безъ буферовъ. И поэтому, если шестидесятникъ-разночинецъ, приближаясь къ крестьянству, отличалъ это послѣднее отъ иныхъ слоевъ населенія только степенью развитія, Толстой подчеркивалъ существующую разность въ типахъ развитія между стоявшими передъ нимъ мірами.

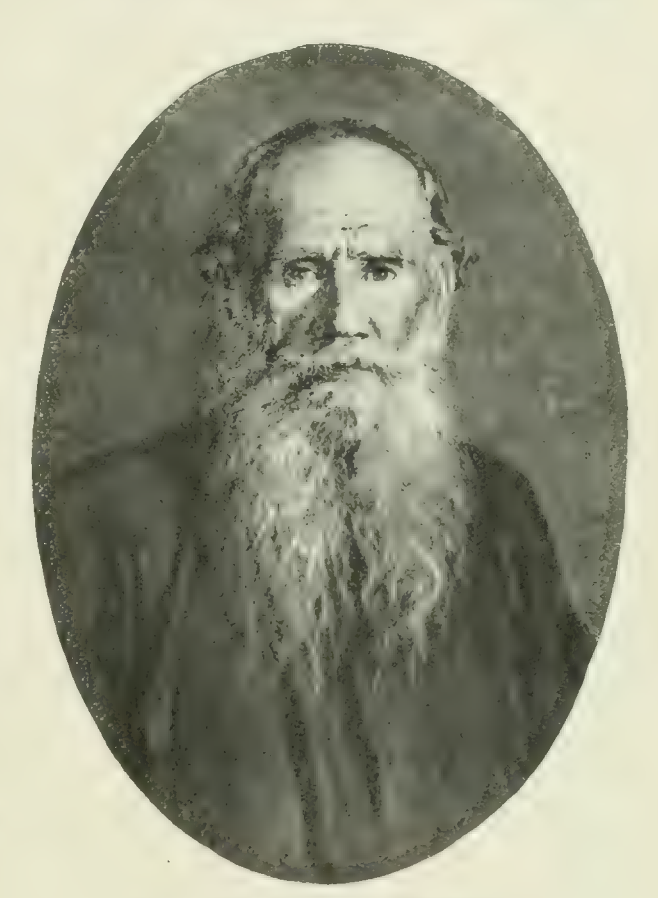
Казакъ Лукашка, въ глазахъ Оленина, былъ существомъ экзотическимъ, ирраціональнымъ. Первобытная простота въ отношеніяхъ къ людямъ, безмятежная ясность казацкой психики, — это свойства, которымъ научиться нельзя,—ихъ надо имѣть. И тщетной оказалась мечта развинченнаго барина „опроститься“ и войти въ безыскусственную жизнь станицы ея равноправнымъ сочленомъ. „Я не могъ,—разсказываетъ Оленинъ,—забыть себя и своего сложнаго, негармоническаго, уродливаго прошедшаго. И мое будущее представляется мнѣ еще безнадежнѣе“...

„Казаки“ (повѣсть написана въ 1852 г.) живутъ и дѣйствуютъ въ рамкахъ самой примитивной обстановки, и ею вполнѣ покрываются, съ нею сливаются ихъ несложныя переживанія. Но дальше, въ романѣ „Война и миръ“

---

[1]) См. мою статью о Толстомъ: «Отъ великаго барина къ великому мужику», «Соврем. Міръ», 1908 г., сентябрь.

(1864—69), Толстой вырываетъ своего обобщеннаго героя изъ этой примитивной обстановки и бросаетъ его въ гущу великихъ историческихъ событій. Онъ хочетъ показать какъ будто бы, что наивная красота и стихійная мудрость народа не теряются ни при какихъ обстоятельствахъ и что народъ, въ своемъ нравственномъ превосходствѣ надъ высшими классами, способенъ выдержать самый строгій экзаменъ, кончая послѣднимъ испытаніемъ—огнемъ и мечомъ. Платонъ Каратаевъ вышелъ съ честью изъ всѣхъ этихъ испытаній, которымъ подвергъ его геніальный художникъ. Капля того океана, который составляетъ крестьянскую массу, Платонъ Каратаевъ, собственно, даже не интересенъ, какъ индивидуальность. Съ обточенными углами, круглый, онъ полностью олицетворяетъ среду, отъ которой случайно оторвался. Каждое дѣйствіе его, подчеркиваетъ Толстой, было проявленіемъ неизвѣстной ему дѣятельности, которая была его жизнь. Но жизнь его, какъ онъ самъ смотрѣлъ на нее, не имѣла смысла, какъ отдѣльная жизнь: она имѣла смыслъ только какъ частица цѣлаго, которое онъ постоянно чувствовалъ. У него нѣтъ не только своихъ мнѣній, но даже и собственныхъ словъ. Выражая коллективное мнѣніе цѣлаго, онъ мыслитъ и говоритъ пословицами, поговорками и прибаутками, которыя вѣками накапливала народная мудрость. Со смиренной покорностью принимаетъ онъ на себя всѣ удары, которыми награждаетъ его судьба. Впередъ онъ глядѣть не любилъ, да и не умѣлъ. Касаясь же своихъ прошлыхъ злоключеній, Каратаевъ опять-таки разсматривалъ ихъ не со своей личной точки зрѣнія, а такъ, какъ будто бы дѣло касалось вообще какой-нибудь части цѣлаго и съ точки зрѣнія интересовъ этого цѣлаго обсуждалось. И выходило такъ, что никакого несчастья даже и не было, а, напротивъ, была даже радость—не для него, Каратаева, а для другихъ. Такъ что жъ?—Пьеръ Безуховъ, очарованный этимъ крестьянскимъ или, какъ выражается самъ Каратаевъ, „хрестьянскимъ“ душевнымъ благообра-

Л. Н. Толстой (портр. Рѣпина).

діемъ и создавшій себѣ даже „культъ каратаевщины“, привѣтствуетъ въ немъ „вѣчное олицетвореніе простоты и правды“ народной психики. Такъ же, несомнѣнно, отнесся къ нему и самъ авторъ, въ лицѣ Каратаева демонстрировавшій и превознесшій найденный имъ типъ крестьянской культуры.

Помимо этой идеализаціи крестьянства, Толстого отъ шестидесятниковъ-разночинцевъ существенно отличала еще и слѣдующая черта. Шестидесятники-разночинцы, не придавая сколько-нибудь серьезнаго значенія формамъ народнаго с о з н а н і я, которыя представлялись имъ въ высокой степени эластичными и поддающимися вліянію школы и книги, обращали усиленное вниманіе на формы народнаго б ы т а, на политическое и соціальное положеніе народной массы. Даже для болѣе другихъ беззаботнаго на этотъ счетъ Писарева, и для того, „вопросъ о голодныхъ и раздѣтыхъ“ являлся конечной цѣлью всего нашего мышленія и дѣятельности. А между тѣмъ эти именно стороны народной жизни почти совершенно не останавливали вниманія Толстого. Равнодушный къ формамъ внѣшняго міра, весь поглощенный огромной аналитической работой собственнаго сознанія, онъ и вокругъ себя искалъ однородныхъ процессовъ мысли. Не и н т е р е с ы, а м н ѣ н і я народа казались ему достойными вниманія и изученія, и еще въ 60-е гг. онъ пришелъ къ выводу, что итти въ народъ надо не учить, а учиться.

Рядомъ съ Толстымъ слѣдуетъ поставить и Достоевскаго, который по отношенію къ шестидесятникамъ занялъ еще болѣе рѣзкую и непримиримую позицію.

Правда, за исключеніемъ „Записокъ изъ мертваго дома“, въ художественныхъ произведеніяхъ Достоевскаго народъ не выступаетъ въ какой-нибудь дѣйственной роли. О народѣ только говорятъ въ романахъ Достоевскаго, какъ говоритъ о немъ и самъ Достоевскій въ своихъ публицистическихъ статьяхъ, особенно послѣдняго періода. Но часто свои сужденія о народѣ Достоевскій обосновывалъ именно своею близостью къ народу въ кошмарной обстановкѣ „мертваго дома“. Онъ увѣренъ, что здѣсь узналъ народъ русскій „такъ хорошо, какъ, можетъ-быть, немногіе знаютъ его“. И въ этомъ смыслѣ авторитетъ Достоевскаго поддерживаетъ своимъ признаніемъ Л. Н. Толстой, писавшій Страхову послѣ смерти Достоевскаго: „Я не знаю лучшей книги изъ всей новой литературы... Не тонъ, а точка зрѣнія удивительная — искренняя, естественная и христіанская“.

Если міросозерцаніе Толстого цѣликомъ можно вывести изъ Герцена, то повторить то же самое о Достоевскомъ приходится съ большой оговоркой. Этотъ типичный разночинецъ, никогда не скрывавшій своего недовѣрія и даже враждебности къ барству, относился и къ Герцену съ отрицаніемъ. Въ одномъ изъ своихъ „Дневниковъ“ онъ рѣзко ополчился противъ него, какъ противъ „барича“, который, по самой природѣ своей, не можетъ не

ИЛЛЮСТРАЦІЯ КЪ НАРОДНОЙ ПѢСНИ.

Дозволено цензурою Москва,
7 Января 188[illegible] г. Ц. цензора
В. Назаревскій

презирать народъ, воображая въ то же время, что любитъ его и желаетъ ему всего лучшаго. Въ глазахъ Достоевскаго, Герценъ это — „попросту продуктъ прежняго крѣпостничества, которое ненавидѣлъ и изъ котораго произошелъ не по отцу только, а именно черезъ разрывъ съ родной землей и ея идеалами“. Достоевскому была совершенно чужда упрощенная психологія стараго барства, которой непосредственно за развалинами отживающей помѣщичьей культуры мерещилось новое мужицкое царство, построенное на твердомъ основаніи ветхозавѣтныхъ преданій. Современность, всѣ сложные вопросы и отношенія которой такъ просто разрѣшаются у Толстого, стояла передъ Достоевскимъ въ видѣ страшно запутаннаго клубка, разбираться въ которомъ было мучительно и больно. Для него это былъ „дьяволовъ водевиль“, спастись отъ котораго можно было только любовнымъ и смиреннымъ возвращеніемъ къ народу, т.-е.,—что для Достоевскаго равнозначуще,—къ Богу, потому что истинная любовь къ народу должна удовлетворять народному требованію: „не люби ты меня, а полюби ты мое“. А „мое“—народа—это его вѣра въ Бога и глубокое смиреніе передъ Его велѣніями.

„Мертвый домъ“, гдѣ Достоевскій впервые сошелся съ народомъ, нивелировалъ соціальное различіе между вступавшими въ него людьми и устранялъ даже самый вопросъ о соціальномъ неравенствѣ. Здѣсь съ человѣка сняли заботу о хлѣбѣ насущномъ и предоставили ему полную возможность для утвержденія евангельской истины, что „не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ“. И вопросы морали настолько заслонили для Достоевскаго вопросы соціальнаго порядка, что и впослѣдствіи, по выходѣ изъ мертваго дома, онъ обличалъ прогрессивную литературу за то, что она будто бы въ своихъ заботахъ о народѣ не позволяла ему ощущать ничего другого, кромѣ голода и нищеты. Здѣсь же, въ стѣнахъ „мертваго дома“, онъ пришелъ къ мысли, что „насъ осудилъ бы народъ“ за идеалы, въ которые вѣрили петрашевцы; что благо народа не въ матеріальномъ его развитіи, а въ его душѣ, которая даже на каторгѣ способна проявлять богатство чувства и яркое пониманіе какъ собственнаго, такъ и чужого страданія. Отсюда выводъ, что народу, а не интеллигенціи предстоитъ сказать „новое слово“, которое должно потрясти не только Россію, но и Европу. Интеллигенціи же, если она не можетъ слиться съ народомъ, лучше постоять пока что въ сторонѣ и поучиться у народа. Общее у Достоевскаго съ Толстымъ было идеализированіе народа, но самъ объектъ идеализаціи представлялся имъ въ существенно различныхъ видахъ. У Толстого народъ — это круглый, незлобивый, жизнерадостный Каратаевъ. У Достоевскаго — это тѣ униженные и оскорбленные, о которыхъ Дмитрій Карамазовъ спрашиваетъ, проѣзжая мимо погорѣлой деревни: „Почему бѣдны люди? Почему голая степь? Почему они не поютъ пѣсенъ радостныхъ? Почему почернѣли такъ отъ черной бѣды?“

IV.

Какъ я уже сказалъ, ни Толстой, ни Достоевскій не пользовались въ 60-хъ гг. сколько-нибудь значительнымъ идейнымъ вліяніемъ. Ихъ читали, ихъ цѣнили, какъ первоклассныхъ художниковъ, но то злободневное, такъ сказать, содержаніе, которое они вкладывали въ свое творчество, какъ будто не встрѣчало сочувствія въ читателѣ. А между тѣмъ дѣло, начатое Герценомъ и продолженное Толстымъ, этими первыми представителями кающагося дворянства, не заглохло. И Достоевскаго именно можно назвать первымъ разночинцемъ, котораго сближаетъ съ названными писателями идеализація народа. Вскорѣ въ союзъ съ ними, хотя и на другихъ нѣсколько началахъ, вступаетъ и вся наша разночинная интеллигенція.

Ломка, вызванная крестьянской реформой, значительно, до небывалыхъ размѣровъ, расширила ряды русской интеллигенціи. Къ началу 70-хъ гг. она составляетъ уже сравнительно огромную по количеству и разношерстную по составу массу, съ многочисленными кадрами безработныхъ, которымъ, въ медленномъ процессѣ нашего хозяйственнаго развитія, не находилось приложенія. Соотвѣтственно этому измѣнилась и идеологія интеллигенціи.

Разночинцы 60-хъ гг., вступившіе въ жизнь съ глубокой вѣрой въ свою просвѣтительную миссію и въ самихъ себя, какъ „средній классъ", самой исторіей призванный къ этой просвѣтительной работѣ, должны были, подъ давленіемъ извнѣ, приступить къ коренному пересмотру своей программы. Прежде всего пришлось отказаться отъ собственнаго самоопредѣленія и отыскать себѣ мѣсто внѣ классовыхъ группировокъ. Ибо случилось, что „средній классъ", къ которому приписалъ Писаревъ русскую интеллигенцію, на самомъ дѣлѣ, въ эту мрачную эпоху первоначальнаго накопленія, оказался сплошь переполненнымъ самыми беззастѣнчивыми и наглыми рыцарями наживы.

Какъ несытые волки, сбѣгались они на добычу въ ничѣмъ не защищенную русскую деревню и, жестокіе, безжалостные, творили свое грязное историческое дѣло. И если безграмотные Разуваевы довольствовались въ своемъ обиходѣ соотвѣтствующими пословицами, то для облачившихся во фраки Деруновыхъ европейская наука припасла къ этому времени болѣе солидную идеологію, многими сторонами совпадавшую съ философскимъ матеріализмомъ нашихъ шестидесятниковъ. Преемникамъ этихъ послѣднихъ приходилось, такимъ образомъ, сдать и эту свою позицію и отъ философскаго матеріализма отступить назадъ къ позитивизму и критицизму. Отъ прошлаго осталась только просвѣтительная миссія, но и она окрасилась въ характерный для 70-хъ гг. жертвенный цвѣтъ.

Отказавшись отъ какой бы то ни было общности съ среднимъ классомъ, отрицаніе котораго составляло характерную черту кающагося дворянства, разночинная интеллигенція тѣмъ самымъ разрывала отдѣлявшую ее отъ этого послѣдняго демаркаціонную линію. И дѣйствительно, интеллигенція 70-хъ гг., ассимилировавъ въ своей массѣ и разночинца и кающагося дворянина, основательно стерла различавшіе ихъ въ 60-хъ гг. групповые признаки.

Долгъ дворянства передъ народомъ превращается теперь въ долгъ интеллигенціи. Прежнее противопоставленіе: дворянство и крестьянство уступаетъ мѣсто новому: городъ и деревня. И въ этомъ новомъ конфликтѣ

Большая дорога (Поплавскаго).

интеллигенція — это порожденіе города — всецѣло становится на сторону деревни, принося ей въ жертву свои прежніе политическіе идеалы, уже, впрочемъ, къ концу 60-хъ гг. разбитые окрѣпнувшей реакціей.

Идеализація крестьянства, на которое, разочарованная въ собственныхъ силахъ, интеллигенція возлагаетъ теперь всѣ свои упованія, принимаетъ форму научно обоснованной доктрины. Теоретики народничества усматриваютъ въ крестьянствѣ задатки „высокаго типа развитія", который надо поднять на высокую степень развитія. Вслѣдъ за Толстымъ они цѣнятъ въ крестьянствѣ цѣлостную личность, „незапятнанную грѣхомъ десяти незабитыхъ работой поколѣній совѣсть и способность не имѣть слугъ и не быть ничьимъ слугою" (Михайловскій, т. III, стр. 549). Вслѣдъ за Герце-

номъ они горячо идеализируютъ общину и, усматривая въ ней единственный оплотъ противъ надвигающихся на крестьянство силъ, требуютъ ея законодательнаго закрѣпленія.

Самымъ виднымъ теоретикомъ народничества были П. Л. Лавровъ и Н. К. Михайловскій. И если въ началѣ десятилѣтія ихъ вліяніе очень мало коснулось молодежи, которая нашла себѣ, въ лицѣ Бакунина, учителя, болѣе отвѣчавшаго ея революціонному настроенію, то беллетристика 70-хъ гг. все время шла подъ развернутымъ ими флагомъ.

Несмотря на предвзятость, съ которой семидесятники подходили къ народу, беллетристика этого десятилѣтія, слѣдуя традиціямъ своихъ предшественниковъ, на первый планъ все-таки выдвигала задачу объективнаго изученія крестьянства. И надобно отдать имъ справедливость, что въ этомъ смыслѣ произведенная ими работа оказалась неизмѣримо богаче и продуктивнѣе работы шестидесятниковъ. Эти послѣдніе имѣли дѣло съ примитивнымъ натуральнымъ хозяйствомъ, еще совершенно не тронутымъ враждебными ему силами. Въ своей обособленной замкнутости деревня, въ первые годы послѣ реформы, поражала изслѣдователя своей ужасающей духовной и матеріальной нищетой, своей безпомощностью, но не проявляла никакихъ признаковъ какой-нибудь своеобразной жизни, которая отличала бы ее отъ города.

Была община, но и этотъ своеобразный институтъ, оставшійся пореформеной деревнѣ въ наслѣдство отъ далекаго прошлаго, ничѣмъ въ эти первые годы не проявилъ себя. Лишь нѣсколько позже, встревоженная энергичнымъ натискомъ постороннихъ и своихъ хищниковъ, безоружная деревня стала укрѣплять общину, противопоставивъ ея коллективную силу надвигающемуся массовому разоренію. Въ этомъ положеніи завязавшейся борьбы застали деревню беллетристы-семидесятники, и это одно уже дало имъ возможность наполнить свои произведенія богатымъ содержаніемъ, которое увлекало и захватывало современнаго имъ читателя. При этомъ, конечно, они не могли оставаться простыми зрителями этой борьбы. Они сами сдѣлались участниками спора, и оттого даже наиболѣе выдающіеся художественныя произведенія того времени представляютъ картину удивительно пестрой смѣси художества и публицистики. Страницы иногда огромной художественной цѣнности сливаются здѣсь съ отвлеченными теоретическими разсужденіями; непосредственно за страницей высокаго лирическаго подъема слѣдуютъ вдругъ сухія статистическія выкладки и т. п. Впрочемъ, эта эпоха умѣла иногда даже нѣмыя цифры облекать живою плотью вдохновеннаго искусства. Вспомните, напримѣръ, „Четверть лошади“ или „Ноль цѣлыхъ“ Гл. Успенскаго.

Самымъ цѣльнымъ, убѣжденнымъ и пламеннымъ выразителемъ настроеній того времени,—настроеній, съ трудомъ поддававшихся червоточинѣ тре-

Кулачный бой въ Торопцѣ (1845 г.).

Изъ коллекцій П. И. Щукина.

вожныхъ сомнѣній, былъ Н. Н. Златовратскій. Онъ видѣлъ народъ именно такимъ, какимъ хотѣла видѣть его интеллигенція, — мудраго въ библейской красотѣ его „мірского разума“ и сильнаго въ „вѣковыхъ устояхъ“, созданнаго имъ „любовнаго и сердечнаго общежитія“. Въ изображеніи Златовратскаго деревня въ своихъ вѣковыхъ „устояхъ“ осуществляла на практикѣ всѣ тѣ упованія и идеалы, которые растили и лелѣяли интеллигенты 70-хъ гг. И въ то же время сама интеллигенція рисовалась Златовратскимъ неизбѣжно надорванной и изломанной,—Адамомъ, тоскующимъ о потерянномъ раѣ. Въ этомъ противопоставленіи, требовавшемъ рѣзкихъ контрастовъ и сгущенныхъ красокъ, Златовратскій выступаетъ передъ нами такимъ же романтикомъ народничества, какимъ рисуетъ онъ въ „Устояхъ“ интеллигента Пугачева съ его мистическимъ преклоненіемъ передъ народомъ. „Мы, ученые, образованные, богатые, сильные, мы,— поучалъ онъ крестьянскаго юношу, пришедшаго въ городъ за „умственностью“,— проклинаемъ свою жизнь, мы мученики нашего ума, мы несчастные страдальцы, бѣжимъ изъ городовъ къ вамъ, туда, къ твоимъ терпѣливымъ, смиреннымъ и сильнымъ отцамъ и дѣтямъ. Да, вотъ гдѣ мы хотимъ найти нравственное успокоеніе для себя, миръ для своей души, любовь для сердца и истинныхъ воспитателей нашихъ дѣтей“.

Крестьянская дѣвушка (Малявина).

Но, конечно, „бѣжать“ изъ города въ деревню—это еще не значитъ найти успокоеніе для своей мятущейся души. Для того, чтобы разрушить „стѣну недовѣрія“, которой окружилъ себя народъ, для того, чтобы причаститься живому источнику народной правды и мудрости, интеллигенція, училъ Златовратскій, совпадая здѣсь съ проповѣдью Достоевскаго, должна прежде всего „отрѣшиться“ отъ самой себя; ей надо пробудить въ себѣ ту вѣру, которой „еще нѣтъ названія“ и которую Златовратскій все-таки называетъ „вѣрой сердца“, ей надобно, наконецъ, стать „несчастной“.

Противопоставляя интеллигентскому индивидуализму альтруистическую природу „мірского разума“, Златовратскій, однако, не закрываетъ глаза на развивающіеся внутри самой общины индивидуалистическіе процессы. Онъ нимало не скрываетъ ни отъ себя, ни отъ читателя, что на деревню на-

двигается нѣчто „новое“, „чужое“, что на почвѣ вѣкового „равненія“ то и дѣло появляются личности, которыя не только не считаются съ „мірскимъ разумомъ“, но даже открыто возстаютъ противъ послѣдняго. Онъ не разъ отмѣчаетъ появленіе кулачества и съ интересомъ, иногда даже не скрывая своихъ симпатій, останавливается на новыхъ людяхъ деревни, интеллектуальная или волевая энергія которыхъ выражается болѣе или менѣе бурнымъ протестомъ противъ всѣхъ деревенскихъ традицій и „устоевъ“. Таковъ, например, въ „Устояхъ“ Златовратскаго Сысой Строгій, человѣкъ съ непреодолимой склонностью къ самостоятельному мышленію и рѣзко бунтующій противъ деревенской стадности. Таковъ Борисъ, сынъ Пимана, удалая, непосѣдливая натура, съ неизбывными запасами силъ, которыя онъ расточаетъ безъ цѣли, безъ смысла, кидаясь отъ одного предпріятія къ другому, было бы гдѣ размахнуться. Таковъ Петръ Вонифатьевичъ Волкъ, умный и развитой мужикъ, прикоснувшійся къ городской культурѣ и возвратившійся въ деревню съ острымъ сознаніемъ личнаго достоинства. „Пора бросить смиренство-то да приниженіе... Тоже и мы люди. Чѣмъ мы другихъ хуже! Нужно тоже и свою гордость имѣть“...

И, однако, деревня въ произведеніяхъ Златовратскаго успѣшно борется со всѣми этими чуждыми и враждебными ей элементами и, въ концѣ-концовъ, преодолѣваетъ ихъ.

Кулачество, по теоріи старика Мина, раздѣлявшейся, повидимому, и авторомъ, просто не имѣетъ подъ собой твердой моральной основы и поэтому обречено на гибель. „Такъ вотъ, говорю вамъ, кулакамъ и міроѣдамъ не жить... А не жить имъ потому, что у нихъ сытости нѣтъ... Коли сытости нѣтъ —шабашъ, пропало... А у нихъ, милые, даже ничуточки ея нѣтъ. У барина хоть малость да было, а у кулака нѣтъ, у него одна злоба, жадность, гладъ душевный и тѣлесный. Чѣмъ больше жретъ, тѣмъ больше утроба проситъ... А отчего эта алчба? Отъ неправоты. Правоты въ своемъ положеніи не видитъ... Коли кто правоту чувствуетъ свою, онъ всегда и сытость чувствуетъ,—и у него есть предѣлъ, у него довольство въ себѣ есть. Вотъ, милые, гдѣ ихъ гибель ожидаетъ“.

Точно такъ же въ пользу деревенскаго міра разрѣшается авторомъ и вопросъ о другихъ враждебныхъ деревнѣ индивидуалистическихъ теченіяхъ. Сысою Строгому, враждебно сторонившемуся отъ міра,—сначала отъ его традицій и вѣрованій, затѣмъ даже и отъ мірскихъ дѣлъ,—деревенскій міръ сталъ насильно навязывать различныя общественныя должности, такъ что Сысой долженъ былъ, наконецъ, совершенно порвать съ деревней. Онъ ушелъ въ городъ, гдѣ и приписался къ мѣщанамъ. Борисъ, о предпріимчивости и временныхъ богатствахъ котораго слагались въ деревнѣ цѣлыя легенды, кончилъ тѣмъ, что опустился на самое дно деревенской голытьбы. Послѣ долгой и упорной борьбы отступилъ передъ деревней и самъ побѣдоносный

Петръ Вонифатьевичъ. Пославши на прощанье деревенскому міру „дурака", онъ бросилъ всѣ свои дѣла и самовольно уѣхалъ въ Москву.

Это не значитъ, однако, что всякое проявленіе личной самодѣятельности въ деревнѣ обречено на гибель. Нѣтъ, Златовратскій вѣритъ, что широкогуманный въ своей основѣ „мірской разумъ" въ достаточной степени обезпечиваетъ свободу личности. Въ его изображеніи община является даже покровительницей нравственной индивидуальной свободы, если только послѣдняя не выпираетъ изъ опредѣленныхъ рамокъ, если есть предѣлы ея „сытости".

Если бы Сысой Строгій, Борисъ и Петръ Вонифатьевичъ способны были поступиться той логической послѣдовательностью, съ какою они ставили и осуществляли свои индивидуалистическія задачи, община отнеслась бы къ нимъ съ полной благосклонностью и нашла бы имъ мѣсто, не менѣе приличное и почетное, чѣмъ то, какое занималъ въ ней Пиманъ. Этотъ хозяйственный мужикъ, въ которомъ нѣсколько позже другіе наблюдатели крестьянской жизни не преминули бы отмѣтить черту кулацкаго типа, въ общинѣ Златовратскаго только подчеркиваетъ красоту „любовнаго и сердечнаго общежитія", гдѣ такъ гармонически примиряются индивидуальные и общественные идеалы. Ибо „мужичокъ,—по словамъ романтика Мина,—миръ любитъ, спокой, чтобы кругомъ его все свѣтилось, улыбалось да радовалось: и солнышко чтобы свѣтило и грѣло, и земля была теплая да мягкая, и людъ чтобъ былъ веселый, бравый, пѣсенный, и скотина чтобы бодрѣе бѣгала— вотъ то и спорость будетъ мужицкому счастью... Ему (мужику) мало, что на огородѣ у него тихо, ему чтобы все кругомъ было свѣтло и радостно. Потому уже, ежели у сосѣда плохо, и у тебя хорошему не быть: жди бѣды"...

Отъ художниковъ, интересующихся сюжетами изъ крестьянской жизни, Златовратскій требовалъ (въ „Деревенскихъ будняхъ"), чтобы они были внимательными и вдумчивыми изслѣдователями деревни и приступали къ этой работѣ лишь послѣ солидной предварительной подготовки, „какую имѣетъ солидный этнографъ и историкъ народной жизни". Однако въ его собственныхъ произведеніяхъ романтикъ подавляетъ изслѣдователя. Онъ подошелъ къ народу съ идеалами, выработанными интеллигенціей, и цѣликомъ приписалъ ихъ общинѣ. „Мірской разумъ" удивительно совпалъ здѣсь съ разумомъ интеллигенціи и пріобрѣлъ силу, которая сознательно творила формы общиннаго быта, сознательно видоизмѣняла ихъ, приспособляя отживающія формы къ требованіямъ „новой правды". Такое отношеніе къ деревнѣ, находившееся въ полномъ соотвѣтствіи съ настроеніемъ интеллигенціи 70-хъ гг., сдѣлало Златовратскаго едва ли не самымъ популярнымъ и вліятельнымъ писателемъ этого десятилѣтія. Онъ убѣждалъ читателя не фактами и не анализомъ фактовъ, а лирической настроенностью души, паѳосомъ своего одушевленія, которымъ и характеризуется стиль этого писателя.

Гл. Ив. Успенскій (1840—1902 г.) одушевленъ былъ тѣми же идеалами, когда покинувъ разочаровавшій его городъ, въ которомъ онъ началъ свою литературную дѣятельность, отправился въ деревню. Въ своихъ теоретическихъ построеніяхъ онъ былъ ученикомъ и послѣдователемъ Михайловскаго и въ деревнѣ мечталъ обрѣсти тотъ „высшій типъ“ мужика, „который все самъ, на всѣ руки, ни въ комъ не нуждается и, сосредоточивая въ одномъ себѣ возможность всестороннѣйшаго развитія врожденныхъ въ немъ физическихъ и нравственныхъ силъ, представляетъ типъ „полнаго человѣка“.

Но Успенскій не творилъ деревню по образу и подобію своего идеала. Онъ умѣлъ видѣть и наблюдать жизнь и, оставаясь до конца своихъ свѣтлыхъ дней убѣжденнымъ народникомъ въ теоріи или, вѣрнѣе, въ мечтѣ, онъ, какъ художникъ, глубоко подкопался подъ самыя основы народнической идеализаціи крестьянства.

Первая же попытка Успенскаго подойти къ „подлинной правдѣ жизни“, которая, по народнической теоріи, сохранилась только въ деревнѣ, кончилась для него глубокимъ разочарованіемъ въ самомъ „источникѣ“ этой правды,—въ мужикѣ. Огорченный и даже огорошенный своими наблюденіями, Успенскій успокоивалъ себя тѣмъ соображеніемъ, что „источникъ“ на этотъ разъ попался ему не настоящій. „По несчастью,—разсказываетъ самъ онъ,—я попалъ въ такія мѣста, гдѣ источника видно не было... Деньга привалила въ эти мѣста, и я видѣлъ только, до чего можетъ дойти бездушный мужикъ при деньгахъ. Тогда меня ругали за то, что я не люблю народъ. Я писалъ о томъ, какая онъ свинья, потому что онъ дѣйствительно творилъ преподлѣйшія вещи“.

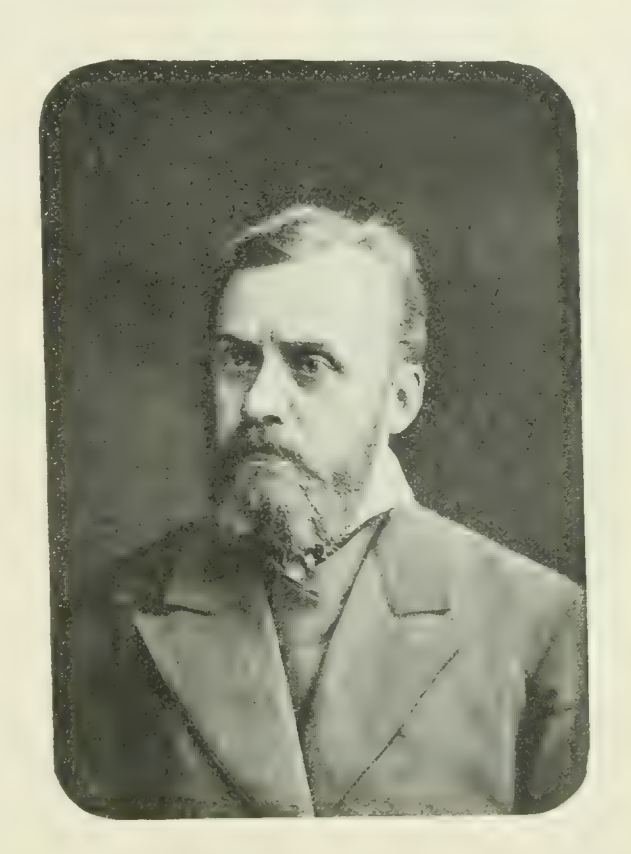
Въ „адскомъ душевномъ состояніи“, испытывая почти „физическую боль“, бѣжитъ онъ изъ этой деньгами зараженной деревни, чтобы гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ прикоснуться къ чистому, незамутненному источнику „подлинной правды“.

И съ этого времени жизнь у него превращается въ какое-то мученическое скитальчество, въ „Агасѳерово житіе“, ядомъ наполнившее его больное сердце. Но этой дорогою цѣною мы пріобрѣли въ произведеніяхъ Успенскаго такое познаніе деревни, котораго не могутъ дать десятки томовъ самыхъ добросовѣстныхъ статистическихъ изслѣдованій.

Въ неутомимыхъ поискахъ подлинной крестьянской правды Успенскій неизмѣнно вездѣ и всюду наталкивается на подлинное крестьянское разореніе, глашатаемъ котораго онъ и сдѣлался вопреки одухотворявшей его мечтѣ. Вмѣсто Венеры Милосской, олицетворявшей для него искомый типъ „огромной красоты человѣческаго существа“, вмѣсто божественно-спокойной богини, давшей ему ощущеніе „счастья быть человѣкомъ“, русская дѣйствительность подсовывала ему совершенно искалѣченную деревенскую „таблицу

умноженія", по которой „по сту разъ въ день" получается, что дважды два— „то стеариновая свѣча, то свиная морда,—словомъ, нѣчто неожиданное и невозможное".

Правда, подобно Златовратскому, и Успенскій отмѣчалъ появленіе въ деревнѣ людей, съ высоко развитымъ въ нихъ чувствомъ общественности; людей, способныхъ на жертвы, во имя осознанной ими общечеловѣческой правды. Таковы, напримѣръ, Иванычъ (въ „Наблюденіяхъ одного лѣнтяя"), Ѳедоръ („Голодная смерть"), Василій Хомяковъ („Хорошая встрѣча") и др. Но въ то время какъ Златовратскій приписывалъ людямъ этого душевнаго склада руководящую роль въ общинѣ, Успенскій видѣлъ, что жизнь деревни идетъ мимо нихъ. Верховодятъ въ деревнѣ, задаютъ тонъ въ ней люди „живорѣзнаго направленія", кулаки, интеллектуальное превосходство которыхъ надъ массою деревенскаго населенія Успенскій не скрывалъ отъ себя. „Кулацкая мораль" этихъ людей, не зная пощады, разслаивала деревню и кореннымъ образомъ перестраивала ея „мірской разумъ". Даже люди, разоряемые кулаками, невольно воспринимали эту мораль, и тамъ, гдѣ началось разслоеніе деревни, будущее не могло сулить ничего утѣшительнаго въ народническомъ смыслѣ. Деревенскій неудачникъ Гаврила Волковъ твердо усвоилъ себѣ, что не въ крестьянствѣ, а въ деньгахъ сила. Неудачи только ожесточали его и, послѣ цѣлаго ряда аварій въ области наживы, онъ рѣшилъ про себя, что „грабить надо, больше ничего". Успенскаго Гаврила прямо пугаетъ. „Не дай Богъ, — пишетъ онъ, — дожить до того времени, когда этотъ Гаврила дастъ волю той скрытой покуда въ душѣ его злости и недовольству, которыя теперь выражаются только въ сухомъ, постоянно жестокомъ выраженіи глазъ и губъ и въ тонѣ его голоса. Дай онъ волю тому, что у него скрыто въ глубинѣ души, —и это скрытое немедленно олицетворится въ видѣ могучаго, ожесточеннаго и безпощаднаго верзилы съ огромной дубиной, поднятой надъ всѣмъ свѣтомъ безъ разбора".

Гл. И. Успенскій.

На фонѣ этого всеобщаго деревенскаго разоренія жалкое, безнадежное впечатлѣніе производятъ и тѣ немногіе одиночки, въ которыхъ Успенскій могъ обрѣсти и отмѣтить признаки разносторонняго „высшаго типа“ крестьянства. Таковы, напримѣръ, Михайла (въ „Избушкѣ на курьихъ ножкахъ“).

Иванъ—надо Аѳанасьевичъ („Изъ деревенскаго дневника“).

Таковъ, наконецъ, и самъ Иванъ Ермолаевичъ („Крестьянинъ и крестьянскій трудъ“), этотъ типичный „хозяйственный мужичокъ“, рожденный крестьянской средой и отъ нея безъ борьбы, безъ усилій получившій по наслѣдству вмѣстѣ съ готовыми орудіями труда и готовое законченное міропониманіе. Въ семьѣ — большакъ, на землѣ—царь, въ преисподней—„нечистый“, а на небѣ—Богъ, Которому онъ молится: „Вѣрую во единаго Бога Отца и въ небо и землю. Видимо невидимо, слышимо неслышимо. Приопостился еси, распилатился еси“... Ограниченный, скованный по рукамъ и ногамъ традиціями своего маленькаго мірка, онъ совершенно не способенъ къ какой бы то ни было творческой работѣ. Но зато въ предѣлахъ своего мужицкаго дѣла, заложеннаго и ведущагося по указаніямъ вѣкового коллективнаго опыта, Иванъ Ермолаевичъ—образцовый хозяинъ, котораго уважаетъ и цѣнитъ деревня. Здѣсь, гдѣ всецѣло царитъ рутина, оставляя для индивидуальнаго творчества только незначительныя мелочи хозяйственнаго обихода, Иванъ Ермолаевичъ до тонкости знаетъ каждый гвоздь, каждую тряпку; онъ остроумно разоблачаетъ „уткины секреты“, внимательно слѣдитъ за всѣми „происшествіями“ въ своей телячьей семьѣ и т. д. Весь огромный міръ, расположенный за предѣлами хозяйства Ивана Ермолаевича, чуждъ и непонятенъ ему, и все новое, что идетъ оттуда въ деревню, онъ встрѣчаетъ или съ тупымъ равнодушіемъ или съ боязливой враждою. Такъ онъ относится къ земству, къ попыткамъ общественной обработки земли, къ ссудосберегательной кассѣ. Къ бумагѣ онъ питаетъ какой то почти мистическій страхъ. Такъ же относится онъ и къ деньгамъ, — онъ ихъ боится и презираетъ. Но въ то же время неумолимая логика вещей безсознательно толкаетъ его на нехитрые, впрочемъ, способы ихъ пріобрѣтенія. Онъ скупаетъ „за дешево“ телятъ и, выпоивъ, перепродаетъ ихъ за „настоящую“ цѣну телятникамъ. Не мало и другихъ уступокъ приходится дѣлать этому образцовому землеробу требованіямъ времени, которыя тревожатъ, пугаютъ его робкую мысль, но мимо которыхъ онъ уже не можетъ пройти, не разрушая въ корнѣ своего маленькаго благополучія, своей весьма проблематической „сытости“. И пока Иванъ Ермолаевичъ бьется за это благополучіе, бьется „буквально, какъ рыба объ ледъ“, возлѣ него и при его несомнѣнномъ попустительствѣ выростаютъ въ общинѣ два новыхъ соціальныхъ класса, которые съ противоположныхъ концовъ „напираютъ“ на хрупкое зданіе его примитивнаго хозяйства. Сверху на подлинное кресть-

янство напираетъ третье сословіе, которое въ деревнѣ, въ эту эпоху первоначальнаго накопленія, держится непремѣнно „живорѣзнаго“ направленія. Снизу насѣдаетъ на него тотъ же братъ-мужикъ, но уже представитель четвертаго сословія, злой и неумолимый въ мщеніи за собственное разореніе. Покуда что Иванъ Ермолаевичъ крѣпится и удерживается внѣ этихъ новыхъ деревенскихъ классовъ. Но, какъ крестьянинъ хозяйственный и еще достаточно сильный, онъ чувствуетъ инстинктивную вражду къ безземельному и вообще слабому крестьянству. И если жизнь не втянетъ его насильно въ этотъ слой, то, конечно, спасаясь отъ разоренія, онъ охотнѣе примкнетъ къ третьему сословію.

Такимъ образомъ, хотя среди всеобщаго смятенія Успенскому и посчастливилось найти забытый райскій уголокъ, въ которомъ „такъ же почти все стройно, хорошо, удивительно, какъ все удивительно, хорошо въ природѣ“, но самъ же онъ и отмѣтилъ крайнюю неустойчивость открытаго имъ оазиса.

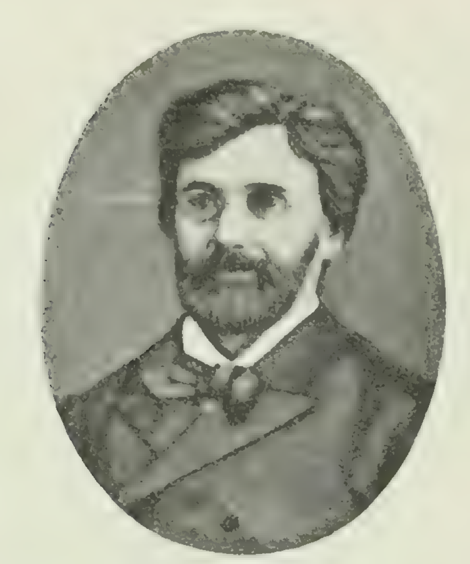

Н. И. Наумовъ.

Такъ рушились народническіе идеалы русской интеллигенціи, но и впереди жизнь не сулила ничего отраднаго, успокоивающаго. „Произойдетъ опустошеніе во всѣхъ сферахъ сельско-хозяйственныхъ порядковъ и идеаловъ,—говоритъ по этому поводу Успенскій,—а на мѣстѣ разрушеннаго ничего не поставится новаго и созидающаго“. Эмансипированное крестьянской реформой хищничество завладѣло русской жизнью и наполнило ее густымъ и смраднымъ чадомъ, сквозь который трудно становилось разглядѣть какой-нибудь просвѣтъ въ будущее.

Рядомъ съ Успенскимъ можно поставить А. Н. Энгельгардта, автора извѣстныхъ „Писемъ изъ деревни“, въ которыхъ публицистика чередуется съ яркими художественными картинами деревенской жизни. Подобно Успенскому, и Энгельгардтъ, въ названномъ своемъ произведеніи, раздвоется въ своемъ отношеніи къ деревнѣ. Какъ публицистъ, увлекающійся народническими идеалами, онъ обращается ко всѣмъ, „имѣющимъ уши, чтобы слышать, и глаза, чтобы видѣть“, и зоветъ ихъ въ деревню къ землѣ, въ которой одной скрыта правда жизни. „Тѣ интеллигенты, которые пойдутъ на землю, найдутъ въ ней себѣ счастье, спокойствіе“, пишетъ Энгельгардтъ-публицистъ. И тутъ же рядомъ Энгельгардтъ-художникъ безжалостно разо-

омрачаетъ эту деревенскую идиллію, показывая, какъ разрушается дешевое благоденствіе мужика все тою же силою машины и рубля, которая разсыпаетъ прахомъ и „образчикъ будущаго“ Гл. Успенскаго.

О Н. И. Наумовѣ, Ө. Д. Нефедовѣ и П. В. Засодимскомъ (Вологдинѣ) здѣсь можно только упомянуть, не останавливаясь на каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности. Всѣ они были достаточно популярны въ 70-е годы, нѣкоторыми ихъ произведеніями даже зачитывались, какъ, напримѣръ, „Хроникой села Смурина“, написанной Засодимскимъ подъ сильнымъ вліяні-

Ө. Д. Нефедовъ.

П. В. Засодимскій.

емъ романа Шпильгагена „Одинъ въ полѣ не воинъ“. Но ни одинъ изъ нихъ не внесъ въ пониманіе и изученіе народной жизни того времени какихъ-либо новыхъ чертъ, которыхъ мы не нашли бы у Златовратскаго и Успенскаго.

V.

Въ дѣлѣ выясненія истинной природы хищничества и роли этого послѣдняго въ разслоеніи и разложеніи деревни неоцѣнимую услугу оказалъ русскому обществу и русской литературѣ М. Е. Салтыковъ-Щедринъ.

Если не считаться съ кратковременнымъ, въ періодъ „Губернскихъ очерковъ“, увлеченіемъ Щедрина славянофильской идеологіей, то ни раньше, ни позднѣе онъ вовсе не склоненъ былъ идеализировать крестьянскую жизнь ни въ „степени“, ни въ „типѣ“ ея развитія. Вплотную примкнувъ въ 1868 г.

Въ деревнѣ на отдыхѣ при возвращеніи изъ похода. (Лубочная картина 1878 г.).

къ „Отеч. Запискамъ“, онъ очень сдержанно относился къ народнической идеологіи, и первый, вопреки установившемуся шаблону, указалъ, что русская крестьянская община ни въ малой степени не напоминаетъ тотъ идеалъ, который ей искусственно навязываютъ. „Есть община и община“,—пишетъ онъ въ „Пестрыхъ письмахъ“,—и община, на которой славянофилы, а за ними и народники создали благополучіе Россіи, „не обезпечиваетъ ни отъ пролетаріата, ни отъ обидъ, приходящихъ извнѣ“. Позже, въ „Мелочахъ жизни“, сатирикъ уже рѣзко обрушивается на общину за то, что она „не только не защищаетъ деревенскаго мужика отъ внѣшнихъ и внутреннихъ неурядицъ, но сковываетъ его по рукамъ и ногамъ. Она не даетъ простора ни личному труду, ни личной инициативѣ, губитъ въ самомъ зародышѣ всякое проявленіе самостоятельности и въ заключеніе отдаетъ въ кабалу или выгоняетъ на улицу слабыхъ, не успѣвшихъ заручиться благорасположеніемъ міроѣда“.

Жизнь „хозяйственнаго мужичка“, на котораго возлагали надежды и Златовратскій и Успенскій, точно такъ же не подкупаетъ сатирика. Посвященная культу сытости,—„полной чаши“,—она не оставляетъ ему ни минуты досуга для какихъ-нибудь иныхъ думъ, кромѣ думы о домостроительствѣ. Прослѣдивъ всю жизнь этого столпа народнической идеологіи,—жизнь, до краевъ перегруженную мелочными хозяйственными заботами,—сатирикъ приходитъ къ заключенію, что въ такомъ положеніи до міроѣдства—„одинъ только шагъ“.

Сатиры Щедрина не только рисуютъ яркую, художественно законченную картину русскаго хищничества, но и даютъ его полную исторію, начиная съ момента его зарожденія.

Въ совершенномъ соотвѣтствіи съ дѣйствительностью, сатирикъ начинаетъ эту исторію съ „засилья“, взятаго въ русской деревнѣ иноплеменными хищниками. Но вскорѣ выяснилось, что многочисленные Адамъ Адамычи и Крестьянъ Иванычи, Богъ вѣсть откуда налетѣвшіе на деревню, чтобы при помощи собственныхъ пятиалтынныхъ выуживать изъ чужихъ кармановъ рубли, были только піонерами. Запахъ рубля оказался слишкомъ острымъ, слишкомъ всепроникающимъ, чтобы чистокровный русскій мужикъ, не лишенный природной смекалки, могъ сохранить свою прежнюю душевную невинность. И вотъ, присмотрѣвшись къ пришельцамъ, стали приходить въ совершенный разумъ и доморощенные выводки истинно-русскаго хищничества. Хищники, выплывающіе изъ самыхъ нѣдръ крестьянской среды и быстро дѣлающіеся господами положенія, поражаютъ сатирика новизною своихъ пріемовъ. Они такъ не разборчивы въ своихъ средствахъ, такъ жестоки въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ, что вся ихъ дѣятельность представляется сатирику отрицательной даже съ точки зрѣнія ея внутренней цѣлесообразности. Вѣдь тамъ, гдѣ прошлись эти хищники, окрестность уже

имѣетъ обнаженный, почти безнадежный видъ,—такъ не подрубаютъ ли сами они тотъ сучокъ, на которомъ только что усѣлись? Но такого рода соображенія чужды хищникамъ. Ихъ выручаетъ тотъ безсознательный оптимизмъ, который вообще присущъ любимцамъ исторіи. „Нёнъ доста-а-нетъ"—далъ Разуваевъ классическій отвѣтъ на сомнѣнія въ дальнѣйшей уязвимости имъ же разореннаго мужика.

По убѣжденію Дерунова, „ежели человѣкъ бѣдный, такъ чѣмъ меньше у него, тѣмъ даже лучше". А крестьянству, разсуждаетъ онъ, такъ ужъ свыше написано, что ему „дани платить надобно, а не о пріобрѣтеніи думать"...

Щедринъ далъ выпуклыя характеристики Дерунова, Разуваева и цѣлаго ряда другихъ „чумазыхъ", избравшихъ деревню ареною для хищнической работы. Разрисованный во всей своей кулацкой красѣ, Деруновъ съ перваго же момента своего выступленія въ литературѣ (въ 1874 г.) сталъ нарицательнымъ названіемъ представляемаго имъ типа. Но какъ ни замѣчательны сами по себѣ эти фигуры „чумазыхъ", еще замѣчательнѣе обрисована сатирикомъ та соціальная и политическая обстановка, которая порождала и питала ихъ. Съ убѣдительностью, равною очевидности, сатирикъ показалъ, что кулачество ни въ какомъ случаѣ нельзя разсматривать, какъ явленіе наносное, чуждое нашему государственному организму. Напротивъ, вся наша общественность, начиная съ ея самой мелкой ячейки,—съ сельской общины,—оказалась какъ будто спеціально приспособленной для того, чтобы вступленіе „чумазаго" превратить въ сплошное тріумфальное шествіе. Административный механизмъ общины гарантировалъ „чумазому" безпрепятственное выколачиваніе цѣлковиковъ даже изъ окончательно опустошенныхъ кармановъ. Власти, состоявшія надъ общиной, должны были признать „чумазаго" столпомъ отечества и, въ свою очередь, обезпечить чрезвычайную охрану его щепетильнымъ интересамъ и щекотливой дѣятельности. Не даромъ же становой Граціановъ („Убѣжище Монрепо"), великодушно извиняя автору всѣ его либеральныя прегрѣшенія, не можетъ простить ему хулы... не противъ Духа Святаго, нѣтъ—противъ кабатчиковъ. „Не раздражайте,—говоритъ онъ,—не раздражайте гг. кабатчиковъ, ибо въ настоящее время на нихъ покоятся всѣ наши упованія".

Шагъ за шагомъ, изучая эволюцію хищничества и отражая въ своихъ сатирахъ всѣ ея этапы, Щедринъ подвелъ итоги своимъ наблюденіямъ въ „Мелочахъ жизни": „Чумазый идетъ, идетъ! — пишетъ сатирикъ: — и даже уже пришелъ. Идетъ съ фальшивой мѣрой, съ фальшивымъ аршиномъ и неутолимой алчностью... Его агенты рыщутъ по деревнямъ. Что касается до мірскихъ властей, то они безусловно отдались чумазому... Онъ доводитъ питаніе мужика до минимума и въ заключеніе взываетъ къ властямъ объ укрощеніи людей, взволнованныхъ его же неправдами". Сатирикъ думаетъ, что не за горами эпоха „чумазовскаго торжества".

Непосредственно за Щедринымъ слѣдуетъ вспомнить извѣстнаго автора „Оскудѣнія"—С. Н. Терпигорева - Атаву (1841—95). Онъ шелъ по стопамъ Щедрина, разрабатывая тѣ же темы и даже заимствовавъ у сатирика его манеру письма. Самъ Терпигоревъ жалуется въ своихъ воспоминаніяхъ, что литературные обозрѣватели долгое время упорно утверждали, будто подъ новымъ псевдонимомъ Атавы скрывается все тотъ же Салтыковъ-Щедринъ.

Довершить начатую названными художниками картину крестьянскаго разоренія, бросить на нее послѣдніе мазки суждено было Н. Е. Петропавловскому-Каронину (1857—1892).

Изучая процессъ разложенія старой деревни,—процессъ, съ каждымъ годомъ разраставшійся и вширь и вглубь, Каронинъ нашелъ и отмѣтилъ въ немъ новыя типичныя стороны. Это было бѣгство крестьянъ изъ деревни, принимавшее часто характеръ какого - то стихійнаго движенія, съ которымъ не властны были бороться ни міръ, ни сами бѣглецы. Правда, село Парашкино, съ котораго авторъ началъ наблюдать это явленіе и которому посвятилъ цѣлую серію очерковъ, находилось въ особенно тяжелыхъ условіяхъ: „болотца", которыми владѣли мѣстные крестьяне, не окупали лежащихъ на нихъ податныхъ тягостей. Но все же, въ ряду тысячей другихъ Неѣловыхъ и Горѣловыхъ, такое положеніе Парашкина нельзя признать исключительнымъ. Къ тому же раньше сами парашкинцы отъ своихъ болотцевъ не бѣгали. „Прежде ихъ гнали съ насиженнаго мѣста, а они возвращались назадъ; ихъ столкнутъ,—говоритъ авторъ,—а глядишь,—они опять лѣзутъ въ то мѣсто, откуда ихъ вытурили. Прошло это время. Нынче парашкинецъ бѣжитъ, не думая возвратиться; онъ радъ, что выбрался по-добру, по-здорову. Онъ часто уходитъ за тѣмъ, чтобы только уйти, провалиться. Ему тошно оставаться дома, въ деревнѣ; ему нуженъ какой-нибудь выходъ, хоть въ родѣ проруби, какую дѣлаютъ зимой для ловли задыхающейся рыбы". Что же гонитъ парашкинцевъ изъ родного села?—Прежде всего, конечно, нищета, голодъ. Отощавъ въ Парашкинѣ, Дема не разъ убѣгалъ въ городъ, но затѣмъ, стосковавшись по деревнѣ, возвращался домой. Мало-по-малу онъ почувствовалъ, что деревня окончательно опостылѣла ему. Какъ ни жалки были

С. Атава (С. Н. Терпигоревъ).

условія его фабричной жизни, но, сравнивая ихъ съ тѣми, среди которыхъ онъ принужденъ былъ жить въ деревнѣ, онъ не могъ не отдать предпочтенія городу. „Въ деревни его не оскорбляли, деревня же предлагала ему рядъ унизительныхъ оскорбленій. Страдало человѣческое достоинство, проснувшееся отъ сопоставленія двухъ жизней". И Дема покинулъ деревню навсегда. „Въ немъ, — свидѣтельствуетъ авторъ, — произошло полное разрушеніе старыхъ понятій и желаній, съ которыми онъ жилъ въ деревнѣ". На мѣсто старой „зоологической" правды въ деревню проникаетъ индивидуализмъ и, распространяясь подобно инфекціи, заражаетъ крестьянъ уже независимо отъ ихъ соціальнаго положенія. Бѣдный или богатый, безземельный крестьянинъ или міроѣдъ, — всѣ одинаково отдаютъ дань этому настроенію. Въ очеркѣ „Братья" Каронинъ показываетъ, какъ постепенно „каждый сельскій житель сталъ сознавать, что онъ вѣдь человѣкъ, какъ всѣ, и созданъ для себя, и больше ни для кого, какъ именно для себя". Въ быстромъ темпѣ совершающагося въ деревнѣ разслоенія крестьянскій міръ не только выдвинулъ двѣ новыя враждебныя другъ другу группы, съ одной стороны, воинствующихъ міроѣдовъ, съ другой — озлобленныхъ пролетаріевъ. Онъ самъ распылился весь въ этомъ еще неорганизованномъ процессѣ на отдѣльныя, не связанныя другъ съ другомъ единицы. И этому хаосу во внѣ соотвѣтствуетъ хаосъ внутри, — „хаосъ въ душѣ" деревенскихъ обывателей, мятущихся въ поискахъ новой жизни и новой правды. Къ стихійной тягѣ къ городу этихъ мятущихся, къ вліянію города на деревню Каронинъ, въ отличіе отъ народниковъ, такъ сказать, „перваго призыва", относится почти дружелюбно. Вѣрнѣе, — онъ смотритъ на это столкновеніе двухъ культуръ, какъ на явленіе неизбѣжное, необходимое, но учесть всѣ вытекающія отсюда послѣдствія онъ не рѣшается.

VI.

Каронинъ былъ послѣднимъ беллетристомъ семидесятникомъ. Правда, большая часть его очерковъ хронологически относится къ восьмидесятымъ годамъ, когда заканчиваютъ свою творческую работу и его предшественники — Успенскій, Щедринъ и др. Но, разбивая жизнь на десятилѣтія, мы не имѣемъ въ виду втискивать ея содержаніе въ замкнутыя хронологическія рамки. Въ частности, характеризуя семидесятые годы, мы имѣли передъ собой опредѣленный циклъ идей, который наполнилъ собой данное десятилѣтіе и логическое развитіе и завершеніе котораго мы осязаемъ въ произведеніяхъ названныхъ писателей. Народничество, — такъ принято называть этотъ циклъ идей, — и послѣдовательныя фазы его легко прослѣдить въ беллетристикѣ. Произведенія Златовратскаго соотвѣтствуютъ той первоначальной стадіи народничества, когда культъ народа былъ только что провозглашенъ и

адептовъ его вдохновляла, еще не тронутая рефлексіей, наивная романтическая вѣра. Критическое народничество получило своего художника въ лицѣ Успенскаго. Вмѣстѣ съ Успенскимъ оно нашло въ себѣ достаточно мужества, чтобы отказаться отъ многихъ иллюзій. Третья фаза знаменуется политическимъ радикализмомъ народничества. Приближеніе этой фазы уже чувствуется въ произведеніяхъ Успенскаго, а отчасти даже Златовратскаго, констатировавшихъ отчужденность народа отъ интеллигенціи. Выводъ напрашивался самъ собой: если народъ не желаетъ итти вмѣстѣ съ интеллигенціей, ей надо итти безъ него. Но когда Михайловскій въ „Народной Волѣ" выступилъ съ категорическимъ опроверженіемъ народническаго предразсудка противъ политической свободы, то на память приходятъ сатиры Щедрина, страстно обличавшія этотъ предразсудокъ. „Вы,— писалъ Михайловскій, — боитесь конституціоннаго режима въ будущемъ, потому что онъ принесетъ съ собою ненавистное иго буржуазіи. Оглянитесь: это иго уже лежитъ надъ Россіей". Михайловскій могъ бы иллюстрировать это положеніе цѣлымъ рядомъ блестящихъ щедринскихъ сатиръ. Наконецъ четвертая фаза народничества,—это его отступленіе послѣ героическаго, но безрезультатнаго боя, даннаго русской интеллигенціей абсолютизму. Проиграна была послѣдняя ставка, и даже признанный идеологъ движенія семидесятыхъ годовъ Михайловскій обнаружилъ полную растерянность передъ наступившимъ крахомъ. „На что надѣяться? во что вѣрить? чего желать?— скорбно восклицалъ онъ: — все разбито, раздавлено". Художественнымъ выразителемъ этой послѣдней стадіи народничества былъ Каронинъ, почему я и назвалъ его послѣднимъ беллетристомъ народникомъ.

Н. Е. Петропавловскій (Каронинъ).

Кризисъ народничества обезкрылилъ поколѣніе восьмидесятыхъ годовъ. Оно обречено было на безотрадное существованіе безъ цѣли, безъ идеала, безъ руководящей идеи. Остались слова, хорошія слова о правдѣ и совѣсти, о долгѣ и жертвѣ,—освѣщавшія жизнь предшествующаго поколѣнія, но это были лишь жалкіе разрозненные осколки когда-то драгоцѣнной вазы. Однажды разбитая, она уже не могла быть возстановлена вновь. А между тѣмъ въ груди еще живутъ порывы къ подвигу, но они остываютъ, не успѣвъ

реализоваться въ дѣйствіи. Сомнѣнія убиваютъ ихъ. Глубокое разочарованіе рядомъ съ неутоленной жаждой подвига и жертвы сдѣлалось болѣзнью лучшихъ людей этого времени, которое въ литературѣ нашло себѣ выраженіе въ лицѣ Надсона, Гаршина и Новодворскаго. Впослѣдствіи годы притупили остроту этого болѣзненнаго настроенія, но характеръ его остался все тотъ же. „Похоже, что всѣ были влюблены, разлюбили и теперь ищутъ новыхъ увлеченій", характеризовалъ это время Чеховъ. Крестьянство исчезло изъ литературы. Исчезло не только какъ объектъ поклоненія и идеализаціи, но и какъ объектъ изученія. Попытался было въ началѣ десятилѣтія подойти къ деревнѣ съ новымъ масштабомъ А. И. Эртель, но его немедленно же осадили. „Г Эртель, кажется, рѣшительно никому не угодилъ", замѣтилъ Михайловскій о „Запискахъ степняка". И это была истинная правда. Эртель не могъ никому угодить, потому что онъ слишкомъ рано выступилъ съ признаніемъ культурной роли кулачества. Правда, онъ заранѣе отстранялъ отъ себя обвиненіе въ симпатіи къ деревенскимъ хищникамъ. Онъ оговорился, что полюбить кулака Мироныча не могъ, „просто инстинктивно не могъ", но онъ расписывался въ своемъ уваженіи къ Миронычу, — и этого было достаточно, чтобы „влюбленное, но разлюбившее" поколѣніе усумнилось въ достовѣрности свидѣтельства Эртеля.

А. И. Эртель.

Вмѣстѣ съ народомъ, вмѣстѣ съ картинами, рисующими крестьянское строительство и борьбу, исчезли изъ литературы и герои, тѣ сильные люди, геніи революціи и реакціи, непримиримый антагонизмъ между которыми составлялъ содержаніе жизни шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ. На смѣну героямъ пришелъ, по счастливому выраженію Щедрина, „средній человѣкъ"—„заурядный дѣятель современности, устроитель ея будничныхъ отношеній, человѣкъ относительной правды, относительнаго добра, относительнаго счастья". И этотъ „средній человѣкъ" занялъ собою все десятилѣтіе и его литературу. Онъ могъ быть человѣкомъ интеллигентнымъ или невѣжественнымъ, дворяниномъ или мужикомъ, мечтателемъ или практикомъ, но всюду онъ оставался „среднимъ", срединнымъ, и въ толпѣ такихъ же людей нельзя было различить, двигался ли онъ въ какомъ-нибудь направленіи, или безпомощно толкался на мѣстѣ. Послѣднія произведенія Щедрина, всѣ произведенія Чехова и Короленка посвящены именно этому среднему человѣку, его индивидуальнымъ переживаніямъ,

его разорваннымъ думамъ и мечтамъ. Не однажды показывали намъ эти художники средняго человѣка въ мужицкой сермягѣ, но онъ былъ такъ же замкнутъ въ самомъ себѣ, такъ же поглощенъ былъ своими личными переживаніями, какъ и всѣ другіе средніе люди восьмидесятыхъ годовъ, въ какіе бы костюмы не рядилъ ихъ художникъ.

VII.

Послѣ долгаго оцѣпенѣнія голодъ 1891—92 гг. далъ русскому обществу серьезную встряску. Истощеніе, цынга и голодный тифъ опустошили деревню, и она потребовала вниманія къ себѣ и прежде всего немедленной матеріальной помощи. Интеллигенція двинула въ деревню многочисленные отряды, снабженные деньгами, хлѣбомъ, одеждой и лѣкарствами. Молодежь захватила съ собою, кстати, и книги, не революціоннаго содержанія, нѣтъ. О повтореніи неудавшейся попытки 72—74 гг. не думалось. Явилась, однако, смутная надежда, что это новое массовое сближеніе съ народомъ обновитъ жизнь и укажетъ выходъ изъ того тупика, въ которомъ она застряла.

Деревня, которая теперь предстала взорамъ интеллигенціи, произвела на эту послѣднюю потрясающее впечатлѣніе. Въ процессѣ своего разложенія она ушла теперь дальше даже той несчастной каронинской деревни съ „кочевыми народами", наивная непосредственность которыхъ все же умѣряла иногда мятущуюся интеллигентскую душу. Въ деревнѣ голоднаго года интеллигенты увидѣли „народы", которые подвергали сомнѣнію собственное свое существованіе.

— Нѣшто мы жители, поглядите на насъ.

— Какіе мы жители, что ужъ...

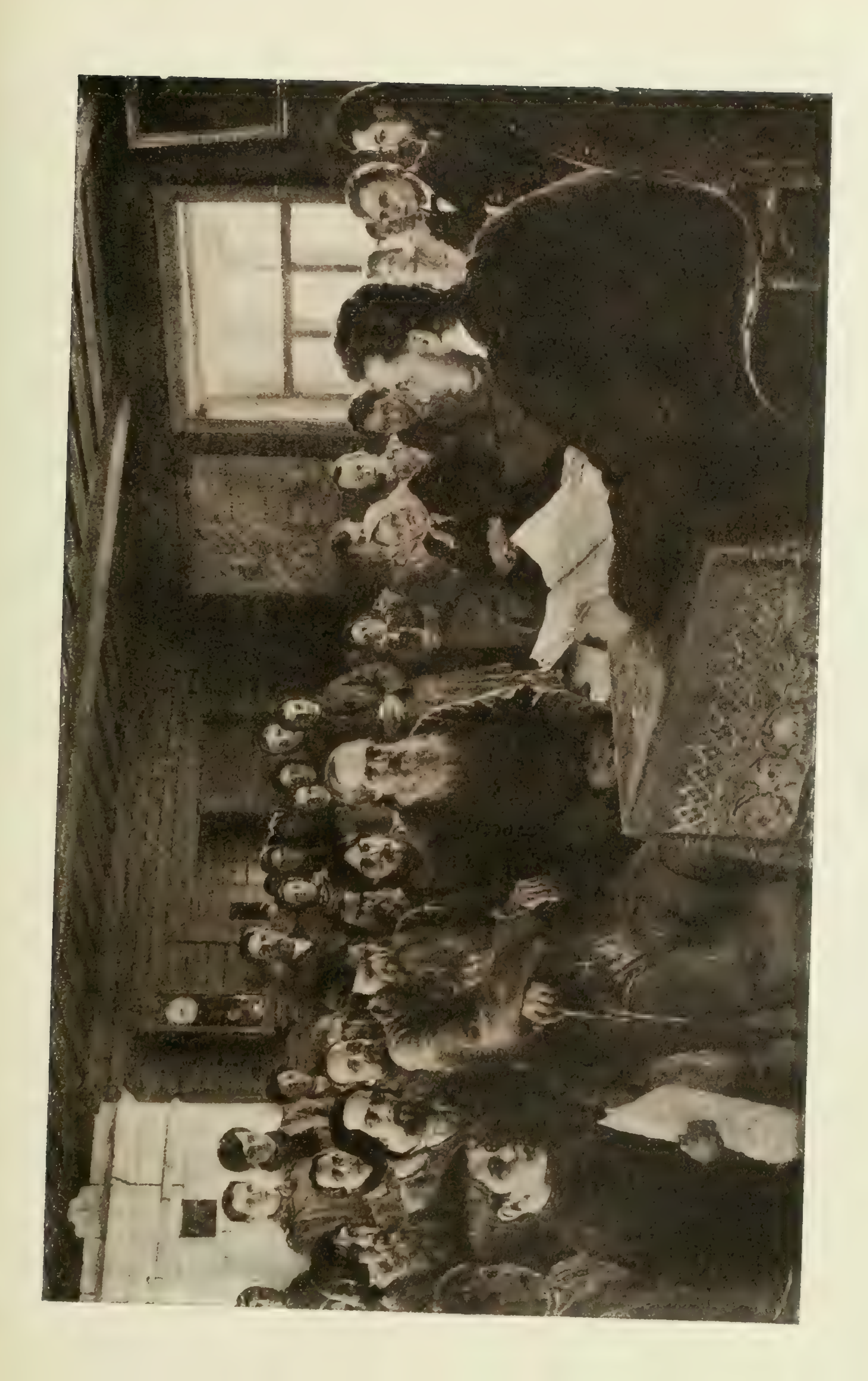
Такъ говорили о себѣ крестьяне одной изъ голодающихъ деревень, въ которыхъ работалъ В. Г. Короленко („Въ голодный годъ"). Художникъ констатируетъ совершившееся уже разслоеніе деревни. Въ ней уже нѣтъ того „мужика, единаго и нераздѣльнаго, просто мужика", на которомъ старые народники воздвигали церковь свою. Здѣсь „есть Ѳедоты, Иваны, бѣдняки, богачи, нищіе и кулаки, добродѣтельные и порочные, заботливые и пьяницы... хозяева и работники". Община была ареною раздоровъ, изъ которыхъ побѣдителями выходили кулаки, а „мірской разумъ" ея проявился развѣ только въ распыленіи благотворительной помощи „по душамъ", совершенно независимо отъ того, нуждается ли „душа" въ помощи или нѣтъ.

Новый опытъ сближенія съ деревней не удался. Къ тому же властвующій въ деревнѣ хищникъ очень ревниво относился къ своему безотвѣтственному положенію и при содѣйствіи неизмѣнно къ нему расположенной администраціи энергично вооружался противъ всякихъ попытокъ даже наиблагонамѣреннѣйшаго культуртрегерства.

И все таки голодный годъ былъ годомъ перелома въ жизни Россіи. Національное бѣдствіе пробудило къ жизни общественное сознаніе интеллигенціи, и она дѣятельно принялась за перестройку своего міросозерцанія. Фундаментъ для этой работы уже былъ готовъ. Онъ заложенъ былъ еще въ началѣ 80-хъ гг. группою „Освобожденіе труда“, которую составили отколовшіеся отъ революціоннаго народничества Г. В. Плехановъ, П. Б. Аксельродъ и др. Въ первомъ же выступленіи этой группы, въ брошюрѣ „Соціализмъ и политическая борьба“ (1883 г.), Плехановъ призывалъ вернуться къ западнической традиціи и признать, что Россія, вопреки желаніямъ народниковъ, развивается и должна будетъ развиваться по тѣмъ же самымъ законамъ, по которымъ развиваются и всѣ остальныя страны. До голоднаго года русская интеллигентная молодежь очень слабо реагировала на этотъ призывъ. Но теперь она горячо откликнулась на него, и пропаганда научнаго соціализма, до сихъ поръ совершавшаяся только при посредствѣ заграничныхъ печатныхъ станковъ, перекинулась въ Россію, приковавъ къ себѣ общее вниманіе. Появились „Критическія замѣтки“ П. Б. Струве (1894 г.), „Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію“ Бельтова-Плеханова (1895 г.), и вслѣдъ за этимъ закипѣла энергичная теоретическая работа на страницахъ періодической печати, въ ученыхъ обществахъ и кружкахъ молодежи. Въ полемикѣ съ марксизмомъ оживилось и народничество. Но беллетристика, такъ чутко отражавшая раньше всѣ фазы и оттѣнки народничества, теперь не пошла ему навстрѣчу.

Напротивъ. Каждое новое, сколько-нибудь поднимающееся надъ общимъ уровнемъ художественное произведеніе рвало съ народническими традиціями и идеалами. И, какъ это ни странно, застрѣльщикомъ въ этой своеобразной полемикѣ выступилъ Чеховъ, вообще старательно уклонявшійся раньше отъ какого бы то ни было касанія къ злобамъ дня. Я имѣю въ виду разсказъ Чехова „Мужики“, появившійся въ **1896 г.**

Собственно говоря послѣ тѣхъ картинъ деревенскаго разоренія и убожества, которыя даны были въ произведеніяхъ Гл. Успенскаго, Щедрина и Каронина, деревня Чехова едва ли могла бы кого-нибудь удивить. Жутко, разумѣется, заглянуть въ эту безпросвѣтную тьму, въ которой нужда и заботы довели человѣка до полнаго озвѣрѣнія. Жутко при мысли, что даже тысячелѣтняя христіанская культура прошла мимо поселка Жукова, не оставивъ въ сознаніи его жителей сколько-нибудь твердыхъ представленій о Богѣ, о Христѣ, о религіи. Но къ такого рода жанру читатель Чехова былъ до нѣкоторой степени подготовленъ. Да и не въ этомъ суть. Интересъ разсказа въ томъ, что зоологической культурѣ деревни противопоставляется трактирная,—въ буквальномъ смыслѣ слова, трактирная,—городская цивилизація, надъ которой въ свое время такъ охотно издѣвались народники, и городу, даже въ его подонкахъ, отдается безспорное преимущество. Лакей мо-

сковской гостиницы Николай Чикильдѣевъ тяжело заболѣлъ на своей изнуряющей службѣ и съ женой Ольгой и дочерью возвращается въ родную деревню на поправку. Здѣсь, уже отвыкнувъ отъ деревни, онъ сталкивается съ такими сценами нищеты и дикости, что ему становится стыдно передъ женою и дочерью за своихъ родителей, за свою деревню. Измученный, умирающій, онъ все же готовъ бѣжать отсюда, гдѣ нищету, грязь и грубость онъ воспринимаетъ, какъ оскорбленіе своей человѣческой личности. Бѣжать ему не удалось: онъ умеръ. Но вдова съ дѣвочкой поспѣшила покинуть деревню. Бывали часы и дни, когда ей казалось, что мужики „живутъ хуже скотовъ, жить съ ними было страшно; они грубы, нечестны, грязны, нетрезвы, живутъ несогласно, постоянно ссорятся, потому что не уважаютъ, боятся и подозрѣваютъ другъ друга“. Правда, Ольга сумѣла найти оправданіе крестьянамъ въ ихъ тяжеломъ трудѣ и оторванности отъ міра, но жить въ такой обстановкѣ она все-таки не могла. Культурно-общественное вліяніе города, несмотря даже на неблагопріятныя условія жизни въ столицѣ, отразились на ней, какъ и на ея покойномъ мужѣ, повышенной чуткостью къ формамъ отношеній.

А. П. Чеховъ (Браза).

Вокругъ „Мужиковъ“ Чехова разыгралась между народниками и марксистами цѣлая литературная битва. Но не успѣло еще остыть впечатлѣніе, произведенное разсказомъ Чехова, какъ страсти снова разгорѣлись и битва возобновилась съ новой силой. На этотъ разъ поводомъ послужилъ разсказъ еще начинавшаго въ то время писателя В. В. Вересаева „Повѣтріе“. Надобно замѣтить, что „Повѣтріе“ является какъ бы продолженіемъ болѣе ранняго разсказа того же автора — „Безъ дороги“, — еще обвѣяннаго народническими настроеніями. Врачъ Чекановъ, идеалистъ съ утраченными идеалами, мучится угрызеніями совѣсти подъ вопрошающими пристальными взглядами своей двоюродной сестры Наташи, живой и дѣятельной натуры. Наташа ищетъ у него отвѣтовъ на вопросы о смыслѣ и путяхъ жизни. И Чекановъ на эти нетерпѣливыя исканія дѣвушки сумѣлъ отвѣтить только

совѣтомъ поступить въ сельскія учительницы. Онъ самъ чувствуетъ въ своемъ отвѣтѣ фальшь и фразу, но ничего иного указать Наташѣ не можетъ. Наташа остается „безъ дороги“, а Чекановъ во время холерныхъ безпорядковъ погибаетъ героической смертью подъ ударами тѣхъ, кому онъ шелъ помогать и служить.

Въ „Повѣтріи“, написанномъ три года спустя послѣ перваго разсказа, Вересаевъ снова возвращается къ Наташѣ. Эти три года она наполнила богатымъ содержаніемъ: побывала сестрой милосердія во время холеры на югѣ Россіи, съѣздила за границу, потомъ училась на курсахъ въ Петербургѣ. Она похудѣла и поблѣднѣла, но вмѣсто прежней порывистой дѣвочки съ широкими, но смутными запросами, Наташа предстала теперь передъ старымъ другомъ своимъ Троицкимъ вполнѣ сложившимся человѣкомъ, твердо опредѣлившимъ свое мѣсто въ жизни. Жалобамъ Троицкаго на черствость и безсердечность наступившаго времени она, вмѣстѣ со своими новыми друзьями, противопоставляетъ утвержденіе, что „время хорошее и чрезвычайно интересное“. Въ бесѣдѣ на теоретическія темы она горячо отстаиваетъ марксистскую позицію. И какъ ни жалѣетъ Наташу старый народникъ, какъ ни тяжело ему теоретическое отчужденіе Наташи, но онъ чувствуетъ, что отъ нея вѣетъ бодростью, энергіей и счастіемъ: она нашла дорогу и вѣритъ въ жизнь.

Оба эти разсказа касаются исключительно интеллигентскаго быта и психики, но они должны быть отмѣчены здѣсь, потому что знаменуютъ, какъ и появившійся вскорѣ разсказъ Е. Н. Чирикова „Инвалиды“, поворотъ беллетристики, которая отнынѣ, въ давнишней тяжбѣ города съ деревней, рѣшительно становится на сторону перваго.

Писатель интеллигенціи по преимуществу, Вересаевъ охотно, впрочемъ, дѣлаетъ экскурсію также и въ крестьянскую и въ городскую рабочую среду, при чемъ, въ полномъ соотвѣтствіи съ новыми началами, послѣдней отдаетъ явное предпочтеніе. Въ разсказѣ „Лизаръ“ художникъ рисуетъ обнищавшаго мужика-пахаря, который жалуется на тѣсноту и всѣ свои надежды возлагаетъ на голодъ, эпидеміи и войны. Съ его точки зрѣнія, всѣ эти народныя бѣдствія посылаются Господомъ - Батюшкой изъ любви къ людямъ, чтобы, разрѣжая отъ времени до времени населеніе, обезпечить жизнь остающимся. Лизаръ враждебно поэтому относится къ врачебной помощи, которая де только мѣшаетъ заботамъ Господа-Батюшки о мужицкомъ благополучіи. Расположеніе Бога къ отдѣльнымъ семьямъ оцѣнивается Лизаромъ при помощи той же мѣрки: „если чей Богъ хорошій, то прибираетъ къ себѣ,—значитъ, сокращаетъ семейство“. „Этому жалкому царю жизни“, съ его упорной мечтою о собственномъ сокращеніи, Вересаевъ въ другомъ разсказѣ какъ бы противопоставляетъ рабочее населеніе города, тоже забитое нуждою, но жадно и упорно рвущееся къ жизни и къ свѣту.

И когда Горькій, въ 90-хъ гг. прошлаго столѣтія, показалъ людей съ такой шеей, „на которую ни одинъ хомутъ не подходитъ", онъ сразу сталъ самымъ популярнымъ у насъ писателемъ. Имъ, дерзко и своевольно сбросившимъ съ себя всякія путы обязанностей и долга и провозгласившимъ силу освобожденной личности единственнымъ творческимъ началомъ жизни, зачитывались и увлекались люди самыхъ разнообразныхъ слоевъ и положенія. Общее недовольство застывшими формами жизни, протестъ противъ режима, безцѣльно сковывающаго живую личную иниціативу и самодѣятельность, выдвинули Горькаго, какъ истиннаго выразителя думъ и настроеній современности, потому что въ его буйномъ индивидуализмѣ чувствовался бунтъ освобождающейся личности.

В. Г. Короленко (Ярошенко).

Деревня въ эту пору особенно раздражала Горькаго и его воинствующихъ героевъ. Она должна была представляться ему какой-то заколдованной крѣпостью, гдѣ сошлись и господствуютъ надъ порабощеннымъ человѣкомъ всѣ небесныя и земныя власти: власть авторитета, власть традицій, власть земли, власть міра, власть денегъ и т. д., и т. д. И онъ старательно обходитъ деревню околицами и только мимоходомъ швыряетъ въ мужиковъ своими выразительными эпитетами и афоризмами. „Жадные рабы", „землеѣды тупорылые", „дворяне отъ сохи", — таковы мелькающія въ очеркахъ Горькаго мужицкія физіономіи.

„Я, видишь ты, мужиковъ не люблю... они сволочи!—отзывается о „тупорылыхъ" босякъ Сережка.—Они прикинутся сиротами, имъ и хлѣба даютъ и... все!.. Хозяйство у нихъ, земля, скотъ... Бродяжилъ я по землѣ много... Придешь, бывало, въ деревню, попросишь хлѣба—цапъ тебя... Кто ты, да что ты, да подай паспортъ!.."

Такая злостная и, конечно, въ корнѣ несправедливая оцѣнка крестьянства можетъ быть оправдана только бунтарской вспышкой, которой она и вызвана. Самъ Горькій къ началу нынѣшняго столѣтія уже внесъ рядъ оговорокъ въ свою оцѣнку. И въ это же время другіе беллетристы пишутъ картины деревни безъ всякихъ преувеличеній въ ту или иную сторону. Спокойно и безпристрастно характеризуетъ деревню въ повѣсти „Василій Ѳивейскій" Л. Андреевъ, выступившій въ литературѣ вскорѣ послѣ Горькаго. Въ немъ нѣтъ и тѣни того буйнаго индивидуализма, который такъ типиченъ для перваго творческаго періода Горькаго Андреевъ—индивидуалистъ-скептикъ, и мысль его, тяготѣющая къ абстракціямъ, жадно ищетъ послѣднихъ обобщеній. Въ строгой обобщенности рисунка и заключается цѣнность написанной имъ картины. Художника поражаетъ несоотвѣтствіе громадныхъ усилій, затраченныхъ русскимъ крестьяниномъ на свое жизнестроительство, съ ничтожностью полученныхъ результатовъ. Какъ бы оглядываясь въ отдаленное прошлое крестьянства, Андреевъ указываетъ на его крѣпкую, стихійную волю къ такому же стихійному, могучему творчеству, на его ясный, слегка насмѣшливый умъ, на его почти звѣриную выносливость. „Онъ могъ, казалось, перевернуть самую землю, на которой неуклюже, но крѣпко стояли его ноги. А въ дѣйствительности происходило такъ: былъ онъ постоянно голоденъ, голодала его жена, и дѣти, и скотина; и замутившійся умъ его блуждалъ, какъ пьяный, не находящій дверей своего дома. Въ отчаянныхъ потугахъ что-то построить, что-то создать, онъ распластывался по землѣ — и все разсыпалось, все валилось, все отвѣчало ему дикой насмѣшкой и глумленьемъ... Казалось, что слезы не должны были высыхать на глазахъ этого человѣка, крики гнѣва и возмущенія не должны были замирать на его устахъ,—а вмѣсто того онъ былъ постоянно веселъ и шутливъ"...

Этотъ обобщенный образъ русскаго мужика цѣненъ тѣмъ, что въ него укладываются вѣка исторической жизни крестьянства. Но по той же причинѣ въ него не могла умѣститься одна частность, быть-можетъ, ничтожная въ вѣкахъ, но очень значительная и важная для того времени, когда была написана повѣсть. Дѣло въ томъ, что предреволюціонный вихрь, который, какъ мы видѣли, охватилъ города Россіи, донесся теперь и до ея глубокихъ нѣдръ. Веселость и шутливость покинули деревню, и вмѣсто нихъ воцарилось угрюмое ожиданіе какихъ-то серьезныхъ, но пока еще невыяснившихся событій.

Беллетристика внесла эту необходимую поправку къ характеристикѣ Андреева. Внесла рукою И. А. Бунина въ томъ же (1903) году и даже въ томъ же сборникѣ „Знанія", гдѣ напечатанъ былъ и „Василій Ѳивейскій".

„Тишина и запустѣніе. Уже не оскудѣніе, а запустѣніе" — такъ начинается маленькій по размѣрамъ, но значительный по содержанію очеркъ Бунина „Черноземъ". Съ первыхъ же страницъ очерка читатель убѣждается,

что художникъ не даромъ подчеркнулъ „запустѣніе“, — лучшаго слова для опредѣленія показаннаго имъ уголка жизни и въ самомъ дѣлѣ не подберешь. Что же касается „тишины“, то въ ней ясно чувствуется заложенная возможность и даже необходимость готовой вотъ-вотъ разразиться грозы. Про себя мужики уже знаютъ что-то и о чемъ-то переговариваются другъ съ другомъ, но знаніе свое покуда что не открываютъ постороннимъ.

— «И какъ вы только живете тутъ?—удивляется посторонній.

Корней завертываетъ цыгарку, глядя на землю, и долго молчитъ. Потомъ сдержанно отвѣчаетъ:

— «Живемъ пока...

— «То-есть какъ «пока»? А потомъ-то что жъ?

— «Потомъ—что Богъ дастъ. Все что-нибудь будетъ.

— «Что же?

— «Да что-нибудь будетъ... Не вѣкъ же тутъ сидѣть,—чертямъ оборки вить! Разойдется народъ по другимъ мѣстамъ, либо еще какъ...

— «А какъ?..»

Корней хмурится и молчитъ и только на повторный вопросъ уже совсѣмъ хмуро отвѣчаетъ: „Тамъ видно будетъ“.

Въ вагонѣ мужики таинственно бесѣдуютъ о какихъ-то пророческихъ снахъ и видѣніяхъ. Но когда посторонній обнаружилъ интересъ къ ихъ бесѣдѣ, одинъ изъ нихъ поднялъ на него сумрачно-злые глаза и сипло сказалъ:

— «А тебѣ, господинъ, что надо?

— «Послушать хотѣлъ,—отвѣтилъ посторонній.

— «Не господское это дѣло мужицкія побасенки слушать,—былъ суровый отвѣтъ мужика».

Тотъ, кто слѣдилъ за русской беллетристикой предреволюціонной эпохи, знаетъ, съ какою барометрической точностью она отмѣчала всѣ измѣненія въ давленіи нашей общественной атмосферы.

Историкъ этой эпохи, основываясь на показаніяхъ беллетристики, могъ бы не только воспроизвести общую картину нарастанія въ странѣ революціонной энергіи, но даже въ подробностяхъ установить, когда, какъ и при какихъ условіяхъ втягивались въ этотъ стихійный процессъ отдѣльные соціальные классы и группы. Подслушанное Бунинымъ многозначительно-угрюмое молчаніе деревни свидѣтельствовало о томъ, что и она находится уже въ смутномъ ожиданіи событій, тревожнымъ предчувствіемъ которыхъ жило въ ту пору все городское населеніе Россіи. Революція назрѣвала и готовилась увлечь въ свою взволнованную стихію всю націю...

VIII.

Революція была и кончилась. Кончилась, не реализовавъ даже достигнутыхъ уже, казалось, результатовъ, потому что единодушіе настроенія было разбито и разрушено непримиримостью интересовъ.

И во всякомъ случаѣ, если можно говорить и спорить о политическихъ завоеваніяхъ революціи, то поставленные ею на очередь соціальные вопросы,— вопросъ рабочій и крестьянскій,— не получили разрѣшенія. Отвѣтомъ на нихъ была реакція, къ которой поспѣшила примкнуть въ той или иной формѣ и либеральная буржуазія, испуганная настойчивостью рабочихъ и неожиданной активностью крестьянъ. Этимъ послѣднимъ реакція принесла пока что только законъ 9 ноября, насильственно разрушающій тѣ самыя формы жизни, которыя насильственно же, въ теченіе десятковъ лѣтъ передъ этимъ, насаждались и поддерживались правительствомъ

Какъ же приняло крестьянство этотъ законъ? Что думаетъ оно вообще о своихъ судьбахъ и въ какую сторону направляетъ оно свою созидательную энергію?

На эти вопросы современная беллетристика пока еще не дала сколько-нибудь опредѣленнаго и убѣждающаго отвѣта. Очевидно, что такого отвѣта и нѣтъ сейчасъ, что и въ жизни онъ находится еще in statu nascendi.

Одно можно сказать: что однажды сдвинутая въ дни революціи смятенная, ищущая крестьянская мысль не остановилась, не успокоилась. Объ этомъ свидѣтельствуетъ вся современная беллетристика, несмотря на крайнее расхожденіе отдѣльныхъ писателей въ оцѣнкѣ самаго факта. Муйжель и Блокъ, М. Горькій и Андрей Бѣлый, Бунинъ и Сергѣевъ-Ценскій, Зайцевъ и Крюковъ—всѣ они сходятся въ утвержденіи этого факта. Это же сближаетъ съ ними и Родіонова, хотя во всѣхъ другихъ отношеніяхъ авторъ злостно-тенденціозной книги—„Наше преступленіе"—занимаетъ въ нашей беллетристикѣ совершенно особое, изолированное положеніе.

У большинства изъ названныхъ писателей мы можемъ найти указанія на серьезную, часто разрушительную критику, которой современная крестьянская мысль подвергаетъ старыя деревенскія традиціи и рутину. „Дѣды, говоришь? Установлено? — возмущается молодой крестьянинъ Лаптевъ (въ разсказѣ Муйжеля „Пока"), когда его собесѣдникъ сослался на старыя дѣдовскія традиціи.—Я твоихъ этихъ самыхъ дѣдовъ... онъ грубо выругался и плюнулъ,—вотъ что я твоихъ дѣдовъ хочу... Старые дураки, объегорили ихъ, дубы столѣтніе—дѣды. Старые кобели—только лбомъ колотить умѣли, а мы—разворачивайся!.."

Старый дурновецъ Тихонъ Ильичъ—въ повѣсти Бунина „Деревня"—не менѣе рѣзко отзывается о деревенской рутинѣ. „Ты подумай только, — говоритъ онъ брату:—пашутъ цѣлую тысячу лѣтъ,—да что я! больше!—а пахать путемъ — то-есть ни единая душа не умѣетъ! Единственное свое дѣло не умѣютъ дѣлать! Не знаютъ, когда въ поле надо выѣзжать, когда надо сѣять, когда косить. „Какъ люди, такъ и мы" — только и всего. Замѣть! „Какъ люди, такъ и мы". Хлѣба ни единая баба не умѣетъ спечь, верхняя корка вся къ чорту отваливается, а подъ коркой кислая вода!" и т. д.

Такое же критическое направленіе крестьянской мысли подчеркиваетъ въ повѣстяхъ „Исповѣдь“ и „Лѣто“ — М. Горькій. Характеризуя группу деревенскихъ подростковъ, онъ говоритъ о нихъ, что это „человѣки все больше серьезные, хмурые, вдумчивые; они нутромъ понимаютъ силу грамоты и на отцовъ смотрятъ косо, неодобрительно“.

Въ этихъ же повѣстяхъ Горькій дѣлаетъ интересныя попытки разобраться и въ положительномъ содержаніи современной крестьянской мысли. И если многія обобщенія художника въ этой области представляются недостаточно обоснованными и мало убѣдительными, то основное положеніе его заслуживаетъ самаго серьезнаго отношенія. Горькій констатируетъ именно сближеніе современной деревни съ городомъ и въ этомъ сближеніи огромную роль приписываетъ городской пролетарской мысли и пролетарскому вліянію.

Вл. Кранихфельдъ.

Околица (Переплетчикова).

УКАЗАТЕЛЬ РИСУНКОВЪ, ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ „ВЕЛИКОЙ РЕФОРМѢ“ *).

I. Портреты.

*) Рисунки, выдѣленные жирнымъ шрифтомъ, помѣщены на отдѣльныхъ листахъ.

II. Дворянская жизнь

1) Усадьбы.

2) Типы и бытъ.

III. Крестьянская жизнь.

1) Типы.

2) Деревни и постройки.

3) Экономическая сторона.

4) Переселеніе.

5) Фабрика.

6) Правовая сторона.

7) Крестьянскія волненія.

8) Бытъ.

IV. Реформа 19 февраля 1861 г.

V. Знаки, медали, памятники и т. п.

VI. Факсимиле

VII. Карикатуры, не вошедшія въ другіе отдѣлы.

VIII. Разныя.

ОГЛАВЛЕНІЕ VI ТОМА.

